

ШЕСТОЙ ПРОЦЕСС МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА

**ШЕСТОЙ ПРОЦЕСС
МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА**

Серия: Крымскотатарское национальное движение

ШЕСТОЙ ПРОЦЕСС МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА

(Материалы следствия и запись судебного процесса)

1983 — 1984 гг.

г.Ташкент

г. Симферополь
2001 г.

Книга издается при содействии Фонда имени Ходжа Ахмеда Ясеви (Турция) и президента клуба "Шахтер" (Украина) Рината Ахмедова.

Ву китар Ahmet Hoca Yaseve Vakfi (Türkiye) ve "Şahtyor" (Ukrayna) sporklubu başkanı Rinat Ahmedov'in yardımlarınen yayınlanmaktadır.

Ш51 *Шестой процесс Мустафы Джемилева.* Материалы следствия и запись судебного процесса. 1983—1984 гг. Ташкент. — Симферополь: 2001. — 496 с. На русском языке.
ISBN 966-7283-84-4 ББК 66.3

Данная книга содержит материалы 6-го процесса над участником Крымскотатарского национального движения Мустафой Джемилевым, где дается опись материалов предварительного следствия, судебного процесса и обвинительного приговора.

Ш51 *Шостий процес Мустафи Джемільова.* Матеріали слідства і запис судового процесу. 1983—1984 рр. Ташкент. — Сімферополь, 2001. — 496 с. Російською мовою.
ISBN 966-7283-84-4 ББК 66.3

В цій книзі містяться матеріали 6-го судового процесу над учасником Кримськотатарського національного руху Мустафою Джемільовим, подано опис матеріалів попереднього слідства, судового процесу та обвинувального вироку.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 8

Предисловие (Н.Белицер) 9

Часть I. Следствие

I. Опись материалов предварительного следствия по делу № 25050

том 1	12
том 2	21
том 3	32
том 4	45
том 5	58

II. Некоторые документы предварительного следствия

1. Протокол обыска в доме М.Джемилева от 1 февраля 1983 г.	74
2. Постановление о производстве обыска в доме Джемилева Асана от 27 января 1983 г.	77
3. Протокол обыска в доме Джемилева Асана от 1 февраля 1983 г.	78
4. Постановление о выделении части материалов из уголовного дела	85
5. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении М.Джемилева.	86
6. Постановление о производстве обыска в доме Джемилева Мустафы от 16.07.1983 г.	87
7. Протокол обыска в доме Джемилева Мустафы от 18.07.1983 г.	88
8. Постановление о привлечении М.Джемилева в качестве обвиняемого от 21.07.1983 г.	93
9. Поручение следователя В.Азаряна гл. редактору журнала «Йылдыз» Ш.Алядинову от 26.07.1983 г.	93
10. Отзыв работников журнала «Йылдыз» на стихотворение Ш.Эльчина «Бахчисарайский фонтан» от 10.08.1983 г.	94
11. Отзыв работников Института языка и литературы АН УзССР на поэму Ш.Эльчина «Бахчисарайский фонтан»	94
12. Письмо начальника Керченской паромной переправы прокурору Краснодарского края от 9 июня 1983 г.	95
13. Постановление следователя В.Азаряна о признании Керченской переправы гражданским истцом по делу от 6.10.1983 г.	96
14. «Представление» следователя В.Азаряна по делу Синавсра Кадырова	97
15. Письмо следователя В.Азаряна в КГБ УзССР по делу Фуата Аблямитова	98
16. Заключение по судебно-автороведческой экспертизе от 12.10.1983 г.	99
17. Заключение экспертизы по содержанию материалов по уголовному делу в отношении М.Джемилева от 31.10.1983 г.	100
18. Постановление об аресте Мустафы Джемилева	104
19. Санитарные правила устройства и содержание кладбищ в СССР	105
20. Инструкция о порядке захоронений и содержании кладбищ в УССР	106
21. Постановление следователя В.Азаряна о привлечении М.Джемилева в качестве обвиняемого от 30.11.1983 г.	107
22. Производственная характеристика на М.Джемилева	110
23. Справка гл.врача санэпидстанции г.Абинска В.Дегтярева от 5 июня 1983 г.	111
24. Расписка зам.начальника УВД г.Керчи подполковника А.Ф.Денисова от 5 июня 1983 г.	111

III . Приобщенные к делу обвинительные материалы, письма, заявления

1. Обращение М.Джемилева к мировой общественности в связи с самосожжением Мусы Мамута в Крыму.	112
2. Документ Московской Хельсинкской группы за № 119 по ситуации в Афганистане от 21.01.1980 г.	113
3. Письмо М. Джемилева в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей» от 26.10.1981 г.	114
4. Поэма турецкого поэта Шюкрю Эльчина «Бахчесарай чешмеси».	115
5. Обращение М.Джемилева ко всем мусульманам в мире в защиту А.Сахарова и Е.Боннер от 5.12.1981 г.	117
6. Обращение крымских татар главам государств-участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.	117
7. Обращение группы крымских татар в Организацию Исламская Конференция, отправленное в июне 1983 г.	122
8. Обращение М.Джемилева к Генеральному прокурору СССР от 18.08.1983 г.	126
9. Из книги В.Маркмана «На краю географии».	131
10. Документ № 1 Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР «О преследовании М.Джемилева».	135
11. Заявление М.Джемилева об отказе от советского гражданства.	137
12. Заявление М.Джемилева по поводу публикации в газете «Вечерний Ташкент».	139
13. «Объяснительная» М.Джемилева начальнику милиции Верхнеколымского района.	146
14. Заявление М.Джемилева прокурору Верхнеколымского района ЯАССР И.Канину от 15 мая 1980 г.	149
15. Заявление М.Джемилева по делу арестованного Решата Джемилева	152
16. Письмо М.Джемилева Вячеславу Черновилу от 11.08.1979 г.	152
17. Письмо М.Джемилева Александру Подрабинеку от 4.11.1979 г.	157
18. Письмо М.Джемилева Александру Подрабинеку от 3.12.1979 г.	160
19. Письмо М.Джемилева А.Д.Сахарову от 12.01.1980 г.	161
20. Письмо М.Джемилева А.Подрабинеку от 19.01.1981 г.	161
21. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 31.01.1980 г.	163
22. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 24.02—9.03.1980 г.	163
22-а. Вопросник А.Подрабинека, направленный М.Джемилеву вместе с письмом от 9.03.1980 г.	165
23. Письмо М.Джемилева А.Подрабинеку от 29 марта 1980 г.	166
24. Письмо М.Джемилева не установленному следствием адресату в Узбекистане от 24.03.1980 г. на английском языке.	168
25. Письмо М.Джемилева Фуату Аблямитову от 6.06.—8.08.1980 г.	169
26. Письмо М.Джемилева Р.Томпсон (Франция) от 25.09.1980 г.	174
27. Письмо М.Джемилева Решату Джемилеву (г.Норильск) от 4.01.1981 г.	175
28. Письмо М.Джемилева Г.М.Александрову (г.Ташкент) от 21.01.1981 г.	176
29. Письмо М.Джемилева Алле Подрабинек от 7.03.1981 г.	177
30. Письмо М.Джемилева Ларри Маргитич (Бостон, США) от 25.11.1981 г.	180
31. Письмо М.Джемилева Аблямитову Фуату (Ташкент) от 7.04.1982 г.	181
32. Письмо М.Джемилева И.Гривниной от 27.04.1982 г.	183
33. Письмо М.Джемилева Алексею Смирнову-Костерину (Москва) от 27.05.1982 г.	184
34. Письмо М.Джемилева Алле Подрабинек от 28.05.1982 г.	185
35. Письмо М.Джемилева Ирине Гривниной от 12.06.1982 г.	186
36. Письмо М.Джемилева Александру Шустеру (Москва) от 26.09.1982 г.	188
37. Письмо М.Джемилева Юрию Белову (Франкфурт, ФРГ) от 10.10.1982 г.	190
38. Письмо М.Джемилева Николь Картан (Франция) от 27.10.1982 г.	190
39. Письмо М.Джемилева А.Подрабинеку от 28.10.1982 г.	191
40. Письмо М.Джемилева И.Гривниной от 18.11.1982 г.	192

41. Письмо М.Джемилева Александру Шустеру (г.Москва) от 25.11.1982 г.	193
42. Письмо Г.М.Александрова руководителю издательства «ИМКА-Пресс» Н.А.Струве (Париж).	194
43. Письмо М.Джемилева Джеппару Акимову от 6.02.1983 г.	195
44. Письмо М.Джемилева Эрику Кудусову (г.Москва) от 19.02.1983 г.	197
45. Письмо М.Джемилева Елене Костериной (Москва) от 19.02.1983 г.	197
46. Письмо М.Джемилева Александру Шустеру (г.Москва) от 19.02.1983 г.	198
47. Письмо М.Джемилева Аве Азаматовой от 19.03.1983 г.	200
48. Письмо М.Джемилева Аве Азаматовой (ст.Тамань) от 7.07.1983 г.	203
49. Письмо М.Джемилева Аве Азаматовой (ст.Тамань) от 28.07.1983 г.	204
50. Содержание книги А.Григоренко «А когда мы вернемся...»	205

IV. Показания свидетелей

1. Показания свидетеля Мороз П.И. Рапорт Мороз П.И. от 5.06.1983 г.	208
Из протокола допроса Мороз П.И. от 22.09.1983 г.	209
2. Показания Рудневой В.З. Из «рапорта» Рудневой В.З. от 5.06.1983 г.	210
Из протокола допроса Рудневой В.З. от 6.10.1983 г.	210
3. Показания Кулагиной Г.Д. Из «рапорта» Кулагиной Г.Д. от 5.06.1983 г.	211
Из протокола допроса Кулагиной Г.Д. от 6.10.1983 г.	211
4. Показания Иванова М.Г. Из «рапорта» Иванова М.Г. от 5.06.1983 г.	212
Из протокола допроса Иванова М.Г. от 6.10.1983 г.	212
5. Показания Гудзь В.П. Из «рапорта» Гудзь В.П. (без даты)	212
Из протокола допроса Гудзь В.П. от 21.09.1983 г.	213
6. Показания Дереева Г.Г. Из «рапорта» Дереева Г.Г. от 7.06.1983 г.	214
Из протокола допроса Дереева Г.Г. от 25.09.1983 г.	214
7. Показания Зубова Н.Г. Из «рапорта» Зубова Н.Г. (без даты)	215
Из протокола допроса Зубова Н.Г. от 25.09.1983 г.	215
8. Показания Гусельникова С.А. Из «рапорта» Гусельникова С.А. от 6.06.1983 г.	217
Из протокола допроса Гусельникова С.А. от 27.09.1983 г.	217
9. Показания Зайцева В.П. Из «рапорта» Зайцева В.П. от 5.06.1983 г.	218
Из протокола допроса Зайцева В.П. от 22.09.1983 г.	220
10. Из протокола допроса Кулиш М.И. от 23.09.1983 г.	222
11. Из протокола допроса Денисова А.Ф. от 5.10.1983 г.	223
12. Протокол допроса Шаман Д.Р. от 27.09.1983 г.	224
13. Из протокола допроса Добровольского А.В. от 27.09.1983 г.	225
14. Протокол допроса Джемилева Асана от 19.08.1983 г.	225
15. Из протокола допроса Азаматовой Авы (без даты)	227
16. Протокол допроса Азаматовой Авы от 28.11.1983 г.	229
17. Из протокола допроса Абдуллаева Икмета от 21.10.1983 г.	229
18. Из протокола допроса Усеинова Февзи от 26.09.1983 г.	231
19. Из протокола допроса Чайлак Рефата от 26.09.1983 г.	232
20. Из протокола допроса Сеитвелиева Ризы от 26.09.1983 г.	234
21. Из протокола допроса Асанова Амета от 26.09.1983 г.	235
22. Из протокола допроса Измаилова Халила от 27.09.1983 г.	237

23. Из протокола допроса Аметова Ильми от 27.09.1983 г.	238
24. Из протокола допроса Бариева Айдера от 28.09.1983 г.	239
25. Из протокола допроса Джемилева Анафи от 16.11.1983 г.	240
26. Из протокола допроса Томакова Амета-Мустафа от 24.11.1983 г.	241
27. Из протокола допроса Мустафаева Гани от 20.08.1983 г.	242
28. Из протокола допроса Аблязизова Дилявера от 5.12.1983 г.	243
29. Из протокола допроса Ганиева Сервера от 5.12.1983 г.	243
30. Протокол допроса Аблаева Решата от 23.02.1983 г.	244
31. Протокол дополнительного допроса Аблаева Решата от 2.09.1983 г.	244
32. Протокол дополнительного допроса Аблаева Решата от 7.12.1983 г.	246
33. Протокол допроса Сеитвапова Эбазера от 10.08.1983 г.	247
34. Протокол дополнительного допроса Сеитвапова Эбазера от 1.10.1983 г.	249
35. Из протокола допроса Сеитваповой Заремы от 1.10.1983 г.	252
36. Из протокола допроса Сеутовой Сабрие от 4.08.1983 г.	253
37. Протокол допроса Сеутова Сервера от 29.11.1983 г.	253
38. Из протокола допроса Ибраимовой Эльмиры от 5.08.1983 г.	255
39. Из протокола допроса Файзиева С.Х. от 12.04.1983 г.	256
40. Из протокола допроса Кадырова Синавера от 4.04.1983 г.	256
41. Из протокола дополнительного допроса Кадырова Синавера от 12.04.1983 г.	256
42. Протокол допроса Музафарова Рефика от 11.08.1983 г.	257
43. Из протокола допроса Алядинова Шамиля от 16.11.1983 г.	257
44. Из протокола допроса Аблямитова Фуата от 4.08.1983 г.	258
45. Из протокола допроса Муратова Решита от 17.11.1983 г.	258
46. Из «Выписок из протокола допроса подозреваемого Александра Г.М.»	259
47. Протокол допроса Шустера А.Л. от 17.09.1983 г.	260
48. Протокол допроса Лазаренко В.М. от 30.08.1983 г.	261

V. Показания Мустафы Джемилева

Протокол допроса в качестве свидетеля по делу А.Подрабиника от 28.07.1983 г.	263
Протокол допроса в качестве свидетеля по делу Мурахас Нурфета от 15.02.1983 г.	264
Протокол допроса в качестве свидетеля по делу Александра Г.М. от 22.04.1983 г.	266
Протокол допроса в качестве подозреваемого по ст.191-4 УК УзССР от 20.07.1983 г.	270
Протокол допроса в качестве обвиняемого от 21.07.1983 г.	273
Протокол допроса в качестве обвиняемого от 24.08.1983 г.	274
Протокол допроса обвиняемого М.Джемилева от 10.09.1983 г.	281
Протокол дополнительного допроса обвиняемого М.Джемилева от 30.11.1983 г.	285
Протокол допроса обвиняемого М.Джемилева от 30.11.1983 г.	289

Часть II. Судебный процесс

Обвинительное заключение	292
---	------------

Запись судебного процесса

<i>День первый. 3 февраля 1984 г. . . . .</i>	<i>323</i>
---	------------

<i>День второй. 6 февраля 1984 г. . . . .</i>	<i>332</i>
---	------------

Показания свидетеля Решита Муратова.	333
Показания свидетеля Дереева Геннадия.	335
Показания свидетеля Аблязизова Дилявера.	337
Показания свидетеля Мустафаева Гани.	338
Показания свидетеля Мороз П.И.	342
Показания свидетеля Зайцева В.П.	347

Показания свидетеля Гудзь В.П.	353
Показания свидетеля Сеитвелиева Ризы	356
Показания свидетеля Джемилева Анафи	361
<i>День третий. 7 февраля 1984 г.</i>	362
Показания свидетеля Аблаева Решата	363
<i>День четвертый. 8 февраля 1984 г.</i>	365
Показания эксперта Сарымсакова Б.И.	365
Показания эксперта Хаккулова И.Ч.	367
Показания свидетеля Сеутова Сервера	368
Показания эксперта Расулова А.С.	370
Рассмотрение ходатайств подсудимого	373
Показания эксперта Шайдулина Ф.Т.	375
Показания свидетеля Сеутовой Сабрие	376
<i>День пятый. 9 февраля 1984 г.</i>	378
Показания эксперта Шейнфельд Р.А.	378
Показания подсудимого М.Джемилева	385
<i>День шестой. 10 февраля 1984 г.</i>	401
Продолжение допроса М.Джемилева	401
Речь государственного обвинителя Умаровой	406
<i>День седьмой. 15 февраля 1984 г.</i>	415
Защитительная речь подсудимого М.Джемилева	416
Последнее слово подсудимого М.Джемилева	448
Приговор Ташгорсуда по делу М.Джемилева от 15 февраля 1984 г.	451
После суда	
Кассационное заявление М.Джемилева от 24 февраля 1984 г.	459
Определение Верховного Суда УзССР по делу М.Джемилева от 3 мая 1984 г.	462
Письмо М.Джемилева супруге Сафинар Джемилевой от 8.08.1984 г.	465
* * *	
С.Червонная. «Мустафа Джемилев против империи зла»	473
Публикации, связанные с шестым процессом М.Джемилева	482
Мустафа Джемилев (Биографическая справка)	485
Именной указатель	491

От составителей

Предлагаемый вниманию читателей сборник материалов 6-го процесса М.Джемилева является, пожалуй, самым полным из всех донныне опубликованных материалов судебных процессов над участниками правозащитного и национально-освободительных движений на территории бывшего СССР. Он содержит полную опись исключительно всех материалов предварительного следствия, тексты подавляющего большинства документов, в составлении и распространении которых он обвинялся, тексты многих изъятых при обысках и приобретенных к уголовному делу с целью обоснования обвинения писем, записок и иных материалов, полные тексты или основные выдержки из протоколов допроса обвиняемого и свидетелей, тексты основных следственных документов и экспертных заключений, а также полную запись всего судебного процесса от его начала до вынесения обвинительного приговора, согласно которому М.Джемилев был отправлен на очередные несколько лет в колымские лагеря строгого режима. Прилагаются также «Кассационное заявление» М.Джемилева на приговор суда, определение Верховного Суда Узбекской ССР, оставившего приговор без изменения, а также письмо М.Джемилева своей супруге из магаданской тюрьмы, в котором он описывает свои несколько месяцев после вынесения приговора, и перечень хранящихся в архиве Меджлиса крымскотатарского народа публикаций, связанных с этим процессом.

Несмотря на строгий запрет председательствующего вести какие-либо записи в зале суда, друзьям и близким подсудимого все же удалось полностью восстановить весь процесс. Одни части, невзирая на запреты, были тайно застенографированы сидевшими в зале суда друзьями, еще какая-то часть была записана на пленку тайно пронесенного в зал магнитофона. Довольно подробно запись суда, особенно высказывания судьи, прокурора, свидетелей и экспертов, вел и сам подсудимый. Те фрагменты, которые не удалось записать в зале суда, друзья и близкие подсудимого в те же дни, собираясь в перерывах заседаний, восстанавливали по свежей памяти. Для уточнения некоторых фрагментов, в частности, текстов вынесенных в ходе процесса определений суда, были использованы как официальный протокол суда, так и написанные М.Джемилевым и отправленные в коллегии Верховного Суда УзССР замечания к этому протоколу, где он, высмеивая лживость и безграмотность составленного секретарем суда сфальсифицированного протокола, одновременно излагает, как оно на самом деле обстояло.

Этот сборник должен был появиться на свет ещё много лет тому назад. В книге профессора Эдварда Олворта «Татары Крыма: борьба за выживание», опубликованной на английском языке в США в 1988 году, где были помещены также тексты защитительной речи, последнего слова и некоторые иные материалы шестого процесса М.Джемилева, одновременно сообщалось, что весь сборник «Шестой процесс» будет опубликован в ближайшее время. Об этом же сообщалось в издаваемом в Мюнхене на русском языке бюллетене «Архив Самиздата». Однако сборник так и не был издан ввиду изменившегося в мире политического климата: «холодная война» была окончена, политзэков стали выпускать на свободу...

Впрочем, если бы сборник был издан еще тогда, то он не был бы столь полным. Ведь очень многие материалы, особенно, инкриминируемые документы, письма, заявления, изъятые во время обысков и приобретенные к уголовному делу, приходилось восстанавливать по копиям, которые хранились в спрятанных и перепрятанных архивах активистов Национального движения в различных концах страны. Часть материалов была восстановлена по копиям, полученным из архива радиостанции «Свобода» в Мюнхене, а это стало возможным лишь после распада СССР.

Сегодня этот сборник, возможно, не столь актуален и интересен, как в те советские времена, когда подобного рода книги люди читали, хранили и перепечатывали тайком на пишущей машинке с огромным риском для своей свободы. Но можно уверенно утверждать, что в этом сборнике по крайней мере несколько страниц полувековой истории послевоенного крымскотатарского Национального движения отражены достаточно полно. Очередь за остальными страницами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга содержит материалы шестого (Ташкентского) процесса знаменитого правозащитника и борца с советским режимом Мустафы Джемилева — ныне председателя Меджлиса крымскотатарского народа, народного депутата Украины, члена Комитета Верховной Рады (парламента Украины) по правам человека, национальным меньшинствам и межнациональным отношениям, лауреата престижной международной награды — Медали Нансена 1998 года. Эта книга — не просто бесценный исторический документ той страшной эпохи, сказать о которой правду значило riskовать свободой и самой жизнью. Эпохи, когда «говорить одно, думать другое, а делать третье» стало нормой повседневности. Эпохи, о которой подрастающее поколение имеет довольно-таки смутное представление, уже не основанное, к счастью, на личном опыте. Такая книга нужна нам всем, и в первую очередь для того, чтобы еще раз, внимательно и вдумчиво, попытаться понять и оценить, за что именно и против чего боролся человек, сумевший противопоставить всеильной, казалось бы, репрессивной машине свои собственные принципы и убеждения, представления о личном и национальном достоинстве, веру в полное восстановление поправленных прав своего народа, изгнанного с исторической родины.

Трудно было рассчитывать на победу в этой неравной борьбе с режимом, опиравшимся не только на вездесущий надзорный и карательный аппарат, но и на пассивность того большинства, из которого вроде бы уже удалось создать невиданную в мире «новую историческую общность — советский народ». Открытое диссидентство рассматривалось как разновидность психической патологии — «неспособность социальной адаптации к реальной жизни». И даже те, кто все понимал и ухитрялся получать правдивую информацию, украдкой слушая прорывающиеся сквозь вой глушилок «вражьи голоса» западных радиостанций, предпочитали отводить душу на собственной кухне, в узком кругу родных и близких. Но были и другие, сумевшие преодолеть сковывающий страх, стать внутренне свободными в условиях тотальной несвободы и противопоставить режиму, основанному на репрессиях, страхе и всеобщей лжи, собственные убеждения, веру в правоту своего дела и его неминуемую победу. Именно к таким людям принадлежит Мустафа Джемилев, ярким свидетельством чего являются и публикуемые материалы его Ташкентского процесса 1984 года.

Сохранить эту веру, выстоять, не сдаться и не сломаться, помогли ему не только собственная сила духа, преданность родных и близких, поддержка непосредственных соратников из крымскотатарского Национального движения, но и солидарность тех мужественных людей, которые, независимо от своей национальности, религии, уровня культуры и образования, оказались способными оказать сопротивление преступному режиму и встать на защиту его многочисленных жертв, распространяя о них правдивую информацию по всему миру и привлекая внимание прессы, правительств и международных организаций. В то время давление со стороны окружающего мира было единственной надеждой если не на реформирование тоталитарной системы, то хотя бы на частичные ее уступки при решении судьбы тех «узников совести», имена которых становились известны за рубежом, и спасти которых пытались главы демократических государств, правозащитники, религиозные деятели, лауреаты Нобелевских премий и другие представители мирового сообщества. Именно поэтому в документах, написанных Мустафой Джемилевым и фигурирующих в ходе предварительного следствия и судебного процесса по обвинению в «составлении и распространении документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный строй и его политическую систему», кроме материалов непосредственно по крымскотатарской проблеме, содержится и информация по поводу преследований других диссидентов. Так, в своем обращении «К мировой общественности», опубликованном в сборнике «Шесть дней» (изданном Национальным центром крымских татар в США), Мустафа Джемилев протестует против незаконного лишения гражданства Петра Григоренко и осуждения правозащитника Юрия Орлова, а его обращение «Ко всем мусульманам мира» призывает к спасению сосланных в Горький академика Сахарова, названного «великим гуманистом нашего времени», и его жены Елены Боннэр, жизнь которых подвергалась смертельной опасности во время объявленной ими голодовки.

Вопреки бытующему (и искусственно распространяемому) мнению о неминуемо разрушительном воздействии арестов, процессов, отбывания сроков в тюрьмах, лагерях и ссылках на саму личность политзаключенного, на примере этого процесса отчетливо видно, что мощнейший карательный механизм оказался не в состоянии покорить, сломить или запугать Мустафу Джемилева. По существу, перенесенные испытания лишь укрепляли его дух, помогали яснее видеть и масштабнее оценивать все новые и новые преступления советской власти, тем самым, выводя его деятельность за рамки узко национальной задачи добиться возвращения своего народа на родину.

Становилось ясно, что в рамках существующей системы восстановить справедливость, преодолеть последствия лишь одного из чудовищных злодеяний эпохи невозможно, что разоблачения всей совокупности этих преступлений необходимы для последующего демонтажа всей системы. Поэтому естественной составляющей борьбы Джемилева с советской властью стало решительное осуждение ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, вторжения в Афганистан в 1979, разоблачение советской карательной медицины, преследований по религиозным, национальным и любым другим мотивам. Дав свою оценку этим действиям как преступным, Мустафа Джемилев в ходе Ташкентского процесса 1984 года, казалось бы, сыграл на руку своим обвинителям, снабдив следствие дополнительными материалами для вынесения приговора. Но прошло лишь несколько лет, и в ходе наступившей «перестройки» эти же действия пришлось официально признать преступными или «ошибочными» самим руководителям агонизирующего режима.

А на излете существования СССР началось массовое возвращение крымских татар на Родину. Оно продолжалось и продолжается, несмотря на невероятные трудности репатриации и обустройства на родной земле, несмотря на препятствия, чинимые властями и враждебно настроенным большинством населения Крыма, состоящим преимущественно из послевоенных переселенцев, соответственно обработанных советской пропагандой. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что крымскотатарский народ и его харизматический национальный лидер Мустафа Джемилев в своей многолетней борьбе с режимом оказались победителями.

Нелегко далась эта победа, и далеко не всем еще доступны ее плоды. Но сегодня становится ясным, что массовый характер, высокая степень организованности и принципиально ненасильственный характер борьбы крымскотатарского народа за свои права сделал ее уникальным феноменом советской и постсоветской эпохи, который все еще ожидает всестороннего изучения и осмысления.

Книга эта востребована еще и потому, что мирная, отрицающая насилие и кровопролитие, борьба крымскотатарского народа за возрождение на родной земле продолжается по сей день. И не в последнюю очередь потому, что живы еще и функционируют преемники тех самых советских и компартийных чиновников, администраторов, представителей силовых структур, которые принимали непосредственное участие в бесчеловечной акции насильственной депортации 18 мая 1944 года. Это они, особенно в первые годы репатриации, издавали и рьяно выполняли всевозможные инструкции, законные и подзаконные акты, направленные на то, чтобы максимально осложнить возвращение крымских татар в Крым, создать им невыносимые условия существования, всячески препятствовать восстановлению своей культуры, языка, системы национального образования и самой исторической памяти народа. Их идейные наследники и единомышленники, воспитанные пропагандистской машиной на представлении о существовании «народов-предателей», подкрепленном старыми и новыми мифами о мусульманской угрозе, исламском фундаментализме и противостоящем им «славянском единстве», и ныне пребывают у власти, пытаясь сохранить монополию на право вершить судьбы отдельных людей и целых народов.

Бывшая и современная компартийная номенклатура, позиции которой в Крыму и сегодня сильнее, чем где бы то ни было в Украине, по-прежнему делают все возможное, чтобы не допустить крымских татар к власти и владению собственностью. Искусно манипулируя тезисом об «абсолютном большинстве нетатарского (русского, русскоязычного) населения Крыма», они пытаются законсервировать наследие как Российской, так и советской империй, максимально

сохранить в Крыму российское политическое присутствие и влияние, запугивая обывателя то «мусульманским фактором», то турецкой экспансией, измышляя при этом все новые и новые мифические угрозы, всякий раз связанные, конечно же, с процессом репатриации и обустройства на родной земле крымскотатарского народа.

Но хотя справедливая борьба крымских татар за национальное возрождение далеко еще не закончена, есть основания для оптимистичного прогноза. В первую очередь потому, что установка на демократические принципы международного права и исключительно мирные, ненасильственные методы борьбы, последовательно осуществляемая лидерами и политической элитой крымских татар во главе с Мустафой Джемилевым, завоевывают все больше сторонников и соратников и в Крыму, и во всей Украине. Это особенно заметно на фоне недавних трагических событий в Косово и продолжающихся попыток решения чеченской проблемы силовыми методами, уносящих тысячи жизней военных и мирного населения, загоняющих эту проблему в безнадежный тупик и раскалывающих общество на непримиримые группировки, вражда и взаимная ненависть которых может переходить из поколения в поколение.

В Крыму же, несмотря на многочисленные мрачные прогнозы сперва его «балканизации», затем возникновения здесь «второй Чечни», ничего подобного не произошло, а выигранное время работает и на адаптацию местного славянского населения к «крымскотатарскому фактору», и на реальную интеграцию крымскотатарского народа в украинское общество. Надо лишь осознать, что максимальная помощь процессу репатриации крымских татар — дело не только самого крымскотатарского народа, но и испытание на подлинную демократичность государственной власти Украины и всего украинского общества.

Поэтому давайте вспомним еще раз последнее слово подсудимого М. Джемилева, произнесенное им 15 февраля 1984 года: «Четырнадцать лет назад... я поклялся, что никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не заставит меня отказаться от выполнения своего долга и обязанностей, налагаемых честью, совестью и национальным достоинством. Сегодня я вновь могу повторить эту клятву и надеюсь, что у меня будет достаточно душевных сил, чтобы не изменить этому принципу до конца своих дней». И приложим свои собственные усилия для того, чтобы помочь ему осуществить эту благородную миссию.

*Наталья Белицер,
Киев*

ЧАСТЬ I. СЛЕДСТВИЕ

I. Описание материалов предварительного следствия по делу №25050 (начато 16 июля 1983 г. — закончено 22 декабря 1983 г.)

ТОМ 1

1. Описание материалов 1-го тома, составленная следователем. Текст машинописный, всего 38 пунктов.

2.* Постановление старшего следователя прокуратуры г. Ташкента юриста второго класса Азаряна Валерия Аветисовича от 16 июля 1983 г. о возбуждении уголовного дела в отношении Джемилева Мустафы по ст. 191-4 УК УзССР.

л.д.1.

3. Постановление следователя по особо важным делам прокуратуры города Ташкента Дьяченко А.П. от 10 февраля 1983 г. о выделении из уголовного дела № 14089 по обвинению Мурахаса Нурфета материалов в отношении нескольких лиц в отдельное производство.

Из текста постановления:

«...Рассмотрев материалы уголовного дела № 14089,

У С Т А Н О В И Л:

В процессе расследования данного дела были проведены обыски на квартирах Измайлова М., Джемилева М., Хаирова И., Джемилева А., Сейдаметова Э.С., Мустафаева К.М., а также

Значком (*) отмечены документы, тексты которых полностью или частично публикуются в настоящем сборнике.

допросы этих лиц, из которых видно, что они также занимались распространением заведомо ложных измышлений на советскую действительность...

П О С Т А Н О В И Л:

Выделить из уголовного дела № 14089 материалы в отношении указанных лиц в отдельное делопроизводство...» л.д. 2.

4. Препроводительное письмо следователя прокуратуры г. Янгиюля, юриста второго класса Х. Курбанбаева № 31-вх от 9.02.1983 г. следователю по особо важным делам прокуратуры города Ташкента Дьяченко А.Н. к направляемым материалам, изъятым при обысках у Измайлова М. и Джемилева М. (в ответ на № 14089 от 28.01.1983 г.) л.д.3

5. Постановление следователя по особо важным делам прокуратуры города Ташкента Дьяченко А.П. от 27 января 1983 г. о производстве обыска в доме Джемилева Мустафы, проживающего в г. Янгиюле по ул. Чарикова, 78а. Санкционировано прокурором г.Ташкента, государственным советником юстиции Бухаровым Г.Б. л.д.4

6.* Протокол обыска в доме Джемилева Мустафы в г. Янгиюле по ул.Чарикова, 78а от 1 февраля 1983 г. л.д.5-8

7. Протокол осмотра «документов и предметов, находящихся в мешке, опечатанном печатью № 10 ГОВД, изъятых и опечатанных у гр-на Джемилева Мустафы, проживающего по адресу — г. Янгиюль, ул.Чарикова, 78а, во время обыска 1 февраля 1983 г.». Указано, что осмотр проведен 8 февраля 1983 г. с 10 час. 15 мин. до 19 час. 50 мин. «при смешанной освещенности». В протоколе описаны и перечислены около 200 различных «документов» (текстов писем, обращений, заявлений, книг, стихов и т.п.), а также тетрадей, 6 роликов проявленной фотопленки в общей сложности с 229 кадрами, фотоаппарат «Орион», пишущая машинка «tbn de Luxe», 23 листа копировальной бумаги черного (18 шт.), красного (3 шт.), синего и зеленого цвета. Содержание тетрадей, согласно протокола, следующее:

1. тетрадь ученическая на 18 листах, с рукописным текстом, озаглавленный «*Наши будни. Моим друзьям*», с подписью Решата Джемилева;

2. тексты писем и телеграмм, с записью на обложке «*Relatives-IV. №№635:; 19.06-82*»; на 48 листах;

3. тетрадь общая на 48 листах, первая страница которой начинается словами «*Truman Capote. In Cold Blood*», на остальных страницах — копии писем до № 228, Фериде Усеиновой — от 11.08.80.

4. тетрадь общая на 48 листах с надписью на обложке «*Выписки из книг*»;

5. тетрадь общая на 48 листах с записью на обложке «*FR.-IX.538-620. (6.01.82-27.05.82.)*

6. тетрадь на 10 листах, текст на 2 листах от руки, начинается словами «Сердце Мустафы» и кончается «...так с Крымом прощался народ»;

7. тетрадь общая на 36 листах, озаглавленная «*Letters to Relatives*» 333:619. 17.01.81 — 26.05.82 г.»;

8. тетрадь общая на 48 листах, с записью на обложке «FR. XI.» с текстами писем, телеграмм: начинается «*Сейтвалов Эбазер (Сумф.) №10 от 20.18.82 г.*»

9. тетрадь общая на 48 листах, с записью на обложке «FR. X. №№621:689 (27.05.82-30.12.82);

На полях «протокола осмотра» напротив описания перепечатки (на 6 листах в трех экземплярах) письма Джемилева Решата «*Наши будни. Моим друзьям*» размашисто карандашом написано: «4.03.-передано Севалову».

«Протокол осмотра» подписан помощником прокурора г. Янгиюля Худайбердыевым Р., понятыми Балтабаевым Б., Мусьякаевой З. и Фомичевой Л. Текст «протокола осмотра» машинописный на 28 листах.

л.д.9-35

8. «*Народу и правительству Турции. Открытое письмо*». — Ксерокопия машинописного текста. На всех листах имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ».

л.д.36-38

9. «*К главам и делегатам Совещания в Мадриде Англии, Франции, США, Финляндии, Канады, Италии, Швеции и др. государствам не входящим в лагерь социализма*». Ксерокопия машинописного текста. На всех листах имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ».

л.д.39-43

10. «*Ко всем народам и правительствам мусульманских стран. Ко всем мусульманам мира от мусульман народа крымских татар, лишенных родины*». Ксерокопия машинописного текста. На всех листах имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ».

л.д.44-45

11. «*Председателям и генеральным секретарям компартий Италии, Франции, Финляндии, Испании, Англии, США. Открытое письмо*». Ксерокопия машинописного текста. На всех листах имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ».

л.д.46-52

12. Ученическая тетрадь в клетку на 18 листах с текстом, озаглавленным «*Наши будни. Моим друзьям*» с подписью Решата Джемилева.

л.д.53-72

13.* Ксерокопия типографского текста поэмы на турецком языке «*Bahçesaray Çeşmesi*» — *Şükrü Elçin, agosto 1981*. из журнала «*Türk Kültürü*» №221, XIX. стр. 371-372 (25-26)

л.д.73-74

14.* Повторный экземпляр поэмы «*Bahçesaray Çeşmesi*» Шюкрю Эльчина.

л.д.75-76

15.* Протокол допроса Джемилева Мустафы от 15 февраля 1983 г. в качестве свидетеля по делу №14089. Допросил пом. прокурора г.Янгиюля Худайбердыев Р. Показания собственноручные.

л.д.77-79

16. Препроводительное письмо зам.начальника Экспертно-Криминалистического Отдела (ЭКО) МВД УзССР подполковника милиции В. Наумова от 28 февраля 1983 г. следователю по особо важным делам прокуратуры г. Ташкента Дьяченко А.П. к направляемому заключению эксперта № 131 от 15 февраля 1983 г. с фото таблицей, фотоаппаратом «Орион» № 9215421 и 6 катушками фотопленок.

л.д.80

17. Заключение эксперта ЭКО МВД Уз ССР Исхакова Вадима Ханановича от 15 февраля 1983 г.

Перед экспертом поставлен вопрос: Не отсняты ли представленные на экспертизу фото негативы фотоаппаратом «Орион» № 9215421, принадлежащим Джемилеву Мустафе. На экспертизу представлены следующие 10 обрезков обработанной негативной пленки:

Отрезок 1 — 5 кадров с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 2 — 5 кадров с изображением какого-то воззвания;

Отрезок 3 — 7 кадров с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 4 — 39 кадров с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 5 — 39 кадров с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 6 — 5 кадров с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 7 — 39 кадров с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 8 — 5 кадров с изображением воззвания «Свободу Мустафе

Джемилеву»;

Отрезок 9 — 4 кадра с изображением страниц какой-то книги;

Отрезок 10 — 39 кадров с изображением страниц какой-то книги.

Вывод эксперта: «Десять отрезков, изъятых при обыске гражданина Джемилева М., отсняты не фотоаппаратом «Орион» №9215521, а пятью другими фотоаппаратами: отрезки №№ 2 и 8 одним, №№ 1, 9 и 6 — другим, №№ 5, 7, 10 — третьим, № 3 четвертым, №4 — пятым».

л.д.81-83

18. Таблица к заключению эксперта № 131 от 15.02.1983 г.

л.д.81-83

19. Препроводительное письмо заместителя директора Ташкентского научно-исследовательского института судебной экспертизы (ТашНИИСЭ) имени Х.С. Сулеймановой М. Бунина прокурору г.Ташкента к направляемому материалу по делу № 14089 с заключением эксперта, на 14 листах.

л.д.84-85

20. Заключение по судебно-технической экспертизе № 307 от 17 февраля 1983 г. эксперта Шайдуллина Ф.Т. по делу № 14089.

На решение эксперта ставится вопрос: Исполнены ли 9 листов машинописного текста, представленных на экспертизу, на портативной пишущей машинке «Unis tbn de Luxe» №15-5292219, принадлежащей Джемилеву Мустафе. Представлены следующие тексты:

1. Фрагмент из книги В. Маркмана «На краю географии», на 3 листах;
  2. Статьи «Мусульманская культура и современный мир» и «Организация Исламской Конференции» на 1 листе;
  3. «Радиопередачи на турецком и других тюркских языках», на 1 л.;
  4. «Радиопередачи на русском языке», на 1 листе;
  5. Фрагмент «Продолжение инд. полученных телеграмм», на 1 л.;
  6. «Выписки из почтовых правил», на 1 л.;
  7. Фрагмент «Продолжение инд. полученной корреспонденции», на 1 л.;
- Вывод эксперта:
Все перечисленные документы исполнены на пишущей машинке «Unis tbn de Luxe», принадлежащей Джемилеву Мустафе. л.д.87-88
21. Таблица к заключению судебно-технической экспертизы № 307 от 17.02.83. л.д.89
22. Статьи «Мусульманская культура и современный мир» и (на обратной стороне листа) «Организация Исламской Конференции», перепечатанные из журнала «Курьер ЮНЕСКО» за сентябрь-октябрь 1981г. (стр. 58 и 17). Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.90
23. «Выписки из почтовых правил», машинописный текст. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.91
24. «Радиопередачи на турецком и тюркских языках», машинописный текст с расписанием радиопередач «Америка сеси» (на турецком, азербайджанском и узбекском языках), «Алмания сеси» (на турецком), «Тюркие сеси» (на азербайджанском, английском, персидском), «Пекин радиосу» (на турецком), «Иранын милли сеси» на азербайджанском. На листе текста имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.92
25. «Радиопередачи на русском языке». Машинописный текст с расписанием передач радиостанций «Голос Исламской Республики Иран», «Радио Канада», «Немецкая волна», «Радио Швеции», «Голос Греции», «Би-би-си», «Радио Сеул», «Радио Афганистана», «Голос Турции», «Голос Америки». На листе имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.93
26. «Продолжение. инд. пол. телегр.». Фрагмент — стр. 21-22, №№257-275. Машинописный текст с текстами телеграмм, двухцветных, на обеих страницах. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.94
27. «Продолжение. инд. пол. корреспонденции». Фрагмент — стр. 30-31. Машинописный двухцветный текст; имеется штамп «ТашНИИСЭ». л.д.95
28. Текст с образцом шрифта пишущей машинки «Unis tbn de Luxe» №15-5292219, принадлежащей Джемилеву Мустафе. Текст на тему энергетики. Образец снят 2 февраля 1983 г. л.д.96-97

29. Препроводительное письмо директора ТашНИИСЭ Б. Пинхасова от 28.02.1983 г. в прокуратуру г. Ташкента к направляемому заключению эксперта № 305 по судебнo-технической экспертизе. л.д.98
30. Заключение по судебнo-технической экспертизе № 305 от 25 февраля 1983 г. по делу № 14089, эксперт Н. С. Беляев.
Заключение эксперта следующее: *«Представленные на экспертизу тексты с радиопередачами «Голоса Америки» и «Свободы» на 15 листах, письма, начинающегося со слов «Привет дорогой Саша» от 4.11.79., со слов «Здравствуй дорогой Вячеслав», «Из письма А.П. Подрабинека» и Вопросник А. Подрабинека напечатаны на пишущей машинке, принадлежащей Джемилеву Мустафе, а текст «Об образовании общественной группы», заканчивающийся словами «12 мая 1976 г. г. Москва» отпечатан на другой машинке».* л.д.99-100
31. Таблица №1 к заключению по судебнo-технической экспертизе № 305 от 25 февраля 1983 г. На таблице имеется фотоснимок письма Джемилева Мустафы Джемилевой Эдие от 28.02.80 г. и текста передачи «Голоса Америки» от 22 и 24 декабря 1979 г. л.д.101-102
32. Машинописное письмо Джемилева Мустафы Джемилевой Эдие от 28 февраля 1980 г. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.103
- 33*. Машинописный текст письма М. Джемилева Александру Подрабинеку от 3.12.1979 г. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.104
34. Машинописная копия письма М. Джемилева Сейтгапову Эбазеру от 3.09.1979 г. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.105
35. *«Из письма А.П. Подрабинека от 28.10.79 г.»*. Машинописный текст. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.106
- 36.* Машинописный текст письма Джемилева Мустафы Вячеславу Черновилу от 11 августа 1979 г. на 4 стр. Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.107-108
37. Препроводительное письмо заместителя директора ТашНИИСЭ им. Х.С. Сулеймановой М. Биркина от 16.02.1983 г. в прокуратуру г.Ташкента к направляемому заключению эксперта № 306. л.д.109
38. Заключение судебнo-почерковедческой экспертизы № 306 от 14 февраля 1983 г. по уголовному делу № 14083 за подписью эксперта ТашНИИСЭ Л.С. Жданович, на установление автора (исполнителя) рукописных сообщений о событиях в Крыму на 20 листах. Вывод эксперта: Все записи выполнены Джемилевым Мустафой. л.д.110-111
39. Ксерокопии рукописи Джемилева М. с выписками из различных писем, заявлений и обращений крымских татар о событиях в Крыму на

- 20 листах. На каждом листе имеется машинописная запись: «Копия верна: Ст. следователь прокуратуры г. Ташкента юрист 2 класса Азарян В.А.» и «Подлинник находится в уг. деле № 14089 по обвинению Мурахаса Нурфета по ст. 191-4 УК Уз ССР. (т.1, стр. 250-1-20)». л.д.112-131
40. Постановление следователя по особо важным делам прокуратуры г.Ташкента П. Дьяченко от 27 января 1983 г. о производстве обыска в доме Измайлова Мустафы в г. Янгиюле. Санкционировано прокурором г. Ташкента Г.Б. Бухаровым. л.д.132
41. Протокол обыска в доме Измайлова М. в г.Янгиюле, туп.Стаханова, 6 от 1 февраля 1983 г. Обыск производил следователь прокуратуры г. Янгиюля Х.Н. Курбанбаев. Указано, что в летней кухне обнаружено 3 патрона 16 калибра и что «других документов не обнаружено». л.д.133
42. Протокол обыска в доме Хаирова Иззета в г. Алмалыке от 1 февраля 1983 г. по делу № 14089. Указано, что Хаиров И. никаких замечаний к протоколу не имеет, но просит ускорить возвращение изъятых вещей после просмотра. Ксерокопия. л.д.134-137
- 43.* Постановление следователя Дьяченко А.П. от 27 января 1983 г. о производстве обыска в доме Джемилева Асана в г. Ташкенте, Ц-27, дом 3, кв. 85. Постановление санкционировано прокурором г. Ташкента Г.Б.Бухаровым. л.д.138
- 44.* Протокол обыска в квартире Джемилева Асана от 1 февраля 1983 г. л.д.139-155
45. Протокол допроса Джемилева Асана от 1 февраля 1983 г. в качестве свидетеля по делу Мурахас Нурфета. (Рождения 28.08.1937 г., образование высшее, окончил ТГПИ им. Низами физико-математический факультет в 1964 г.). Допросил следователь М.Н. Хамдамов с 18 час. 30 мин. до 20 час. л.д.156-157
- 46.* Протокол допроса Джемилева Асана от 19 августа 1983 г. в качестве свидетеля по делу Джемилева Мустафы. Допросил следователь прокуратуры г. Ташкента Азарян В.А. с 13 час. 10 мин. до 14 час. 15 мин. Ксерокопия. л.д.158-159
- 47.* Фотокопия поэмы «Бахчисарай чешмеси» Шюкрю Эльчина на турецком языке из журнала «Тюрк кюльтюрю» (см. т.1, л.д. 73-76). л.д.161-162
48. Рукопись Открытого письма Джемилева Асана редактору газеты «Вечерний Ташкент» по поводу статьи Ю. Кружилина «Профессия: Тунейдец...», опубликованной в номере этой газеты за 4 мая 1979 г. л.д.163-189

49. Машинописный текст Открытого письма Джемилева Асана редактору «Вечернего Ташкента» по поводу статьи Ю. Кружилина. В тексте следователем подчеркнуты слова:

«...За наш народ поруганный и оклеветанный с 17-ти лет боролся и борется мой брат...»

Прокуратура и милиция знали, что он имеет право жить в Крыму...Они боялись, что брат объединит вокруг себя крымских татар и противозаконно принудили его жить в Ташкенте...

На этот суд из Москвы прилетает Лауреат Нобелевской премии Трижды Герой Соц. Труда, известный всему миру правозащитник академик Сахаров А. Д...

Вот цена советской гуманности и милосердия..

Тысячи крымских татар чтут моего брата, как национального героя...

В июне 78 года прислали визу на право въехать в США к родственнику. Брат долго не хотел уезжать, покидать Родину. Но мы понимали, что здесь ему не дадут жить и уговорили уехать...

Тогда ли, когда брат продолжал бороться за права крымских татар в пределах страны или тогда, когда он решил выехать с тем, чтобы продолжить борьбу за пределами СССР?...

Мой брат борец за права своего народа и он, как человек с большой буквы, заслужил мировое признание. Вот почему о брате говорят голоса и волны...»

л.д.190-199

50. Письмо рукописное Александра Миллера Джемилеву Мустафе с текстом:

«Мустафа, если возможно сделай перевод этого заявления на английский, я не могу найти надежного переводчика. В следующий раз я привезу письма канцлеру Шмидту и Папе. Тогда ты все вместе попробуешь переслать. На этот случай, если меня загребут, отправь тогда пожалуйста одно это заявление. Я постараюсь приехать через неделю-две. (подпись)»

л.д.200

51. Письмо Александра Миллера сенатору Генри Джексону от февраля 1979 г. Копия машинописного текста с подписью А. Миллера. В конце указан адрес А. Миллера — Бухарская обл., г. Навои...

л.д.201

52. Рукопись (карандашный набросок) Джемилева Мустафы с текстом:

«Областной суд. Артемов перед началом процесса сообщил, что идет показательный процесс над баптистами.

Шелков В.-147, 147-1

Лепцин И.С.

Спалин Арнольд

Маслов Сергей Ив.

Фурлет Софья.

15 января 78 г. начался процесс, отложили до 29 января, т.к. подсудимых не знакомили с делом. Шелков требовал 2 месяца, 37

томов дела. (Само дело около 17-18 томов). Впустили только прямых родственников Шелкова: Галина Шелкова, Николаева (только троих).

«У нас процесс открытый, билетов не продаем. Впускаем всех, кто желает».

— У вас есть приглашение ? — один комитетчик».

Ст. 147 — использование религиозных суеверий до 3-х лет.

Ст. 147' -посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. До 5-ти лет».

Адв. Грач Ефим Давыдович

Сиодик Вячеслав Григорьевич.

Артемов громко комментировал фамилию Грача.

Следствие вел Непомнящий Д.С.

Не давали знакомиться с делом под предлогом, что он умышленно затягивает следствие».

л.д. 202

53. Типографский текст (брошюра), озаглавленный «Обращение к ВЦ ВСАСД», начинается со слов: «Дорогие и возлюбленные в Господе братья и сестры Всесоюзной церкви Верных и Свободных АСД, находящиеся в земле драконов, земле Содомы и Египта...»

л.д.203-208

54. Типографский текст (брошюра), озаглавленный «Открытое письмо №5. Злодеяния диктатуры госатеизма продолжаются». В конце текста подпись:

«Всесоюзный Совет ВЦ ВСАСД, Всесоюзная церковь ВСАСД. Декабрь 1978 г. Выпущено издательством «Верный свидетель» в 1979 г».

л.д.209-230

55. Брошюра типографского издания с заголовком «Открытое письмо о продолжающемся произволе госатеистов в СССР». В конце текста такая же подпись, как в п. 54 (л.д. 230) и дата 9 апреля 1979 г.

д.231-240

56. Брошюра типографского издания с заголовком «Открытое письмо № 2. Произвол диктатуры госатеизма в СССР продолжается». В конце текста подпись:

«Всесоюзный Совет ВЦ ВСАСД, Всесоюзная церковь ВСАСД». Дата — июнь 1978 г.

л.д.241-254

57. Машинописный текст, озаглавленный «Открытое обращение Всесоюзной церкви ВСАСД в Международную Амнистию». В конце текста подпись: «Всесоюзный Совет ВЦ ВСАСД. Всесоюзная церковь ВСАСД». Дата — 18 февраля 1978 г.

л.д.255-260

58. Машинописный текст, озаглавленный «Госатеистический суд над служащими и членами ВЦ ВСАСД». Подписан — Всесоюзный Совет ВЦ ВСАСД». Начинается с главы 2 «Морозный день». В конце дата — 4 февраля 1979 г. Заглавие текста написано от руки, имеется несколько рукописных правок в тексте.

л.д.261-267

59. Машинописный текст *«Открытое письмо №5. Злодейства диктатуры госатеизма продолжаются»*. Текст такой же, что и в п.54. л.д. 209-230. л.д.268-290

60. Машинописный текст, озаглавленный *«Госатеистический суд над служащими и членами ВЦ ВСАСД»*. Начинается с главы 1. *«Судебный фарс начался»*. Подписано: *«Всесоюзный совет ВЦ ВСАСД»*. Дата — 18 января 1979 г. Текст отпечатан на листах малого формата на обеих страницах листов. л.д.291-299

ТОМ 2

1. Описание материалов 2-го тома, составленная следователем. Текст машинописный, всего 20 пунктов.

2. Постановление ст. следователя прокуратуры г. Ташкента Азаряна В.А. от 15 июля 1983 г. о выделении из дела №25013 по обвинению Александрова Г.М. всех материалов *«в подлинниках, касающихся преступных действий Джемилева М., Аблямитова Ф.Я., Кадырова С.А., в отдельное производство»*. л.д.1

3.* Выписки из протокола допроса подозреваемого Г.М. Александрова, 1928 г. р., уроженца г. Москвы, русского, проживающего в г. Ташкенте, массив Чиланзар, квартал 17, дом 42, кв. 16. (тел. 768752). Допросил следователь Азарян В.А. Выписки сделаны им же. л.д.2-11

Машинописный текст статьи Александрова Г.М. Начинается со слов: *«Русская империя захватила Крым. Крымских татар начали гнать с родной земли...»*, Заканчивается словами: *«...Помогая им, вы поможете себе»*. Подписано: *«Копия верна: Следователь прокуратуры г.Ташкента, юрист 2-го класса Азарян В.А.»*. л.д.12-13

5. Рукопись текста статьи Александрова Г.М., указанного в п.4. (л.д. 12-13). Ксерокопия. л.д.14-18

6.* Машинописный текст письма Александрова Г.М. издателю «ИМКА-Пресс» в Париже Никите Струве. Подписано: *«Копия верна: Следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса Азарян В.А.»*. л.д.19

7.* Ксерокопия рукописи письма Александрова Г.М. издателю «ИМКА-Пресс» в Париже Никите Струве. л.д.20-21

8. Машинописный текст обращения от имени крымских татар Генеральному Секретарю ЦК КПСС Андропову Ю.В. Подписано: *«Копия верна: Следователь прокуратуры г. Ташкента юрист второго класса Азарян В.А.»*. л.д.22-23

9. Ксерокопия конверта с записью от руки Джемилева М. «Кудусову Эрнсту». л.д.24
- 10.* Ксерокопия рукописи письма М. Джемилева Э. Кудусову от 19 февраля 1983 г. Внизу машинописная запись: «Верно: Подлинник изъят при личном обыске у Александрова Г.М.» и подписано следователем Азаряном В.А. 28 февраля 1983 г. л.д.25
11. Лист с адресами Костериной Е.А. (117469 Москва, Новые Черемушки, квартал 24-а, Корпус 6-а, кв. 249), Хромовой Т.М. (107479, Москва, ул. Байкальская, 46, кор. 2, кв. 52; тел. 4679287), Шустера Ал. (107140. Москва, ул. В. Красносельская, 34, кв. 71; тел. 2643068), Кудусова Эрнста (111141. Москва, Зеленый проспект, д. 10\32, кор. 32, кв. 1). В конце листа машинописная запись, как в п. 10. л.д.26
12. Ксерокопия конверта с записью М. Джемилева «Елене Алексеевне». л.д.27
- 13.* Ксерокопия рукописи письма Джемилева Мустафы Костериной Елене Алексеевне от 19.02.1983 г. В конце каждого листа письма имеется машинописная запись, как в п. 10. л.д.28-29
14. Ксерокопия конверта с записью М. Джемилева «Хромовой Татьяне Михайловне». л.д.30
15. Ксерокопия письма (рукописи) М. Джемилева Т.Хромовой от 19.02.1983 г. В конце текста запись, как в п. 10. л.д.31
- 16.* Копия протокола допроса Джемилева Мустафы от 22 апреля 1983 г. в качестве свидетеля по делу Александрова Г.М. Допрошен следователем Азаряном В.А. в прокуратуре г. Янгиюля. Копия протокола допроса заверена самим Азаряном В.А. л.д.32-36
17. Постановление следователя Азаряна В.А. от 23 февраля 1983 г. о производстве обыска по делу Александрова Г. М. в квартире Кадыровой Макбуле, проживающей в г.Ташкенте, ул. Генерала Узакова, дом 1, кв. №3, «в целях обнаружения клеветнических документов и материалов, принадлежащих Кадырову Синаверу». Постановление санкционировано прокурором г. Ташкента Г.Б. Бухаровым. л.д.37
18. Протокол обыска в квартире Кадыровой Макбуле в г. Ташкенте от 23 февраля 1983 г. Обыск произведен под руководством ст. следователя прокуратуры г. Ташкента Абдуразакова. л.д.38-40
19. Постановление следователя Азаряна В.А. от 22 февраля 1983 г. о производстве обыска по делу Александрова Г.М. в квартире Кадырова Синавера, проживающего в г. Ташкенте по ул.Генерала Узакова, дом 1, кв. 10. Санкционировано прокурором г. Ташкента Бухаровым Г.Б. л.д.41

20. Протокол обыска в квартире Кадырова Синавера в г. Ташкенте от 23 февраля 1983 г. под руководством следователя прокуратуры г. Ташкента Абдуразакова. л.д.42-44
- 21.* Фотокопия поэмы «Бахчисарай чешмеси» Шюкрю Эльчина на турецком языке (см. т.1, л.д. 73-74). На одном листе сняты обе страницы. л.д.45
- 22.* Протокол допроса Кадырова Синавера от 4 апреля 1983 г. (Рождения 1 января 1955 г., родился в г. Самарканде, студент четвертого курса факультета русско-татарской филологии ТГПИ им. Низами). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.46-48
- 23.* Протокол дополнительного допроса Кадырова Синавера от 12 апреля 1983 г. Допросил следователь Азарян В.А. л.д.49-50
- 24.* Протокол допроса Файзиева Самаратдина Ходжаевича от 12 апреля 1983 г. (Член КПСС с 1954 г., узбек, доцент в ТГПИ им. Низами. Адрес: г. Ташкент, Ц-4, дом. 12, кв. 25, тел 332503). Допросил следователь Азарян В.А. По какому делу допрошен в протоколе не указано. л.д.51-52
25. Препроводительное письмо заместителя начальника экспертно-криминалистического отдела МВД УзССР В. Наумова от 13 марта 1983 г. к направляемому в прокуратуру г.Ташкента Азаряну В.А. заключению эксперта № 211 от 16 марта 1982 г. по фототехнической экспертизе. л.д.53
26. Заключение эксперта Симонова В.М. и эксперта-стажера Грошева Н.В. за № 211 от 16 марта по фототехнической экспертизе по делу №25013.
- Вывод экспертов: *«Шесть катушек фото негативных пленок, состоящих из 10 отрезков и принадлежащих Джемилеву Мустафе, сняты не фотоаппаратом «Зенит-2» №3815423, принадлежащим Аблямитову Фуату и не фотоаппаратом «Смена-6» № 589779, принадлежащим гр-ну Аблаеву Решату, а другими фотоаппаратами».* л.д.54-55
27. Таблица к заключению по фототехнической экспертизе №211 от 16 марта 1983 г. л.д.56
28. Постановление следователя Азаряна В.А. от 22 февраля 1983 г. о производстве обыска по делу Александра Г. М. в квартире Аблямитова Фуата Якубовича. Постановление санкционировано прокурором г. Ташкента Бухаровым Г. В. л.д.57
29. Протокол обыска в квартире Аблямитова Ф.Я. в г. Ташкенте от 23 февраля 1983 г. Обыск произведен под руководством Азаряна В. А. Список изъятого в 26 пунктах, в том числе копии писем Аблямитова Ф. Джемилеву Мустафе от 27 марта 1982 г., от 27 августа 1981 г., текст заявления М.Джемилева Генеральному прокурору СССР от 18.08.1982 г., письмо Аблаева Энвера от 5.10.1982 г., и др. л.д.58

30. Письмо (рукописное) Аблаева Энвера Дерекойлю Аблямитову Ф. от 5 октября 1982 г.

Из текста письма:

«...Тут одна деятьельница 18.10.1979 г. на официальном приеме нашим двум молодым специалистам с высшим образованием и партбилетами в кармане заявила — «Мы в 1944 г. допустили ошибку, не добив вас. Оказывается вы как кошки живучие, но мы ошибку исправим еще». Вот какие подлецы сидят у руководства...

Ведь нас сегодня около одного миллиона, не признанных ни конституцией, ни советскими законами...»

Последнее предложение в тексте подчеркнуто, видимо, следователем.

л.д.59

31. Конверт письма на имя Аблямитова Фуата из г. Симферополя.

л.д.60

32.* Машинописный текст заявления Джемилева Мустафы Генеральному Прокурору СССР, в копии прокурору Ташкентской области от 18 августа 1982 г., изъятого в квартире Аблямитова Фуата.

л.д.61-64

33.* Рукописный текст поэмы «*Bahçesaray Çeşmesi*» Шюкрю Эльчина на турецком языке (рукопись М. Джемилева)

л.д.65

34. Машинописный текст рассказа А. Толстого «*Возмездие*».

л.д.66-76

35.* Протокол допроса Аблямитова Фуата от 4 августа 1983 г. (1937 г.р., кандидат медицинских наук, работает зав. неврологическим отделением Ташкентской физиотерапевтической больницы им.Ташсовета, тел. 321065, адрес: Ташкент -15, кв. 6. Тел: 776503).

Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.77-78

36. Расписка Аблямитова Ф.Я. от 5 августа 1983 г. о получении от следователя Азаряна В.А. двух своих фотоаппаратов, изъятых во время обыска.

л.д.79

37. Расписка Аблямитова Ф.Я. от 4 августа 1983 г. о получении от следователя Азаряна В.А. пишущей машинки, 35 магнитофонных кассет, 4-х записных книжек, 2-х телефонных книжек и некоторых писем.

л.д.80

38. Ксерокопия постановления следователя Азаряна В.А. от 22 февраля 1983 г. о производстве обыска в доме Аблаева Решата, проживающего в г. Ташкенте по ул. Алмазар, тупик Малярный, 22 по делу Александра Г.М.

л.д.81

39. Ксерокопия протокола обыска в доме Аблаева Решата от 23 февраля 1983 г. Обыск произведен ст. следователем прокуратуры г. Ташкента Эпштейном.

л.д.82-87

40. Ксерокопия протокола допроса Аблаева Решата в его доме 23 февраля 1983 г. (Рождения 26.08.1951 г., образование высшее, окончил Ташкентский политехнический институт в 1974 г., работает начальником участка в СУ-7). Текст протокола неразборчив — дефектная ксерокопия. л.д.88-92
41. Расписание зарубежных радиопередач на русском языке. На этом же листе записаны несколько адресов, в т.ч. А. Шустера в Москве, Э.Кудусова, А.Д. Сахарова и др. Текст рукописный, исполненный Аблаевым Р. л.д.93
42. Постановление следователя Азаряна В.А. от 16 июля 1983 г. о производстве обыска по делу Джемилева Мустафы в доме Сеутова Сервера в г. Ташкенте. Санкционировано и.о. прокурора г. Ташкента Ш.А. Ахмедовым. л.д.94
43. Протокол обыска в доме Сеутова Сервера от 18 июля 1983 г. по адресу г. Ташкент, плo Узгариш, ул. Восточная, 63. л.д.95-102
44. Лист с записью от руки Сеутовой Сабрие с текстом: «Александр Некрич, 22 июня, стр. 27,31 и «Наказанные народы» стр. 30, 37, 39, 40, 21». л.д.103
45. Лист с черновым наброском Сабрие Сеутовой, где содержится информация о Мубареке, о поездке в Мубарек писателей Черкеза-Али и Шамиля Алядина и др. л.д.104
46. Ученическая тетрадь с текстами (черновиками) писем Сеутова Сервера:
- Московскому корреспонденту «Би-би-си» от 22.08.69 г., 7.08.69 г., 6..09.69 г. и 3.03.1970 г. Все письма примерно одинакового содержания: говорится о беззакониях властей, нарушениях его прав;
  - Галине Ручьевой в радиостанцию «Свобода» от 15 марта 1970 г. от 28 марта 1970 г.(в двух экземплярах), в которой содержится критика коммунистической системы, говорится о беззакониях и произволе властей;
  - Генеральному секретарю ООН У Тану от 12.02.70 г., 28.02.70 г. (в двух экземплярах), 15.03.1970 г. — пишет о произволе властей, выдворении из Крыма, затрагивается национальный вопрос крымских татар;
  - Письмо Мусине Мевтоглу в Турцию на турецком языке: расспрашивает о своих родственниках в Турции, просит оказать помощь в их розыске;
- К этой же ученической тетради скрепкой прикреплены почтовые квитанции к отправленным заказным письмам Сеутова Сервера У Тану в США, Галине Ручьевой в Берлин, Аббасу Ялала, Мусине Мевтоглу, Мухаммеду Толаю и Ибраиму Чобароглу в Турцию. Имеется лист с адресами перечисленных людей, проживающих в Турции. л.д.105-139

47. Обращение Сеутова Сервера Газиевича в Международный Суд в Гааге от 29 декабря 1979 г. В обращении повествуется о задержании автора 10 апреля 1970 г. в Москве, куда он ездил в качестве представителя крымских татар, насильственной его госпитализации в Московскую психбольницу им. Кащенко, где содержали около трех недель, а затем этапировали в Красноярскую психлечебницу, о зверствах медперсонала и о дальнейших преследованиях автора после освобождения из психушки.

В копии обращение адресовано также в:

- Международный комитет прав человека ООН в Женеве;
- Организационному Комитету очередной международной встречи в Мадриде по проверке выполнения Заключительного совета Европейского совещания;
- Поборнику прав человека №1 в СССР Лауреату Международной Нобелевской премии мира академику А.Д. Сахарову;
- Американской ассоциации крымских татар.

К делу подшиты семь рукописных экземпляров обращения по четыре листа в каждом.

л.д.140-167

48.* Протокол допроса Сеутовой Сабрие от 4 августа 1983 г. (Родилась в 1953 г. в Казахской ССР, образование высшее, закончила ТГПИ им. Низами в 1977 г., работает старшим редактором в редакции журнала «Йылдыз», член Союза журналистов СССР, адрес: г. Ташкент, Чиланзар, квартал 6, дом 4, кв. 34). Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола машинописный.

л.д.168-169

49.* Протокол допроса Сеутова Сервера от 29 ноября 1983 г. (1922 г.р. образование высшее, окончил математич. факультет пединститута в 1960 г., пенсионер, адрес: 702021, Ташкент, п/о Узгарыш, ул.Восточная, 63) Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола в рукописи.

л.д.170-171

50. Расписка Сеутовой Сабрие от 21 июля 1983 г. о получении от следователя Азаряна В.А. изъятых у нее при обыске материалов. В списке 94 наименования возвращенного.

л.д.172-176

51. Постановление следователя Азаряна В.А. от 16 июля 1983 г. о производстве обыска по делу Джемилева Мустафы в квартире Ибраимовой Эльмиры по адресу: г. Ташкент, массив Кара-Камыш, 21., кв. 9. Санкционировано и.о. прокурора г. Ташкента Ш.А. Ахмедовым.

л.д.177

52. Протокол обыска в квартире Ибраимовой Эльмиры от 18 июля 1983 г. Обыск проведен следователем прокуратуры Сабир-Рахимовского района г. Ташкента Назаровым.

л.д.178

53. Стихотворение А.Твардовского «Сотрите черное пятно» (в защиту прав крымских татар), в рукописи, на тетрадном листе.

л.д.179

54. Расписка Ибраимовой Эльмиры от 5 августа 1983 г. о том, что следователь Азарян В.А. возвратил ей все изъятые при обыске вещи, в том числе общую тетрадь, но без стихотворения А. Твардовского «Сотрите черное пятно».

л.д.180

55.* Протокол допроса Ибраимовой Эльмиры от 5 августа 1983 г. (1951 г.р., член КПСС с 1979 г., работает ст. инженером-программистом в Вычислительном центре статуправления Ташкентской области, тел. 324322. Адрес: Ташкент, массив Кара-Камыш, 21, д. 26, кв. 9, тел. 466144). Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола машинописный.

л.д.181-182

56*. Постановление следователя Азаряна В.А. от 16 июля 1983 г. о производстве обыска в доме Джемилева Мустафы в г. Янгиюле. Санкционировано и.о. прокурора г. Ташкента Ахмедовым Ш.А.

л.д.183

57*. Протокол обыска в доме Джемилева М. в г. Янгиюле 18 июля 1983 г. Обыск проведен следователем Азаряном В.А.

л.д.184-194

58*. Машинописный текст письма Александрова Г.М. от 19 февраля 1979 г. издателю «ИМКА — Пресс» Никите Струве.

л.д.195

59. Машинописный текст выписки из истории болезни № 3967 Александрова Г.М.

л.д.196

60. Переписка Джемилева Мустафы со своей дочерью Сафие. Тексты писем (копии) машинописные и в рукописи (от руки Джемилева М.), в том числе письма Сафие отцу за №№ 1, 2, 3, 4, 5, 5а, 6, 6а машинописные, а №№7, 8, 9, 10, 11, 11а — в рукописи. Письма Джемилева М. дочери за №№ 1, 2, 3, 4, 5 — машинописные, а №№ 11, 13, 14 и 15 — в рукописи.

В текстах писем следователем подчеркнуты следующие слова:

В письмах Сафие своему отцу:

В письме №1 от 15 сентября 1979 г.:

«...А самая моя большая радость — это что меня приняли в пионеры. А в этом году меня выбрали председателем совета отряда...»

В письме №3 от 17 октября 1979 г.:

«...Ваше письмо получила и сильно удивилась. Я вам писала про пионерство и думала, что вы будете радоваться вместе со мной. А вы наоборот. Какой тогда вы мне бабай. Я теперь вообще про свои школьные дела писать не буду...»

В письме №4 от 27 сентября 1979 г.:

«...Вы еще пишете, что вам ничего хорошего не пишу, а сами только во всех письмах меня ругаете, особенно про мое пионерство и за ваше первое письмо...»

В письмах Джемилева Мустафы своей дочери Сафие подчеркнуты:

В письме №2 от 29 сентября 1979 г.:

«...И еще ты пишешь: «А самая моя большая радость это что меня приняли в пионеры»

Скажи, пожалуйста, почему это тебе доставило такую большую радость? Только потому, что тебе на шею завязали кусок красной материи или есть еще какая-нибудь причина для «самой большой радости»? Насколько мне известно, в пионеры принимают всех, кто достигнет 9-летнего возраста. А если кто-то не хочет поступать, то его начинают стыдить, ругать, вызывают в школу его родителей и читать им глупые нотации. Поэтому я не вижу разумных причин для твоей такой уж «большой радости». Гораздо больше было бы повода для радости, если бы ты как-нибудь сумела не поступать в эти самые пионеры. Ну ладно, это ты поймешь попозже, когда начнешь думать своей головкой. А то, что ты у меня не глупая, я не сомневаюсь, не зря же ты побила в шашки разных там комсомольцев...»

В письме №4 от 31 октября 1979 г.:

«...Теперь по поводу твоего пионерства.

После того, как ты мне сообщила о своей «самой большой радости», т.е. приеме тебя в пионеры, я попросил тебя написать мне, почему именно это доставило тебе такую большую радость. И еще я написал тебе свое мнение по поводу этого пионерства. В ответ теперь ты мне пишешь: «Я вам писала про пионерство и думала, что вы будете радоваться вместе со мной. А вы наоборот. Какой тогда вы мне бабай. Я теперь вообще про свои школьные дела писать не буду.»

Интересно, что же ты заявишь своему отцу, когда у тебя в жизни произойдет еще одна «самая большая радость» — когда тебя запишут в комсомол? Видимо не только отречешься от отца, но и скажешь, что таких «отсталых и несознательных» надо бы в тюрьму...»

В письме №5 от 25 ноября 1979 г.:

«...Ты спрашиваешь, о чем же тебе писать мне, если меня не интересуют твои «пионерские дела». Что за глупости? А если бы ты не поступила в пионеры, так значит, тебе не о чем было бы переписываться с отцом?...

Кроме того «пионерские» и школьные, учебные дела — это не одно и то же...»

В письме №11 от 16 июня 1980 г.:

«...Например, недавно две местные газеты напечатали про меня нехорошую статью. Статья очень лживая и глупая. Если

хочешь, я ее даже могу выслать тебе вместе с ответным письмом одного человека. Но кому-то очень хочется, чтобы люди ко мне относились плохо и поэтому печатают такие нехорошие статьи.

Кроме того, четыре дня назад у меня сделали обыск. «Дяди милиционеры» в штатском искали запрещенные книги и письма от моих друзей...»

В письме №13 от 17 августа 1980 г.:

«...Еще одно письмо я писал тебе 11 июля. Оно поступило к вам в Дальверзин 25 июля, т.е. через неделю после твоего выезда в Крым. В этом письме я говорил, что возможно осенью смогу поехать в Узбекистан, но оказалось, что не отпустят. Говорят: «Про вас была напечатана статья, поэтому выезд не разрешается». По-видимому, эту статью для того и напечатали, чтобы иметь причину для отказа мне в выезде...»

В письме №14 от 11 октября 1980 г.:

«...Бандероль с тремя книжками, которую я выслал с письмом от 17 августа, ты получила? Я это спрашиваю, потому что уведомление с твоей подписью еще не вернулось, хотя прошло уже два месяца. Если не получила, то мне придется делать на почте запрос о розыске.

В бандероль я вкладывал и номер газеты «Советская Колыма» с той статьей, а письмо товарища, по поводу этой статьи, которое ты просила, я обещал выслать в следующий раз, но теперь я раздумал высылать это письмо. Дело в том, что недавно тут произошло несчастье, вернее даже преступление. Того человека (Шарафутдинова), о котором говорится в этом письме, убили на рыбалке. Один жестокий нехороший человек застрелил его и его спутника в моторной лодке, а тела выбросил в реку. Уже четыре дня ищут их тела в р. Колыма, а все никак не могут найти. Есть такое общепринятое правило: о мертвых говорить только хорошее или вообще ничего не говорить. А в том письме ничего хорошего о нем не говорится, поэтому лучше теперь его и не читать. Вообще-то он и не был очень уж плохим человеком, иногда он делал и добрые дела, только пил слишком много водки и, соответственно, делал много глупостей. И перестрелка у них на рыбалке, как я понял, произошла после того, как они пили водку. Сейчас его родители и сестренка очень горюют, плачут — они живут в доме как раз напротив моего окна. Их очень жалко, хотя в то же время, они, оказываясь, распространяют глупые слухи, что будто бы это я отомстил их сыну за то, что он когда-то сделал нехорошее против меня, ходили с этими «предположениями» к прокурору. Ну ладно, Аллах им судья. А мне к сплетням не привыкать. Правда, прокурор

тут неглупый человек, он посоветовал выбросить эту глупую мысль из головы — во всяком случае, так он сам говорил мне, и добавил: «Это Бог наказал его!» Так оно, наверное, и есть...» л.д.197-211

61*. Копия письма Джемилева Мустафы Р.Томпсон во Францию от 25.09.1980 г. на русском языке. Рукопись на тетрадном листе. Имеется пометка, что это письмо возвратилось обратно 1 ноября 1980 г. На обратной стороне текст копии рукописи письма И.А.Кандыбе от 27.09.80 г. л.д.212

62*. Письмо М.Джемилева Николь Картан в Париж от 27 октября 1982 г. (№642) из г. Янгиюля. Копия из-под красной копирки на тетрадном листе. На обратной стороне копия машиноп. письма А.Подрабинеку №21 от 28.10.82 г. л.д.213

63*. Письмо М.Джемилева Ларри Маргитич в Бостон № 4 от 25 ноября 1981 г. Рукописная копия из-под красной копирки на тетрадном листе. л.д.214

64. Машинописный текст, озаглавленный «Дело Мустафы Джемилева. Продолжение. (02.1979-03.1983 г.)», с перечнем документов. Копия из-под фиолетовой копирки. л.д.215-220

65*. Письмо Джемилева Мустафы Джемилеву Решату №7 от 4 января 1981 г. из п.Зарянки. Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. л.д.221

66*. Письмо Джемилева Мустафы А.Шустеру от 19 февраля 1983 г. Машинописный текст. л.д.222-223

67*. Письмо Джемилева Мустафы Г.М.Александрову от 21.01.1981 г. из п.Зарянка. Копия машинописная из-под фиолетовой копирки. л.д.224

68*. Письмо Джемилева Мустафы Алле Подрабинец №3 от 7 марта 1981 г. из п. Зарянка. Машинописная копия. л.д.225-227

69. Ученическая тетрадь в клетку, на обложке которой записано «Sözler — Words». В тетради начерчен кроссворд, составленный М.Джемилевым, на отдельном листе — вопросник к кроссворду с вопросами о Крыме, истории крымских татар и их национального движения. Всего 60 вопросов. На остальных страницах — список слов (по-видимому, ответы для последующих кроссвордов). л.д.228-239

70*. Протокол допроса подозреваемого Джемилева Мустафы от 20 июля 1983 г. Допрошен следователем Азаряном В.А., с 15 час. 30 мин. до 18 час. в ИВС УВД Ташгорисполкома. л.д.240-245

71.Протокол задержания подозреваемого Джемилева Мустафы №174 от 18 июля 1983 г., составленный в ИВС УВД Ташгорисполкома. л.д.246

72*. Постановление следователя Азаряна В.А. от 21 июля 1983 г. о

привлечении Джемилева Мустафы в качестве обвиняемого по ст. 191-4 УК УзССР. Текст постановления отпечатан на специальном бланке. л.д.247

73*. Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 21 июля 1983 г. (после предъявления обвинения). Допрошен следователем Азаряном В.А. в ИВС УВД Ташгорисполкома с 16 час. 40 мин. до 17 час. 15 мин. Текст рукописный. л.д.248

74. Постановление следователя Азаряна В.А. от 21 июля 1983 г. об освобождении Джемилева М. из ИВС УВД Ташгорисполкома под подписку о невыезде из г. Янгиюля. Из текста постановления:

«... Принимая во внимание, что Джемилев имеет семью, на иждивении трое несовершеннолетних детей и постоянное место жительства и работы,

П о с т а н о в и л:

Задержанного по ст.191-4 УК УзССР Джемилева Мустафу из ИВС УВД Ташгорисполкома освободить с избранием меры пресечения подписки о невыезде из Янгиюля.

Ст. следователь прокуратуры г.Ташкента юрист 2-го класса Азарян В.А.

С постановлением ознакомлен 23. 07. 1983 г. (Джемилев)». л.д.249

75. Постановление следователя Азаряна В.А. от 21 июля 1983 г. об избрании меры пресечения в отношении Джемилева Мустафы. Из текста постановления:

«... Принимая во внимание, что Джемилев имеет семью, на иждивении троих малолетних детей, постоянное место жительства и работу и находясь на свободе не повлияет на ход следствия и суда, вследствие чего и на основании ст.ст. 71-78 УПК УзССР,

П о с т а н о в и л:

Мерой пресечения уклонения от следствия и суда в отношении Джемилева Мустафы избрать подписку о невыезде из г. Янгиюля.

Ст. следователь прокуратуры г. Ташкента юрист 2-го класса Азарян В.А.

(Постановление мне объявлено 21.07.83 г. (Джемилев)» л.д.250

76. Подписка Джемилева М. от 21 июля 1983 г. о невыезде из г. Янгиюля и о предупреждении его об ответственности в случае самовольного выезда. Подписку отобрал следователь Азарян В.А. л.д.251

77. Расписка Джемилевой Сафинар, выданная следователю Азаряну В.А. 19 июля 1983 г., о том, что она получила от следователя вещи мужа, изъятые у него при аресте. (перечисляются деньги в сумме 114 р. 80 коп., обручальное кольцо, часы «Зим»). л.д.252

ТОМ 3

1. Описание материалов, содержащихся в 3-м томе, составленная следователем. Текст машинописный, всего 67 пунктов.

2*. Ксерокопии нескольких страниц из книги Андрея Григоренко «*А когда мы вернемся...*», изданной в 1977 г. фондом «Крым» в Нью-Йорке за № 1. Обложка — работы Фикрета Юртера (вид Бахчисарайского дворца). Имеются: Оглавление, предисловие к книге «Национального центра крымских татар» (л.д.5-8), Сообщение о подготовке к изданию самиздатовского сборника «*Шесть дней*» (Белой книги о судебном процессе Ильи Габая и Мустафы Джемилева), Сообщение об образовании Фонда «Крым», задачи Фонда, список его учредителей, лист с портретом А.Григоренко и кратким сообщением о нем, а также с краткой аннотацией к его книге на русском и английском языках.

л.д.1-11

3. Фотокопии листов из книги «*Шесть дней*» («Белая книга»), изданной Фондом «Крым» в Нью-Йорке в 1980 г. за № 2. Имеются фотокопии: титульного листа книги на русском и английском языках, оглавления, предисловия «От Фонда «Крым», предисловия «От издателя», листа с фотографиями Ильи Габая и Мустафы Джемилева, одного листа с текстом первой страницы обвинительного заключения по делу И.Габая и М.Джемилева, возбужденного 14 мая 1969 г., «Послесловия Фонда «Крым».

л.д.12-59

4. Ксерокопия статьи А.Петрова-Агатова «*Зовите меня Аллой...*», опубликованной в газете «Неделя» в 1977 г.

л.д.60

5. Вырезка из газеты «Правда Востока» от 12.02.1981 г. со статьей Кадыева Роллана «Падение». В конверте.

л.д.61

6. Вырезка из газеты «Правда Востока» от 7.06.1981 г. со статьей за подписью Р. Сеитова «*Слова гнева и презрения. Отклики читателей на статью Р. Кадыева «Падение»*». В конверте.

л.д.62

7. Письмо Джемилева Мустафы А.Шустеру от 5.08.1980 г. (№ 220). Копия из-под красной копирки на тетрадном листе.

л.д.63

8*. Письмо Джемилева Мустафы А.Шустеру от 25 ноября 1982 г. (№ 650). Машинописная копия на тетрадном листе. Имеется пометка карандашом, что отправляются также Заявление на имя Генерального прокурора СССР от 18.08.82 г. и ответ следователя Погребижского от 1 ноября 1982 г. На другой странице того же листа — машинописная копия письма М. Джемилева А. Подрабинеку № 22 от 26 ноября 1982 г. (№ 651), не полностью.

л.д.64

9. Фотокопия документа «*Положение мусульман в России*» за подписью «Мусульмане России»: фотокопия машинописного текста.

л.д.65-66

10. Фотокопия одной страницы газеты «Azat Qrim» (Die befreite Krim tatarishene zeitung) № 26, 21 апреля 1942 г., вторник. Издание Крымского Мусульманского комитета. (Qrim Musulman Komitetinin neşir efkari). Текст газеты на крымскотатарском языке русскими буквами (кроме заглавия газеты. Заглавие — латинским шрифтом с подзаголовком на немецком языке). Цена номера газеты 1 руб. или немецкими деньгами — 80 pf. Сразу же после заголовка газеты следует текст большими буквами: «Селям санъа улу Танърынынъ буюк эльчиси Адольф Гитлер азретлери!» (т.е. «Привет тебе посланник Всевышнего великий Адольф Гитлер!»). Имеется также приветственный «адрес» А.Гитлеру в связи с его 54-х летием от имени президиума Мусульманского комитета под заголовком «Мазлум халкъларнынъ азатчысы, Алман халкъынынъ садыкъ огълу Адольф Гитлерге» («Освободителю угнетенных народов, верному сыну немецкого народа Адольфу Гитлеру»), статья за подписью Зия-эфенди «Гъалибиет сизинъдир» («Победа за вами») и краткие сообщения под заголовками «Душманнынъ агъыр гъайыплары» («Тяжелые потери врага») и «Булгъаристан озь ёлуны бир тамам тайын этти» («Болгария окончательно определила свой путь»).

л.д.67

11. Текст поздравительной открытки М.Джемилева Мехмету Севдияру от 3.12.1982 г. на турецком языке. Рукопись М.Джемилева красной пастой на тетрадном листе (№ 657).

Из текста открытки:

«... Gelecek Yanı 1983 yılda size, akrabalarınıza, hep milletimize ve din kardeşlerimize hayırlı ve mutlu olsun. Allah, milletimizi kendi kutsal emeline ulaştırsın ve serbest yaşantı kurmaya kısmet etsin!..»

На другой странице этого же тетрадного листа — часть машинописной копии письма М.Джемилева В.Дворянскому.

л.д.68

12. Черновик письма М.Джемилева Фикрету Юртеру, набросанного, по-видимому, в 1978 г. на турецком языке латинским шрифтом, текст исполнен фиолетовыми и красными чернилами.

л.д.69

13. Цветная фотография, на которой изображены (стоят) — одна женщина, Фикрет Юртер, Мехмет Севдияр (сидят) — Павел Литвинов, его супруга и мужчина в очках. На обратной стороне фотографии — запись рукой Фикрета Юртера с перечислением снятых на фотографии людей.

л.д.70

14. Письмо следователя Азаряна В.А. № 15-25050 от 23 ноября 1989 г. редактору газеты «Ленин байрагы» Тимуру Дагджи с просьбой «поручить одному из сотрудников редакции произвести перевод с крымско-татарского на русский следующих документов:

1. Письма Джемилева Фикрету Юртеру,

2. Телеграммы Джемилева Мехмет-аге,

3. Текстов фотокопии 26-го номера газеты «Азат Крым» от 21 апреля 1942 г.»

л.д.71

15. Препроводительное письмо редактора газ. «Ленин байрагы» Тимура Дагджи от 8 декабря 1983 г. следователю Азаряну В.А. к направляемым переводам. Письмо отпечатано на специальном бланке газеты «Ленин байрагы». л.д.72
16. Перевод текста открытки М.Джемилева Мехмет-ага от 3 декабря, сделанный сотрудником газеты «Ленин байрагы». (Перевод сделан не совсем верно. Неправильны, например, слова:
«... и в наступающем 1983 году Вам, Вашим родным, всему нашему народу и братьям по вере желаю удачи и (непонятно). Пусть Аллах соединит наши народы в нашем месте и поможет нам построить свободную жизнь...»). л.д.73
17. Перевод на русский язык одной страницы газеты «Азат Крым» №26 за 21 апреля 1942 г., сделанный сотрудниками газ. «Ленин байрагы» (в переводе много ошибок). л.д. 74-77
18. Перевод на русский язык письма М.Джемилева Фикрету Юртеру (т.е. черновика, описанного в т.12-л.д.69), сделанный сотрудниками газеты «Ленин байрагы» (перевод во многих местах сделан безграмотно. Например, предложение «*Davetiye yollayan hükümeti bizler musavi'ler kadar meraklandirmiyoruz ğaliba*» переводится так: «Правительство, которое прислало вызов, нами интересуется меньше, чем равноправными», а предложение «*Siz soyleyen üniversite ve misafirlik davetiyeleri daha bana gelmedi*» — «Сказанное Вами приглашение из университета и гости ко мне еще не пришли...»). л.д. 78-80
- 19*. Протокол допроса Алядинова Шамиля Сеитовича от 16 ноября 1983 г. (1912 г.р., родился в Крымской АССР, Бахчисарайском р-не, дер. Махульдур, татарин, образование незаконченное высшее, работает главным редактором журнала «Йылдыз», член КПСС с 1941 г. Адрес: г.Ташкент, Ц-1, дом 8, кв. 32, тел. 322993). Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола машинописный. л.д. 81-82
- 20*. Протокол допроса Муратова Решита Муратовича от 17 ноября 1983 г. (Родился в 1915 г. в г. Карасу-Базар Крымской АССР, татарин, б/п, член Союза писателей СССР, адрес: г. Ташкент, Чиланзар, квартал 6, дом 41, кв.60, тел. 780367). Допросил следователь В.А.Азарян. Текст протокола машинописный. л.д.83
- 21*. Письмо Джемилева Мустафы Джеппару Акимову от 6 февраля 1983 г. Копия рукописи из-под фиолетовой копирки. л.д.84-86
- 22*. Письмо Джемилева Мустафы Джеппару Акимову от 6 февраля 1983 г. Копия рукописи из-под фиолетовой копирки. л.д.87-88
- 23*. Письмо Джемилева Мустафы Азаматовой Аве от 19 марта 1983г. Копия рукописи из-под фиолетовой копирки. л.д.89-90

- 24*. Заявление Джемилева Мустафы Генеральному Прокурору СССР (в копии — прокурору Ташкентской области) от 18 августа 1982 г. Текст машинописный. л.д.91-97
25. Препроводительное письмо начальника секретариата КГБ УзССР В.П.Лонского от 1 сентября 1983 г. прокурору г. Ташкента с текстом:
«Направляем материал, переданный радиостанцией «Свобода» на татарском языке 1 мая 1983 г., поступивший к нам из Госкомитета Узбекской ССР по телевидению и радиовещанию.
Приложение: по тексту, всего на 8 листах.» л.д. 98
26. Препроводительное письмо первого заместителя Председателя Госкомитета по телевидению и радиовещанию УзССР А.П.Берлянда от 25 августа 1983 г. №2-24-767 в КГБ УзССР к направляемому материалу, переданному радиостанцией «Свобода» на татарском языке 1.05.1983 г. л.д.99
27. Текст передачи радио «Свобода» на татарском языке 1 мая 1983 г. в 20 ч. 50 мин. моск. времени в разделе передач «Документы из СССР». В обратном переводе с татарского языка на русский. В начале текста передачи кратко говорится о крымских татарах вообще. Затем следует текст письма Джемилева Мустафы Генеральному Прокурору СССР Рекункову. В конце текста запись: *«Содержание письма передано без согласия автора письма. 05.05.83. 18.20 мек. Ам49».* л.д.100-106
- 28*. Письмо Джемилева Мустафы А.Шустеру от 26.09.1982 г (№627). Рукописная копия из-под фиолетовой копирки на тетрадном листе. На другой странице этого же листа имеется пометка об отправке письма Алле Подрабинек №17 от 20.08.82 г. с копиями заявлений и письма Ибраиму Хюссейнову в Бруклин от 23.08.1982 г. (№626). л.д.107
- 29*. Ксерокопия протокола допроса Джемилева Мустафы от 28 июля 1980 г. в качестве свидетеля по делу Александра Подрабиника. Допрошен помощником прокурора Верхнеколымского р-на Якутской АССР Корчугановым А.М.. В конце текста протокола имеется запись: *«Копия верна, снята с подлинника, находящегося в уголовном деле № 5736 по обвинению А.Подрабиника, (ст.190-1 УК РСФСР)».* л.д.108-111
30. Письмо А.Подрабиника Джемилеву М. № 6 от 28.10.1979 г. из п.Усть-Нера ЯАССР (с вопросами о Ташкентском УЯ 64/пб). Машинописная копия. л.д.112
31. Ксерокопия конверта письма А.Подрабиника Джемилеву М., отправленного из п. Усть-Нера в п. Зарянку. Имеется приписка: *«Копия верна, снята с подлинника, находящегося в уголовном деле № 5736 по обвинению А.Подрабиника (ст. 190-1 УК РСФСР)».* л.д.113
32. Ксерокопия подлинника письма А.Подрабиника М.Джемилеву от 28 октября 1979 г.

- В тексте письма следователем подчёркнуты слова: «...Вообще, если что-то надо переслать в Москву, чтобы дошло, то я (тьфу, тьфу!) к Вашим услугам...». л.д.114-115
33. Ксерокопия «Описи» (почтовой формы № 107) к отправленному А.Подрабинеком М.Джемилеву ценному письму. Имеется приписка, как в п.31. л.д.116
- 34*. Письмо Джемилева Мустафы Александру Подрабинеку от 4 ноября 1979 г. Текст машинописный. л.д.117-118
35. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 6.01.80 г. (№ 9). Машинописная копия. л.д.119
36. Ксерокопия машинописного «Информационного бюллетеня № 21 Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» от 17 февраля 1980г. Подшиты ксерокопии только 10-ти страниц «Информационного бюллетеня № 21»: от начала и до сообщения под заголовком «Положение Миколы Плахотнюка». На страницах 5-10 имеется сообщение под заголовком «О положении Владимира Рождествова (Ташкентская СПб)». В начале сообщения приводятся выдержки из письма одного (не названного по имени) бывшего заключённого Ташкентской спецпсихушки, а затем приводится с некоторыми сокращениями текст письма М.Джемилева А.Подрабинеку от 4 ноября 1979г., где повествуется о Ташкентской спецпсихушке и положении В.П.Рождествова. л.д.120-131
37. Приговор Верховного Суда Якутской АССР от 6 января 1981 г. по делу Александра Подрабинека (ст.190-1 УК РСФСР). Ксерокопия. (А.Подрабинека приговаривается к сроку 3 года 6 месяцев 13 дней лишения свободы). В конце текста имеется приписка как в п.31 (л.д. 113). л.д.132-135
38. «Отдельное поручение» следователя Азаряна В.А. № 18-25050 от 15 августа 1983 г. прокурору Мариинского района Кемеровской области с просьбой допросить гр-на Лазаренко Виктора Митрофановича в качестве свидетеля по делу М. Джемилева. В «Отдельном поручении» воспроизводится значительная часть письма М.Джемилева А.Подрабинеку от 4 ноября 1979 г. л.д.136-139
39. Препроводительное письмо прокурора Мариинского района Кемеровской области А.Б.Маркова № 1805 от 30 августа 1983 г. следователю Азаряну В.А. к направляемому протоколу допроса Лазаренко В.М. л.д.140
- 40*. Протокол допроса Лазаренко Виктора Митрофановича от 29 августа 1983 г. (1941 г.р., русский, образование 4 класса, адрес: Кемеровская обл., Мариинский р-он, с.Суслово, ул.Тракторная,41.). Текст протокола рукописный. Допросил прокурор Марков А.В. л.д.141-143

41. Письмо следователя Азаряна № 18 сл-25050 от 15.08.1983 г. на имя начальника учреждения УЯ 64/пб УИТУ МВД УзССР с просьбой сообщить:

— Содержался ли в учреждении УЯ 64/пб Рождествов В.П., в какой период, на каком основании, в каком отделении и с каким диагнозом вменяемости?

— Содержался ли в УЯ 64/пб Лазаренко В.М., в какой период, на каком основании, в каком отделении, с каким диагнозом вменяемости; содержался ли он в одной палате с Рождествовым В.П.?

— Был ли у Рождествова В.П. инцидент с медперсоналом учреждения в связи с обнаруженным у него нелегальным письмом, работал ли в это время Бабаев Р.М.?

— Имеются ли или имелись ли ранее препараты «Трицитил» (в таблетках) и «Галапередол» в каплях и таблетках, если да, то их назначение и характер действия?

— Давали ли Рождествову эти препараты в связи с его отказом рассказать по каким каналам он получил упомянутое письмо?

— Содержится ли в учреждении до настоящего времени Рождествов В.П., если нет, то куда направлен и когда?

л.д.144-145

42. Ответ за подписью и.о. начальника учреждения УЯ 64/пб МВД УзССР Бабаджанова Р.А. и начальника отделения И.Г.Гринберг № 3909 от 25 августа 1983 г. на письмо следователя Азаряна В.А. № 18 сл-25050 от 15 августа 1983 г.

Текст ответа с незначительными сокращениями:

«...1. Рождествов В.П., 1937г.р., находится на принудительном лечении в нашем учреждении с 9 февраля 1978г., согласно определения Судебной Коллегии по уголовным делам Калужского областного суда от 23 ноября 1977 г. и акта амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, проведённой в СИ г.Калуги от 20 октября 1977 г. признан страдающим хроническим заболеванием в форме шизофрении параноидной, невменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния.

2. Лазаренко В.М., 1941г.р., находился в нашем учреждении на принудительном лечении с 25 июня 1974 г. по 5 апреля 1979 г. согласно определения ... Весь период находился в первом отделении. Лазаренко находился в одной палате с Рождествовым....

3. В марте 1979 г. Рождествов через санитаря пытался нелегально передать записку в другое отделение. Вызванный по этому поводу на беседу сообщил, что в конце февраля 1979 г. нелегально отправил письмо своему товарищу, проживающему в Ташкенте. В этот период начальником отделения работал Бабаев Р.М. и он являлся лечащим врачом Рождествова В.П., проводил с ним беседы, никаких письменных объяснений у Рождествова не отбиралось.

4. За время нахождения Рождествова В.П. на лечении ему неоднократно назначалось курсовое лечение различными препаратами, в том числе галапередолом и триседилом. Все

препараты опробованы фармакопией СССР. Основное показание для лечения триседилом и галапередолом применение их при хронических психических заболеваниях, в частности шизофрении.

5. При выборе лечения врачи руководствуются показаниями к применению того или иного средства и назначается лечение только в зависимости от состояния здоровья, а не в связи с какими-либо нарушениями или с отказом сообщить что-либо.

6. Рождествов В.П. продолжает находиться в нашем учреждении. И.о.начальника учреждения Бабаджанов Р.А.
Начальник отделения Гринберг И.Г.»

л.д.146

43*. Протокол допроса Мустафаева Гани Эдемовича от 20 августа 1983 г. (1956 г.р., родился в г. Янгиюле, образование средне-техническое, в 1979 г. закончил сантехнический факультет Ташкентского строительного техникума, работает мастером в ПМК-365 г. Янгиюля; адрес: г. Янгиюль, пер. Родниковый, 37.). Допрошен следователем Азаряном В.А. в прокуратуре г. Ташкента. Текст протокола машинописный.

л.д.147-148

44*. Протокол допроса Аблязизова Дилявера Сулеймановича от 5 декабря 1983 г. (1957 г.р., образование средне-техническое, окончил Ташкентский строительный техникум в 1980 г., мастер ПМК-163 треста № 6, адрес: г. Янгиюль, ул. Полевая, 20.). Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола рукописный.

л.д.149-150

45*. Протокол допроса Ганиева Сервера от 5 декабря 1980 г. (1960 г.р., образование средне-техническое, окончил факультет ПГС Ташкентского строительного техникума в 1980 г., работает мастером в Янгиюльском ДРСУ; адрес: г. Янгиюль, Кирпичный переулок, 15.).

Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола рукописный.

л.д.151-152

46*. Ксерокопия протокола дополнительного допроса Аблаева Решата от 7 декабря 1983 г. Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола машинописный.

л.д.153-154

47*. Письмо Джемилева Мустафы на английском языке, начинающееся со слов «*Dear friend...*» от 24 марта 1980г., (адресат следствием не установлен, письмо было изъято во время обыска у Аблаева Решата).

л.д.155

48. Препроводительное письмо зам. управляющего Ташкентским отделением Всесоюзного акционерного общества по иностранному туризму «Интурист» А.А. Степанянц от 1 декабря 1983 г. следователю Азаряну В.А. к направляемому переводу письма Джемилева М. от 24.03.80 г.

л.д.156

49. Перевод письма М.Джемилева от 24.03.80 г. с английского языка на русский. Письмо начинается со слов «*Дорогой друг! Я был счастлив получить от Вас письмо...*» и заканчивается «*...Всею Вам наилучшего. Мустафа. 24.03.80 г.*»

В конце текста запись: «Верно: Переводчик отделения ВАО «Интурист» Н. Смирнова.» л.д.157-158

50. Письмо Джемилева Мустафы Аблаеву Решату от 5 августа 1980 г. Подлинник (на почтовой бумаге с изображением русской тройки в левом верхнем углу), изъятый при обыске в доме Р.Аблаева. л.д.159-160

51*. Письмо Джемилева Мустафы А.Д.Сахарову от 12 января 1980 г. Машинописная копия. л.д.161

52*. То же письмо Джемилева А.Д.Сахарову от 12 января 1980 г., но отпечатанное на другой пишущей машинке и на более тонкой бумаге. л.д.162

53. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 16.06.1979 г. (№ 1). Машинописная копия из-под красной копирки. В тексте письма следователем подчёркнуты слова:

«...Телефон Григоренок — Нью-Йорк 784-36-78. Попробуйте позвонить (мне удавалось звонить в Лондон и Вену, пока ГБ не очухалось, но сейчас вообще нет телефонной связи ни с Москвой, ни даже с Якутском)... Если дозвонитесь до П.Г. и З.М., передайте наш привет и объясните, что не могу дозвониться, да и денег нет...» л.д.163

54. Письмо (текст открытки) А.Подрабинека М.Джемилеву от 12.10.1979 г. (№ 5). Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«... Есть ли у Вас какие-либо изменения? А как Айше С. выступила на слушаниях, слышали? Молодец! Я был с ней немного знаком (у П.Г.), 16.10. попробую дозвониться до З.М. и П.Г. ...» л.д.164

55. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 4.07.1979 г. (№ 2).

Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«... Адреса Григоренок у меня, к сожалению, до сих пор нет, но должны в скором будущем приехать. При вызове Нью-Йорка код обычно не спрашивают, но на всякий случай даю — (212). Если есть деньги, то советую заказать переговоры с предварительным уведомлением абонента. Кстати, попробуйте просто написать в USA заказное письмо с уведомлением. За потерю такого письма почта выплачивает 11 руб. 76 коп. ...

День рождения П.Г. и З.М. 16 октября.» л.д.165

56. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 8.08.1979 г. (№ 3). Машинописная копия из-под красной копирки. л.д.166

57*. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 24.02.1980 г. с припиской от 9.03.1980 г. Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«... У меня к Вам просьба. Сообщите мне («Совершенно официально» — О.К.?) глушатся ли у Вас «Голос Америки» или другие западные радиостанции, на каких диапазонах, в какое время и каков характер глушения?..

Если захотите тоже заняться этим (если есть склонность!), то дополните мои вопросы, чем сочтёте нужным...

Ещё я предлагаю списаться с другими ссыльными и подать в суд на почту одновременно...»

л.д.167

58*. Вопросник А.Подрабинека с 10 вопросами относительно нарушений почтовых правил и глушения радиостанций, приложенный к его письму от 24.02.1980 г. Машинописные копии в двух экземплярах: один из-под фиолетовой копирки, другой — из-под красной копирки.

л.д.168-169

59*. Письмо М. Джемилева А.Подрабинеку от 29.03.1980 г. (№ 10). Машинописная копия из-под красной копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Бумагу Вы мне прислали в «фирменном» мешочке ЮНЕСКО. У Вас что, непосредственные контакты с этой организацией? Была у меня мечта, чтобы они один номер своего «Курьера» посвятили памятникам культуры крымских татар. Нельзя ли прозондировать их мнение на этот счёт?..»

л.д.170

60*. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 31.01.1980 г. (№ 10). Машинописная копия из-под красной копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Слышал по радио о Вашей подписи под документом «Хельсинки» насчёт Афганистана. Жаль, весь документ не передали...».

л.д.171

61. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 6.01.1980 г. Машинописная копия из-под красной копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«... Насчёт пропавшего письма. Прочитал я его с большим интересом. А позволите ли Вы мне воспользоваться этой информацией, опубликовать его со слов «Где-то в начале 1978 г. ...» до «...использования психиатрии в политических целях» с исключением фамилии и адреса Виктора Митрофановича». Кроме того, я хотел бы сделать некоторые пояснительные сноски. Ваше письмо — хороший документ, написанный живым языком, характеризует порядки и отношения в СГБ и, честное слово, жаль кромсать его на крупницы информации. У нас очень мало таких материалов, т.е. материалов много, но мало достоверных и хорошо написанных. Если Вы согласны, но у Вас какие-нибудь поправки, то напишите сразу, а если поправок нет, то телеграфируйте согласие...».

В конце письма подчёркнут адрес: «Grigorenko 43-30, 48 Street, apt F-4, Long Island city, New York, N.Y., 11104, USA».

л.д.172

62. Машинописный документ «Об образовании общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», датированный 12 мая 1976 г. На каждом листе имеется оттиск ТашНИИСЭ». л.д.173-174

63*. Ксерокопия машинописного документа № 119 Московской группы «Хельсинки» от 21 января 1980 г. по Афганистану. л.д.175

64*. Ксерокопия машинописного текста документа № 58 Московской группы «Хельсинки», озаглавленного «Десять лет спустя» от 16 августа 1978 г. л.д.176-177

65*. Машинописная копия документа № 58 Московской группы «Хельсинки» от 16 августа 1978 г. под заголовком «Десять лет спустя» (см.т.3, л.д. 176-177). В конце текста запись: «Копия верна, снята с подлинника, находящегося в уголовном деле № 35 по обвинению Осиповой Т.» л.д.178-179

66. Ксерокопия рукописного текста приговора от 2 апреля 1981 г. по делу Осиповой Татьяны Семёновны, рождения 15 марта 1949 г., уроженки г. Омска, русской, с незаконченным высшим образованием, по статье 70 ч.1 УК РСФСР. (Приговорена к 5 годам лишения свободы и 5 годам последующей ссылки). Текст написан на судебном бланке. В конце текста запись: «Копия верна, снята с подлинника, находящегося в уголовном деле № 35 по обвинению Осиповой Т.» л.д.180-192

67*. Письмо А.Подрабинека М.Джемилеву от 31.01.1980 г. (№ 10). Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты те же слова, что и в п. 60. л.д.193

68*. Письмо М. Джемилева А. Подрабинеку № 8 от 19.01.1980 г. (№113). Машинописная копия из-под красной копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...написал на днях письмецо А.Дм-чу с просьбой о том, что если сочтут нужным где-то поднять вопрос об отставке и импичменте» ответственных за афганскую авантюру, то в число подписавших заявление включили и меня. И вот сейчас думаю, не потерял ли я верную возможность получить зную страховку, ибо письмо к нему вряд ли попадёт, а оценить его забыл...» л.д.194

69. Ксерокопии двух листов с машинописным текстом оглавления 52-го выпуска «Хроники» от 1 марта 1979 г.. Начинается с главы «Дело о взрыве в метро»; есть раздел «Преследования крымских татар», куда включены статьи «Постановление — 700» (стр.83), «Выселения из Крыма» (стр.84), «Делегации крымских татар в Москве» (стр.91), «Арест Сейдамета Меметова» (стр.97), «Арест Мустафы Джемилева» (стр. 97-99). л.д.195-196

70*. Вопросник А.Подрабинека с 10 вопросами относительно нарушений почтовых правил и глушения западных радиостанций (т.е. повторный экз. док-та, описанного в п.58 — л.д. 168). Имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ».

л.д.197

71*. Письмо М.Джемилева Алексею Смирнову-Костерину от 25.05.82 г. (621). Рукописная копия из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Дай Бог, чтобы «гонки» у тебя там не завершились нежелательным финишем. (Чтобы они, сволочи, не догнали, а поскользнулись бы и разбили себе рыло.)»

На другой странице этого же тетрадного листа — список отправленной корреспонденции за №№ 36-65 (659-691а — Аметов Ильми).

л.д.198

72*. Письмо М. Джемилева Алле Подрабинека № 15 (622) от 28.05.1982 г. из п.Зырянка. Рукописная копия из-под фиолетовой копирки на тетрадном листе. На другой странице листа — часть копии письма А.Смирнову-Костерину от 27.05.1982 г., отправленной из Зырянки вместе с детской книжкой на английском языке.

л.д.199

73*. Письмо М. Джемилева Ирине Гривниной от 27.04.1982 г. (№ 602) из Зырянки. Рукописная копия из-под фиолетовой копирки на тетрадном листе. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Говорят, что недавно по «Свободе» («Азатлык») на казанско-татарском языке читали выдержки из книги Э. Фишера «Крымские татары». Вы бы не смогли по своим каналам добраться до этой книги? Пускай хоть на любом языке...»

На другой странице этого же тетрадного листа — копия письма Р.Музафарову от 30.04.1982 г. на турецком языке.

л.д.200-201

74*. Письмо М. Джемилева Ирине Гривниной от 12.06.1982 г. (№ 623). Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Получил Ваше письмо с английской книжкой, благодарю».

л.д.202

75*. Письмо М. Джемилева Ирине Гривниной от 18.12.1982 г. (№ 674). Машинописная копия из-под копирки на тетрадном листе. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Вам собирался написать и один мой товарищ — житель Ташкента Григорий Матвеевич, большой знаток Древнего Востока. Он несколько лет отсидел при Иосифе, хороший юрист, литератор, автор очень распространённой среди крымских татар поэмы «Факел над Крымом» (о самосожжении Мусы Мамута 23 июня 1978 г.), его книга «Я увожу к отверженным селеньям...» (лагерная тематика, художественная, страниц 850) вышла в ИМКА-Пресс, кажется, в 1978

году. Когда производят шмоны у крымских, то, как правило, «не обижают» и его...»

Имеется пометка карандашом о вложении в письмо Заявления Генеральному прокурору СССР от 25 ноября 1982 г. и ответы Погребижского. На другой странице тетрадного листа имеются тексты поздравительных открыток М. Джемилева Шабанову Эльдару и Зекие Абдуллаевой на крымскотатарском языке с оттисками эквилибриса Мустафы Кырымоглу от 22.12.1982 г.

л.д.203-204

76*. Письмо М. Джемилева Юрию Белову от 10 октября 1982 г. (№ 634) во Франкфурт-на-Майне. Машинописная копия из-под копирки красного цвета на тетрадном листе. На другой странице тетрадного листа часть копии письма М. Джемилева Владимиру Мальцеву (№ 636) от 11.10.1982 г. в Зырянку.

л.д.205

77. Вырезка из газеты «Ташкентская правда» от 26.07.1983 г. со статьёй Кадыева Роллана «Провокаторы ищут пособников, или как они сели в лужу». В конверте. Далее подшиты два листа чистой бумаги (л.д. 208-209).

л.д.207-209

78. «Сборник документов общественной группы содействия выполнения Хельсинкских Соглашений в СССР». Выпуск первый. Нью-Йорк, «Хроника-Пресс», 1977 г. Машинописная копия из-под красной копирки. В числе документов сборника имеются документы под заголовками «Об образовании общественной группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР» (стр.3-4), «О преследовании Мустафы Джемилева» (стр.5-7) за подписью Ю.Орлова, М.Бернштамм, Е. Боннер, Л. Гинзбург. После текста сборника подшиты два листа чистой бумаги (л.д. 265-266).

л.д.210-266

79. Документ № 30 Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР от 2 февраля 1978 г., с приложением списка отключённых телефонов. Текст машинописный. Первая страница документа № 30 отпечатана на специальном типографском бланке Московской группы «Хельсинки».

л.д.267-274

80. Документ № 31 Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР от 2 февраля 1978 г. Текст машинописный, первая страница отпечатана на специальном типографском бланке Московской группы «Хельсинки». К документу № 31 прилагается Обращение Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений Белградскому Совещанию по оценке выполнения Хельсинкских Соглашений от 18 декабря 1977 г. за подписью О. Бердника, И. Кандабы, В. Калиниченко и поддержавших — А. Лавута и Т. Великановой.

л.д.275-278

81. Документ № 32 Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР от 2 февраля 1978 г. Текст машинописный, первая страница отпечатана на специальном типографском бланке Московской группы «Хельсинки». К документу № 32 прилагается Обращение бывших студентов и преподавателей МФТИ по делу Анатолия Щаранского, а также список «отказников». л.д.279-285
82. Документ № 33 Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР от 2 февраля 1978 г. (по делу А. Зиновьева). Текст машинописный, первая страница отпечатана на специальном типографском бланке Московской группы «Хельсинки». После текста документа подшиты три листа чистой бумаги (л.д. 288-290). л.д.286-290
83. Документ № 46 Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР от 20 апреля 1978 г. под заголовком «*Лишение права на труд и права на жилище по политическим мотивам*». К документу № 46 подшиты 10 различных приложений. Тексты машинописные. л.д.291-307
84. Документ № 47 от 22 апреля 1978 г. Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР под заголовком «*Злоупотребления законодательством о труде*». Текст машинописный. На стр.4 документа № 47 (л.д.311) упоминается М.Джемилев и сообщается, что более подробная информация о его положении имеется в документе Группы содействия № 43, упоминается и Айше Сеитмуратова. К документу № 47 прилагается «*Открытое письмо в защиту Григория Гольдштейна*». Первая страница документа № 47 отпечатана на специальном типографском бланке Московской группы «Хельсинки», но несколько иного, чем предыдущие, вида. Название группы здесь отпечатано не на всю ширину бланка, а в верхнем левом углу. л.д.308-313
85. Документ № 45 Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР от 10-16 апреля 1978 г. под заголовком «Преследование адвентистов». Текст машинописный.
К документу № 45 прилагаются:
— Обращение А.Д.Сахарова от 16 апреля 1978 г. к мировой общественности, всем верующим и выступающим за соблюдение прав человека (по делу Влад. Андреевича Шелкова);
— Открытое письмо родственников арестованных адвентистов, от 19 марта 1978 г. (В конце открытого письма для ответов сообщается адрес Дины Владимировны, проживающей в г. Ташкенте по ул. Союзная, 56).
— Протокол обыска от 17 марта 1978 г. в доме гр-ки Нагрецкайте Эйты Казевны в г. Риге.
Далее подшиты два пронумерованных чистых листа бумаги (л.д.328-329). л.д.314-329

ТОМ 4

1. Опись документов 4-го тома, составленная следователем. Текст машинописный, всего 51 пункт.

2*. Обращение Мустафы Джемилева *«Ко всем мусульманам»* от 5 декабря 1981 г. (в связи с голодовкой А.Д.Сахарова и Е.Г.Боннер). Копия рукописная из-под копирки фиолетового цвета.

л.д.1

3*. Письмо Мустафы Джемилева в Японскую радиовещательную Корпорацию «Эн-Эйч-Кей» от 26 октября 1981г. Копия рукописи из-под фиолетовой копирки. В тексте следователем подчёркнуты слова:

«...Если какая-то страна считает правомерной оккупацию части территории своего соседа лишь по праву сильного, по тому же праву вторгается на территорию другого соседа и с помощью штыков устанавливает удобный своей воле режим, беспрепятственно пропагандирует и распространяет свою идеологию в других странах, но в то же время ставит жесткий заслон проникновению информации и идей из других, в том числе, соседних стран, то говорить об искренней дружбе с таким соседом вряд ли приходится...

Но лучше пойти на какие-то экономические жертвы, чем проявить чрезмерную гибкость и, тем самым, способствовать международному произволу. В этом плане, некоторые весьма принципиальные, хотя, возможно, в какой-то мере ущербные для своей экономики санкции и демарши Японии в последние несколько лет вызывают особое удовлетворение у её искренних друзей».

л.д.2

4*. Машинописные фрагменты из книги Владимира Маркмана *«На краю географии»*, изданной в Иерусалиме в 1979 г. Перепечатки страниц 93-100 книги, где повествуется о крымских татарах, Решате Джемилеве и Мустафе Джемилеве. Три машинописные страницы по четыре экземпляра. На всех листах первого экземпляра имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ».

л.д.3-14

5. Ксерокопия всей книги В.Маркмана *«На краю географии»*, издательство Москва-Иерусалим, 1979 г., 146 страниц. На каждом листе ксерокопии отпечатаны по две страницы книги. На первом листе имеется запись от руки:

«Справка. 2 экз. Фотокопии этой книги изъяты при обыске у Заселевича Иосифа, который 13 ноября 1982 г. привлечён к уголовной ответственности по ст.70 УК РСФСР. Следствие ведёт УИГБ Владимирской области».

л.д.15-88

6. *«Положение мусульман в России»*. Машинописный документ, подписанный *«Мусульмане России»*.

л.д.89-92

7. Фотокопия документа *«Положение мусульман в России»*.

л.д.93-94

8. Машинописные тексты с записями передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода». В том числе, передачи «Голоса Америки»:

— от 22 декабря 1979 г. — о статье П.Г.Григоренко в газете «Уолл-стрит Джорнел»;

— от 24 декабря 1979 г. — интервью П.Г.Григоренко сотруднику «Голоса Америки» Виктору Французову по поводу договора ОСВ-2;

— от 16 января 1980 г. — об арестах в СССР, упоминается Решат Джемилев;

— от 23 января 1980 г. — интервью А.Сеитмуратовой корреспонденту радио Ираиде Ванделас;

— от 17 мая 1980 г. — интервью А.Сеитмуратовой корреспонденту радио Зоре Сафир по поводу предстоящей демонстрации солидарности с крымскими татарами в Нью-Йорке у здания ООН.

В записи этого интервью следователем подчёркнуты слова:

«...А.Сеитмуратова: Я знаю о том, что Мустафа Джемилев прислал фото из Якутии и что он там работает, ну, естественно, он в ссылке, а в ссылке — это ещё не за колючей проволокой. Он может писать, но в последнее время меньше стали приходить письма и мы не знаем, что с ним. Однако же мы получили фото — Мустафа и его друг...» (л.д.104).

— от 19 мая 1980 г. — сообщение корреспондента «Голоса Америки» Ольги Чук о демонстрации солидарности с крымскими татарами у здания ООН в Нью-Йорке 18 мая 1980 г.;

— от 20 мая 1980 г. — сообщение корреспондента Ираиды Ванделас о демонстрации солидарности с крымскими татарами у здания ООН в Нью-Йорке 18 мая 1980 г.;

— от 29 сентября 1979 г. — о выступлении А.Сеитмуратовой на Сахаровских слушаниях;

— лист, озаглавленный «Тексты сообщений «Голоса Америки» о процессе Решата Джемилева (Сообщение от 8 августа 1979 г., 20 декабря 1979 г. на русском и узбекском языках, от 21 декабря 1979 г.);

— лист, озаглавленный «Из передач радио «Свобода»;

— передача от 4 декабря 1979 г. (Выступление Айше Сеитмуратовой о деятельности А.Д.Сахарова в защиту прав крымских татар и М.Джемилева).

л.д.95-109

9. Протокол прослушивания магнитофонных записей, изъятых при обыске в квартире Джемилева Асана, от 8 сентября 1983 г. Протокол подписан следователем Азаряном В.А., понятых Митюнина Владимира Юрьевича, проживающего в г.Ташкенте по ул.Былбаса, 16 и Аврова Ильи Борисовича, проживающего по адресу: г. Ташкент, Ц-2, д.5, кв.54.

Приводятся содержания следующих магнитофонных лент.

1. Лента типа А4402-6, 150 м.:

— передача «Немецкой волны», где затрагиваются кремлёвские дела, удаление из Кремля В.Подгорного, «украинская мафия Хрущёва», столкновение интересов Москвы и Пекина в Африке, преследования инакомыслящих в СССР и т.д.;

— запись телефонного разговора Мустафы Джемилева с сотрудником КГБ о его выезде в США, а также разговор М.Джемилева на эту же тему с сотрудником милиции Курбановым;

— телефонный разговор Джемилева Мустафы с Татьяной Осиповой на бытовые темы, об отъезде из Москвы Решата Джемилева, этапировании Александра Подрабиника, об участии в процессе над Подрабиником, о Кадыеве Роллане; о письме из США от Фикрета Юртера, о беседе в «ГБ», что «его задерживают сволочи из КГБ», о ссылке А.Подрабиника;

— передача «Голоса Америки» об интервью с Виктором Красиным о притеснениях евреев в СССР.

2. Лента типа А2601-6Б, 100м.:

— сообщение «Немецкой волны» о самосожжении в Крыму Мусы Мамута и в связи с этим вообще о положении крымских татар в СССР (около двух машинописных страниц); далее об А.И.Солженицыне.

3. Лента А4409-6Б:

— телефонный разговор Джемилева Решата с сотрудниками КГБ (А.М.Сваловым) относительно трудоустройства, о судьбе Джемилева Мустафы, о его выезде в Крым.

4. Лента типа 6, 100м.:

— передача радио «Свобода» о Мустафе Джемилеве и его письме П.Г.Григоренко по поводу разгромленной органами молодёжной организации крымских татар «Союз крымскотатарской молодёжи». Запись передачи начинается со слов:

«...В июне 68 года был выслан из Москвы и 11 сентября арестован в Гулистане. В первой части своего письма, написанного в Ташкенте в ноябре 68 года Мустафа Джемилев по памяти довольно подробно описывает возникновение молодёжной организации крымских татар в Ташкенте...».

Далее излагается краткое содержание первой части письма М.Джемилева, затем следует чтение второй части письма со слов: *«Ушли мы оттуда злые...»* и до конца.

На обратной стороне этой же ленты песня на крымскотатарском языке, стихи на турецком языке.

5. Лента типа А2601-6Б, тип 6:

— передача «Немецкой волны», где говорится о письме из треста «Узоргтехстрой» с осуждением деятельности Решата Джемилева, а затем примерно на 4 машинописных страницах — о положении крымских татар в СССР;

л.д.116-119

— стихотворение на крымскотатарском языке, где говорится о красоте Крыма, о выселении крымских татар из Крыма 18 мая 1944 г., о море, обогрётном кровью, которое на вопрос о том, кто же обогрел его кровью, отвечает *«Москва. Кремль»*.

Прослушивание магнитофонной записи производилось, как указано в протоколе, 8 сентября 1983 г. с 9 час. 10 мин. до 18 час. 20 мин. в присутствии вышеуказанных понятий.

л.д.110-119

10. Протокол прослушивания магнитофонных записей от 9 сентября 1983 г., изъятых при обыске в доме Джемилева Мустафы. Протокол подписан следователем Азаряном и понятыми Митюниным Владимиром Юрьевичем и Авровым И.Б. Приводятся содержания следующих магнитофонных лент:

1. Лента типа А3601-6Д, тип 6, 350 м.:

— передача «Голоса Америки», где говорится о преследованиях инакомыслящих в СССР, о Сахарове А.Д.

2. Кассета МК-60-2. Запись на крымскотатарском и турецком языках. Перевод записи начинается со слов: *«Здравствуй дорогой брат Осман-бей!»*. Следует текст звукового письма М.Джемилева Смаилову Осману (перевод произведён обрывочно), затем Мустафа Джемилев в этом же звуковом письме читает на турецком языке поэму Шюкрю Эльчина *«Бахчесарай чешмеси»*.

3. Кассета МК-60-1. Передача «Голоса Америки» о демонстрации солидарности с крымскими татарами в Нью-Йорке у здания ООН 18 мая 1980 г., выступление Айше Сеитмуратовой.

В конце текста протокола от руки записано:

«Кассета с записями на крымско-татарском языке и турецком языке прослушана в присутствии переводчика — сотрудника редакции газеты «Ленин байрагы» Нагаева С.А. Произведён смысловой и частичный перевод текста и приведены отрывки из стихотворения «Бахчисарайский фонтан». Подпись С.А.Нагаева.

Прослушивание производилось, как указано в протоколе, 9 сентября 1983 г. с 10 час. до 12 час. 10 мин

л.д.120-123

11. Препроводительное письмо начальника секретариата КГБ УзССР В.П.Лонского от 20 июля 1983 г. прокурору г. Ташкента с текстом:

«Направляем на рассмотрение обращение «Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», поступившее из Крымской области.

Приложение: Обращение, на 5 листах»

л.д.124

12*. Обращение *«Главам государств, участников Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»*. Обращение без подписей. Машинописный текст, 1-й экземпляр. (Экземпляр обращения почти не помятый, похоже, что только сгибался вдвое. Отпечатан, предположительно, на пишущей машинке «Unis tbn de Luxe»).

л.д.125-129

13. Рукописное письмо Сеитвапова Эбазера, без даты, начинается со слов *«Мераба дорогие друзья»*. В письме говорится о несвоевременности обращения главам государств, участников Хельсинского Совещания, об «удивлении» Музафарова Р., о необходимости объединения и т.д.

л.д.130

14. «Отдельное поручение» следователя Азаряна В.А. № 18сл-25050 от 21 июля 1983 г. прокурору г. Симферополя с просьбой допросить

Сеитвапова Эбазера и Музафарова Рефика по поводу обращения «Главам государств, участников Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе».

Из текста «Отдельного поручения» Азаряна В.А.:

«...С этим документом и письмом Джемилев направлял курьера в Крым к Сеитвапову Эбазеру, проживающему в г.Симферополе по ул.Скальной. Из содержания ответного письма Сеитвапова, изъятого при обыске Джемилева Мустафы 18.07.83 г. видно, что он и другие инициативники в Крыму выступили против этого документа и собирать подписи под ним отказались.

....допросить по следующим вопросам:

1. Кто привозил «Обращение» из Узбекистана в Крым, чем мотивировал необходимость сбора подписей и направления его за границу.?

2. Какие при этом были рекомендации от Джемилева Мустафы в его письме?

3. Какого мнения о содержании «Обращения» Сеитвапов в настоящее время?

4. При каких обстоятельствах ему стало известно, что Музафаров Рефик удивился наличию своей фамилии под «Обращением»?

Прошу допросить Музафарова Рефика по вопросу: знакомился ли он с «Обращением» и какого о нём мнения?

Приложение: Обращение главам государств, участников Хельсинкского Совещания по вопросу безопасности и сотрудничеству в Европе», письмо Сеитвапова, всего на 6 листах и один конверт.

Ст. следователь прокуратуры г.Ташкента
юрист 2-го класса Азарян В.А.»

л.д.131-132

15. Препроводительное письмо следователя прокуратуры Киевского района г. Симферополя Салахова Э.С. №14-184 от 11 августа 1983 г. следователю Азаряну В.А. к направляемому исполненному отдельному поручению №18сл-25050 от 21.07.1983 г.

л.д.133

16*. Протокол допроса Сеитвапова Эбазера Мустафаевича от 10 августа 1983 г. (1947 г.р., образование 10 классов, работает сварщиком в организации «Межколхозстрой» Симферопольского района, адрес: г.Симферополь, ул.Скалистая, 68). Допросил следователь Салахов Э.С. Текст протокола рукописный.

л.д.134-135

17*. Протокол допроса Музафарова Рефика Ибрагимовича от 11 августа 1983 г. в Симферополе. (1928 г.р., «Крымский» татарин, б/п, образование высшее, профессор кафедры русской литературы Тобольского пединститута, адрес: г. Тобольск, ул.Знаменского, 56 (общежитие)). Допросил следователь Салахов Э.С., текст протокола рукописный.

л.д.136

18*. Протокол дополнительного допроса Сеитвапова Эбазера от 1

октября 1983 г. Допросил следователь Азарян В.А. в прокуратуре Киевского р-на г.Симферополя. Текст протокола машинописный. л.д.137-139

19*. Протокол допроса Сеитваповой Заремы Рушеновны от 1 октября 1983 г. (1954 г.р., родилась в с-зе Дальверзин-2 Бекабадского р-на Ташкентской области, татарка, б/п, образование среднее, работает фасовщицей в в/ч 28307 в медицинском складе). Допрошена следователем Азаряном В.А., текст протокола машинописный. л.д.140

20*. Протокол дополнительного допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 24 августа 1983 г. с 10 час. 30 мин. до 20 час. с перерывом с 14.00 до 15.00. Допрошен в прокуратуре г. Ташкента следователем Азаряном В.А., текст протокола машинописный. л.д.141-150

21*. Письмо Джемилева Мустафы Аблямитову Фуату от 7.04.1982 г. (№ 588). Рукописная копия из-под копирки на тетрадном листе (стр. 61-64 общей тетради).

В тексте письма следователем подчёркнуты слова:

«...Хакан недавно прислал мне опубликованную в номере журнала «Türk Kültürü» поэму «Бахчисарайский фонтан». Высылаю тебе переписанный мною текст. Мне она очень понравилась, но вовсе не из-за того, что там поминают добрым словом и Джемилева...». л.д.151-152

22*. Копия письма следователя Азаряна В.А. № 18сл-25050 от 20 июля 1983г. главному редактору журнала «Йылдыз» Алетдинову Шамилю с просьбой поручить работникам редакции журнала сделать перевод с турецкого языка на русский поэмы Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан», а также прислать отзыв по содержанию этой поэмы. л.д.153

23. Препроводительное письмо гл. редактора журнала «Йылдыз» Шамиля Алядинова от 26.07.1983 г. следователю Азаряну В.А. к направляемому подстрочному переводу на русский язык стихотворения Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан». л.д.154

24. Поэма «Бахчисарайский фонтан», Шюкрю Эльчин. Подстрочный перевод, сделанный работниками редакции журнала «Йылдыз».

Строки из подстрочного перевода:

«...Гаспринский Исмаиль у этого фонтана познал дыхание истории.

У этого фонтана прошлые времена возбудили у Джемилева печальные воспоминания.

...В дорогах Сибири одну печальную песню спела Судакская девушка,

Когда она произнесла «Прощай, родина моя!», то нутро моё разорвала разлука.

Теперь погасла свеча, освещавшая мавзолеей Аджи-Гирея,

В деревне Салачик птицы перестали петь, земля потрескалась от безводья.

...Горе сыновей невозможно описать.

В эту ночь человечество ползло по земле, вся страна стала тюрьмой.

...Наша эмблема, изображавшая трёхзубый гребешок, означала счастливое время, теперь мы унижены, оскорблены...

В тексте подстрочного перевода возле некоторых слов проставлены цифры (всего 19 цифр), а в конце текста приводится словарь — комментарий к обозначенным цифрами словам. Цифра 5 содержит следующий комментарий: «5 — здесь Джемилев употреблён во множественном числе, видимо, имеется в виду Мустафа Джемилев».

л.д.155-157

25*. Ксерокопия поэмы Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан» на турецком языке из журнала «Тюрк Кюльтюрю» (см. т.1, л.д. 73-74).

л.д.158-159

26*. «Отзыв на стихотворение Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан» за подписью работников редакции журнала «Йылдыз», членов Союза писателей СССР Шамиля Алядина, Закира Куртнезира и Айдера Османова от 10 августа 1983 г.

л.д.160

27. Постановление следователя Азаряна В.А. от 18 августа 1983 г. о назначении судебно-литературоведческой экспертизы для определения содержания поэмы Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан».

Из текста Постановления от 18.08.1983 г.:

«...Принимая во внимание, что для определения содержания поэмы и её оценки необходимо производство экспертизы, а для этого нужны специальные познания.

Руководствуясь ст.143 УПК УзССР,

П о с т а н о в и л :

Назначить по настоящему делу судебно-литературоведческую экспертизу, производство которой поручить Союзу писателей УзССР.

На разрешение экспертизы поставить следующие вопросы:

1. Какова идейно-политическая направленность содержания представленной на экспертизу поэмы «Бахчисарайский фонтан»?

2. Содержатся ли в поэме заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему?

В распоряжение экспертизы представить поэму «Бахчисарайский фонтан» на турецком языке и «Отзывы» по содержанию поэмы работников редакции журнала «Йылдыз».

Ст. следователь прокуратуры г. Ташкента Азарян В.А.»

л.д.162

28. «Подписка» младшего научного сотрудника Института языка и литературы им.Пушкина АН УзССР Хаккулова И. о том, что ему разъяснены права и обязанности эксперта, предусмотренные ст.70 УПК УзССР, и что он предупреждён об ответственности за отказ от дачи заключения или дачу заведомо ложного заключения.

л.д.162

29. «Подписка» (аналогичная т.4. л.д.162) старшего научного

сотрудника Института языка и литературы им. А.С.Пушкина АН УзССР Б.Сарымсакова. На обоих «подписках» оттиск штампа с текстом: «Заверяю. Учёный секретарь Института языка и литературы им.А.С. Пушкина АН УзССР».

л.д.163

30*. «О поэме «Бахчисарайский фонтан», Шюкрю Эльчин». Отзыв на поэму за подписью сотрудников Института языка и литературы им. А.С.Пушкина АН УзССР кандидатов филологических наук Б.Сарымсакова и И.Хаккулова. Отзыв отпечатан на специальном бланке Института им. Пушкина, расположенного по адресу: г. Ташкент-170, ул. Академика Муминова, 9, тел. № 62-42-64. На отзыве нет ни даты, ни исходящего номера.

л.д.164

31*. Фотокопия поэмы Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан» на турецком языке. Полное описание см. т.1, л.д. 73-74 (п.13)

л.д.165-166

32. Постановление следователя Азаряна В.А. от 10 сентября 1983 г. о возбуждении ходатайства о продлении срока следствия. Следователь ходатайствует продлить следствие по делу Джемилева Мустафы до 16 ноября 1983 г. Необходимость продления следствия мотивируется следующими обстоятельствами (из текста Постановления):

«...По делу предстоит выполнить следующие следственные действия:

Установить и допросить лиц, знающих жителя США Мемета Севдияра, с которым Джемилев поддерживает переписку и который являлся одним из руководителей профашистской газеты «Азат Крым» в годы войны.

Допросить жителя г. Москвы Шустера А. по поводу клеветнической информации, которой обменивался с ним Джемилев.

Поскольку 5 июня 1983 г. на Керченской паромной переправе Джемилев совместно с другими лицами участвовал в групповых действиях, повлёкших нарушение работы транспорта на переправе, произвести расследование этого факта, и другие следственные действия, вытекающие из обстоятельств дела».

Имеется резолюция зам.прокурора г. Ташкента ст.советника юстиции Ф.К.Фазылова от 12 сентября 1983 г. с записью: «Продлено до 16.11.1983 г.»

л.д.167-168

33. Постановление следователя Азаряна В.А. от 5 ноября 1983 г. о возбуждении ходатайства о продлении срока следствия. Следователь ходатайствует продлить срок следствия до 16 января 1984 г., мотивируя это тем, что необходимо ещё допросить Джемилева Анафи, Джемилева Асана, Джемилева Решата, Сеутова Сервера, расследовать эпизод на Керченской паромной переправе, допросить самого Джемилева Мустафу, получить заключение судебно-автороведческой экспертизы, а также произвести следственные действия в связи с газетой «Азат Крым». В конце текста постановления запись «Согласен» —

зам.прокурора г. Ташкента, ст.советник юстиции Ф.К.Фазылов».

Резолюция зам.прокурора УзССР Государственного советника юстиции 2-го класса НБ. Бураходжаева: «Продлено до 31 декабря 1983 г.»

л.д.169-171

34. Постановление следователя Азаряна В.А. от 15 сентября 1983 г. о назначении экспертизы по содержанию материалов по уголовному делу № 25050.

Из текста постановления:

« ... П о с т а н о в и л :

Назначить экспертизу по установлению идейного содержания рукописей, отдельных записей, писем, машинописных текстов литературного характера, изъятых при обысках по настоящему уголовному делу, производство которой поручить Главному директору программы Узбекского телевидения кандидату философских наук Шейнфельду Р.А.

На разрешение экспертизы поставить следующие вопросы:

1. Дать оценку деятельности «Комитета за возвращение татар на свою Родину» и т.н «Национального центра крымских татар в Нью-Йорке». Является ли её деятельность подрывной по отношению к СССР?

2. Дать оценку деятельности руководителя Комитета Юртера Фикрета.

3. Содержатся ли заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй в СССР и его политическую систему в книге «Шесть дней», в предисловии Фонда «Крым» к книге «А когда мы вернёмся», в письме Джемилева Мустафы А.Д. Сахарову, фотокопии документа «Положение мусульман в России», обращении Джемилева М. «Ко всем мусульманам», в письме Джемилева М. редактору «Эн-Эйч-Кей», в книге В.Маркмана «На краю географии», Обращении «Главам государств, участников Хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», обращении «В организацию «Исламская конференция», машинописных текстах радиопередач «Голоса Америки» и одной передачи «Радио Свобода»?

4. Содержатся ли заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему в обращении Джемилева Мустафы «К мировой общественности», опубликованной в книге «Шесть дней»?

В распоряжение экспертизы представить следующие материалы...»

(Далее следует перечень материалов вышеупомянутых в тексте Постановления, а также общая тетрадь объёмом 89 рукописных страниц).

л.д.172-173

35*. Заключение экспертизы по содержанию материалов по уголовному делу № 25050 от 31 октября 1983 г. за подписью эксперта — заместителя Главного директора программы Узбекского телевидения, кандидата философских наук Р.А.Шейнфельда.

л.д.174-182

36. Постановление следователя Азаряна В.А. от 25 сентября 1983 г. о назначении судебно-автороведческой экспертизы.

Из текста постановления:

«... П о с т а н о в и л :

Назначить по настоящему делу судебно-автороведческую экспертизу, производство которой поручить ТашНИИСЭ им. Х.Сулеймановой.

На разрешение экспертизы поставить следующий вопрос:

Не является ли автором обращения «Главам государств, участников Хельсинского Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе» и «В организацию «Исламской Конференции», в копии «В Президиум Верховного Совета СССР» Джемилев Мустафа?

В качестве сравнительных образцов представить:

- 1. Фотокопию обращения «К мировой общественности» на 2 листах;*
  - 2. Заявление Джемилева Мустафы об отказе от советского гражданства, на 2 листах;*
  - 3. Заявление Джемилева Мустафы «Генеральному прокурору СССР» от 18 августа 1982 г. на 5 листах;*
  - 4. Заявление Джемилева Мустафы председателю Ташгорсуда от 12.09.79 г. на 1 листе;*
  - 5. Заявление Джемилева Мустафы прокурору Верхнеколымского района ЯАССР от 15 мая 1980 г. на 2 листах;*
  - 6. Заявление Джемилева Мустафы начальнику Верхне-Колымского РОВД от 29 февраля 1982 г. на 3 листах;*
  - 7. Заявление Джемилева Мустафы Председателю Верховного Суда УзССР от 9.09.1979 г. на 9 листах;*
  - 8. «Кассационное заявление» Джемилева М. в Ташгорсуд от 18.03.79 г. на 4 листах;*
  - 9. Письмо Джемилева Мустафы Саше от 4 ноября 1979 г. на 2 листах;*
  - 10. Глава «События за пределами Крыма» из сборника «События в Крыму», составленного Джемилевым на 20 листах;*
  - 11. Письмо Джемилева М. «Джеппар-аге» от 6 февраля 1983 г. на 3 листах;*
  - 12. Письмо Джемилева М., начинающееся словами «Селям дорогая Ава» от 19.03.1983 г. на 3 листах;*
- Для сведения: документ под номером 1 Обращение «К мировой общественности» также составлен Джемилевым.*

Ст.следователь прокуратуры г.Ташкента юрист 2-го класса Азарян В.А.»

Материал получил 19.09.1983 г. зав.лабораторией А.Расулов, тел. 771334.

л.д.183-184

37. Препроводительное письмо зам.директора ТашНИИСЭ № 2115 от 12 октября 1983г. прокурору г.Ташкента к направляемому материалу по делу № 25050 с приложением на 70 листах.

л.д.185

- 38*. Заключение по судебно-автороведческой экспертизе № 2175 от 12 октября 1983 г. по уголовному делу № 25050 по обвинению Джемилева М., за подписью эксперта — зав.лабораторией КЭД А.С.Расулова. л.д.186-187
- 39*. Обращение в Организацию Исламская Конференция, копия в Президиум Верховного Совета СССР. На каждом листе обращения имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.188-192
- 40*. Ксерокопия машинописного текста Обращения «Главам государств, участников Хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» от имени крымских татар. На всех листах обращения имеется оттиск штампа «ТашНИИСЭ». л.д.193-199
- 41*. Фотокопия листов из книги «Шесть дней» с текстом обращения Джемилева Мустафы «К мировой общественности» по поводу самосожжения в Крыму Мусы Мамута, написанного в июне 1978 г. л.д.200-201
- 42*. Заявление Джемилева Мустафы от 21 января 1979 г. «Об отказе от советского гражданства», адресованное в Президиум Верховного Совета СССР и начальнику Октябрьского райотдела милиции г. Ташкента. Копия рукописи из-под красной копирки. (Экземпляр, сданный в Октябрьский РОВД г. Ташкента — имеется входящий номер «Дж-1/ 22.01.1979 г.», а снизу текста запись: «Получила Зарипова — 22.01.1979 г.»
На обоих листах заявления имеется оттиск «Образец». л.д.202-203
- 43*. Заявление Джемилева Мустафы Генеральному прокурору СССР и в копии прокурору Ташкентской области от 18 августа 1982 г. с подписями Мустафы Джемилева и Сафинар Джемилевой, подтверждающей содержание заявления. На всех листах обращения имеется оттиск «Образец». л.д.204-208
- 44*. Заявление Джемилева Мустафы председателю Ташгорсуда и адвокату Джемилева Решата от 12.09.1979 г. с подл. подписью М.Джемилева. Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. Имеется оттиск «Образец». л.д.209
- 45*. Заявление Джемилева Мустафы прокурору Верхнеколымского района Якутской АССР Канину И.В., в копии начальнику управления связи Якутской АССР от 15 мая 1980 г. Машинописная копия из-под фиолетовой копирки. На обоих листах заявления имеется оттиск «Образец». л.д.210-211
- 46*. Заявление Джемилева М. начальнику Верхнеколымского РОВД майору Ширококову В.С. от 29.02.1980 г. Текст машинописный, в конце текста запись от руки: «Объяснение принял. Капитан милиции Скрекотень. 4 марта 1980 г.» Копия из-под фиолетовой копирки. На всех листах заявления имеется оттиск «Образец». л.д.212-214

47*. Заявление Джемилева Мустафы под заголовком «О чём темнит «Вечерний Ташкент» от 9.09.1979 г., адресованное председателю Верховного Суда УзССР, в копии редактору газеты «Вечерний Ташкент» Караматову С.М. Машинописная копия из-под фиолетовой копирки, с подл. подписью автора. На всех листах текста имеется оттиск «Образец».

л.д.215-223

48. «Кассационное заявление» Джемилева Мустафы в Ташгорсуд от 18 марта 1979 г. В конце последнего листа имеется также текст препроводительного письма начальника учреждения УЯ/64-ИЗ-1 Зелих от 19.03.1979 г. № 39-9 в Нарсуд Октябрьского р-на г. Ташкента к направляемой «кассационной жалобе» Джемилева М. Текст машинописный из-под фиолетовой копирки, с оттиском «Образец» на каждом листе.

л.д.224-227

49*. Письмо М.Джемилева А.Подрабинеку от 4 ноября 1979 г. с подл. подписью автора. Текст машинописный из-под голубой копирки, с оттиском «Образец» на обоих листах.

л.д.228-229

50. Ксерокопия машинописного раздела «События за пределами Крыма» из сборника «События в Крыму». Включено 13 отдельных сообщений, в т.ч.:

— сообщение об «Общественном суде» над Джемилевым Решатом от 10.02.78 г.;

— инцидент на татфаке ТГПИ 16.03.1978 г. в связи со стенгазетой об Эшрефе Шемьи-заде (л.д.232);

— арест Мурахаса Нурфета 30 апреля 1978 г. в г. Янгиюле (л.д.234);

— судебный процесс Ю.Орлова 16-18 мая 1978 г. и арест 18 мая А.Подрабинека (л.д.235);

— об анонимной статье «Халкъ адамлары», распространённой в мае-июне 1979 г.;

— задержание М.Джемилева милицией 31 мая 1978 г. возле гостиницы «Узбекистан» (л.д.237);

— допрос поэта Эскендера Фазыла в КГБ 28 июня 1978 г. (л.д.238);

— «собеседование» начальника КГБ г. Тойтепа капитана Абдумавлянова с Меджитовым Эмиром (л.д.239);

— запрет на выезд из Ташкента в Крым Шамилеву Решату в августе 1978 г.;

— запрет на выписку из Ташкента для выезда в Крым Азаматовой Афизе в сентябре 1978 г.;

— «Антиконституционное указание министра против крымских татар», октябрь 1978 г. (л.д.242-244);

— «Кампания кассационных заявлений крымских татар», март 1977 — июнь 1978 г. (л.д.245-249);

На всех листах имеются оттиски «Образец» и ксерокопические оттиски «ТашНИИСЭ».

л.д.230-249

51*. Ксерокопия рукописного письма Джемилева Мустафы Акимову

Джеппару от 6 февраля 1983г. В тексте письма следователем подчеркнуты слова:

«...*Расследование обстоятельств насильственных выселений крымских татар из Крыма (на основе сборника «События в Крыму», 1979 г.)...*»

На всех листах текста имеются оттиски «Образец».

л.д.250-252

52*. Письмо Джемилева М. Азаматовой Аве от 19.03.1983 г. Ксерокопия машинописного текста, на всех листах — оттиски «Образец».

л.д.253-255

53*. Протокол дополнительного допроса Аблаева Решата от 2 сентября 1983 г. Текст протокола машинописный, но к делу подшита трудно разборчивая ксерокопия.

л.д.256-258

54*. Протокол дополнительного допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 10 сентября 1983 г. Текст машинописный. Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.259-265

55. Приговор Нарсуда Ленинского р-на г. Ташкента от 12 мая 1966 г. под председательством Пулатовой по обвинению Джемилева М. по ст.70 ч.1 УзССР.

л.д.266-268

56. Приговор Ташгорсуда от 19 января 1970 г. под председательством Писаренко по обвинению И.Габая и М.Джемилева по ст. 191-4 УК УзССР и ст. 190-1 УК РСФСР. Ксерокопия машинописного текста,

л.д.269-279

57. Приговор Нарсуда г.Гулистана от 19 июля 1974 г. под председательством Хазраткулова по обвинению М.Джемилева по ст.199 ч.1 УК УзССР.

л.д.280-281

58. Приговор Омского облсуда от 15 апреля 1976 г. под председательством Аносова Ю.И. по обвинению М.Джемилева по ст.190-1 УК РСФСР. Машинописная копия.

л.д.282-286

59. Приговор Октябрьского райнарсуда г.Ташкента под председательством Петрова от 6 марта 1979 г. по обвинению Джемилева М. по ст.199-3 УК УзССР. Машинописная копия.

л.д.287-291

60. Требование следователя Азаряна В.А. в Информационный Центр МВД УзССР о судимости М.Джемилева (Приложение № 10 к инструкции). На обратной стороне бланка имеется информация о судимостях М.Джемилева, включая приговор от 6.03.1979 г. Записано 8.08.1983 г.

л.д.292

61. Требование следователя Азаряна В.А. в ГНИЦУИ МВД СССР (г. Москва, Центр, ул.Кирова, 3) о судимостях М.Джемилева. «Справку наводила сотрудник ЦО МК ГНИЦУИ».

л.д.293

62*. Производственная характеристика на слесаря водопроводной сети Янгиюльского производственного управления «Водоканал», за подписью директора учреждения Г.Эльперина и председателя профкома В.Хегай. Дата выдачи характеристики не указана. Текст машинописный. л.д.294

63*. Протокол допроса Шустера Александра Львовича от 17 сентября 1983 г. с 11 час. 50 мин. (1941 г.р., еврей, образование высшее, младший научный сотрудник БНИПИ-нефть, адрес: г. Москва, ул. 34, кв.71, тел. 2643668). Допросил следователь Азарян В.А. Показания написаны А.Шустером собственноручно. л.д.295-296

ТОМ 5

1. Опись документов 5-го тома, составленная следователем. Текст машинописный, всего 86 пунктов.

2. Препроводительное письмо начальника секретариата КГБ УзССР В.П.Лонского № 5/4-13725 от 9 сентября 1983г. прокурору г. Ташкента Фазылову Ф. С текстом:

«Направляем на Ваше рассмотрение материалы, поступившие из Краснодарского края.

Приложение: по тексту, на 25 листах.»

л.д.1

3*. Ксерокопия машинописного текста письма начальника Керченской паромной переправы М.И.Колесникова № Н 809 от 9 июля 1983 г. прокурору Краснодарского края по поводу инцидента 5 июня 1983 г. с приложением рапортов ст.помощника капитана «Керченский 2» Иванова, диспетчера переправы Кулагиной и билетного кассира Рудневой, всего на 3-х листах.

л.д.2

4*. «Рапорт» билетного кассира Рудневой В. от 5.06.1983 г. на имя начальника Керченской паромной переправы Колесникова М.И.. Текст рукописный.

л.д.3

5*. «Рапорт» диспетчера Кулагиной Г.Д. от 5.06.1983 г. на имя начальника Керченской паромной переправы Колесникова М.И.. Текст рукописный.

л.д.4

6*. «Рапорт» сменного ст. помощника капитана п/п «Керченский-2» Иванова М.Г. на имя начальника Керченской паромной переправы Колесникова М.И от 5.06.1983 г. Текст рукописный.

л.д.5

7*. «Рапорт» ст. инспектора ОВД Темрюкского РИКа Мороз П.И. от 5.06.1983 г. начальнику Темрюкского РОВД майору Пихтереву Ю.В. Текст рукописный.

л.д.6-7

- 8*. «Рапорт» командира взвода ДПС ОВД Темрюкского РИКа ст. лейтенанта милиции Гудзь В.П. начальнику Темрюкского РОВД майору Пихтереву Ю.В. (без даты). Текст рукописный. л.д.8-11
- 9*. «Рапорт» ст. лейтенанта Дереева Г.Г. от 7.06.1983 г. командиру отдельного дивизиона дорожного надзора (ОДДН) подполковнику милиции Головки Н.Д.. Текст рукописный. л.д.12-14
- 10*. «Рапорт» инспектора по розыску ОДДН г. Абинска лейтенанта милиции Зубова Н.Г. командиру отдельного дивизиона дорожного надзора милиции ГАИ УВД Краснодарского края подполковнику милиции Головки Н.Д.. л.д.15-16
- 11*. «Рапорт» старшины дивизиона ОДДН УВД Краснодарского крайисполкома г. Абинска Гусельникова С.А. от 6.06.1983 г. л.д.17-18
- 12*. «Рапорт» зам. начальника Темрюкского РОВД по политвоспитательной работе Зайцева В.П. от 5.06.1983 г. начальнику Темрюкского РОВД Пихтереву Ю.В. л.д.19-25
13. Протокол о нарушении М.Джемилевым правил административного надзора от 8 июня 1983 г., *«выразившегося в том, что прибыл без разрешения в ст. Тамань, т.е. отклонился от маршрута не имея разрешения Абинского РОВД»*. Составлен участковым инспектором Таманского ПОМ лейтенантом Муслангером В.Ч. Указано, что от *«объяснения и подписи в протокол поднадзорный Джемилев Мустафа отказался в присутствии понятых Усеиновой Шеха и Вабщевой Галины Сергеевны»*. л.д.26
14. Препроводительное письмо начальника секретариата КГБ УзССР В.П.Лонского № 423 от 13 сентября 1983 г. прокурору г. Ташкента с текстом:
«Направляем на Ваше рассмотрение обращение «В организацию Исламской Конференции», копия в Президиум Верховного Совета СССР, поступившее из Крымской области.
Приложение: упомянутое, на 5 листах». л.д.27
- 15*. Обращение «В Организацию Исламская Конференция», копия в Президиум Верховного Совета СССР, по поводу беззаконий властей на похоронах 5 июня 1983 г.
 В тексте обращения подчеркнуты слова:
*«...Но органы власти, предпринимающие все меры, чтобы не допустить возвращения крымских татар на свою Родину и открыто провозгласившие курс на славянизацию Крыма...
 Скорее пойдут на самые крайние меры, чем пропустят покойника на территорию Крыма...
 Нашему народу уготована участь русификации, утеря своей национальной культуры и самобытности, исчезновение как нации...»*

Действия властей на похоронах 5 июня 1983 г. являются лишь одним эпизодом, иллюстрирующим их пренебрежение к нашим религиозным чувствам и национальным обычаям...

Мы обращаемся к своим единоверцам и ко всем людям доброй воли поднять голос в защиту наших суверенных прав...»

л.д.28-32

16. Постановление следователя Азаряна В.А. от 8 сентября 1983 г. о производстве обыска в доме Азаматовой Авы Сейтумеровны, по адресу: Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Тамань, ул. Лебедева, 4. Постановление утверждено прокурором Ф.Физаловым 13 сентября 1983 г. Запись «*Постановление мне объявлено 20 сентября 1983 г.*» Подпись Азаматовой Авы.

л.д.33

17. Протокол обыска в доме Азаматовой Авы в ст. Тамани от 20 сентября 1983 г. Обыск произведен по делу Джемилева Мустафы следователем Азаряном В.А. В числе изъятого во время обыска:

Письма Джемилева Мустафы Азаматовой Аве от 7.07.1983 г., 28.07.1983 г., и 19.03.1983 г., письмо Джемилева М. Карашаеву С.Умеру от 26.12. 1978 г., рукопись, начинающаяся словами «*Отвоеванное сердце*» на 10 листах и лист с адресом: 117410, Москва, ул.Новочеремушкинская, д. 51-1-77, Усеинова Фериде, дом. тел. 120-63-82.

л.д.34

18*. Письмо Джемилева Мустафы Азаматовой Аве от 28.07.1983 г. Рукопись, подлинник.

л.д.35

19. Письмо Джемилева Мустафы Карашаеву С.Умеру от 26.12.1978 г. на крымскотатарском языке. Письмо является ответом на поздравительную открытку С.Умер Карашаева. М.Джемилев просит адресата прислать ему информацию о делах и ситуации крымских татар, проживающих в тех краях. На листе с письмом имеется оттиск экслибриса Мустафы Кырымоглу с очертанием Крымского полуострова, в который вписаны полумесяц со звездой.

л.д.36

20*. Письмо Джемилева Мустафы Азаматовой Аве от 19.03.1983 г. Рукопись, подлинник.

л.д.37-38

21*. Письмо Джемилева Мустафы Азаматовой Аве от 19.03.1983 г. Машинописный текст.

л.д.39-41

22*. Протокол допроса Азаматовой Авы от 20 сентября 1983 г., с 10.00 до 11 час 30 мин. (родилась 6 ноября 1957 г. в г. Бекабад, татарка, чл. ВЛКСМ с 1972 г., образование среднее специальное, окончила в 1977 г. Краснодарское культпросветучилище, хореографическое отделение, работает балетмейстером во дворце культуры «Юность» винсовхоза «Южный» в ст. Тамань. Служ. Телефон 385, адрес: ст.Тамань, ул. Косоногова, 33). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.42-44

23*. Протокол допроса Абдуллаева Икмета Муртазаевича от 21 октября 1983 г. (родился 4 июня 1947 г. в г. Бухаресте, Румыния, образование средне-техническое, окончил в 1966 г. Самаркандский гидромелиоративный техникум; работает инженером-строителем Темрюкского райпищекombината. Адрес: Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Сенной. Допросил следователь Азарян В.А. в прокуратуре Темрюкского района.

л.д.45-47

24*. Протокол допроса Гудзь Виктора Петровича от 21 сентября 1983 г. (1955 г.р., родился в ст. Тамань, русский, кандидат в члены КПСС с октября 1972 г., образование высшее, окончил в 1977 г. Кубанский сельхозинститут, командир взвода дорожно-патрульной службы ОВД Темрюкского РИКа; адрес: г. Темрюк, ул. Таманская, дом 56, кв. 32, тел.52918). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.48-50

25*. Протокол допроса свидетеля Мороз Петра Ивановича от 22 сентября 1983 г. в прокуратуре Темрюкского района. (1954 г.р., русский, образование среднее, старший инспектор ОВД Темрюкского РИКа, адрес: Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Старо-Татаровская, пер. Железнодорожный, 5). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.51-53

26*. Протокол допроса Зайцева Владимира Петровича от 22 сентября 1983 г. в прокуратуре Темрюкского района. (1949 г.р., национальность украинец, родной язык — русский, член КПСС с 1971 г., образование высшее юридическое, зам.начальника Темрюкского РОВД по политико-воспитательной работе; адрес: г. Темрюк, ул. Таманская, 56 «б», кв.4). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.54-65

27*. Протокол допроса Кулиш Михаила Ивановича от 23 сентября 1983 г. в прокуратуре Темрюкского района. (1924 г.р., русский, член КПСС с 1953 г., образование высшее, секретарь Темрюкского райисполкома, тел. 5-12-54. Адрес: г. Темрюк, ул. Ленина, 34, кв.2, тел. 5-12-79). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.66-70

28*. Протокол допроса Дереева Геннадия Григорьевича от 25 сентября 1983 г. в прокуратуре Абинского района. (1948 г.р., русский, образование средне-техническое, дежурный инспектор Абинского дивизиона дорожного надзора. Адрес: г. Абинск, ул. Лермонтова, 25а). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.71-75

29*. Протокол допроса Зубова Николая Георгиевича от 25 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа. (1953 г.р., русский, член КПСС с 1976 г., образование средне-техническое, инспектор по розыску отдельного дивизиона дорожного надзора милиции УВД Краснодарского крайисполкома с местом дислокации в г. Абинске, адрес: г. Абинск, ул. Ленина, 7). Допросил следователь Азарян В.А.

л.д.76-79

- 30*. Протокол допроса Усеинова Февзи Абдурашидовича от 26 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа. (Род. в 1947 г. в Пастдаргомском р-не Самаркандской области, татарин, образование средне-техническое, закончил в 1972 г. Ферганский заочный техникум бытового обслуживания, до 16 сентября 1983 г. работал во вневедомственной охране ОВД Абинского РОВД бригадиром электромонтёров; адрес: г. Абинск, ул. Мичурина, 14). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.80-84
- 31*. Протокол допроса Чайлак Рефата от 26 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа. (1933 г.р., родился в дер. Токлук Судакского р-на Крымской АССР, образование средне-техническое, окончил в 1958 г. Ташкентский гидромелиоративный техникум, татарин, слесарь Абинского поста смазки Крымской райнефтебазы, адрес: г. Абинск, пер.Южный, дом № 6). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.85-89
- 32*. Протокол допроса Сеитвелиева Ризы от 26 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа. (1948 г.р., родился в г. Китаб Узбекской ССР, образование высшее, окончил Ташкентский политехнический институт в 1974 г., работает механиком в Абинском ПМК-16, адрес: г. Абинск, ул. Красноармейская, 46). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.90-94
- 33*. Протокол допроса Асанова Амета от 26 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа. (1943 г.р., родился в г. Ялте, образование средне-техническое, окончил автодорожный техникум в 1970 г., механик Абинского межколхозстроя, адрес: г. Абинск, ул.Молодёжная, 71). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.95-98
- 34*. Протокол допроса Измаилова Халила от 27 сентября 1983 г. в ОВД Крымского РИКа Краснодарского края. (1909 г.р., родился в дер. Токлук Судакского р-на Крымской АССР, образование среднее, а также окончил 2-х годовичные педагогические курсы, пенсионер; адрес: Краснодарский край, Крымский р-он, п. Нижняя Баканка, ул. Клары Цветкиной, 6). Допросил следователь Азарян В.А. л.д. 99-101
- 35*. Протокол допроса Шаман Дины Романовны от 27 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа с 15.00 до 15 час. 20 мин. (1919 г.р., русская, член КПСС с 1963 г., образование высшее, врач эпидемиолог Абинской райСЭС; адрес: г. Абинск, ул. Пионерская, 153). л.д.102-103
- 36*. Протокол допроса Добровольского Анатолия Владимировича от 27 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа с 15 час. 30 мин. до 16 час. 20 мин. (1935 г.р., род. в г. Кривой Рог, русский, член КПСС с 1966 г., санитарный врач, адрес: г. Абинск, проспект Комсомольский, 76, кв. 5). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.104-105
- 37*. Протокол допроса Гусельникова Сергея Алексеевича от 27 сентября 1983 г. в Абинском ОВД. (1957 г.р., русский, член КПСС с

- 1981 г., образование среднее, старшина дивизиона ОДДН УВД Краснодарского крайисполкома в г. Абинске; адрес: Краснодарский край, Крымский р-он, Пригородный сельсовет, ул. Ворошилова, 42). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.106-109
- 38*. Протокол допроса Аметова Ильми Ганиевича от 27 сентября 1983 г. в ОВД Абинского РИКа с 17.00 до 18.15. (1947 г.р., родился в г. Каттакурган Самаркандской области, татарин, образование средне-техническое, мастер Абинского общества охраны памятников; адрес: г. Абинск, ул. Красноармейская, 48). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.110-113
39. Адресная справка адресного бюро УВД Крымского облисполкома на Аблаева Ремзи, 1941 г.р. Имеется штамп с записью о том, что сведений о прописке и выписке Аблаева Р. не имеется (на 1.10.1983 г.) л.д.114
40. Адресная справка Абинского ГОВД Краснодарского края на Чавушева Усеина. Имеется пометка «не значится» от 26.09.1983 г. л.д.115-116
41. Адресная справка на Рамазанова Аблякима Абинского ГОВД. Указан адрес: г. Абинск, пер. Новороссийский. Исполн. 26.09.1983 г. л.д.117
42. Адресная справка Абинского ГОВД на Аметова Ильми. Согласно записи от 26.09.1983 г. Аметов И. прописан в г. Абинске по ул.Красноармейская, 48 с 5.02.1981 г. л.д.118
43. Письмо следователя Азаряна В.А. от 27.09.1983 г. начальнику ОВД Темрюкского района Пихтереву с просьбой сообщить проживает ли в Темрюкском районе Сейдалиев Осман. Письмо рукописное, копия из-под копирки. л.д.119
44. Ответное письмо начальника Темрюкского ОВД № 13868 от 18.10.1983 г. следователю Азаряну В.А. о том, что Сейдалиев Осман по учёту паспортного отделения прописанным, выписанным в г.Темрюке не значится. Письмо поступило в прокуратуру г. Ташкента 3 ноября 1983 г. л.д.120
- 45*. Протокол допроса Бариева Айдера от 28 сентября 1983 г. в ОВД Крымского РИКа Краснодарского края с 9 час. до 10 час. 30 мин. (1938 г.р., родился в дер. Коклус Куйбышевского р-на Крымской АССР, образование средне-техническое, окончил в 1971 г. Чиназский сельхозтехникум, осужден в 1969 г. Верховным Судом УзССР по ст. 190-1 УК РСФСР к 1,5 годам лишения свободы, адрес: Краснодарский край, Крымский р-он, п. Нижняя Баканка, ул. Комиссарская, 57). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.121-123
- 46*. Протокол допроса Денисова Адольфа Фёдоровича от 5 октября 1983 г. в помещении УВД г. Керчи с 16.00 до 17 час. 30 мин.

(1936 г.р., родился в Одесской области. Украинец, образование высшее, член КПСС с 1958 г., начальник УВД Керченского горисполкома, адрес: г. Керчь, ул. Г. Петрова, 20, кв. 227). Допросил следователь Азарян В.А. Текст протокола машинописный. л.д.124-126

47*. Протокол допроса Рудневой Валентины Зиновьевны от 6 октября 1983 г. в УВД г. Керчи. (1923 г.р., родилась в г. Омске, русская, образование 7 классов, б/п, билетёр-кассир Керченской паромной переправы, адрес: г. Керчь, ул. Щорса, 3, кв. 36). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.127-128

48*. Протокол допроса Кулагиной Галины Дмитриевны от 6 октября 1983 г. в городском родильном доме г. Керчи. (1945 г.р., родилась в г. Феодосии, русская, образование среднетехническое, член КПСС с 1982 г., диспетчер Керченской паромной переправы, адрес: г. Керчь, Ярошень 6, кв. 4). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.129-130

49*. Протокол допроса Иванова Михаила Григорьевича от 6 октября 1983 г. в помещении Керченской паромной переправы. (Родился в 1937 г. в Ростове-на-Дону, русский, образование среднетехническое, ст. помощник капитана «ПЛ-Крченский-2», адрес: г. Керчь, 2-й портовый пер., 5, кв.6). Допросил следователь Азарян В.А. л.д.131

50*. Постановление следователя Азаряна В.А. от 6 октября 1983 г. о признании Керченской переправы в лице её начальника Колесникова Михаила Ивановича гражданским лицом по делу № 25050. Постановление отпечатано в г. Керчи на специальном бланке. Имеется запись об ознакомлении Колесникова с Постановлением 6 октября 1983 г. л.д.132

51*. *«Санитарные правила устройства и содержания кладбищ»*, утверждённые заместителем главного государственного врача СССР А.И. Зинченко от 10 февраля 1977 г. за № 1600.77. Типографское издание. л.д.133-140

52*. *«Инструкция о порядке захоронений и содержания кладбищ в населённых пунктах Украинской ССР»*. РДИ 204 УССР 007-79. Киев, 1979 г. Утверждена министерством жилищно-коммунального хозяйства УССР Площенко В.Д. от 14 марта 1979 г. за № 87. Вводится в действие с 1.07.1979 г. Машинописная копия, перепечатанная и заверенная следователем Азаряном В.А. л.д.141-146

53. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Мороз П.И. от 22 сентября 1983 г.

Следователь Азарян В.А. в присутствии понятых Мадурика Владимира Николаевича, проживающего в г. Калининграде, Гвардейский переулок, 30 и Кузьмина Дмитрия Викторовича, проживающего в Темрюкском районе, с/з Черноморский, ул. Западная, 1, предъявляет

свидетелю Мороз П.И. три наклеенные на бумагу фотографии для опознания. Свидетель Мороз П.И. на фотографии за №3 опознаёт Джемилева Асана и, в числе прочего, заявляет:

«...Он выкрикивал фразы антисоветского содержания, в частности он кричал: «Здесь нам устроили геноцид, это вторая палестинская проблема» и т.д. Его я опознаю уверенно по чертам лица и опознал бы среди сотни других людей...»

(На представленных для «опознания» фотографиях, кроме Джемилева Асана, ещё двух мужчин примерно одинакового с ним возраста, но совершенно непохожих на него.) «Протокол опознания» подписан свидетелем, следователем и понятыми. На всех других «протоколах опознания» те же фотографии.

п.д.147-148

54. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Мороз П.И. от 22 сентября 1983 г.

Свидетель Мороз П.И. в присутствии тех же понятых (п.д.147-148) опознаёт в числе трёх предъявленных ему фотографий фотографию Джемилева Мустафы (фотография за № 2) и заявляет:

«...Он также подстрекал участников похорон к неповиновению нашим требованиям и выкрикивал лозунги антисоветского характера. В частности он выкрикивал: «Вот уже 40 лет крымских татар преследуют и притесняют, СССР это большая тюрьма...» и другие многие высказывания подобного содержания. Он и второй мужчина, которого я опознал на предыдущей фото таблице по существу руководили действиями участников похорон. Про него я подробно показал на допросе. Его я опознаю по чертам лица, бороде и усам. Его я также опознаю твёрдо...»

(Примечание: На предъявленных (наклеенных на бумагу) трёх фотографиях, кроме Джемилева Мустафы, изображены двое мужчин примерно одинакового возраста, с усами, но без бороды. Фотография Джемилева Мустафы с усами и бородой, снятая в 1979 г. в Якутии. На всех последующих «протоколах опознания» наклеены те же фотографии).

п.д.149-150

55. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Гудзь В.П. от 21 сентября 1983 г.

Гудзь В.П. в присутствии понятых Мирохина Игоря Васильевича, проживающего в г. Темрюк по ул. Ленина, 83, и Кузьменко Николая Михайловича, проживающего в г. Темрюк по ул. Р. Люксембург, 10а, опознаёт на фотографии за № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...Это один из активных участников массовых беспорядков, учинённых участниками похорон 5 июня 1983 г. на посту ГАИ «Рубеж» и Керченской паромной переправе. Его по имени называли Мустафой. Его я опознаю по продолговатому лицу, по другим приметам лица, в частности, бороде, глазам. Всеми действиями участников похорон в равной мере руководили как Мустафа, так и Асан, которые...»

Мустафа, также как и Асан, высказывал и выкрикивал различные фразы антисоветского характера о положении крымских татар в СССР...»

п.д.151-152

56. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Гудзь В.П. от 21 сентября 1983 г.

Гудзь в присутствии тех же понятых (см. л.д. 151-152) опознаёт на фотографии за № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«...Это один из активных участников массовых беспорядков по имени Асан, имевших место 5 июня 1983 г. на посту ГАИ «Рубеж» и Керченской паромной переправе. Его я опознаю по чертам лица, прямому носу. Это он кричал на посту ГАИ и переправе, что им устроили здесь геноцид и что им в СССР устроили вторую Палестину. Он же говорил, что Советская власть не даёт им спокойно жить...»

л.д.153-154

57. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Зайцевым В.П. от 22 сентября 1983 г. В присутствии понятых Синько Бориса Васильевича, проживающего в г. Темрюк по ул. Можайская, 2, и Пеньчук Анатолия Аркадиевича, проживающего в г. Темрюк по ул. Мира, 72-б, Зайцев В.П. опознаёт на фотографии за № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...был наиболее активным участником похоронной процессии, перевозившей труп из Краснодарского края в Крымскую область. Именно он и его брат Асан руководили действиями участников похорон, пытались спровоцировать и спровоцировали к нарушению общественного порядка и совершению массовых беспорядков.

Джемилев Мустафа вёл себя агрессивно как на посту ГАИ «Рубеж» так и на Керченской паромной переправе. Кроме того, он выкрикивал различные фразы антисоветского содержания...»

л.д.155-156

58. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Зайцевым В.П. от 22 сентября 1983 г.

Зайцев В.П. в присутствии тех же понятых (см. л.д. 153-154) опознаёт в числе трёх предъявленных ему фотографий фотографию № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«Это Джемилев Асан, один из тех двоих наиболее активных участников похорон 5 июня 1983 г.... Асан со своим братом Мустафой по существу руководили всеми действиями участников похорон и подстрекали их к массовым беспорядкам. Он также как и свой брат высказывал различные антисоветские лозунги о положении крымских татар в СССР и о советской действительности...»

Опознаю по чертам лица и глазам. На фото его волосы несколько пригладены, а тогда были более пушисты...»

л.д.157-158

59. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Кулиш М.И. от 23 сентября 1983 г. Кулиш М.И. в присутствии понятых Лугариновой Марии Ивановны, проживающей в г. Темрюк по ул. Октябрьская, 135, кв. 22, и Дегтерёва Александра Петровича, проживающего в г. Темрюк по ул. Калинина, 248, опознаёт на фотографии за № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...Это один из сыновей покойного (как он себя называл), который 5 июня 1983 г. на посту ГАИ «Рубеж» и Керченской паромной переправе руководил действиями участников похорон, подстрекал их нарушению общественного порядка и неповиновению работникам милиции и представителям власти. Он же в своих высказываниях допускал выпады антисоветского содержания. Его я узнаю по чертам лица, бороде и усам...»

л.д.159-160

60. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Кулиш М.И. от 23 сентября 1983 г.

Кулиш М.И. в присутствии тех же понятых (см. л.д. 159-160) опознаёт на фотографии № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«...призывал участников похорон не подчиняться нашим требованиям и спровоцировал конфликт. Он так же, как и свой брат, ещё с большим упорством выкрикивал антисоветские лозунги на советское правительство и руководителей партии...»

л.д.161-162

61. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Зубовым Н.Г. от 25 сентября 1983 г.

Зубов Н.Г. в присутствии понятых Антоняна Аветика Оганесовича, проживающего в г. Абинске по ул. Нефтепромысловиков, 27, и Вежнина Александра Александровича, проживающего в г. Абинске по ул. Победы, 26, опознаёт на фотографии за № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«...Это один из наиболее активных участников похорон, которые 5 июня 1983 г. учинили беспорядки на Керченской переправе и не подчинились требованиям работников милиции...

Он, кроме того, выкрикивал в адрес советского государства и о положении крымских татар в СССР...»

л.д.163-164

62. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Зубовым Н.Г. от 25 сентября 1983 г. Зубов Н.Г. в присутствии тех же понятых (см. л.д. 163-164) опознаёт на фотографии за № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...Это наиболее активный участник похорон, которые учинили беспорядки на Керченской переправе 5 июня 1983 г. (Он называл себя сыном покойного.) От Денисова я узнал, что его фамилия Джемилев Мустафа. Он подстрекал участников похорон к конфликту и призывал не подчиняться требованиям работников милиции и выступал с выпадами на советскую власть и действительность...»

л.д.165-166

63. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Дереевым Г.Г. от 25 сентября 1983 г.

Дереев Г. Г. в присутствии понятых Малявина Александра Владимировича, проживающего в г. Абинске по ул. Труда, 50, и Чеплюня Александра Ивановича, проживающего в г. Абинске по ул. Колхозная, 49, опознаёт на фотографии за № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«...Это второй не менее агрессивный организатор беспорядков...»

Он, как и Джемилев Мустафа, которого я опознал на предыдущей фото таблице, называл себя сыном покойного, которого они намеревались перевезти в Крым... Обращался с призывами к участникам похорон не слушать требования милиции и всячески подстрекал группу на конфликт. Он также, как и Мустафа, выкрикивал антисоветские фразы, говорил, что им здесь устроили геноцид и что это вторая Палестина...»

л.д.167-168

64. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Дереевым Г. Г. от 25 сентября 1983 г. Дереев Г. Г. в присутствии тех же понятых (л.д. 167-168) опознаёт на фотографии № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...Тогда на переправе он всячески подстрекал участников похорон на конфликт с представителями власти... Он также выступал с антисоветскими речами...»

л.д.169-170

65. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Гусельниковым С.А. от 27 сентября 1983 г. Гусельников С.А. в присутствии понятых Котельниковой Зинаиды Ивановны, проживающей в г. Абинске по ул. Луначарского, 131, и Спицыной Валентины Алексеевны, проживающей в Темрюкском р-не, пос. Ахтарский, переулок Попова, 6, кв. 1, опознаёт на фотографии за № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«...Это один из наиболее активных участников похорон... подстрекал участников похорон не выполнять требования представителей власти и работников милиции и его возгласы носили явно антисоветский характер. В Тамани на кладбище я узнал, что он является братом Джемилева Мустафы...»

л.д.171-172

66. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Гусельниковым С.А. от 27 сентября 1983 г. Гусельников С. А. в присутствии тех же понятых (см. л.д. 171-172) опознаёт на фотографии за № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...Это Джемилев Мустафа, который на переправе ещё с большей интенсивностью, чем его брат, которого я опознал на предыдущей фото таблице, подстрекал и призывал участников похорон не подчиняться требованиям представителям власти и работников милиции. Больше всех антисоветские выкрики делал он. Его я опознаю по чертам лица, тогда он тоже носил бороду...»

л.д.173-174

67. «Протокол опознания» Джемилева Асана свидетелем Денисовым А.Ф. от 6 октября 1983 г.

Денисов А.Ф. в присутствии понятых Цвелина Николая Ивановича, проживающего в г. Керчи по ул. Аджимушкайская, 12, и Горобец Николая Григорьевича, проживающего в г. Керчи, по ул. Аджимушкайская, 12, опознаёт на фотографии за № 3 Джемилева Асана и заявляет:

«...Это второй наиболее активный участник похорон, имевшего место 5 июня 1983 г. на Керченской паромной переправе. Обращаясь

к участникам похорон он призывал их не выполнять требования работников милиции, при этом сопровождал различными выкриками антисоветского содержания. Его я опознал по чертам лица...»

л.д.175-176

68. «Протокол опознания» Джемилева Мустафы свидетелем Денисовым А.Ф. от 6 октября 1983 г. Денисов А.Ф. в присутствии тех же понятых (см. л.д. 175-176) опознаёт на фотографии за № 2 Джемилева Мустафу и заявляет:

«...Это из тех двоих наиболее активных участников похорон, которые 5 июня 1983 г. пытались переправить через паром труп без гроба и документов по месту предполагаемого захоронения. Он подстрекал участников похорон на конфликт и невыполнение требований работников милиции. А также высказывал различные фразы антисоветского характера. Его я опознал по чертам лица...»

(Все «протоколы опознания» подписаны следователем Азаряном В.А., свидетелем и понятыми. На все протоколы наклеены по три фотографии: соответственно — Джемилева Мустафы или Джемилева Асана и двух других мужчин).

л.д.177-178

69. Письмо следователя Азаряна В. А. № 18сл.-83 от 5 ноября 1983 г. прокурору Темрюкского района Краснодарского края с просьбой допросить Азаматову Аву по поводу анкеты по Ленинскому району, которую высылал ей Джемилев Мустафа с письмом от 7 июля 1983 г. Просит задать Азаматовой Аве следующие вопросы:

«1. Какие данные, сведения нужно было отразить ей в высланных Джемилевым М. в двух экземплярах анкеты по Ленинскому району?

2. Выполнила ли она просьбу Джемилева и что конкретно сделала в этом направлении?

3. Выслала ли она Джемилеву заполненные анкеты? Если нет, то по какой причине?

4. Давал ли ей Джемилев аналогичные поручения ранее?»

л.д.179

70*. Письмо Джемилева Мустафы Азаматовой Аве от 7.07.1983 г. Рукопись, подлинник. Внизу имеется запись от руки: *«Получила письмо 12.07.1983 г.»*

л.д.180

71*. Протокол допроса Азаматовой Авы от 28 ноября 1983 г. в прокуратуре Темрюкского района; допросил следователь прокуратуры Темрюкского р-на, юрист 2-го класса Шабанов.

л.д.181-182

72*. Письмо следователя Азаряна В.А. № 18сл.-25050 от 24 октября 1983 г. в КГБ УзССР под заголовком *«О направлении материалов для принятия профилактических мер в отношении Аблямитова Ф. Я.»*

л.д.183-184

73*. «Представление» следователя Азаряна В.А. № 18сл.-25050-83 от 10 октября 1983 г. ректору Ташпединститута им. Низами Сайдамову М. С. с просьбой принять «необходимые меры» в отношении студента 4-го курса факультета русско-татарской филологии Кадырова Синавера».

л.д.185-186

74*. Протокол допроса Джемилева Анафи от 16 ноября 1983 г. в прокуратуре г. Ташкента. (1941 г.р., родился в с. Новосёловка Новосёловского р-на Крымской АССР, образование высшее, окончил в 1965 г. Ташкентский транспортный институт, стройфак; работает начальником отдела в тресте «Оргтехстрой», адрес: Ташкент-102, квартал 9, дом 50, кв.1).

Допросил следователь Азарян В.А., текст протокола машинописный. л.д.187-188

75. «Отдельное поручение» следователя Азаряна В.А. прокурору г. Гулистана от 16 ноября 1983 г. с просьбой допросить Томакова Ахмеда по поводу похорон 5 июня 1983 г. и Обращения в Организацию Исламской Конференции. Из текста «отдельного поручения»:

«...Похороны были назначены в Абинске, однако после приезда Мустафы было решено похоронить покойного на территории Крымской области... (Далее излагается обвинительная версия событий 5 июня 1983 г.)

...Допросить Томакова Ахмеда по следующим вопросам: участвовал ли он в похоронах отца Джемилева Мустафы, кто проявил инициативу похоронить покойного на территории Крымской области, как прошли похороны? Как реагировали участники похорон на разъяснения работников милиции о том, что труп должен быть в соответствии с санитарными правилами перевезён только в гробу и почему не подчинились их законным требованиям?»

л.д.189-190

76. Препроводительное письмо прокурора г. Гулистана мл. советника юстиции Назарова С.Х. № 18/372в-83 от 24 ноября 1983 г. следователю Азаряну В. А. к направляемому протоколу допроса Томакова А. М. и экземпляра Обращения в Организацию Исламская Конференция, всего на 7 листах.

л.д.191

77*. Протокол допроса Томакова Амет-Мустафы от 24 ноября 1983 г. в прокуратуре г. Гулистана (в кабинете пом. прокурора). (1895 г.р., родился в Судакском районе Крымской области, татарин, беспартийный, образование 6 классов, пенсионер; адрес: г. Гулистан, ул. Лермонтова, 35).

л.д.192-193

78*. Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 30 ноября 1983 г. в прокуратуре г. Ташкента с 10 час. до 16 час. 30 мин. Допросил следователь Азарян В.А., текст протокола машинописный.

л.д.194-199

79*. Постановление следователя Азаряна В. А. от 30 ноября 1983 г. о привлечении Джемилева Мустафы в качестве обвиняемого.

л.д.200-204

80*. Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 30 ноября 1983 г. в прокуратуре г. Ташкента с 17.00 (после ознакомления с Постановлением о привлечении в качестве обвиняемого от 30 ноября 1983 г.).

л.д.205-206

81. Протокол задержания № 338 подозреваемого Джемилева Мустафы от 30 ноября 1983 г.; составлен в 18 час. 40 мин. л.д.207

82. Постановление следователя Азаряна В.А. от 25 ноября 1983 г. о заключении Джемилева М. под стражу. Запись: «Арест Джемилева Мустафы санкционирую — зам. прокурора г. Ташкента ст. советник юстиции Ф. К. Фазылов». (За Фазылова подписался другой.) Указано, что М. Джемилев от подписи на постановлении отказался. Постановление отпечатано на специальном формуляре. На обратной стороне — формуляр на узбекском языке (не заполненный). л.д.208

83. Расписка Джемилевой Сафинар от 6 декабря 1983 г. о том, что она получила от следователя Азаряна В.А. изъятые при заключении под стражу у её мужа вещи: кольцо 583 пробы из жёлтого металла, авторучку и часы «Зим». л.д.209

84. Письмо начальника Ташкентского специализированного монтажно-наладочного управления треста «Оргпищепром» министерства пищевой промышленности СССР Э. Гафурова № 176-К от 6 декабря 1983 г. следователю Азаряну В.А. (в ответ на его письмо от 6.12.1983 г.) о том, что ст. инженер Джемилев Асан в настоящее время находится в командировке в г.г. Курган-Тюбе, Душанбе, Денау с 3.12.1983 г. по 30.12.1983 г., а также в связи с завершением годового плана по управлению, обеспечить его явку в прокуратуру в течение декабря с.г. не представляется возможным. л.д.210

85. Письмо следователя Азаряна В.А. № 18сл. — 25050 от 6.12.1983 г. начальнику управления треста «Оргпищепром» Гафурову Э. Т. с просьбой обеспечить явку инженера Джемилева Асана в прокуратуру г. Ташкента для допроса по уголовному делу № 25050. л.д.211

86. Письмо следователя Азаряна В.А. начальнику УВД Сырдарьинского облисполкома генерал-майору милиции Урунову М.У. от 7 декабря 1983 г. № 18сл.-25050. В письме сообщается, что в доме Джемилева Мустафы при обыске были изъяты два паспорта на его фамилию: старого образца серии У-УД № 718992, выданный ОВД Гулистанского ГИКа Сырдарьинской области 31 октября 1972 г. и нового образца серии IV-ЮС № 653039, выданный ОВД Октябрьского РИКа г.Ташкента 11 января 1978 г. Паспорт старого образца направляется генералу Урунову М.У. «для уничтожения в установленном порядке».

87. Письмо следователя Азаряна В.А. от 6 декабря 1983 г. начальнику треста «Узоргтехстрой» Минстроя УзССР с просьбой обеспечить явку инженера Джемилева Решата в прокуратуру г.Ташкента для допроса по уголовному делу № 25050. л.д.213

88. Письмо управляющего трестом «Узоргтехстрой» А. Абдуджаббарова № 45/ОН от 16.12.1983 г. о том, что в связи с болезнью ст. инженера отдела

№ 10 Джемилева Решата и нахождения в настоящее время на лечении обеспечить его явку в прокуратуру «не представляется возможным». л.д.214

89. Препроводительное письмо начальника секретариата КГБ УзССР В.П. Лонского от 19 декабря 1983 г. прокурору г.Ташкента с текстом:

«Направляем на Ваше рассмотрение ксерокопию выписки из передачи «Радио свобода» от 5 октября 1983 года, полученной из войсковой части № 71330.» л.д.215

90. Выписка из передачи радиовещательной станции «Радио Свобода», принятой 5 октября 1983 г. в 20 час. 30 мин. на русском языке. В начале передачи кратко говорится о проблеме крымских татар, затем следует чтение текста Обращения в Организацию Исламская Конференция по поводу событий на похоронах 5 июня 1983 г. Текст телетайпный, т.е. все буквы текста заглавные. В конце текста имеется запись: *«Выписка верна. 2 декабря 1983 г. В. И. Воротилов.»* л.д.216-223

91. Постановление следователя Азаряна В. А. от 20 декабря 1983 г. о выделении части материалов в отношении Аблаева Решата из уголовного дела № 25050 в отдельное производство для расследования. Из текста постановления:

«...Материалы дела и имеющиеся в деле доказательства свидетельствуют о том, что Аблаев Решат также активно занимался распространением заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР и его политическую систему...» л.д.224

92. Постановление следователя Азаряна В.А. от 21 декабря 1983 г. о выделении из уголовного дела № 25050 части материалов дела в отношении Джемилева Асана в отдельное производство для расследования по ст. 190-3 УК РСФСР. л.д.225.

93. Постановление следователя Азаряна В. А. от 24 декабря 1983 г. о возбуждении ходатайства о продлении срока следствия. Необходимость продления мотивируется тем, что требуется время для ознакомления обвиняемого Джемилева Мустафы с материалами дела. Имеется резолюция зам. прокурора Узбекской ССР Государственного советника юстиции 2-го класса Н Б. Буриходжаева о продлении срока следствия до 31 января 1984 г. л.д.226-227

94. Протокол об окончании следствия и ознакомлении обвиняемого со всеми материалами дела, подписанный обвиняемым Джемилевым М. и следователем Азаряном В. А.

В протоколе говорится, что следствие по делу окончено 23 декабря 1983 г. и с материалами уголовного дела в 5-ти томах в подшитом и пронумерованном виде обвиняемый Джемилев Мустафа ознакомился с 23 декабря 1983 г. по 6 января 1984 г. Указано, что обвиняемый Джемилев

Мустафа изъявил желание знакомиться с материалами дела без защитника, но тут же в скобках от руки М. Джемилева имеется запись: *«По поводу участия адвоката сделано отдельное заявление, которое прилагается.»*

В соответствующей части протокола после слов «Обвиняемый Джемилев Мустафа заявил» следует запись в скобках от руки Джемилева М.: *«Текст заявления по поводу содержания материалов следствия по делу прилагается на отдельных листах.»*

95*. *«Заявление о результатах следствия по делу № 25050».* Рукопись Джемилева Мустафы на четырёх форматных листах, от 6 января 1983 г.

II. Некоторые документы предварительного следствия¹

1. Протокол обыска в доме Джемилева Мустафы 1 февраля 1983 г.

Л. Д. № _____

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

«1» февраль 1983 г.

Город Янгиюль

Следователь прокуратуры г. Янгиюля — пом. прокурора г. Янгиюля Худайбердыев Р. на основании постановления от 27 января 1983 г. с соблюдением ст. ст. 117, 150-160 УПК УзССР произвел обыск у гр-на Джемилова Мустафы в гор. Янгиюле по ул. Чарикова, 78.

При обыске присутствовали: участковый инспектор Янгиюльского ГОВД лейтенант Тугизбаев А.

понятые: 1. Шпурик А. Д. — прож. ул. Самаркандская 335 кв. 20

2. Балтабаев Б. А. — прож. ул. Гагарина 4 кв. 1

3. Рамичева А. П. — прож. ул. Янгихаят 28 кв. 2

Присутствующим при обыске разъяснены права, предусмотренные ст. 151 УПК УзССР. (Подписи понятых и участкового)

Перед обыском гр. Джемилеву М. было предложено указать местонахождение отыскиваемого и добровольно выдать: документы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР.

На что он заявил: мне ничего выдать не предложили, у меня интересующих документов нет.

Обыск начат в 9 час. 10 мин. Окончен в 17 час. 25 мин.

ПРОИЗВЕДЕННЫМ ОБЫСКОМ БЫЛО ОБНАРУЖЕНО

№№ п-п	Наименование, описание обнаруженных предметов	Место обнаружения
1.	Письмо, адресованное "Айше" л. 2 часть и 3 лист угол письма, остальные листы сожжены.	Изъято у Джемилова М. при попытке уничтожить на огне газовой плиты.
2.	Два листка из блокнота с адресами: инд. 700020 Ташкент Ц-27, ул. Беруни № 3 к. 85 Джемилев Асан, инд. 700021 Ташкент, ул. Бешагач туп. Шарк № 15 Джемилев Н., телеф. 768-757, 415-843 — Анафий, 702015. Таш. обл. Таш. р-н п/о Казах — Кенсай Мамутовой Усние, Меметов Рустем 240687 "Хайтарма", Мустафа ага — ревизор — 534197, Сахаров Андрей Дмитриевич г. Москва "Звонить только по вторникам — 227-2720. Гр. Матвейч — 768-757.	Спальная комната на подоконнике, в коробке штамп из Франции и адрес Якутская АССР, Верхнеколымский район, пос. Зырянка а д р е с о в а н н о е Джемилеву М.

¹ Все документы этой книги перепечатаны дословно без исправления допущенных в оригинале грамматических ошибок.

3.	Письмо с конвертом, 702806, Ташкентская обл. г.Янгиюль — 6, ул. Чарикова 78а Эбубекировой Сафинар.	Переписка, письма
4.	Письмо в 3-х листах в конверте, адресованное Эбубекировой Сафинар.	
5.	Письмо, адресованное начальнику Усть-Нерского отд. связи Ждановой /678730. Якутская АССР п. Усть-Нера, почта.	
6.	Письмо заголовок “Из письма А. П. Подрабинека от 28.10.79”.	
7.	Письмо “Саше”.	
8.	Три квитанции о приеме телеграммы № 7/1201, 7/601, 7/6201.	
9.	Квитанция о приеме заказного письма № 11.	
10.	Квитанция за № 3/42 о приеме тел. перевода.	
11.	Телеграмма Эбубекировой Сафинар.	
12.	Письмо Джамилову М. от Сафинар.	
13.	Конверт, адресованный Эбубекировой Сафинар.	
14.	Телеграмма Эбубекировой С.	
15.	Письмо из Зырянки, адресованное Эбубекировой С.	
16.	Конверт с сургучной печатью “EX LIBRIS-MUSTAFA KIRIMOPLU” с письмом.	
17.	Конверт, адресованный Сафинар с двумя письмами и двумя телеграммами.	
18.	Конверт с фотографиями в количестве 10 шт. и телеграмма.	
19.	Конверт с фотографиями — 25 шт. и телеграмма.	
20.	Конверт адресованный Сафинар с двумя письмами и тремя телеграммами.	
21.	Письмо — 2 шт., от 30.10.79 г., 8.XII.79 г, адресованное Сафинар.	
22.	Конверт адресованный Эбубекировой С. с двумя письмами от 24.03.80, 5.04.80.	
23.	Конверт адресованный Эбубекировой С., где находятся письмо от 18.1.80 г., опись ценного письма, и 3 шт. телеграммы из п. Зырянка.	

24.	Конверт адресованный Эбубекировой С. с двумя телеграммами, две квитанции о приемке телеграммы № 9/301, 7/301, и газета "Советская Колыма" от 30 мая 1980 года.
25.	Конверт с двумя письмами от 5.05.80 г., адресованный Эбубекировой С.
26.	Конверт с письмом от 15.04.80, адресованный Эбубекировой С.
27.	Письмо адресованное Соне от Гули без даты.
28.	Письмо к Сафинар от 19/III-80.
29.	Конверт с 4-мя письмами от 5.08.80 г., 13.08.80., 28.05.81., 12.09.80 г., 4 листа с эмблемой "EX-LIBRIS" адресованное Джемилевой С.
30.	Конверт с письмом — 2-3 лист, адресованный Джемилевой Сафинар от 28.08.80., 31.08.80.
31.	Конверт без адреса с письмом от 15.05.81 и 4 письма без конверта от 15.09.80., 19.03.80., и 14 конвертов отдельном с письмами. 4 телеграммы. Переписка, перечисленная в коробке, запечатан.
32.	Письмо от 10.IV.80 г. адресованное Эбубекировой С., начало "Selam Safinar" и кончается "писали хоть в 5 месяцев".

Из вышеперечисленных предметов, указанных в протоколе, отпечатана и изъята следователем, остальная часть предметов обнаруженных при обыске дополнительно составлен акт изъятия с описью, который прилагается к протоколу, изъятые пропечатаны в мешке.

Протокол зачитан. Записано правильно.

Следователь — (Подпись)
Джемилев. — (Подписи нет)

Поняты: 1. (подпись) 2. (подпись) 3.(подпись)

Уч. инспектор: (подпись)

Копию получил: _____

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ОБЫСКА

1 февраль 1983 г.

г. Янгиюль

Акт

(изъятия, опись и предметов и документов изъятых при обыске у гр. Джемилева М. и опечатаны в мешке печатью № 10)

1. На стандартном листке рукописном 43 листа.
2. Три конверта с вложениями.
3. На стандартном листе машинописном тексте — 41 листа.
4. Три не на стандартном листах на иностранном языке машинный текст.
5. Общие тетради — 8 штук.
6. Ученические тетради — 2 штуки.
7. Стерео копия «Международные пакты о правах человека» на 36 листах.
8. Чистый бланк удостоверения на работника Мин. речного флота.
9. 7 папок: № 1, 2, 3, 4, 5, 6, — 449 листов, № 2, 7 в подшитом виде.
10. Целлофановый мешок с шестью проявленными пленками.
11. Копировальные бумаги — красного, синего, черного цвета в количестве 20 штук. Из них часть не использованная.
12. Фотоаппарат «Орион» с футляром — 1 шт.
13. Отдельно изъятая пишущая машинка марки tbn de Luxe

Приложение к протоколу обыска прочитан, записано верно.

Следователь — (Подпись) Худайбердыев Р.

Джемилев М. — (Подписи нет)

Понятые: 1. Шпурик (Подпись)

2. Балтабаев (Подпись)

3. Рамичева (Подпись)

Копию получил: _____

«Заявляю протест ввиду производства обыска с грубейшими нарушениями требований УПК. Изъятые бумаги не конкретизированы, что дает возможность органам скрыть или добавить к изъятому какие — либо документы по их желанию».

(Подпись Джемилева М.)

(Том 1, л.д. 5-8)

2. Постановление о производстве обыска в доме Джемилева Асана от 27 января 1983 г.

«ОБЫСК САНКЦИОНИРУЮ»

Прокурор г.Ташкента

Государственный советник юстиции 3 класса

Г.Б.Бухаров

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА

27 января 1983 г.

Следователь по особо важным делам прокуратуры г.Ташкента советник юстиции Дьяченко А.П., рассмотрев дело № 14089 по обвинению Мурахаса Н.А. по ст. 191-4 УК УзССР...

Из обстоятельства дела достаточно полагать, что в помещении кв.85 д.5 г.Ташкента у Джемилева Асана хранятся документы и материалы, свидетельствующих о распространении клеветнических измышлений о строе СССР.

П о с т а н о в и л:

Произвести обыск по выше указанному адресу, производство которого поручить прокуратуре Октябрьского района г. Ташкента.

(том 1, л.д. 138)

3.Протокол обыска в доме Джемилева Асана от 1 февраля 1983 г.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Ц-27, дом 3, кв.85

1.02.1983 г.

Следователь прокуратуры Октябрьского района г.Ташкента мл. юр. А.Азляров с участием понятых: Сеитипиева Айнигул Кизикбаевна проживающего Кировский р\н ул.Энгельса, дом 108 общ.2 к.125 и Зайцев Валерий Константинович проживающего Кировский район ул.Энгельса, дом 108 общ.2 ком 120 и в присутствии хозяина квартиры Джемилева Асана с соблюдением требований ст. ст. 150-160 УПК УзССР, произвели обыск в квартире 85 по адресу Октябрьский район, Ц-27, д.3, кв.85 у Джемилева А. с целью отыскания и изъятия — документы и материалы, свидетельствующие о распространении клеветнических измышлений о строе СССР.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст.119 УПК УзССР их обязанность удостоверить факт, содержащее и результат обыска.

После чего Джемилеву было предложено выдать вышеуказанных документов.

(Джемилев) предложил искать материалы.

В связи с этим произведен обыск в общем квартире комнаты.

При обыске обнаружено и изъято (перечень изъятых предметов или документов с точным указанием количества, меры, веса или индивидуальных признаков, а также в каком именно месте и при каких обстоятельствах они обнаружены)

Из сменки Дарина(?)** и наименование: Пакет бумаги *БНР (?)* из двухстворчатого гардироба с нижней части дипломат в котором имелись следующее наименование: Пакет фото бумаги разм. 24x30 см. выпущенный Красноярским заводом «Квант», где находились производство по делу Муслитдинова Ризы Алиевича осуж. по ст. 188-11 УК Украинской ССР начатого от 16.03.78 г. оконченного 20.03.78 года на 38 листах, на обложке производства указано 82 листа. Кроме того (1) конверт разм. 15x23 см. направленный прокуратуру Крымской области г. Симферополь, направленный Тад.ССР г. Гафурова Ю.К. Ходженского района Ленинадской области. Марка — Почта СССР 1966 г. 4 коп. штамп Семферополь Крымской области направленный 11.08.78 г., на обратной стороне 3 штампа.

** Здесь и далее в этом документе вопросительные знаки проставлены составителем сборника ввиду непонятности слов в тексте.

(2) Поручении почтового отправления адвокату Мирсаитову М. от Симферополя Центрального районного н/с Крымской области за № 664/2. (3) Конверт с письмом на имя адвоката Ходженского района Ленинабадской области Мирсаитову М. от н/судьи Центрального района города Симферополя — П.И.Колосова.

II. Скоросшиватель — дело на 35 листах стихи «Факел над Крымом» автор Юрий Михайлов, отпечатанный 1.XI.78 г., часть первая: «Ссылка и возвращение», часть вторая: «Жизнь на Родине», часть третья «Суд и неволя», часть четвертая «Гонения», часть пятая: «Впереди тюрьма», часть шестая: «Третий путь», часть седьмая: «Накануне», часть восьмая «Молитва», часть девятая: «О чем просила жизнь», часть десятая: «Свершение», часть одиннадцатая: «Муса и Зекие», часть двенадцатая: «Видение грядущего», часть тринадцатая: «Последняя просьба», часть четырнадцатая: «смерть и бессмертие», часть пятнадцатая «Равный со звездами». Статья на 3 листах Георгий Маннаев «Кто виновить», начинающий словами «23.У1.78 г. в Крыму в селе беш Терек...» и оканчивающее словами ...10.XI.78 г.». Краткая биография Мусы Мамута на одном печатном листе папиросном бумаге начинающий словами Муса Мамут родился... и заканчивающими словами 30.VI.78 г. Стихи на двух листах папиросном бумаге начинающийся «Атешим киздирсин сизлерни» заканчивающийся 10.У1.78 г. Крым-Ташкент.

Копия стихов «Атешим киздирсин сизлерни» на двух листах.

III. Папка переплетенная белыми нитками, на первой странице название книги «Крымская революция» историческая библиотека истпарта О.К. Крыма № 1 Крымиздат Симферополь 1922 г. на 223 листах 11 глав.

IV. Папка для бумаг, обнаружены: открытое письмо о продолжавшимся произволе гос. атеистов в СССР на 16 листах. Открытое письмо № 2 на 21 листе, Открытое письмо № 3 на 37 листах из-во «Верный свидетель», Обращение КВИ ВСАСД на 4 листах, открытое обращение в Всесоюзный церкви ВСАСД в Международной амнистии на 11 листах, «Морозный день» на 11 листах паперосная бумага, открытое письмо № 5 на паперосном бумаге «Злодействие диктатуры гос. атеизма продолжается» на 47 листах.

V. Открытое письмо на имя Л.И.Брежнева от Миллера Александра.

VI. На стандартных листах начиная с № 20 по 30 «Ховоежидиние» *Бжузит (?)*

VI. Лист газеты разм. 40x30 «Советская Колыма» от 25.01.80 г.

VII. Папка скоросшиватель дело — листы закреплены на 5 скрепках. Первая пачка на 14 листах название «Революция в Крыму» сборник второй (2). Сборник первый на 12 листах «Революция в Крыму» (3), автор Загородский «Борьба с Деникинщиной и интервенция в Крыму». Госиздать. Крымская АССР. 1940 г. на 6 листах. (4) «Революция в Крыму» двухмесячный сборник истпарта ОК РКП(б) № 1\3 Крымиздат. Симферополь 1924 г. май-июнь на 38 листах. (5) Письмо председателю Верховного суда УзССР копия редактору «Вечерний Ташкент» Караматову («О чем темнит вечерний Ташкент» от Мустафе Джамилова от 9.09.79 г.

VIII. Папка для бумаг на обложке написано на латыне Мустафа 1979 г. В папке обнаружено: письма в конверте набор почтовый.

1. Кассационное заявление в Ташгорсуд от Джамилова Мустафа написанное черной чернилой.

2. Генеральному прокурору СССР от гр.Джемилова Мустафа,

3. Председателю н/с октябрьского района г.Ташкента, копия в Президиум Верховного Совета от Джамилова Мустафа на 3 листах.

4 Заявление председателю н/с Октябрьского района от Аппазовой Г. супруга Джамилова Мустафа.

IX. Опись уголовного дела без номера на 4 листах на стандартных листах номеровано с 1 по 138. Начато с постановления о принятии уг. дело к своему производству от 8.11.78 г. окончено приговором от 19.У11.74 г.

X. Черновик заявления на 3 листах.

XI. письмо на одном стандартном листе начинающийся со словами «Selam Sajili Fikret oga» ?аканчивающийся словами iyi olurdu». Письмо № 2-2А начинающийся со словами вышеуказанного, заканчивающийся «Мустафа». 12.У111.79 г. подпись на латыне. Письмо на английском языке в Японию, адрес Matsishita Eletric Trading Co Ltd. п.о. Box 288 Central, Osaka, Japan» от Мустафа Джемилев, 11.08.1979, конверт с надписью Асанов Дж. (арх. экс.) размер стандартный, в конверте обнаружено текст радиопередач «Голос Америки» от 29.1X.79 г.нач. словами: «...И еще одно сообщение Сахаровских мужоние» (?) (2) из передачи радио «Свобода» нач. словами: 4.X11.79 г. 20.00. московское время», заканчивается со словами «Мы крымские татары желаем академику Сахарову крепкого здоровья и долгих лет жизни». (3) текст сообщении «Голос Америки» о процессе Решата Джемилева письмо от 8.08.79 г. в разделе последней известий. (4) Ответ на письмо Джемилева зам. нач. узла связи Кировского района Колдузо (копия на фирменном бланке). (5) письма бухгалтерию Зырянского речного порта поселок Зырянка от Верхоянской межрайонной инспекции ИРиТ капитан милиции Скрекотен копия.

5) Текст из письма А.П.Подрабинека от 28.10.79 г. начинающийся со словами В Ташкенте меня — и заканчивается словами то это было бы прекрасно.

6) письмо начинается Привет дорогой Саша и заканчивающим С уважением Мустафа от 4.11.79 г. на двух листах.

7) Письмо начальнику Уст-Нерского отдела связи Аймаканского р-на Якутской АССР. Копия — Подрабинеку — от Джамилева М. 3X11.1979 г. на одном листе.

7) Письмо на одном листе начинающий дорогой Саша и кончающийся всего хорошего Мустафа от 3.X11.79 г.

8) Письмо нач. Устнерского отдела связи Ждановой начинающий — перепровождаю согласно вашего и оканчивающего Мустафа Джемилев. 12.X11.11979 г. на 1 листе.

9) Письмо начинающийся Содем Эбазер! всего доброго Мустафа от 3 сентября 79 г.

10) Письмо начинающий Здравствуй дорогой Вечеслав, заканчивающийся с глубоким уважением Мустафа, на 2-х листах от 11.08.79 г.

XII. Письмо конверт раз. 18x10 на 2-х листах. Начинающийся со словами Салам дорогой Асан. оканчивается словами Мустафа от 3.10.79 г.

XIII. Открытое письмо Редактору газеты Вечерний Ташкент на 10 листах.

XIV. Текст Пятой процесс Мустафы Джемилева на 22-х листах от 18.11-1979 г. папиросной бумаги.

XV. письмо председателю Ташгорсуда Адвокату Джемилева Решата от Джемилева М. от 22.09.79 г. в двух экземплярах.

XVI. приговор октябрьского нарсуда от 6\=11-79 г. на Джамилова М. на 5 листах.

XVII. обвинительное заключение по уголовному делу 8977 по обвинению Джамилова М.на листе.

XIX. Письмо Джамилова М. Аппазовой Г.

XX. ответное письмо Джамилеву М. от Аппазовой, копия ОВИР МВД СССР.

XXI. Известия Таврической ученой Архивной комиссии № 25 (год десятый), Симферопол типограф Таврич. Губерния 1896 г. на 32 листах.

XXII. Революция в Крыму. 53 листах. Расстрел Советского правительства на 19

листах. Выписка из протоколов следственных комиссии крымского парламента (Курултая) 27 листов.

XXIII. Дело при вскрытые. Исторические справки подтверждающие документы по истории Крыма 1917-1941 г. на 9 листах.

XXIV. Информация-отчет № 129 на 2-х листах. Телеграмма Л.И.Брежневу на 2-х листах.

XXV. Информация № 7 от 9 по 17 января.

XXVI. Стихи Григория Александрова на 3-х листах.

XXVII. Юрий михайлов. Факел над Крымом, на 29 листах от 1 декабря 1978 г.

XXVIII. Письмо Мухаммеду Али, от 10\11-1979 г. на 5 листах.

XXIX. Письмо председателю Верховного суда на 9 листах.

XXX. Обращение от Инициативной группы.

XXXI. Открытое письмо редактору газеты Правда, на 3 листах.

XXXII. В Международный суд в Гааге. Копия в ООН от 29 декабря 1979 г. в шести экземплярах 24 листов.

Вышеуказанная опись находится в черном дипломате.

1. В спальном помещении среди репродукций открыток «Жан-Батист Грез» обнаружены четыре п-их открыток две черно белых и две коричневых и две цветных п-их открыток импортного производство (переливающийся) две снимки размноженных стихов на латыне, призыв для защиты Мустафы Джемилова (1 шт). В коридоре в интересоле обнаружены п-ие снимки. 18 шт. Снимки упакованы от пакета фото бумаги «Красноярский завод «Квант» красного цвета. Карта Крымской области с карандашными пометками от руки обнаружено среди книг стенки. «Песня Крыма» размноженные издание 1929 году автор: Кончевский на 26 листах 58 экземплярах адресованной упаковке Джемиловым Ц-27 довостребование. Ташкент-20.

1. Брошюры «Старо-Крымские надписи» по раскопкам: автор Осман Окчукраклы, изданный Симферополь 1929 г. 7 листах.

2. Акчукраклы «Новые истории Чуфут-Кале» 1928 г. 15 листах.

Фотоотпечатки из книг название «Благодовиния цивилизация татарину» из страницы 363, фото аналогичное название из ст.335, фото «Очерка Крыма» стр.334, фото «Южного берега» стр.585.

Фото: разм. 9x12 см. на обратной стороне 9-е мая, партизанская молодеж 1977 г. фотографированы середине трое девушек, края парни. Фотооткрытка изображением момент молитвы на 2 листах импортного производство. На втором листе слова «Sevgili» начинается, заканчивается текст « Turkiye». Фото разм. 15x10 см. черно-белый, пожилой мужчина, парень с усами, и сзади их двое девушек сидящем виде. Фото разм. 9x12 см. цветном изображении мужчина рядом со своей лег. арт. (?). Тыльным стороне написано по латын 4 слова начитнающий « » и заканчивающийся « ».

Фото черно белым изображением разм. 9x12 см. стоит двое парней на солдатском форме возле железных ворот. Тыльным части на левом углу написано: «Август 1973 г.» «Архангельская губерния». «Армейская жизнь».

Фото черно белый разм. 15x10 см. 5 мужчин на левом краю одна женщина. На тыльной части отпечатки непонятного текста.

Фото 9x12 см цветное фотографировано 6 человек из них 2 женщин. На обратном стороне текст начинается: «Ve бизнинь» заканчивается «дигер мисафирлер». Фото разм. 9x10 см. цветной. Тыльной стороне черная пленка, снизу запись «аннем, бабам,

1980 ве бей Ильдор». Открытка 8 марта цветная с изображением роз красных. На обратной стороне поздравления Арсена и адреса «Краснодарский край» Темрюкский р\н п.Сенной ул. Привокзальная № 25 Гулизар Абдуллаевой». 700002. Тошкент Ц-27 д. 3\85 Джемилевым.

Фотобумага чистая на правом верхнем углу фото ребенка разм. 3x4 см. написано текст «число 23.03.82 г. Selam» заканчивается словами «haberler» текст на латыне. Цветная открытка разм. 10x15 изображен *паря(?)* и церкви куполами и шестью вишками. На обратной стороне текст написанной черной чернилой начинается словами «Kiyemetli» заканчивается словами «Fikret\ouan» (?) Фото цветное разм. 9x9 см. изображены парень и девушка возле кирпичного заграждения. На обратной стороне текст начинается с текста «Asam» заканчивается «пол.3\1980. Обращение разм. 30x20 см. с изображением фото Мустафы Джемилева «Free Mustafa Dzhemilev» текст на английском языке начинается словами «The following» заканчивается словами «Sity-State Sip», фото Солженицина разм. 9x12 см. на обратной стороне «11.X11.68 г. — 50 летие Солженицын Александр Исаевич. г. Рязань 12. Проезд Яблочкова № 1 кв.11. открытка цветная изображением роз. С нем 8 марта. Начинается словами «Эсселям» заканчивается словами «А, А и А» зачеркнутый крестом красным карандашом. Адрес отправителя Ташкент 700020. Ц-27, дом 3 кв.85 Джемилеву А.»

Лист белой отпечатанной бумаги разм. 9x12 см. текст начинается словами «Самарканд суперфосфатный» заканчивается словами «братья Зайде: Риза Умеров, Амли и Суперф.»

Лист белой бумаги разм. 15x20 см. текст машинописный на татарском и русском языках. Текст начинается со словами: «24.1X..1982 г. Кийметли кардашим Асан» заканчивается «в благотворительных целях». Лист паперосной бумаги разм. 15x20 см. текст написано под копирки на латыне текст начинается со словами «Kiyemetli» и заканчивается словами «»Мустафа подпись» и адрес отправителя заканчивается словами «Джамилев Мустафа»

Лист паперосной 30x20 см. Текст на русском языке начинается запиской чернилой-пастой «Радиопередачи на русском языке (время московское) заканчивается со словами «На следующий день передача повторяется на волне 31 м от 3-х до 5 час.

Записная книжка разм.12x8 см. коричневой обложкой алфавитная 47 листах из них 15 листов заполнены разными адресами граждан.

Текст на латыне начинается со слов «17.03.82.Merhabane» заканчивается со словами P.S. 1 фото— Ахмет; Abdulsamil на двух листах.

Лист бумаги 20x30 см. на татарском языке: начинается «Къыйметли» заканчивается «Селямлар Фикрет» и наклеена визитная карточка разм. 4x2 см.

Лист бумаги размером 9x18 исполненный фиолетовым красителем начинается словами «Мустафа, если возможнл сделай перевод...» заканчивается словами приехать через неделю-две... подпись.

Лист бумаги размером 14x20 начинается словами «Областной суд Артемов перед началом заканчивается словами «он умышленно затягивает следствие.

Лист бумаги размером 20x30 начинается словами «протокол допроса ссыльного Мустафы заканчивается словами «Допросил: Помощник прокурора Верхнеколымского р-на А.М.Корчуганов».

Письмо на 1 л. начинается словами «Дорогой глубокоуважаемый Мустафа! заканчивается словами «От пижонства подпишемся так», подпись. Письмо адресовано Джемилеву Мустафе от Суперфину Г.Г. с указанием адреса КазССР, Тургайская обл., пос. Тургай.

Письмо на 2 л. начинается словами «Генеральному прокурору СССР» заканчивается словами «ул.Беруни 3 кв.85. Джемилев Мустафа». Письмо вложено в конверт адресованный г.Москва К-64 ул.Чкалова, 14\16 кв.76 Шустер Александру. указан адрес отправителя 700020 Ташкент-20 Ц-27 ул.Беруни, 3 кв.85 джемилеву Мустафе.

Лист бумаги размером 14x19 начинается словами «4.Musafir (2 gun 12 saat)» заканчивается словами «12 mektupler (*diguridan*)(?)»

Лист бумаги размером 20x13 начинается словами «А.С. Высылка народов...» заканчивается словами «Великое противостояние народов».

Письмо на 3-х печатных листах начинается «Начальнику Верхнеколымского РОВД м-ру Ширококову В.С.» заканчивается ...мер по прекращению незаконных ограничений моих прав. Мустафа Джемилев п.Зырянка ЯАССР 29 февраля 1980 г. Письмо адресовано Ташкент-20 Ц-27 ул.Беруни 3, кв.85.

Письмо на 2-х листах написанных рукописно начинается селям алейкум милые родные» заканчивается ...переписать его для меня и прислать.Пожалуйста». Письмо на 2-х листах написано рукописно фиолетовым и красным красителем начинается «вара галмаяда насыл..., заканчивается ...алла хутарсын». Адресовано Ташкент Ц-27 ул.Беруни д.3 кв.85 Джемилеву Асану. отправител Краснодарский край Темрюкский р-н пос.Сенное ул жд 6\3 сеитвелиевым.

Письмо на 1 л. написано рукописно начинается словами «Merhaba Asan! 20 gun... заканчивается словами ...babama gelisir diye yazmışım... письмо адресовано Джемилеву Асану.

Письмо на 2 л. 1 л. печатный начинается словами «Селям Эдие! получил уведомление... заканчивается «Всего доброго. Мустафа» 28.02.80 г. 2-л — начинается словами «Привет Эдие! Посылаю... заканчивается словами «подтверди получение телеграммой». Письмо адресовано Джемилевой Эдие».

Письмо на 1 л. начинается словами «Selam Asan-Bey! 20-nci iyulde... заканчивается словами «P.S. uç tane fotoresim de yollıyorum».

Лист бумаги размером 12x7 начинается словами «İstanbul, Eminönü заканчивается словами ...are botu died(?)»

Продолжение описа писем из США Джемилеву Асану.

14) Джемилеву Ришату от Фикрат Юртера 25\У11 1978 г. Кийматли дустим Ришат. Письмо кончается — Езган дустинг Фикрет.

15) Фикрет — Асану. В начале письма «Азиз туганларим — язган аканг Фикрет. 16\У111-1977 г.

16) Письмо Фикрет Юртера — Джемилеву Мустафа, три письма в одном конверте.

17) Шесть (6) листов письма направленный Джемилевым Асаном в США. Копии.

18) Джемилеву А. от Зайде Гадо. Нач. словами «Чох сог булиглар — кончается — татангиз Зайде Гадо.

(Примечание: Далее следует текст протокола другим почерком.)

19. Заявление Мустафа Джамилова в Президиум Верховного Совета СССР, начальнику Октябрьского райотдела милиции г.Ташкента об отказе от советского гражданства на 2-х листов написанное красной чернилой.

20. Новогодняя открытка цветная на двух листах, внутренней стороне текст на арабском языке.

21. Лист белой бумаги 20x30 см. список лиц из 29 человек, начинается фамилией Ваниев Кязим — руководитель, заканчивается фамилией «Аппазова Зарема — солистка вокала».

22. Футляр полетеленовый коричневого цвета где обнаружены написанные на

арабском языке книжки коричневой обложкой 23 листах и лист оторванный, часть оторвана. Написанный текст черной чернилой, и *взять (?)* квадратики синим фломастером.

(Примечание: Далее следует текст протокола другим почерком)

Ученическая тетрадь в клетку на 14 листах с надписями начинающимися на первом листе словами «Ташкент 23.07.76. Мерабанъыз кыйметли» заканчивается словом на четвертом листе «елларикъ Аминъ». Надписи исполнены красителями красного и фиолетового цвета.

Алфавит в красном полиэтиленовом переплете с алфавитом от а до я на 49 листах на первом листе начинаются словами «Адик 41871, 45705... и заканчивается словами на последнем листе «быть другим». Касачева Валя.

Книжки в синем картоновом переплете прочитая синими нитками с текстом на 55 листах. С одной стороны коричневого цвета на которых исполнен текст от руки на узбекском языке начинающийся словами «Эслотма. Мухтаром ва азиз дин... и заканчивается словами «таван фаман яътикум бимоин маин».

В сумке из кожезаменителя размером 20x25 обнаружено:

1) Документы исполненные фотоспособом на 64 листах размером 13x18. Первый лист начинается «Истпарт Крымского областного комитета ВКП(б), последний лист заканчивается словами «секретарь М.А.Аджи-Оглу».

2) 4 фотографии размером 13x19 с изображением плиты с надписью «Абдулла Тейфук».

3) книжки размером 14x18 на 34 листах в картонном переплете начинающийся словами русско-тюркские литературно-фольклорные связи» заканчивающиеся «Крым. Путеводитель с 1977. стр.35

4) «Кассационное заявление» на 7 листах печатного машинописного текста.

5) 2 листа машинописного текста исполненного красным красителем стихотворного слога начинающий словами «Атешим кыыздырсын сизлерни» и заканчивающийся словами «...къаваджи. 10 июль 1978 йыл. Кърым-Ташкент.

В кухонном помещении в выдвижном ящике кухонного стола обнаружен блокнот из ученической тетради размером 9,5x17 на 18 листах с записями выполненными от руки на 2-х первых листах. Начинается словами «...Там где выгодно мы готовы сотрудничать с дьяволом» и заканчивающиеся словами «...но вы им нужны, полезны».

В коридоре на трюмо установлен квадратный телефон в котором при осмотре обнаружено приспособление (выносная разетка на корпусе аппарата) для прослушивания или записи ведущихся телефонных разговоров.

Письма из США адресованы Джемилевым от Fikret Yurter

1) От Фикрет Юртера — Джемилеву Асану. 14.04.77 г. Письмо начинается, киматли кардашим Асан, кончается словами — езан Фикрет аганг.

2) _____» _____ 23\1X-1977 г.

Письмо начинается киматли кардашим Асан — кончается — езан Фикрет аганг

3) _____» _____ 9 августа 1976 г.

Письмо начинается — киматли кардашим Асан — кончается езан Фикрет аганг.

4) Нью-Йоркдан. 7\11-1976 г. Киматли кардашим Асан — езан Фикрет.

5) 8.11.1977 г. Кардашим Асан — кончается словами — курбан байорамингиз хайирли булсин.

6) Киматли кардашим Асан — янги йилингиз жумлангизга хайирли булсин. 5\1-78 год.

7) Нью-Йоркдан 16\11-78. Киматли кардашим Асан — жумлангизга жондан саламлар.

- 8) Дубликат на получения посылки № 04260.
9) 7\1-79 г. Мухтарем Асан ага — от Эльдар Гадоп — каршилигим беклерим.
10) Январь — 16, 82 г. Элдар Гадо. — миробонгиз Асан ага — махтубда яхшисини елларам.
11) 3 ноября 1980 г. Чок мухтарам Асан абы — каршилик бекларим.
12) 16\У111 1982 г. Чох кийматли кардашларим — Чух салемллар.
13) пек киматли Асан — язган агангиз Фикрат.
1\11-1978 г. написано красителем красного цвета.
Кассеты магнитофонные — 375 м. 13 шт.
Магнитные ленты — 270 м. — 4 шт.
Магнитные ленты тип № 6 — 250 — 10 шт.
Магнитные ленты тип 6 — 1 коробка 3 шт. по 250 м.
Магнитные ленты тип 6 — 180 м. — 2 шт.
Магнитные ленты 100 м. — 3 шт.
Магнитные ленты 150 м. — 1 шт.
Кассеты МК-60 Советского производства — 11 шт.
Вместе с магнитными лентами обнаружен блокнот на 50 листах, где указано время западных передач.

Обыск в квартире начат в квартире в 9-00 часа и закончен 19-40, 1.02.83 года.

Протокол составлен и со стороны понятых и присутствующих дополнений и изменений не поступило.

Протокол оглашен следователем и записано правильно.

Понятые: 1. (Подпись)

2. (Подпись)

Присутствующие: Джамилев Асан (Подпись)

Следователи: Азляров А. (Подпись)

Хамдамов М. (Подпись)

Копию протокола получил

01.02.83 (Подпись)

(Том 1, л.д. 139-155)

4. Постановление о выделении части материалов из уголовного дела

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ВЫДЕЛЕНИИ ЧАСТИ МАТЕРИАЛОВ ИЗ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

15 июля 1983 г.

г. Ташкент

Ст. следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса В. А. Азарян, рассмотрев материалы уголовного дела №25013 по обвинению гр. Александра Г.М. по ст. 191-4 УК УзССР,

У с т а н о в и л:

В процессе расследования данного дела были произведены обыски на квартирах Аблямитова Ф. Я., Якубова Р., Кадырова С. А., а также были допрошены эти лица. Из

материалов усматривается, что они также занимались распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

В деле имеются также материалы обыска от 1 февраля 1983 г. произведенного в доме Джемилева Мустафы. При обыске у Джемилева М. также было обнаружено множество документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. В частности, у него обнаружены документы о положении крымских татар в СССР, составленные Александровым Г. М., также клеветнического содержания.

В ходе следствия установлено, что Джемилев М. также активно занимается распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Принимая во внимание, что следствие по делу Александрова Г. М. завершается и дело подлежит направлению в суд для рассмотрения по существу, и учитывая, что расследование дела в отдельном производстве в отношении вышеуказанных лиц не повлияет на полноту и объективность следствия по делу Александрова Г. М., и что действия этих лиц не находятся в прямой связи с преступлениями, совершенными Александровым Г.М., руководствуясь ст. 22 УПК УзССР,

П о с т а н о в и л :

1. Выделить из уголовного дела № 25013 все материалы в подлинниках, касающиеся действий Джемилева М., Аблямитова Ф. Я., Аблаева Р., Кадырова С. А. в отдельное производство.

Ст. следователь прокуратуры
г. Ташкента
юрист 2-го класса

Азарян В. А.

(Том 2, л. д.1)

5. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении М.Джемилева.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

16 июля 1983 г.

г. Ташкент

Старший следователь прокуратуры г. Ташкента юрист 2-го класса В. А. Азарян, рассмотрев выделенные из уголовных дел №14089 по обвинению Мурахаса Н. А. и № 25013 по обвинению Александрова Г. М. по ст. 191-4 УК УзССР материалы,

У с т а н о в и л :

В процессе расследования уголовного дела № 14089 по обвинению Мурахаса Н. А., был произведен обыск в доме Джемилева М., в результате которого обнаружено и изъято множество материалов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую основу. При расследовании уголовного дела № 25013 по обвинению Александрова Г. М. было также установлено,

что Джемилев М. поддерживал с ним тесную связь и пользовался клеветническими документами, составленными Александровым. Таким образом, установлено, что Джемилев М. не только не прекратил, но продолжает активно распространять ложные измышления, порочащие советский общественный строй как в устной, так и в письменной и печатной формах. Изучение материалов, обнаруженных в доме у Джемилева М. показало, что клеветническая информация о положении крымских татар в СССР распространяется не только в государственных учреждениях, среди отдельных граждан, но и за рубежом.

Учитывая, что в действиях Джемилева М. содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 191-4 УК УзССР, и из этих материалов усматриваются основания для возбуждения уголовного дела, руководствуясь ст. 89, 91, 93, 95 и 113 УК УзССР,

П о с т а н о в и л :

1. Возбудить уголовное дело в отношении Джемилева М. по признакам ст. 191-4 УК УзССР.

2. Уголовное дело принять к своему производству и приступить к расследованию.

Ст. следователь прокуратуры
г. Ташкента
юрист 2-го класса

Азарян В. А.

(Том 1, л. д.1)

6. Постановление о производстве обыска в доме Джемилева Мустафы от 16 июля 1983 г.

«САНКЦИОНИРУЮ»
И. О. прокурора г. Ташкента
Старший советник юстиции
Ш. А. Ахмедов
«16» июля 1983 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА

16 июля 1983 г.

г. Ташкент

Старший следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса В. А. Азарян, рассмотрев материалы уголовного дела № 25050 в отношении гр. Джемилева Мустафы,

У с т а н о в и л :

Джемилев Мустафа систематически распространяет в устной, письменной и печатной формах заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую основу. Принимая во внимание, что в его доме по адресу: г. Янгиюль, ул. Чарикова, 78-а, могут храниться материалы клеветнического содержания,

На основании изложенного, руководствуясь ст. 150 УПК УзССР,

П о с т а н о в и л :

Произвести обыск в квартире и подсобных помещениях гр. Джемилева Мустафы, проживающего по адресу: г. Янгиюль, ул. Чарикова, дом № 78-а, о чем объявить Джемилеву Мустафе.

Старший следователь прокуратуры г. Ташкента,
юрист 2-го класса

В. А. АЗАРЯН

Настоящее постановление мне объявлено

18 июля 1983 г.

(М. Джемилев)

(т. 2, л. д. 177)

7. Протокол обыска в доме Джемилева Мустафы 18 июля 1983 г.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

18 июля 1983 г.

г. Янгиюль

Старший следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса Азарян В. А., действуя на основании постановления от 16 июля 1983 г. о производстве обыска в квартире и подсобных помещениях гр. Джемилева М., проживающего в городе Янгиюле, ул. Чарикова, дом 78-а, в соответствии со ст. ст. 151, 152 УПК УзССР произвел обыск в присутствии понятых гр-н:

1. Мулладжанова К., проживающего в г. Янгиюле, ул. Ахунбабаева, д. 29.

2. Пастернак Н. А., проживающего в г. Янгиюле, ул. Гагарина, д. 2, кв. 22 и обыскиваемого Джемилева Мустафы.

Понятым и обыскиваемому разъяснено право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий, подлежащих занесению в протокол.

1.   /Подпись/

2.   /Подпись/

3.   /Подпись/

В результате произведенного обыска обнаружено:

1. Листы бумаги /папиросной/ с текстами рукописными на арабском языке /фарси/ на 11 листах, закреплены отдельно по 3 листа 3 штуки, и 2 листа 1 штук. Тексты 3-х листов исполнены под копирку и являются копией. На каждом правом листе сверху, в середине имеются записи: буква «-к-» и цифра «-4-»; в книжном шкафу.

2. Два листа стандартной бумаги с машинописными текстами с записями: «События в Крыму /Сборник фактов о нарушениях прав крымских татар/», Составитель: Мустафа Джемилев, предисловие Решата Аблаева, г. Ташкент, 1979 год. Первый лист— оригинал, второй — копия под копирку черного цвета; в книжном шкафу.

3. Два титульных листа журнала «Новый Восток», книга 5-ая и 6-ая, Москва, изготовлены на множительной технике; там же.

4. Машинописная копия «Заявления-запроса» на 5-и листах начинающихся словами: «Том-221», заканчивающихся словами «На горле крымского народа, подписи»; там же.

5. Ученическая тетрадь с рукописным текстом на 12 листах начинающихся словами «Был один из тех холодных» и заканчивающихся «Ваша квартира»; там же.

6. Лист бумаги с рукописным текстом, начинающийся словами «Marz 31 1982», заканчивающийся словами /карандашной записью/ «yerey nonetle»

7. Лист бумаги с рукописным текстом, начинающимся словами «Все сод-ое в кор. из Bromma», там же.

8. Фотокопия с текстом начинающимся словами: «Bahçesaray çeşmesi», стр. 25|371|, 26|372|; там же.

9. Машинописные тексты «Индекс писем, отправленных из п. Зырянка ЯАССР с 1.06.1979 г.» на 6 листах, то же на 6-и листах на тонких /папиросных / листах бумаги; в копии на одном листе «Копии писем, отправленных из г. Янгиюля», «Архив /кор. из-под фр. банд. в ч-не/. (л. 1, л. 2)

10. Аналогичная фотокопия указанная в пункте № 8 настоящего протокола, несколько мелких размеров. 2 экземпляра.

11. Записная книжка с записями на 1-ом листе «1. А. Куавов «Shadous from the Past» и последняя запись заканчивается словами «пользующийся доверием».

12. Рукописный текст на 7-и листах, на английском языке, начинающийся словами: «The Encyclopedia of Islam», заканчивающийся словами: «Leiden-London, 1965, pp. 979-981.

13. Общая тетрадь с записью на обложке «Correspondence Index», начинающийся словами «1».

14. Ученическая тетрадь с записью со слов «А. Подрабинек» и заканчивающийся словом «Margaretha Kihlberg (Bromma, Sweden)».

15. Ученическая тетрадь с текстом исполненным карандашом начинающийся словами «и стол на эту ночь», заканчивается «party line».

16. Письмо Джемилева М. прокурору Верхнеколымского района от 25.01.81 г., такое же письмо от 19.03.81 г., письмо начальнику узла связи от 17.12.81 г. с приложением списков адресатов, письмо прокурору РСФСР от 25. 05.82 г., письмо начинающий словами «Kiymetli kardeşim», заканчивается словами «Abinskte beklerim». Список отправленных телеграмм на 5 листах.

17. Часть тетрадного листа с записью красителем красного цвета: «Mhusine» /?/, заканчивающийся «Eskişehar Turnus» /?/. (л. 2, л. 3)

18. Лист бумаги с записью в верхней части «Архив» и заканчивающийся «в конв. «фотоархив».

19. Два машинописных листа начинающийся словами «Апрель-1980», заканчивающийся «Асан Дж. от 10.05. 80 г. на кр. тат. яз. лат. шр.»

20. Указ ПВС РСФСР «О переименовании сельских советов и населенных пунктов Крымской области от 21.08.45 г. № 613/3», сокращенный текст, этот же текст — полный текст.

21. Фотокопия книги на крымско-татарском языке арабским шрифтом. «Государственная ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина, оператор Котова» — на титульном листе.

22. Фотокопия книги «Судак».

23. Фотокопия «Колоколь» прибавочные листы к «Полярной звезде» 1861 года издания.

24. Фотокопия книги «Жилище крымских горных татар», автор М. И. Дубровский — 1914 года издания.

25. Фотокопия «Сборника документов и статей по вопросу об организации иногородцев».

26. Фотокопия книги «Boran» на крымскотатарском языке.
27. Книга на турецком языке Güney Dal «E-5».
28. Копия письма «Ирины» Джемилеву Мустафе на 4-х листах, исполнено красителем красного цвета на 4-х листах.
29. Переводы с заголовком «Nutuk-1» — 4 шт.
30. Стихи «Bir gün beni ararsan» на одном тетрадном листе
31. 6 шт. синей копировальной бумаги с текстом исполненным арабским шрифтом /рукописным/ и одна красного цвета с таким же письмом.
32. Копировальная бумага неиспользованная — 4 пачки.
33. Магнитофонная кассета /компактная/ с записью передач зарубежной радиостанции на русском языке.
34. Магнитофонная кассета /компактная/ с записью выступления /речи/ мужчины на крымскотатарском языке
35. Письмо Подрабиника А. П. Джемилеву Мустафе от 18.02.1983 года.
36. Письмо Костериной Е. А. Джемилеву Мустафе и Сафинар от 27.06.83 г.
37. Типографские клише в банке из-под «Чистели» завернутые в отдельных бумажных пакетиках по буквам: Т — 13 шт., И — 19 шт., В — 7 шт., А — 17 шт., О — 17 шт., Х — 8 шт., С — 16 шт., Щ — 9 шт., Й — 10 шт., Ц — 7 шт., П — 8 шт., Н — 8 шт., Ш — 7 шт., Р — 9 шт., Е — 5 шт., Д — 11 шт., Г — 6 шт., З — 6 шт., Ж — 3 шт., Ч — 12 шт., Ь — 3 шт., Ъ — 4 шт., О — 5 шт., У — 2 шт., Г — 1 шт., Э — 4 шт., Ю — 6 шт., Я — 4 шт., К — 7 шт., на пакетиках имеются рукописные обозначения букв. В этой же банке 4 спичечные коробки также с типографскими клише различных букв — всего 146 шт.; В этой же банке обнаружен лист бумаги на которой имеются оттиски различных букв; в кладовке в потолке за фанерой. (л. 4, л. 5)
38. Пишущая машинка, без верхней крышки /в связи в этом марка неизвестна/, номер 864601, ГОСТ 8274-71, цена 250 руб., б/у, с лентой черно-красного цвета.
39. Магнитная лента Тип-6 /катушечная/, при прослушивании установлено, что на ней имеется запись передачи зарубежной радиостанции на русском языке.
40. Приглашение (вызов) Джемилеву Мустафе на выезд в США на постоянное местожительства. Вызов прислан гражданином США Фикретом Юртером.
41. В подсобном помещении в ученической портфели обнаружены папки с различными рукописными и печатными документами, а именно: Общие тетради 5 штук с копиями писем Джемилева Мустафы различным адресатам, на разных языках, на обложках записи Relatives-IV, 194-319, 24.05.80-19.12.80, Friends-V — 230-323, 5.09.80-21.12.80 г. Friends-VI 324-388, 21.12.80-25.04.81, Friends-VII 390-472, 27.04.-4.09.1981, Friends-VIII 474-537 10.09.-30.12.1981 г. (л. 5)
42. Рукописный текст на 4-х листах начинающийся словами «Обстоятельства сложившееся не в пользу крымско-татарского народа» и заканчивается словами «Крым без крымских татар — преступление, выраженное геноцидом!» Подписано «Решат Джемилев. Ноябрь, 1982 года». (л. 6)
43. Письмо, адресованное Джемилеву Мустафе от Решата 3.07.82 г.
44. Рукописный текст под копирку на одном листе «Информация о событиях в Крыму и Москве на 10.02.79 г.»
45. Фотокопия страницы № 444 из книги неизвестного названия с изображением Джемилева Мустафы на берегу реки Колыма и типографским текстом.
46. Фотокопия /2 экз./ с перечнем фамилий начинается «Соган» и заканчивается «Фридман».

47.Рукописный текст под копирку на 6 листах озаглавлено «Показания» заканчивается словами «Провокационных дел».

48.Лист бумаги с рукописным текстом начинается словами «Мы крымские татары», заканчивается «от 1917 года».

49.Машинописный текст под копирку на 8 листах начинается словами «На смену промозглой», заканчивается «по подбородку на грудь».

50.Письмо на турецком языке адресованное Джемилеву Мустафе от Nakan Kirimli.

51.Письмо на турецком языке на имя Джемилева М., на котором имеется запись «Пол. 7.07.82 а Аб-ке».

52.Письмо Джемилеву М. на 6-ти листах от 24.11.79 г.

53.Письмо Подрабинека Мустафе от 23.11.82 г.

54.Письмо «Ирины» Мустафе на 3 листах от 22 июня, черным красителем.

55.Телеграмма /копия/ 1. Мустафы Сахарову в Горький с днем рождения; 2.Подрабинека Алле от 20.06.82 г.

56. «Сборник документов общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений», текст машинописный под красную и черную копирку, сброшюрована, «Хроника-пресс, Нью-Йорк 1977 г.» на 119 листах.

57.Письмо брата Мустафы редактору газеты «Вечерний Ташкент», на 28 листах.

58.Кроссворд с вопросником на 9 листах.

59.Протокол допроса Джемилева М. от 15.02.83 /копия/ на 2-х листах.

60.Копия письма Мустафы Шуре от 19.02.83 г. на 2-х листах, копия из-под синей копирки, текст машинописный. (л. 7)

61.Переписка Джемилева с дочерью Сафиной на 28 листах, письма в копиях, письма исполнены на пишущей машинке. (л. 8)

62.Письмо Джемилева М. Татьяне от 7.02.83 года, Володе от 7.02.83 г., Эльдару от 9.02.83, Ирине от 11.02.83 г., письмо на арабском языке, в которой на русском языке указан адрес: 700003, Ташкент, пр. Дружбы Народов, дом 6-В, кв. 263 Джемилеву Р. / тексты рукописные в копиях/.

63.Письмо /копия/ Мустафы Саше от 4.11.79 г. на двух машинописных листах.

64.Письмо Джемилева М. «Джеппар-агъа» в копиях, один экземпляр рукописный, другой машинописный — всего на 5 листах, письмо датировано 6.02.83 г.

65.Копия письма Александрова Г. М. Никите Струве от 19.02.83 года с выпиской из истории болезни — всего 2 листа, текст машинописный.

66.Машинописный текст на 2-х листах озаглавлен «Самосожжение Мусы Мамута».

67.Машинописный текст на 2-х листах без начала, начинается словами: «Магнитофонные кассеты» и кончается словами «Инициативная группа».

68.Две копии письма Джемилева Мустафы Сахарову А. Д. от 12.01.80 г. (л. 8)

69.Дело Мустафы Джемилева — продолжение 02.79-03.83 под синюю копирку с машинописным текстом на 6-и листах. (л. 9)

70.Письмо Джемилева М. 31.10.80 г. Елене Георгиевне, на 2-х листах, копия рукописная, то же самое на машинке.

71.Машинописная копия письма Мустафы «Рустем-бею» от 20.10.82 г.

72.Копия показаний Джемилева М. на допросе 22 апреля 1983 года на 4-х листах.

73.Две копии /машинописных/ Джемилева М. Александру Павловичу от 6.03.80 г.

74.Машинописный текст на 8 листах озаглавленный «После ссылки» /1982-1983/.

75.Копия письма под № 7 Решату от Мустафы от 4.01.81 г. /машинописная/.

76. Письмо Григорию Матвеевичу от Мустафы от 12.01.81 г., копия машинописная под синюю копирку.

77. Письмо на трех листах, текст под копирку синего цвета машинописный «Алле» от Мустафы.

78. Письмо «Аве» от 19.03.83 г. на 2-х листах от Мустафы /машинопись/.

79. Копия /машинописная/ письма Шуре от 19.02.83 г. (л. 9)

80. Копия /машинописная/ информации № 14 на 1 листе. (л. 10)

81. «Обращение-запрос», в левом верхнем углу имеется запись карандашом «Samarkand», на 7 листах.

82. «Протест-заявление» машинопись на 4-х листах. На первой странице в левом верхнем углу запись карандашом «Gosen & C*».

83. Копия /машинописная/ обращения сброшюрована на 3 листах.

84. Машинописный текст на 1 листе озаглавлен «От составителя», подписано Решатом Джемилевым, ноябрь 1982 г.

85. Письмо Эбазера «Мераба, дорогие друзья!»

86. Блокнот в коричневой обложке с различными записями и адресами.

Протокол прочитан вслух, замечаний со стороны понятых не поступило. Обыскиваемый Джемилев заявил:

«Во время обыска были изъяты рукописные и машинописные материалы, книги, в том числе дореволюционного издания, выписки из Корана, а также личная корреспонденция, которые никакого отношения к делу не имеют и не могут иметь. Обыск проводился с грубыми нарушениями процессуальных норм. Так, трое граждан, принимавших активное участие в обыске, отказались назвать свои имена и предъявить удостоверения. Один из них по имени или по кличке «Боря» на требование предъявить документы заявил, что он производит сотни обысков и не намерен предъявлять документ каждому уголовнику. В течение длительного времени я вместе с супругой добивался того, чтобы лица, прибывшие на обыск, сняли свою обувь и предъявили документы. Тем не менее, документы не были предъявлены и указанные лица вошли в комнаты, применив физическую силу. Всё это является грубым нарушением процессуальных норм и элементарной этики».

Протокол написан верно.

Понятые Мулладжанов, Пастернак

Обыскиваемый Джемилев

Следователь Азарян

Копию протокола получил /Джемилев/

(Том 2, л. д. 184-194)

8. Постановление о привлечении М. Джемилева в качестве обвиняемого от 21.07.1983г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

21 июля 1983 г.

г. Ташкент

Следователь прокуратуры г. Ташкента юрист 2-го класса В. А. Азарян, рассмотрев уголовное дело №25050,

У с т а н о в и л:

Что гр. Джемилев Мустафа материалами предварительного следствия изобличается в том, что он, будучи неоднократно судимым: приговором Народного Суда Ленинского района г. Ташкента от 12 мая 1966 г. по ст. 70 ч. 1 УК УзССР к 1,5 годам лишения свободы; приговором Ташгорсуда от 19 января 1970 г. по ст. ст. 190-1 УК РСФСР и 191-4 УК УзССР к 3 годам лишения свободы; Народным Судом г. Гулистана приговором от 12 июля 1974 г. по ст. 199 ч. 1 УК УзССР к 1 году лишения свободы; приговором Омского областного суда от 15 апреля 1976 г. по ст. 190 ч. 1 УК РСФСР к 2,5 годам лишения свободы и приговором народного суда Октябрьского района г. Ташкента от 6 марта 1979 г. по ст. 199 ч. III УК УзССР к 4 годам ссылки, должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и вновь встал на путь совершения преступления. На протяжении последних лет он систематически изготовлял и распространял в устной, письменной, печатной и иных формах заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 191-4 УК УзССР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 122, 123, 126 УПК УзССР.

П о с т а н о в и л:

Гр. Джемилева Мустафу привлечь по данному делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. 191-4 УК УзССР, о чем ему объявить.

Ст. следователь прокуратуры
г. Ташкента юрист 2-го класса Азарян В. А.

Настоящее постановление мне объявлено «21» июля 1983 г. (М. Джемилев)
(Том 2, л. д. 248)

9. Поручение следователя В. Азаряна гл. редактору журнала «Йылдыз» Ш. Алядинову от 26 июля 1983 г.

Главному редактору журнала «Еылдыз» тов. Алетдинову Ш.
26.07.1983 г.
№ 18 сл-83

В связи с возникшей необходимостью прошу Вас поручить работникам редакции журнала «Еылдыз» сделать перевод поэмы «Бахчисарайский фонтан» — автор Шукру Елчин с турецкого на русский.

Кроме того, прошу выслать в наш адрес отзыв по содержанию этой поэмы, в котором

необходимо указать, содержатся ли в поэме заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему.

Приложение: поэма на 2 листах.

Ст. следователь прокуратуры
г. Ташкента
юрист 2-го класса В. А. Азарян
тел. 32-10-28

(Том 4, л. д. 153).

10. Отзыв работников журнала «Йылдыз» на стихотворение Ш. Эльчина «Бахчисарайский фонтан» от 10 августа 1983 г.

Отзыв на стихотворение Шюкрю Эльчина «Бахчисарайский фонтан»

Стихотворение «Бахчисарайский фонтан» современного турецкого поэта Шюкрю Эльчина посвящено вопросу о выселении татар из Крыма и объектом для изображения величия татарского Ханства в прошлом взял фонтан, который был построен в Бахчисарае в память умершей жены хана. Хан очень любил её и, чтобы запечатлеть эту любовь, велел построить в её честь фонтан, из которого не лилась вода, а сочились слезы. Когда в 1944 году выслали татар из Крыма, то прекратилась сочиться из него вода, вся высохла, высохли (иссыкли) и слезы у матерей в Крыму от плача за лишение Родины. Высохла трава на Чатырдаге и на Яйле, овцам негде пастись, только горе и печаль в душе у людей, у которых отняли родную землю. «В дорогах Сибири одну печальную песню спела Судакская девушка и когда она произнесла «Прощай Родина моя!», то нутро мое разрывала разлука. Теперь погасла свеча, освещавшая мавзолеей Аджи-Гирея, в деревне Салачыкь перестали петь птицы, земля потрескалась от безводья. После ухода татар жизнь в Крыму вымерла», — пишет поэт.

Стихотворение целиком и полностью посвящено осуждению выселения татар из Крыма.

Работники журнала «Йылдыз»
Члены Союза писателей СССР

Шамиль Алядин
Закир Къуртнезир (подписи)
Айдер Османов
10 августа 1983 г.

(Том 4, л. д. 160)

11. Отзыв работников Института языка и литературы АН УзССР на поэму Ш. Эльчина «Бахчисарайский фонтан» (без даты)

Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина
Академии наук Узбекской ССР

г. Ташкент-170
ул. Академика Муминова, 9
тел. № 62-42-64

О поэме «Бахчисарайский фонтан» Шюкрю Эльчин

Мы, кандидаты филологических наук, старший научный сотрудник Б. Сарымсаков и кандидат филологических наук, младший научный сотрудник И. Хаккулов, ознакомившись с поэмой «Бахчисарайский фонтан» Ш. Эльчина пришли к выводу, что произведение насквозь пропитано антисоветизмом. Идею направление поэмы антиисторично и абсолютно не соответствует советской действительности. Следует отметить, что в поэме заведомо содержатся ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. Нам представляется необходимым, чтобы крымско-татарские специалисты— критики и писатели, проживающие в СССР должны дать должный отпор подобным клеветническим взглядам «поэтов», проживающих за рубежом.

Перевод или же распространение таких произведений у нас в стране должно рассматриваться как вредное действие, направленное против воспитания советских людей в духе советского патриотизма.

Кандидаты филологических наук

Б. Сарымсаков

И. Хаккулов

и литературы им.

Пушкина АН УзССР.

(подписи)

Печать ин-та языка

(Том 4, л. д. 164)

12. Письмо начальника Керченской паромной переправы прокурору Краснодарского края от 9 июня 1983 г.

Министерство морского флота СССР
Керченская паромная переправа
Азовского морского пароходства

почт. адрес:

г. Керчь-21. Переправа

09.06.83 г. № Н/800

на № ___ от _____

Для телеграмм:

г. Керчь, СТВОР

телеф. 43091, 49509

Прокурору Краснодарского края

5 июня 1983 г. к паромной кассе порта Кавказ подошли автомашины «Волга» ГАЗ-24 № А4200КК и «Жигули» 80-15 ЦВЖ. Водитель автомашины «Волга» обратился к билетному кассиру оформить переправу автомашины с покойником в Крым. Оформление автомашины было задержано по причине того, что труп не был в цинковом гробу и у сопровождавших его лиц отсутствовало разрешение на транспортировку трупа в Крым. До согласования вопроса о дальнейшей транспортировке трупа с местными органами власти было предложено освободить въезд на территорию переправы. Это требование водители выполнить отказались и в течение 4-х часов переправа не имела возможности осуществлять перевозку транспорта. По причине невозможности выезда автотранспорта прибывшего парома

«Керченский-2» последний простоял в ожидании выгрузки и погрузки в течение 1 часа 15 мин., чем был нанесен материальный ущерб предприятию в сумме 190 рублей. Прошу принять меры по возмещению материального ущерба.

П р и л о ж е н и е: Рапорта ст. помощника капитана «Керченский-2» т. Иванова, диспетчера переправы т. Кулагиной, билетного кассира т. Рудневой. Всего на 3-х листах.

Начальник Керченской
паромной переправы

М. И. Колесников

(Том 5, л. д. 2)

13. Постановление следователя В.Азаряна о признании Керченской переправы гражданским истцом по делу от 6 октября 1983 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНСКИМ ИСТЦОМ

г. Керчь

6 октября 1983 г.

Старший следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса Азарян В. А., рассмотрев материалы уголовного дела № 25050 в отношении Джемилева Мустафы,
У с т а н о в и л:

5 июня 1983 г. на Керченской паромной переправе группа лиц пыталась перевезти труп гр. Абдуджемилев на паром без гроба. Несмотря на неоднократные требования работников переправы и милиции освободить въезд на территорию переправы они не реагировали, в результате чего в течение 4-х часов переправа не имела возможность осуществлять перевозку автотранспорта, чем принесен ущерб предприятию на сумму 190 р.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 50 и 123 УПК УССР, —

П о с т а н о в и л:

Признать Керченскую паромную переправу в лице её начальника Колесникова Михаила Ивановича гражданским истцом по настоящему делу, о чем ему сообщить.

Ст. следователь прокуратуры
г. Ташкента

В. А. Азарян

(Далее следует типографский оттиск бланка с разъяснениями о правах гражданского истца).

С постановлением ознакомился, вышеуказанные права мне разъяснены:
(Колесников).

6 октября 1983 г.

Тип. УВД Крыма. VII-1980.

(Том 5, л. д. 132)

14. Из «представления» следователя В. Азаряна по делу Синавера Кадырова

10 октября 1983 г.

18сл-25050-83

Ректору Ташпединститута им. Низами
тов. Сайдаматову М.С.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

...В процессе следствия был произведен обыск в квартире гр. Кадырова Синавера Арифовича — студента 4 курса факультета русско-татарской филологии ТГПИ им. Низами, в результате которого обнаружены и изъяты ряд материалов клеветнического содержания, предназначенные для националистической обработки молодежи. В частности, в одной из рукописей он, обращаясь к читателям, пытается утверждать, что колонизаторская политика царского самодержавия в Крыму якобы «продолжается и при советском строе». Это будто бы привело к тому, что «крымскотатарский народ брошен на съедение другим окружающим нациям». Закljučая свою мысль, Кадыров делает вывод: «Остается только одно, что в отношении крымских татар никакой ошибки не произошло... Высланы они были потому, что их давно готовили к этому». Рассуждая в том же духе он, извращая советскую действительность, утверждает, что вроде при социалистическом строе, как и при царизме, «власти преследуют борцов за свободу».

В качестве «жертв произвола в наше время» он называет экстремистов Джемилевых Мустафу и Решата и на основе собственных измышлений сокрушается: «Неужели всё то, что было добыто таким трудом... за эти 70 лет исчезло. Осталось только одно название со времени Ленина. И как будто не было Ленина с его партией, не было теории построения коммунизма. Были лишь миф о Ленине, о совершенной им революции»...

Кадыров пытается оправдать подрывные действия туристов из Франции евреев Мариам Ваер, Эммануэля Молена и «развенчать» авторов статьи В.Бауэра и А.Гинзбург. Он с враждебных националистических позиций касается некоторых вопросов истории...

Кроме того, обнаружено подготовленное Кадыровым С. «Обращение к инициативной группе». В нем он благодарит соотечественников за их «открытое письмо Кадыеву Ролану», в котором Кадыев подвергается нападкам за выступление в печати против выехавшей за границу отщепенки Сеитмуратовой Айше. Кадыров полностью разделяет мнение авторов «Открытого письма», назвавших Роллана предателем татарского народа, а Сеитмуратову — защитницей.

На допросе Кадыров С. полностью придерживался тех взглядов, которые изложены в вышеуказанных документах, не отнесся критически к своей позиции, а впоследствии отказался от дачи показаний.

Сообщая об изложенном, с учетом возможного негативного влияния Кадырова С. на студенческую молодежь, прошу Вас рассмотреть настоящее представление в коллективе института и принять необходимые меры воздействия в отношении последующего...

О результатах рассмотрения и принятых мерах прошу сообщить в прокуратуру г. Ташкента в установленный законом срок.

Старший следователь прокуратуры г.Ташкента
юрист 2-го класса

В.А. Азарян

(Том 5, л.д. 185-186)

15. Письмо следователя В.А. Азаряна в КГБ УзССР по делу Фуата Аблямитова

24 октября 1983 г.

№ 18сл-25050

В Комитет Государственной безопасности УзССР

**О НАПРАВЛЕНИИ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР
В ОТНОШЕНИИ АБЛЯМИТОВА Ф.Я.**

В процессе расследования уголовных дел по обвинению Александрова Г.М. и Джемилева М. по ст.191-4 УК УзССР был произведен обыск в квартире Аблямитова Фуата Якубовича, в результате которого обнаружен и изъят ряд документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. Было установлено, что Аблямитов поддерживает связь с указанными лицами, которые систематически распространяли клеветнические документы о положении крымских татар в СССР. Однако каких-либо документов, свидетельствующих о том, что Аблямитов также занимается распространением подобных клеветнических документов, в ходе следствия добыто не было.

Учитывая общественную опасность такой деятельности, в целях предотвращения подобных фактов впредь и для принятия профилактических мер в отношении Аблямитова Ф.Я. направляются на Ваше рассмотрение копии документов, снятых с уголовного дела № 25050:

1. Протокол допроса Аблямитова Ф.Я. от 4 августа 1983 г.,
2. Постановление о производстве обыска и протокола обыска,
3. Поэма «Бахчисарайский фонтан» на турецком языке,
4. Письма М.Джемилева Генеральному прокурору СССР,
5. Конверты с письмом Аблямитову от Э.Аблаева,
6. Трех писем Аблямитова Ф. Джемилеву, всего на 18 листах.

Ст. следователь прокуратуры
г.Ташкента

В.А. Азарян

(Том 5, л.д.183)

16. Заключение по судебно-автороведческой экспертизе от 12 октября 1983 г.**ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПО СУДЕБНО-АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

г. Ташкент
по уголовному делу № 25050 по
обвинению Джемилева М.
по ст. 191-4 УК Уз ССР

Составлено 12 октября 1983 г.

22 сентября 1983 г. в Ташкентский НИИ судебной экспертизы им. Х. С. Сулеймановой МЮ УзССР из прокуратуры г. Ташкента при постановлении от 15.09.83 г. ст. следователя Азаряна В. А. для проведения судебно-автороведческой экспертизы поступили два документа:

1. «Обращение Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» на 7 листах;
2. Обращение «в организацию Исламская конференция», копия «в Президиум Верховного Совета СССР» на 5 листах.

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

«Не является ли автором обращений «Главам государств участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» и «В организацию «Исламская конференция», в копии «Президиум Верховного Совета СССР» — Мустафа Джемилев?

В качестве сравнительного материала в виде текстов документов подробно описанных на стр. 1-2 постановления о назначении экспертизы. Поступившие на исследование документы помечены оттиском штампа «ТашНИИСЭ», образцы — «Образец».

Производство настоящей экспертизы поручено эксперту зав. лабораторией КЭД Расулову А. С. с высшим образованием, стажем экспертной работы по специальности криминалиста 10 лет.

И с с л е д о в а н и е:

Поступившее на исследование обращение «Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» выполнено на семи листах белой стандартной бумаги, представляет собой копию полученную электрографическим способом с оригинала отпечатанного на пишущей машинке.

Обращение «В организацию «Исламская конференция...» выполнена на пяти листах желтоватой бумаги, представляет собой копию полученную с помощью копировальной бумаги черного цвета на пишущей машинке.

Подлежащие исследованию тексты этих двух обращений составлены лицом, обладающим высокой степенью развития пунктуационных, синтаксических, лексических и стилистических навыков, в текстах на 200 словоформ не встречается соответственно ни одной ошибки.

При сравнении письменной речи, которой составлены эти тексты с письменной речью Джемилева Мустафы установлено совпадение соответственно степеней развития навыков (в образцах на 200 словоформ встречается соответственно 2, 1, 0, 0 пунктуационных, синтаксических, лексических и стилистических ошибок), а также установлено совпадение следующих частных признаков письменной речи:

употребление сложных по строению фраз и предложений, например, в исследуемых обращениях: «Но органы власти, предпринимая все меры, чтобы не допустить возвращения крымских татар на свою Родину и открыто провозгласившие курс на славянизацию Крыма, начали против них, также как и против..., компанию..., пытаюсь вынудить...» стр. 1, абзац 2 «В организацию» в образцах — «Перечисляя предыдущие мои судимости, Кружилин всеми правдами и неправдами старается обойти процессы, на которых..., и более всего..., где против... и маскирующие мотивы...» стр. 7 абзац 4 «Заявления» от 09.09.79 г.;

употребление отдельных характерных выражений (в исследуемых обращениях — «...был обвинен весь наш народ и поголовно выселен...» — стр. 1 снизу восьмая строка «Главам государств...» «...в 1944 году поголовно выселили из...» стр. 1 сверху 16 строка «Заявления об отказе от советского гражданства».

Наряду с совпадениями установлено различие:

в исследуемых текстах не встречается ошибок, в образцах имеются, так например, «...провокационным обвинением...» стр. 4 снизу четвертая строка «Главам государств...», «...провокации, нелепые придирки...» стр. 1 снизу 17 строка «Заявления об отказе от советского гражданства».

Оценка совпадающих и различающихся признаков позволяет прийти к выводу о том, что автором двух вышеупомянутых обращений является Джемилев Мустафа, т.к. имеющиеся совпадающие признаки устойчиво существенны и индивидуализируют в совокупности письменную речь автора (составителя) этих документов.

Выявленное различие может объясняться различными факторами, в числе которых можно назвать тщательное редактирование и корректирование текста этих обращений как со стороны Джемилева М., так и другого лица.

В ы в о д ы:

Автором двух обращений:

1. «Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» и
2. «В организацию «Исламская конференция» в копии «В Президиум Верховного Совета СССР» является Джемилев Мустафа.

Эксперт

Зав. лабораторией КЭД А. С. Расулов

А. С. Расулов

печать ТашНИИСЭ

им. Х.С.Сулеймановой

(Том 4, л. д. 186-187)

17. Заключение экспертизы по содержанию материалов по уголовному делу в отношении М. Джемилева от 31 октября 1983 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СОДЕРЖАНИЮ МАТЕРИАЛОВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ № 25050

г. Ташкент

31 октября 1983 г.

(В начале «Заключения» перечисляются материалы, переданные на «экспертизу» — в сущности, повторяется текст Постановления следователя Азаряна В. А. от

15 сентября 1983 г. «О назначении экспертизы по содержанию материалов по уголовному делу № 25050»)

...Внимательно изучив вышеперечисленные материалы можно прийти к следующим выводам.

Судя по содержанию предисловий к зарубежным книгам «А когда мы вернемся...» и «Шесть дней», обе посвящены т. н. «правозащитной деятельности» советского гражданина Мустафы Джемилева. В книге «Шесть дней» также описывается другой советский гражданин Илья Габай. Из этого описания видно, что деятельность обоих «правозащитников» по сути сводилась к преклонению перед буржуазной «демократией», существующей в капиталистических государствах Запада, причисляющих себя к т. н. «свободному миру», и стремлению опорочить советский государственный и общественный строй...

Автор клеветнического «Обращения» адресовал его главам капиталистических государств, политических и религиозных организаций, давая тем самым повод зарубежным идеологическим центрам для вмешательства во внутренние дела Советского Союза («Шесть дней», стр. 42-43)...

В этой связи обращает на себя внимание и состав «Фонда Крым». В него, помимо иностранцев, среди которых большой активностью выделяется Юртер Фикрет, входят П. Григоренко, А. Левитин-Краснов, П. Литвинов, Б. Шрагин, которые по материалам нашей прессы известны как антисоветски настроенные отщепенцы.

Из пояснений, изданных в книги «А когда мы вернемся...» (лист № 9) видно, что «Фонд Крым» образован т. н. «Национальным центром крымских татар» в г. Нью-Йорке, возглавляемым гражданином США Юртером Фикретом, который по утверждению западной пропаганды будто бы является родственником Джемилева Мустафы...

Наряду с распространением клеветы о нашем государстве «Национальный центр» под руководством Юртера Фикрета осуществлял и другие враждебные акции, в т. ч. организацию 1 марта 1979 г. провокационного сборища у здания Советского представительства в г. Нью-Йорке («Шесть дней», стр. 44).

Изучение материалов «Фонда Крым» и деятельности т. н. «Национального центра крымских татар» в г. Нью-Йорке приводит к выводу, что их участники во главе с Юртером являются приверженцами антикоммунизма. Руководствуясь этими идеями, он стремится оклеветать социалистический строй и подорвать авторитет Советского Союза на международной арене.

Письмо к А.Д. Сахарову и «Обращение ко всем мусульманам», подписанное М. Джемилевым

Оба документа имеют ярко выраженную антисоветскую провокационную направленность. В первом из них он присоединяется к А. Д. Сахарову в связи с его высказываниями, касающимися Демократической Республики Афганистан. Эти заявления уже получили должную оценку общественности и государственных организаций СССР. М. Джемилев сознательно «забывает» опубликованные в мировой печати факты и события, касающиеся пребывания в ДРА по просьбе ее правительства ограниченного контингента советских войск.

Тоже самое и в «Обращении ко всем мусульманам». Советским читателям хорошо известно из сообщений официальной прессы о том, что академик А.Д. Сахаров и его

супруга Е. Боннер проживают в полной безопасности и спокойствии в г. Горьком. Использование же таких оборотов как: «находится в смертельной опасности... , может окончиться для них мучительной смертью» — сознательная ложь и клевета.

Как и выше, все это имеет своей целью опорочить социалистическую действительность, советский строй, возвести клевету на органы власти. Это также перекликается с письмом М. Джемилева японскому корреспонденту из предложенной к экспертизе общей тетради. Жонглируя фразеологией как ему вздумается, М. Джемилев пытается в этом письме опорочить законный шаг советского правительства в ответ на просьбу ДРА о вводе временно в Афганистан ограниченного контингента советских войск. В этом же письме М. Джемилева приветствуют территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и её деловых кругов, направленные против интересов СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и Советского Союза. Это по сути предательство М. Джемилева, являющегося гражданином СССР, по отношению к своей Родине.

Книга В. Маркмана «На краю географии»

По содержанию книги напрашивается вывод том, что Маркман, сознательно искажая советскую действительность, возводит клевету на политику партии в национальном вопросе, на Советское государство в целом и на его отдельные органы.

Обращение Главам Государств, участникам Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В начале «Обращения» дается небольшая историческая справка о пагубных последствиях для коренного населения Крыма, вызванных присоединением полуострова к России 8 апреля 1783 г. «С этого времени, — утверждает автор документа, — началась и продолжается по сей день трагедия нашего народа (стр. 1).

Далее говорится, что якобы при Советской власти в Крыму началась систематическая ликвидация национальной интеллигенции. Конкретно она будто бы выражалась в следующем:

«...Тысячи людей были казнены или умерщвлены в тюрьмах и лагерях по обвинению или просто подозрению в недостаточной приверженности к коммунистической идеологии и режиму...» (стр.1)

В «Обращении» подвергнут критике Указ от 5 сентября 1967 г., которым было снято огульное обвинение татарского народа в предательстве. Извращая этот законодательный акт и отвергая его гуманную сущность автор «Обращения» пишет, что в нем якобы «содержится претензия правительства на право и в дальнейшем распоряжаться судьбами и территориями народов в зависимости от того, сочтут ли эти народы достаточно верными к своей власти или нет.»

Изданное на основании Указа Постановление Президиума Верховного Совета Союза ССР, открывшее возможность лицам татарской национальности переселяться в Крым, в «Обращении» преподносится как антинародный акт. Более того, автор «Обращения» высказал следующее:

«Новое Постановление свидетельствовало о преемственности политики брежневского руководства с политикой имперской России, режимов Сталина и Хрущева в отношении Крыма и крымских татар.» (стр. 4)

Переселение татарских семей в Крым на основании этого постановления, по заявлению автора «Обращения» якобы использовалось властями «в основном для подавления татарского народа».

Основная цель автора «Обращения» сводится к тому, чтобы опорочить Советский государственный и общественный строй путем измышлений о том, что и при Советской власти в отношении татар якобы проводится политика царского самодержавия. Это вроде бы вызывает необходимость поднять о них вопрос на международный уровень с вмешательством во внутренние дела нашей страны.

Обращение в Организацию «Исламская конференция»

Документ изложен в форме жалобы группы мусульман татарской национальности своим зарубежным единоверцам на якобы «незаконные» и бесчеловечные действия работников милиции и администрации Керченской переправы, не допустивших погрузки на паром Мустафаева Джемиля для перевозки и последующего захоронения по мусульманскому обряду.

«Незаконность заключается в том, что было предложено транспортировать покойника в цинковом гробу с соблюдением других правил похоронного обслуживания.

Далее авторы документа, перейдя к обобщениям, утверждают, что «действия властей на похоронах 5 июля 1983 г. являются лишь одним эпизодом, иллюстрирующим их пренебрежение к религиозным чувствам и национальным обычаям» советских граждан (стр. 50).

Кроме того, они заявляют:

«Нашему народу уготовлена участь русификации, утеря национальной культуры и самобытности..., мы обращаемся ко всем единоверцам и ко всем людям доброй воли поднять голос в защиту наших суверенных прав..., в нашей стране свобода вероисповедания не охраняется законом».

Но авторы «Обращения» в силу своих эгоистичных побуждений захотели с помощью клеветы вызвать в мусульманском мире недовольство Советским Союзом.

Положение мусульман в России

...В заключение они восклицают «Остановить русских гегемонистов может только всемирное содружество, настало время демонтажа русской колониальной системы».

Этот документ националистический и содержит злобные клеветнические нападки на Советскую власть. Его даже можно отнести к разряду антисоветских.

Машинописные тексты радиопередач «Голоса Америки» и одной передачи «Радио Свободы».

Передача «Голоса Америки» от 24 декабря 1979 г. содержит диалог между отщепенцем П. Григоренко и работником радиостудии В. Французовым по вопросу ратификации договора ОСВ-2.

Диалог сводится к извращению сущности миролюбивой политики КПСС и обвинению Советского Союза в «агрессивной» политике. В итоге констатируется, что новый договор нужен нашему государству якобы для достижения военного превосходства над Западом.

Другие радиопередачи построены на клеветнических выступлениях отщепенки Сейтмуратовой.

Эксперт	штамп	
Заместитель Главного директора	Ташк-го	
программы Узбекского телевидения	телеви-	
кандидат философских наук	дения.	Р. А. Шейнфельд
(Том 4, л. д. 174-182).		

18. Постановление об аресте Мустафы Джемилева от 25 ноября 1983 г.

«Арест Джемилева Мустафы санкционирую»
 Зам. прокурора г.Ташкента
 /ст. советник юстиции Ф.К.Фазылов (Подпись)

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

25 ноября 1983 г.

г.Ташкент

Ст. следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса В.А.Азарян, рассмотрев уголовное дело № 25050 по обвинению Джемилева Мустафы, и принимая во внимание: Джемилев Мустафа на протяжении последних лет систематически в устной, письменной и печатной формах распространял заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. Он же 5 июня 1983 г. при попытке перевезти труп своего отца из Краснодарского края в Крымскую область в нарушение требований санитарных правил, на Керченской паромной переправе не повиновался законным требованиям представителей власти, принял активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, повлекшие за собой нарушение работы Керченской паромной переправы, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 1911-4 УК УзССР и 190-3 УК РСФСР.

На основании ст. 71-74, 78 УПК УзССР

П о с т а н о в и л:

Избрать в отношении Джемилева Мустафы — 1943 года рождения, уроженца Судакского района Крымской области, по национальности татарина, гражданина СССР, б/п, образование незаконченное высшее, семейного, ранее судимого, проживающего в г. Янгиюле, ул.Чарикова, дом 78-а, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда — содержание под стражей, о чем объявить ему под расписку.

Постановление для исполнения направить начальнику учреждения УЯ 64/Из-1 УИТУ МВД УзССР.

Ст. следователь прокуратуры г. Ташкента
 юрист 2-го класса

Азарян В.А.

Постановление мне объявлено (От подписи отказался) 30 ноября 1983 г.
 (том 5, л.д. 208)

19. Санитарные правила устройства и содержания кладбищ в СССР.

Утверждаю
Зам. Главного Государственного врача СССР
А. И. Занченко
10 февраля 1977 г.
№ 1600.77

Санитарные правила устройства и содержания кладбищ

(В настоящие санитарные правила включены также санитарные требования по захоронению, эксгумации и перевозке умерших и останков умерших.)

2.2. Захоронение производится в отдельных могилах на каждого умершего. На каждую могилу отводится 5 кв. м. Расстояние между могилами по длинным сторонам должно быть не менее 1 метра, по коротким — не менее 0,5 метра.

2.3. Длина могилы должна быть не менее 2-х метров, ширина 1 метр, глубина 1,5 метра с учетом местных климатических условий. Над каждой могилой должна быть земляная насыпь высотой 0,5 м от поверхности земли или надмогильная плита.

2.5. Захоронение производится при предъявлении соответствующего документа из местного ЗАГСа.

2.6. Перевозка и переноска умерших к местам захоронения совершается, как правило, в гробах.

Примечание: При захоронении трупов умерших в сидячем положении переноска их к месту погребения производится на специальных носилках, перевозка трупов умерших вдали от предполагаемых мест погребения — в гробах.

2.7. Процесс погребения умерших к местам захоронения в лечебных учреждениях или поступивших в паталого-анатомическое отделение для вскрытия (...) совершается, как правило без завоза...

Примечание: б) перевоз трупа умершего должен производиться в гробу, на дно которого необходимо положить вещества, хорошо впитывающие влагу (сухие опилки, мелкая деревянная стружка, торф и др.)

2.9. Перед перевозкой трупов умерших к месту погребения (в случаях, когда смерть последовала не по месту жительства покойного) разрешается любыми транспортными средствами (железнодорожный, авиационный, автомобильный и др.) по получении специального разрешения на перевоз от соответствующего транспортного ведомства. Для оформления перевозки умершего с места, где последовала смерть, к месту погребения в другом районе или городе страны, необходимо получить справку-разрешение на перевоз от местной санитарно-эпидемиологической станции (по месту смерти) по предъявлению заключения лечебного учреждения о причине смерти.

2.10. Перед перевозкой труп должен быть забальзамирован для длительного хранения. От момента наступления смерти до погребения в этих случаях должно пройти не более 5 суток.

2.11. При перевозке умершего железнодорожным или авиационным транспортом труп должен быть помещен в оцинкованный, герметично запаянный гроб, изнутри заполненный веществом, впитывающим влагу. Металлический гроб помещается в деревянный плотно сколоченный ящик, для транспортировки в багажном отделении.

2.14. Перезахоронение останков умерших допускается не ранее одного года с момента погребения в песчаных грунтах и не ранее трех лет в сырых грунтах.

...Разрешение на извлечение останков из могилы и перевоз на другое место захоронения оформляется исполкомами местных Советов депутатов трудящихся.

2.19. Территория ликвидационного кладбища (по истечении кладбищенского периода) должна использоваться в качестве зеленого массива для общественного пользования. Ликвидация могил при этом, как правило, производится без вскрытия останков захоронения, путем снятия надгробий.

2.21. Настоящие санитарные правила устройства и содержания кладбищ изданы взамен отмененных «Санитарных правил устройства и содержания кладбищ» — № 343-60.

(Том 5, л. д. 133-140)

20. Инструкция о порядке захоронений и содержании кладбищ в УССР

Министерство жилищно-коммунального хозяйства УССР
Республиканский центр по научной организации труда и
управления производством «Укркоммуноргтруд»

«Инструкция о порядке захоронений и содержании кладбищ
в населенных пунктах Украинской ССР»
РДИ 204 УССР 007-79. Киев 1979 г.

Разработана Республиканским центром по научной
организации труда и управления производством
«Укркоммуноргтруд» Минжилкомхоза УССР.
Согласована Комиссией по советским традициям, праздникам
и обрядам при СМ УССР.
Утверждена
Министром жилищно-коммунального хозяйства УССР
14 марта 1979 г. № 87.
Министр Площенко В. Д.

Инструкция о порядке захоронений и содержаний кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР. Группа Г. 50 РДИ УССР 007-79. Вводится в действие с 1. 07. 79 г.

Инструкция является обязательной для всех предприятий и организаций на территории Украинской ССР.

3.1.1. Захоронение производится при предъявлении свидетельства о смерти, выданного органами ЗАГС'а на специальном бланке, или наряда бюро ритуальных услуг с соответствующей отметкой о наличии такого свидетельства.

3.1.3. Перевозка или переноска умерших к местам захоронения совершается, как правило, в гробах.

3.1.4. ...Перевозка трупа умершего должна производиться в гробу, на дно которого необходимо положить вещество, хорошо вытягивающее влагу (сухие опилки, мелкая древесная стружка, торф и др.).

3.1.7. Перевозка трупов умерших к месту погребения (в случаях, когда смерть последовала не по месту жительства покойного) разрешается любыми транспортными

средствами (железнодорожный, водный, авиационный, автомобильный и др.) по получении специального разрешения на перевоз от местной санитарно-эпидемиологической станции (по месту смерти). Это справка выдается по предъявлению заключения лечебного учреждения о причине смерти.

Копия верна: Следователь В. А. Азарян.
(Том 5, л. д. 141-146)

21. Постановление следователя В. Азаряна о привлечении М. Джемилева в качестве обвиняемого от 30 ноября 1983 г.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО**

«30» ноября 1983 г.

гор. Ташкент

Старший следователь прокуратуры города Ташкента юрист 2-го класса Азарян В.А., рассмотрев материалы уголовного дела № 25050 в отношении Джемилева Мустафы,

У с т а н о в и л:

Джемилев Мустафа будучи ранее 5 раз судимым, из них дважды за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и вновь совершил преступление.

На протяжении последних лет он же систематически в устной, письменной и печатной формах распространяя заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему, как на территории Советского Союза, так и за рубежом.

С 1977 года до настоящего времени Джемилев поддерживал связь с действующим в Нью-Йорке «Комитетом за возвращение татар на свою родину» или т.н. «Национальным центром крымских татар», осуществляющим подрывную деятельность, направленную на порочение социалистического строя и подрыв авторитета Советского Союза на международной арене. Для реализации своих идей и политических целей «Национальный центр» создал т.н. «Фонд Крым». В 1980 году «Фонд Крым» издал книгу «Шесть дней», в которой помещено клеветническое «Обращение к мировой общественности», составленное и направленное в «Национальный центр» Джемилевым М.

26 сентября 1982 года Джемилев М. при содействии жителя г. Москвы Шустера А. передал за рубеж копию своей жалобы Генеральному прокурору СССР.

1 мая 1983 года эта жалоба, содержащая тенденциозное освещение положения крымских татар в СССР, была передана радиостанцией «Свобода».

В 1979 году Джемилев М. направил автору изданной за рубежом антисоветской книги «Карательная медицина» А. Подрабинку заведомо ложную информацию о якобы мучительном положении содержащегося в учреждении УЯ 64/пб МВД УзССР, признанного невменяемым Рождествова В., которая была опубликована Подрабинком

в самиздатском «Информационном бюллетене» № 21 рабочей комиссией по расследованию использования психиатрии в политических целях от 17 февраля 1980 г.

В 1979 году Джемилев М. во время пребывания в ссылке в Якутской АССР дал поручение приехавшему к нему Гани Мустафаеву создать молодежную группу для поездки в Москву во время Олимпиады-80 с целью совершения там замышляемых группой «Хельсинки» провокационных акций, привлекающих внимание иностранцев.

12 января 1980 г. Джемилев М. направил А. Д. Сахарову письмо, в котором назвал интернациональную помощь Советского Союза Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать его фамилию в числе подписавшихся под «протестом» против ввода ограниченного контингента советских войск в ДРА. В соответствии с просьбой Джемилева его фамилия была поставлена под распространением московской группой «Хельсинки» документом № 119, содержащим обвинения в адрес Советского правительства по поводу якобы развязанной несправедливой войны в Афганистане.

Кроме того, Джемилев М. присоединился к числу подписавшихся под документом № 58 от 16 августа 1978 года, озаглавленным «10 лет спустя», в котором говорится о «репрессивном характере советского режима», одобряются антисоциалистические силы в ЧССР, утверждается, что будто бы советскими войсками в августе 1968 года была подавлена свобода в этой стране.

5 декабря 1981 года Джемилев М. написал «Обращение ко всем мусульманам мира», в котором просит выступить в защиту А. Д. Сахарова и его жены Е. Боннер, при этом возводя клевету на органы власти, описывая в намеренно ложном свете их положение, просит мусульман всего мира выступить в их защиту.

26 октября 1981 года Джемилев М. направил письмо в Японскую радиовещательную корпорацию «НЭИДЕКЕЙ», в котором, выступая от имени советского радиослушателя, приветствует территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и её деловых кругов, направленные против интересов СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и Советского Союза. Кроме того, он утверждает, что Советское государство не соблюдает принципов добрососедства и проводит агрессивную политику.

В 1983 году Джемилев М. занимался размножением отдельных отрывков из книги В. Маркмана «На краю географии», в которой возводится клевета на политику КПСС в национальном вопросе, на Советское государство в целом и на его отдельные органы.

При обыске в доме у Джемилева М. обнаружен и изъят подготовленный для размножения фотонегатив документа «Положение мусульман в России», в котором содержатся злобные клеветнические нападки на Советскую власть, которая якобы продолжает колониальную политику царского самодержавия.

Он же размножал и распространил, полученную от жителя Турции Хакана Крымлы поэму «Бахчисарайский фонтан», порочащую советскую действительность.

Он же прослушивал и записывал на магнитофон, а затем печатал на пишущей машинке тексты передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», с выступлениями П. Григоренко, А. Сеитмуратовой и других, которые сводились к извращению миролюбивой сущности внешней политики КПСС обвинению Советского Союза в «агрессивности».

В 1983 году Джемилев М. подготовил и распространил «Обращение к главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». В нем Джемилев утверждал, что и при Советской власти в отношении крымских татар якобы продолжается политика царского самодержавия; возводит клевету на советский государственный и общественный строй.

Тем самым Джемилев М. совершил преступление, предусмотренное статьей 191-4 УК УзССР.

5 июня 1983 года Джемилев М. при перевозке трупа своего отца Абдуджемила Мустафа-оглы из г. Абинска Краснодарского края для захоронения на территории Крымской области, совместно со своим братом Джемилевым Асаном спровоцировал и принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.

Участники похорон при следовании в сторону Керченской паромной переправы на нескольких легковых автомашинах, в одну из которых, в нарушение требований санитарных правил перевозки трупов, положили труп покойного без гроба, были остановлены на посту ГАИ «Рубеж» инспектором ДПС УГАИ Краснодарского крайисполкома Мороз П. И. На отказ Мороза П. И. пропустить группу участников похорон к паромной переправе в связи с несоблюдением ими требований санитарных правил перевозки трупов, они не подчинились и допуская провокационные выкрики антисоветского характера, требовали пропустить их, провоцируя конфликтную ситуацию. О создавшейся обстановке инспектор ДПС Мороз доложил руководству ОВД Темрюкского района, на территории которого дислоцируется пост ГАИ «Рубеж». На неоднократные разъяснения прибывших на место представителей районного отдела милиции и райисполкома, о невозможности перевозки трупа в таком состоянии, участники похорон, подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, не реагировали и, подхватывая допускаемые последними провокационные заявления антисоветского характера, не подчинялись их законным требованиям. После чего участники похорон, игнорируя требования представителей милиции и райисполкома, поехали к переправе, где подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, грубо нарушая общественный порядок, требовали пропустить их на паром. Заблокировав автомашинами проезд на территорию переправы, участники похорон продолжали грубо нарушать общественный порядок. На неоднократные требования работников милиции и переправы убрать автомашины от ворот и не мешать въезду и выезду других автотранспортных средств, участники похорон не реагировали. Джемилев Мустафа и Джемилев Асан, продолжая разжигать среди участников похорон ненависть и озлобление, подстрекали их к действиям, нарушающих общественный порядок, признавая не выполнять законные требования представителей власти.

В результате преступных действий Джемилева Мустафа и Джемилева Асана, была нарушена работа Керченской паромной переправы и переправа не имела возможности осуществлять перевозку автотранспортных средств в течение 4 часов. По причине невозможности выезда автотранспорта из прибывшего парома «Керченский-2», последний простоял в ожидании выгрузки и погрузки в течение 1 часа 15 минут, чем причинен ущерб Керченской паромной переправе на сумму 190 рублей.

То есть Джемилев Мустафа совершил преступление, предусмотренное ст. 290-3 УК РСФСР.

Используя этот инцидент, Джемилев Мустафа составил и распространил клеветническое обращение «В организацию «Исламская конференция» в форме жалобы группы мусульман татарской национальности к своим зарубежным единоверцам на якобы «незаконные» и «бесчеловечные» действия работников милиции и Керченской паромной переправы. В документе Джемилев не ограничился этим фактом, а перейдя к обобщению подчеркнул, что «действия властей на похоронах 5 июня 1983 года являются лишь одним эпизодом, иллюстрирующим их пренебрежение

к религиозным чувствам и национальным обычаям» советских граждан. Далее Джемилев М. с клеветнических позиций констатирует: «Нашему народу уготовлена участь русификации, утеря своей национальной культуры и самобытности... Мы обращаемся ко всем единоверцам, ко всем людям доброй воли поднять свой голос в защиту наших суверенных прав... В нашей стране свобода вероисповедания не охраняется законом».

То есть Джемилев Мустафа совершил преступление, предусмотренное ст. 190-3 УК РСФСР.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 122, 123 и 126 УПК УзССР,

П о с т а н о в и л:

Гражданина Джемилева Мустафу привлечь по данному делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. 191-4 УК УзССР и ст. ст. 190-3 и 190-1 УК РСФСР.

Старший следователь прокуратуры
города Ташкента, юрист 2-го класса

В. А. Азарян

Настоящее постановление мне объявлено «30» ноября 1983 г. (Джемилев М)
(Том 5, л. д. 200-204)

22. Производственная характеристика на М. Джемилева (без даты)

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На слесаря водопроводной сети
Джемилева Мустафу, 1943 г. рождения,
уроженца Судакского района Крымской области,
образование н/высшие, б/п, проживающий в
г. Янгиюль ул. Чарикова, 78а

Тов. Джемилев М. работает в ПУ «Водоканал» с 11 февраля 1983 года.

За указанный период административного взыскания не имеет.

На протяжении своей работы в воскресные дни не работал, во время ночных аварий участия не принимал, был закреплен за бригадиром слесарей Кучкаралиевым Ю.

В общественной жизни коллектива не участвовал.

Настоящая характеристика составлена для предъявления в прокуратуру г. Ташкента.

Директор управления Г. Эльперин

Председатель профкома В. Хегай

печать

ПУ «Водо-канал»

(Том 4, л. д. 294)

23. Справка гл. врача санэпидстанции г. Абинска В. Дегтярева от 5 июня 1983 г.

РСФСР
Министерство Здравоохранения
Краснодарского края

Абинская районная
Санитарно-эпидемиологическая станция
«5» июня 1983 г.
№ _____

СПРАВКА

Дана, проживающему в гор. Абинске ул. Красноармейской 46 Сеитвелиеву Ризе в том, что ему разрешена перевозка трупа Мустафаева Абдулджемиля за пределы Абинского района Краснодарского края. Инфекционных заболеваний, препятствующих вывозке трупа, в районе не зарегистрировано.

Главный государственный санитарный врач
Абинского района (подп.) В. Дегтярев

Круглая печать Абинской
санэпидстанции Абинского
райотдела здравоохранения
Краснодарского края

24. Расписка зам. начальника УВД г. Керчи подполковника А. Ф. Денисова от 5 июня 1983 г.

В связи с отсутствием документов, разрешающих захоронение трупа Мустафаева Абдул Джемиля 1899 г. рождения в Белогорском районе, согласования с Крымским облисполкомом и Краснодарским крайисполкомом, труп перевозить из Краснодара в Крым запрещено.

Зам нач. УВД г. Керчи
п/п мил. (подпись) (А. Ф. Денисов).

5.06.83 г.
18. 20

III. Приобщенные к делу обвинительные материалы, письма, заявления

1. Обращение М. Джемилева к мировой общественности в связи с самосожжением Мусы Мамута в Крыму

К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

23 июня 1978 года в Крыму — в селе Беш-Терек (ныне с. Донское) близ Симферополя совершил самосожжение мой соотечественник Муса Мамут. Он сжег себя перед милиционерами, которые явились к нему, чтобы увести его в милицию за проживание в Крыму без прописки.

Крымскотатарский народ, поголовно выселенный из своей национальной Родины в мае 1944 года согласно преступного постановления советского правительства, в течение многих лет добивается возвращения на свою Родину и восстановления своего национального равноправия.

Советское правительство, декларирующее право на самоопределение, равенство и братство всех народов, претендующее на роль покровителя и защитника национально-освободительных движений за рубежом, в своей стране, вопреки своей же конституции, в нарушение подписанных им международно-правовых актов продолжает отказывать крымскотатарскому народу в праве на Родину, равноправие и национальное существование.

В Крыму уничтожены почти все культурные ценности крымскотатарского народа, разрушены мечети, осквернены и уничтожены кладбища, уничтожена литература крымских татар. Постановлением правительства переименованы почти все тюркские географические наименования в Крыму, по мере возможности уничтожается всё, что напоминало бы в Крыму о крымских татарах. Официальная историография, для оправдания выселения крымских татар из Крыма фальсифицирует историю народа, пропагандирует ненависть и пренебрежение к крымским татарам.

Участники национального движения, а также граждане других национальностей, выступающие за право на возвращение крымскотатарского народа в Крым и восстановление его национальной автономии, подвергаются жестоким преследованиям. Тюрьмами и травлей отвечают власти на законные требования крымских татар. Лишен советского гражданства мужественный борец за права крымскотатарского народа Петр Григоренко. Осужден на 7 лет лишения свободы и 5 лет ссылки руководитель советской Хельсинкской группы Юрий Орлов, арестован и ожидает суда Александр Подрабинек, которые также выступали в защиту прав крымских татар.

Изощренным преследованиям подвергаются семьи крымских татар, выехавших на жительство в Крым. Им отказывают в прописке, трудоустройстве, лишают средств к существованию, судят по заведомо ложным обвинениям в нарушении паспортного режима, подвергают насильственным выселениям. Любой мелкий чиновник администрации Крыма может безнаказанно глумиться над правами и человеческим достоинством крымского татарина. Судьба 46-летнего Мусы Мамута, отца троих детей, решившего принять страшную смерть, чем подчиниться произволу и покинуть свою Родину — красноречивое свидетельство трагического положения крымских татар.

Я обращаюсь к мировой общественности, к своим единоверцам-мусульманам, к главам государств, к руководителям общественных, политических и религиозных организаций, ко всем людям доброй воли. Я призываю оказать всестороннюю помощь крымскотатарскому народу в его борьбе за равноправие и возвращение Родины.

Мустафа Крымоглу (Джемилев)

г. Ташкент, ул. Беруни,
Ц-27, дом 3, кв. 85
5 июля 1978 г.

(Том 3, л.д. 53-54, Том 4, л.д. 200-201)

2. Документ Московской Хельсинкской группы за № 119 по ситуации в Афганистане от 21 января 1980 г.

МОСКОВСКАЯ ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

Документ № 119

21 января 1980 г.

В Афганистане идет война, гибнут афганцы, гибнут наши ребята — сыновья и внуки тех, кто прошел Вторую мировую, и тех, кто с неё не вернулся. Сверхмощная держава с 260-миллионным населением подавляет независимость 17-миллионного Афганистана, а советские средства массовой информации утверждают, что наш народ это единодушно одобряет. Но реально в СССР люди не имеют ни правдивой информации, ни права высказать свое отношение даже к таким произвольным шагам правительства, как развязывание новой несправедливой войны.

Хельсинкский Акт утвердил нерасторжимую связь между проблемой сохранения мира и соблюдения прав человека. Именно отсутствие основных прав человека дает возможность руководству СССР бесконтрольно принимать решения, от которых зависит будущее не только нашей страны, но всего человечества. Государство, не соблюдающее основные права человека, тем более, если это одно из сильнейших государств в мире, опасно не только для своего народа и для своих соседей, но и для всех людей на Земле.

Правительства ста четырех стран в Генеральной Ассамблее ООН высказали свое отношение к вторжению советских войск в Афганистан, но представители нашей страны заявляют, что СССР будет игнорировать резолюцию Ассамблеи.

Мы обращаемся ко всем, в памяти кого жива Вторая мировая война, кто воевал во Вьетнаме и кто выступал против этой войны, кто выступает за отмену смертной казни и помогает голодающей Кампучии, кто борется с применением пыток и призывает к освобождению узников совести, — к верующим и атеистам, к рабочим и бизнесменам, к ученым и художникам, к спортсменам и любителям спорта, к общественным и политическим деятелям, ко всем людям доброй воли, потому что это касается всех, кому дорог мир, кто не хочет третьей мировой войны, — добивайтесь выполнения резолюции о немедленном выводе иностранных войск из Афганистана, добивайтесь выполнения Всеобщей декларации прав человека во всех странах!

Члены Московской группы «Хельсинки»:

Елена БОННЭР

Софья КАЛИСТРАТОВА

Иван КОВАЛЕВ

Мальва ЛАНДА

Татьяна ОСИПОВА

29/1-80 г.

Заявление поддерживаем:

Председатель советской группы «Международная амнистия» Георгий ВЛАДИМОВ
Член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в
политических целях Леонид ТЕРНОВСКИЙ

Мустафа ДЖЕМИЛЕВ

Андрей САХАРОВ

Александр ЛАВУТ

Августа РОМАНОВА

(Том 3, л.д. 175)

3. Письмо Мустафы Джемилева в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей» от 26 октября 1981 г.

Round Table

26.10.1981г.

NHK. Tokyo. Yapan

Направляю свой ответ на один из трех, предложенных радиостанцией «Эн-Эйч-Кей» своим слушателям дискуссионных вопросов из цикла «Круглый стол», а именно на вопрос: «Какими должны быть отношения между Японией и ее соседями в Азии?»

Разумеется, с соседями нужно дружить и сотрудничать — это ясно каждому. Но вопрос, видимо в том, на каких морально-политических основах должна строиться эта дружба и сотрудничество. Для дружбы недостаточно взаимовыгодных экономических связей, она должна непременно включать также взаимное доверие, добрую волю, уважение суверенных прав друг друга. Если какая-то страна считает правомерной оккупацию части территории своего соседа лишь по праву сильного, по тому же праву вторгается на территорию другого соседа и с помощью штыков устанавливает там угодный своей воле режим, беспрепятственно пропагандирует и распространяет свою идеологию в других странах, но, в то же время, устанавливает жесткий заслон проникновению информации и идей из других, в том числе, соседних стран, то говорить об искренней дружбе с таким соседом вряд ли приходится. Продолжать же в одностороннем порядке уступать такому соседу ради призрачного смягчения напряженности или временных экономических выгод — это значит стимулировать его на дальнейшую экспансию и, в конечном счете, делать шаг в направлении к глобальной катастрофе.

Полагаю, что Япония в своих отношениях с другими странами, независимо от того соседние они или отдаленные, должна придерживаться единого принципа — устанавливать долгосрочные и тесные отношения лишь с теми странами, которые строго соблюдают нормы международного поведения и достаточно уважают основные

права человека. Неукоснительное соблюдение Японией этого принципа сохранит ее высокий авторитет в мире и явится большим вкладом в дело сохранения мира.

Известно, что Япония крайне зависима от внешнего рынка и занимает первое место в мире по объему импорта основных видов сырья для своей высокоразвитой индустрии. Поэтому не исключается, что кое-какие режимы из числа продавцов сырья будут пытаться шантажировать Японию, пытаясь изменить ее политику по тем или иным вопросам в выгодном для себя направлении. Но лучше пойти на какие-то экономические жертвы, чем проявлять чрезмерную гибкость и, тем самым, способствовать международному произволу. В этом плане, некоторые весьма принципиальные, хотя, возможно, в какой-то мере ущербные для своей экономики санкции и демарши Японии в последние несколько лет вызывают особое удовлетворение у ее искренних друзей.

С уважением,
 Мустафа Джемилев
 СССР 678770, Якутская АССР
 Верхнеколымский р-н, пос.Зырянка
 до востребования.

(Том 4, л.д. 1)

4. Поэма турецкого поэта Шюкрю Эльчина «Бахчесарай чешмеси»

Bahçesaray Çeşmesi

Şükrü ELÇİN

I

*Bahçesaray'da bir «Gözyaşı Çeşmesi» vardı Akyar mermerinden yapılmış,
 Bu çeşme Kırım Giray'ın gönül ikliminde açan nilüferdi.
 Bu çeşme Kerem'di, bu çeşme Aslı'ydı, bu çeşme Dilara Bikeç selsebiliydi,
 Bu çeşme gazilerle, erenlerle, şehitlerle beraberdi.*

*Gaspıralı İsmail bu çeşme başında duydu, sesini tarihin;
 Bu çeşme uyandırdı Cemiller'i geçmiş zaman hüznüyle hatıralar.
 Kuru dallar, bu çeşme akar iken sevinçle yapraklanırdı,
 Bu çeşme akar iken akmaz oldu göç etti Anadolu'ya kuşlar.*

*Sen; Yayla Dağları'nın rahmeti, sen sevdalara nakış çeşme;
 Sen, Sibiryaya yollarında sürgün onbinlerin, yüzbinlerin yürek acısı.
 Sen; Akmescit camiinde Karahisari'ce bir sülüs,
 Sen; Mengli Giray divanında ta'lik yazısı.*

*Bu gece, tuğa dil bağladı Gazi Giray, kakül-i hoşbu yerine,
 Bu gece, Cenevizli tavşan, Gedik Ahmed Paşa Karadeniz'de şahin;
 Bu gece, şimşeklere el sallayan süvariler Tuna'dan geçti,
 Bu gece, denizi yara yara yaklaştı Kefe'ye gemileri Fatih'in.*

II

Gözleve'de Aşık Ömer'in sazı asılı kalmış duvarda,
Kefe'nin Kızlar Kulesi'nde baykuşlar ötmektedir.
Ay bir sarı gül Çadır Dağı'nda bu gece, dönmüş, ğarip;
Bahçesaray'da Gözyaşı Çeşmesi'nden kan akmaktadır.

Sibirya yollarında bir türkü tutturmuş Sudaklı kız, yanık;
«Sağlıkla kal vatan» derken içimi kemirdi firak.
Hacı Giray'ın türbesinde yanan mum sönmüş artık,
Salacık Boğazi'nda kuşlar ötmez olmuş, susuzluktan çatlamış toprak.

Zehirli rüzgarlar esti Akyar'ın üstüne,
Zülfü gece, yanağı gündüz gelinleri sardı peygamber yası.
İstanbul'da yayıldı Hırka-i Şerif'den Kur'an sesi perde perde;
Erik ağaçlarında sallanıp kaldı çocukların rü'yası.

Bu gece gök yüzü kurşunla örtülü,
Bu gecenin karanlığında nefes alamaz insan.
Korkudan göz pınarları kurumuş analar, evlatlar gelmez kaleme
Bu gece insanlık yerde sürünüyor, memleket olmuş bir zindan.

Biz Geray'dık, biz Çora Batur, biz Dilara Bikeç'tik,
Üç dişli tarak tamğamızla aziz-i vakt iken a'da zelil kıldı bizi.
Kırım'da beyaz kefenlere sarılı nur yüzlü ölülerimizle birlikte
Susuz ceylanlar gibi kaybettik hürriyetimizi.

Biz zamana hüküm edenlerin soyundan, Altaylar'dan gelmişiz.
Tanrı'nın verdiği emaneti Zalim bizden alamaz.
Kasım'da buz tutan göl Mayıs'ta çözülür bir gün,
Gece, gecenin içinde tulu-i haşre kadar sürmez.

III

Sen, Orhon'dan, İdil'den, Sakarya'yla Aras'tan gelen su;
Sen besmeleyle abdest alanların şiiiri Dilara'm.
Bu gece Fatih'in minareleri niyazdadır senin için,
Yağmur yağar bu gece, yer doymaz, ben sana nasıl doyam.

Ayvalık'ta Şükrü Elçin dert içinde göz yaşına şeydadır,
Akmaz iken akar elbet suyun çeşme, geçer azme hail zulüm korkusu.
Dest busi arzusuyla ölürsem dostlar,
Kuze eylen toprağım sunun anınla yare su.

Ağustos 1981

(Том 4, л.д. 155-157, 158-159 — ксерокопия,
Том 4, л.д. 165-166 — фотокопия,
Том 4, л.д. 155-157 — подстрочный перевод,
Том 2, л.д. 65 — рукопись)

5. Обращение М. Джемилева ко всем мусульманам в мире в защиту А.Сахарова и Е.Боннер от 5 декабря 1981 г.**КО ВСЕМ МУСУЛЬМАНАМ!**

Жизнь великого гуманиста нашего времени, страстного борца за естественные права всех людей независимо от их расы, национальности и религии, лауреата Нобелевской премии Мира Андрея Сахарова и его супруги Елены Боннер находится в смертельной опасности. Все свои силы они посвятили борьбе против произвола и беззакония, защите прав незаконно гонимых и преследуемых, в том числе прав мусульман — крымских татар, афганцев и многих других. Во имя этой же благородной цели они предприняли новую акцию, которая может окончиться для них мучительной смертью.

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли и, в первую очередь, к своим единоверцам, последователям одной из гуманнейших религий — ислама! Окажите посильное содействие спасению жизней этих прекраснейших людей нашей планеты!

Мустафа Джемилев

Якутия.

5.12.1981 г.

(Том 4, л.д. 1)

6. Обращение крымских татар главам государств-участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе**ГЛАВАМ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ХЕЛЬСИНКСКОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ**

Мы, граждане крымскотатарской национальности, проживающие в СССР, обращаемся к вам с просьбой рассмотреть факты нарушений прав наших соотечественников и способствовать тем самым справедливому решению нашего национального вопроса.

Крымские татары — это тюркская нация, сформировавшаяся на территории Крымского полуострова и включающая в себя элементы всех народов, которые с древнейших времен населяли эту землю.

200 лет назад наша земля была оккупирована войсками России, наше национальное государство — Крымское ханство — ликвидировано, а территория Крыма 8 апреля 1783 года присоединена к России и превратилась в одну из её губерний. С этого времени началась и продолжается по сей день трагедия нашего народа.

Правительство России предпринимало различные бесчеловечные методы, целью которых было изгнать из Крыма его коренных жителей и сделать полуостров «чисто славянской территорией». С помощью жестокого террора завоеватели вынуждали коренное население к эмиграции, систематически и планомерно уничтожали их материальную и духовную культуру. В результате крымские татары, численность которых в период Крымского ханства составляла несколько миллионов, к моменту свержения царизма в 1917 году превратились в этническое меньшинство из нескольких сот тысяч человек.

В 1921 году на территории Крымского полуострова была утверждена Крымская АССР, а крымскотатарский язык, наряду с русским, был объявлен государственным языком республики, были предприняты некоторые меры по восстановлению национальной культуры крымских татар. Но в последующие годы началась систематическая ликвидация нашей национальной интеллигенции — тысячи людей были казнены или умерщвлены в тюрьмах и лагерях по обвинению или просто подозрению в недостаточной приверженности к коммунистической идеологии и к режиму И. Сталина, закрывались и уничтожались мечети и святыни крымских татар. Наконец, 18 мая 1944 года в «предательстве» был обвинен весь наш народ и поголовно выселен в районы Урала, Средней Азии и Казахстана. Не избежали обвинения в «предательстве» и выселения со своей Родины даже инвалиды и герои войны, вдовы и сироты около 26 тысяч воинов — крымских татар, погибших в боях с фашизмом. Вскоре из Крыма были выселены и другие этнические меньшинства, в том числе греки, немцы, чехи, армяне, эстонцы и даже болгары, которые, очевидно, были сочтены властями недостаточными или неполноценными славянами.

На местах ссылки за крымскими татарами был установлен жестокий комендантский надзор, введены правовые ограничения, способствовавшие их массовой гибели и культурной деградации. За крымскими татарами сохранялось в основном только право на рабский труд. Лишь в первые годы после выселения от голода, болезней и тяжелого принудительного труда крымские татары потеряли около 46 процентов своего численного состава.

Территория же Крыма в спешном порядке заселялась переселенцами из центральных районов России и Украины, то есть более «благонадежным» с точки зрения правительства славянским населением. Имущество крымских татар, отобранное при выселении, то есть дома, домашний скот, мебель, одежду и даже детские игрушки, было роздано новым поселенцам, а книги на крымскотатарском языке и многие предметы их культуры были уничтожены. Особым указом правительства были переименованы почти все тюркские наименования населенных пунктов Крыма. Уничтожили и все мусульманские кладбища, а надмогильные камни с изречениями из священного Корана были вывезены и использованы как строительный материал. Началось издание массовым тиражом художественной и псевдоисторической литературы, в которой крымские татары изображались в самом отрицательном свете, доказывалось, что Крым является «исконно славянской территорией» и распевалось «прогрессивное значение» присоединения Крыма к России. Крымская АССР была упразднена и превращена в область в составе РСФСР, а затем, в 1954 году, в ознаменование 300-летия присоединения Украины к России, включена в состав Украинской ССР.

В 1956 году состоялся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, на котором открыто говорилось и о некоторых преступлениях, совершенных в период так называемого «культы личности» Сталина, в том числе о незаконных выселениях целых народов, которые назывались на съезде «перегибами ленинской национальной политики». Новое советское руководство во главе с Хрущевым твердо обещало восстановить права репрессированных народов, но это обещание в отношении крымских татар и некоторых других народов осталось невыполненным. В апреле 1956 года, то есть через два месяца после съезда, был издан не подлежащий опубликованию в печати указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которого с крымских татар лишь снимался гласный надзор органов МВД, но оговаривалось, что они не

имеют права возвращаться в места, откуда были выселены, и их имущество, конфискованное при выселении, не подлежит возвращению.

Начиная с 1956 года крымские татары постоянно направляют в адрес советского руководства многочисленные индивидуальные и скрепленные десятками тысяч подписей письма и обращения с требованием восстановления своих национальных прав — возвращения их на Родину и восстановления ликвидированной при режиме Сталина Крымской АССР, но обращения эти в лучшем случае остаются безответными, а в худшем — служат основанием для репрессий против обращающихся.

Крымские татары неоднократно обращались к главам Советского правительства и КПСС с просьбой принять их делегацию и обсудить вместе с ними пути решения нашего национального вопроса, но за прошедшие более четверти века ни у одного из сменивших друг друга глав правительства и коммунистической партии не нашлось времени и желания выслушать представителей более чем полумиллионного народа. Делегации крымских татар, направляемые в Москву народом, во многих случаях подвергаются всевозможным преследованиям, насильственным возвращениям обратно, а некоторые из них были арестованы и осуждены к лишению свободы по вымышленным обвинениям. Мирные собрания и демонстрации крымских татар в поддержку своих неотъемлемых прав разгоняются силами войск и милиции, их участники подвергаются избиениям и арестам.

В конце 1967 года двадцать представителей крымских татар в Москве были приняты руководителями КГБ, прокуратуры, МВД и секретарем Президиума Верховного Совета СССР. Ими было обещано, что в ближайшие дни будет опубликован правительственный указ о «реабилитации» крымских татар и приняты другие меры для решения их национального вопроса. Но опубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года не только не способствовал решению нашего национального вопроса, но даже наоборот. Этим указом, во-первых, произвольно упразднялось существовавшее в течение многих веков этническое самоназвание крымских татар, которое заменялось выражением «татары, ранее проживавшие в Крыму», то есть недвусмысленно отрицалось само существование нации крымских татар и, соответственно, их естественное право на Крым, как на свою историческую Родину. Во-вторых, в Указе совершенно необоснованно и вопреки стремлениям народа, выраженным во всех его обращениях к советскому руководству, директивно утверждалось, что будто бы они «укоренились» на территории Узбекской ССР и других союзных республик. Выселение крымских татар из Крыма в 1944 году в указе объяснялось не бесчеловечной и террористической сущностью режима Сталина, а тем, что будто бы факты сотрудничества отдельных групп «татар, ранее проживавших в Крыму» были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению, что, в сущности, является претензией правительства и в дальнейшем распоряжаться судьбами и территориями целых народов в зависимости от того, сочтут ли они эти народы достаточно верными к своей власти или нет.

В принятом одновременно с этим указом Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О порядке применения статьи 2 Указа ПВС СССР от 28 апреля 1956 года» говорилось о праве «татар, ранее проживавших в Крыму» отныне проживать на всей территории СССР согласно паспортного режима. Если принять во внимание, что в статье 2 Указа ПВС от 28 апреля 1956 года прямо говорилось о запрете крымским татарам возвращаться в Крым, то новое постановление «о порядке применения» этой статьи, прикрытое ссылкой на паспортный режим,

свидетельствовало о преемственности брежневского руководства с политикой имперской России, режимов Сталина и Хрущева в отношении Крыма и крымских татар.

Тысячи семей крымских татар, выехавших в Крым после опубликования Указа и Постановления от 5 сентября 1967 года, были выдворены обратно с применением жестоких и бесчеловечных мер — на них устраивали милицейские облавы, семьи выбрасывали из купленных на многолетние сбережения собственных домов, а дома передавали гражданам других национальностей или разрушали бульдозерами. Крымских татар насильственно вывозили на грузовиках и выбрасывали за пределами Крыма вместе с их перебитым имуществом. В других, более «гуманных» случаях, крымским татарам отказывали в нотариальном оформлении купленных домов, прописке и трудоустройстве, их детей школьного возраста отказывались принимать в школы, а новорожденным — выдавать свидетельства о рождении, отключали им свет, перекрывали воду, перепахивали засеянные приусадебные огороды, систематически облагали штрафами за проживание без прописки. В результате многие семьи крымских татар, лишённые средств к существованию, вынуждены были покинуть Крым «добровольно». Известны сотни судебных процессов, на которых крымских татар обвиняли в «незаконном приобретении домов», «нарушении паспортного режима» и приговаривали к крупным штрафам, высылке за пределы Крыма или лишению свободы. Подвергались преследованиям и граждане других национальностей, которые, выезжая из Крыма, продавали свои дома, вопреки предписаниям властей, не русским и украинцам, а крымским татарам.

Многие крымские татары, выехавшие из Крыма в результате гонений властей или же вывезенные насильственно, селились в близлежащих к Крыму районах Украины и Краснодарского края. Но вскоре и в этих районах прописка крымских татар была резко ограничена. Власти зорко следят за тем, чтобы в одном и том же населённом пункте расселялось не более нескольких десятков или сотен семей крымских татар, ибо это затруднило бы их скорую ассимиляцию и русификацию.

Участились судебные процессы над активистами Национального движения крымских татар в Узбекистане и в других местах по обвинению в «клевете на советский строй», «организации массовых беспорядков», «сопротивлении властям» и по другим вымышленным и провокационным обвинениям.

Для создания видимости решения нашего вопроса было объявлено, что крымских татар будут переселять в Крым по так называемому «оргнабору», но за прошедшие 15 лет подобного рода «организованным» методом было перевезено в степные районы Крыма всего около 300 семей. Причем, и эта мера использовалась властями в основном для подавления Национального движения, ибо отобранные для переселения семьи должны были отвечать основному требованию — не принимать участия в усилиях своего народа по решению его национального вопроса. Известно много случаев, когда сотрудники КГБ обещали крымским татарам прописку на их родине в обмен на обязательство сотрудничать с ними в качестве осведомителей и доносчиков на участников Национального движения.

Большие надежды возлагали крымские татары на итоги Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, потому что в Заключительном акте этого Совещания, подписанного в августе 1975 года и главой Советского государства, прямо говорилось:

«Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, право на равенство

перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и таким образом защищать их законные интересы в этой области.

Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой...»

Но правовое положение крымских татар ни в коей мере не улучшилось после подписания Заключительного акта. Наоборот, были приняты несколько новых секретных и полусекретных указаний, инструкций и распоряжений властей, направленных на дальнейшее ограничение их прав и «укоренение» их на местах ссылки.

Так, например, согласно указания министра внутренних дел Узбекской ССР за № 221 от 26 апреля 1978 года «гражданам татарской национальности, ранее проживавшим в Крыму, не разрешается выезд в Крым без предъявления документов о возможности их бытового и трудового устройства в Крыму». О том, что органы власти Крымской области могут выдавать крымским татарам документы «о возможности их бытового и трудового устройства в Крыму», конечно же, не может быть и речи.

В настоящее время усилия властей направлены на то, чтобы заселить крымскими татарами специально организованный в сентябре 1978 года Мубарекский район, расположенный в пустынной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Для осуществления этой цели используются различные методы — от обещаний повышенной зарплаты и квартиры до принудительного направления туда выпускников учебных заведений под угрозой невыдачи в противном случае документов об образовании.

Репрессии против крымских татар, добивающихся возвращения на Родину и восстановления национального равноправия после подписания Заключительного акта не только не прекратились, но и ужесточились. Особым репрессиям подвергаются те наши соотечественники, которые пытаются информировать о положении крымских татар советскую и мировую общественность. Так, например, трижды были осуждены Джемилев Решат и Чобанов Мамеди, пятикратно осужден и провел в местах лишения свободы около трети своей жизни Мустафа Джемилев. Против них время от времени появляются в печати различные статьи, полные лжи и грубых оскорблений. Такого же рода «письма» и «обращения», отпечатанные на пишущих машинках, распространяются властями от имени анонимных «соотечественников», «истинных советских патриотов» или же прикормленных органами отщепенцев крымскотатарского народа.

Подвергаются преследованиям и граждане других национальностей, выступающие в поддержку наших законных прав. Был исключен из партии и Союза писателей А.Е. Костерин, около пяти лет подвергался принудительному «лечению» в психбольнице специального типа известный защитник прав крымских татар бывший генерал советской армии П.Г. Григоренко, на три года лишен свободы, а затем доведен до самоубийства поэт Илья Габай. Документы в защиту крымских татар и их прав вменялись А.П. Лавуту, А. Подрабинеку, Г. Алтуняну, членам Московской группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений Юрию Орлову, Татьяне Великановой, Т.С. Осиповой и многим другим правозащитникам, осужденным к длительным срокам заключения. Всему миру известна и судьба лауреата Нобелевской премии мира академика А.Д. Сахарова, который также многократно выступал в защиту прав крымских татар.

Жестокие преследования и издевательства властей над прибывшими в Крым крымскими татарами вынудили некоторых из них на самоубийство, а 23 июня 1978 года наш соотечественник Муса Мамут совершил самоубийство.

Мы прилагаем к настоящему обращению сборник «События в Крыму», составленный одним из активистов Национального движения крымских татар Мустафой Джемилевым, в котором на основании многочисленных заявлений и писем приводятся сотни фактов грубых нарушений прав наших соотечественников в Крыму со времени подписания Заключительного акта в Хельсинки до дня ареста самого составителя сборника в феврале 1979 года по сфабрикованному обвинению в нарушении правил установленного за ним органами гласного административного надзора. Этот сборник не охватывает всех фактов нарушений прав крымских татар в Крыму, ни даже всего арсенала применяемых против них методов, а составляет лишь часть тех сведений, которые удалось собрать, преодолевая чинимые властями препятствия, и сохранить после многочисленных обысков.

Прилагаем также сборник «Самосожжение Мусы Мамута», составленный другим активистом нашего Национального движения Решатом Джемилевым незадолго до своего очередного ареста по обвинению в «клевете на советский строй» в апреле 1979 года.

Мы просим пригласить на Совецание в Мадриде также наших представителей, которые могли бы дать дополнительные показания по всем аспектам нашего национального вопроса. В числе представителей, достаточно известных среди нашего народа и имеющих моральное право сообщить Совецанию о его чаяниях, мы называем:

1. Акимова Джемпара, проживающего по адресу: Ташкентская область, г. Бекабад.
  2. Джемилева Мустафу, проживающего по адресу: Ташкентская область, г. Янгиюль, ул. Чарикова, 78-а. Находится под гласным административным надзором без права на выезд из города Янгиюля.
  3. Музаффарова Рефика, проживающего по адресу: г. Тобольск, 6-й микрорайон, Комсомольский проспект, 17, кв.15.
  4. Сеитмуратову Айше, эмигрировавшую в 1978 году из СССР и проживающую в настоящее время в США по адресу: Р.О. Бокс 108, Бруклин, Нью-Йорк, 11209, США.
- Мы убеждены в том, что справедливое разрешение нашего национального вопроса, которому могло бы способствовать обсуждение его в международных совещаниях с участием представителей Советского Союза, послужит укреплению доверия между государствами и упрочению мира во всем мире.

Подписи

(Том 4, л.д. 125-129, том 4, л.д. 193-199 — ксерокопия)

7. Обращение группы крымских татар в Организацию Исламская Конференция, отправленное в июне 1983 года.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Копия: В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Мы, мусульмане крымскотатарской национальности, участвовавшие в похоронах нашего родственника и соотечественника Абдулджемиля Мустафа-Оглу, извещаем Вас и в Вашем лице всех мусульман о новом глумлении советских карательных органов над нашими национальными и религиозными чувствами.

Абдулджемиль Мустафа-Оглу — отец одного из активистов нашего национального движения за возвращение на Родину в Крым Мустафы Джемилева, после поголовного выселения всех крымских татар из Крыма в 1944 году проживал вместе со своими родными в Узбекистане. В 1977 г., в возрасте 78 лет, он вместе с супругой и семьями двух своих дочерей, выехал в Крым, надеясь дожить там свои последние годы и быть похороненным на своей родной земле. Но органы власти, предпринимающие все меры, чтобы не допустить возвращения крымских татар на свою Родину и открыто провозгласившие курс на славянизацию Крыма, начали против них, а также и против многих других возвращающихся на свою Родину крымских татар кампанию травли и преследований, пытаясь вынудить их покинуть пределы Крыма. Им отказали в нотариальном оформлении купленного дома, в прописке, и в течение около двух лет терроризировали различными незаконными штрафами, вызовами в милицию, прокуратуру, постоянными угрозами репрессий. Наконец, 12 апреля 1979 года к их дому подъехало около десятка автомобилей, наполненных милиционерами КГБ, прокуратуры и представителями гражданской администрации Крымской области. Всю домашнюю утварь они погрузили в грузовик и вывезли за пределы Крыма, а все члены семей, в том числе старцы и младенцы были в тюремной машине доставлены в Симферопольскую тюрьму, где их подвергли тщательному обыску, заперли в камеры и содержали два дня без пищи и медицинской помощи, а затем на поезде в сопровождении милиционеров вывезли за пределы Крыма. В эти же дни был пятый раз арестован и осужден к четырем годам ссылки в Якутию их сын Мустафа Джемилев, проживающий под гласным административным надзором органов МВД в Ташкенте.

В течение многих месяцев 80-летний Абдулджемиль Мустафа-Оглу и все выселенные вместе с ним родственники были вынуждены, в поисках крова, блуждать по поселкам Краснодарского края, а затем поселились в г. Абинске, где он и скончался 2 июня 1983 года.

Получив телеграмму о смерти своего отца, Джемилев Мустафа, уже отбывший срок ссылки и проживающий под гласным административным надзором в г.Янгиюле Ташкентской области, обратился с заявлением в милицию за разрешением на выезд. В своем заявлении он указал, что, в соответствии с предсмертной волей отца, намерен похоронить его в Крыму, и требовал разрешения на проезд так же на территорию Крымской области. Получив соответствующее разрешение милиции Узбекистана, он вылетел в Крым, подготовил на одном из кладбищ Крыма место для захоронения своего отца, и выехал в г. Абинск.

5 июня, после всех предусмотренных шариатом ритуалов, похоронная процессия на нескольких легковых автомобилях двинулась в направлении Крыма.

Примерно через два часа пути, у поста автодорожной инспекции, расположенного в 12-ти километрах от паромной переправы на территорию Крыма, похоронная процессия была остановлена работниками милиции, милиционеры отобрали удостоверения у водителей нескольких наших машин, в том числе и у водителя автомобиля, везшего покойника, и сообщили, что, согласно полученному ими распоряжению, похоронная процессия должна быть возвращена в г. Абинск. Мы предъявили справку санэпидемической станции с разрешением на вывоз покойника за пределы Абинского района и потребовали немедленно пропустить процессию, объяснив, что, в соответствии с нашими обычаями, покойник должен быть похоронен до заката солнца.

В свое оправдание работники милиции, ссылаясь лишь на распоряжение своих начальников, сказали, что нам следует подождать около часа пока подъедет само это

начальство. Примерно через два часа у автомобильной инспекции собрались начальники местных отделений КГБ и милиции. Все они в один голос, без всяких ссылок на какие-либо законы, стали утверждать, что мы не имеем права хоронить своих покойников в Крыму, а должны хоронить лишь по месту прописки, и требовали возвратиться обратно, угрожая, в противном случае, репрессиями против «зачинщиков». Тогда мы вышли из автомобилей, взяли покойника на руки, оставив около машин несколько соотечественников, направились к паромной переправе пешком. Когда мы прошли несколько километров, в небе появился вертолет УВД Краснодарского края, который облетел похоронную процессию, а потом подлетел к зданию автоинспекции и оттуда передали работникам какие-то указания. Затем к процессии подъехали и задержанные ранее наши автомобили, водители которых сообщили, что им возвратили удостоверения и разрешили проезд к переправе. Мы решили, что наконец-то милиционеры получили благоразумное распоряжение своего начальства, вновь уложили покойника в машину и направились к паромной переправе.

Когда мы подъехали к пропускному пункту порта, милиционеры закрыли ворота, а полугруженный паром был отправлен в сторону Крыма. Вскоре к порту подъехало еще 5 милицейских машин с милиционерами, которые плотным кольцом стали у ворот. Вновь прибывшие чины КГБ начали в угрожающих тонах «разъяснять», что они ни в коем случае не пропустят нас на территорию Крыма. Прибывший на катере из г. Керчи зам. начальника УВД подполковник милиции А. Денисов начал перечислять около десятка районных, областных, краевых инстанций, без разрешительных резолюций которых он якобы не имеет права позволить перевоз покойника на территорию Крыма. Нелепость, незаконность и издевательский характер подобных требований были вполне очевидны, потому что лишь для объезда всех перечисленных инстанций потребовалось бы около недели, а если принять во внимание существующую бюрократическую практику, то сбор подписей и резолюций чиновников следовало бы начинать за многие месяцы до смерти человека. Кроме того, нам известно много прецедентов, когда покойников других национальностей перевозили без каких-либо разрешений как в Крым, так и из Крыма в другие области. Мы стали требовать, чтобы нам предъявили соответствующий закон или правительственное указание, которые подтверждали бы предъявляемые требования о якобы необходимости официальных разрешений перечисленных нам административных органов. Нам отвечали, что не помнят, когда и кем был издан подобный указ, но заявляли, что скорее пойдут на самые крайние меры, чем пропустят покойника на территорию Крыма.

Эта перепалка под знойным солнцем продолжалась пять часов. Все это время работники милиции и КГБ вели среди собравшейся на переправе толпы пассажиров и водителей подстрекательскую агитацию против нас. Так, полковник Денисов, обращаясь к толпе, заявил, что из-за нас остановлено движение парома, в результате чего страдают ни чем не повинные женщины и дети. Аналогичную и явно шовинистическую агитацию они стали вести, собирая вокруг себя отдельные группы обывателей. Подогретые подобной агитацией и продукцией близлежащего виноводочного магазина, отдельные личности, пользуясь явным одобрением работников милиции, стали выкрикивать в наш адрес и в адрес всего нашего народа оскорбления и угрозы перевернуть автомобиль с покойником. Один из офицеров, ст. лейтенант милиции Геннадий Дереев, открыто обратился к водителю стоявшего неподалеку тяжелого грузовика с предложением наехать на легковой автомобиль с покойником, обещая оформить это как случайное дорожное происшествие,

случившееся не по вине водителя грузового автомобиля. На тех же, кто выражал свое возмущение по поводу незаконных действий милиции, они обрушивались с угрозами или выводили из толпы. Так, например, была уведена одна женщина, которая, подойдя к нам, громко выразила своё сочувствие нашему намерению похоронить покойника на своей Родине.

В этой обстановке у нас не оставалось другого выхода, как повернуть машины и повезти покойника на одно из близлежащих кладбищ, расположенных по эту сторону Черного моря, т.е. на территории Краснодарского края.

Мы проехали к станице Тамань, расположенной в 60 км. от паромной переправы, где в настоящее время проживает несколько сотен семей крымских татар. При подъезде к Тамани нас вновь стали останавливать милиционеры, но, так как на захоронение оставалось немного времени, автомобиль с покойником и еще две следовавшие за ним машины, пренебрегая милицейскими сигналами, подъехали к кладбищу. Остальные автомобили были оставлены благодаря одному из наиболее ретивых милиционеров, который «героически» растянулся прямо на дороге.

У владельцев остановленных машин были отобраны водительские удостоверения и им не разрешили проезд к кладбищу.

Родственники и близкие покойника, которым на первых двух автомобилях удалось пробраться к кладбищу, пронесли тело к месту захоронения и начали копать могилу. Через несколько минут все кладбище было оцеплено милиционерами, которые не пропускали местных жителей, пытавшихся принять участие в похоронах. К месту захоронения подошли начальник Темрюкского отделения КГБ Грузин и начальник милиции г. Абинска майор Канев, который заявил, что хоронить покойника здесь также не разрешается и потребовал немедленно вернуться в г. Абинск. Ему ответили, что вести покойника в Абинск не намерены, а если кто-либо из милиционеров притронется к покойнику, то это может привести к драматическим последствиям.

Начальники отошли на несколько шагов от могилы и наблюдали за похоронами вместе с группой милиционеров из 36-ти человек и лиц в штатском.

Мы опустили тело в могилу, засыпали землей, вознесли молитву и, в сопровождении колонны милицейских машин, выехали в Абинск. Несколько милиционеров остались на кладбище для круглосуточного дежурства — очевидно, власти полагали, что ночью крымские татары эксгумируют тело и вновь попытаются вывезти его в Крым.

На следующий день некоторые участники похорон были вызваны в отделение милиции и КГБ, где их пытались обвинить в организации беспорядков, угрожали возможными последствиями, если на поминки соберется слишком много людей и будут допущены высказывания против властей.

8 июня Мустафа Джемилев выехал из Абинска в Тамань, чтобы перед вылетом в Узбекистан посетить могилу отца, но был задержан милицией и против него был составлен протокол о нарушении правил административного надзора, так как, по словам милиционера, органы внутренних дел Узбекской ССР, выдавая ему разрешение для выезда на похороны, не указали в «маршрутном листе» ст. Тамань. Таким образом, ему вновь угрожает арест и осуждение на два года лишения свободы по статье уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за нарушение правил административного надзора.

После поголовного выселения нашего народа из Крыма в 1944 г. в СССР сменилось несколько правителей. Власти признали, что выселение целых народов со своих национальных территорий, ликвидация их национальных автономий и наложение

правовых ограничений на граждан по их национальному признаку — были грубым нарушением законов страны и норм человечности. Но, по-прежнему, основная масса крымских татар продолжает оставаться на местах ссылки и лишена возможности вернуться на свою Родину. Нашему народу уготована участь быть русифицированным, утратить свою национальную культуру и самобытность, исчезнуть как нации. За последние четверть века еще не было ни одного дня, чтобы в советских тюрьмах и лагерях не находились бы участники нашего национального движения за возвращение на Родину.

Действие властей на похоронах 5 июня 1983 года являются лишь одним их эпизодов, иллюстрирующих их пренебрежение к нашим религиозным чувствам и национальным обычаям, их яростное стремление не допустить возвращения в Крым его коренных жителей, причем, даже мертвых.

Мы обращаемся к своим единоверцам и ко всем людям доброй воли с просьбой поднять голос в защиту наших суверенных прав и тем самым способствовать справедливому разрешению нашего национального вопроса.

Участники похорон: Аметов Ильми (г. Абинск), Асанов Амет (г. Абинск), Аблаев Ремзи (Крым), Азаматова Ава (ст. Тамань), Абдуллаев Икмет (п. Сенное), Бариев Айдер (с. Баканка), Джемилев Асан (г. Ташкент), Джемилев Анафи (г. Ташкент), Измайлов Халил (с. Баканка), Консул Мустафа (г. Абинск), Ильясов Дильшат (г. Новороссийск), Османов Смаил (с. Партизаны), Сейдалиев Осман (ст. Тамань), Рамазанов Абляким (г. Абинск), Сейтвелиев Риза (г. Абинск), Шабанов Эльдар (Крым), Эмиров Айдер (г. Геническ), Чашуев Усеин (г. Абинск), Усеинов Февзи (г. Абинск), Мидат (г. Геническ), Владимир (г. Геническ), Азаматов Сервер (ст. Тамань).

(Том 4, л.д. 188-192. Том 5, л.д. 216-223 — радиотекст)

8. Обращение М. Джемилева к Генеральному прокурору СССР от 18 августа 1983 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР
Копия: ПРОКУРОРУ ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

17 июня 1982 г. истек четырехлетний срок ссылки, определенного мне Октябрьским райсудом г. Ташкента, и я вместе с семьей вылетел из п. Зырянка Якутской АССР. При отбытии из места ссылки я сообщил в милиции, что намерен жить в Крымской области, по этому на «листочке убытия» при выписке паспорта было указано, что еду в г.Симферополь. Мне было выдано также «маршрутное предписание», согласно которого я должен был лететь по маршруту Зырянка—Якутск—Симферополь. Но милиция Крымской области, без объяснения причин, насильственно вывезла меня вместе с семьей за пределы Крыма и передала в руки сотрудников ОВД Краснодарского края, которые доставили нас в г. Абинск. В абинской милиции мне заявили, что территория моей Родины, т.е. Крымского полуострова, является для нас запретной зоной и предложили в течение трех суток прописаться в г. Абинске. Одновременно мне зачитали постановление об административном надзоре сроком на 1 год, санкционированное 10 июня 1982 г. прокурором Верхнеколымского района Якутской АССР И.В. Каниным.

14 июля мы выехали из г. Абинска в направлении г. Ташкента и через несколько часов в поезде у нас выкрали все наши наличные деньги и ценности.

По прибытии в г. Ташкент я обратился 20 июля в ОВД Октябрьского р-на г. Ташкента и изложил начальнику профилактического отдела Сидикалиеву свои обстоятельства. Сидикалиев просил явиться в милицию через несколько дней и в назначенный день он представил мне сотрудника КГБ некоего Майского Леонида, который от имени своего руководства сообщил, что если мне нужна жилплощадь в г. Ташкенте, то я должен написать соответствующее заявление. До решения жилищного вопроса он рекомендовал прописаться в г. Ташкенте у моего брата. Я ответил, что у брата прописаться никак не возможно, так как он с семьей в составе 5 человек проживает в двухкомнатной квартире, а у меня самого аналогичная своя семья. 2 августа я вручил ему заявление, адресованное в КГБ, председателю Ташгорисполкома, начальнику Октябрьского РОВД г. Ташкента. В этом заявлении я изложил обстоятельства своего прибытия в г. Ташкент и заявил о своем желании вместе с семьей уехать за пределы СССР. Но до решения вопроса о эмиграции соответствующими инстанциями я просил представить мне жилье в г. Ташкенте, что позволило бы мне и моей супруге временно прописаться и трудоустроиться. (Копия заявления от 2.08.82 г. прилагается).

В течение нескольких дней, как сотрудник КГБ Л. Майский, так и в Октябрьском РОВД утверждали, что скоро собираются представить нам жилье в г. Ташкенте. Наконец, 10 августа в квартиру брата явился сотрудник Октябрьского РОВД по имени Бахтиер и сообщил, что вопрос о представлении нам квартиры в г. Ташкенте решен положительно и что для выполнения каких-то связанных с этим формальностей мне необходимо явиться в отделение милиции Октябрьского района.

В милицию я пришел днем 11 августа вместе с одним своим товарищем, который также собирался разрешить там какой-то свой вопрос. Через несколько минут в кабинет профилактического отдела милиции явился гражданин в штатском, которого мне представили как служащего райисполкома. Мне предложили сесть в машину ГАЗ-24 №64-82 ТШП, чтобы проехать в райисполком для решения квартирного вопроса. Кроме меня и моего товарища в машину сели также Бахтиер и упомянутый гражданин в штатском. Вскоре машина на большой скорости миновала территорию Октябрьского района и вышла за черту города. На мой вопрос, что все это значит, мне ответили, что едем в г. Янгиюль. Я потребовал немедленно оставить машину и прекратить подобный бандитизм. Но Бахтиер и гражданин в штатском схватили меня за руки и сказали, что если я попытаюсь открыть дверцу машины, то буду привлечен к ответственности за сопротивление сотрудникам милиции при исполнении ими служебных обязанностей. Теперь гражданин в штатском стал представлять себя инспектором управления милиции г. Ташкента, но назвать свою фамилию или предъявить удостоверение отказался. Меня доставили в милицию г. Янгиюля, заявили, что я должен прописаться и трудоустроиться в этом городе, повторно зачитали постановление об административном надзоре и сообщили, что в случае выезда за черту г. Янгиюля я буду привлечен к ответственности за нарушение правил надзора.

Как выяснилось, еще за два дня до насильственной доставки меня в г. Янгиюль сотрудники КГБ и милиции города вызывали поочередно проживающих в этом городе родственников моей супруги и требовали от них расписку о том, что будто бы они могут представить у себя жилплощадь для прописки моей семьи. Не получив от них подобной расписки, органы все же сочли необходимым доставить меня в этот город. Я заявил, что к г. Янгиюлю не имею никакого отношения и, как отбывший срок ссылки, имею право выбирать место жительства по своему усмотрению, но если у органов внутренних дел имеется документ, свидетельствующий о том, что срок моей ссылки продлевается и что

только меняется место ссылки, то просил ознакомить меня с этим документом. Мне ответили, что такого документа не имеется, но что органы сочли целесообразным определить местом жительства для моей семьи г. Янгиюль и если я попытаюсь покинуть этот город, то буду привлечен к ответственности. По поводу определенного мне жилья в доме по ул. Чарикова №78 я сообщил, что на этот частный дом я не имею никаких прав, не располагаю средствами для его выкупа и попытку вселить меня в этот дом насильственно рассматриваю как желание органов внести ссору между мной и реальными его владельцами. В тот день работники милиции определили меня в гостиницу «Янгиюль» и предписали явиться в милицию завтра утром.

На следующий день в кабинете зам. начальника ОУР Янгиюльского РОВД Холматова В. состоялась беседа с исполняющим обязанности прокурора города Янгиюля Умаровым. Он сказал, что не подвергает сомнению обоснованность моих доводов и протестов, не исключает, что в отношении меня работниками органов были допущены серьезные беззакония, но предложил «не лезть на рога», а считаться с реальностями. Умаров предложил мне для начала подчиниться предписанию о прописке в г. Янгиюле, даже если это предписание я считаю грубым произволом, а потом, обращаясь в соответствующие инстанции, добиваться своих прав. Прокурор выразил мнение, что, руководствуясь его предложением «не лезть на рога», я скорее добьюсь для своей семьи как права выбора места жительства в пределах СССР за исключением Крыма, так и в вопросе эмиграции. Умаров сообщил также, что предписание жить в доме по ул. Чарикова №78 не является обязательным, если я найду себе другое жилье в пределах г. Янгиюля. Я сказал, что пока существует незаконный административный надзор, я не могу прописаться и жить в чьем-либо доме, поскольку неизбежны постоянные визиты милиционеров, которые будут отравлять жизнь не только членам моей семьи, но и жителям дома, где мы пропишемся. На это прокурор ответил, что если вопрос о гласном административном надзоре является столь существенным для нас доводом против прописки в г. Янгиюле, то через два часа он ознакомит меня с постановлением о снятии надзора и я потом выеду в г. Ташкент, чтобы привезти свои документы для оформления прописки.

Встретились мы с прокурором Умаровым повторно примерно через пять часов. Теперь прокурор говорил, что он не компетентен отменить это постановление о надзоре, даже если он уверен, что оно противоречит закону и предложил обратиться с заявлением по этому вопросу к прокурору области. Одновременно, он счел необходимым продиктовать зам. начальника ОУР Холматову В. акт, где утверждалось, что я в течение длительного времени якобы разъезжаю по городам страны, преднамеренно уклоняюсь от прописки и, тем самым, нарушаю правила паспортной системы и административного надзора. В этом же акте свидетельствовало, что в г. Янгиюль я прибыл совершенно добровольно и опять-таки уклоняюсь от прописки. Приглашенные в кабинет двое «понятых» послушно подписались в указанных им местах этого насквозь лживого акта, хотя и не отрицали того, что видят меня впервые и следовательно, не имеют никакого представления о приписываемых мне в этом акте действиях или бездействиях.

Столь откровенное беззаконие властей в отношении меня объясняется, очевидно, тем, что я неоднократно был судим за свое участие в Национальном движении и, незадолго до истечения срока ссылки, в беседе с прибывшим из Москвы в Якутию представителем КГБ СССР отказался заявить об «ошибочности своих политических взглядов или хотя бы одобрить подобное заявление, сделанное в местах лишения

свободы одним из бывших участников национального движения на страницах советской печати. Особенно красноречиво свидетельствует об этом незаконное установление за мной гласного административного надзора.

Постановление о надзоре мотивируется тем, что я «не встал на путь исправления» и подтверждается это заключение следующими тремя доводами:

1. Против меня в газете «Социалистическая Якутия» была опубликована статья «Лицо и личина», где говорилось о моем якобы аморальном поведении.

Напомню, что эта статья за подписью некоего Михайлова была опубликована в мае 1980 г., т.е. за два года до истечения срока моей ссылки и в ней делались намеки на то, что я будто бы сожительствовавал с какой-то женщиной в п. Зырянка Якутской АССР, и тем самым, послужил причиной распада молодой и очень счастливой советской семьи. Заодно в этой же статье демагогически утверждалось, что я сотрудничаю с недобитыми и бежавшими на Запад фашистами, публикую в их прессе враждебные СССР материалы. Как мне известно, редакции «Соц. Якутии», а также «Советской Калымы» и некоторых газет Узбекистана, перепечатавших этот грязный пасквиль получили множество протестов от своих читателей, которые требовали публикации опровержения и привлечения Михайлова к ответственности за клевету. Я тоже обращался к прокурору района с просьбой рассмотреть утверждение автора в судебном порядке, но никакого ответа не получил, кроме сообщения, что мое заявление передано в прокуратуру ЯАССР. Как бы там ни было, обвинения, выдвигаемые частным лицом против другого лица в прессе, если эти обвинения не были рассмотрены судебным или надзорным органами, не могут являться основанием для назначения уголовного или административного наказания, в т.ч. для установления административного надзора.

2. Постановление о надзоре мотивируется, во-вторых, тем, что на меня поступали заявления должностных лиц Зырянского узла связи и Зырянского речного порта, где я работал машинистом.

Действительно, за время пребывания в п.Зырянка у меня было несколько конфликтов с должностными лицами районного узла связи. В одном случае поводом для конфликта было решение руководства узла связи ограничить меня в праве пользоваться междугородней телефонной связью, мотивированное тем, что будто бы в беседах со своими иногородними близкими, я допускаю «политически вредные» высказывания. Подтверждалось это обвинение заявлениями неких «политически зрелых трудящихся», которые, по их же собственным словам, подслушали мои телефонные разговоры. Кем и как инспирировались подобного рода заявления мне было хорошо известно, и я в свое время обращался к прокурору района с просьбой разобраться и вынести свое решение. В другом случае поводом для конфликта с Зырянским узлом связи послужили мои подкрепленные убедительными доказательствами заявления о незаконной перлюстрации и «утере» моей корреспонденции, о подделке моей подписи на уведомленных и заказных отправлениях из-за границы с целью невручения отправления мне и введения в заблуждение зарубежного отправителя.

Во всех конфликтных случаях я, как ссыльный, непременно обращался в Зырянское отделение милиции или прокуратуру, и мне неизвестно о каких-либо постановлениях этих органов, где подтверждалось бы, что вина за конфликт возлагается на меня. Мне неизвестно также о каких-либо претензиях должностных лиц Зырянского речпорта — за три года работы в этой организации у меня не было ни одного прогула или замечания по работе. Наоборот, во многих случаях, когда сослуживцы другой смены (вольные, вовсе

не ссыльные) напивались в рабочее время до состояния невменяемости, начальник участка обычно прибегал ко мне, поднимал с постели и просил отстоять у аппаратуры дополнительную смену. Это косвенно подтверждается и приказом по Зырянскому речпорту о представлении мне отпуска с последующим увольнением, согласно которого к моему отпуску добавляется еще 25 рабочих дней за проработанные сверх нормы дни. Поэтому второй довод в постановлении о надзоре также является несостоятельным.

3. И, наконец, постановление об административном надзоре мотивируется тем, что я поддерживал контакты с так называемыми «антиобщественными элементами». При этом делается ссылка на материалы обыска, произведенного у меня 12 июня 1980 г. по делу арестованного в г. Москве моего товарища А.П. Лавута, обвиненного в нарушении ст. 190-1 УК РСФСР.

Во время обыска у меня действительно было изъято множество писем от моих друзей и знакомых, которые впоследствии были арестованы за деяния политического характера или уже находились в местах лишения свободы или ссылки. Но вопрос о том, поддерживать или нет с кем бы то ни было переписку, является естественным правом каждого. Наверное, лишь подлец последней стадии может прекратить контакты со своим товарищем, мотивируя тем, что его товарищ в бедственном положении или, что он в немилости у власть имущих. Любые наказания лишь за факт обмена письмами могут быть только актами беззакония и дикости. Но если установление гласного административного надзора со столь существенными правовыми ограничениями за то, что человек поддерживает нормальные отношения с другим человеком, является в СССР акцией вполне законной и соответствующей нормам коммунистической идеологии, то выходит, в этой стране мне уготовлена участь поднадзорного до конца моих дней, ибо я никогда и ни при каких обстоятельствах отрекаться от своих друзей в угоду карательным органам и их морали не собираюсь.

Впрочем, даже если все вышеприведенные пункты обвинения, которыми аргументируется установление за мной гласного административного надзора были бы вполне обоснованными, то и в этом случае постановление подлежит отмене как незаконное по той простой причине, что согласно Положения, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г., административный надзор устанавливается только за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, но никак не после отбытия срока ссылки.

Установление гласного административного надзора после отбытия срока ссылки грубо противоречит не только закону, но и здравому смыслу, ибо получается, что после так называемого «освобождения» ссыльного не только не отменяются правовые ограничения, наложенные на него приговором суда, но налагаются еще два новых ограничения. Так, находясь в ссылке, я формально пользовался всеми правами граждан СССР, но только не имел права выехать за пределы определенного мне района проживания, и обязан был дважды в месяц ходить в милицию на регистрацию. Теперь же, после «освобождения» я не только не имею права покинуть определенный мне органами район проживания и обязан дважды в месяц ходить в милицию на регистрацию, но, дополнительно, не имею права посещать некоторые общественные места и не имею права покинуть свое жилище с 22 часов до 6 часов утра. Милиция вправе теперь в любой час ночи являться с проверкой в мое жилище, нисколько не заботясь о том, что это может травмировать ни в чем не повинных перед советской властью моих детей.

Мне известно, конечно, что постановление об установлении за мной гласного административного надзора вынесено и санкционировано вовсе не теми, чьи подписи,

«санкции» и «утверждения» значатся на этом документе. Я достаточно и достоверно осведомлен каким именно органам принадлежит этот «памятник» юридической безграмотности, тупости и животного страха перед инакомыслием. Общеизвестно также о том, как далеко простирается их власть в этой стране и как бесперспективно, имея дело с ними, апеллировать на писанные законы. Но прежде чем отправить свои документы в Президиум Верховного Совета СССР вместе с повторным заявлением об отказе от советского гражданства, я счел необходимым о выше изложенных беззакониях довести до сведения и Прокуратуры СССР — высшей надзорной инстанции, формально ответственной за соблюдение законности в стране.

Ответ прошу выслать по адресу:

700020 г. Ташкент, Ц-27, ул. Беруни, 3, кв.85

(Мустафа Джемилев)

18 августа 1982 г.

Вышеизложенное подтверждаю:

(Сафинар Джемилева)

*(том 2, л.д. 61-64, том 3, л.д. 91-97, том 4, л.д. 204-208,
том 3, л.д. 100-106 — радиотекст перевода с татарского)*

9. Из книги В.Маркмана «На краю географии», Москва-Иерусалим, 1979 г., 146 с. (Страницы, изъятые при обыске в доме М.Джемилева)

* * *

Однажды я зашел в библиотеку поболтать с библиотекарем и заодно, быть может, найти что-нибудь почитать в его хламe. Командовал там Иван Семенович или просто Семеныч, старик лет 60, получивший два года строгого режима за хулиганство. Семеныч печалился ужасно. Посадили его по причине не очень серьезной. Он застрелил соседскую собаку. Соседи имели связи с партийными бонзами, Семеныч же связей не имел. Строгий режим ему дали потому, что он во время Сталина отсидел десять лет. Не важно, что Семеныч был реабилитирован, как невинная жертва сталинского произвола, — важно то, что он сидел.

— Ух, чтоб им, — в сердцах говорил Семеныч. — Я был гвардейский офицер, под пули шел, не сгибаясь, во время войны. Но попали мы в окружение — и надо отступать, бесполезно драться. Я — к командованию по телефону, а они мне: «Ни пяди земли родной, драться до последнего, умрите, как герои». А ему сказал: «Умирай сам сука. Говорили, летаем выше всех, дальше всех, быстрее всех. А где они ваши самолеты? Голыми руками хотите танки брать?» Дал я приказ отступать. Арестовали меня, на Лубянке мордовали. Я следователя треснул по-гвардейски — измолотили меня что надо, а потом — в лагеря. Теперь вот строгий режим за то, что прежде без вины просидел десять лет. Креста на них нет.

Увидев меня, Семеныч сделал знак рукой: подожди, дескать, отпущу очередь. Стояло всего три-четыре человека с какими-то засаленными книжками, а один из них рассказывал, как он как-то раз смотрел на свободе кино про любовь.

— И вот, — с радостным возбуждением, говорил он, взмахом руки подчеркивая

лиричность момента, — идет она, бля буду, к нему, бля буду, дождь там — мать твою... А он, бля буду, в халате, бля буду, а она ему, бля буду, на шею... В рот меня...

Зек хлопнул себя по ляжке и засмеялся. Остальные тоже заулыбались — история была действительно интересная. Наконец Семеныч отпустил читателей, закрыл окно и вышел ко мне.

— Послушай-ка, здесь есть один политический. Уже два месяца в лагере. Не знаешь его?

Я уставился на Семеныча, от волнения не в силах вымолвить слова.

— Да-да, — продолжал Семеныч, заметив мою реакцию — У меня в карточках все регистрируется. Статья, срок. Ему я ничего не сказал — знаешь сам, лагерь. Ты тоже никому...

— Как фамилия, Семеныч?

Я даже схватил его за грудки.

— Фамилия! В каком бараке?

— Успокойся, — Семеныч зашел к себе обратно в конторку. — Вот он. Решат Джемилев. Статья 190-1. Записан с июля месяца. Третий барак.

«Как же так? — думал я на бегу к третьему барaku. — Два месяца, а я ничего не знаю? Он-то, новичок, уж точно слышал обо мне — почему не пришел познакомиться? Что за человек?»

У третьего барака стоял зек по кличке Акула — первейший мерзавец, доносчик и предатель. Он улыбнулся мне открытой, приветливой улыбкой, какая бывает лишь в кино у американских ковбоев. Можно было подумать, что честнее, благороднее и дружелюбнее человека на всем свете не сыскать.

— Ты не Решата ли ищешь? — спросил Акула.

Я кивнул.

— Какая неудача, — сказал он. — Решат работает в первой смене. Но я ему говорил о тебе.

— И что он?

— Он? Да он ни с кем знаться не хочет. Всех подозревает, — Акула улыбнулся приветливее. — Уж я ему говорил, сам понимаешь, что ты человек что надо, доверять можно на все сто, а он все не решается.

Мне все стало ясно. Акула за всю жизнь не сказал доброго слова даже о родной матери.

В воскресенье я отправился к третьему барaku. Того, кто мне нужен, я выделил с одного взгляда по осмысленному выражению лица, хоть одет он был в обычное лагерное тряпье.

— Вот и он, — сказал Акула своему соседу. — Можешь познакомиться.

Решат, мужчина лет сорока, невысокого роста, протянул мне руку. Я предложил ему походить, чтобы поговорить наедине.

— Демократ? Националист? — спросил я.

— И то, и другое, — кивнул Решат.

Мы быстро подружились. Решат был одним из лидеров крымско-татарского движения. До встречи с ним я имел смутное представление об истории крымских татар. В школе нас учили, что правительство решило переселить крымских татар в Узбекистан потому, что все они сотрудничали с немцами. Вот всех и выселили. И еще учили, что Россия в прошлом много воевала с крымскими татарами: ей был необходим выход к Черному морю, а чтобы получить его, пришлось разбить крымского хана и

захватить всю территорию. Все было просто и понятно. В прошлом они были плохие, потому что жили в месте, неудобном для России. Потом они стали предателями. Сколько же можно их терпеть?

Решат сказал, что главным идеологом движения был Мустафа Джемилев, брат Решата. Он почти не выходил из тюрьмы. Крымские татары устраивали в Ташкенте демонстрации, которые милиция разгоняла со слезоточивым газом. Участников движения бросали в тюрьмы, там натасканные администрацией уголовники забивали их до смерти. И все это оставалось неизвестным не только на Западе, но и в России. У лидеров не было единого взгляда: предать гласности хронику борьбы крымских татар или вести бесшумный диалог с властями, чтобы не раздражать их. Было потеряно много времени и много людей.

Решат обращался ко многим партийным деятелям, ученым, писателям, привозил в Москву петиции, под которыми стояли подписи десятков тысяч человек. Везде поначалу реакция была положительная. Видное лицо разводило руками, говорило, что это, конечно, историческая несправедливость, что она будет исправлена, надо только довести до сведения ЦК партии и т. д., и просило зайти через какой-нибудь срок, когда вопрос будет выяснен. Делегаты приходили в назначенный срок, и видное лицо разводило руками снова и говорило, что это не в его компетенции, и что он вообще сейчас не может такими делами заниматься и советует им вернуться к себе домой и оттуда писать правительству; а уж оно разберется. Был Решат в составе крымской делегации у Андропова. Тот спросил не собираются ли они, в случае успеха их миссии и положительного решения вопроса, отделиться от Советского Союза. Делегаты заверили его, что хотят лишь одного: вернуться на свою землю и жить в составе Советского Союза на условиях, существовавших до их насильственного выселения. Андропов предлагал разные варианты: помощь в развитии национальной культуры на месте их теперешнего пребывания, открытие учебных заведений на крымско-татарском языке и тому подобное. Но делегаты твердо стояли на своем и доказывали ему несостоятельность его аргументов. Андропов шутиливо поднял руки вверх, как бы признавая свое поражение, и сказал, что сам ничего решать не может, но что-нибудь будет сделано. И действительно указом Президиума Верховного Совета с крымских татар было снято обвинение в предательстве — нельзя же в самом деле, согласно даже коммунистической доктрине, обвинить в предательстве целый народ, включая даже малых детей и солдат, отдавших жизнь на фронтах. Но по-прежнему остался запрет селиться в Крыму и даже посещать его. Тех же, кто пытался проникнуть в Крым, снимали с поездов, с самолетных рейсов на аэровокзалах — причем безошибочно, хотя порой для несведущего человека трудно отличить крымского татарина от кавказца.

Активистов продолжали активно сажать в тюрьмы. Дошла очередь и до Решата. Отсидев срок, он вернулся с твердым намерением громко рассказать миру о происходящем. В это время генерала за помощь крымско-татарскому движению поместили в психиатрическую лечебницу. Начались аресты. КГБ спешил — приближалось совещание коммунистических и рабочих партий в Москве, так что нужно было обеспечить тишину, спокойствие и единство советского народа. И вдруг...

Пасмурным московским утром в день открытия совещания, на площади Маяковского появились шесть демонстрантов с развернутыми плакатами: «Руки прочь от Чехословакии!», «Свободу генералу Григоренко!», «Коммунисты, верните крымских татар в Крым!».

Демонстрация длилась не более тридцати секунд — смельчаков скрутили, отобрали плакаты и запихали в подроспевшие воронки.

— Потом бежали из тюрьмы, — рассказывал Решат, — и больше года был в бегах. Измотался весь, пришел домой, там меня и взяли.

Было интересно читать его приговор, составленный в общепринятом дубовом советском стиле:

«... На площади Маяковского нарушители держали в руках клеветнические лозунги: «Руки прочь от Чехословакии!», «Свободу генералу Григоренко!» и т. п. В том же приговоре было сказано, что на похоронах писателя Костерина Джемилев произнес клеветническую речь: «Страна славиться не танками и пушками, а такими гуманистами, как писатель Костерин».

— Боюсь я за брата, — сказал Решат, — заморят они Мустафу. Он у нас на голову выше всех, и в ГБ это знают.

Мустафа написал историю крымско-татарского народа (КГБ за ней охотился не жалея сил). Он проследил историю борьбы России с Крымским ханством и затем с остатками крымского народа до последних дней. Концом национальной борьбы и началом трагедии автор считал эпизод приезда Екатерины Второй к крымскому хану Гирею, которого она в постели уговорила разрешить ей ввести в Крым русские войска для обороны от посягательств турецкого султана. Разрыв союза с мусульманами и ориентация на Россию решили судьбу Крымского ханства. Русские войска прибывали, притеснения достигли небывалой жестокости, и народ стал разбегаться из родной земли, как из ада. В день иногда эмигрировало до восьмидесяти тысяч человек. Ко времени захвата власти коммунистами от четырех миллионов крымских татар, живших в Крыму при Екатерине, осталось триста тысяч.

18 мая 1944 г. весь крымско-татарский народ был выселен в пустыню Узбекистана. Разрешили остаться в Крыму только героям Советского Союза, остальные же, негерои-предатели, должны были жить в строго определенных областях.

— Я был тогда пацаном, — рассказывал Решат. — Брат вернулся раненый с фронта. Он ушел в этот вечер куда-то — то ли в госпиталь, то ли в военкомат. К дому подъехала машина, и солдаты дали приказ собрать в течении нескольких минут личные вещи и грузиться на машины. Мать плакала, умоляла подождать старшего сына, уверяла, что произошло недоразумение и их не имеют права увозить. Плачущую женщину с пятью детьми закинули в грузовик и повезли на станцию. Там татар ждали поезда. Людей запихали в вагоны, и составы тронулись. Население городов и станций на пути их следования предварительно было оповещено, что везут нацию предателей. Для верности на крышах прикрепили плакаты, клеймившие позором изменников родины. В вагоны летели камни, толпа кричала проклятия и грозила кулаками. Стояла страшная жара, а в вагоны не давали ни еды, ни воды, ни медикаментов. Выходить было запрещено — двери в тамбурах были наглухо закрыты, и у входа автоматчики. Наконец через неделю состав прибыл в Узбекистан и остановился на полустанке, посреди пустыни: ни кустика, ни деревца, ни человеческого жилья, а только пески и раскаленное солнце. Сначала из вагонов стали выбрасывать трупы детей, потом остальных, не вынесших тяжести путешествия или скончавшихся от эпидемий.

Наступила тогда для Решата новая жизнь. Дети умирали от эпидемий, и немудрено: пропитание они находили, роясь на помойках. На работу не принимали, нищета в семье была ужасающая.

— А теперь они говорят о возрождении нашей культуры в Узбекистане, — продолжал

Решат. — Лишили нас родной земли, языка, религии и обычаев. Вырождается целая мусульманская нация и всем это до лампочки! Европе наплевать — это понятно, они хотят жить хорошо и без лишних забот до того дня, когда их раздавят, а мусульманам наплевать, потому что они получают от Советов оружие, а Организации Объединенных Наций наплевать, потому что у нее есть дела поважнее, ведь она занята установлением справедливого и прочного мира, разработкой гуманных деклараций и прочими вещами. Обращались к коммунистам Европы — тут уж ясно, ворон ворону глаз не выклюет. А сейчас партийные бонзы взяли новую тактику. «Какой Крым? — говорят. — Ведь вы ж татары? Вот и возвращайтесь к себе на родину, в Казань. Там же татары живут!» И говорят они искренне, многие действительно не знают, что слово «татарин» обозначало у русских иноверца, мусульманина, все равно, где он живет — на юге или на востоке. Правильнее было бы назвать наш народ «тавры», а не татары, ибо мы носили кличку, данную нам русскими. Но не в этом зло. Я не вижу конца. Быть может, помогут нам мусульмане, или ООН, или кто-нибудь? Как ты считаешь?

Я не знал, что ответить.

(стр. 93-100)

(том 4, л.д. 3-14)

10. Документ № 1 Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

МОСКОВСКАЯ ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

ДОКУМЕНТ № 1

О преследовании Мустафы Джемилева

В апреле 1976 года в Омске состоялся суд, приговоривший 33-летнего крымского татарина Мустафу Джемилева, ранее проведенного восемь лет в лагерях, еще к двум с половиной годам лагерного строго режима.

Джемилев обвинялся по статье 190-1 Уголовного кодекса РСФСР — «заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй». Непосредственно в вину Джемилеву ставились его высказывания о национальной политике СССР — именно, о положении крымско-татарского народа, депортированного с исторической родины в 1944 году и до сих пор не имеющего возможности вернуться на родину из-за противодействий властей.

Обвинение Джемилева строилось на показаниях двух свидетелей, причем показания второго из них были косвенными — пересказом слов первого и главного свидетеля — сокамерника Мустафы — Владимира Дворянского. Но сам первый и главный свидетель — Дворянский — от своих показаний, данных в ходе предварительного следствия, на суде полностью и целиком отказался, заявив, что показания следствию он дал в результате незаконных методов ведения следствия — шантажа, нажима, угрозы уничтожения.

Тем самым обвинение на суде не подтвердилось. Тем не менее Джемилев не был оправдан. Суд объявил истиной данные предварительного следствия, несмотря на

заявление Дворянского о незаконных методах ведения следствия. Более того, судья во время процесса повторял со ссылкой на органы следствия аналогичные угрозы Дворянскому, и суд вынес частное определение о привлечении Дворянского к суду как лжесвидетеля — за разоблачение следственного беззакония.

По состоянию здоровья Джемилева после восьми лет заключения и только что оконченной десятимесячной голодовки врачи не гарантируют, что Джемилев доживет до конца срока.

* * *

Изучив многочисленные материалы — документы, стенограммы, заявления родных Джемилева, его друзей, письма крымских татар, личные свидетельства и другие источники, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР ОТМЕЧАЕТ:

а) Инкриминирование Мустафе Джемилеву распространения его взглядов по каким бы то ни было вопросам и осуждение его за высказывание этих взглядов противоречит пункту VII части А первого раздела Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, то есть пункту «Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», пункту 19 Всеобщей декларации прав человека, гласящему о свободе распространения информации, — тем более что Всеобщая декларация прав заявлена как основа действий государств — участников Хельсинкского совещания (раздел 1, часть А, пункт VII Заключительного Акта).

б) Осуждение Мустафы Джемилева за высказывание взглядов о ненормальном положении крымско-татарского народа, то есть осуждение за борьбу за права крымских татар, — противоречит пункту VIII части А первого раздела Заключительного Акта — пункту «Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой»: «Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой в условиях полной свободы, определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие»... «государства-участники... напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа» (пункт VIII части А первого раздела Заключительного Акта).

Осуждение Мустафы Джемилева за борьбу за национальные права крымско-татарского народа есть как раз прямое нарушение указанного принципа.

СУММИРУЯ отмеченное выше, Группа содействия считает, что осуждение Джемилева — независимо от наличия или отсутствия его высказываний по национальному вопросу — противоречит духу и букве Заключительного Акта Хельсинкского Совещания.

в) Мустафа Джемилев осужден в обход и в нарушение всех норм советского права, по которому никто не может быть осужден без вины и состава преступления. Дело Джемилева является полной фальсификацией, так как обвинение построено на вынужденных лжесвидетельских показаниях, которые разоблачены на суде самим свидетелем. Тем самым процесс Джемилева — не только не правовой акт, не только акт беззакония, но и — заведомо подготовленная расправа.

г) Состояние здоровья Джемилева столь тяжело, что проведенная под видом осуждения расправа является актом физического уничтожения.

д) Тем самым процесс и осуждение Джемилева беззаконным путем за национальную борьбу являются частью кампании преследования и нарушения прав крымско-татарского народа.

* * *

Такая квалификация дела Джемилева приводит Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР к двум итоговым выводам по этому вопросу:

1. Осуждение Джемилева полностью и абсолютно противоречит духу и букве гуманитарных статей Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

2. Необходимо вмешательство международной общественности и правительственных органов подписавших Заключительный Акт государств, так как происшедшее нарушение даже советских законов не позволяет распространить на дело Джемилева статью Заключительного Акта о невмешательстве во внутренние дела, ибо данная статья разъяснена в Заключительном Акте как уважение законов и порядков суверенных государств, но не уважение беззакония, прикрывающегося фальсификациями.

18 мая 1976 г.

Ю. Орлов, М. Бернштам, Е. Боннер, А. Гинзбург.
(Том 3, л.д. 215-217)

11. Заявление М. Джемилева об отказе от советского гражданства

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
НАЧАЛЬНИКУ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОТДЕЛА МИЛИЦИИ г. ТАШКЕНТА

Заявление об отказе от советского гражданства

Препровождаю паспорт серия IV-ЮС номер 653039, выданный на мое имя отделом внутренних дел Октябрьского райисполкома г. Ташкента, и заявляю о своем отказе от советского гражданства. Прилагаю также копии двух приглашений (вызовов), высланных мне в 1975 и 1978 г.г. родственником, проживающим в США, и прошу разрешить покинуть пределы СССР.

Отказ от советского гражданства ни в коей мере не означает и отказ от своей национальной территории — Крымского полуострова, насильственно присоединенного в 1783 году к России, власти которой истребили и вынудили к эмиграции основную часть моего народа, а оставшуюся часть в 1944 году поголовно выселили из своей Родины. Продолжать добиваться права на возвращение своего народа в Крым и восстановления его национальной государственности я буду независимо от того, где я буду проживать.

За участие в национальном движении крымскотатарского народа и общесоюзном правозащитном движении я был четырежды судим по заведомо лживым обвинениям и провел в советских тюрьмах и лагерях более восьми лет, в том числе около одного года в голодовочных подвальных камерах.

После освобождения из заключения в декабре 1977 года я поставлен, вопреки законам страны, в унижительное и бесправное положение. Я лишен права выбора места жительства и даже жилого помещения. Негласные обыски, прослушивание и просматривание жилища, где мне предписано проживать, ночные вторжения

милиционеров, сделавшие невыносимой жизнь и моих ни в чем не повинных родственников, произвольные задержания и доставки в милицию, провокации, нелепые придирки и штрафы стали для меня будничными явлениями. Мне регулярно напоминают, что меня вновь ожидает тюрьма, и уже до конца моих дней, если я не прекращу правозащитной деятельности и не буду вести угодный карательным органам образ жизни.

29 декабря 1978 года мне объявили о продлении на третий срок гласного административного надзора с предписанием жить в тесной квартире, где проживает семья брата из 4-х человек. Причем, согласия на это членов семьи брата и не спрашивают.

В медицинском обслуживании по причине отсутствия прописки мне отказано. По этой же причине я не могу поступить на работу и зарабатывать на существование.

В связи с моим требованием разрешить мне выехать в Крым меня ознакомили в милиции с секретным антиконституционным указанием министра внутренних дел Узбекской ССР № 221 от 26 апреля 1978 г., согласно которого гражданам крымскотатарской национальности практически запрещается выезд в Крым. Мой протест по поводу этого «указания» министра, адресованный в Верховный Суд СССР, возвратился «на рассмотрение» в то же самое министерство внутренних дел УзССР. Из министерства же, вместо предусмотренного законом письменного ответа по существу заявления, поступили лишь угрозы репрессиями в устной форме.

Мне не разрешается даже краткосрочное свидание с родными, в том числе с больным 80-летним отцом, которые около двух лет назад выехали в Крым и до сего времени, как и многие сотни выехавших семей крымских татар, не получили юридического права на жительство в Крыму («прописки») и подвергаются всевозможным преследованиям. Не разрешают мне посетить и свою дочь, проживающую в ста километрах от Ташкента.

Все мои заявления в вышестоящие инстанции, в том числе Генеральному Прокурору СССР и в Президиум Верховного Совета СССР, с изложением беззаконий местных органов власти остаются без ответа или же возвращаются «на рассмотрение» к тем же самым лицам, чьи беззакония описаны в моих заявлениях. Результатами подобных «рассмотрений» являются новые беззакония. Мне откровенно заявляют, что всё, что делается в отношении меня, это делается по указанию «сверху», точнее, по указке КГБ. Фактически, я оказался человеком, на которого гласные законы страны не распространяются.

Нелегко требовать разрешения на выезд из страны, где остаются престарелые родители, живущий в изгнании свой народ, родные, друзья и близкие, но невозможно и жить в условиях жестокого произвола, глумления над элементарными гражданскими правами и человеческим достоинством.

Предполагаю, что мне под каким-либо, как правило, благовидным предлогом будет отказано в разрешении на выезд из страны. Но в любом случае я прошу лишить меня советского гражданства. Статус лица без гражданства или даже интернированного, пленника, заложника и пр. для меня предпочтительней звания гражданина страны, где нет минимального уважения к собственным законам.

Я согласен аннулировать свое заявление об отказе от советского гражданства, если крымским татарам будет разрешено беспрепятственно переселяться в Крым и официально будет объявлено об отмене всех ныне действующих гласных и негласных указов, постановлений и инструкций, ограничивающих права крымских татар по их национальному признаку.

Приложения (только первому адресату):

1. Паспорт, серия IV-ЮС № 653039, выданный ОВД Октябрьского райисполкома г. Ташкента 11 января 1978 г.
2. Копия приглашения (вызова) № 75\9553 от 22. IV. 75 г., заверенного Консульским отделом Посольства СССР в США.
3. То же, № 4347 от 3 апреля 1978 г.

22 января 1979 г.

Мустафа ДЖЕМИЛЕВ

700020, Ташкент, Ц-27, ул. Беруни, 3, кв.85

(Том 4, л.д. 202-203)

12. Заявление М. Джемилева по поводу публикации в газете «Вечерний Ташкент»

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА УЗБЕКСКОЙ ССР

Копия: РЕДАКТОРУ ГАЗ. «ВЕЧЕРНИЙ ТАШКЕНТ» С. М. КАРАМАТОВУ

О чем темнит «Вечерний Ташкент»

Как мне стало известно, в номере газеты «Вечерний Ташкент» за 4 мая 1979 г. под рубрикой «Из зала суда» опубликована статья некоего Ю. Кружилина о судебном процессе 6 марта 1979 г. в г. Ташкенте, где я был приговорен к четырем годам ссылки по обвинению в нарушении правил гласного административного надзора — ст. 199³ УК УзССР. В статье содержатся заведомо ложные измышления, беспочвенные инсинуации и грязные оскорбления в мой адрес. Автор статьи и стоящие за ним лица явно злоупотребляют тем, что в стране государственная монополия на средства пропаганды.

Направляя свое опровержение, я возбуждаю ходатайство о привлечении автора упомянутой статьи Ю. Кружилина (или лица, скрывающегося под этим псевдонимом) к суду по обвинению в нарушении ст. 112 УК УзССР, предусматривающую ответственность за клевету и оскорбление в печати.

В пространной, занимающей треть газетной страницы статье Ю. Кружилина, озаглавленной «Профессия: тунейдец», содержится не только насквозь лживая информация о судебном процессе 6 марта 1979 г., но и делается попытка очернить всю мою биографию, представив меня как уголовного, который, цитирую, «никогда палец о палец не ударил для пользы общества», а всю жизнь, дескать, был занят лишь нарушением законов.

Я не знаю что именно считает автор статьи деятельностью в пользу общества, ибо мне часто приходилось выслушивать рассуждения моралистов из карательных органов, которые всех участников правозащитного движения, независимо от того, какой бы безупречной ни была их трудовая деятельность, в том числе трижды героя соц. труда, академика А. Д. Сахарова, бывшего генерала Сов. армии П. Г. Григоренко, называли, как правило, вредными и враждебными для общества людьми. Но если Кружилин под «пользой для общества» подразумевает работу в государственных учреждениях, то ложь его статьи в этом вопросе можно установить лишь обозрением имеющейся в материалах дела копии моей трудовой книжки. Из этой книжки видно,

что работать я начал с 15-ти лет, работал токарем, слесарем, электрослесарем, техником, мастером, инженером и труд в гос. учреждениях прерывался лишь учебой в вузе, а затем арестами за мое участие в Национальном движении крымских татар и общесоюзном правозащитном движении.

Из института я был исключен в 1965 году не «за нарушение вузовской дисциплины», как утверждает Ю. Кружилин, а за свои политические взгляды и убеждения. Решение об исключении было вынесено в моем присутствии на объединенном заседании ректората, профессорско-преподавательского состава и партийно-комсомольского актива института (всего присутствовало 23 человека) под патронатом бывшего майора, а ныне, кажется, уже полковника КГБ Свалова А. М. Для того, чтобы остаться в институте, я, по мнению этого сборища, оказывается, должен был принять следующие продиктованные мне условия:

1. Отказаться от взглядов, изложенных в моем «Кратком историческом очерке тюркской культуры в Крыму в XIII — XVIII веках»;

2. Признать правомерность и законность выселения крымскотатарского народа из Крыма в 1944 году «за предательство». (Дело было еще до Указа ПВС СССР от 5 сентября 1967 г. о так называемой «реабилитации» крымских татар и подобного рода требования были в порядке вещей);

3. Признать незаконность и даже преступность требований, как они выражались, «некоторых националистических группировок крымских татар» о возвращении татар в Крым и восстановлении их автономной республики.

А один из «ученых мужей», занимавший тогда должность проректора института по учебной части, даже додумался уже от себя прибавить еще одно условие: оказывается, чтобы остаться в вузе, я должен был не только отказаться от своих взглядов, но и дать обязательство помогать органам в их борьбе против своих национально-сознательных соотечественников. Заседание это стенографировалось и с упомянутыми условиями и речами «ораторов», выступивших на этом заседании, по-видимому, можно ознакомиться в архиве Ташкентского ирригационного института или, скорее всего, в архиве КГБ при СМ УзССР. Так что утверждение Ю. Кружилина о том, что меня отчислили из института за нарушение вузовской дисциплины можно было бы считать верным, если необходимой нормой поведения студентов считать беспринципность, политическую бесхребетность и доносительство.

Далее, в статье Ю. Кружилина говорится, что я бросил своего ребенка и её мать, оставил их чуть ли не без средств к существованию.

Я действительно несколько лет назад развелся с бывшей супругой — дочь осталась жить с ней, а я вскоре был вновь арестован. Рассказывать как и почему развелись, разумеется, я не собираюсь — это дело семейное, хотя, правда, и тут Гулистанское отделение КГБ сыграло не последнюю роль. Но что касается утверждения Кружилина, что я «бросил» своего ребенка, то это беспардонная ложь.

1 декабря 1978 г., т. е. более чем через пять лет после развода, нарсуд Октябрьского района г. Ташкента вынес решение о взыскании с меня алиментов на содержание дочери. Но в этом же своем решении суд, ввиду представленных неопровержимых доказательств, вынужден был отметить, что после развода я постоянно заботился о своей дочери — высылал деньги, открыл на имя дочери счет в сберегательной кассе, куда ежемесячно отчислялась четверть моей зарплаты, и т. д. Таким образом, решение о взыскании алиментов было вынесено исключительно в силу ст. 23 Основ законодательства о браке и семье, согласно которого добровольное участие в

содержании и воспитании ребенка не исключает права взыскания алиментов в судебном порядке.

Через пять дней после вынесения упомянутого решения бывшая супруга направила в Октябрьский райсуд заявление, в котором она просила аннулировать исполнительный лист, так как вопрос о размере денежной помощи на содержание дочери решен нами взаимно и взыскивать алименты в судебном порядке нет никакой необходимости. Решение суда от 1 декабря 1978 г. и заявление бывшей супруги от 6 декабря 1978 г. об аннулировании исполнительного листа находится в Октябрьском райсуде (копии у меня). Автор статьи Ю. Кружилин, решивший сунуть свой грязный нос в мои семейные дела не мог не знать об их существовании. Тем не менее, он льет крокодиловы слезы о судьбе якобы «брошенной» моей дочери и с хулиганской развязанностью бросает в мой адрес беспочвенное и уголовно-наказуемое оскорбление «беглый алиментщик», нисколько не считаясь с тем, что одновременно травмирует и мою дочь, о судьбе которой этот непрошенный благодетель будто бы печется.

Кстати, в момент моего ареста 8 февраля 1979 г. моя дочь, по утверждению Кружилина «брошенная» мной, проживала вместе со мной в г. Ташкенте и была помещена мной, ввиду ухудшения её здоровья, в горбольницу № 16. Я был вызван в милицию и арестован как раз в то время, когда направлялся к ней в больницу.

Упоминая о том, что во время ареста при мне было обнаружено 550 рублей, Кружилин «сокрушается» по поводу того, что суд не поинтересовался происхождением этих денег. (Точнее, как значится в протоколе, было не 550, а 513 руб. 20 коп. Но будем считать, что он просто округлил, хотя, правда и третьекласснику известно, что правила округления в математике несколько иные). Поскольку следствие и суд не поинтересовались, то Кружилин решил выдвинуть в газетной статье свои версии. Он приходит к предположению, что эти деньги, возможно, цитирую: «чи-то подачки, плод вымогательства, ... добыл явно нечестным путем». Разумеется, никаких доказательств правдивости этой версии у Кружилина нет и не может быть. Уже само по себе высказывание в печати подобного рода недоказанных и оскорбительных «предположений» является уголовно-наказуемым деянием. Кроме того, в настоящее время прокуратура располагает показаниями моего брата, где говорится о «происхождении» денег.

От начала до конца пронизано ложью и повествование Ю. Кружилина о процессе 6 марта 1978 г.

Начинает он с утверждения, что будто дело слушалось «в открытом заседании», что он был в зале суда и даже «беседовал со свидетелями, с родственниками обвиняемого...». В действительности же дело рассматривалось в кабинете судьи Петрова, где кроме судей, секретаря и трех милиционеров никого не было. Мои родственники и нанятый ими адвокат Шальман Е. С. из Московской городской коллегии адвокатов не только не были оповещены, как это предусмотрено законом, о дате процесса, но были преднамеренно введены в заблуждение. Вначале родственникам сообщили, что дело будет слушаться 1 марта, но 1 марта моему брату и прибывшему на процесс из Москвы лауреату Нобелевской премии мира академику Сахарову А. Д. судья Петров сказал, что процесс откладывается и начнется не раньше женского праздника. На самом деле на процесс меня доставили из Ташкентской тюрьмы 6 марта, то есть за два дня до праздника. Именно отсутствие гласности судопроизводства и отказ в праве на защиту были основными мотивами, почему я отказался участвовать в процессе и приговор в конце дня был мне зачитан в камере предварительного заключения нарсууда.

Никто из советских корреспондентов — ни Кружилин (если это в самом деле корреспондент), ни кто бы то ни было другой никогда и ни с кем из моих родственников о моем деле не беседовал. Просто поразительно до какой наглой лживости может пойти человек. Можно подумать, что он пишет не корреспонденцию о конкретном деле, а художественный рассказ, где доза вымысла в общем-то не лимитируется. После такого начала можно было бы и не комментировать далее «свидетельства» Кружилина о процессе, ибо можно уже представить что может «засвидетельствовать» этот беззастенчивый лжец. Но я все же остановлюсь на некоторых его утверждениях.

Кружилин пишет:

«И вот Джемилев вручает суду заявление, где пишет, что с ним обходятся не по закону. Судьи тщательно взвесили эти смехотворные доводы. Они придирчиво проверяли «на прочность» каждое слово свидетелей, каждую букву имеющихся в деле документов. Их вывод: все случаи нарушения Джемилевым установленных правил считать доказанными...»

Я уже говорил о том, что процесс проходил в закрытом кабинете (если он только проходил) без моего участия, поэтому я не могу судить о том, как и что судьи «взвешивали» и «проверяли на прочность». Свои доводы и доказательства незаконности привлечения меня к ответственности по ст. 199³ УК УзССР, которые упоминает Кружилин, я подробно излагал в своих заявлениях в адрес Октябрьского райсуда от 18 февраля и от 6 марта 1979 г. полный текст первого заявления прилагаю. Странное же и очень извращенное должно быть, однако, чувство юмора у судей, если и они находили эти доводы смехотворными. Но в любом случае, закон — ст. 293 УПК УзССР — требует, чтобы суд в своем приговоре изложил доводы подсудимого в свою защиту, и если суд эти доводы считает несостоятельными, то должен опровергнуть их своими контраргументами и доказательствами, полученными в ходе судебного процесса. Но этого сделано не было. По поводу моих доводов в приговоре лишь голословно говорится: «Утверждения Джемилева о необоснованности предъявленного обвинения являются надуманными, направлены им с целью избежать уголовной ответственности...»

То, чего не сделал и не смог сделать суд, т. е. опровергнуть приведенные в моих заявлениях доводы, задним числом пытается сделать частично в своей статье Ю. Кружилин. Например, он взялся доказать, что органы имели законное право после моего освобождения из заключения по своему усмотрению, хочу я того или нет, определить для меня постоянное место жительства. Он пишет:

«В соответствии с законом подобным лицам (т. е. ранее судимым — М. Д.) определяется место жительства и за ними устанавливается гласный административный надзор...»

Ну зачем же, спрашивается, соваться со своими «откровениями» в ту сферу, где ты, как видно, абсолютный профан. Над этим утверждением посмеется не только мало-мальски грамотный юрист, но даже рядовой милиционер. Ведь нет же такого закона, который давал бы кому-либо право «определять» место жительства человеку, который уже отбыл предусмотренный приговором срок заключения. Не «определяется» место жительства после освобождения из заключения даже для лиц, которые в соответствии со ст. 23-1 Основ уголовного законодательства признаны особо опасными рецидивистами — им только запрещают проживать в определенных городах и местностях, как правило, в столицах союзных республик, областных и портовых городах, в приграничной полосе и т. д. «Определяется» же место только тем, кто

приговорен судом к ссылке, причем, и ссыльный, согласно ст. 40 Основ исправительно-трудового законодательства, в пределах административного района, определенного для проживания, имеет право избирать место жительства по своему усмотрению. Надо ведь было ознакомиться хотя бы с азами юриспруденции, прежде чем браться писать о судебных процессах.

По поводу моей кассации на приговор Октябрьского райсуда Ю. Кружилин в своей статье пишет:

«... Он приговорен к ссылке на четыре года. И сразу — куда девалась наглость? К тому закону, над которым Мустафа глумился всю жизнь, он обратился теперь. Не соблюдая ни одной из обязанностей советского гражданина, он вспомнил о своих правах. И направил в городской суд кассационную жалобу: мол слишком жесток для него чрезмерно мягкий приговор.»

По тону статьи можно подумать, что после вынесения приговора я чуть ли не взмолился о пощаде. В действительности же в мотивировочной части моего кассационного заявления в адрес городского суда говорилось дословно следующее:

«... В своем заявлении от 18 февраля 1979 г. я указывал, что настоящее уголовное дело является лишь грубым прикрытием для расправы со мной по политическим мотивам, а именно, за мое участие в Национальном движении крымских татар и общедемократическом движении. В материалах дела, очевидно, по оплошности дознавателя, приобщен и официальный документ — рапорт зам. начальника Октябрьского РОВД А. Ахмедова от 30 декабря, свидетельствующий о причастности к этому делу сотрудников КГБ. Поэтому вопроса о моей невиновности по ст. 199³ УК УзССР не имел никакого значения; обвинительный приговор был предрешен, а следователю и судьям была отведена роль лишь жалких марионеток. Ход «судебного процесса» 6 марта 1979 г. полностью подтвердил это.

По той же причине, очевидно, нет практического смысла обращаться и в кассационную инстанцию. Но я все же решил воспользоваться своим правом на кассационное обжалование, ибо не обжалование может быть расценено как мое согласие с приговором Октябрьского нарсуда. Кроме того, я надеюсь на изменение формулировки приговора.

Замена полутора лет лишения свободы четырьмя годами ссылки в приговоре мотивируется тем, что на моем иждивении имеется несовершеннолетняя дочь и «гуманностью советского права».

Приговаривать заведомо невиновного человека к четырем годам ссылки, наверное, не признак «гуманности советского права», а нечто иное. Во-вторых, я не считаю, что четыре года ссылки предпочтительней полутора лет лишения свободы, ибо на два с половиной года отдаляется возможность возвращения к родным и близким, а также неизвестно куда сошлют и какие там создадут условия. В-третьих, я с омерзением отвергаю всякого рода «гуманность» и милость карателей, которых, я надеюсь, в недалеком будущем ожидает беспристрастный и справедливый суд. Что касается их трогательной «заботы» о судьбе моей дочери, то могу заверить, что она не останется без присмотра и внимания, даже если меня и не будет в живых — у меня всегда было и будет достаточно друзей и соотечественников, которые возьмут эту заботу на себя...»

Как видно из контекста статьи Ю. Кружилина, под словом «наглость» он подразумевает всякое выражение несогласия или протеста против произвола органов.

Раз так, то в связи с моим кассационным заявлением ему следовало бы сказать, что после вынесения приговора у Джемилева прибавилось «наглости», а не разводить руками, мол, «куда девалась наглость?». Но так, видимо, тоже нельзя. Ведь он же взялся представить меня рядовым уголовником, а рядовому уголовнику, согласно установленного стереотипа, только вначале положено быть дерзким и наглым, а после привлечения к ответственности он должен сникнуть и каяться.

Чтобы еще более убедить читателя в том, что речь в самом деле идет об уголовнике, Кружилин даже сделал, так сказать, литературное отступление — приплел как положительного героя своего газетного творения сусальную историю об одном рабочем, который в послевоенные годы воровал, сидел в лагере, стал там «каменщиком высокого класса», а теперь, совершенно исправившись, стал ударником коммунистического труда. Это, стало быть, в противовес другому уголовнику — Джемилеву, который так и не исправился, не стал ударником, хотя и перед ним был открыт, как он выражается, «этот трудный, но достойный путь».

Если уж речь зашла о заключенных прошлых, полагаю, надо бы вспомнить и миллионы других — так называемых «врагов народа», в их числе каменщиков, писателей, врачей, академиков, которые ни до, ни после войны не воровали, а все же были отправлены в лагеря, причем, в лагеря смерти. Для многих из них так и не открылся никакой путь, кроме пути в небытие. Они были умерщвлены в большинстве своем только за то, что смогли усомниться в мудрости и справедливости царствовавшего тогда Иосифа Виссарионовича, имя которого и ныне дорого для многих карателей и, несомненно, борзописцев типа Кружилина, которые изощрялись в оплевывании репрессированных на страницах печати.

Перечисляя предыдущие мои судимости, Кружилин всеми правдами и неправдами старается обойти те процессы, на которых я прямо обвинялся в составлении обращений и материалов о проблеме крымских татар и других правозащитных документов, а более всего упражняется в злословии и клевете в связи с процессами, где против меня выдвигались провокационные и маскирующие мотивы репрессий преступления.

Так, например, он совершенно не упоминает о Ташкентском процессе в январе 1970 года, когда меня и поэта Илью Габая обвинили по ст.190-1 УК РСФСР за составление и распространение обращений в защиту прав крымских татар и других документов политического характера.

В другом случае, говоря о моем четвертом процессе в г. Омске в 1976 году, Кружилин невозмутимо лжет, утверждая, что будто бы меня судили за то, что я в лагере отказался от работы, вел себя нагло и совершал нарушения лагерного режима. В действительности, меня опять судили по ст.190—1 Украины РСФСР и в качестве доказательств пытались использовать добытые органами с помощью угроз и шантажа показания заключенных о том, что в беседах с ними я неблагоприятно отзывался о политике советского правительства в отношении крымских татар, а также некоторые мои письма, где затрагивались политические и правозащитные вопросы. Трудно предположить, что Ю. Кружилину не было известно какое в действительности обвинение было выдвинуто против меня в г. Омске, потому что в материалах дела, которому посвящена статья Кружилина в «Вечернем Ташкенте», были приобщены копии приговоров по всем предыдущим моим процессам, в том числе и по Омскому процессу. Процесс этот комментировался и освещался не только западными радиостанциями, но был упомянут и в сообщении ТАСС от 16 апреля 1976 года в

связи с задержанием в Омске прибывшего на этот процесс академика А. Д. Сахарова. Так что предложение о возможной неосведомленности Ю. Кружилина полностью исключается, остается одно — он преднамеренно лжет.

Извратив и оболгав в своей статье все затронутые им эпизоды моей жизни и последний процесс, проявив изрядное жульничество при описании предыдущих моих судимостей, Кружилин переходит затем к «разоблачению» происков «враждебной пропаганды». Он пишет:

«Вы видите сами, читатель, есть ли в описанных действиях Мустафы хотя бы тень не то чтобы «правозаступничества», а хоть что-то похожее? В этом ли он обвинен? За это ли судим? В этом ли признан виновным?»

«Вот и еще одно доказательство того, за какие отбросы общества хватается враждебная пропаганда, пытаясь оклеветать нашу Родину, наш социалистический строй...»

Ну, еще бы! Какой же это, в самом деле, правозаступник! С еще большим «основанием» можно было бы воскликнуть: «Есть ли в описанных действиях Мустафы хотя бы тень правозаступничества?!» и вызвать еще больший гнев советского обывателя в адрес западных радиостанций, описав предварительно как я, например, грабил престарелых пенсионеров, убивал или пожирал детишек и т. п. Нет сомнения, что Кружилин «описал» бы и это — была бы только соответствующая инструкция! И непременно добавил бы, что сам видел жертвы, беседовал с родственниками пострадавших и т. п.

Кстати, о судебных процессах и репрессиях советских органов за мое участие в правозащитном движении сообщала не только так называемая «враждебная пропаганда», но и некоторые органы печати так называемых «братских» партий, например, газета «Морнинг Стар» — орган компартии Великобритании. И обвинять за это «братьев по классу» сразу же в попытке оклеветать СССР и социалистический строй вроде бы не совсем уж и по-братски.

Заканчивается статья Кружилина в обычных для антидиссидентских писулек тонах:

«Мы в своем доме хозяева, и мы заставим соблюдать наши правила любого, нравится это или не нравится непрошеным «адвокатам» из эфира...»

Если под термином «мы хозяева» Кружилин подразумевает подобных себе, то остается посочувствовать стране, у которой подобного рода «хозяева». Но я не думаю, что он так уж и принадлежит к когорте хозяев. Что касается более реальных «хозяев», точнее, пока что хозяйствующих, то я надеюсь, до них уже дошло, что дело доверили дубоватому по части логики чернильному сосунку и он явно не оправдал полученных аккордных публей.

Таким образом, в соответствии со статьей 57 Конституции СССР, предусматривающей право граждан на судебную защиту от посягательств на их честь и достоинство, прошу привлечь Ю. Кружилина к суду за клевету и оскорбления в печати, а также обязать редакцию газеты «Вечерний Ташкент» опубликовать подробное опровержение на его статью.

Прилагаю также материалы по обвинению меня в нарушении ст. 199³ УК УзССР и прошу Верховный суд Узбекской ССР одновременно рассматривать настоящее письмо и как ходатайство о пересмотре приговора Октябрьского райсуда г. Ташкента от 6 марта 1979 г. в порядке надзора.

Справедливое решение суда и соответствующее опровержение в газете избавили бы меня от необходимости в порядке защиты от оскорблений и клеветы в советской

печати обратиться к неконтролируемым советской цензурой издательствам с просьбой опубликовать все документы и материалы по процессу.

Приложение: Опись материалов уголовного дела, обвинительное заключение, приговор, заявления от 18 февраля и 18 марта 1979 г. и др. документы.

(Мустафа Джемилев)

678770. Якутская АССР, Верхнеколымский район, п. Зырянка, до востребования.
9.09.1979 г.

(Том 4, л.д.215-223)

13. «Объяснительная» М. Джемилева начальнику милиции Верхнеколымского района

НАЧАЛЬНИКУ ВЕРХНЕКОЛЫМСКОГО РОВД М-РУ ШИРОБОКОВУ
ОТ ССЫЛЬНОГО ДЖЕМИЛЕВА МУСТАФЫ

Инспектор Верхнеколымской межрайонной инспекции ИРиТ капитан милиции В.И. Скрекотень ознакомил меня в отделении милиции с «докладной» начальника Зырянского речного порта В.Я. Иванова за № 1/9-396 от 29 декабря 1979 г. на Ваше имя и предложил письменно изложить свое мнение по выдвигаемым в этой «докладной» против меня обвинениям.

В «докладной» В.Я. Иванова утверждается, что я нарушаю правила пользования телефонной связью и в беседах с иногородними абонентами допускаю «высказывания, которые наносят политический вред Советскому государству». Поэтому он просит начальника милиции принять против меня соответствующие меры. В порядке обоснования своих обвинений В.Я. Иванов в своей «докладной» прилагает «рапорт» гр-ки Т.И. Тимченко от 5 ноября 1979 г. и «докладную» коменданта общежития речного порта гр-ки Р.С. Козий от 20 декабря 1979 г., адресованные на имя самого В.Я. Иванова.

В «рапорте» Т.И. Тимченко сообщается, что 19 октября 1979 г. она хотела позвонить по телефону общежития, но не смогла этого сделать, т.к. телефон был мною разобран с целью подключения к нему магнитофона и записи предстоящего своего разговора с иногородним абонентом. И поскольку это является нарушением правил пользования общественным телефоном, то гр-ка Т.И. Тимченко просит принять против меня соответствующие меры.

Тема «докладной» бывшей уборщицы общежития, а ныне коменданта гр-ки Козий Р.С. посвящена обсуждению и осуждению подслушанного ею моего телефонного разговора со своим близким 19 декабря 1979 г. Она пишет:

«Из разговора я поняла: Разговор шел о каком-то процессе, который закончился видимо не так, как этого хотели (Мустафа и его абонент) Над кем шел суд я не знаю, но Мустафа говорил с возмущением о якобы необъективности судей и решении по этому делу, ибо произнес такие фразы: *«Чего от них еще ожидать. Пусть они этим решением заткнут одно место».*

В конце разговора Мустафа попросил записать адрес какого-то Давыдова, проживающего в г. Ленинграде на Набережной Мойки и рекомендовал собрать что есть лучшего из продуктов в Ташкенте и несколько раз напомнил, чтобы не

забыли изюм и все это переправить Давыдову. Последний должен все это переправить политссылным и политзаклученным в лагеря.

Считаю подобные разговоры вестись по телефону не должны и прошу принять меры.

Подпись. 20.XII.79 г.»

По поводу изложенного в приведенных документах считаю необходимым заявить следующее.

Действительно, 19 октября 1979 г. я подключал к телефону магнитофон для записи телефонной беседы с родственником из г. Нью-Йорка. Записывание собственных разговоров не является нарушением каких-либо законов или правил, не ущемляет чьих-либо интересов. Прежде чем воспользоваться для этой цели общественным телефоном я спрашивал и получил на то разрешение у бывшего коменданта общежития Т.И. Мясоедовой. Утверждение гр-ки Тимченко о том, что будто бы телефон был разобран и она не могла им воспользоваться для своих разговоров является неверным. Для подключения магнитофона нет необходимости разбирать телефон, а достаточно лишь соединить дополнительный провод к его микрофону — эта операция занимает не более двух минут. До того как соединили телефон общежития с г. Нью-Йорком провод был вынут из магнитофона, а магнитофон отключен от сети. Поэтому желающие воспользоваться телефоном до соединения с моим абонентом делали это беспрепятственно. Гр-ка Тимченко действительно входила в дежурную комнату, но она не выражала желания звонить кому-то. Она только стояла в стороне и слушала мой разговор со своим абонентом. Но к её разочарованию, ни одной фразы на понятном ей языке мною не было произнесено. Прежде чем подписывать свой донос ей просто следовало бы немного поинтересоваться обстоятельствами.

Касаясь «докладной» гр-ки Козий Р.С., во-первых, обращаю внимание на исключительную наглость тона этого оригинального документа. Ведь, само по себе, подслушивание чужих телефонных разговоров и, тем более, разглашение их является не только признаком непорядочности, но также и серьезным нарушением закона. А в «докладной» этой гражданки сверх того говорится еще и о необходимости принятия каких-то мер против того, чей разговор она подслушала, ибо, оказывается, она считает, что «подобные разговоры по телефону вестись не должны». Если в Зырянке существуют какие-то особые законы, согласно которым подслушивание и разглашение чужих телефонных разговоров не только не преступление, а даже является «патриотическим долгом» её жителей, то может быть органам следует дать мне список лиц, с которыми я обязан согласовывать темы предстоящих телефонных бесед со своими родными и близкими — ведь всегда может найтись любитель-подслушиватель, которому что-то не понравится.

Если «докладную» гр-ки Козий Р.С. можно, хоть и не оправдать, но объяснить крайней неосведомленностью в элементарных нормах этики и права, то вызывает по меньшей мере недоумение «докладная» начальника порта, депутата Иванова В.Я. Вместо того, чтобы указать этой гражданке на явное несоответствие её псевдопатриотической прыти и весьма скромного интеллекта, указать на недопустимость подслушивания чужих разговоров, он на основе её «докладной» пишет собственную, заявляя, что содержание подслушанного разговора наносит «политический вред Советскому государству». Если всерьез говорить о «политическом вреде Советскому государству», то, наверное, вряд ли нужно так уж напрягать свой лоб, чтобы догадаться, в чем же кроется действительный вред государству: то ли в приведенном в доносе тексте моей беседы со своим близким

по телефону, то ли в самом факте незаконного и бесстыдного вмешательства в личную жизнь граждан. Кроме того, если начальнику организации поступают какие-то заявления и жалобы на работников, то, наверное, обязанность начальника постараться сперва самому выяснить обстоятельства, выслушать доводы и человека, на которого поступило заявление. Так, во всяком случае, поступают хоть немного уважающие себя начальники. Но с начальником В.Я. Ивановым у меня никаких разговоров на эту тему не было.

Еще до поступления упомянутых «докладных» в милицию против меня в Зырянской почте были предприняты «соответствующие меры» по незаконному ограничению моих прав пользоваться услугами междугородней телефонной связи.

28 декабря 1979 г. сотрудница почты сообщила, что по распоряжению начальника мне отныне не будут продавать талоны, дающие возможность заказывать междугородние переговоры с любого телефона в поселке. Если принять во внимание, что связь со многими городами, как правило, с первого раза не получается, и приходится перезаказывать порой 5-6 раз, то нетрудно понять умысел изобретателей этого нового правила, введенного персонально для меня. Простаивать в Зырянской почте час-полтора, а потом, услышав от телефонистки очередное «нет связи», возвращаться в Затон, и это повторять 5-6 дней подряд — конечно же отпадет желание пользоваться услугами телефона. К тому же, ведь всегда можно сказать «нет связи» и в том случае, когда она на самом деле есть — от служащих, руководствующихся не твердыми писанными правилами, а произвольными «распоряжениями начальника», можно ожидать любых правонарушений.

Ввиду того, что в последнее время довольно часто и весьма странным образом стали «пропадать» мои письма, адресованные родным и близким, в некоторых случаях я решил отправлять письма с объявленной ценностью, полагая, что так они будут пропадать реже. Но 7 февраля 1980 г. на Зырянской почте мне сказали, что свое ценное письмо, сданное два дня тому назад, я должен взять обратно и отправить его обычным, т.е. без объявления ценности. При этом опять ссылались на пресловутое «распоряжение начальника», хотя вполне соглашались, что это распоряжение противоречит утвержденным почтовым правилам.

В этот же день я известил об этих серьезных нарушениях своих прав инспектора ИРиТ капитана В.И. Скрекотеня, а затем обратился и к самому источнику этих незаконных распоряжений — к начальнику Зырянского узла связи Лепунову.

Наложение запрета на продажу талонов для междугородних телефонных переговоров Лепунов мотивировал имеющимися у него копиями упомянутых «докладных» Иванова, Тимченко и Козий. При этом Лепунов ссылался на статью правил, где говорится о запрете использовать почту в интересах, враждебных советскому строю, то есть подслушанные телефонные переговоры произвольно относились им к разряду враждебных советскому строю. Сопоставление даты на «докладной» В.Я. Иванова и даты введения в отношении меня правовых ограничений дает основание полагать, что не «докладные» явились причиной введения ограничений, а как раз наоборот — для формального оправдания незаконных ограничений были инспирированы эти дремучие по своей безграмотности черносотенные «докладные». Впрочем, и без сопоставления дат мне известны детали и подробности того, как и кем писались и подписывались эти «рапорты» и «докладные», какие «собеседования» проводили сотрудники КГБ с окружающими меня людьми в общепитии и по месту работы.

Отказ принимать у меня письма с объявленной ценностью Лепунов пытался обосновать ссылками на требования «Почтовых правил». Я напомнил, что согласно ст. 149 этих самых правил ценным письмом могут отправляться, кроме прочего, также «рукописи, фотоснимки... и любые другие предметы, представляющие ценность для отправителя или адресата». Привожу наиболее существенные фрагменты из ответов Лепунова:

«Ваши письма не подпадают под слово «рукописи». Под «рукописью» в правилах подразумеваются только какие-нибудь древние документы, представляющие историческую ценность. Ну-ка, дайте посмотреть что за письмо вы собираетесь отправить... Ну, не хотите давать, не надо! Все равно же ваши письма проходят через наши руки, и если бы мы захотели их прочесть... Вы собираетесь послать фотографии, а в правилах написано «фотоснимки». Это не одно и то же. Фотоснимки — это, например, хорошо снятые разные там пейзажи, снимки красивых зданий... Ваши письма и фотографии не могут представлять какую-нибудь ценность для вас или для вашего адресата. Так что отправляйте обычным. А вдруг ваше письмо подмочится где-то или потеряется, а нам потом отвечать, да?! Нет, нет, ценным не примем!...»

Когда я попросил Лепунова показать мне, если имеются, соответствующие комментарии или официальные разъяснения к «Почтовым правилам», дающие ему право столь странно толковать общеизвестные русские слова и произвольно определять за других, что именно представляет и не представляет ценность для них, он ответил, что их нельзя всем показывать, ибо они, дескать, секретные. И в заключение: «Всё! Если будете настаивать, я позвоню сейчас в милицию и скажу, что вы меня оскорбляете.»

Отказ в приеме писем с объявленной ценностью я могу расценить только как меру, направленную на то, чтобы ограничить определенным органам возможность незаконно изымать («терять») после перлюстрации любые мои письма. Примитивная демагогия и наглое поведение начальника почты является лишь дополнительным подтверждением этого вывода.

Я прошу Вас уведомить о вышеизложенном прокурора района для принятия действенных мер по прекращению незаконных ограничений моих прав.

Мустафа Джемилев

п.Зырянка, ЯАССР.

29 февраля 1980 г.

(т.4, л.д. 212-214)

14. Заявление М.Джемилева прокурору Верхнеколымского района ЯАССР И.Канину от 15 мая 1980 г.

ПРОКУРОРУ ВЕРХНЕКОЛЫМСКОГО Р-НА ЯКУТСКОЙ АССР КАНИНУ И.В.

Копия: НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ СВЯЗИ ЯКУТСКОЙ АССР

29 февраля с.г. я подал на имя начальника Верхнеколымской районной милиции м-ра Широбокова В.С. заявление, в котором извещал о незаконных правовых ограничениях в пользовании услугами почты и телефонной связи, введенных в отношении меня распоряжением начальника Зырянского узла связи М.А. Ляпунова.

Я просил майора Широбокова известить об этих незаконных ограничениях прокурора района для принятия соответствующих мер. Я не обратился к Вам непосредственно, потому что м-р Широбоков просил меня все свои жалобы первоначально направлять ему, потому что я, как ссыльный, нахожусь под надзором милиции, которая обязана обеспечить соблюдение в отношении меня законности. Но прошло уже два с половиной месяца, а никакого ответа из милиции я не получил. Незаконные ограничения, о которых я говорил в своем заявлении, не только не отменены, но вводятся и новые.

Так, 14 апреля с.г. на почте мне сообщили, что по распоряжению Ляпунова у меня не будут принимать заказы на междугородние телефонные переговоры. Одновременно уведомили, что отныне свои ценные бандероли, отправляемые родным и близким, я должен сдавать на почте в раскрытом виде и с перечнем отправляемого. Эта процедура введена исключительно в отношении меня и противоречит Почтовым правилам, утвержденным приказом министра связи СССР № 770 от 18 декабря 1972 г., которые предусматривают отправление ценных бандеролей без предварительной цензуры и в запечатанном виде. Цензура корреспонденции ссыльных не предусмотрена и Исправительно-трудовым кодексом РСФСР.

28 марта с.г. в Зырянской почте у меня отказались принимать телеграмму на адрес родственника, проживающего в США. Сперва мотивировали тем, что будто бы почта не располагает телеграфным аппаратом с латинским шрифтом. Когда я напомнил, что Зырянская почта уже принимала для меня телеграммы из-за границы на нескольких языках латинским шрифтом, начальник почты Ляпунов «согласился» принять телеграмму, но с условием, что текст будет написан латинскими буквами на русском языке. Мотив Ляпунова: «А вдруг вы употребляете там нецензурные выражения. Мы должны знать о чем вы сообщаете!..» Полагаю, нет необходимости комментировать абсурдность и необоснованность этого оскорбительного довода Ляпунова. Достаточно сказать, что согласно Почтовым правилам телеграммы за пределы страны должны приниматься латинским шрифтом на любом языке.

Нарушаются правила приема телеграмм, отправляемых адресатам и внутри СССР. Согласно Почтовых правил телеграммы могут отправляться на русском языке и на языках республик, откуда отправляется телеграмма и где проживает адресат. Но с конца декабря 1979 г. мне не разрешают отправлять родственникам в г. Ташкенте телеграммы на понятном в Узбекистане языке. Объясняется это опять-таки желанием Ляпунова или стоящих над ним лиц быть в курсе о содержании моей переписки со своими близкими. Телеграммы на русском языке принимают только в зависимости от их содержания. Например, 14 апреля с.г. у меня отказались принимать телеграмму родственникам, где я сообщал о введенных в отношении меня почтовых ограничениях.

Таким образом, по части отправления корреспонденции я поставлен почти на положение заключенного. Впрочем, в какой-то мере даже хуже, чем заключенного. В тюрьме или в лагере письмо, не прошедшее через цензуру администрации, по крайней мере возвращается отправителю с указанием, почему то или иное письмо не может быть отправлено. А многие письма, сданные мной в Зырянское отделение связи, бесследно исчезают. Я уже не говорю о незаконности перлюстрации моей корреспонденции — хотя бы отправляли адресатам после прочтения или снятия с них копий.

17 апреля с.г. через инспектора Верхнеколымской межрайонной инспекции ИРиТ Скрекотеня В.И. я направил на имя Ляпунова заявление, где приводил список не дошедших до адресатов моих заказных писем и телеграмм. Но до сего дня я не получил

никакого ответа, а число не дошедших до адресатов моих писем и других отправлений продолжает увеличиваться. (Тексты упомянутых двух заявлений от 29 февраля и 17 апреля 1980 г. прилагаются).

Прилагаю также документы, связанные с подделкой неизвестным лицом подписи сотрудника Усть-Нерского узла связи на бланке уведомления о вручении адресату заказного письма № 18 от 5 ноября 1979 г., которое в действительности вручено не было.

Прошу принять меры по восстановлению законности, а именно:

- отменить незаконный запрет на отправление писем с объявленной ценностью;
- прекратить цензуру отправляемых ценных бандеролей и телеграмм;
- отменить запрет на междугородние телефонные переговоры с родными и близкими;
- разрешить отправление телеграмм за границу в соответствии с действующими Почтовыми правилами, т.е. на любом языке, а в пределах СССР — на языках союзных республик, где проживают адресаты;
- расследовать случай хищения зак. письма № 18 и подделки подписи на бланке уведомления о вручении;
- обязать сотрудников Зырянской почты предпринять предусмотренные Почтовыми правилами меры по розыску или компенсации за утерю не дошедших до адресатов моих почтовых отправлений.

Прошу также обязать начальника Зырянского узла связи строго соблюдать Почтовые правила и не изобретать впредь противоречащие этим правилам ограничения.

П р и л о ж е н и я:

1. Заявление от 29 сентября 1980 г. на имя начальника Верхнеколымского РОВД м-ра Широбокова В.С. — на 3-х листах;
2. Заявление от 17 апреля 1980 г. на имя начальника Зырянского узла связи М.А. Ляпунова со списком почтовых отправлений, не полученных адресатами — на 2-х листах;
3. Письмо начальнику Усть-Нерского отдела связи ЯАССР от 3 декабря 1979 г. — на 1 листе;
4. Письмо начальнику Усть-Нерского райузла связи Моисеева № 1799 от 27 декабря 1979 г. — на 1 листе;
5. Письмо начальнику Усть-Нерского райузла связи Моисееву от 19 января 1980 г.;
6. Письмо начальника участка обработки страховой почты Усть-Нерского узла связи О.А.Черненко от 1 февраля 1980 г. № 212 — на 1 листе.

Мустафа Джемилев

п. Зырянка Верхнеколымского р-на ЯАССР.
15 мая 1980 г.

(Том 4, л.д. 210-211)

15. Заявление М. Джемилева по делу арестованного Решата Джемилева

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ТАШГОРСУДА
АДВОКАТУ ДЖЕМИЛЕВА РЕШАТА

Как мне стало известно, Джемилеву Решату, арестованному сотрудниками КГБ в апреле 1979 г. по обвинению в нарушении ст.191-4 УК УзССР, вменяется в вину составление документов, связанных с Национальным движением крымских татар. В числе инкриминируемых ему документов значатся также обращения и протесты в связи с репрессиями органов власти против меня, причем, эти документы рассматриваются обвинением как содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Установление криминальности тех или иных документов возможно лишь проверкой следствием и судом достоверности фактов, изложенных в документах, что можно осуществить только опросом лиц, имеющих непосредственное отношение к описанным в документах событиям. В противном случае, как следствия, так и суды по подобного рода делам превращаются в дешевые фарсы, в результате которых составляются необъективные обвинительные заключения и выносятся заведомо неправосудные приговоры. Во избежание этого, я прошу вызвать меня на судебный процесс в качестве свидетеля для дачи показаний по вменяемым Джемилеву Решату документам, где говорится о неправомерных репрессиях советских органов в отношении меня. Я также мог бы дать подробные показания и по другим материалам, в составлении и распространении которых он обвиняется, например, по поводу обращения к королю Саудовской Аравии и к мусульманам всех стран в связи с самосожжением Мусы Мамута 23 июня 1978 г. и других событий в Крыму и Узбекистане.

Повестку на судебный процесс прошу выслать заблаговременно с учетом времени, необходимого на доставку повестки по почте и мой вылет в Ташкент, принимая во внимание, что в связи метеорологическими условиями вылет самолетов из Якутии зачастую откладывается на многие дни.

Мой адрес: 678770. Якутская АССР, п.Зырянка, до востребования, Джемилеву Мустафе.

(М.Джемилев)
12.09.1979 г.

(т.4, л.д. 209)

16. Письмо М. Джемилева Вячеславу Черновилу от 11 августа 1979 г

Здравствуйте, дорогой Вячеслав!

Ваше письмо от 26.VII. я получил только сегодня — 11 августа, хотя оно поступило в Зырянку более недели тому назад. Дело в том, что я получаю корреспонденцию на «до востребования», а Вы написали в гостиницу, откуда я ушел ещё 20 июня.

Был очень рад получить Ваше письмо. Я еще в Ташкенте собирался написать Вам и угостить Вас посылочкой со среднеазиатскими фруктами, но пока собрался,

арестовали самого. Адрес Ваш сюда прислал мне Саша Подрабинек, а потом еще привезли брат с другом — они приезжали ко мне в середине июля.

Впервые я познакомился с Вами заочно в 1969 году — Ваше имя, кажется, фигурировало в обращении нашей «Инициативной группы» в Комиссию по правам человека при ООН. А после ареста в сентябре 1969 г. я «познакомился» с Вами более обстоятельнее — в материалах дела были изъяты у моего покойного друга («подельника») И.Габая обращения в Вашу защиту. Поскольку мне инкриминировалось также соавторство в составлении обращения в ООН, то в своей защитительной речи говорил и о Вас. Правда, в тех обращениях о Вас писалось «В.Черновол», то есть просто инициал имени и я говорил о Вас как о «Владимире Черноволе». Потом, после освобождения, Андрияша Григоренко указал на эту мою ошибку. Я слышал, что сборник об этом нашем процессе попал на Запад и там не то издали, не то собираются его издать под заглавием «Шесть дней» (6 дней продолжался наш процесс).

Постараюсь подробно ответить на Ваши вопросы.

Этапировали меня из Ташкента 6 апреля ночью. Первая тюрьма в пути, куда прибыли через 4 суток, была Новосибирская. Тут произошел курьезный случай. При этапировании из Ташкента на моем личном деле, оказывается, почему-то сделали запись «содержать отдельно». Это, вообще-то, неплохо, потому что в «столыпинах», как Вы знаете, обычно теснота, духота, а меня согласно этой записи везли одного в «тройнике».

Да, еще вот что. Перед этапом в Ташкентской тюрьме меня на несколько часов водворяли в «отстойник», где были один верзила-транзитник (режим особый), который разыгрывал из себя маньяка-убийцу и всё время приговаривал «Так хочется кого-нибудь зарезать...», и ещё один молодой человек — залетный гастролер-домушник (следственный). Как только за мной закрылась дверь камеры, они вдруг загорелись желанием заварить чефир — карманы у них были набиты запретным чаем. Спросили, нет ли у меня ненужных бумаг или книг «на дрова». Я ответил, что ненужных нет. Но они бесцеремонно вырвали у меня мой мешочек, достали все мои бумаги — выписки из материалов дела, копии моих заявлений и проч. — и начали топить ими костер для разогрева миски с чаем. Правда, приговор и обвинительное заключение мне возвратили, сказав, что это может мне пригодиться, а остальное, дескать, мне вовсе не нужно. Сопротивляться, особенно после голодовки, было бесполезно. Со вторым я может быть ещё пободался бы один на один, ну а с верзилой и, тем более, сразу с двумя — бессмысленно. Как говорится, было бы «избиением младенца». Кричать и звать на помощь надзорсостав, сами знаете, в тюрьмах не принято. К тому же, у меня сразу создалось впечатление, что всё это было заранее подстроено — видимо, очень уж они хотели ликвидировать эти бумаги. Уже то, что в эту камеру завел меня не надзиратель, как бывает обычно, а сам начальник оперчасти, наталкивало на подобное подозрение. Во-вторых, меня это не очень-то расстроило, ибо у меня в другом месте были припрятаны копии этих бумаг — шестое чувство сказало, что будут охотиться за бумагами.

Так вот, привезли в Новосибирскую тюрьму, а там не поймут в чем дело: на папке записано «содержать отдельно», но причина не указана. Поскольку я еду транзитом, вскрывать папку они не имеют права. Решили спросить у меня самого. Подходит ко мне офицер с моим «личным делом» и спрашивает:

— Ты кто?

— Как кто? — отвечаю я. — Простой советский заключенный. Режим — ссылка.

— Хм-м! Масть какая? Почему тут записано, что тебя нужно содержать отдельно?

— Не знаю, — говорю я. — Сам я на этом не настаивал.

— Ну а все-таки, как ты сам думаешь? Почему?

— Может быть из-за того, что судили по политическим мотивам...

— А-а! Понятно! — говорит удовлетворенно офицер и уходит.

К нему подходят надзиратели и с любопытством спрашивают:

— Ну и как, товарищ капитан? Почему? Кто он такой?

— Всё правильно! Надо его отдельно, это антисоветчик, — говорит капитан.

Но дежурный надзиратель слово «антисоветчик», очевидно, растолковал по-своему и, подойдя ко мне через некоторое время, спрашивает:

— Вы в самом деле не советский человек, да? А из какой страны?

Я машинально начинаю соображать, какую бы назвать страну, чтобы он был ко мне более предупредителен, и видя, что он поволжский татарин (тюрок, мусульманин всё-таки) говорю на ломанном русском языке, что я из Турции и добавляю несколько фраз на турецком. Любопытства у него прибавилось еще больше и, выбрав момент, когда вблизи нет других служителей, подходит опять к моей камере и начинает задавать самые интересные для него вопросы: «Как у вас в Турции вообще жизнь? Как там на счет мяса?..»

Администрация тюрьмы долго не знала куда меня деть. Одиночных камер нет, камеры и так сверх нормы переполнены, а освободить ради одного целую камеру, рассчитанную на 10-20 человек, слишком роскошно. Закрывать в подвальный карцер-одиночку тоже вроде бы нельзя — ведь я не совершил нарушений. Потом все-таки нашли своеобразный выход: водворили в камеру для смертников, ибо для них там камеры двухместные, так что уплотнять из-за меня особо не пришлось.

За эти дни ко мне подходили еще несколько надзирателей и порядком надоели своими расспросами о Турции. Главное, спрашивали бы что-нибудь интересное, а то всё, расскажи какая там зарплата, сколько стоит мясо и то-то, правда ли, что там можно иметь десяток жен и т.п. Я уже им на чистейшем русском говорю, что я вовсе не из Турции, пошутил, мол, что я на самом деле в доску советский и у меня всего лишь одна жена, но они долго не верили.

Впрочем, эта «перемена подданства» мне кое в чем помогла. Транзитникам там постельных принадлежностей, кружку, ложку не дают, а мне дали, причем, выбрав что получше и поновее. Но я все равно умудрился там здорово простудиться, а позже даже начал плевать кровью. Не зря ведь говорят, что полученное обманным путем впрок не пойдет. Но сейчас в основном всё прошло; видимо, было что-то с бронхами, а вовсе не туберкулез в стадии распада.

Пробыл я там ровно десять дней. Потом, через два дня пути, Иркутская тюрьма. Везли, как и до Новосибирска, отдельно, но в Иркутской тюрьме даже не обратили внимания на запись о том, что нужно содержать отдельно и поместили в общую камеру вместе со ссыльными и «химиками». Тут уже, разумеется, ни постели тебе, ни кружки. Через неделю, 30 апреля, самолетом ТУ-154 доставили в Якутск. В аэропорту Иркутска пытались надеть наручники, но я возпротивился, ссылаясь на то, что они не имеют права, поскольку я ссыльный. Хотели было надеть насильно, но я предупредил, что подниму «кипеш» в самолете и постараюсь привлечь внимание вольных пассажиров. Конвой был не глупый (не вологодский) и решили всё-таки везти меня без наручников, пообещав, правда, отбить внутренности, если буду злоупотреблять тем, что у меня руки свободные, а остальных скрепили попарно.

В Якутской тюрьме, после 3-х дневного «карантина» наступила полная благодать: постель, эмалированная кружка, полотенце и даже белые простыни — прямо как в Лефортово. Содержали в 21-ой камере: там были и «химики», и общий, и усиленный, и строгий режимы и даже те, кто еще за судом. Где-то через дней десять пришел в камеру служитель из спецчасти и говорит: «Тебя, оказывается, нужно содержать отдельно. Одиночек нет и придется закрыть в стакан». Что такое «стакан» в Якутской тюрьме, наверное, знаете — мерзкое местечко. Там нельзя растянуться даже мне с моими скромными размерами тела, можно только сидеть, да и то только на полу. Но, видимо, передумали, и я остался в той же камере. Кстати, незадолго до меня в этой камере, оказывается, был и Винс, который нынче на Западе. Примерно за неделю до этапа заходил в камеру прокурор из республиканской прокуратуры. Он расспросил всех о режиме и распорядился перевести меня в транзитную камеру — а это, значит, прощай постель, кружка и, главное, книги. Но после того как прокурор ушел, хором всей камерой уговорили начальство оставить меня там же, мотивируя тем, что всё равно уже не сегодня-завтра этап.

30 мая, то есть ровно через месяц, самолетом «Ан-24» доставили в Среднеколымск. Везли в наручниках, и на этот раз у меня что-то не было настроения шуметь из-за этого. В Среднеколымской милиции водворили в камеру для осужденных за мелкое хулиганство. Хулиганчики (якуты) оказались весьма любезными. Спросили насчет моей национальности и когда узнали, что крымский татарин, один начал рассказывать, что месяца два назад слушал «Голос Америки» о некоем крымском татарине Мустафе, которого судили в Ташкенте, и Айше, которая из Америки выступала в его защиту. А когда поняли, что перед ними тот самый Мустафа, засуетились, не знали как угодить. Один достал из своей заначки припрятанные деньги и сунул мне, сказав, что пригодится на первое время. На следующий день на маленьком Ан-2 доставили в Зырянку. Переночевал в КПЗ, а утром, после собеседования с начальником милиции, определили в местную гостиницу, точнее, в вестибюль гостиницы — за неимением мест. При первой же встрече начальник милиции почему-то счел необходимым предупредить, чтобы я «с голодухи» не бросался «на местных баб», иначе, мол, можно прихватить французские болезни. Но это он не с целью оскорбить, а на полном серьезе, приводил примеры и цифры заболевших в последнее время. У меня о нем создалось впечатление как о довольно добродушном, простецком и прямом русском мужике, хотя в КПЗ говорили, что он любитель распускать руки. Сейчас его заменили, кажется, за что-то разжаловали. В милиции еще потребовали, чтобы я написал подробную автобиографию и, почему-то, потребовали указать там, куда следует сообщать в случае моей смерти. Ну, я написал, чтобы труп отправили в Крым к родителям. Тогда я еще не знал, что через месяц после моего суда родителей и двух сестер с семьями, которым в течение около двух лет отказывали там в прописке, насильственно выселили из Крыма.

Потом меня направили в райисполком для определения на работу. Последняя моя должность на свободе была — инженер по комплектации оборудования. Диплома у меня, вообще-то, нет — из Ташкентского ирригационного института меня вытурили на 3-м курсе, так что формально они, видимо, вправе отказать в приеме на работу на эту должность. Но они, точно, не приняли бы меня по этой должности, даже если бы я и предъявил диплом. При мне вообще никаких документов не было, и на вопрос председателя райисполкома о специальности я твердо отвечал — инженер и преподаватель английского. Но мне сказали, что могут предложить работу только по

рабочим специальностям. О преподавательстве тоже у меня никаких документов (не говорить же ему, что английский изучал в лагере!), но полагаю, что в провинциальной школе мог бы вполне справиться. Я знал одного колхозного учителя немецкого языка, который преподавал в 5-6 классах, а сам знал на уровне только 7-го класса. А я сверялся своими знаниями со своей сестренкой, которая закончила факультет английского в университете.

Направили в речной порт, начальник порта назначил на должность машиниста в кислородной станции, хотя эти машины я вижу впервые. Только я отказался писать заявление о приеме на работу, сказав, что я тут не добровольно и работа не по моей специальности, но подчиняюсь, как ссыльный.

Оклад 85 руб. с некоторыми северными коэффициентами. Я просил для жилья выделить хотя бы какую-нибудь комнатку отдельно, говорил, что, видимо, ко мне приедет жить кто-либо из близких, но направили в общежитие. Их, конечно, больше устраивает, когда я и днем и ночью вполне и всесторонне контролируем, а если что-то нужно устроить для добавления срока и отправки в лагерь, то и это легче сделать в общежитии. Здесь, говорят, особенно после окончания навигации, когда возвращаются все жильцы общежития, начинаются постоянные пьянки и неизменно следующие затем «разборки», драки. Этого мне как раз не хватало! На работе непосредственный начальник, мастер станции, не только сексот, но и круглый идиот — напьется пьяный и ходит хвастается, что ему ГБ доверило слежку и контроль за поведением «опасного политссыльного». Правда, не пытается заводить разговоры на политические темы, а даже громогласно объявил, что говорить о политике на работе запрещается.

Приобрести отдельное жилье самому почти невозможно. Домов частных мало и продаются довольно редко, причем, по ценам, весьма далеким от доступных — в пределах 6-7 тысяч за какой-нибудь маленький домишко. Иногда бывают в продаже так называемые «балки» — нечто вроде сарайчиков — цены в пределах 800-1000 руб., но зимой в них страшная холодина.

Ну вот, Вы просили вкратце о своем этапировании и быте, а я Вам разнес на несколько страниц. Это, наверное, самое длинное мое письмо за последний десяток лет.

Как дела у Вас? О Ваших обстоятельствах в первые дни после прибытия на место ссылки я читал еще дома в «Хронике», кажется, в 49-м №. Каковы Ваши бытовые условия сейчас? Раз уволились с работы, воюете, то, видимо, трудновато. Перед отъездом брат и друг оставили мне немного денег, так что я мог бы с Вами поделиться. Буду весьма рад, если чем-то смогу быть полезен. Пожалуйста, напишите.

И еще я Вас прошу, если сможете, напишите мне, хотя бы по частям, стихи из «Крымского цикла» И.Сокульского. Вы с ним, видимо, переписываетесь? С кем из ссыльных Вы переписываетесь? Будете писать, передавайте им приветы и от меня.

Здесь, в Зырянке, отбывает ссылку также Петро Гладун из Ивано-Франковска. Он после 4-х лет зоны по 62-й УК УССР, знает Вас заочно и шлет Вам привет.

Ну, всего доброго. С глубоким уважением,

Мустафа (подпись)

11.08.79.

(Том 1, л.д.107-108)

17. Письмо М. Джемилева Александру Подрабинеку от 4 ноября 1979 г.

Привет, дорогой Саша!

Ну у Вас и вопросы об учреждении УЯ 64/пб: биографии, подробности дел обитателей... Чтобы ответить на все, нужно там держать своего разведчика, как минимум, на должности замначальника или, как их там называют, замглавврача. Секреты этого заведения сохраняются не хуже, чем секреты важного стратегического объекта. Конечно, вопросник я переправлю в Узбекистан, но...

Пока расскажу Вам все обстоятельства, связанные с этим учреждением, которые стали известны мне самому. Может быть некоторые сведения будут для Вас новыми.

Где-то в начале 1978 г. нам сообщили из Москвы, что этапом прибыл в Ташкент признанный психически невменяемым Рождествов Владимир П. и что к нему на свидание едет его мать. Мы с Решатом встретили его матушку, а на следующий день троим поехали в это самое 64/пб. Там его не оказалось и мы направились в Таштюрму.

В тюрьме нам сообщили, что Рождествов действительно у них, но получить свидание и сдать передачу в тот день не удалось. Для разрешения на свидание нужен был начальник, которого тогда не оказалось на месте. Передачу тоже не приняли, кажется из-за того, что в тот день не принимали заключенных, фамилии которых начинаются на букву «Р» — в Таштюрме очередь на передачи по буквам.

На следующий день приехали снова. Простояли часа 2-3 в очереди и, наконец, попали к начальнику. Вошли к нему мать и Решат. Решили попытаться протолкнуть на свидание и Решата, потому что мать от расстройства при виде сына могла забыть спросить что надо. Хотел, конечно, попасть и я, но у меня пока не было паспорта, а соваться туда со справкой об освобождении — можно было испортить дело. Решат представился начальнику мужем сестры Володи и, поскольку такая степень родства не достаточна для получения свидания, он акцентировал на то, что у матери плохое здоровье и в любое время с ней может стать плохо. Впрочем, оно и в самом деле было так — худенькая старушка едва держалась на ногах и часто плакала. Начальник долго вертел в руках паспорт Решата, пронзительно смотрел на него и несколько раз переспрашивал: «Вы действительно зять?» Но смутить Решата тоже дело нелегкое — все-таки «оттянул» пару сроков и посмотрелся на таких начальников. В общем, получилось — свидание разрешили. Держался Володя Рождествов молодцом, передавал приветы товарищам, сказал матери, чтобы она не настраивалась на скорое его освобождение, так как ни от чего отрекаться не собирается.

Мать уехала из Ташкента через пару дней. Кстати, она очень беспокоилась тогда и о Вас, часто спрашивала наше мнение насчет того, не заберут ли «кироды» Сашу Подрабинека и несколько раз молилась «за раба Божьего Александра».

Через несколько дней я вместе с одной крымской девушкой вновь приехал в тюрьму, сдал для Володи передачу, а из ближайшей почты отправил на его имя деньги. Но деньги через несколько дней вернулись обратно с пометкой, что Рождествова В.П. перевели в УЯ 64/пб.

Отправились мы туда с Решатом. Хотели сдать передачу, а если получится, то попытаться получить свидание. Но куда там!

Сперва все шло гладко. Прапорщик мельком взглянул на паспорт Решата и уже распорядился переключивать привезенные нами продукты и вещи в их мешок. Но потом он засуетился и говорит: «Что-то я никак не найду в списке вашего родственника.

Может быть он политический?..» Он достал из задвижки стола другой список, пробежал по нему глазами и хмыкнул: «Ну, конечно! Для него я не могу принять».

Я успел заметить, что стандартный машинописный лист бумаги был исписан фамилиями примерно чуть более половины, но ни одной фамилии прочесть не смог. Слишком далеко, стервец, держал список, да и быстро спрятал. Тут я начал поднимать «кипеш»: «Что это такое! Почему для политических не принимают передачу? Зовите начальника!..» Драл я горло в основном в расчете на публику — там собралось много людей с передачами для своих близких, и я думал, что может быть среди них есть родственники кого-нибудь из политических. Но никто к нам не подошел. Наоборот, даже немного отодвинулись и с пугливым любопытством смотрели, что же будет дальше. Прапорщик ушел и вскоре явился какой-то капитан. Тот сходу назвал прапорщика дураком, который, дескать, болтает чепуху. На самом деле, мол, никаких политических и уголовных нет, а есть только «больные», но передачу для Рождествова он не может у нас принять, так как мы в деле не записаны в числе его родственников. Пытались спорить, что-то доказывать, но он не стал нас и слушать.

Пришлось передачу упаковать в ящик и отправить в УЯ 64/пб по почте, указав обратный адрес его матери. Эту посылку он получил, но письма и открытки, которые мы ему писали с Решатом, как выяснилось потом, ему не передавали.

В апреле 78-го мать Рождествова приехала в Ташкент повторно. Сдали передачу, а мать получила с ним свидание. Всем другим свидание давали вместе, а его матери отдельно и в присутствии начальника 1-го отделения, который постоянно предупреждал, что говорить можно только о здоровье и семейных делах. После свидания этот начальник, сопровождая мать Рождествова, вышел к нам и я попытался с ним заговорить. Спросил о здоровье Володи (диагнозе) и о перспективах его выписки, но он отказался со мной разговаривать, потому что я не родственник. Я спрашиваю вдогонку: «Вы и есть Бабаев Роберт Михайлович?» Он резко останавливается, медленно поворачивает голову и говорит: «Да. А что?» «Ничего, — отвечаю я. — Просто хотел удостовериться». Он злобно смотрит на меня, потом почему-то бурчит, что вовсе не боится нас, и идет своей дорогой.

По дороге домой мать сказала нам, что этот Бабаев предлагал оформить опеку над Володей — это, мол, даст возможность получить некую пенсию для сына Володи и ускорит его освобождение. Опекуном предлагалось назначить его сестру, у которой живет его 14-летний сын. Бабаев даже продиктовал текст заявления от имени сестры. Там говорилось, что она (ф.и.о. сестры) просит назначить ее опекуном над её психически невменяемым братом. Вопрос этот обсуждался в присутствии самого Володи и Володя сам под диктовку Бабаева набрасывал текст заявления. Но, насколько я понял, делал это Володя под впечатлением рассказа матери о нелегком материальном положении и о том, что сестра выражает недовольство из-за того, что на нее ложится материально непосильное бремя содержания и воспитания его сына. Текст этого заявления, адресованного, кажется, Собир-Рахимовскому райсуду г. Ташкента, мать должна была принести на следующий день Бабаеву, очевидно, для проверки правильности формулировок, а потом отправить в суд. Причем, матери разрешалось подписать это заявление от имени дочери. Бабаев решил, видимо, «ковать железо, пока горячо». Я сказал матери, что пока ничего подобного делать не следует, созвонился с Таней и спросил, следует ли ради какой-то мизерной пенсии давать им в руки заявление, где от имени родственников говорится о Володе, как о невменяемом, или же можно как-то самим определить помощь для его сына. Мне ответили, что подавать заявление нежелательно, а помощь постараются оказать.

На следующий день (или через день) мать опять получила свидание и в присутствии Бабаева сказала сыну, что друзья и близкие не советуют писать заявление об опекунстве и о сыне тоже побеспокоятся. Это, по словам матери, произвело очень хорошее впечатление на Володю и совсем обратное на Бабаева, который процедил, что друзья, видимо, не очень-то желают его скорого освобождения.

В это время Вы еще были на свободе и, очевидно, Таня рассказывала Вам об этом. Через пару дней мать Рождествова уехала к какой-то своей родственнице, а оттуда намеревалась вернуться в свою деревню. Как решили вопрос о помощи я не спрашивал, полагая, что товарищи в Москве сделают все возможное.

Попытки иметь свой глаз в этом заведении не увенчались успехом. Порасспросили знакомых врачей, нет ли у них работающих там знакомых коллег, но таковых не оказалось. Ведь те же не по линии Минздрава. Нашукали было одного врача-специалиста, который вроде был вхож в это заведение изредка, кажется, в качестве консультанта по каким-то болезням. Товарищ, который беседовал с ним, сказал ему, что родственник одного его друга попал в это заведение и нельзя ли, мол, с его помощью обменяться этому другу письмами со своим родственником. Тот, конечно, сразу смекнул, что речь идет о политическом, потому что для уголовных там проблем с письмами не бывает, и категорически отказал, намекнув, что не хотел бы сам стать пациентом этого заведения.

8 февраля 79-го меня арестовали, 6 марта определили к четырем года ссылки, а ровно через месяц — 6 апреля ночью из камеры меня «дернули» на этап к месту ссылки. В эту же ночь этапировали и группу заключенных 64/пб, которых доставили из психлечебницы в Таштюрму предварительно за три дня. Они считались уже почти вылечившимися и их везли в психлечебницы то ли вольного, то ли полувольного типа. Я ехал вместе с ними в одном «воронке» до Ташкентского вокзала, а потом в одном вагоне «столыпина» в направлении Новосибирска. Среди них оказался человек, который содержался в одной камере (или «палате») вместе с В.Рождествовым. Сам он попал туда за то что в белой горячке зарезал человека, пробыл он в 64/пб всего около пяти лет. Особо обстоятельно разговаривать с ними возможности не было — беседа прерывалась окриками конвойных, вроде: «Прекратить разговоры! Я вам, паскуды, сейчас позатыкаю рты!..» Но кое-что он успел сообщить. Передаю дальше со слов этого человека, которого зовут Лазаренко Виктор Митрофанович.

Примерно месяц тому назад (т.е., стало быть, в первой половине марта 1979 г.) у Рождествова В. при шмоне обнаружили письмо, которое попало к нему явно минуя цензуру. Стали его допрашивать и требовать, чтобы он рассказал, по каким каналам он получил это письмо. Допрашивал его в основном Бабаев Р.М., который примерно в это время уже стал «главврачом» (а его должность начальника первого отделения заняла некая Москвичева Людмила Александровна). И поскольку Володя отказался отвечать, то Бабаев, во-первых, сказал ему, чтобы он не рассчитывал на благоприятное для него заключение очередной медицинской комиссии, которая ожидалась в мае. А во-вторых, примерно полмесяца назад (т.е. во второй половине марта) ему каждый день стали давать медикаменты, от которых Володю «сгибает вчетверо», заставляет корчиться от боли. Называют эти медикаменты «трицитил» (в таблетках), «галапередол» (капли и таблетки) и еще какие-то уколы. Бабаев будто бы сказал Рождествову, что ему будут давать эти препараты до тех пор, пока он не скажет как получил письмо.

Позднее я просматривал рецептурный справочник, но подобных медикаментов не

обнаружил. Возможно, это какие-то новые препараты (я просматривал справочник издания — Киев, 1961г.), но может быть Виктор назвал не совсем точно. Я записал так, как слышал от него.

Виктора Митрофановича с группой УЯ 64/цб высадили не то в Алма-Ате, не то в Семипалатинске (точно не помню). Перед этим мы успели обменяться адресами. Он дал мне адрес своей матери, так как не знал определенно, куда его везут. Сказал, что можно списаться с матерью и через нее связаться с ним. Адрес его матери:

Кемеровская область,
Мариинский р-н, ст.Суслово, ул. Тракторная, 41
Лазаренко Агафене Ивановне.

О других политических в 64/пб, в том числе о женщинах, Виктор только слышал, но ни с кем, кроме Рождествова, он не знаком, не знает даже их имен. Изоляция между отделениями, по его словам, довольно строгая. Его койка была рядом с койкой Рождествова и, по словам Виктора, поддерживал с ним наиболее близкие отношения.

Рассказ Виктора я передавал и Тане, когда она была здесь. Подтвердит ли этот Виктор рассказанное им в другом месте, если дело дойдет до разборок — это дело его совести. Но если Вы сочтете необходимым как-то и где-то использовать вышеизложенные мои, хотя и косвенные (т.е. через второе лицо), показания, то я, разумеется, не возражаю. Наоборот, я буду очень рад, если смогу внести хоть мизерную лепту в борьбу против страшной мерзости — использования медицины в карательных целях.

Об аресте Татьяны Великановой 1 ноября, наверное, слышали по «Голосу». Вы не разговаривали по этому поводу с Москвой, какие подробности?

Копию своего заявления по поводу статьи Ю.Кружилина я, видимо, все же вышлю Вам для дальнейшего препровождения моему адвокату Шальману (через Сашу Л.). Один экземпляр я уже передавал через одного, который летел в Москву. Но, видимо, я его ошибочно принял за порядочного — Саша Л. не получил.

Всего доброго, привет супруге.

Получение этого письма, пожалуйста, сразу же подтвердите телеграммой.

С уважением,
Мустафа

4.XI.1979 г.

(Том 3, л.д. 117-118)

18. Письмо М. Джемилева А. Подрабинеку от 3 декабря 1979 г.

№ 6

Дорогой Саша!

Высылаю повторно текст письма от 4 ноября и копию своего заявления начальнику Устьнерской почты. Первый экземпляр заявления, т.е. начальнику почты, я отправляю одновременно с этим письмом.

От Иды тоже уведомление вернулось без её подписи, а письма от неё нет. Наверное, и она не получила. Сегодня я ей и еще по двум адресам pošлю телеграфные запросы.

А вообще, впредь большинство своих писем придется отправлять с объявленной ценностью. Может подзаработаю. С другой стороны, если письма вдруг перестанут пропадать, а писать приходится много, то на страховых уплатах за отправку оцененных

писем можно порядком подорвать бюджет. Но надеюсь, они мне не устроят такую свинью: какое-нибудь да письмо, хотя бы одно в месяц, оцененное, скажем, в полусотню руб. они все же должны «потерять» и, тем самым, компенсировать мои почтовые расходы.

Как поживаете? Вы с кем в тот день из Москвы разговаривали? Какие новости?

Почтового адреса Григоренко у Вас нет? Хотел бы их поздравить телеграммой с Новым годом. Письма — ни мои туда, ни мне оттуда — не попадают, а вот ко дню рождения штуки три телеграммы из Штатов я получил. Может и мою телеграмму пропустят.

Привет супруге. Всего хорошего.

Мустафа. 3.XII.79

(Том 1, л.д. 104)

19. Письмо М. Джемилева А.Д. Сахарову от 12 января 1980 г.

107120. Москва, ул. Чкалова, 48-б, кв. 68
Сахарову Андрею Дмитриевичу

Дорогой Андрей Дмитриевич!

Сердечно благодарю Вас за Ваше интервью корреспонденту американской газеты по поводу ситуации в Афганистане. Для меня, как мусульманина, Ваша твердая позиция по этому вопросу имеет особую ценность.

Если товарищи сочтут целесообразным обратиться в Верховный Совет СССР или куда-либо еще с требованием отставки или привлечения к ответственности лиц, санкционировавших это кровавое вторжение, то я непременно хотел бы быть в числе подписавших такое обращение.

Сердечный привет и наилучшие пожелания Елене Георгиевне, друзьям и товарищам.

С искренним уважением,

Мустафа Джемилев

12 января 1980 г.

(Том 3, л. д. 161)

20. Письмо М. Джемилева А. Подрабинеку от 19 января 1980 г.

№ 8.

Здравствуйте дорогой Саша!

Высылаю Вам еще две бумаги в связи с «утерянным» письмом: текст ответа начальника Устьнерской почты от 27.XII. и копию своего нового заявления. Вам ответили что-нибудь из прокуратуры? Я вот поднакоплю бумаг и, видимо, тоже обращусь к прокурору Зырянки. Это письмо они украли не очень аккуратно и надо бы воспользоваться свежими следами.

Ввиду того, что Вы не подтвердили телеграммой, как договаривались, получение копии, а письмо Ваше шло долго, я решил было, что последующие тоже перехватили. Поэтому я вынужден был копии отправить товарищам. Если бы еще какое-то время от Вас не было ответа, то я уже собирался созвониться с товарищами и попросить с копией сделать то, что предложили потом и Вы. Я так и понял, что третьи жулики-

читатели тоже нашли письмо не лишенным интереса и решили поэтому его «утерять».

По поводу Вашего предложения я телеграфировал Вам «согласен безоговорочно», но не уверен, будет ли правильным, если, как Вы говорите, исключить упоминание о Л.Викторе. Не потеряют ли показания немного свой вес? Между прочим, когда он рассказал всё это и дал мне свой адрес, я спрашивал, не возражает ли он, если я где-то и как-то подниму этот вопрос и сошлусь при этом на его рассказ. Он не возражал.

Как здоровье малыша? Хлопот с ним, конечно, будет немало, но зато и удовольствия не меньше — своё ведь чадо! мне такое удовольствие не перепало. О том, что я стал папой, мне объявили в 70-м в Лефортово, а когда освободился, то девочка уже бегала и звала меня на первых порах не папой, а по имени, решив, что если так ко мне обращается её мама, то и ей можно фамиллярничать.

С жильем у меня никаких улучшений, а наоборот. На днях в нашу комнату нахально вселили третьего, какого-то нагловатого комсомольца. Товарищ по комнате, с которым я жил и раньше, выезжал на новый год к родным в Узбекистан — он живет в Фергане. Я просил его поговорить с моими родными насчет возможности аккредитовать меня на приобретение домика. Оказалось, что возможностей таких нет — в связи с погромным выселением родителей и семей двух сестер из Крыма в Тамань все свободные средства и накопления пришлось им бросить туда. Да и то недостаточно — живут они в какой-то тесной лачуге, а вещи в основном под открытым небом.

Непосредственных стычек с ГБ у меня не было. Но распространение недобрых слухов, попытка создать соответствующую атмосферу вокруг меня, «собеседования» с теми или иными, чтобы те, во избежание неприятностей, держались от меня подальше, запреты (причем, только для меня) пользоваться телефоном общегития для междугородних переговоров и прочие пакости по мелочам, видимо, имеют какой-то первоисточник.

Сообщили, что 4 января в Самарканде Роллана осудили на 3 года строгого. Обвинили будто бы в том, что Роллан отвесил пощечину парткому университета.

По поводу УПК УзССР я сообщил ещё раз в Ташкент. Непонятно, почему так получилось — вроде бы очень понятно написал, а потом и по телефону разъяснил, что нужно выслать одновременно УК и УПК, рассказал даже где и на какой полке они лежат.

Получил наконец-то подробное описание процесса Решата. Председательствовал на суде, оказывается, тот самый Писаренко, который председательствовал и на моем и покойного Ильи Габая процессе в 70-м году.

Написал на днях письмецо А. Д-чу с просьбой о том, что если товарищи сочтут нужным где-то поднять вопрос об отставке и «импичменте» ответственных за афганскую авантюру, то чтобы в число подписавших заявление включили и меня. И вот сейчас думаю, не потерял ли я верную возможность получить энную страховку, ибо письмо к нему вряд ли попадет, а оценить его я забыл.

Всего доброго. Привет и наилучшие пожелания супруге и г-ну Марку А.П.

С уважением,

Мустафа

19.01.80.

P.S. Благодарю за фрадекс.

(Том 3, л.д. 194)

21. Письмо А. Подрабиника М. Джемилеву от 31 января 1980 г.

№ 10

Дорогой Мустафа, привет!

Как видите, я снова пишу от руки своим жутким почерком. Плачет теперь моя милая «эрика» в чужих и нелюбимых руках! Позавчера был обыск по делу № 46012, санкция прокуратуры Москвы. За 5 часов изъяли 48 наименований — «Хроники», наши «Информационные бюллетени», западные газеты, документы «Amnesty International», «Хельсинки», Рабочей Комиссии, письма от Вас, Черновила, Солженицына, Бахмина, «Доктора Живаго» и даже мои служебные бумаги. Говорят, что я составляю акты о нарушениях охраны труда на производстве (это моя обязанность) в антисоветских целях! Очень искали письма Т.М. Великановой. 46012 — это, по-видимому, дело «Хроники». Обыск вел зам. прокурора Якутии Дёмин. Знаете его? Помогали ему прокурор следственного отдела прокуратуры ЯАССР А.В.Сорокин и нач. райотдела КГБ (правда, представился иначе). Потом меня отвезли в прокуратуру и пытались допросить, но куда там! Еще устроили обыск на работе. Последнее Ваше письмо почему-то не взяли, а о Рождестве — забрали. Копию протокола обыска не оставили — «лучше лежит в личном деле, чем появится на Западе». И никаких замечаний и дополнений к протоколам обыска и допроса не дали сделать. На работе вообще провели обыск без санкции и постановления.

Ну, да ладно со всем этим.

У меня к Вам два вопроса. Во что Вы одеваетесь зимой, в смысле верхней одежды, — куртка, полушубок, телогрейка? Сколько денег нужно для покупки дома?

Слышал по радио о Вашей подписи под документом «Хельсинки» насчет Афганистана. Жаль весь документ не передали.

Насчет затерянного письма я в прокуратуру еще не писал (т.е. написал, но не отправил, хочу переписать, да всё никак не возьмусь). Хорошо бы, чтоб Вы возбудили гражданское дело против Усть-Нерского РУС — если дело примут к производству, то приедете сюда по повестке, погостите у нас.

В Москве всех вызывают в милицию, «предупреждают», советуют «прекратить» и угрожают выселением. Хоть бы Олимпиада отменилась! Танька вышла 29 января. С 11 по 29 держала голодовку, её возили «кормить» в «Тишину». Такие вот невеселые дела.

Марк наш вроде бы в порядке. Во время обыска я стирал пеленки, чем вызвал гнев Демина. Но я сказал, что мне на шмон наплевать, а на сына нет.

Высылаю несколько фотографий.

Как договорились, телеграфируйте подтверждение получения письма.

Ваш Саша П.

31.1.80 г., Усть-Нера

*(Том 3, л.д. 171, 193)***22. Письмо А. Подрабиника М. Джемилеву от 24.02. — 9.03.1980 г.**

№ 11

Дорогой Мустафа!

Здесь кое-что для согрева души, тела, желудка и легких. Дабы перлюстраторы не нажились, перечисляю:

1 Пуховая куртка

2 Пакет бульонных кубиков

3. Пакет супа-концентрата
4. 5 пачек «Явы»
5. Какао (в банке из под «Baby-Milex»)
6. Пачка буржуйской копирки
7. Две пачки индийского чая
8. Бумага

У нас дела плохие. 12 февраля арестовали Славку Бахмина. Он в Лефортово, но статью пока не сообщают. Через две недели после первого обыска (29 января) у нас был второй (15 февраля). Забрали еще 19 наименований — мою книгу (изд-во «Хроника»), сборник «Веление слова» («Посев»), письма и всякое другое. Копию протокола опять не оставили. Пока лежал в больнице (вирусный гепатит), уволили с работы. Впереди полная неопределенность...

Как у Вас дела? Почему на почте не принимают у Вас ценные? Как это?

У меня к Вам просьба. Сообщите мне («совершенно официально» — О.К.?) глушатся ли у Вас «Голос Америки» и другие зап. радиостанции, на каких диапазонах, в какое время и каков характер глушения? У нас глушат и мне надоело! Узнайте, пожалуйста, тоже самое у других ссыльных. Хочу все это собрать и ... Не нужно согласие на огласку.

Далее — сколько писем за какой срок пропадало (к Вам и от Вас). Телефонная связь: внутри СССР и за границу (подробности и точные цифры). Короче говоря, как у Вас там с правами на свободу получения и передачи информации?!

Помогите мне в этом начинании. Всем польза будет! Если Вы будете по этому поводу кому-либо из п.с писать, то сообщите мне, чтобы я не дублировал. Я в ближайшее время напишу Суперфину, Черновилу, Бегуну, Сквирскому, Слепаку, Коновалтсину, Романюку, Сапелику.

Как всегда, подтвердите получение посылки телеграммой.

Привет от Аллочки.

Жму руку. (Подпись)

24.02.1980 г.

P.S. Уже забил посылку, но тут передумал и решил дописать. Составил я вопросник, чтобы разослать ссыльным и решил, что очень скучно будет переписывать от руки во многих экземплярах. Может быть Вы сделаете экземпляров двадцать? У меня ведь машинку забрали (и вместе с лентой!). Захотите, сами разошлите, а можно мне отправить ценной бандеролью и я сам этим займусь. Если захотите тоже заняться этим (если есть склонность!), то дополните мои вопросы, чем сочтете нужным. Но пусть ответы пишут и мне и Вам — так надежнее. А потом что-нибудь придумаем.

На всякий случай посылаю соответствующей бумаги.

Еще я предлагаю списаться с другими ссыльными и подать в суды на почту одновременно. Так будет интереснее. Согласны?

А ценные бандероли у Вас тоже не принимают? Их ведь в закрытом виде принимают.
С. 24.02.80.

P.P.S.

Сильно задержался с посылкой. Алла тоже заразилась вирусным гепатитом и мы сидим дома, в общественных местах стараемся не показываться.

Получил Ваше письмо.

Ваш зам. прокурора Якутии — не мой. Мой русский, совершенно противного вида, с красным алкоголическим лицом и лысиной с перхотью! Но подозреваю, что с Вашим,

якутом, я встречался в якутской тюрьме (по поводу своей голодовки). Это Семенов, зам. прокурора ЯАССР по надзору за местами лишения свободы. Редкостный тупица. Убеждал меня, что в УК РСФСР есть раздел «Политические преступления» и что я со своей 190-1 отношусь к этому разделу. Московскому прокурору, санкционировавшему обыск, я написал. Теперь я откажусь на допросах по делу Бахмина и Великановой (если будут) давать какие-либо показания, пока мне не будут вручены копии протоколов обысков. Вполне уважительная причина.

Машинке я, конечно, был бы рад, здесь их совсем не бывает, но «Москва» это такое... устройство, на котором можно свихнуться. Обещали мне в Магадане что-нибудь достать, но если не получится, попрошу Вашей помощи.

А письма действительно уничтожайте. Меня вот жадность к воспоминаниям подвела. Теперь уничтожаю все письма. Что копить? Все равно гебня заберет.

Танька Осипова отсидела 25 суток, а голодовку начала, когда ей сообщили, что добавят к 15 еще 10. Голодала 20 дней, кормили её в «Матросской тишине». У Лавута был просто обыск.

Я Вам советовал подать в наш суд главным образом для того, чтобы Вы у нас погостили, если Ваш иск будет рассматриваться. Это называется использованием юстиции в личных целях.

От Чорновила я давно ничего не получал, с Нового Года. Одновременно с этой посылкой, посылаю и ему с лекарствами.

Насчет покупки Вами дома, станет известно ближе к лету. Я думаю достать 3,5 в долг. Напомните, когда у Вас ссылка кончается?

Марк у нас одет как денди, одежды ему пока не надо, спасибо.

Разнице между датой моих писем и почтовым штемпелем не удивляйтесь. Это моя вина. Столько забот навалилось, что ничего не успеваю.

От Аллочки привет.

Ваш А.П. 9.03.1980.

Последний P.S.! У нас Ирка Гривнина гостит. Впрочем, сейчас сама напишет.

(Том 3, л.д. 167)

22-а. Вопросник А. Подрабиника, направленный М. Джемилеву вместе с письмом от 9.03.1980 г.

«1. Сколько за определенное время (последний год, истекший срок ссылки) пропало отправленных Вами писем?

В том числе заказных, ценных?

Сколько Вами предъявлено к почте претензий?

Сколько из них удовлетворено?

Каким образом? (извинение, денежная компенсация)

2. Все тоже самое в отношении писем за границу.

3. Сколько писем к Вам пропало?

Из СССР?

Из-за границы?

4. В каком состоянии приходят письма, бандероли? (обычные, заказные, ценные)

5. Приходят ли к Вам вскрытые письма? (обычные, заказные, ценные).

Предъявляли ли Вы по этому поводу претензии к почте? Каковы результаты?

6. Возвращались ли к Вам уведомления о вручении с подделанной подписью получателя?

7. Удастся ли Вам звонить за границу?

Спрашивают ли у Вас при этом Ваш документ?

По каким мотивам отказывают в переговорах?

Сколько приходится ждать переговоров?

8. Как принимают телеграммы за границу?

9. Глушат ли у Вас передачи западных радиостанций?

Каких именно?

В каких диапазонах?

В какое время (московское)?

Характер глушения?

10. Вмешивается ли КГБ в Вашу переписку и телефонные переговоры?

Ваше мнение.

Факты.»

(Том 3, л.д. 168-169)

23. Письмо М. Джемилева А. Подрабинеку от 29 марта 1980 г.

№ 10

Дорогой Саша!

Большое спасибо за посылочку, но стоило ли беспокоиться, тем более в Вашем нелегком собственном положении! Так что признателен вдвойне.

Высылаю экземпляры вопросника. Перепечатал я его без изменений, но, полагаю, можно было бы внести некоторые коррективы.

Во-первых, по-моему, не мешало бы дать какое-то наименование этому вопроснику и снабдить его некой преамбулой (2-3 предложения) с объяснением его цели и значения.

Пункт № 3, очевидно, нужно сформулировать несколько иначе, потому что вряд ли можно точно назвать цифру пропавших писем на свой адрес, тем более из-за границы. Правильнее было бы, например, в форме: «Известны ли Вам случаи пропажи писем на Ваше имя (и сколько), в том числе:

а) от адресатов в СССР?

б) из-за границы?»

Есть ли смысл включать пункт № 4? То, что бандероли и посылки из-за границы подвергаются досмотру в московской таможне, не является секретом. Что касается писем, то и о них вряд ли что-либо можно сказать, т.к. их наверное «обрабатывают» квалифицированные люди. Впрочем, об этом я не могу судить, ибо за все время ссылки я получил всего лишь одно письмо (из Швеции) и оно было очень аккуратно запечатанным.

В пункте № 7, полагаю, можно исключить подвопрос «Сколько приходится ждать переговоров?», потому что тут правила такие же, как и при переговорах с внутрисоюзными абонентами, т.е. в течение часа говорят, состоятся переговоры или нет. Но если имеется в виду, сколько дней приходится ждать разрешения из Москвы, то это другое дело.

Я сперва не понял значения вопроса «Как принимают телеграммы за границу?», потому что отправлять их отсюда не приходилось. С целью эксперимента я вчера

попытался отправить одну телеграмму в США, хотя в этом другой практической необходимости не было. Написал текст на турецком языке латинским шрифтом — точно так я, бывало, отправлял телеграмму в США из Узбекистана и у меня их принимали. Здесь же на почте сперва сказали, что у них нет аппарата с латинским шрифтом и что вообще телеграммы за границу не принимают. Я ответил, что это неправда: аппарат с латинским шрифтом есть, и я уже получал несколько телеграмм из-за границы. Сотрудница сходила к начальнику и, возвратившись, опять сказала, что телеграммы за границу принимать не будут. Пришлось зайти к этому типу самому. Мне он сказал, что телеграмму могут принять, но только на русском языке латинским шрифтом. («Мы должны знать о чем говорится в телеграмме. Вдруг там у вас какие-то нецензурные ругательства!»). Я попытался напомнить о существующих правилах, о том, что адресат в другой стране может не понимать русского языка, но бесполезно. На русском и точка! У Вас тоже так?

Пункт № 9 довольно трудный, сразу на него не ответишь, надо определенный период специально рыскать по эфиру и фиксировать диапазоны, время и прочее. И потом, трудно определить, то ли действительно глушатся, то ли непроходимость волн из-за метеороусловий или случайных помех, то ли не слышно из-за недостаточной мощности станции. Один день, например, Би-Би-Си прослушивается в 23-00 так же отчетливо, как «Маяк», а на следующий день на этом же месте в это же время трескотня или, например, китаец пристроился и что-то рассказывает на своем языке.

Следует, по-моему, также изменить формулировку пункта № 10, т.к. КГБ сам, как правило, формально не вмешивается, а делает это посредством других.

Не совсем понятно, куда относятся последние вопросы «Ваше мнение? Факты?» — то ли к последнему пункту или же по всей анкете?

А вообще дело это, конечно, полезное, нужное и очень своевременное. Можно было бы добавить еще такой вопрос: «Подвергаются ли люди, с которыми Вы поддерживаете контакты, допросам и «собеседованиям» с целью выявления Ваших политических взглядов? Составляются ли при этом протоколы? Инспирируются ли всякого рода «заявления» против Вас? Известны ли Вам попытки завербовать окружающих Вас людей в осведомители против Вас? Имеете ли Вы достаточное основание полагать, что Ваше жилище прослушивается?» Я бы, например, на этот вопрос мог бы дать подробный ответ. Или это не относится к теме анкеты?

Если Вы сочтете необходимым оставить вопросник без изменения, то сообщите, я отвечу. Но все же окончательный вариант лучше выработать после выявления мнений хотя бы нескольких товарищей. Пока я высылаю Вам копию своего заявления от 29 февраля с.г., где затрагиваются и некоторые помянутые Вами вопросы.

Вы спрашивали точную дату истечения моего срока ссылки. С учетом времени пребывания под стражей в расчете 1:3 получается — 17 июня 1982 г., если, конечно, не придумают чего-нибудь другого. А интенсивные шаги в этом направлении уже делаются.

Сообщили лагерный адрес моего друга Джемилева Решата: 663301, Красноярский край, г. Норильск, Учреждение УП-288/15-1.

Из п/ссылных я поддерживаю переписку только с В. Чорновилом и Идой Нудель, но давно от обоих ничего не получал. После получения Вашего письма я отправлял Вячеславу телеграмму с запросом о его ситуации. В ответной телеграмме он сообщает, что у него «порядок относительный» и что подробности сообщит письмом.

Вышлите мне все имеющиеся у Вас адреса ссылных, только, пожалуйста, полностью имя, отчество и примерный возраст каждого.

Вы не в курсе, удалось ли адвентистам забрать из лагеря тело В.А. Шелкова?

Если не удалось, то это очень прискорбно. Помню, в Омской тюрьме во время моей голодовки начальник наведывался ко мне по ночам и тоже говорил: «В случае смерти не рассчитывайте, что ваш труп отдадим родственникам. Номерок на ногу, и зароем в своем кладбище...». Очень неплохо бы отвоевать хотя бы право быть похороненным своими близкими.

У Вас не найдется экземплярчик Вашей книги для меня? Знаю, знаю, что пограбили, но может быть все-таки где-то в заначке... А то много слышал о ней, а читать не довелось. У Вас как шмон, так обязательно находят что-то, просто завидки берут! А если придут ко мне, то придется наверное краснеть от стыда — ничего интересного нет. Хоть бы машинку что ли у меня конфисковали, чтобы я «с чистой совестью» мог приобрести новую: барахлит безбожно, а выбросить жалко — кровные рубли платил!

Бумагу Вы мне прислали в «фирменном» мешочке ЮНЕСКО. У Вас что, непосредственные контакты с этой организацией? Была у меня мечта, чтобы они один номер своего «Курьера» посвятили памятникам культуры крымских татар. Нельзя ли прозондировать их мнение на этот счет?

Как у Вас нынче с работой? В суд не подавали? Ведь во время болезни не имеют право увольнять.

Мое письмо от 4.XI. по поводу В.Рождествова тоже забрали при шмоне или Вы его успели спроводить куда надо?

Ирина Г. давно уехала? Очень жаль, что она не смогла приехать сюда.

Большой привет и всего наилучшего супруге, сыну.

Всего Вам доброго.

Мустафа.

P.S. Высылаемая книга — это вроде балласта. Ценные письма у меня не принимают, а бандеролью пока можно, вот я и вложил письмо в книгу, чтобы иметь возможность оценить. У Вас случайно нет экземпляра «Почтовых правил»? А то мне на почте их уже не дают, полагая, что я итак предъявляю к ним слишком много претензий, основываясь на эти правила.

29.03.1980.

(Том 3, л.д. 171, 193)

24. Письмо М. Джемилева не установленному следствием адресату в Узбекистане от 24.03.1980 г. на английском языке

Dear friend!

I was glad to receive your letter. Thanks for your care about my health and for your good wishes.

But I didn't understand some your words. You said in your letter that my opinion about our common work is wrong and I have no any correct idea concerning our affairs. Very likely that is really so, because I am living very far from our countrymen and I don't receive any regular and complete information according our «common work». But I'd like to know in what point namely, as you think, my notion is wrong and what is actually correct. Then, you are writing that in view of some events and circumstances you decided to know my point of view. But again you didn't write about what things and events you are interested with my

opinion. I hope that in the next letter you will in detail and clearly explain everything. Certainly, I'll try to answer to every your question.

You asked me about if it is possible to write in your letters the things in open text. I think that there must be one basic principle in writing letters: Everything that already became known to our foes cannot be regarded as any «secret» for other people. Of course, there is no any doubt that letters for me I read not the first. But in any case, I think, that is far better to inform each other than to be so excessively «cautious». The first brings far more profit than the second. As for me, I get accustomed to write everything in open text irrespective of that will my letters read the outsiders or not, because I always can repeat my words everywhere. Of course, there is some things which might be discussed only personally. But never forget that in our situation better to be desperate than super-carefull, because there is no very firm border between prudence and cowardise. There is a very just oriental proverb: «Most of all care for their skin those people, their ones cost nothing» (In Russian it sounds like: «Больше всех дорожат своей шкурой те, чья шкура ничего не стоит»).

I am not at all disturbed, as you think, about Gannibal's silence and I don't worry about his loyalty to me. It is enough if he will allways be devoted to our common cause. Only I wondered why he did not fulfil his promises about something that we discussed here.

I have wrote the letter in this language because you did not indicate the postal index on your envelope and I am sending this letter through our common acquaintance. But you may answer of course in Russian if you like, or in Crimean Tatar if you can.

Remember me to your family and to all our friends. All the best.

Mustafa (Signature)

24.03.80.

(Том 3, л.д. 155 — подлинник, том 3, л.д. 157-158 — перевод на русский)

25. Письмо М. Джемилева Фуату Аблямитову от 6.06.-8.08.1980 г.

Селям дорогой Фуат!

31 мая я отправлял тебе номер «Советской Колымы» за 30 мая с одной интересной статьей. Номер «Социалистической Якутии» за 24 мая, откуда перепечатана эта статья, я не смог достать даже для себя — быстро расхватали. Посылал я тебе эту газету без сопроводительного письма, поэтому почти уверен, что конверт не «затеряется». Сообщили из Узбекистана, что эту статью опубликовали и в «Ленин байрагы», снабдив ее своим комментарием, но, указав, что перепечатана из «Соц. Якутии». Очень оперативно, если учесть, что почта отсюда до Узбекистана добирается в среднем за 20 дней. Наверное, передали фототелеграфом.

Посылаю с этим письмом также копию своего заявления по поводу этой статьи с приложением своего ответа на предыдущую аналогичную статью и заявления К. Алексея. Саша Л. писал, что недавно и против Иды Нудель также была статья в местной газете. По-видимому, началась такая кампания. Только довольно топорно это у них получается, хотя, впрочем, и читательская публика не столь уж разборчива; бывало ведь, что проглатывали и не такое!

Гнусные статейки — это еще ничего, я слышал кое-что более интересное. Один человек мне передал, что местный гебистский начальник в некоем кругу завел речь обо мне и «выронил» такую фразу: «Неужели не найдется кто пристрелил бы этого гада!..» Насколько верно мне это передали, судить не могу, потому что тот человек

предупредил меня, что если я подниму где-то этот вопрос и сошлюсь при этом на него, то он откажется и назовет это клеветой. («Не хочу, чтобы и меня заодно нечаянно пристрелили...»). Это известие меня несколько подбодрило, но одновременно и удручило. Подбодрило, потому что если моя персона и здесь, где я, можно сказать, бездействую, вызывает такую животную ярость у нечисти, то полагаю, можно быть довольным собой. Но с другой стороны, это, видимо, признак приближения вплотную рецидива не слишком давнего чудовищного периода. А что касается в личном плане, то это меня почему-то совсем не беспокоит. Может быть это в какой-то мере объясняется и состоянием здоровья, в результате чего этот серый свет не кажется столь уж привлекательным местом, чтобы за него цепляться.

А еще недавно начальник-сексот на работе признался по пьянке, что ему поручили всеми способами придирааться ко мне и по каждому поводу писать рапорты о нарушениях мной трудовой дисциплины. Я ему как-то сказал, что он ведет себя со мной не в меру нагло, а он мне в ответ и выпалил, что если бы он поступал в отношении меня как от него требуют, то мне вообще не было бы житья, но он этого не делает, ибо он «тоже человек». И еще у этого «тоже человека», оказывается, произошел с гебистом такой разговор:

— А как он вообще, пьет иногда?

— Вот чего нет, того нет. Что греха таить — мы пьем иногда и на работе. А вот его еще не удалось ни разу уговорить хоть рюмку выпить.

— М-да, жа-аль!

Я знаю, что гебисты частенько не в мою смену приходят на работу и расспрашивают сослуживцев, «собеседуют» с ними обо мне. Но об этом мне они признаются только по пьянке и с оглядками по сторонам. В большинстве люди тут какие-то очень пугливые. А мне почему-то казалось, что в этом суровом краю должно быть как раз наоборот — ожидал увидеть людей прямолинейных, бесстрашных... Но по сравнению со многими из них многие из наших трусоватых сейчас мне кажутся просто героями. Поддерживаешь, например, с кем-нибудь добрые отношения и вдруг обнаруживаешь, что он становится каким-то настороженным к тебе, холодно здоровается или даже старается свернуть в сторону при встрече. Начинаешь ломать голову: «Чем же я его обидел? Что сделал ему плохого?..» Оказывается, с ним просто «побеседовали». Стоит с кем-то несколько раз дружески поздороваться, потолковать о том — о сем или просто пройтись отрезок пути вместе, то его вызывают, интересуются подробностями разговоров, предупреждают, предостерегают. И никому даже в голову не приходит ответить им: «А какое твое собачье дело, о чем говорили?..» Ты помнишь того молодого человека, который в прошлом году вместе со мной встречал вас в аэропорту и доставил нас на своей лодке в общежитие? Оказалось, что потом ему пригрозили отнять у него лодку, если еще хоть раз окажет мне такую услугу. Причем, об этом я узнал не от него самого, а от его товарищей. Но есть, конечно, и порядочные люди. Одним из свидетельств этого будет и то, что ты получишь это письмо.

Вообще, кажется, я наговорил тебе непропорционально много мрачных аспектов своего бытия. Есть и светлые стороны. Например, на днях собирается приехать из Янгиюля одна чудесная женщина — Сафинар. Получил от нее телеграмму о том, что она уже заказала билет. Только тут пока большое наводнение, самолеты не садятся и даже по улицам, как в Венеции, ездят на лодках, поэтому я ей телеграфировал, чтобы она повременила с вылетом. И еще не знаю, как мне удастся решить жилищный вопрос. Наверняка постараются создать как можно больше трудностей и побудить ее скорее уехать (если не смогут воспрепятствовать ее приезду).

Планировал, что может быть она привезет с собой и мою дочурку, но ввиду жилищных неудобств и усложнения ситуации это придется отменить. С отдельным домиком у меня ничего не получилось и, видимо, не получится. Мне передали, что имеется указание председателя райисполкома А.Е. Прокопьева о том, чтобы мне ни в коем случае не оформляли покупку дома.

Теперь на темы, затронутые в твоём письме.

Много материалов, которые были бы для меня весьма интересными, хранятся не только в национальном отделе публички. Например, неплохо было бы получить на первый случай ксерокопию или негативные микрофильмы очерка В.Хартаха «Исторические судьбы крымских татар» из «Вестника Европы» за 1865-66 г.г., кое-что из журналов «Крым» (довоенный), «Известия Таврич. ученой арх. комиссии», «Мир ислама» и др. Если все же доберешься до национального отдела, то постарайся заказать микрофильмы к книге А. Озенбашлы «Крым фаджиасы», Симф. 1925 г. (арабским шрифтом), книги и статьи И.Гаспринского и др.

По поводу своего каталога старик, возможно, темнит, но вполне может быть, что и в самом деле позволил спискам сгнить. Он до неприличия трусоват и неудивительно, если не только прятал в подвале, а даже закопал их в землю, хотя списки эти никак не содержат криминала и их можно было бы держать в открытом книжном шкафу, тем более, что его вряд ли когда-либо удостоят шмона. Твое впечатление о нем в общем-то верное.

Свой каталог ты мне все же вышли, но только в том случае, если он у тебя не в единственном экземпляре.

Как твои личные дела? Осложнений никаких не было?

С Еленой Георгиевной тебе приходится видеться? Как здоровье ее и Андрея Дмитриевича? Мне сообщили, что многие крымские посылали ему поздравительные телеграммы ко дню рождения, но интересно, какой процент ему вручили. Я-то, например, отправлял ему с телеграфным уведомлением и меня уведомили, что 20 мая вручили (если не врут).

Ты с Ириной Гривниной не знаком? Было бы неплохо, если познакомился. Саша Шустер, наверное, знает ее. Видимо, отправлю тебе письмо и для нее, отдашь ей и заодно познакомишься с ней, если не знаком еще. Чудесная она девушка, судя по ее письмам и действиям, известным мне.

Самому Саше Ш. месяц с лишним назад отправлял письмо на английском. Уведомление о вручении вернулось, а ответа не было. Правда, на бланке ден. перевода, полученного мной от него 13 мая, была и коротенькая записочка, но это он писал до получения моего письма. Как у него дела? Передай ему большой привет.

Саша Подрабинек телеграммой от 28 мая сообщал мне об аресте Тани О. Какие подробности, какую статью ей вменяют? Как дела у И.Ковалева? Что слышно о А.П.Лавуте? Очень жаль, что мы ничего не можем сделать для этих прекрасных людей, которые хоть как-то помогали нашим соотечественникам. Слава Богу, что хоть тамошние наши 18 мая как-то выразили к ним нашу признательность.

Как дела у Алексея С.? Я давно получил от него весьма содержательное письмо и тоже надо бы написать ему обстоятельно, но пока не выберу время. Впрочем, до отправки этого письма есть еще несколько дней, так что может быть приложу письмо и для него. А Елена Алексеевна действительно прекрасная женщина — достойная дочь Алексея Евграфовича!

Я уже сообщал тебе телеграммой, что Решату Д. собирались делать операцию. После этого новых вестей не было. Только Эбазер из Симферополя прислал адрес Красноярской тюрьмы-больницы, где он находится:

660048 Красноярск. УП-288/18 — инф.

Буквы «инф» означают, видимо, «инфекционный отдел», но почему он попал туда — не ясно.

Вместе с этим письмом отправлю также копию своего заявления местному прокурору с приложениями по поводу почтовых осложнений. Надо бы все высылаемые бумаги передать для ознакомления и Фикрету, он очень просил держать его в курсе всех моих дел.

Привет семье, всем друзьям, число которых на свободе, увы, весьма поредело.

Ну, всего доброго! Опять очень длинное получилось письмо. Получение немедленно подтверди телеграммой или, лучше всего, вызови на переговоры. Если что вспомню или будут до отправки еще какие-то новости, то допишу.

Мустафа

11.06.80.

P.S. Говорил, что допишу, если до отправки письма будут еще какие-нибудь новости, и вот накаркал себе новость.

12 июня утром часов в 9 пришел с ночной 12-часовой смены, разделся и только было стал засыпать, слышу стук в дверь. «Войдите!» Надо же, кому сказал «войдите!» Входят милиционер, прокурор района и еще несколько человек. Обыск. Просят встать, одеться. Послушно встаю, одеваюсь. Говорю, посидите и пока ничего не трогайте — я, мол, схожу умоюсь. Соглашаются, только говорят, что перед выходом из комнаты у меня должны сделать и личный обыск. Милиционер выворачивает карманы. Я спрашиваю, а по какому, собственно, поводу обыск и что собираются у меня выискивать. Ищут, оказывается, клеветническую литературу — рукописную и машинописную, согласно постановлению прокурора Москворецкого р-на г. Москвы, ведущего расследование по делу № 46616 (дело против А.И. Лавута). Прокурор говорит, что в соответствии с законом мне предлагается выдать эту самую литературу добровольно. Отвечаю, что рукописной и машинописной нет, но есть отпечатанная типографическим способом и очень даже клеветническая. «Давайте!» — говорит. Я прошу учесть, что отдаю добровольно и предлагаю номер «Советской Колымы» с той похабной статьей. «Гости» улыбаются и говорят: «Не-е, это нам не нужно». Затем начинают обыскивать сами. Правда, не столь свирепо, как это, бывало, делал следователь Березовский. Тот стервец, помню, в унитазаы лазил, диваны, подушки вспарывал. А тут просмотрят, прочтут и если не забирают, то аккуратно кладут на место. Впрочем, и искать-то особой необходимости не было: комната маленькая, все на виду. Перебрали все письма, выбрали штук полсотни по своему вкусу. Решили забрать и машинку. Я говорю, что она паршивая и, мол, намучаетесь с ней, лучше уж заплатить, как я, 135 руб. и купить новую... Но все же забрали. Говорят, что забирают не материальную ценность, а орудие изготовления клеветнической литературы. Тогда предлагаю им забрать заодно и ручки, карандаши, бумагу, ибо, если на то пошло, можно «изготовлять» и от руки. Но канцпринадлежности не забрали. Вообще-то следователь из Якутска стал было собирать в стопку писчую бумагу, копирку, но потом передумал. Копию протокола обыска прилагаю. Как видишь, изъяли и одно твое письмо, два письма от С. Алексея, два от И. Гривниной, одно от Саши Лавута, всю переписку с Сашей Подрабинеком.

На следующий день вызвали на допрос по делу А.Лавута. Задавались те вопросы, которые предлагал в своем поручении следователь из Москвы. Я не запомнил точно эти вопросы (а надо бы!), потому что не настроен был вообще вести разговоры на эту тему. Но запомнил, что вопросы были очень нескромные — как будто задаются не товарищу арестованного, а своему кровному стукачу. Хамство какое-то! Но возмущаться не стал, потому что здешний прокурор просто зачитывал чужие вопросы. Составили «Протокол об отказе от дачи показаний» с изложением моих мотивов. Дословно мотивы такие:

«По существу вопросов, перечисленных в отдельном поручении ст.следователя прокуратуры Москворецкого р-на г. Москвы относительно дела Лавута А.П., арестованного по ст.190-1 УК РСФСР, могу сообщить следующее.

Тов. Лавута Александра Павловича знаю, мне также хорошо известна его общественная правозащитная деятельность. Но я могу дать показания по всем вопросам лишь на судебном процессе, если процесс будет открытым, и я буду вызван в качестве свидетеля. Одновременно заявляю, что арест тов. Лавута А.П. считаю грубым нарушением советских законов и положений Заключительного акта Хельсинкских соглашений, которые советское государство обязалось соблюдать. Тем не менее, на открытом судебном процессе я мог бы дать исчерпывающие и беспристрастные ответы по всем перечисленным вопросам.

По поводу вопроса относительно изъятой у меня во время обыска 12 июня 1980 г. личной переписки с товарищами и родственниками заявляю, что они к предъявленному тов. Лавуту А.П. обвинению никакого отношения не имеют».

Заодно поговорили с прокурором и по поводу поданных ему мной заявлений. Ответ прокурора такой: «Ответа не будет». Как я понял, его вызывали по поводу этих заявлений в Якутск и сказали, чтобы он мне не давал никакого ответа, тем более письменного. Я попытался говорить, что самое высшее начальство в стране — это Верховный Совет, а согласно Указа Президиума Верховного Совета полагается на заявления и жалобы давать в определенные сроки письменные ответы, но... Прокурор разводит руками — он не может ослушаться предписания непосредственного начальства. «Значит, — говорю, — какие бы беззакония в отношении меня не совершались, мне нет смысла писать вам? Ответа не будет?» Прокурор предлагает писать выше. «Но ведь высшее начальство переправит заявление вам?» «Непременно». «А вы не будете отвечать?» «Выходит так». «Значит, нет смысла жаловаться на беззакония?» Прокурор не отвечает.

Во время обыска прослушали и все мои магнитофонные пленки. Как я понял, они хотели нарваться на пленку с записью моего телефонного разговора с Фикретом 19 октября прошлого года. (Прокурор предлагал мне отдать эту кассету добровольно). На эту запись они не нарвались, но зато наслушались турецких и крымскотатарских песен — обыск проходил под музыку.

Кстати, есть ли в Москве магнитофонные кассеты? Если есть, то вышли, пожалуйста, несколько штук.

Через три дня после обыска я писал письмо Саше Подрабинеку, но вечером того же дня радио сообщило об его аресте.

Получил телеграмму от Сафинар. Она вылетает 20 июня через Москву; возможно, она увидится и с тобой, я ей писал о тебе.

Всего доброго.

Мустафа

18.06.80.

P.P.S.

Селям еще раз, Фуат-бей!

Начал тебе писать около двух месяцев назад и все никак не могу отправить тебе свое письмо. Тот человек, который собирался заехать к тебе и передать мое письмо, после шмона у меня, очевидно, перепугался и вылетел в Москву, не предупредив меня. Придется теперь рискнуть отправить бандеролью по почте.

Сафинар вылетает отсюда 6 августа. Лететь она будет через Москву и постарается увидеться с тобой, но передавать письмо через нее, видимо, не буду, ибо она может подвергнуться обыску. 18 июля мы с ней зарегистрировались в местном ЗАГСе, так что прошу, как говорится, любить и жаловать — она теперь Сафинар Джемилева, моя супруга. Предполагается, что примерно через месяц — полтора она вернется сюда снова и будет жить со мной.

Я надеялся, что после олимпиады, возможно, мне разрешат в отпуск съездить к родным — во всяком случае, это было обещано в милиции. Но на днях начальник милиции Маликов И.Ф. сказал, что Якутск не дает разрешение на мой выезд, мотивируя опубликованной в газ. «Соц. Якутия» статьей о моем «неблаговидном поведении».

26 июля вечером из Якутска мне звонила Ирина Гривнина, которая прибыла сюда в связи с арестом Саши Подрабиника. Она говорила, что постарается заехать и ко мне, но через день из Новосибирска от нее поступила телеграмма, где говорится, что в связи с некоторыми неприятностями в Якутске она не смогла приехать ко мне, чтобы не навлечь эти неприятности и на меня. Похоже, что ее и подругу подвергли обыску.

На следующий день, т.е. 27 июля, меня вызывали в прокуратуру и допрашивали по делу А.Подрабиника. Копию своих показаний вышлю. Судя по одному из вопросов, подкапываются уже и под меня.

Есть ли у тебя какие-либо вести от Решата? На днях я получил свое уведомление о вручении ему моего второго письма, адресованного в Красноярскую тюрьму, но ответа от него еще не было. Да и подпись на бланке уведомления не его, а сотрудника тюремной администрации.

Получил на днях письмо и от Рустема Н. Из Саки. Он весьма признателен тебе за твою помощь, увез о тебе теплые воспоминания, называет тебя «настоящий мераметли ногъай».

Ты просил у меня хорошую фотографию — высылаю что есть несколько штук, выберешь сам. А в связи с чем понадобилась фотография?

Моя просьба относительно магнитофонных кассет отменяется — мой магнитофон прочно и основательно испортился: там вроде бы сгорели несколько сложных деталей. В Москве, наверное, куча новостей. Пиши, звони.

2.08.1980

26. Письмо М. Джемилева Р. Томпсон (Франция) от 25 сентября 1980 г.

8, rue Alfred Sisley,
78160. Marley le Roi, France

Дорогая М-ме Р.Thompson,

Высланную Вами посылочку я получил 23 сентября. Всё содержимое, в том числе и сопроводительная записочка, были в полной сохранности. Уведомление о вручении

(avis de réception) оказалось внутри пакетика, поэтому я решил переслать его Вам в своем конверте.

Очень признателен Вам за внимание и заботу. Весьма рад был бы также получить от Вас и письмо. Если Вам трудно читать по-русски, я мог бы отвечать Вам на английском, но, к сожалению, не на французском.

Прошу передать сердечный привет и наилучшие пожелания всем помянутым Вами моим друзьям во Франции.

Искренне,

Мустафа

25.09.80.

(Том 2, л.д. 212)

27. Письмо М. Джемилева Решату Джемилеву (г.Норильск) от 4 января 1981 г.

№ 7

Привет дорогой Решат!

Как я уже сообщал телеграммой, наконец-то я получил от тебя одно письмо — от 9 декабря. Надеюсь, в дальнейшем будут поступать все, если не будешь излишне эмоционален в выражениях. Важны подробные сведения о твоём здоровье, твоих делах и нуждах — всё это, полагаю, всегда можно изложить в спокойной, приемлемой для цензуры и понятной форме, не прибегая к крепким выражениям. А в каких числах ты «прохлаждался»?

Твои просьбы относительно фотографий я передам Нариману и в Ташкент. У меня, правда, есть фотография Наримана в военной форме (он присылал нам месяца два назад), но я её хотел бы сохранить для себя. Впрочем, если у Наримана не окажется больше ни одного экземпляра, то я перешлю тот, что у меня. Из Ташкента более-менее регулярно пишет мне только Фуат. Кстати, в своем последнем письме он сообщает о статье некоего Иззета Бекмамбетова — зам. начальника Ферганского облстатуправления в «Ташк. правде» за 5 декабря, где автор поминает Ролана, Идрисага, Айше, но саму статью почему-то не прислал.

На 23 декабря меня вызывали в п. Усть-Неру (ЯАССР), где должен был состояться процесс Саши Подрабинека. Вылетел я вместе с Сафинар в Якутск (ибо прямого рейса в Усть-Неру нет) 21 декабря и застрял там на целых 10 дней, потому что из-за непогоды аэропорт Усть-Неры не принимал самолеты. Судья тоже вылететь не смог, поэтому процесс отложили на неопределенное время, а мне предписали вернуться обратно. Вернулись 31 декабря, а на следующий день Сафинар слегла в постель — отразились наши мытарства и неурядицы за все эти дни. Сейчас ей уже немного лучше, но ещё не выздоровела совсем. Она передает тебе большой привет.

Видел я в Якутске и супругу Саши П., она тоже шлет тебе привет.

Как у тебя насчет бандеролей? Когда положено и что ты хотел бы получить? Концентраты (мясные кубики) высылать можно?

Вышли мне текст своего приговора и вообще тексты всех имеющихся у тебя бумаг по делу — может быть сочтем нужным обжаловать приговор в порядке надзора или каком-нибудь ином порядке. Мне присылали довольно подробную запись твоего процесса, но одно дело запись, а другое — официальные документы.

Всего доброго. Обнимаю. Мустафа.

P. S. Как видишь, я все свои письма пронумеровываю, и это письмо идет уже за № 7. Напиши мне, какие номера ты получил. Ввиду частой пропажи писем, я пишу под копирку. Так что, если не получишь по первому «заходу», могу посылать копии.

Прилагаю 2 конверта.

4.01.81

п. Зырянка

(Том 2, л.д. 221)

28. Письмо М. Джемилева Г.М. Александрову (г.Ташкент) от 21 января 1981 г.

21.01.81

Привет Григорий Матвеевич!

Твое письмо я получил как раз когда готовился к вылету в Якутск по делу А.Подрабинека. Отвечать сразу не стал, полагая потом, после возвращения написать более содержательное письмо и заодно рассказать о процессе. Но на суд мы не попали. Я говорю «мы», потому что вылетал вместе с супругой. Пробыли мы в Якутске 10 дней и вернулись обратно 31 декабря, так и не побывав в Усть-Нере. Точнее, не вернулись, а вернули. Из-за нелетной погоды не смогли вылететь из Якутска ни судья, ни конвой вместе с Сашей, ни Алла — супруга Саши. Процесс отложили до 5 января, и хотя мы были настроены выждать эту дату в Якутске или в Усть-Нере, милиция распорядилась, чтобы мы вернулись.

Более подробно о нашей поездке я рассказывал в одном письме, которое должно было попасть к Асану, а он, полагая, ознакомит с ним и тебя. В общем, они решили, видимо, что будет меньше хлопот, если меня на процессе не будет. Не понравилось, наверное, им и то, что я выехал не один, и если была задумка устроить мне в пути какую-нибудь шутку, то и дело несколько затруднялось. А попасть на процесс я очень хотел и вовсе не потому, конечно, что всерьез надеялся своими показаниями помочь чем-то Саше в смысле оправдания или вынесения более мягкого приговора — я по своему многократному опыту хорошо знаю, что никакие показания ни в коей мере не влияют на итоги подобного рода дел. Просто я хотел, чтобы в той глухомани, где должен был состояться спектакль, рядом с Сашей было хоть на одно дружеское лицо больше (тем более, что, как оказалось, никто из Москвы, кроме его супруги, выехать на процесс не смог). Поэтому-то я на предварительном следствии, вопреки своему обыкновению, не отказался наотрез разговаривать со следователем, а говорил (писал собственноручно в протоколе), что я могу очень подробно ответить на задаваемые мне вопросы, но только на судебном процессе. А у меня и в самом деле было что рассказать, если бы задавали те же вопросы, что и на следствии. Не исключалась, конечно, и вероятность того, что могли придаться к показаниям и распорядиться насчет возбуждения дела на предмет изменения моего статуса, но, сам знаешь, в таких случаях с подобными издержками считаться не приходится.

12 января слышал по радио, что Сашу приговорили к 3 годам строгого, но подробности пока неизвестны. Должна была написать его супруга, но письма пока нет, а если учесть, как ты говоришь, обилие в пути следования письма очень любопытных и жаждущих информации, то оно, возможно, и не поступит. Тут один из должностных лиц мне пророчит: «Следующая очередь, видимо, ваша...» А я ему:

«Ну что же! Нынче такие времена, что как-то даже неприлично становится быть на свободе слишком долго. Черт знает что могут подумать люди...»

Как твои дела? Всё ли в порядке дома? Передавай семье привет от меня и Сафинар. Перед приездом сюда Сафинар должна была заглянуть к тебе и поговорить кое о чем, но так получилось, что она не смогла.

Всего доброго. Буду всегда очень рад твоим письмам.

Мустафа

(Том 2, л.д. 224)

29. Письмо М. Джемилева Алле Подрабинек от 7 марта 1981 г.

№ 3

7.03.81

Здравствуйте дорогая Алла!

Получил высланную Вами посылочку и вот сразу же сел писать письмо. Надеюсь, Вы уже возвратились из Якутска — во всяком случае, полагаю, что пока мое письмо доберется до Москвы, Вы наверняка будете дома.

Будем, конечно, очень рады, если сможем получить подробное описание того спектакля. Заодно надеюсь, что Вы напишете подробно как съездили к Саше на свидание, его обстоятельства. Конечно, плоховато, что режим общий — в том смысле, что придется жить долгое время среди мелкой шушеры, преимущественно хулиганья. Но, с другой стороны, у него не будет «законных» ограничений на переписку, а это, я думаю, для него большое дело. Я написал ему письмо как только получил Вашу телеграмму с адресом. Но я почему-то думал, что зона на Большой Марше строгого режима и, не рассчитывая на ответ, просил его о получении моих писем информировать Вас. А так, выходит, что я могу получить и ответ. Пока, правда, не вернулось и уведомление о вручении, хотя уже и пора бы.

С Верховным Судом я рассчитался, т.е. он (этот самый суд) рассчитался со мной — после получения Вашей телеграммы я послал туда заполненный формуляр заявления, который тогда мне давал Федоров, вместе со своими авиабилетами и квитанциями за гостиницу и через несколько дней получил по почте 115 р. 60 к. А как с Вашими издержками? Ведь у Вас тоже была повестка «в качестве свидетеля». Затребуйте выплату обязательно, если еще не затребовали, причем, за оба Ваших путешествия — ведь не по Вашей вине откладывали процесс.

Как у Вас решился вопрос с пропиской? Если не получается, то какие планы? Но я думаю и надеюсь, что этот вопрос решится благополучно. Не звери же тупорылые там, наверное. Ведь оттого, что помучают супругу и ребенка человека, который предположительно порочил строй, не станет же этот строй более непорочным — это-то они должны понять, ежели не идиоты. Как здоровье малыша? Надеюсь лучше? Как Вы себя чувствуете? Вы хоть выздоровели немного перед поездкой к Саше или бросились опять в путь как только стали известны его координаты? Берегите себя — это самое нужное, что Вам сейчас следует делать для Саши, чтобы он там был спокоен.

Большой привет шлет Вам Сафинар. Ей сейчас значительно лучше. Тошноты все же бывают, но несколько реже. Только она острее стала ощущать теперь недостаток кислорода — то ли время года такое, то ли это объясняется общим её состоянием, не пойму. Порою просто задыхается и как рыбка, вынутая из воды, начинает усиленно дышать ртом. Я ей предлагаю уехать на определенное время в Узбекистан или, еще

лучше, к моим родителям в Тамань, где ближе море, но она отказывается. Ей почему-то кажется, что как только она уедет, то со мной обязательно произойдет что-то нехорошее. У меня состояние значительно лучше. Сафинар упорно по утрам пичкает меня прополисом или медом натошак, а это, видимо, дает положительный эффект. Ну а теперь, после высланных Вами пилюль, наверное, станет еще веселее.

В конце января у меня тут опять произошел скандал с почтой. Подробно об этом случае я писал в своем заявлении на имя местного прокурора, копию которого прилагаю. Если это дело, т.е. подделка моих подписей под уведомлениями, практикуется давно, то, надо полагать, у меня украли изрядное количество писем, а отправители, получающие обратно свои уведомления, наверное полагают, что я ленюсь им отвечать. Как бы дать им понять, что тут дело не в моей лени, не знаю. Заявление это Зырянский прокурор направил в Якутск, и оттуда 13 февраля прибыла некая комиссия из трех человек, вроде бы работников республиканского управления связи. Говорили, что будто приехали по распоряжению республиканской прокуратуры для расследования обстоятельств, но, как выяснилось, основная их задача состояла в том, чтобы выудить остававшиеся у меня два вещественных доказательства и «разъяснить» мне, что, дескать, никакого жульничества не было. Как я и предполагал, они сразу же заявили, что подпись работника Зырянской почты на бланках не липовая, а настоящая: просто, мол, те работники, которым я эту подпись показывал, должно быть, не разглядели или ошиблись. А кому именно все же принадлежат подписи, конечно, не говорят. Это, оказывается, мне знать не обязательно. По поводу штемпеля: дескать, ввиду предпраздничной загруженности в отделе сортировки Зырянской почты вынуждены были достать старый списанный штемпель и проштемпелевать некоторые письма. Это всё со слов руководителя приехавшей комиссии, с которым я разговаривал в кабинете прокурора района — он начальник какого-то управления связи. А причем тут предпраздничная загруженность, когда письма были мне вручены через 25 дней после праздника и почему же тогда на одном и том же бланке уведомления два разных штемпеля (обычный и «списанный») — это он пропускает мимо ушей. По главному вопросу — по поводу подделки на бланках моей подписи — сей начальник сперва пытался даже перейти, так сказать, в контрнаступление и выдвинуть предположение, что с таким же успехом мог подделать свои подписи я сам, поскольку бланки были у меня в руках. Но, правда, быстро прикинул, что это дохлый номер, да и прокурор подтвердил, что до того, как забрать бланки из почты, я поставил прокуратуру в известность относительно подделки. Тогда он начал юлить: «Ну что же тут страшного? Никто не подделывал вашу подпись и кому это надо! Просто, может быть кто-то заинтриговался вашими закорючками арабским шрифтом и думает, дай я тоже попробую... Стоит ли из-за этого беспокоиться!..» И прочие подобные глупости.

Заодно эта комиссия провела с работниками почты «политико-воспитательную работу» на тему какой я враг отечества и как со мной нужно уху держать востро. Узнав об этом, я позвонил с работы тому самому руководителю комиссии и спрашиваю, какое он имеет право вести против меня такую хулиганскую пропаганду. А он отвечает, что никакой пропаганды не было и что он имеет право делать своим работникам такой инструктаж, какой сочтет нужным, и он не позволит мне соваться в его дела. Еще он, оказывается, распорядился лишить премиальных одного или двух работников — это за то что уведомления с липовыми подписями вручили мне в руки, чего, оказывается, делать не следовало. Теперь мне расписываться на уведомлениях ни к советским, ни к зарубежным письмам не дают, говорят «не положено». Впрочем, после визита той

комиссии больше писем из-за рубежа не было, кроме одного из Швеции на имя Сафинар.

Узнайте, пожалуйста, Алла, получил ли А. Шустер мое письмо от 12 января, где я подробно писал о нашей поездке в Якутск по делу Саши. Почтовое уведомление вернулось давно, но без его подписи. Кроме того, я его просил в письме, чтобы он как-то известил сам о получении, но от него ничего нет. И еще я хотел бы знать, получила ли Елена Георгиевна мои письма от 31.10.80 г. (в книжной ц/бандероли) и от 21.12.80 г. — оба по московскому адресу. Вы не сможете созвониться и узнать? Если не получила, то я хотя бы потребую компенсацию за утерю ц/бандероли.

Имея ввиду Вас и одного француза, который грозился выслать мне любые нужные медикаменты, и который, кстати, молчит уже 4-й месяц (видимо, опять из-за почты) я похвастался одному товарищу, спрашивавшему у меня, не нужны ли какие-либо лекарства от желудка, что сам смог бы выслать ему импортные медикаменты. И вот теперь он спрашивает, не найдется ли какое-либо снадобье для его дочери, которая страдает от ожирения. Девочке 14-15 лет и у неё 37 кг лишнего веса — видимо, это какая-то острая болезнь. Очень жалко девочку, да и товарищ очень хороший. Не смогли бы Вы что-нибудь подыскать на этот случай? Если что-то найдется, пришлите мне или непосредственно ему самому. Адрес: 334310. Крымская обл., Саки, с.Лесновка, ул.Садовая, 28, Насруллаеву Рустему. Кстати, это тот самый товарищ, который в ответ на мою просьбу подыскать для Кирилла после его освобождения квартиру на пару месяцев в Крыму, незамедлительно написал: «Мой дом к услугам Кирилла и всех, кто будет с ним, на такое время, сколько потребуется...»

Перед Новым годом он был в Москве, виделся с Иваном и Володей и, похоже, вернулся очень подавленным — хотел им дать кое-какие сведения о выселениях в Крыму, но встретил с их стороны довольно ощутимый холодок. Чуть ли не пришлось упрашивать, чтобы Ваня куда-то записал сообщаемую им информацию. Правда, Рустем просил меня не говорить об этом никому, дабы не обидеть их — ведь у них свое горе, их жены сидят за решеткой. Но я решил все же написать Вам (с оговоркой, что разговор между нами), чтобы Вы посоветовали с кем там в таких случаях следовало бы нашим поддерживать контакты. А к Ивану, видимо, обращаться больше не будут — похоже, он далеко не замена нашему дорогому Александру Павловичу.

А 26 января у Рустема гебисты произвели свирепый обыск, забрали рукописи И. Дзюбы, 2 книги Александра Исаевича, кое-какие бумаги на крымские темы и, главное, составленные им карты расселения кр. татар по трем районам Крыма, где возле каждой фамилии указаны дата его прибытия в Крым и прописки — очень красноречивый документ, если принять во внимание, что интервалы между этими двумя датами во многих случаях достигают 3-5 лет, а то и более. Очень, говорит, интересовались письмами от меня и Фуата, но таковых при обыске в доме не оказалось. Еще раньше на него напали какие-то «хулиганы» — профессиональным ударом сбили с ног и забрали кое-какие бумаги, а деньги и прочее, правда, не тронули.

За рок-оперу большое спасибо, но не смогли бы Вы мне прислать и переписанные английские тексты к ним? Чувствую, что очень загружаю Вас своими просьбами, но это, разумеется, не к спеху, а лишь по возможности.

Что слышно о Танечке, Ирине, Б.Вячеславе, А.Павловиче? Как только станут известны чьи-то адреса, пожалуйста, сразу напишите. Как поживает К.Алексей?

Передайте от нас привет матери, Танечке, друзьям.
Всего Вам доброго.
Мустафа.

P.S. Получение, пожалуйста, подтвердите телеграммой. Прилагаемые бумаги: заявления от 25.01. и 13.02.81, п-мо пр-ра № 100 от 13.01.

(Том 2, л.д. 225-227)

30. Письмо М. Джемилева Ларри Маргитич (Бостон, США) от 25 ноября 1981 г.

№ 4

25.11.81.

Дорогой Ларри!

Посылку, отправленную Вами 31 августа, я получил 11 ноября. Большое Вам спасибо в том числе от нашего Хайсера, хотя сам он пока лишь мочится под себя и не подозревает, что о нем беспокоятся дяди аж из Соединенных Штатов. Почти все было в полной сохранности, только, к сожалению, оказался разбитым симпатичный термометр «Ballo».

Дней двадцать с лишним назад я отправлял Вам письмо, надеюсь получите, но на всякий случай я вкратце перескажу содержания обоих своих предыдущих писем.

В письме от 26 августа я сообщал о получении высланной Вами 22 мая посылочки и о рождении 14 августа нашего сына.

Письмо от 2 ноября было ответом на Ваше от 1 октября. В этом письме, кроме прочего, я просил Вас, если есть возможность, созвониться с моим братом Фикретом Юртером (Commack, NY), от которого я давно не получаю вестей, и узнать о его делах, здоровье семьи, передать от нас привет. Его телефоны: домашний — (516)4997423, рабочий — (212)7854069. Писал также, что был бы рад получить те учебники турецкого языка, о которых Вы говорили в своем последнем письме. В конверт были вложены и две фотографии.

Бандероль с детскими книжками, о которой Вы писали, еще не поступила, но я надеюсь, что мы её всё же получим.

Если в течение определенного срока я не получу от Вас ответа и на это своё письмо или если не вернется обратно почтовое уведомление о вручении, то я начну посылать Вам с некоторыми интервалами копии всех своих писем, до тех пор, пока не получу подтверждения о вручении. По поводу судьбы своего письма от 26 августа на днях обращусь на почту с официальным запросом.

У нас пока относительно все благополучно, я работаю на прежнем месте, а Сафинар (моя супруга) постоянно дома вместе с нашим младенцем. Она шлет Вам большой привект. Самое большое беспокойство сейчас вызывает состояние нашего большого друга и его супруги. Полагаю, что сведений о них у Вас не меньше, чем у нас. Если Вы знакомы с их сыном Алексеем (он, вроде бы, учится в Вашем городе), передайте ему от нас большой привет.

Сердечно поздравляем Вас и Ваших близких с наступающими праздниками Рождества и Нового года. Дай Бог Вам доброго здоровья и успехов во всех Ваших делах.

С искренним уважением,
Мустафа.

(Том 2, л.д. 214)

31. Письмо М. Джемилева Аблямитову Фуату (Ташкент) от 7 апреля 1982 г.

7.04.82

Селям дорогой Фуат!

Твое письмо от 20.02. получил давно, извини за задержку. Правда, я не посещаю никаких курсов по усовершенствованию, но делов, хотя мелких и незначительных, особенно в связи с потребностями нового и самого властного члена нашего семейства, все же бывает всегда по горло. Спасибо за международные конверты. Кстати, недавно резко повысили цены за отправку корреспонденции за рубеж; теперь заказное письмо с уведомлением обходится примерно 1 р. 65 к., так что переписку с «pen-friend»ами придется несколько сократить.

От Айше кое-какие вести время от времени получаю и я, но о том, что она будто бы даже скучает по Узбекистану или, скажем, по Мордовии, где она тоже отбывала года три, мне как-то не сообщали. Да и скучать-то, по-моему, у нее мало времени, потому что она постоянно в поездках по разным странам. Привожу некоторые выдержки из полученных мной писем, где говорится о ней.

Маргарет Кильберг (Стокгольм, 7.02.82 — в переводе с англ.):

«Мы слышали о Вашей сестре и ее муже Ибрагиме. Он из Болгарии, но говорит на вашем языке. Ваша сестра имеет большие успехи, как в своей работе, так и по части встреч со многими людьми. Было бы очень приятно увидеть её снова. Она очень рада вестям от Вас и известию о рождении у Вас сына...»

Хакан Кырымлы (Анкара, 15.02.82):

«...Apteniz geçen yıl Haziran ayında evlendi. Toyuna gitmek isterdim ama çok olduğu için kısmet olmadı. Enişteniz Bulğaristan Türklerinden birisi. Adı İbrahim Hüseyinov. Sizlere çok selamları var...»

Получил дней пять назад письмо и от её мужа, датированное 23 февраля. Письмо добиралось долго, потому что он отправил не прямо ко мне из Штатов, а сперва Хакану в Анкару. В числе прочего он пишет:

«...Apteniz her zaman her an kardeşlerini düşünüp onlara yardım için elinden geleni esirgemiyor. Her yerde «pen-friend»leri var. Onlardan temas ediyor. Hiç durmadan sesini çıkarıyor. Büyük ağanız ve Mamedî kardeşiniz için doktorlara gidip hastalıkları için yardım etmelerini istedi. Belki faydası olmuştur. Apteniz gezmeyi de çok seviyor. Bu geziler artık netice vermeye başladı. İnşallah tüm kardeşlerimize selamet olur. Vatandaşlardan mektuplar kesildi. Apteniz olar için de çok kahırlanıyor. Sebebi belki hasta olmalarıdır...»

Хакан недавно прислал мне опубликованную в номере журнала «Turk Kültürü» поэму «Бахчисарайский фонтан». Высылаю тебе переписанный мною текст. Мне она очень понравилась, но вовсе не из-за того, что там упоминаются добрым словом и Джемилевы.

Получили поза позавчера телеграммы о благополучном освобождении Решата и Мамеди. Очень рады. Надеюсь, ты уже виделся с Решатом? Кстати, в письме мужа Айше есть и такие слова: «Size bir kötü haber yazmak istiyoruz. Büyük ağanızın ağası 22-de vefat etti. Allah rahmet eylesin» Как я понял, речь идет о смерти 22 февраля родственника Решата Мидат-агъа. Сообщи, пожалуйста, об этом Решату.

У нас сравнительно благополучно. Наиболее значительной новостью за последнее время можно, наверное, считать приезд сюда двух гебистов (1-2 апреля) из Москвы и Якутска. В основном интересовались куда мы собираемся ехать после окончания срока ссылки, хотя, как я понял, они были уже в курсе, что собираемся в Крым.

Рекомендовали не делать этого, ибо сие, оказывается, чревато большими осложнениями для них и, особенно, для нас. Московский оказался весьма осведомленным о всех наших делах и заботах, знает обо мне, моих родных и моих контактах с близкими чуть ли не больше меня. Просветил меня о том, кто из наших чем занимается, какие существуют течения и настроения среди крымских. От друзей черта с два дождешься такой интересной и богатой информации! Беседа была очень мирной, без обычных угроз и шантажа, если не считать очень вежливого их упоминания о возможных последствиях нашей попытки прописаться в Крыму и того обстоятельства, что они привезли с собой кое-какие изъятые у меня во время позапрошлого шмона бумаги, дабы дать мне понять, что при желании они всегда могут выкроить из них для меня ещё раз статью 190-1 УК РСФСР.

Я тоже вежливо поблагодарил их за визит, сопряженный с такими немалыми дорожными расходами из бюджетных средств, но по поводу Крыма и вообще будущего своего поведения сообщил, что буду, очевидно, руководствоваться собственными соображениями и правосознанием, а не рекомендациями, исходящими от органов, в дружелюбии и симпатии которых к себе и к своим соотечественникам имею некоторые основания сомневаться.

Были конструктивные советы и по поводу разумности тех или иных мер, если я решу возобновить вопрос об эмиграции. Гость из Москвы высказал мнение, что будет более реально, если я буду оперировать приглашением из Израиля, а не из США.

Наконец-то недавно получил письмо от Александра Павловича. Письмо очень приятное, хотя о себе он там почти ничего не пишет. Передает приветы всем друзьям.

Значительно хуже дело у Саши Подрабинека. Он провел 115 суток в изоляторе и здоровье его, надо полагать, весьма подорвано. В первой половине марта он должен был выйти из ПКТ в зону и я надеялся получить от него письмо, но письма не получил и опасаясь, что ему опять дали новый срок ПКТ. Его супруга писала, что Саше угрожают «крыткой», т.е. тюремным режимом на весь срок. Приезжавший сюда якутский гебист тоже отзывался о нем в злых тонах. Утверждал, что во всем виноват сам Саша — дескать, нарушает лагерный режим, отказывается от работы сам и других на это подбивает. Но я больше склонен верить его супруге, которая пишет, что они специально строят Саше козни.

С Гр. Ириной у нас переписка в общем регулярная. Недавно получил от неё приятное звуковое письмо. Я писал ей, что если что-то понадобится из Узбекистана, то она может обратиться к тебе, дал ей твой адрес. Она ответила, что было бы неплохо получить для дочери изюм и курагу, но обращаться с этим к тебе считает неудобным, т.к. она знакома с тобой не достаточно близко. Я заверил её, что ничего неудобного в этом нет, но сообщил, что по поводу кураги и изюма напишу тебе сам, поскольку письма от тебя долго не было, то эту просьбу я изложил Баснаеву Мустафе из г.Той-Тепи и просил его о своих возможностях сообщить мне телеграммой. Прошло уже довольно много времени, а телеграммы всё нет. Наверное, письмо мое до него не дошло.

Какие у тебя планы на лето? В сторону Крыма выехать не сможешь в июле? Там бы встретились, а потом вместе бы приехали в Узбекистан.

Сообщи, пожалуйста, Асану, чтобы он срочно переслал мне ценным письмом мою трудовую книжку. Я бы хотел, чтобы при увольнении сделали соответствующую запись на старой книжке, а не заводили новую.

Письмо отправлю с очередной книжицей на сохранение, её нам присылал как-то

один товарищ из Франкфурта. Если нетрудно, пожалуйста, получение извести предварительно телеграммой.

Сердечный привет брату, всем близким. Сафинар и Хайсерчик, разумеется, тоже шлют свои приветы.

Как насчет чебаков? А то у меня сейчас они в комнате сушатся, могу выслать, если надо — это тоже сообщу в той же телеграмме.

Всего доброго. Обнимаю.

Мустафа (Подпись)

(Том 4, л.д. 151-152)

32. Письмо М. Джемилева И. Гривниной от 27 апреля 1982 г.

27.04.82

Дорогая Ирина,

Большое Вам спасибо за очень приятное звуковое письмо, «бэбимилексы» и буржуйские конфеты. Извините, что несколько задержал с ответом — с ма́лышом, оказывается, так много забот, что братья за книгу или ручку удаётся лишь от случая к случаю. Хотел также послать Вам кассету со звуковым письмом, но наш драндулет работает лишь по своему настроению и в последнее время что-то совсем плохо записывает.

Мы уже потихоньку готовимся к отбытию из этих краев — отсылаем кое-какие свои вещи, книги, дабы облегчить груз при выезде, а кое-что из пожитков продаем соседям, дабы поднакопить деньжат на дорогу. Хотим сперва поехать в Абинск, где нынче живут мои родители и две сестренки с семьями, а потом решим где пристроиться. Жить в Узбекистане, хотя там очень много друзей и родных, мне не хочется — дуже опостытели рожи тамошних детективов и персонал Таштюрьмы (ведь чуть что сразу туда суют). Попытаться прописаться в Крыму почти безнадежно. Тут недавно были двое гебистов — один ваш, т.е. москвич — спец по проблемам моих соотечественников, весьма осведомленный молодой человек лет 33-35, а второй из Якутска. Тоже предостерегали, чтобы мы не вздумали ехать в Крым, ибо, мол, будут только лишние хлопоты как для них, так и, в особенности, для нас. Для пущей убедительности они привезли с собой кое-какие бумажки, которые утаскивали у меня во время позапрошлогоднего шмона — дескать, стоит нам захотеть, а материалов тут на очередной, 6-й процесс уже достаточно...

В общем, поедем, наверное, все-таки в Крым. Остановимся пока у тамошних друзей, а потом... Что будет потом известно Аллаху и, наверное, немножко гебистам.

От Фуата долго не было писем, и я насчет кураги и кишмиша писал другому товарищу в Узбекистане — Мустафе Баснаеву. Он сообщил мне телеграммой, что посылочку отправил 10 апреля. Получали? Буду только рад, если еще чем-то смогу быть полезен.

3-4 апреля освободились двое моих соотечественников — Дж.Решат и Чобанов Мамеди. Через дня четыре Решат звонил нам сюда и говорил, что он тоже с супругой поедет в Абинск и встретит нас там. Вышел он с очень подорванным здоровьем, сейчас лечится. То же самое и у Мамеди.

Вы телевизор смотрите? Где-то в начале апреля выступал с самобичеванием (читал по бумажке покаянную речь) некто Болонкин. Вы его знаете? Сам я эту передачу не

видел, был на работе, но видела Сафинар, да и то не с самого начала. Прибежала к ней соседка, у которой есть телевизор, и говорит: «Беги скорей. Там одного из ваших показывают!» Очень противное, говорит, было зрелище.

Какие новости у вас, что сообщают из Москвы? Голоса глушат основательно и мы почти не в курсе где что творится.

Что-то я никак не могу наладить связь с О.Танечкой. Вы не пробовали?

Говорят, что недавно по «Свободе» («Азатлык») на казанско-татарском языке читали выдержки из книги А.Фишера «Крымские татары». Вы бы не смогли по своим каналам добраться до этой книги? Пускай хоть на любом языке. И еще вышеупомянутый москвич говорил, что недавно издали материалы моего и И. Габая процесса в 70-м году под заголовком «Шесть дней. Белая книга о суд. проц. И. Габая и М. Дж-ва», но увидеть её мне, наверное, вряд ли удастся.

Как, вообще, у Вас с чтивом? Много присылают? Я тоже получал несколько книжек из Италии, Швеции, Штатов и Турции, но большинство путёвых книг не пропускают. Не пропустили 2 Корана (на арабском и турецком) из Анкары, Библию (на англ.) из Стокгольма, 4-томник «A Social History of England» из Вероны и многое другое. Видать, «самая передовая в мире идеология» чувствует себя не совсем уверенно даже перед идеологиями, сформировавшимися тысячелетия тому назад.

Привет Вам и дочурке также от Сафинар. Девочка по Москве не очень скучает?

Зисельсы еще не приезжали к Вам? Что слышно о Раисе Р.? Какой у неё нынче адрес?

Полетим мы, наверное, через Москву. Хотелось бы увидеться кое с кем из оставшихся там друзей, навестить Аллочку Подрабинек. Только не знаю, удастся ли нам заехать и в Киржач. Неплохо было бы познакомиться и с Володей, Вашим мужем — я слышал о нем так много хорошего. Где его там можно найти? У него есть телефон? Я задаю Вам так много вопросов, потому что до конца нашего срока пребывания в Зырянке надеюсь получить от Вас письмо. В Абинске мы будем по адресу:

350320. Краснодар. край, г. Абинск, ул. Красноармейская, 46. Сеитвелиевой Диляре.

Это моя сестренка. Там же живут и родители. Пробудем в Абинске, наверное, дней 20-25. Потом надо будет съездить в Узбекистан. Оттуда очень неплохо было бы сделать прыжок и к Вам, но, видимо, будет куча разного рода препятствий. Посмотрим. А в Крыму мы скорее всего остановимся пока у Рустема.

Всего Вам доброго.

Мустафа.

P.S. Письмо отправлю ценной бандеролью с какой-нибудь балластной книгой — так вроде бы реже теряются.

(Том 3, л.д. 200-201)

33. Письмо М. Джемилева Алексею Смирнову-Костерину (Москва) от 27 мая 1982 г.

27.05.82.

Привет дорогой Алексей!

Благодарю за письмо от 12.03. Хотя и пишешь ты довольно редко, но зато твои письма у меня всегда в числе самых приятных. Только хреново, что и при шмонах забирают их у меня с большим удовольствием.

Дай Бог, чтобы «гонки» у тебя там не завершились нежелательным финишем (чтобы они, сволочи, не догнали, а поскользнулись бы и разбили себе рыло).

Я полагаю, что меня всё-таки выпустят отсюда тихо-мирно. Такое впечатление у меня создалось после визита сюда два месяца назад одного гебиста из Москвы вместе со своим коллегой из Якутска. Правда, они привозили с собой разные бумаги, изъятые у меня во время шмона в июне 80-го, а также тексты некоторых обращений, под которыми значится и моя фамилия (по Афганистану, по делам П. Саши, А.П. Лавута), и говорили, что при желании они вполне могли бы устроить мне 6-й процесс. Но в то же время уверяли, что сейчас их в оборот пускать не будут. Они почему-то считают, что я сам с большим удовольствием лезу на рожон, чтобы всегда быть в числе праведных мучеников. Много было разговоров насчет того, где и как следует жить мне после отбытия ссылки. Отговаривали от затеи ехать в Крым, поскольку нас всё равно там не пропишут, но неприятных хлопот будет с избытком. А еще они считают, что нынче среди крымских татар кругом тишина, но если потом начнет что-то происходить, то вина в этом будет моя. Был разговор и по поводу эмиграции. Еще примерно год назад один ташкентский гебист, который в основном занимается делами крымских, передавал мне через супругу Дж. Решата, чтобы я и не мечтал об этом, ибо, мол, они уже сыты по горло выступлениями там нашей Айше С. Но приезжавший сюда москвич был не столь категоричен. Но в то же время он говорил, что я и здесь не очень приятный подарок для ГБ. По его мнению, если и добиваться выезда, то делать это следует потихоньку, мирно, без широковещательных заявлений об отказе от советского гражданства, как это было в прошлый раз, и, причем, не по вызову из США, а через Израиль. В общем, такое впечатление, что они еще не решили куда меня девать — то ли выпихнуть из страны, то ли опять куда-то поглубже запихать. Второе, судя по общей ситуации, мне кажется более вероятным. Я сказал им, что пока мы едем в Крым с намерением добиваться там на общих основаниях прописки и трудоустройства, а потом, когда нас оттуда выживут, будет видно куда и в какой форме делать заявления.

Билеты мы заказали на 17 июня, но не знаю как получится. Лететь мы думаем через Москву. Судя по тону упомянутого «гостя», строить нам козни они там не будут. Предложил свой служебный телефон — просил звонить в случае каких-либо недоразумений с властями. Только заметил, что видеться-то в Москве мне осталось почти не с кем. И добавил: «Разве что с Шустером и Алексеем Костериним...» Так что, даст Бог, пожму я твою лапу.

Сердечный привет матери, супруге и сыну от меня и Сафинар.

Письмо отправлю с одной книжкой для Сережи.

До свидания. Обнимаю.

Мустафа (Подпись)

(Том 3, л.д. 198)

34. Письмо М. Джемилева Алле Подрабинек от 28 мая 1982 г.

№ 15

28.05.82

Привет Алла!

Получил бандероль и письмо от 4.04.82, большое спасибо.

Билеты мы заказали на 17.06. через Чокурдах, т.е. миную Якутск. Как только получим билеты на руки, я телеграфом сообщу дату вылета и предположительное время прибытия самолета в Москву. Вроде бы должны прибыть в тот же день ночью.

Цель визита тех гостей я и сам толком не понял. Хотя с самого начала беседы московский говорил, что имеет обо мне достаточно сведений и поэтому не собирается ни угрожать мне, ни агитировать за прекращение деятельности, делалось и то, и другое, но в весьма деликатной и высокопрофессиональной форме. Конечно, они представились, но только по имени и отчеству. Якутского зовут Петр Григорьевич (!) — описанные Вами приметы не совсем совпадают и он, видимо, не Зырянов. Подробнее о беседе с ними расскажу при встрече, ибо письмо это прибудет к Вам, видимо, не намного раньше нас самих.

С подпиской для Саши получается интересная картина. Они, видать, не договорились кому как врать на сей счет. Недавно на почте меня ознакомили (в порядке ответа на мой запрос) с двумя бумажками, где причины переадресовки объясняются совсем по другому. Подробно об этом я изложил в своем заявлении прокурору РСФСР от 25 мая с.г., копию которого прилагаю.

Получить от Вас письмо до нашего вылета я не рассчитываю, ибо остается мало времени, но, пожалуйста, получение подтвердите телеграммой.

Привет от моего семейства Вам и всем близким.

Обнимаю,

Мустафа.

(Том 3, л.д. 203)

35. Письмо М. Джемилева Ирине Гривниной от 12 июня 1982 г.

Привет Ирина!

12.06.1982 г.

Получил Ваше письмо с английской книжечкой, благодарю. Это, конечно, верно, что в первую очередь надо бы прописаться, но как раз таки в этом вопросе у нас предостойт с ними одна из первых стычек — мы бы хотели прописаться в Крыму, а они сочли нужным даже приехать в Якутию и предупредить нас о том, чтобы мы об этом и не мечтали.

Вашу телеграмму с вызовом на переговоры я получил 17 мая, но спустя 6 часов после того времени, на которое переговоры были назначены. Сафинар потом сама пыталась связаться с Вами, но на почте сказали, что принимают заказы на переговоры только с крупными городами. Лгут, конечно, ибо я знаю, что отсюда разговаривали и маленькими деревушками. Можно было добиться, чтобы заказ приняли, но я уверен, что в назначенное время сказали бы «нет связи по метереоусловиям» или что где-то оборвались провода. А у меня самого вообще не принимают заказы, ссылаясь на п.74 Почтовых правил — дескать, они уверены заранее, что в разговоре я буду непременно допускать неугодные властям слова. Правда, когда звонят мне самому, то во многих случаях соединяют. Например, на днях нам прямо в общежитие (тел. 3-58) нам позвонил Решат из Ташкента и мы неплохо поговорили. Интересная деталь: говорили на крымскотатарском языке и когда я сообщил ему, что А.П. Лавут нынче в буре, в разговор вмешалась телефонистка и предупредила, что прервет связь, если будем продолжать говорить на такие темы. Видимо, девица отреагировала на слово «бур», которое я произнес по-русски.

Последний Ваш вызов я получил своевременно и я надеюсь, что завтра мы сможем переговорить. Только вряд ли удастся поговорить на все интересующие нас темы — связь осуществляется не по кабелю, а по эфиру, поэтому переговоры прослушиваются вполне официально и если темы разговоров им не нравятся, то связь могут немедленно прервать.

Новости у нас такие:

Билеты мы заказывали на 17 июня по маршруту Зырянка — Чокурдах — Москва — Краснодар. Уже пришло подтверждение на бронь, но позавчера, когда я явился в аэропорт за билетами, мне сказали, что согласно распоряжения из милиции билеты мне выдавать не будут. В тот же день меня вызвали в милицию и зачитали постановление об установлении за мной гласного административного надзора. Кроме того, они дали мне там некое «предписание», согласно которого к месту своего следования я должен лететь минуя Москву. Поскольку я говорил, что намерен лететь в Симферополь, мне предписали лететь сперва в Якутск, а оттуда прямым рейсом в Симферополь. Чтобы попасть в Якутск, нужно заказывать билеты за месяц вперед. Таким образом, если снова заказывать билеты, то вылетим где-то в середине июля. Можно, вообще-то, выходить каждый день в аэропорт, надеясь, что будут случайные билеты перед вылетом самолета, но таскаться с грузом и ребенком ежедневно будет трудно, ибо расстояние от нашего жилья до аэропорта довольно приличное. И потом, не имея брони, можно надолго застрять в Якутске, а это может отразиться на здоровье малыша.

Постановление об административном надзоре было отпечатано в 4-х экземплярах, но мне копию не вручили. Разрешили только сделать некоторые выписки и я выписал мотивировочную и резолютивную части этого постановления, где говорится (дословно):

«...допускал факты антиобщественного и аморального поведения, о чем рассказано в статье «Лицо и личина», напечатанной в газете «Социалистическая Якутия», а также подтверждается заявлениями должностных лиц Зырянского речпорта и районного узла связи.

Продолжает поддерживать связь с антиобщественными элементами, о чем видно из материалов обыска, произведенного у Джемилева в связи с расследованием уголовного дела на ЛАУТ.

На основании изложенного и руководствуясь Положением об административном надзоре,

П о с т а н о в и л:

Установить над гр. Джемилевым Мустафой административный надзор сроком на 1 год и ограничить в следующих правах:

- 1. Запретить выезд с территории района проживания без разрешения органов милиции.*
- 2. Запретить выход из дома без разрешения органов милиции в период с 22.00 часов до 6.00 часов утра.*
- 3. Запретить посещение аэропортов, железнодорожных и водных вокзалов.*
- 4. Являться на регистрацию в органы милиции по месту жительства 2 раза в месяц.*

*Старший инспектор по профилактике В.-Колымского РОВД (Крикунов)
10 июня 1982 г.»*

Постановление утверждено начальником милиции Маликовым и прокурором района И.В. Каниным тоже 10 июня.

Таким образом, теперь, после «освобождения», мне не только не разрешается покидать определенный район, но налагаются еще два новых ограничения.

Пока я не заказывал билеты по маршруту согласно их «предписания», а пытаюсь, как говорится, «качать права», потому что нарушения закона слишком очевидны.

Во-первых, административный надзор может устанавливаться только за лицами, освобождающимися из мест лишения свободы, но никак не при истечении срока ссылки (ст. 107-109 ИТК РСФСР). Во-вторых, нигде не говорится, что они имеют право «предписывать» мне маршрут следования. В третьих, начиная с 17 июня я не только освобожден из ссылки, но нахожусь в трудовом отпуске за три проработанных года, а посему тем более не уместны какие-либо предписания насчет того, где я должен отдыхать.

Ясно, конечно, что и надзор, и «предписание» продиктованы сверху (об этом вполне откровенно говорили в милиции), а посему бессмысленно что-либо доказывать местным властям, но все же...

Но вообще сие беззаконие внесло какое-то успокоение в душу — как будто всё встало на свои места. А то ломал себе голову над вопросами: «Неужели просто так, без всякой пакости, отпустят к родным и друзьям? С чего бы это!? Ведь другим устраивают «попытки к изнасилованию» и прочие мерзости, отправляют в зоны...» В то же время, я все-таки до сих пор не могу привыкнуть к примитивной лживости и вероломству гебистских чинов. Ведь тот москвич, который беседовал со мной и Сафинар в апреле, чуть ли не божился, что ничего подобного не будет, и мы спокойно сможем уехать в любом направлении, в том числе через Москву, дал мне даже свой служебный телефон и просил звонить ему, если у нас будут какие-то стычки с московскими или другими органами. Кстати, в понедельник я собираюсь позвонить ему отсюда и сказать «пару ласковых слов».

На следующий день, т.е. 11 июня, произошла другая, но уже приятная неожиданность — в прокуратуре мне вернули большинство бумаг, личных писем, а также пишущую машинку, которые забирали в позапрошлом году во время обыска по делу Александра Павловича. В том числе вернули два Ваших письма — от 6 сентября 1979 г. и то самое, которое Вы писали из Усть-Неры. Соседка по общежитию предложила продать машинку ей, но как-то жаль расставаться со своей помощницей, которая столько времени пробыла у них «в плену», так что, несмотря на дополнительную тяжесть, наверное, увезем её с собой.

С Фуатом пока всё в порядке. В последнее время я получил от него с небольшими интервалами подряд три письма. Ему строят козни пока только руками его вышестоящих сослуживцев.

То, что «шефы», как Вы говорите, забыли о Вашем существовании, очень даже неплохо — ведь они, как правило, о таких как мы «вспоминают» вовсе не для того, чтобы оказать приятную любезность.

Привет Вам большой от Сафинар. По прибытии в Абинск (или может быть еще откуда-то) я пошлю Вам телеграмму.

Всего доброго. Обнимаю.

Мустафа.

(Том 3, л.д. 202)

36. Письмо М. Джемилева Александру Шустеру (Москва) от 26 сентября 1982 г.

Дорогой Шура,

Около двух недель назад я пытался созвониться с тобой, но тебя не оказалось дома. Катя (так представилась женщина, которая подняла трубку) сказала, что ты

нынче в отпуску, собираешься в г. Геленджик, но будешь часто навещать Москву. Так что я надеюсь, что Гульнара (сестренка Сафинар), которая сегодня возвращается в Москву, сможет застать тебя.

Сейчас мы живем в г. Янгиюле в домике, который был приобретен Сафинар, когда она еще жила со своим покойным мужем. Домик был приобретен частично на средства, взятые в долг, но кредиторы пока вроде бы не собираются брать нас за горло, так что с жильем у нас пока в порядке.

Предысторию того, как мы оказались в Янгиюле, я описывал в своем заявлении на имя ген. прокурора от 18.08.82, копию которого прилагаю. Мне бы хотелось, чтобы об этой предыстории знал и мой брат, живущий на той стороне, но не знаю как сообщить — письма что-то не доходят. Вкратце я писал обо всем этом и мужу Айше, но письмо, похоже, тоже не дошло. На всякий случай (авось кто поедет в те края из Москвы) прилагаю и копию того письма на турецком. Его адрес:

Ibrahim, P.O. Box 108, Brooklyn, N.Y. 11209 USA

В Янгиюле мы прописались позавчера. Живем четвером — я, Сафинар и двое наших сыновей. На работу пока не устроились: для Сафинар нет работы в школе, а я пока в отпуску — в Якутии мне давали отпуск сразу за три года с последующим увольнением. Поскольку работа нужна не только, чтобы не придирались органы, но и для прожиточного минимума, я хотел бы устроиться еще до истечения отпуска (26.XI.82), но более или менее приемлемой работы пока не нашел. Не помню, сообщал ли я тебе — твой последний перевод на дорожные расходы (580 р.) мы благополучно получили незадолго до вылета, большое спасибо.

Тебе шлют большой привет Фуат и те молодые люди, с которыми ты виделся как-то в доме Д. Решата. Самого Д. Решата я не видел уже полтора месяца, отчасти из-за того, что у нас нынче, по некоторым причинам, отношения не столь теплые, как раньше. В последний раз я виделся с ним 11 августа в отд. милиции г.Ташкента — там он брал какое-то письмо, где милиция ходатайствовала, чтобы его устроили на работу в то же учреждение и на ту же должность, которую он занимал до ареста. Здоровье у него сейчас ничего, но когда мы приехали в Ташкент, он находился в больнице, где пробыл около месяца.

Пиши о своих делах, тамошних новостях. Сообщи, чем могу быть полезен, постараюсь сделать возможное с удовольствием. Будем рады, если сможешь приехать к нам в гости. Я так надеялся, что по пути из Якутии смогу увидеться с тобой и еще с кое-какими друзьями, но через Москву нас не пустили.

Говорят, что можно договориться с проводниками следующих в Москву поездов и отправлять туда фрукты. Если так, то я постараюсь что-либо вам переслать. Поэтому, пожалуйста, срочно сообщи, будет ли у тебя возможность встретить тот или иной поезд, о дате прибытия которого в Москву я мог бы сообщить (если договорюсь с проводником) телеграммой. Правда, ввиду адм. надзора мне самому в Ташкент выезжать не разрешается, а поезда в Москву через Янгиюль не проходят, но Сафинар говорит, что с этим делом она вполне сможет справиться сама, если я в свою очередь «справлюсь» с остающимися дома детьми.

Привет тебе и твоим близким от моей семьи. Наш адрес: 702806, Ташкентская область, г. Янгиюль, ул. Чарикова, 78-А, Дж. М.

Телефон моего брата Асана в Ташкенте: 420872.

Всего доброго.

Мустафа (Подпись)

(Том 3, л.д. 107)

37. Письмо М. Джемилева Юрию Белову (Франкфурт, ФРГ) от 10 октября 1982 г.

10.10.1982 г.

Дорогой Юрий,

Последний раз я писал Вам из Зырянки 11 мая и сообщал, что из Якутии поедем напрямик в Крым и попытаемся устроиться там. Но, как и предполагалось, нас оттуда вывезли. После некоторых довольно неприятных приключений нас доставили в г.Янгиюль, расположенный в 30 км от г. Ташкента. Живу здесь с семьей, т.е. с женой и двумя сыновьями, без права выезда из этого города и прочими прелестями адмнадзора. На работу пока ни я, ни жена не устроились. Старший сын ходит во второй класс, а малыш Хайсер уже третий месяц как начал ходить собственными ножками.

У меня к Вам такая просьба, Юрий.

В узбекском журнале «Фан ва турмуш» (т.е. «Наука и жизнь») — издание АН УзССР, г. Ташкент, 1982 г., № 1 — появилась статья Р. Собирова «Личный врач крымского хана», где сообщается об обнаруженном недавно в одном из районов Хорезмской области трактате по медицине, автором которого является Нидои — личный врач крымского хана Сахиб-Гирея (1520-1566). Сообщается, что трактат этот написан арабским шрифтом на крымском диалекте турецкого языка и в свое время был подарен автором хивинскому хану Мухаммед Рахимхану. В этой же статье говорится, что другой экземпляр этого 60-страничного трактата Нидои хранится ныне в библиотеке Мюнхена под инвентарным номером 212-В. Так вот, не могли бы Вы раздобыть для меня в мюнхенской библиотеке всю имеющуюся там информацию об этом трактате моего соотечественника или даже прислать его микрофильм (негатив), если в этой библиотеке можно заказывать микрофильмы подобных рукописей? Буду весьма признателен, если Вы сможете сообщить мне об этой рукописи хоть что-то.

Сафинар шлет Вам большой привет. Передайте от нас сердечный привет и Верочке.

Как Ваши дела? Всё ли у Вас в порядке? Если понадобится что-либо отсюда, непременно напишите — постараюсь сделать всё возможное.

Наш адрес: 702806. Ташкентская область, г. Янгиюль,
ул. Чарикова, 78-А, Джемилеву Мустафе.

С нетерпением буду ждать Ваш ответ.

Всего доброго

Мустафа.

(Том 3, л.д. 205)

38. Письмо М. Джемилева Николь Картан (Франция) от 27 октября 1982 г.

27.10.1982 г.

г. Янгиюль

Дорогая Николь Картан,

Пишу Вам из города Янгиюля, расположенного в 30-ти километрах от столицы Узбекистана Ташкента. Из Якутии мы вылетели 18 июня в Симферополь. Мы надеялись устроиться на постоянное жительство в Крыму, но... оказались в этом городке. Нашему прибытию сюда сопутствовали многие, в том числе весьма неприятные, приключения.

Мой статус здесь мало чем отличается от того, каким он был у меня в Зырянке. Ни я, ни супруга Сафинар пока на работу не устроились. Наш старший сын Эльдар ходит во 2-й класс местной школы, учится неплохо, но иногда все же приходится с ним «воевать», чтобы он больше внимания уделял своим урокам. Малыш Хайсер начал топтать своими ножками три месяца назад, а сейчас он уже довольно шустро бегаёт.

Вашу последнюю бандероль с презентами для наших детей, отправленную 4 мая, мы получили незадолго до своего отбытия из Зырянки. Большое спасибо за внимание и заботу, проявленную Вами за все годы нашего пребывания в Якутии. Сафинар шлет Вам сердечный привет.

Передайте наши добрые пожелания нашим общим друзьям в Париже, в том числе Мари и Франсуа Серван, Жерару и Анне-Марие Рэдигэт, Жану Роше.

Наш адрес: СССР. 702806. Ташкентская область,
г. Янгиюль, ул. Чарикова, 78-А, Джемилеву Мустафе.

Будем очень рады получить от Вас весточку. Нам можно писать и по-французски, потому что у нас есть друзья, которые помогут перевести.

Всего Вам доброго. С уважением,
Мустафа.

(Том 2, л.д. 213)

39. Письмо М. Джемилева А.Подрабинеку от 28 октября 1982 г.

№ 21

28.10.1982 г.

г. Янгиюль

Здравствуйте дорогой Саша!

На днях получил письмо от Г.Ирины, где она сообщает Ваш новый адрес и о состоянии Вашего здоровья. Молю Всевышнего, чтобы у Вас все обошлось благополучно и о скорой Вашей встрече с семьей, со всеми близкими. Последний раз я писал Вам 13 марта из п.Зырянки (№ 20). Согласно почтового уведомления, моё письмо было вручено цензору зоны 9 апреля, но ответа от Вас я не получил. Получил только письмо начальника лагеря Аргунова в ответ на свое заявление от 25.05.82 г. по поводу недоставки Вам выписанной мною на Ваше имя периодической литературы.

Мы живем сейчас в г.Янгиюле — это в 30-ти километрах от г. Ташкента. Прибыли сюда не по доброй воле и статус мой здесь примерно такой же, как и в Зырянке. На работу пока не устроился. Сафинар тоже не работает — в местных школах преподавателей немецкого языка не требуется, а если устраиваться на другую работу, то возникают трудности с определением нашего Хайсерчика в детсад.

Очень надеялся, что по пути из Якутии завернем и в Москву, увидимся с Аллой и Вашим малышом Марком, но не довелось — не дозволили. Позавчера получил письмо от Аллы от 8.10.82 г. Это второе письмо от Аллы после нашего убытия из Якутии, первое получали в г.Абинске, где мы гостили у моих родителей. Она, конечно же, очень обеспокоена Вашим состоянием и возлагает некоторые надежды на надзорную жалобу, которую она, после выяснения некоторых обстоятельств, собирается написать в соответствующие инстанции. Сообщает, что адвоката подыскала.

Если чем-то я могу быть Вам полезен, пожалуйста, непременно известите. Сафинар шлет Вам сердечный привет.

Как у Вас обстоит с перепиской: есть ли какие-либо ограничения, все ли письма до Вас или от Вас добираются благополучно? Алла, во всяком случае, сообщает, что

очень давно от Вас ничего не получает. Пишите что Вас интересует — постараюсь, по мере возможности, всё выяснить и быстро ответить.

Наш адрес: 702806. Ташкентская обл., г. Янгиюль, ул. Чарикова, 78-А.

Письмо это отстукиваю одновременно в нескольких экземплярах и если в определенные сроки не поступит подтверждение о получении, то стану отправлять копии, а потом выяснять причину неполучения Вами моих писем через соответствующие органы.

Всего Вам доброго.

Обнимаю. Мустафа.

P.S. Вложения: 2 конверта, 2 открытки.

(Том 2, л.д. 213)

40. Письмо М. Джемилева И.Гривниной от 18 ноября 1982 г.

18.XI.82 г.

Дорогая Ирина,

Спасибо за письмо от 10.10., адрес Саши П. Я написал ему недели три назад и посылал с телеграфным уведомлением о вручении, но пока подтверждений нет. Дай Бог, чтобы обмен получился. Как-то передавали недавно, что там вроде бы поймали парочку гебистских пташек — может быть они послужат доброму делу. Что касается нас, Вы правы, надежд вырваться из «страны, где так вольно дышит человек», у нас особых нет. Для нас даже вызовы не пропускают, так что пока и в ОВИР обратиться у нас нет формального основания. Слышал, что на сей счет предпринимают что-то в Турции, но не на правительственном уровне, а только так называемые «правые». Мои письма зарубежным друзьям, по-видимому, задерживают тотально. Начиная с августа я написал около десяти писем (в Штаты, Стокгольм, Анкару, Париж, Верону и Франкфурт), но не получил ни одного ответа, не возвратилось ни одно уведомление о вручении.

Дней десять назад получил ответ на свое заявление от 18.08.82 в прокуратуру СССР, но, конечно, не от Генерального, а из прокуратуры Ташкентской области, куда оно было переправлено из Москвы. Письмо выдержано в довольно хамовитых тонах, но ожидать другого, по нынешним временам, наверное, было бы нелогично.

На работу мы еще не устроились. Сафинар 31 октября вылетела в Краснодар по повестке на суд. процесс того жулика, который выкрал в поезде наш капитал. Меня почему-то на этот процесс не вызвали, хотя меня тоже допрашивали по этому делу на предварительном следствии и украден был именно мой пиджак со всем содержимым. Вернулась она 9 ноября. Летела через Москву, но ни с кем увидеться там не смогла. Только поговорила по телефону с Татьяной (сестрой Аллы). Она сказала, что Сашу из больницы возвратили обратно в зону.

У меня уже есть одно «нарушение» правил адм. надзора — не сходил 28 октября в милицию на очередную регистрацию. В этот день приболел наш сын (без всякой видимой причины из его носика пошла кровь в два ручья) и я, в связи с хлопотами по этому делу, вообще забыл о существовании милиции. Там, конечно, очень обрадовались, сразу составили протокол о «нарушении» и передали в суд. Судья (одна расфуфыренная и совершенно безграмотная по части юриспруденции стерва) даже не стала слушать мои доводы, а только требовала, чтобы я перечислил все свои прежние судимости и потом объявила, что я оштрафован на 15 руб.

Б. Мустафа был у меня пять дней назад, приезжал поздравить меня с днем рождения. Он шлет Вам большой привет. Ни о каких «неудобствах», разумеется, не может быть речи. Посылки для него вовсе не обременительны и посылал он их Вам с большим удовольствием. Обо всем, что необходимо, извещайте без всяких там «неудобно» — сделаем что сможем.

Я буду иметь ввиду интересующую Вас тематику, т.е. историю Древнего Востока, но пока ничего из перечисленного Вами я отыскать не смог. Есть у меня, правда, одна путёвая соотечественница-историк, она работает в АН УзССР и имеет доступ в библиотеку академии, но она, по вполне понятным причинам, ко мне не приезжает. Визитеров к нам ожидают, как правило, разные там «собеседования» или же сразу осложнения по работе. Высылаемую с этим письмом книжонку я купил в здешнем магазине, но она вряд ли для Вас интересна — там нет ничего о Вавилоне или Иудее.

Когда взяли Алешу и в чем его обвиняют? Я попытаюсь, наверное, списаться с его матерью. У Вас нет каких-либо сведений о Танечке О.? Кто-нибудь с ней переписывается? Как дела у Володи?

Привет Вам от Сафинар. Всего доброго. Обнимаю.
Мустафа.

(Том 3, л.д. 203)

41. Письмо М. Джемилева Александру Шустеру (г Москва) от 25 ноября 1982 г.

25.XI..82 г.

Привет Шура!

Мне сообщили, что предыдущее мое письмо тебе удалось вручить лишь через месяц с лишним. Ответа твоего еще не получил, но надеюсь, что он уже в пути.

Решил написать тебе еще пару строк, пользуясь тем, что в Москву выезжает еще один мой соотечественник. Сам он житель Москвы и я хотел бы, чтобы он познакомился с тобой и вообще с тамошними друзьями. С ним у меня, видимо, будет более частая переписка — он человек пишущий и не ленивый на письма, так что с его помощью я надеюсь получать более регулярную информацию о тамошних делах и заботах. И еще, я хотел бы, чтобы ты помог ему, если это в твоих силах, познакомиться с людьми, которые могли подействовать, например, моей переписке с родственниками и друзьями, живущими в местах, куда письма обычным путем зачастую не доходят. Кстати, как насчет того письма, ничего не получилось? Если это не очень обременительно, то желательно бы послать туда вдогонку две бумажки по тому же делу, которые прилагаю. Если есть какое-либо чтиво, пожалуйста, поделись с нами. Весьма признателен за «6 дн.», но жаль, что он только в единственном экземпляре, хотелось бы иметь хотя бы еще один для себя.

Ты зря испугался моих детишек и решил, что я по горло увяз в колготках и штанишках — с этим делом вполне справляется Сафинар. Во всяком случае, мы смогли бы найти место, куда можно было бы укрыться от них и поговорить кое о чем.

Всего доброго. Если что нужно из Узбекистана, то непременно сообщи.
Обнимаю.
Мустафа

(Том 3, л.д. 64)

42. Письмо Г.М. Александрова руководителю издательства «ИМКА-Пресс» Н.А.Струве (Париж)

ИЗДАТЕЛЮ «ИМКА-PRESS»
НИКИТЕ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУВЕ

Уважаемый Никита Алексеевич!

Я автор книги: «Я увожу к отверженным селеньям», каковая была издана Вами. В 1981 году мною была передана Вам моя вторая книга: «Сквозь вековечный стон». Дошла ли она до Вас и вообще была ли она передана, я не знаю. Человек, которому я отдал рукопись почти два года назад, ничего не может сообщить мне о судьбе книги, ссылаясь на то, что у него прерваны все связи с Вами. Меня очень беспокоит судьба книги и, если Вы найдете возможным, дайте мне весточку о ней. Я живу в забытом Богом и людьми Ташкенте совершенно оторванный от мира, лишенный всякой правдивой информации, не живу, а задыхаюсь в каком-то вакууме. Жить и дышать отравленным воздухом лжи невыносимо. Я живу на чужбине, в Узбекистане. Переехать в Россию я не могу ни сейчас, ни после, до конца дней. С жизнью меня связывает только семья — жена и дочь. Над головой вечная угроза прогуляться в места не столь отдаленные и еще хуже — могут расправиться с семьей. Вот почему я решил бесповоротно навсегда покинуть эту страну. Но добровольно меня не выпустят. Если сможете, окажите мне величайшую услугу — пришлите любым путем вызов на выезд хотя бы временный, в гости. Оказавшись за пределами досягаемости, я не вернусь, что бы меня не ждало там. Лучше холод и голод, скамья бездомного бродяги, участь никому не нужного и обреченного на жалкую смерть отверженного, чем жизнь здесь. Как видите, я не ищу никакой выгоды, кроме одной — навсегда уехать отсюда. В любом случае жизнь моя во Франции будет безотраднa — ибо другой семьи я не заведу и потому обречен на вечное одиночество. Но там я смогу свободно говорить, писать, думать, и это главное.

Прочтите внимательно мое письмо и, как позволит Вам время и обстоятельства, скорее, насколько возможно, пришлите вызов.

Уважающий Вас Александров.

Мой адрес: Ташкент, Чиланзар, квартал д.42, кв.16, Александров Григорий Матвеевич.

Почтовый индекс: 700135

Телефон 76-87-57

Анкетные данные:

Я родился 14 мая 1928 г. в Москве. Отец мой 1884 г. рожд. Александров Матвей Павлович, мать: Александрова (в девичестве Новогадова) 1888 г. рожд. Отец умер в 1941 г., мать в 1943 г.

24 января 1983 г.

(Подпись Г.Александрова)

(Том 2, л.д. 19 — машинописный текст,

Том 2, л.д. 20-21 — ксерокопия рукописи)

43. Письмо М. Джемилева Джеппару Акимову от 6 февраля 1983 г.

Дорогой Джеппар-агъа!

Возможно и до Вас дошли слухи о том, что некий полковник КГБ сообщил некому нашему соотечественнику о якобы намечающемся в марте этого года приеме делегации крымских татар на высоком уровне и предложил для этого случая укомплектовать соответствующую делегацию. Я не знаю насколько эти слухи достоверны, но, полагаю, нам не следует исключать, что они базируются на каких-то реальностях. Вам также, наверное, известно, что недели две назад некоторые соотечественники начали собирать подписи под обращением в адрес Ю.Андропова, в котором приводится список граждан крымскотатарской национальности, которых авторы обращения просят принять в качестве народных представителей «для доведения наших чаяний до руководства партии и государства и оказания практической помощи в осуществлении ленинского решения вопроса». В этом списке из 17 человек, бесспорно, есть имена, которые заслуживают большого уважения, но есть и имена людей, которые никакого отношения (во всяком случае, положительного) к нашему Национальному движению не имеют.

Как бы там ни было, коль скоро речь идет о направлении делегации для обсуждения общенациональных проблем, то, я полагаю, делегация эта должна быть достаточно представительной и включать в себя участников всех основных оттенков нашего Движения. Только такое представительство, по моему убеждению, способствовало бы консолидации национальных сил, предотвратило бы углубление раскола и разобщенность среди национально-сознательных соотечественников и, в конечном счете, способствовало бы ускорению решения нашего национального вопроса.

Исходя из изложенного, я предлагаю созвать в ближайшее время максимально расширенное совещание активистов Национального движения для выработки общенационального обращения к руководству страны и назначения представительной делегации. Это же совещание должно определить круг тем, которые делегация будет уполномочена обсуждать с руководством страны. Пути и формы решения основных аспектов нашего национального вопроса также должны быть определены и недвусмысленно сформулированы.

При назначении делегатов на первом плане должны быть их моральные качества, интеллект, верность национальному делу, принципиальность, но никак не служебное положение, партийный стаж или полученные им награды за деяния, которые никакого отношения к национальному делу не имеют. Более того, не может быть причиной не включения в список делегатов и то обстоятельство, что тот или иной соотечественник в настоящее время находится в заключении за свое участие в Национальном движении. В данном случае я имею в виду Ю.Османова.

В числе основных национальных требований, которые должны быть отражены в общенациональном документе и которые должны обсуждать народные представители с руководством страны, на мой взгляд, следует включить следующее:

1. Принятие и опубликование соответствующего Указа, в котором:

а) выселение крымских татар с их национальной территории в 1944 году объяснялось бы не какой-то ошибочной оценкой численности сотрудничавших с нацистами лиц крымскотатарской национальности (как это было в Указе от 5.09.67г.), а грубейшим нарушением норм международного права, человечности и законов страны, которые широко практиковались в период диктатуры Сталина;

б) объявлялись бы отмененными, как антиконституционные, все предыдущие указы, постановления и указания, в которых хоть в какой-то мере ограничиваются права крымских татар по национальному признаку;

в) выражалась бы решимость правительства оказать всемерное содействие и помощь возвращению на Родину всех желающих граждан крымскотатарской национальности, восстановлению их национальных учреждений, возрождению национальной культуры, развитию языка, восстановлению их национальной государственности, постоянному увеличению национальных кадров во всех сферах культурной и политико-экономической жизни Крыма.

2. Немедленное освобождение граждан, арестованных за участие в Национальном движении крымских татар. Пересмотр всех дел ранее репрессированных участников Национального движения, их полная реабилитация и расследование всех фактов незаконных судебных и административных преследований участников Национального движения. Пересмотр всех гражданских и уголовных дел против крымских татар по заведомо необоснованным искам и обвинениям в «незаконной купле-продаже дома», «нарушении паспортного режима» и прочие с 1967 года до настоящего времени. Расследование обстоятельств насильственных выселений крымских татар из Крыма (на основе данных сборника «События в Крыму», 1979г.), привлечение виновников беззаконий к ответственности. Расследование и привлечение к ответственности виновных в смерти Сейдалиева Февзи в тюрьме Днепропетровска в 1969 г., в самосожжении Мусы Мамута 23 июня 1978 г.

Освобождение и реабилитация граждан других национальностей, репрессированных за выступления в защиту прав крымских татар (А.П. Лавут, А.Костерин, П. Григоренко, А. Сахаров и др.).

3. Прекращение печатной и устной пропаганды, оскорбляющей национальное достоинство крымских татар, фальсифицирующей их историю и культурное наследие. Проведение среди населения Крыма различных лекций и публикация книг и статей, способствующих установлению и укреплению взаимного доверия и дружбы между крымскими татарами и гражданами других национальностей.

В числе мер, направленных на осуществление скорого возвращения крымских татар на Родину, делегаты, видимо, могут предложить следующее:

а) Предоставление гражданам крымскотатарской национальности долгосрочных государственных субсидий, транспортных средств на переезд и приобретение на всей территории Крыма частных домов, предоставление им земельных участков, строительных материалов. Создание по всей территории Крыма сети строительных организаций на кооперативных началах для строительства жилых домов для граждан крымскотатарской национальности. Напомнить, что никакие государственные расходы на возвращение крымских татар не смогут превысить размер того материального ущерба, который был нанесен им при выселении с конфискацией имущества в 1944 году;

б) Немедленное прекращение «оргнабора» в Крым граждан других национальностей и даже прописки их в Крыму на общих основаниях. Предоставление государственных субсидий гражданам других национальностей, желающим выехать из Крыма и т.п.;

в) Объявить в печати о том, что государство будет приветствовать репатриацию крымских татар, проживающих в других странах.

Полагаю, что все эти и другие вопросы могут быть более конкретизированы, детализированы и лучше сформулированы при всестороннем обсуждении их на

расширенном совещании активистов Национального движения. Был бы рад, если такое совещание было проведено днем в г. Янгиюле. Это дало бы возможность и мне принять в нем участие, ибо, ввиду гласного административного надзора, я не имею права выезжать за черту этого города, а после 22 час. и до утра не имею права покидать свое жилище.

Желаю скорого улучшения Вашего здоровья и всего самого наилучшего.

С искренним уважением,

Мустафа Джемилев

702806. г.Янгиюль, ул.Чарикова, 78-А.

6 февраля 1983г.

(Том 3, л.д. 84-86)

44. Письмо Джемилева Мустафы Эрику Кудусову (г.Москва) от 19 февраля 1983 г.

19.02.83

Привет Эрнст!

Обещал ты нас порадовать своим визитом ещё до нового года, но тебя что-то не видать в здешних краях до сих пор. Правда, Гуля передавала от тебя приветы, но я полагал, что мы наладим более существенные и взаимопользные контакты. Но понимаю, конечно, что у тебя там много важных дел и не до разных там провинциальных соотечественников (шучу).

Завтра отсюда выедет в те края наш товарищ — Григорий Матвеевич. Я дал ему твой адрес, надеюсь, что ты сможешь обеспечить ему кров и заботу на пару дней. Он в курсе всех наших дел и делишек, так что мне нет необходимости обо всем писать.

Поделись с ним и своими новостями, сообщи, когда примерно сможешь приехать.

Привет от Сафинар.

Всего доброго.

Мустафа.

(Том 2, л.д. 25)

45. Письмо М. Джемилева Елене Костериной (Москва) от 19 февраля 1983 г.

19.02.83.

Дорогая Елена Алексеевна!

Пользуясь поездкой в Москву Георгия Матвеевича, решил еще раз черкнуть Вам и послать заодно немного среднеазиатских плодов.

Я писал Вам 30 января и отправлял ц'бандероль с книжками Бабура. Надеюсь, получили. Бандероль я отправил 31 января, а на следующий день в наш дом нагрянули с обыском. Взяли много разных бумаг, писем, фотографий, фотопленок. Забрали также фотоаппарат нашего старшего сына и мою пишущую машинку. Обыскивали формально по делу Мурахас Нурфета, об аресте которого я писал в предыдущем письме и с которым у меня уже давным-давно не было никаких связей. Так что «привязали» обыск к его делу с большой натяжкой. Большинство изъятых у меня бумаг они уже

однажды забирали во время обыска в Якутии 12 июня 1980 года, а потом возвращали обратно. И вот теперь забрали их снова. Было, конечно, и кое-что новое.

В тот же день и тоже по делу Мурахас Нурфета обыскали дом родителей моей супруги, которые живут в этом городе, квартиру моего брата Асана в Ташкенте и дом моего зятя в г. Алмалыке.

У родителей Сафинар ничего интересного они не нашли, хотя перевернули всё верх дном, зато провели с ними изощренную, хотя, правда, безуспешную пропагандистскую работу насчет того, что их ожидает впереди ещё много неприятностей, если их дочь не разведется со мной. Впрочем, кое-какого успеха они всё же добились — с отцом Сафинар, который был болен, стало очень плохо и его пришлось положить в больницу.

15 февраля меня допрашивали в качестве свидетеля по делу Мурахаса, но вопросы в основном были по поводу изъятых у меня и у моего брата бумаг и вещей.

В то же время, органы усиленно распространяют слухи о том, что вопрос наш очень скоро решится, но, дескать, нужно отмежеваться от «экстремистов» вроде меня и некоторых других. Если принять во внимание, что в последнее время в Крыму прописали сравнительно много наших соотечественников, то разговоры о каких-то возможных положительных изменениях в нашем вопросе представляются не лишёнными какого-то основания. Но активистов Национального движения они, похоже, преисполнены решимости отправить в противоположную сторону.

Г. Матвеевич пробудет в Москве, видимо, всего пару дней, ему там нужно сделать кое-какие свои дела. Буду Вам весьма признателен, если окажете ему при необходимости помощь советом, рекомендациями и т.п. Суть дела он расскажет сам. Его возвращения я буду ждать с нетерпением и надеюсь, что он привезет много новостей о делах товарищей в Москве, о Ваших делах и обстоятельствах. Что нового в ситуации Алексея? Привет Вам, семье Алексея и всем друзьям также от Сафинар и всех моих друзей.

Всего Вам самого доброго.

Мустафа.

(Том 2, л.д. 28-29)

46. Письмо Мустафы Джемилева Александру Шустеру (г. Москва) от 19 февраля 1983 г.

19.02.83 г.

Привет Шура!

Письмо твое получил в конце года, благодарю. Завтра в твою края выезжает Григорий Матвеевич и, пользуясь случаем, решил черкнуть письмо.

Вкратце о моих и наших делишках.

В декабре прошлого года арестовали двух наших соотечественников — 1 декабря Османова Юрия (у него мать русская, отсюда и русское имя), 10 декабря — Мурахас Нурфета. В домах некоторых их товарищей, проживающих в Ферганской и Ленинадской областях, были произведены обыски. Оба арестованных обвиняются по ст.191-4 УК УзССР (= ст.190-1 УК РСФСР), но дела ведутся раздельно. Содержатся они в тюрьмах по месту своего жительства — Юрий в Фергане, а Нурфет — в Ташкенте. Дело Нурфета ведет следователь по особо важным делам прокуратуры г. Ташкента

А.И. Дьяченко. Пока неизвестно какие конкретно бумаги им вменяются, потому что они редко что подписывали от своего имени. Впрочем, незадолго до их арестов я видел большое открытое письмо Ю.Османова в адрес артиста Ефремова. Слышал, что будто бы это письмо сей артист сдал в ГБ, а там порекомендовали ему обратиться официально в прокуратуру с просьбой привлечь автора к ответственности, но насколько это верно, судить не могу.

Концепция этих соотечественников и группировки их единомышленников в нашем нац. вопросе, мягко выражаясь, довольно своеобразная. Суть этой концепции сводится к тому, что виновниками выселения кр. татар из Крыма и невозвращения их до сего времени на свою родину являются некие «агенты международного империализма», проникшие в ряды «ленинской партии» и руководства страны с целью дискредитации и подрыва изнутри «подлинного социализма». Обращения, под которыми они собирали подписи, как правило, адресовывались тому же руководству, напичканному, как они полагают, пресловутыми «агентами». Свою точку зрения они, как и положено самым-самым «истинным марксистам-ленинцам», считают единственно правильной, а тех, кто не разделяет их мнений, зачастую награждают нелестными эпитетами. Они противники того, чтобы обращаться к зарубежной общественности или даже к руководителям «братских партий», поскольку, мол, подобные обращения дают возможность органам чернить крымских татар в глазах советской общественности, как врагов страны. Обращения их изобиловали трескучими выражениями в духе китайской пропаганды времен «культурной революции». Если интересно, я как-нибудь вышлю тебе несколько образцов из этой серии обращений. Тем не менее, они добивались возвращения своих соотечественников на родину, восстановления их автономии и равноправия. Поэтому, на состоявшемся примерно неделю тому назад совещании довольно представительной группы активистов нац. движения, в числе прочего, была принята и телеграмма в высшие инстанции с требованием немедленного освобождения арестованных, хотя подавляющее большинство совещания составляли те, кого они считают своими идейными и политическими противниками.

1 февраля были обыски также у меня, у родителей супруги, у Асана в Ташкенте и у Хаирова Иззета (моего зятя) в г. Алмалыке. У меня забрали пишущую машинку, фотоаппарат сына, фотопленки, много бытовых фотографий, копий обращений, заявлений, несколько рукописей, писем и всё то, что было написано на непонятных для шмонщиков языках. У Асана, кроме прочего, забрали даже Коран на арабском и все кассеты с магнитофонными записями, а также брошюры и обращения адвентистов, с которыми в 1978 г., после ареста А. Шелкова, у нас были довольно частые контакты.

15 февраля меня вызвали в прокуратуру г. Янгиюля по повестке, где говорилось, что вызывают «на беседу». Поскольку УПК не предусматривает обязательность явки по такого рода вызовам, то можно было и не ходить, но верх взяло любопытство. Была также надежда, что, возможно, вызывают для возвращения мне большинства изъятых бумаг и вещей, которые к делу Мурахаса и вообще к каким-то другим «делам» не могут иметь никакого отношения. Но, оказывается, вызывали для официального допроса в качестве свидетеля согласно отдельного поручения упомянутого Дьяченко, ведущего дело Мурахаса. Вопросы были в основном по поводу бумаг и вещей, изъятых во время обысков у меня и у Асана. Только последний девятый вопрос гласил: «Какие у вас взаимоотношения с Мурахасом?».

В Крыму, как сообщают, многих наших прописали, но как будут обходиться с новоприбывшими пока неизвестно. Ходят слухи, исходящие преимущественно от

работников органов, что будто скоро будет принято какое-то положительное решение по нашему вопросу и что в ближайшее время даже примут в верхах делегацию крымских татар. Появилось некое обращение к Андропову, где приводится список «представителей», которых просят принять «для доведения наших чаяний до руководства партии и государства и оказания практической помощи в осуществлении ленинского решения вопроса». Список этот из 17-ти человек начинается фамилией героя Сов. Союза Решитова, проживающего ныне в Симферополе и весьма далекого от национальных проблем, и завершается фамилиями людей, которых слишком многие считают проводниками гебистских идей в движении и сексотах. Правда, веских доказательств того, что подтверждало бы подобные категорические утверждения, мне так и не довелось услышать, хотя я опрашивал довольно многих. Как бы там ни было, состоявшееся недавно упомянутое совещание активистов единодушно приняло решение рассматривать это обращение со списком «представителей» как обращение гебистское. Сам я, ввиду адмнадзора, лишен возможности ездить на подобного рода совещания.

Сообщи, как обстоят твои дела, какие в тех краях новости. Будем весьма признательны, если поделишься каким-либо чтивом, особенно если там затрагиваются и наши нац. проблемы. Нельзя ли как-то достать книгу А. Фишера «The Crimean Tatars», изданную, кажется Стэндфордским университетом в 1978 году, книгу П.Г. насчет «крыс в подполье»?

Есть ли какие-либо сведения об А.П. Лавуте?

Позавчера я получил сразу семь уведомлений к своим письмам за рубеж, отправленным в августе-октябре прошлого года. Согласно этим уведомлениям, письма вроде бы были вручены адресатам в декабре. Там есть подписи получателей, штемпеля почт. отделений в Нью-Йорке, Франкфурте и Париже, но подлинность этих подписей и штемпелей вызывает некоторые сомнения. Как ты думаешь, нельзя ли будет уточнить их подлинность, если эти бланки уведомлений я перешлю тебе? От самих же этих адресатов я до сих пор ничего не получал.

Прошу также прозондировать, нельзя ли будет нанять приличных адвокатов из Москвы для Н. Мурахаса и Ю. Османова?

Супруга, Асан, Решат и многие друзья шлют тебе приветы. Если чем-то могу быть тебе полезным, то всегда буду рад исполнить.

Всего самого доброго.

Мустафа.

(Том 2, л.д. 222-223)

47. Письмо М. Джемилева Аве Азаматовой от 19 марта 1983 г.

19.03.83

Селям дорогая Ава!

Был очень рад твоему письму от 28.02. Я, конечно, написал бы тебе первым сам, но у меня не было твоего адреса. Просил Гульзар, чтобы она переслала твой адрес, но, оказывается, она и сама не знала. Она обещала сообщить твой адрес после встречи с тобой, но потом от нее писем не было.

Сообщу вкратце о своих делах и ситуации.

Напрасно ты считаешь, что я укрылся в этом городке по собственному «сценарию». Органы доставили меня сюда насильственно из Ташкента 11 августа на том основании,

что здесь за Сафинар в личной собственности числится дом (точнее, полдома). Правда, дом не совсем принадлежит ей, а был приобретен ею и ее покойным мужем в долг, который еще не выплачен и вряд ли может быть выплачен в обозримом будущем. Но органов эти подробности мало интересовали, им нужно было только скорее закрепить меня где-то и обязать к соблюдению условий гласного административного надзора. Все это, конечно, было грубым нарушением законов, я неоднократно обращался по этому поводу с заявлениями в соответствующие инстанции, но, как и следовало ожидать, никаких положительных результатов не добился. Как и прежде, я под гласным адм. надзором — не имею права выезжать за черту этого городка, появляться на территории авто- и железнодорожного вокзала, обязан дважды в месяц являться в милицию на регистрацию, а после 10 час. вечера не имею права выходить из своего жилища. Так что, вопреки твоим предположениям, визиты друзей и соотечественников к нам, письма от них — для меня большая необходимость и доставляет большое удовольствие. Беда только, что визитеров к нам потом зачастую вызывают, пытаются запугивать или же вербовать в стукачи. Срок действия постановления о надзоре истекает формально 11 августа этого года, но меня уже предупредили, что надзор будет направлен на новый период.

После продолжительных мытарств, с 1 января я устроился на работу — сперва слесарем-сантехником в жилтресте, а потом перевелся слесарем-диспетчером в Янгиюльское произв. управление «Водоканал». Сафинар пока на работу не определилась — нет подходящей работы, да и Хайсера не удастся устроить в садик. Дети живы-здоровы, старший Эльдар ходит во второй класс, а «колымский» бегаёт дома, хулиганит. Высылаю тебе несколько его снимков.

Как дела у вас, какие новости? Как самочувствие отца? Передай от нас сердечный привет всем родным и друзьям.

Одно время из Крыма стали поступать обнадеживающие сведения о том, что там наших начали прописывать, стали циркулировать слухи о намечающемся якобы большом «оргнаборе» крымских в Крым и что будто бы даже в Кремле собираются принять нашу делегацию для кардинального решения вопроса. Тут многие носились с газетными текстами речи Андропова, где говорилось о необходимости уважать права нац. меньшинств. В конце года появилось даже обращение одной группировки соотечественников в адрес Андропова, где авторы предлагают список представителей (разные там герои и должностные лица из числа крымских татар, всего 17 «представителей», которых просят принять для обсуждения путей решения нашего вопроса. Но ничего хорошего пока не видать, а даже наоборот. Началась серия новых арестов, обысков, суд. процессов. 1 декабря арестовали Ю. Османова из Ферганы, 10 декабря — Мурахас Нурфета из Ташкента, 22 февраля — Александрова Григория Матвеевича (он русский, житель Ташкента, 55 лет, много писал в защиту прав крымских татар, в частности, он автор известной поэмы о самосожжении Мусы Мамута «Факел над Крымом»). Число обысков перевалило за десяток. К нам лично пришли с обыском 1 февраля. Забрали много разных бумаг, фотографий, писем, пиш. машинку, фотоаппарат и др. Одновременно обыскали и жилище родителей Сафинар в Янгиюле, моего брата Асана в Ташкенте и моей сестры в г. Алмалыке. Обыскивали формально по делу Мурахас Нурфета, хотя органам хорошо было известно, что мои контакты с ним прервались лет 5 назад и больше не возобновлялись. Просто им нужен был повод, чтобы порыться в моих бумагах и пограбить.

10-16 марта в Ташкенте проходил суд. процесс М. Нурфета. Его обвинили, как обычно, в клевете на сов. строй. Процесс Ю. Османова в Фергане вроде бы назначили на 21 марта.

Ты выражаешь сожаление, что в Узбекистане «нет единого центра». Конечно, было бы очень неплохо, если бы все наши соотечественники одинаково хорошо понимали суть нашего нац. вопроса, придерживались бы какой-то единой и наиболее правильной тактики в своей деятельности, но этого никогда не было и, вероятно, вряд ли будет. У людей разный уровень знаний, информированности, интеллекта, мужества, порядочности, различные политические взгляды. Кроме того, к большому сожалению, очень часто в некоторых из нас личные амбиции, стремление к некому лидерству в каком-то кругу бывают превыше задач, стоящих перед нацией. Есть среди участников движения и люди, занимающие какое-то положение в партийной и государственной иерархии. Они тоже хотят возвращения на родину, но ни в коем случае не хотели бы лишиться своих привилегий и, тем более, рисковать своей свободой. Отсюда и наличие большого обилия группировок и течений в нашем движении. Но и при такой ситуации, полагаю, можно было бы придти к согласованным решениям хотя бы по тем или иным частным вопросам, по которым совпадают точки зрения. Однако, к сожалению, у нас зачастую не хватает ума для того, чтобы не считать свои взгляды абсолютно верными и отнестись хотя бы с некоторым уважением и терпимостью к взглядам других.

Одни, например, уверены, что добиться решения нашего вопроса можно лишь унижительными просьбами, выражением своего верноподданничества и абсолютной приверженности к коммунистической идеологии. Другие же считают, что обращения к кремлевскому руководству, сбор подписей под такого рода обращениями и направление в Москву делегаций с этими обращениями — это бесполезная трата времени и средств, а сдвинуть наш вопрос с мертвой точки могут лишь обращения к советской и мировой общественности, сбор и публикация фактов нарушений прав крымских татар, решительные действия, которые обратят мнение прогрессивной общественности к нашей проблеме и вынудят руководство считаться с правами кр. татар.

Еще одна группировка считает, что наш вопрос не решается только из-за того, что в партию и правительство проникли какие-то «агенты международного империализма», которые, дескать, специально нарушают так называемую «ленинскую нац. политику», чтобы изнутри подорвать «реальный социализм». Причем, это группировка считает свою точку зрения единственно правильной, а тех, кто не приемлет их «общенародных» обращений с многословными и заумными теоретическими выкладками «самого правильного» марксизма-ленинизма, называют отщепенцами и прочими нехорошими людьми. Например, один из представителей этой группировки М. Нурфет на своем, упомянутом мной, суд. процессе не придумал ничего более умного, чем выступить с грубыми нападками и оскорблениями в адрес своих же соотечественников, которые тоже добиваются решения нашего нац. вопроса, но с иных, чем он сам, позиций. Одновременно он разглагольствовал о своей верности компартии и политбюро, но эти реверансы ему не помогли — его приговорили к 2,5 годам лишения свободы. Казалось бы, что человек пострадал за национальное дело, но, в сущности, пользы от такого рода «борцов», стоящих на коленях перед теми, кто плюет на его национальные права, и воюющих лишь со своими же соотечественниками, чья свобода итак висит на волоске, гораздо меньше чем вреда. Объединение с такими деятелями, разумеется, не имеет никакого смысла и не принесет никакой пользы делу. Гораздо важнее выработать наиболее разумную идейную позицию и иметь дело лишь с теми, кто, по крайней мере, более знаком с понятиями о чести и порядочности. Таких людей

у нас, конечно, немало и вопрос только в том, чтобы как-то консолидировать и активизировать эти разумные силы.

Молодой человек, доставивший мне твое письмо, своих «вопросов и сомнений» почему-то излагать не стал. Может быть дело в том, что он придерживается тех же взглядов, что и его родственник из Ленинабада (он из группировки, куда входили М. Нурфет и Ю. Османов), а я сразу же высказал свое отношение к их поведению. Он собирался съездить к этому своему родственнику, и я просил его, чтобы по возвращению заехал и ко мне, но он больше не появлялся.

От Гульзар, родителей и Диляры почему-то я уже очень давно не получал писем. Серьезное беспокойство вызывает состояние отца, но съездить к ним нет никакой возможности. Я писал Диляре, что если бы они прислали мне заверенную поликлиникой телеграмму о состоянии отца, то я мог бы попытаться добиться разрешения, чтобы съездить к ним, но от них пока нет ни телеграмм, ни какого-либо ответа. У меня такое предчувствие, что если арестуют еще раз, то отца и многих близких я больше никогда не увижу.

Буду всегда рад твоим письмам. Кстати, ты на конверте неправильно указала номер нашего дома и Закир долго блуждал, пока нашел меня. У нас номер 78-А, а не 68.

Свое письмо отправлю какой-нибудь книжкой в виде ценной бандероли — такие пропадают в пути реже. Большой привет вам всем также от Сафинар, моих друзей и близких.

Всего наилучшего.

Мустафа

(Том 3, л.д. 89-90)

48. Письмо Джемилева Мустафы Азаматовой Аве (ст. Тамань) от 7 июля 1983 г.

7.07.83

Селям дорогая сестреночка Ава!

Извини, что пишу с некоторой задержкой. После приезда было много неотложных дел и почти каждый день у нас были гости, поэтому никак не мог сесть за письма.

Те детективчики на машине ЦВЕ 24-39 следовали за нами по пятам до самого Карасубазара. Мы остановились возле дома Эльдара, они тоже. Риза и Усеин, выпив кофе, вскоре укатили обратно, а я остался у Эльдара. Через некоторое время исчезла и шпикмашина. — Они, видать, почуяли, что здесь их, как в Тамани, не собираются угощать чебуреками. Потом я съездил в местную милицию на регистрацию. Милицию, видимо, еще не предупредили о моем визите и они встретили меня как обычного поднадзорного уголовника. Задавали хамовито-шутливые вопросы, вроде: «Зачем приехал? Небось, собираешься бомбить здешние магазины?...» Ну а я, как заправский рецидивист-гастролер, отвечал высокомерным тоном: «Я не думаю, что здесь есть магазины достойные моего внимания».

Утром следующего дня мне принесли авиабилеты на 14 июня (позаботился Эльдар) и через несколько часов я выехал с одним товарищем в Симферополь. Побегали по книжным магазинам, а к вечеру приехали к Эбазеру. Переночевал у него и в 11 час. дня вылетел в Ташкент. Поскольку в запасе оставался еще один день, то задержался и в Ташкенте — сходил в больницу к Решат-ага, увиделся с некоторыми друзьями и 15 июня во второй половине дня прибыл я Янгиюль.

Дома было всё в порядке. Девочки из татфака, оказывается, организовали поочередные визиты к нам с ночевкой, так что Сафинар не было скучно и страшно. Она шлет тебе и всем тамошним друзьям большой привет. Хайсерчику я рассказал, что сосватал за него вашу дочь. Он знает, что у меня недурной вкус, поэтому возражать не стал.

Сейчас здесь очень много разговоров о Мубареке — многие возмущаются, проклинают. Похоже, что за это дело взялись всерьез и на высоком уровне. Поговаривают о возможности перевода туда редакций «Ленин байрагы» и журнала «Йылдыз», открытии там учебных заведений на нашем языке, о возможности учреждения там какой-то «национальной автономии» на время освоения каршинских степей. Проклинают в основном кое-каких наших интеллигентов, в т.ч. Шамиля Алядина, Тимура Дагджи, Черкез Али и некоторых других, которые рьяно взялись агитировать своих соотечественников, чтобы они выезжали на эту третью или четвертую «родину». Можно подумать, что дело стало за этими людишками. А то как будто не смогли бы найти других холопствующих скотов, ведь на таких никогда недорода не бывает.

Передай большой привет Серверу, родителям, Зареме, Осману, Афизе, тем двум молодым людям, которые привозили тебя в Абинск, всем друзьям и близким.

Поздравляем вас всех с наступающим праздником Рамазана. Байрам шериф мубарек олсун!

Высылаю два экземпляра анкеты по Ленинскому району. Заполненный экземпляр анкеты, надеюсь, перешлешь мне в ближайшие дни. И еще, пожалуйста, перешли мне тот путеводитель по Крыму, если он тебе больше не нужен.

Пиши обо всех ваших и крымских новостях. Если увидишь Ильми (соседа Ризы), спроси, пожалуйста, удалось ли ему увидеться с Аллочкой и как она поживает.

Всего самого доброго.

Мустафа.

(Том 3, л.д. 89-90 — рукопись, том 3, л.д. 253-255 -ксерокопия)

49. Письмо М. Джемилева Аве Азаматовой (ст. Тамань) от 28 июля 1983 г.

28.07.83.

Селям дорогая Ава!

Я собирался писать тебе длинное письмо, описать подробно наши дела и свои приключения последних дней, но всё никак не мог выбрать для этого время. Сегодня вечером, как раз когда собирался взяться за это дело, пришли Зарема, Ниязи, Асан и Синавер. Особенно, конечно, был рад видеть Зарему — стало почти так же приятно, как если бы увидел тебя.

Большое тебе спасибо за три последних письма — от 11.07., 12.07. и 13.07. Насчет места для твоих писем в нашем доме можно не беспокоиться. Во-первых, одно из самых почетных мест (достаточно просторных) для твоих писем у нас всегда зарезервировано. Во-вторых, у меня на днях был повторный погромный шмон и мое хранилище для наиболее приятных писем основательно опустошили. Теперь придется хранить где-то подальше. На сей раз они прихватили с собой и меня, но через три дня отпустили, разрешили подышать свежим воздухом на время предварительного

следствия. Кажется, они наложили арест и на мою корреспонденцию. Я так полагаю, потому что со дня обыска (т.е. с 18.07.) в наш почтовый ящик не опустили ещё ни одного письма. Если это так, то на наш адрес писать пока нет смысла. Пиши по адресу: 702807., г.Янгиюль, тупик Стаханова, 6, Измайловой Меве. Это жена брата Сафинар.

О наших делишках расскажет тебе Зарема — я с ней поговорил немного и завтра утром, наверное, ещё кое что обговорю, хотя, правда, она собирается выехать из Янгиюля очень рано утром. А сейчас она уже спит — время 3 часа ночи. И ещё, тебя должен был навестить один мой товарищ из этих краев. Не приезжал?

Беспокоиться по поводу путеводителя особо не стоит. Очень неприятно конечно, что он оказался таким человеком, но... Как бы тебе это объяснить... Может быть звучит это несколько заносчиво, но я просто считаю для себя как-то несолидным делом ввязываться в перепалку с мальчишкой из-за книги, которая в общем-то особой ценности не представляет. Впрочем, видимо, я напишу для него несколько строк.

Привет всем близким и друзьям.

Всегда буду очень рад твоим письмам, тем более, что через некоторое время я, видимо, буду надолго лишен возможности ни получать, ни писать письма.

Всего самого наилучшего.

(Том 5, л.д. 35)

50. Содержание книги А. Григоренко «А когда мы вернемся...»

Содержания подшитых к делу ксерокопий листов из книги А. Григоренко «А когда мы вернемся...»
 Нью-Йорк, Изд-во фонда «Крым», 1977

л. д. 1 — Титульный лист книги А. Григоренко «А когда мы вернемся...», Фонд Крым, Нью-Йорк, 1977 г.,

л. д. 2 — Название книги № 1 Запись «Обложка работы Ф. Юртера».

л. д. 3 — Данные о книге на английском языке:

«And When We Return...»

by Andrew P. Grigorenko

Copyright

Crimea Foundation, 24 Greene Drive, Commack, N Y,
 USA. Manufactured in the USA

л. д. — 4

А когда мы вернемся

Оглавление

-5

I. Прощай Крым

-6

II. Ташкент. Год 1962

-10

III. Право на образование

-26

IV. Первые университеты

-28

V. Ташкент-Москва

-31

VI. Вопросы антропологии

-32

VII. Не ночуйте у знакомых	-34
VIII. «Дело Григоренко»	-36
IX. Вне стен Ташкентского КГБ	-45
X. В стенах Ташкентского КГБ	-48
XI. «Шесть дней»	-51
XII. Тридцатая годовщина	-86
XIII. Когда кончается лагерный срок?	-94
XIV. Суд скорый	-120
XV. После суда	-138
Вместо эпилога	-162
Приложение	
1. Информация № 115 представителей крымскотатарского народа о работе проделанной ими в г. Москвес	
2. Материалы пресс-конференции 3 декабря 1975 г. Москва	-171
а) Заявление для печати и радио Зинаиды и Петра Григоренко 24 ноября 1975 г.	-171
б) Сообщение из Крыма	-177
в) Ко всем, кому дороги жизнь и достоинство человека. З. Григоренко, Р. Джемилев, А. Сахаров, В. Хаирова, П. Григоренко	-178
г) Обращение родных М. Джемилева	-180
д) Справка специалиста о длительном голодании	-181
е) Рассказ Хаировой Васфие	-182
3. Обращение в защиту М. Джемилева на Западе	-183
4. Открытое письмо матерей и жен политзаключенных	-185
5. Обращение к руководителям коммунистических и рабочих партий, к коммунистам, социалистам, демократам и всем честным людям	-188
6. Экстренное информационное сообщение крымских татар для западной прессы, телевидения, радио (с тремя фотографиями разрушенных крымской милицией домов). Апрель-май 1976 г.	-190
7. Обращение ко всем людям доброй воли и мировой общественности июль 1976 г.	-193
8. Документы Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР (о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта Европейского совещания в «деле Джемилева»)	-197

л. д. 5-7. — «Предисловие», подписанное «Национальный центр крымских татар». (стр. 1-3 книги)

л. д. 8. — Сообщение о готовящегося к печати Самиздатовского сборника «Шесть дней».

л. д. 10. — Национальный центр крымских татар
Committee for the Return of Crimean Tatars
to their Homeland

Образован Фонд «Крым»

Фонд «Крым» ставит перед собой задачи:

— распространять информацию о положении, в котором находятся татары и другие национальные и религиозно-этнические группы Крыма;

— предавать гласности факты политических и административных репрессий против участников Крымского национального движения;

— способствовать сохранению и развитию материальной и духовной культуры Крыма.

В своей деятельности Фонд «Крым» не руководствуется соображениями экономической или иной выгоды и в силу этого нуждается в общественной поддержке.

Добровольные пожертвования можно направлять по адресу:

Crimea Foundation, 24 Greene Drive, Commack, N. Y., 11725, USA

или на банковский счет Фонда:

Lincoln Saving Bank

Queens Office

46-13 Greenpoint Avenue

Sunny side, N. Y. 11104

Account № 08-44-237-10.7

Фонд «Крым» основан на добровольных пожертвованиях следующих лиц:

Ф. Юртер, Ибраим Алтан, Исмаил Алтан, Мубейин Алтан, Андроуплло Анастаси, Арлик Астарита, Ахмедша Али, Абдураман Эмек, Абдураман Чадол, Андрей Григоренко, Мухаммед Дадали, Фатих Джанбога, Мария Джозеф, Йе Ченч, Марио Константиnius, Анатолий Левитин-Краснов, Павел Литвинов, Юнус Молбай, Эдем Муедин, Сергей Мюге, Абляким Сарайла, Мемет Севдияр, Мидат Тимур, Борис Шрагин, Елена Штейн.

л. д. 11. — Портрет Андрея Григоренко, его правозащитная деятельность, аннотация на русском и английском языках к его книги «А когда мы вернемся...»

(Том 3, л. д. 1-11)

IV. Показания свидетелей***

Показания свидетеля Мороз Петра Ивановича

(1954 г.р., русский, образование среднее, ст. инспектор ОВД Темрюкского РИКа, адрес: Краснодарский Край, Темрюкский р-н, ст. Старо-Татаровская, переулок Железнодорожный, 5).

«Рапорт» Мороз П. И. начальнику Темрюкского РОВД майору милиции Пихтереву Ю. В. от 5.06.1983 г.

Довожу до Вашего сведения, что находясь на службе ГАИ «Ильич» с 8.00 до 20.00 5.06.83 г. я проверял транспорт проходящий. В 12 час. 40 мин. к посту подъехала колонна легковых автомобилей в количестве 7 автомобилей впереди колонны находился автомобиль ГАЗ-24 А42-00 КК. При проверке документов я увидел в автомобиле длинный сверток в виде скрученного ковра спросил у водителя, что это у вас, он ответил, что перевозят труп, я попросил соответствующие документы, при этом со всех этих семи автомобилей вышли люди мужского пола, все были восточной национальности на всех были головные уборы в виде «тюбетейки» и начали подходить ко мне при этом водитель головной машины в которой сидел старик сказал: «Что какие документы вас интересуют. Я перечислил свидетельство о смерти и что труп нужно перевозить в цинковом гробу, иметь при себе разрешение на захоронение за пределы Абинского района, но у них этого не оказалось. Они начали требовать председателя райисполкома и начальника милиции. Я сообщил дежурному РОВД и сказал, что эта группа требует прибытия председателя райисполкома и начальника милиции. Примерно в 12 час. 40 мин., когда находился в посту, несколько человек зашли в здание поста, я попросил их выйти, при этом они начали громко кричать, что я поступаю незаконно, я их успокаивал, говорил чтобы они подождали, так как я ждал дальнейших указаний. Когда я вышел со здания поста возле поста находились люди примерно в количестве 35 человек, каждый почти из них кричал, что за порядки такие, я их успокаивал, что через несколько минут приедет председатель райисполкома и руководство, но они не реагировали на мои уговоры. Я им объяснил, что сомневаюсь, что у вас это труп, при этом они не позволили мне посмотреть, что находится в автомобиле ГАЗ-24 А42-00 ЦВК, я им предложил отойти в сторону от здания поста согласно существующей инструкции, при этом они выкрикивали, что мы его слушаем, кто он такой, он просто работник ГАИ, он занимается не тем чем положено, кто кричал я не могу сказать, так как шумела вся толпа. Особенно среди них выделялись один маленького роста с бородкой, второй среднего роста лет 40-45 с правильными чертами лица. Я им всячески пытался доказать, что я выполняю свой долг и несу службу, я несу ответственность за это. Они при этом начали унижать меня. Ты что объясняешь ему, это не для средних умов, он все равно ничего не поймет, он же робот и совести человеческой у него нет.

Примерно в 13 час. 40 мин. подъехал председатель райисполкома вместе с зам.начальника ОВД Зайцевым В.П. В этот момент двое из них татарской

*** Рапорты, показания или выдержки из показаний перепечатаны из подлинников дословно без исправления допущенных в оригинале грамматических ошибок.

национальности, один из них водитель автомобиля ВАЗ №05 18-00 ЦВЕ находились в здании поста выражался нецензурной бранью, в пост вошел пом. ОВД Зайцев В.П. и требовал от этого гражданина, чтобы он не ругался, не выражался нецензурной бранью и предложил выйти со здания поста. Через некоторое время только вышли затем вновь вошли, мешая нести мне службу Зам. нач. милиции т.Зайцев убеждал их разъясняя им, но они кричали. Особенно выделялись среди них вышеупомянутые двое мужчин. Они выкрикивали разные лозунги антисоветского характера, а толпа чувствуя их поддержку подхватывала их возгласы и действовала еще активнее. Первый кричал, что уже 40 лет крымских татар преследуют и что СССР большая тюрьма, а второй выкрикивал «Здесь нам устроили геноцид, это вторая палестинская проблема и т.д.» Через некоторое время, когда я находился в здании поста, раздались крики. Они разделились на две группы. Одна из них окружив Зайцева В.П., выкрикивали всякие слова, а вторая, вытащив сверток в виде ковра, тот что лежал в автомобиле ГАЗ-24 похожий на тело, подняли на руки и затем понесли в сторону паромной переправы п.Кавказа. Я продолжал нести службу на посту. Что происходило на п.Кавказа я не знаю.

Ст. инспектор ОВД Мороз П.И.
5.06.83.

(Том. 5, л.д. 6-7)

Из протокола допроса Мороз П. И. от 22.09.1983г.

5 июня 1983 г. я нес службу с 8 час. утра на посту ГАИ «Рубеж» поселка Ильич. Этот поселок находится на границе РСФСР с УССР. На пост поступает большая информация о розыске угнанного и похищенного транспорта. В связи с этим на посту нами, работниками ГАИ, осматривается весь выезжающий из пределов РСФСР транспорт, т.е. проверяется наличие водительских документов, правильность их заполнения, а также соответствие номеров двигателей и кузовов. За последние двое суток была ориентировка на кражу в городе Темрюке.

5 июня 83 г. примерно в 11 часов или 12 часов 30 мин. к поселку со стороны Краснодарского края подошла колонна легковых автомобилей, впереди которой был автомобиль ГАЗ 24 зеленого цвета госномер А42-00 КК. При проверке водительских документов я спросил у водителя, что это за предмет. Водитель с насмешкой ответил, что перевозят оружие. Позже, когда я стал настойчиво интересоваться, он сказал, что перевозят для захоронения в Крымскую область труп. Тогда я спросил, есть ли документы на труп. Водитель показал мне свидетельство о смерти, но на руки мне не давал. Я им объяснил правила перевозки трупов через паромную переправу о том, что перевозка открытым способом запрещена и для переправки труп должен быть уложен в оцинкованный гроб. Я им объяснил, что пропустить их не могу, так как выполняю инструкции и свои должностные обязанности...

Первым на пост приехал начальник отдела КГБ Темрюкского района Грузин Г. Г., которому я доложил обстановку...

После этого мы все вышли из помещения поста ГАИ и Зайцев стал им разъяснять, что без цинкового гроба и разрешительной справки о захоронении трупа в Крымской области, труп не может быть перевезен, так как это запрещено согласно закону и инструкции о порядке перевозки трупов. Тогда среди участников похорон и начались

волнения, они начали толпой обступать нас, выкрикивали разные оскорбления, а двое из них, которые себя называли сыновьями покойного, стали выкрикивать явно антисоветские лозунги. Так, один из них маленького роста, худощавый, с бородой и усами, продолговатым квадратным лицом начал говорить, что «вот уже 40 лет наш народ лишен свободы, нас постоянно притесняют и преследуют, Советский Союз это большая тюрьма и т.п. Второй мужчина не менее рьяно выкрикивал разные антисоветские высказывания, как например, «Здесь нам устроили геноцид, крымских татар хотят стереть с лица земли, это вторая палестинская проблема» и т.д., все не запомнишь, какие только выпады они не делали...

Не менее активно действовал и водитель автомашины ВА3-21-05 госномер 18-00 ЦВЕ красного цвета... Так я хорошо помню он кричал «вы устроили в СССР режим Пиночета»...

Вместе с нами зашел и мужчина с бородкой (один из активистов группы). Сильно возбужденные, они начали меня обзывать и оскорблять разными нецензурными словами...

После этого они вышли с поста, собрались толпой, мужчина с бородкой начал нам говорить что-то на своем языке и они подошли к ГАЗ-24, вытащили сверток с трупом и понесли его на руках в сторону паромной переправы порта «Кавказ». Все работники милиции и другие лица поехали к паромной переправе. Остался только один Зайцев, который тоже минут через 5 поехал туда же. Все автомашины участников похорон тоже поехали туда, кроме ГАЗ-24 и ВА3-21-05, технические паспорта которых находились у меня. Через часа 3-4 они и подъехали со стороны переправы колонной, я им вернул техпаспорта и они поехали в сторону г.Крымска». *(подпись)*.

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 51-53)

Показания Рудневой Валентины Зиновьевны.

(1923 г.р., родилась в г. Омске, русская, образование 7 кл., билетер-кассир Керченской паромной переправы; адрес: г. Керчь, ул. Щорса, 3, кв. 36.)

Из «рапорта» Рудневой В.З. начальнику Керченской паромной переправы Колесникову М. И. от 5.06.1983 г.

«... ввиду того, что труп был без цинкового гроба и не было разрешения на ввоз его в Крым, водителю этой автомашины было предложено отъехать в сторону от ворот и не мешать работе переправы до решения вопроса с руководством переправы и местными органами власти...» *(Далее по тексту письма Колесникова М.И. прокурору Краснодарского края — л.д. 1)*

(Том 5, л.д. 3)

Из протокола допроса Рудневой В. З. от 6 октября 1983 г. (в УВД г. Керчи).

«Я работаю кассиром Керченской паромной переправы в течение 25 лет..

Примерно в 15 часов к окну кассы подошел один мужчина и подав мне несколько

технических паспортов автомашин, попросил оформить билеты на переправу. На мой вопрос имеется ли груз (при наличии груза производится дополнительная оплата) мужчина ответил, что они везут покойника и попросил ускорить переправу. Я стала оформлять билеты. Когда оформила билет на первую автомашину марки ГАЗ-24, меня из кассы пригласил один работник милиции в форме и сказал, чтобы я прекратила оформление билета на эту группу автомашин, вернее на автомашину ГАЗ-24, так как они перевозят покойника без цинкового гроба и без разрешения на ввоз его в Крымскую область. Тогда я прекратила оформление билетов на последующие машины... Но он наотрез отказался возвращать билеты, сказав, что билеты ему проданы на общих основаниях...

В 18 час. 30 мин. я сдала смену и уехала домой и группа участников похорон продолжала находиться там.

Из этих людей я никого узнать не смогу, так как не присматривалась к ним и их было много».

(Том 5, л.д. 127-128)

Показания Кулагиной Галины Дмитриевны

(1945 г.р., родилась в г. Феодосии, русская, образование средне-техническое, член КПСС с 1982 года, диспетчер Керченской паромной переправы; адрес: г.Керчь, ул.Ярошень,6)

Из «рапорта» Кулагиной Г. Д. начальнику Керченской паромной переправы Колесникову М. И. от 5.06.1983 г.

«...ввиду того, что труп был без цинкового гроба и у сопровождавших его лиц не было разрешения на перевозку трупа в Крым, водителю автомашины было предложено отъехать в сторону от ворот и не мешать работе переправы до решения вопроса с руководством переправы и местными органами власти...» *(просит «принять необходимые меры»)*.

(Том 5 л.д. 4)

Из протокола допроса Кулагиной Г. Д. от 6 октября 1983 г.

(в городском родильном доме в г. Керчи)

«... В связи с тем, что труп был без цинкового гроба и у сопровождавших его лиц не было соответствующего разрешения на перевозку трупа в Крым, водителю автомашины было предложено отъехать в сторону и подождать оформления до решения о возможности перевозки автомашины с трупом с администрацией переправы и местными органами власти, т.е с должностными лицами. Сообщив мне об этом Волошина спросила, что ей делать. Я ей сказала, чтобы не оформляла провоз автомашины с трупом до тех пор, пока не будет решен вопрос с гробом и только после этого при наличии необходимых документов будет осуществлена перевозка...

Хочу дополнить, что я звонила и билетному кассиру Рудневой, чтобы она не оформляла перевозку трупа, пока не будут соблюдены все правила перевозки.

Протокол написан собственноручно и верно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д.129-130)

Показания Иванова Михаила Григорьевича.

(1937 г.р. родился в Ростове-на-Дону, русский, образование среднетехническое, ст. помощник капитана «пл.-Керченский-2», адрес: г. Керчь, 2-ой Портовый переулок 5, кв.6).

Из «рапорта» Иванова М. Г. начальнику Керченской паромной переправы Колесникову М. И. от 5.06.1983 г.

«... въезд автомашин на территорию ворот был закрыт автомашинами ГАЗ-24, А4200 КК, ВАЗ 2103 №8105 ЦКЖ и др...

Фактически водители вышеуказанных автомашин, перекрыв въезд на переправу п.Кавказ, нарушили ее работу, создали около въезда скопление автомашин...» (сообщает для принятия «соответствующих мер»).

(Том 5, л.д.5.)

**Из протокола допроса Иванова М.Г.
от 6 октября 1983 г.**

(в помещении Керченской паромной переправы).

5 июня 1983 г. по распоряжению дежурного диспетчера паромной переправы в соответствии с действующим расписанием паром «Керченский-2» прибыл в порт Кавказ в 17 час. 45 мин...

Я на некоторое время выходил из судна на берег, чтобы узнать в чем дело. Мне сказали, что в автомашине лежит труп без гроба, который они хотят переправить в порт Крым...

На берегу я находился 5-10 минут, после чего я опять пошел на судно и ждал там... Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 131).

Показания Гудзь Виктора Петровича

(1955 г.р., родился в ст. Тамань, русский, кандидат в члены КПСС с октября 1982г., образование высшее, окончил в 1977 году Кубанский сельхозинститут, командир взвода дорожно-патрульной службы ОВД Темрюкского РИКа, ст. лейтенант. адрес: г. Темрюк, ул. Таминская, 56, кв.32, тел.52918)

Из «рапорта» Гудзь В. П. начальнику Темрюкского РОВД майору милиции Пихтереву Ю. В. (без даты).

«... Из автомобиля ГАЗ-24 вышел зам.начальника РОВД майор милиции Зайцев В. П. и секретарь райисполкома Кулищ М.М., Зайцев В. П. спросил у меня: «Ты едешь с поста ГАИ», я ответил, что нет. Тогда он дал мне указание с ним и секретарем райисполкома следовать на пост ГАИ. По дороге они мне рассказали, что на посту ГАИ ст. инспектор дорожно-патрульной службы милиции Мороз П.И. задержал колонну автомобилей лиц крымскотатарской национальности, которые пытались перевезти в Крымскую область труп умершего татарина.

На пост ГАИ мы прибыли в 13 часов 40 мин., там из работников милиции были ст.

ИДПС Мороз П. И., уч. инспектор Коцур Б.Д. и милиционер ОДМ Бондаренко В. И. Вокруг поста находилось примерно 40 лиц крымскотатарской национальности и 7 автомобилей, принадлежащие им, кубанской и крымской серии. Зам.начальника Зайцев В.П. зашел в помещение поста, там находились начальник Темрюкского отделения КГБ Грузин Г. П. В помещение поста зашли лица крымскотатарской национальности и потребовали пропустить их в Крымскую область. Из помещения поста вышли Зайцев, Грузин Г. П., Кулеш М.И. и стали объяснять лицам крымскотатарской национальности, что провоз трупа запрещен, так как у них нет разрешения на захоронение в Крымской области и труп не находится в цинковом гробу.

Но лица татарской национальности подняли крик, особенно часто высказывались граждане к которым обращались по имени «Мустафа» и «Асан». Они высказывали, что здесь Палестина, вы здесь нам установили «геноцид». Затем они подошли к ст. ИДПС Мороз П.И. требовали, чтобы он вернул свидетельство о смерти. Мороз П.И. ответил, что свидетельства у него нет. Они начали кричать мы тебе давали свидетельство, ты нам его возврати...

Водители этих автомобилей зашли в помещение поста, там находился Мороз П.И. Я зашел на ними в помещение поста. Они начали кричать на Мороза П.И., вели себя вызывающе, требовали, чтобы Мороз П.И. возвратил им документы на автомобили. Я начал их успокаивать и сказал, что возвратить документы Мороз не имеет права до тех пор, пока не приедут представители из ГАИ Абинска, так как на пост поступило указание задержать их автомобили и документы...

(Далее Гудзь повествует о ситуации на переправе).

«... Там «Мустафа» выкрикивал, что вы мне уже 40 лет не даете свободы. «Асан» выкрикивал, что во всем виновата «Советская власть, я не доволен советской властью, она не дает мне спокойно жить». Граждане русские сделали ему замечание, почему он так выражается против советской власти. «Асан» ответил: «Я знаю, что я говорю».

Я считаю, что ответственными за эти действия должны быть «Мустафа и «Асан», которые руководили всеми действиями лиц татарской национальности.

Командир взвода ДПС ст. лейтенант милиции Гудзь В.П.»

(Том 5, л.д. 8-11)

Из протокола допроса Гудзь В.П. от 21 сентября 1983г.

«... По дороге Зайцев сообщил, что старший инспектор дорнадзора Мороз П.И. примерно час назад остановил колонну автомашин с лицами крымскотатарской национальности. В одной из автомашин ГАЗ-24 фургон находился труп, завернутый в ковры без гроба, которого пытаются без справки на разрешение захоронения и цинкового гроба перевезти через Керченский пролив на пароме в Крымскую область...

На переправе Мустафа начал кричать «Вы уже сорок лет не даете мне свободы». А Асан кричал, что во всем этом виновата Советская власть, далее он продолжал «Я не доволен советской властью, она не дает мне спокойно жить...»

Особенно активно вел себя Асан, не менее активно вел себя и Мустафа. Из-за них по существу произошли беспорядки как на посту ГАИ, так и на паромной переправе...

Но Асан хлопнул дверью и вышел из помещения дежурного и стал выкрикивать, что им в СССР устроили вторую Палестину. А когда приехали работники милиции Абинска, участники похорон сразу развернулись и уехали.

Я считаю, что ответственность за эти действия должны нести Мустафа и Асан, которые руководили всеми действиями лиц, участвовавших в этой похоронной процессии. Мустафу и Асана я запомнил хорошо и опознать смогу уверенно.»

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д.48-50)

Показания Дереева Геннадия Григорьевича

(в 1948 г.р., русский, образование средне-техническое, дежурный инспектор Абинского дивизиона дорожного надзора, ст. лейтенант, адрес: г. Абинск, ул.Пермонтова, 25-а)

Из «рапорта» Дереева командиру ОДДН г. Абинска подполковнику милиции Головки Н. Д. от 7.06.1983 г.

«Докладываю, что при несении службы на гос. дороге Краснодар-Новороссийск 5 июня 1983г. согласно Вашего указания я, в числе десяти наших сотрудников на трех патрульных автомобилях выехали на Керченскую переправу для оказания необходимой помощи при попытке лиц татарской национальности переправить труп в Крым.

Прибыв на место я увидел, что у закрытых ворот стоит ГАЗ-24-02 42-00 с открытой задней дверкой, где лежало что-то, завернутое в тряпки, как потом оказалось — труп...

Спустя некоторое время прибыл зам. начальника Крымского облисполкома т. Денисов...

Из всех орущих особенно выделился низенький с бородкой в зеленой тюбетейке. Он постепенно со злобой пререкался с т.Денисовым, а когда граждан, желающих уехать на пароме в Керчь стало еще больше, его выкрики приобретали явно антисоветский характер...

Слыша это граждане естественно возмутились. Слышались даже выкрики «Что вы с ним нянчитесь, да мы эту машину на руках уберем». И вот здесь-то этот татарин с зеленой тюбетейкой и вошел в раж. Вот его слова «вы всю жизнь травите нас, вот уже сорок лет как мы без родины и каких-либо прав, мы для вас не люди, так режьте нас, стреляйте, все равно мы своего добьемся». Чего своего, то ли перевезти труп, то ли еще что...

Выкрики слышались со стороны кучки лиц татарской национальности различного содержания, уже ясно какого, но у этой зеленой тюбетейки прослеживалась определенная канва...

И только после того, как т. Денисов дал им пояснительную бумагу старейшие вроде бы уgomонились, одна тюбетейка не соглашалась, уговаривая: «Вон Крым, и нам туда надо». Как потом выяснилось, его имя было Джемилев Мустафа, о чем сказали наши сотрудники...

Затем был и такой выпад со стороны Джемилева как «Завтра о ваших притеснениях будет говорить «Би-Би-Си» и «У фашистов и то было больше человечности».

После чего четыре автомашины все-таки двинулись в сторону г. Абинска, очевидно видя, что ничего не получится, но свернули в сторону п. Тамань. Они старались оторваться, варьировали скоростью, но мы их преследовали до конца, то есть до

кладбища, и там наблюдали весь процесс захоронения во избежание подмены трупа. Оставлен круглосуточный пост и мы вернулись в подразделение, а похоронный кортеж остался в п. Тамань.

7.06.1983г.

И.д. ст. лейтенант Дереев»

(Том 5, л.д.12-14)

**Из протокола допроса Дереева Г. Г.
от 25 сентября 1983г.**

(В прокуратуре г. Абинска)

... Нам объяснили, что группа лиц татарской национальности незаконно пытается перевезти труп в Крымскую область и наша задача не пропустить провоза и обеспечение порядка, т.к. эта группа нарушает общественный порядок и пытается создать конфликт провокационными выкриками. У закрытых ворот переправы было большое скопление народа, так как паром не ходил, а количество прибывающих граждан все увеличивалось...

Из всех кричащих особенно выделялся мужчина низкого роста с бородой, в зеленой тубетейке. Он постоянно со злобой и очень агрессивно пререкался с Денисовым и другими работниками милиции, а когда граждан, желающих уехать в Крым, на пароме стало больше, он обращаясь к гражданам, пытался спровоцировать их на участие в беспорядках, то есть он искал поддержку среди граждан...

Кроме того, он кричал, что здесь им устроили геноцид и что это вторая Палестина...

Потом они стали требовать у Денисова письменную расписку о том, что им запрещается перевозить труп, что Денисов и сделал. И только после этого толпа угомонилась...

В о п р о с: По поводу данного инцидента участники похорон распространили «Обращение» в организацию «Исламская Конференция», в котором в частности указано: «Один из офицеров старший лейтенант милиции Дереев Геннадий открыто обратился к водителю, стоявшего неподалеку тяжелого грузовика с предложением наехать на легковой автомобиль с покойником, обещая оформить это как случайное дорожное происшествие». Поясните, соответствует ли это действительности?

О т в е т: Нет это самая настоящая ложь. Это также провокационно, как и поведение участников похорон на переправе. А мою фамилию они знают или узнают через жителей г.Абинска, которые участвовали на этих похоронах, в частности от того же водителя ГАЗ-24, которого я хорошо знаю и который меня также хорошо знает.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, прочитано вслух. *(Подпись).*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д.71-75)

Показания Зубова Николая Георгиевича

(1953г.р., русский, член КПСС с 1976г., образование средне-техническое, инспектор по розыску отдельного дивизиона дорожного надзора милиции УВД Краснодарского крайисполкома с местом дислокации в г. Абинске, лейтенант милиции; адрес: г. Абинск, ул. Ленина,7)

**Из «рапорта» Зубова Н.Г. командира отдельного дивизиона
дорожного надзора милиции ГАИ УВД Краснодарского края
подполковнику милиции Головки Н. Д. (без даты).**

«Довожу до Вашего сведения, что 5.06.1983 года я вместе с нашими сотрудниками ОДДН выехал на Керченскую переправу, для оказания Темрюкскому ОВД при попытке лиц татарской национальности переправить труп без цинкового гроба через паром в Крым...

... вдоль салона лежал труп, который был завернут в цветное покрывало, рядом с ним лежал один татарин, после выяснилось, что люди которые собирались у переправы стали возмущаться и говорить, чтобы они убрали автомобиль, так как там находится труп и от него идет запах. Но один из татар, маленький ростом с бородкой, в зеленой тюбетейке пытался доказать людям, что никакого запаха там нет, так как мы его сильно забальзамировали и для того, чтобы люди не шумели они положили туда одного человека...

Этот с бородкой и еще один из них ростом чуть выше подстрекали участников похорон на нежелательное выполнение требований работников милиции. Вся группа лиц смотрела на них и поступала как они поступают. Спустя несколько времени прибыл зам.начальника Крымской области тов. Денисов. Он начал то же самое объяснять, но эти двое особенно низкого роста с бородкой подошел к тов. Денисову и стал ему доказывать, что это не по закону, а татар вы вообще всегда притесняете. Он постепенно со злобой пререкался с тов. Денисовым, а когда граждан желающих уехать на пароме в Керчь стало еще больше, его выкрики приобрели явно антисоветский характер...

... чего своего я так и не понял, то ли перевезти труп, то ли еще чего. Гражданское население пришло в такое возмущение, что мы их с трудом сумели удержать...

И только после того как Денисов дал им письменное пояснение старший из них старик высокого роста с лысиной вроде бы уgomонился, только этот с бородкой в зеленой тюбетейке и второй выше ростом не соглашался. Они указывали «вон Крым, и там наша Родина, туда нам надо»...

Я слышал с разговора тов. Денисова, что этого татарина с бородкой фамилия Джемилев Мустафа.

Инспектор по розыску лейтенант милиции Зубов Н. Г.»

(Том 5, л.д. 15-16)

**Из протокола допроса Зубова Н. Г.
от 25 сентября 1983г.
(В ОВД Абинского РИКа)**

... Некоторые граждане говорили, что от трупа исходит неприятный запах и просили также убрать автомашину ГАЗ-24, в которой находится труп. Один из участников похорон маленького роста с бородой в зеленой тюбетейке пытался доказать гражданам, что никакого запаха от трупа нет, так как они хорошо забальзамировали его и для убедительности посадил в машину одного человека — из участников этих похорон...

Вся группа участников похорон смотрела на них двоих и поступала как они поступают...

Тут к Денисову подошел мужчина с бородой и начал говорить, что наши действия незаконны, что все это специально подстроено органами КГБ, что татар вот уже 40

лет притесняют, далее он продолжал: «Мы для вас не люди, так режьте нас, стреляйте, ведь мы пришли сюда без оружия, а вас вон сколько собралось вы на это и способны, но мы все равно своего добьемся...»

(далее что-то о «Би-Би-Си»)

Потом Денисов дал им письменную расписку о том, что труп нельзя перевозить. Некоторые из них уgomонились, а эти двое не хотели соглашаться...

В результате незаконных действий этих лиц паромная переправа простояла более трех часов...

Я считаю, что организатором этих беспорядков на паромной переправе являются эти два называвшие себя сыновьями покойного, так как участники похорон прислушивались только их подстрекательских призывов и в течение долгого времени они были трудно управляемы и мы не могли их сдержать.

Протокол допроса мною прочитан, с моих слов написано верно.

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 77-79)

Показания Гусельникова Сергея Алексеевича

(1957 г.р., русский, член КПСС с 1981г., образование среднее, старшина дивизиона ОДДН УВД Краснодарского Крайисполкома в г.Абинске, адрес: Краснодарский край, Крымский р-н, Пригородный сельсовет, ул.Ворошилова,42)

Из «рапорта» Гусельникова С.А.

от 6.06.1983г.

(Кому адресован «рапорт» — не указано).

«... Из всех кричащих особенно выделялись мужчина низкого роста, с бородкой в зеленой тюбетейке, он все время пререкался с т. Денисовым, а когда вокруг них собралось около 50-ти человек, то его возгласы приобрели явно антисоветский характер...

... выкрикивал клеветнические слова в адрес руководства и органов партии, говорил что «Вы нас совсем забили, вы топчите нашу свободу уже сорок лет,.. об этом будет говорить «Голос Америки», «Би-Би-Си» и т.д.

Так они по очереди кричали, а толпа подхватывала...

На это волнение мужчина с бородкой начал кричать «это провокация КГБ»...

И только после того, как Денисов дал им письменную расписку, что не может пропустить их в Крым без цинкового гроба и соответствующих документов, выкрики кучки лиц татарской национальности стали затихать.

(том 5, л.д. 17-18)

Из протокола допроса Гусельникова С.А.

от 27 сентября 1983 г.

(В ОВД Абинского РИКа)

... выехали на переправу Керчь — порт Кавказ, для оказания помощи сотрудникам Темрюкского РОВД. Нам объяснили, что задачу нам поставят на месте...

Зам начальника Темрюкского РОВД Зайцев объяснил, что эта группа крымских татар намеревается перевезти на территорию Крымской области труп без цинкового

гроба и соответствующих документов... Поэтому, сказал Зайцев, наша задача не допустить провоза трупа и успокоить разбушевавшихся участников похорон и он распределил нас на группы...

...делались выкрики антисоветского содержания и другие злобные выпады.

Через некоторое время прибыл Денисов, который тоже обращаясь к участникам похорон, сказал, что автомашина с трупом не будет пропущена в Крымскую область без цинкового гроба и соответствующих документов или другого, заменяющего гроб предметом, чтобы труп был изолирован от окружающей среды...

Возгласы мужчины с бородой приобретали явно антисоветский характер. Он подстрекал участников похорон к конфликту и призывал не выполнять наши требования убрать автомашину и покинуть паромную переправу. Он обращался к толпе, к собравшимся гражданам, чтобы те их поддержали. Но люди его не поддержали. Затем он стал выкрикивать клеветнические слова в адрес руководства и органов партии, говоря, что крымских татар притесняют с ведома партийных органов. В частности он говорил: «Вы топчете нашу свободу уже 40 лет». Эти выкрики подхватывали другие участники похорон, а он чувствуя поддержку начал продолжать в таком же духе. «Что же вы на нас смотрите, стреляйте, режьте нас, но мы все равно переправим труп на ту сторону, он так завещал и об этом инциденте завтра будет говорить «Голос Америки», «Би-Би-Си».

Затем стал продолжать второй, назвавший себя сыном покойного. Обращаясь к участникам похорон он говорил: «Не слушайте их, мы все равно должны перевезти труп в Крым». Далее он продолжал, что здесь им устроили геноцид и, что это вторая Палестинская проблема. Так, эти двое поочередно делали провокационные выпады, а участники похорон подхватывали и не думали подчиняться нашим требованиям.

Собравшиеся граждане пришли в возмущение, они говорили: «Вы нам скажите, мы эту машину вынесем на руках». Мы с трудом сумели удержать возникновение надвигающегося эксцесса. Мужчина с бородой начал кричать, что это провокация КГБ...

Потом он потребовал от Денисова письменную расписку, что нам не разрешается вывозить труп. Денисов написал такую бумагу и дал ему...

На кладбище из разговоров татар я узнал, что мужчину с бородой зовут Мустафа Джемилев...

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 106-109)

Показания Зайцева Владимира Петровича

(1949 г.р., украинец, родной язык русский, член КПСС с 1971 г., образование высшее юридическое, зам.начальника Темрюкского РОВД по политико-воспитательной работе, адрес: г. Темрюк, ул. Таманская, 56 «б», кв.4.)

Из «рапорта» Зайцева В. П. начальнику Темрюкского РОВД майору милиции Пихтереву Ю. В. от 5.06.1983 г.

«Довожу до Вашего сведения, что 5 июня 1983г. около 12 часов 35 мин. дежурный по РОВД капитан милиции Баки Ю.Я. сообщил мне, как ответственному дежурному от руководства РОВД, что на посту «Рубеж» ГАИ в поселке Ильич находится колонна автомобилей в количестве 7-8, жигули, Волга ГАЗ-24-02 и другие легковые автомобили,

в которых находится около 40 человек лиц предположительно татарской национальности и эта группа лиц пытается вывезти какой-то труп за пределы Краснодарского Края без соответствующих документов. Эта группа требует от сотрудников милиции, чтобы их пропустили, в противном случае они прорвутся силой и сбросят сотрудников милиции в море...

... около 30-35 мужчин и одна женщина...

Кто-то из лиц татарской национальности, по-моему он назвался братом покойного, это был небольшого роста старичок лет 70-80 в тубетейке, который пояснил, что его брат умер в Новороссийске, а завещал похоронить себя на Родине предков — в Крыму. Я попросил предъявить документы, они показали свидетельство о смерти и справку санврача Абинского р-на, что разрешается вывезти труп за пределы Абинского р-на за пределы Краснодарского края. Документы эти они в руки никому не давали, позволили прочесть на расстоянии. В это же время приехал начальник РОУ КГБ Грузин Г. Г....

Видя, что обстановка накаляется и зная о том, что дежурный по РОВД доложил в УВД и я лично вышел по телефону на дежурного УВД и получил инструкцию, что эти лица татарской национальности в установленном порядке вопрос о захоронении в Крыму не решили, документов нет и в связи с этим пропустить колонну нельзя, необходимо вернуть ее в г.Абинск...

... и на руках понесли в сторону переправы. Как я указал выше, минут где-то через 10 или 20 после прибытия меня и нарядов милиции на пост прибыл начальник РОУ КГБ Грузин Г.Г., потому что по моему указанию разыскал его дежурный по РОВД, так как татары выкрикивали антисоветские лозунги и заявляли, что сотрудники милиции создают конфликт, сознательно создают критический конфликт, я и дал команду сообщить об этом в РОУ КГБ.

Видя, что татары оказывают явное неповиновение требованиям сотрудников милиции и прорываются на переправу, я направил всех сотрудников милиции РОВД 15 человек на переправу, сообщил о происшедшем в УВД мне выслали на помощь еще из РОВД 10 человек и 15 сотрудников приехало из дивизиона милиции из г.Абинска. Татары приехали к воротам переправы, блокировали ее, не пропускали другой транспорт и требовали, чтобы их переправили...

Руководителями группы лиц татарской национальности были Мустафа и Асан Джемилевы, которые называли себя сыновьями покойного. На посту Мустафа заявил, что мы, сотрудники милиции, и провоцируем политический конфликт, что умышленно их не пропускаем, так как унижаем их нацию крымских татар...

По прибытию к переправе, они начали еще больше накалять обстановку, пытались натравить на сотрудников милиции пассажиров, находящихся в районе переправы...

Водитель ГАЗ-24-02 А-4200 КК кричал мы для вас негры, но с неграми в Америке обращаются лучше и даже после того, как братья Джемилевы дали команду отъехать и не препятствовать транспорту, он продолжал кричать, что не отъедет и не подчиниться требованию сотрудников милиции...

И также видя, что мне на помощь прибыл наряд милиции из Керчи около 30 человек и получив отказ на их незаконные действия автомобили лиц татарской национальности отъехали от переправы и миновали пост «Рубеж», прибыли в ст. Тамань, где и захоронили труп. При захоронении никаких нарушений не было. Все сотрудники РОВД действовали четко и бдительно и не допустили дальнейшего осложнения обстановки.

Зам. начальника РОВД по ПВР. (подпись). 5.06.83г.»

(Том 5, л.д. 19-25)

**Из протокола допроса Зайцева В.П.
от 22 сентября 1983 года**

... Где-то около 12.30 — 12.40 мин. дежурный по РОВД капитан милиции Баки Ю.А. прислал ко мне сержанта милиции и сказал, что надо срочно выехать в РОВД так как случилось происшествие. На посту ГАИ «Рубеж» какая-то группа лиц по их словам перевозили труп для захоронения в Крым, но никаких документов по поводу смерти не имеют и высказывают угрозы в адрес инспектора ГАИ Мороз П. И....

... в противном случае они сбросят сотрудников милиции в море...

Мороз сказал, что из толпы несутся антисоветские выкрики и он настоятельно просит помощь... Получив информацию от Мороз П.И. об антисоветских выкриках, я принял решение сообщить о происшествии в РО УКГБ, но в отделении никого не было, сторож подсказал, где можно найти Грузина Г.Г., начальника РО УКГБ, он отдыхал с семьей в станице Голубицкой...

Один из них, как впоследствии я узнал по водительскому удостоверению, Чайлак Рифена, 1933 г.р., проживающий в г.Абинск Краснодарского края пер. Южный, дом 6, громко выражался нецензурной бранью...

В это время в пост вошел старичок лет 70 в тюбетейке, очень маленького роста, старичок вел себя очень вежливо, он пояснил мне, что его брат умер в Новороссийске, а завещал похоронить себя в Крыму на родине предков и вот мы выполняем последнюю волю покойного. Я попросил предъявить соответствующие документы. Старичок вышел из помещения и я за ним. Ко мне подошел мужчина невысокого роста, но не без тюбетейки, по-моему это был сын умершего Мустафа Джемилев. Он рассказал то же самое, что и старичок, показал мне свидетельство о смерти и справку, подписанную по-моему санитарным врачом г.Абинска. Смысл этой справки был в том, что разрешается вывезти труп за пределы Абинского р-на Краснодарского края. Документы эти он в руки не давал, а держал на расстоянии. В это время я увидел возле поста начальника РО УКГБ Грузина, когда он подъехал сказать не могу. Я разъяснил Мустафе Джемилеву, что в соответствии с санитарными правилами трупы должны перевозиться только в гробах, а на большие расстояния в оцинкованных. Кто-то из стоявших рядом родственников или друзей Джемилева попросил, чтобы я оказал содействие в изготовлении гроба и приобретении цинка, так как по своим обычаям они обязаны захоронить умершего до захода солнца...

Второй брат Асан Джемилев, человек лет 40 и небольшого роста и в тюбетейке, вмешался в разговор и заявил, что все это выдумки КГБ, мы никаких законов не нарушаем, милиции дана команда спровоцировать политический конфликт, нечего их слушать, надо брать тело и нести пешком. Часть своей речи он говорил по-русски, чтобы слышали и понимали сотрудники милиции, а часть видимо по-татарски, чтобы не было понятно нам, а только группе, которая прибыла с ним. Я считаю, что роли между Мустафой и Асаном в этом конфликте были распределены. На мой взгляд, они оба руководили группой и довольно умело. Как только кто-то из их группы предлагал решить вопрос о перевозке трупа без конфликта, а это был старичок, называющий себя братом умершего и двое мужчин, который называл себя врачом, а второй рабочим, моментально Асан что-то начинал говорить, иногда по-русски и опять в толпе начиналось волнение...

Кто-то из толпы, по-моему, это был Асан Джемилев — «Завтра об этом будет знать Москва и не только Москва. Все это происки КГБ». Я считаю, что Асан Джемилев

умышленно постоянно говорил о КГБ, о каком-то политическом конфликте, видимо в расчете на будущее использование всего этого в незаконных целях. Чувствуя, что обстановка накаляется я решил доложить в УВД и попросить помощи. Дежурный по УВД сообщил, что на помощь высылает группу сотрудников ГАИ из Абинского дивизиона и вертолет ГАИ...

Мы посоветовались с М.И.Кулиш и я предложил организовать помощь в захоронении трупа на территории Темрюкского района, предложил для этого кладбище в поселке Сенном, на это, по-моему, Асан заявил, что там нет татарского кладбища, тогда мы предложили произвести захоронение на татарском кладбище в станице Тамань, тем более, что и там проживают их родственники, но Асан Джемилев отказался и от этого предложения. Видя, что мы не согласимся на выполнение их незаконных действий, по-моему, опять по команде Асана Джемилева толпа разделилась, часть продолжила блокировать пост ГАИ «Рубеж» и меня с группой сотрудников милиции, а другие с выкриками и угрозами вынули сверток, в котором, по их словам, был труп и на руках понесли его от поста в сторону паромной переправы, это около 7 км. от поста ГАИ «Рубеж».

По моей команде мы сообщили сотрудникам Керченского ЛОВТ несущих службу на переправе о происшествии и попросили задержать эту группу, и я сам с группой милиционеров около 10 человек выехали на паромную переправу, чтобы не допустить нарушения общественного порядка...

Асан Джемилев своими выкриками накалял обстановку, обращался к гражданам, находившимся на переправе с антисоветскими заявлениями, говорил, что все это что происходит заранее спланированная провокация КГБ...

... так подполковника милиции Денисова работника УВД Симферопольского облисполкома Мустафа Джемилев называл подполковником КГБ Денисовым и кричал что эту провокацию организывает КГБ...

Мустафа и Асан Джемилевы обращались к собравшимся, провоцируя их на участие в беспорядках, однако люди выслушав наши объяснения не поддержали Джемилевых...

Асан Джемилев кричал, что мы, имея в виду представителей райисполкома, сотрудников милиции, устраиваем геноцид, что это тоже Ливан, Палестина. Один из лиц татарской национальности постоянно поддерживавший Асана Джемилева это был мужчина лет 45, в темных очках, с небольшой окладистой бородой черного цвета, в берете цвета хаки, кричал, что русские уже 40 лет топчут свободу крымскотатарской национальности, и что власти специально подлыми провокациями натравливают русских на татар. Водитель ГАЗ 24-02 А42-00 КК кричал «Мы для вас негры, но с неграми и то лучше в Америке обращаются». Даже после того как Мустафа Джемилев дал команду отъехать от ворот, он продолжал стоять у ворот и препятствовать проезду транспорта на территории паромной переправы. В это время на помощь прибыла группа сотрудников милиции УВД Керчи, а также работники милиции из Абинска, видя, что сотрудники милиции ведут себя решительно, не согласятся на их незаконные действия и в то же время собравшееся население их не поддерживает, а некоторые возмущенные граждане негодуют по поводу их незаконных действий и сотрудники милиции не допускают с их стороны каких-то незаконных действий в отношении лиц татарской национальности, ведут с ними разъяснительные беседы, появившихся двоих лиц в нетрезвом состоянии мужчину и женщину по виду напоминающих русских, которые стали высказывать предложения милиции принять строгие меры, работники Керченской милиции пригласили на беседу и впоследствии они с переправы ушли.

После этого после 18 часов по приказу Мустафы Джемилева они повернули свои машины и выехали в станицу Тамань, где и произвели захоронение трупа по своему обряду. Во время похорон на кладбище станции Тамань нарушений общественного порядка в моем присутствии не было. Я приехал в станицу Тамань после того, как уже вырыли могилу и находился на кладбище минут 20.

Мустафа Джемилев это человек лет 40, маленького роста, не более 160 см., имел небольшую бороду и усы, уточняю, что Мустафа Джемилев был в тубетейке зеленого цвета. Асан Джемилев человек лет 40-45, ростом выше чем Мустафа с правильными чертами лица, был без головного убора. Их приметы я запомнил очень хорошо и смогу их опознать.

Протокол написан собственноручно и верно. (Зайцев).

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 54-65)

**Из протокола допроса Кулиш Михаила Ивановича
от 23 сентября 1983г.**

(В прокуратуре Темрюкского р-на)

(1924 г.р., русский, член КПСС 1953 г., образование высшее, секретарь Темрюкского райисполкома, тел.служ. 51251, адрес: г. Темрюк, ул. Ленина, 34, кв.2, тел. 51279).

5 июня 1983 г. примерно в 12 час. мне домой по телефону позвонил заместитель начальника Темрюкского РОВД Зайцев В.П. и сообщил, что на посту ГАИ «Рубеж» инспектором ДПС Мороз задержана группа лиц, которые намереваются перевезти в Крымскую область труп в открытом виде, без цинкового гроба и соответствующих документов...

Зайцев разъяснил, что в соответствии с санитарными правилами труп должен перевозиться только в оцинкованных гробах...

А первый с бородой был в тубетейке зеленого цвета. Они вели себя очень агрессивно, постоянно проваживали конфликт. Среди этой группы были несколько человек, которые предлагали решить вопрос о перевозке трупа без конфликта, вели себя вежливо. Но вышеуказанные двое сыновей покойного сразу их обрывали, обращались ко всем участникам похорон не слушать работников милиции и в толпе опять начинались волнения, из толпы начинали выкрикивать непристойные слова, обвинять во всем советское правительство и руководителей партии. В подобных высказываниях антисоветского характера особенно отличались сыновья покойного, о которых я указал выше. Сложилась такая обстановка, что все участники похорон наблюдали за действиями этих двоих и прислушивались к их призывам, продолжая нагнетать конфликт и нарушать общественный порядок и явно не повиновались потом требованиям успокоиться и покинуть пост ГАИ, так как им неоднократно разъяснялось, что труп не может быть перевезен на территорию Крымской области. В этой обстановке, чувствуя, что напряжение достигает до пределов и в любую минуту может вспыхнуть конфликт, вплоть до нападения на работников милиции, Зайцев созвонился по телефону с УВД Крымского крайисполкома и попросил помощи...

Еще чаще стали выкрикивать с различными выпадами на советскую власть. Сыновья покойного продолжали кричать, что все это происки КГБ, что советская власть

всегда преследовала и преследует крымских татар, что им устраивают геноцид, что их проблема это вторая Палестинская проблема, что завтра об этом будет знать весь мир и т.д. Потом им было предложено организовать захоронение на территории Темрюкского района. Но сыновья покойного отказались от этого предложения. После того, как сыновья покойного посоветовались с остальными участниками похорон на крымскотатарском языке группа разделилась на две части, одна начала окружать нас прижимая к посту ГАИ, а другие побежали к автомашине ГАЗ-24 с выкриками и угрозами, вытащили сверток с трупом и пешком на руках понесли в сторону Керченской паромной переправы. Остальные осаждавшие нас потом присоединились к ним...

... и прибывшего из Крыма зам. начальника УВД Денисова.

Сыновья покойного продолжали руководить действиями группы, выкрикивали антисоветские лозунги и говорили, что это провокация КГБ...

Один из сыновей покойного (без бороды) кричал, что им устраивают геноцид, что это вторая Палестина. Другие кричали, что русские уже сорок лет топчут свободу крымских татар и что власти специально натравливают русских на татар...

Я считаю, что во всем этом инциденте виновны в первую очередь эти двое сыновей, так как действиями всей группы руководили они и именно они подстрекали группу к нарушению общественного порядка и неповиновению требованиям работников милиции и представителей власти. Этих двоих, которые руководили действиями группы, я запомнил хорошо и смогу опознать, их просто невозможно не запомнить, настолько они себя безобразно вели и выделялись из толпы.

Протокол допроса мною прочитан, с моих слов написано правильно. *(подпись)*

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 66-70)

Из протокола допроса Денисова Адольфа Федоровича

от 5 октября 1983 года

(В помещении УВД г.Керчи)

(родился в 1936 г. в Одесской области, украинец, член КПСС с 1958 г., образование высшее, начальник УВД Керченского горисполкома, адрес: г.Керчь, ул. Г.Петрова, 20, кв.222)

... Этот работник мне по телефону сообщил, что на Керченскую паромную переправу подъехала большая группа лиц, которая пытается перевезти труп без гроба и соответствующих документов на территорию Крымской области... Работник даже сказал, что на переправе обстановка очень напряженная, в любую минуту могут произойти массовые беспорядки и попросил прибыть на переправу с нарядом милиции для оказания помощи. Совместно с 7-8 работниками милиции на катере я прибыл на переправу, где скопилось много народу...

... Там же находились работники милиции Темрюкского и Абинского районов Краснодарского края. Они мне объяснили, что это группа лиц крымских татар была задержана инспектором ГАИ еще на посту ГАИ «Рубеж» и установив, что труп перевозится в автомашине без гроба, запретил ехать дальше...

Ко мне подошел один из них низкого роста, худощавый, с бородкой и усами и заявил, что никаких документов они показывать не будут и что они уже показывали на посту ГАИ. Тогда я спросил, где они будут хоронить покойного и уведомила ли об

этом администрация кладбища и местные власти (то есть исполком или сельсовет), на это он ответил, что это не наше дело, где захотят, там и будут хоронить. На мой вопрос в каком конкретно районе они будут хоронить, он также не ответил. Тогда я ему сказал, что труп не будет пропущен в связи с тем, что не соблюдены санитарные условия перевозки, то есть нет цинкового гроба или обычного плотно закрывающего гроба. Тем более, что работники парома также объяснили, что труп на судне-пароме может быть только переправлен в плотно закрытом гробу. На это он начал выкрикивать, что это провокация КГБ и стал говорить, что я тоже являюсь работником КГБ. Далее он выкрикивал, что это специально подготовленная провокация, что вот уже сорок лет как притесняют крымских татар и топчут их свободу. Эти выкрики подхватывали и другие участники похорон и среди них начались волнения...

Тогда он (про Асана — *Ред.*) также начал кричать, говорить, что здесь им устроили геноцид, что это вторая Палестина. Сейчас я не могу вспомнить все выкрики этих двоих, но они были настолько антисоветского характера, что такие речевые обороты и не запомнились...

Но толпа нас не слушалась, а слушалась этих двоих, которые призывали не подчиняться нашим требованиям покинуть паром...

А первый с бородкой высказывал даже угрозы. В частности он говорил, что здесь недалеко в Тамани проживает 4 тысячи татар и они все двигаются сюда, и если не пропустим, то они разнесут нас в щепки.

В любой момент мог возникнуть конфликт. Хочу отметить, что не менее вызывающе вел себя и водитель автомашины ГАЗ-24, который отказался убрать машину от ворот и не отставал от этих двоих своими выкриками антисоветского характера в перемешку с нецензурными словами. Характерно, что он, как и все остальные, действовал только по указаниям этих двоих. В зависимости от их поведения, соответственно действовала и вся группа участников похорон...

Потом они потребовали письменную расписку о том, что им не разрешается перевозить труп, сказав, что без такой бумаги они никуда отсюда не уедут. Чтобы как-то разрядить обстановку, я им дал такую расписку...

Точное содержание расписки я сейчас точно не помню. Она была примерно такого содержания: «В связи с несоблюдением санитарных условий перевозки трупа и отсутствия необходимых документов по месту предполагаемого захоронения, труп не может быть перевезен»...

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 124126)

**Протокол допроса Шаман Дины Романовны
от 27 сентября 1983 года**

(В ОВД Абинского РИКа с 15.00 до 15.20)

(1919 г.р., русская, член КПСС с 1963 года, образование высшее, врач-эпидемиолог Абинской РайСЭС, адрес: г. Абинск, ул. Пионерская, 153)

«В начале июня 1983 года в воскресный день утром примерно от 8 до 9 часов ко мне на дом пришел санитарный врач Добровольский с двумя мужчинами и сказал, что им необходима справка для перевозки трупа для погребения в другом населенном пункте за пределами края. Умерший родственник старик в возрасте 80 лет умер от

болезни, не связанной с инфекционным заболеванием. Такие справки по роду своей деятельности даем. Я написала текст справки и сказала Добровольскому, что он может подписаться, что он и сделал. Справку написал, подписал и передал этим гражданам. В тексте справки я указала, что смерть наступила от неинфекционного заболевания и вывозка трупа разрешена.

Протокол написан собственноручно и верно. *(Подпись)*»

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 102-103)

**Из протокола допроса Добровольского Анатолия Владимировича
от 27 сентября 1983 года.**

(в ОВД Абинского РИКа с 15.30 до 16.30)

(1935 г.р., родился в г. Кривой Рог, русский, член КПСС с 1966 г., санитарный врач, адрес: г. Абинск, проспект Комсомольский, 76, кв.5)

... Она написала черновик справки и попросила подписать и заверить эту справку. По приезду на работе я проверил паспорта и свидетельство о смерти умершего установил, что смерть наступила 2 июня 1983 года в гор. Новороссийске в больнице по причине «Аденома предстательной железы». После этого я выдал справку с примерным содержанием: «Дана гр-ну Сеитвелиеву Ризе на право вывоза трупа гр. Абдулджемиля за пределы Абинского района, так как смерть наступила не от инфекционного заболевания, которая также не регистрировалась в данный период в районе.» После чего им было сказано, что надо труп перевезти только в гробу.

В о п р о с : Установлено, что родственники умершего перевезили труп в Крымскую область в автомашине ГАЗ-2402 в завернутом виде (труп был завернут в плющевую материю). Поясните, допустима ли перевозка трупов в таком виде, если нет, то почему?

О т в е т : Во-первых, перевозка трупов в гробах предусматривается санитарными правилами, утвержденными Зам. главного санитарного врача от 10 февраля 1977 года. Выполнение этих требований является обязательным для всех. Перевозка трупов на значительные расстояния в завернутом виде материалом недопустимо ввиду того, что процессы разложения ускоряются и особенно в летнее время. Для этого и предусмотрена транспортировка (перевозка) трупов в плотно заколоченных гробах, дно которого должно быть застлано веществом, втягивающим влагу.

Протокол написан собственноручно и верно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 104-105)

**Из протокола допроса Джемилева Асана
от 19 августа 1983 г.**

(В прокуратуре г. Ташкента с 13 час. 10 мин. до 14 час. 15 мин.)

(Рождения 28.08.1937 г., образование высшее, окончил физико-математический факультет ТГПИ им. Низами в 1964 г., проживает в г. Ташкенте)

... Мой брат Мустафа Джемилев является участником национального движения за возвращение крымских татар на Родину в Крым, неоднократно привлекался по этой

статье к уголовной ответственности. Он был 5 раз судим за участие в национальном движении.

Следственные органы не компетентны решать вопрос возвращения крымских татар в Крым. Они всегда осуждали моего брата за клевету на советский строй, поэтому давать показания по делу моего брата Мустафы Джемилева я не буду и никаких протоколов подписывать не буду.

В о п р о с: Вы переписывались с проживающим в США гражданином Юртер Фикретом. Кто такой Юртер Фикрет, в каких вы находитесь с ним взаимоотношениях и какова цель этой переписки?

О т в е т: *Отвечать отказался.*

В о п р о с: Перед началом допроса вы были предупреждены об ответственности по статьям 161 и 162 УК УзССР за отказ от дачи показаний и вам было предложено расписаться о предупреждении. Вы отказались. Вы повторно предупреждаетесь об уголовной ответственности по вышеуказанным статьям УК УзССР и вам предлагается дать показания по существу поставленного вопроса.

О т в е т: Я еще раз заявляю, что отказываюсь давать показания.

В о п р о с: Вы также переписываетесь с Гадол Зайде и Гадол Ильдаром, жителями США. Кто они такие и какое имеют отношение к вам?

О т в е т: Ответ не поступил.

В о п р о с: Из переписки с Гадол и Юртером видно, что вы и Мустафа получали от них посылки. Расскажите об этом подробно.

О т в е т: Ответ не поступил.

В о п р о с: Какой информацией вы обменивались в переписке с Юртером?

О т в е т: Ответ от свидетеля не поступил.

В о п р о с: В письме от 6 апреля 1978 г. вы сообщаете Юртеру установочные данные о Сеитмуратовой Айше. С какой целью это сделано вами? Затем у Ильдара Гадол вы интересовались судьбой Сеитмуратовой после отъезда в США.

О т в е т: Ответа не последовало.

В о п р о с: В письме от 23 февраля 1978 г. вы просите Юртера выслать вызов вам и Мустафе для выезда в США. С какой целью?

О т в е т: Ответа не последовало.

В о п р о с: Вам предъясняется предисловие Фонда «Крым» к антисоветской книге Андрея Григоренко «А когда мы вернемся...». В Фонд «Крым» входят Гадол, Андрей Григоренко и Юртер, которые, как видно, связи с вами и Мустафой поддерживают не из родственных чувств, а в политических целях. Так ли это?

О т в е т: Ответа не последовало.

В о п р о с: Вам предъясняются печатные и рукописные тексты вашего письма в редакцию газеты «Вечерний Ташкент». Чем вызвано направление этого документа в редакцию, совместно с кем вы составили этот документ и где взяли материал для его составления?

О т в е т: Ответа не последовало.

В о п р о с: В этом письме вы употребляете выражения: «Наш народ поруган и оклеветан...», «С 17 лет боролся и борется мой брат...» Поясните, в чем конкретно заключается эта борьба, тем более после снятия с вашего народа огульного обвинения по Указу Президиума ВС СССР от 5 сентября 1967 года?

О т в е т: Ответа не последовало.

В о п р о с: Вы пишете в этом письме «...известный всему миру правозащитник А.Д.Сахаров». Встречались ли вы с Сахаровым и с какой целью он приезжал на суд?

Ответа не последовало.

В о п р о с : Объясните смысл вашей фразы из того же письма: «Вот цена советской гуманности...»

Ответ не поступил.

В о п р о с : В этом же письме «Заявление в редакцию газеты» вы подчеркиваете, что ваш брат Мустафа решил выехать в США, чтобы продолжить борьбу за пределами СССР. Какую конкретно борьбу имеете в виду? Не подобную ли той, которую ведет Сеитмуратова, выступая с нападками на СССР по западному радио?

Ответ не поступил.

В о п р о с : В этом же заявлении вы утверждаете, что ваш брат Мустафа как человек с большой буквы заслужил мировое признание. Чем и у каких кругов он это заслужил? На каком основании вы отождествляете поднятую вокруг него шумиху Юртером, Григоренко и другими участниками Фонда «Крым» с мировым признанием?

Ответ не поступил.

В о п р о с : Вам предъявляются две фотокопии поэмы «Бахчисарайский фонтан», изъятые у вас дома при обыске. У кого и с какой целью вы его взяли, кто кроме вас знаком с этой поэмой?

Ответа не последовало.

В о п р о с : В изъятом у вас при обыске блокноте наряду с другими записями имеются записи о работе зарубежных радиостанций, в том числе «Немецкой волны». Кем и с какой целью учинена эта запись?

Ответ не поступил.

В о п р о с : В числе изъятых у вас 47 магнитофонных кассет обнаружено 7 кассет с записями передач радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна». С какой целью сделаны эти записи и кто из ваших родных и знакомых их прослушивал?

Категорически отказался давать ответ.

Допрос проводился в присутствии гражданина Эпштейна Якова Самойловича
(Подпись)

Допросил: Следователь Азарян В. А.

(Том 1, л.д. 158-159)

Из протокола допроса Азаматовой Авы

(Родилась 6 ноября 1957 года в г.Бекабаде УзССР, член ВЛКСМ с 1972 года, татарка, образование средне-специальное, окончила в 1977 году Краснодарское культпросветучилище хореографическое отделение, работает балетмейстером во Дворце культуры «Юность» винсовхоза «Южный» в ст. Тамань, сл. телефон — 385, адрес: ст. Тамань, ул. Косоногова 33)

... О т в е т : О Джемилеве Мустафе я много слышала от своих соотечественников. Лично познакомилась с ним летом 1982 года, когда он после освобождения приехал в Абинск к своим родителям и заезжал также в Тамань к своим родственникам... Встретившись с Мустафой здесь в Тамани, я задавала ему ряд вопросов и интересовалась нашим национальным вопросом. Вернее, я у него ничего не спрашивала, а он сам рассказывал в кругу знакомых и родственников. После этой встречи я несколько раз писала ему письма и он мне отвечал. Интересовалась ли я национальным вопросом, я не помню.

В о п р о с: Вам представляется копия адресованного Вам письма Джемилева от 19.03.83 г. Подлинник этого письма обнаружен сегодня при обыске в Вашем доме. Поясните, поддерживаете ли Вы его мнение о том, что национальный вопрос можно сдвинуть с мертвой точки лишь обращением... или у Вас другие взгляды?

О т в е т: Я никогда ничье мнение не поддерживаю, я только прислушиваюсь и делаю выводы.

В о п р о с: В одном из своих писем Джемилеву Вы выразили сожаление, что в Узбекистане «нет единого Центра», о чем Джемилев указывает в письме от 19.03.83г. и дает соответствующее разъяснение. Поясните о каком «едином Центре» Вы мечтаете и как Вы себе представляете работу этого Центра?

О т в е т: Я задала вопрос о «едином Центре» Мустафе потому, что он занимается национальным вопросом.

В о п р о с: В этом письме, касаясь решения национального вопроса, Джемилев в частности, пишет: «Одни, например, уверены, что добиться... (цитируется выдержка из письма от 19.03.83г. до слов «... считаться с правами крымских татар» — М. Д.). Поясните, какого Вы лично мнения придерживаетесь по национальному вопросу?

О т в е т: Я себя не могу отнести ни к какой группировке. Как решится вопрос крымских татар я не знаю. Я не могу согласиться с позицией ни одной группировки.

В о п р о с: Расскажите, как прошли похороны отца Джемилева Мустафы, в связи с чем произошел инцидент у Керченской переправы?

О т в е т: Я получила телеграмму Диляры о том, что умер ее отец. Я с мужем — с Сервером наняла автомашину Жигули, принадлежащий мужчине крымскотатарской национальности по имени Осман и поехали в сторону Абинска. По дороге встретили колонну легковых машин, которые сопровождали труп отца Джемилева. Мы развернулись и поехали за ними. Не доезжая паромной переправы у поста ГАИ похоронную процессию остановили, где мы простояли 2-3 часа. Наша машина была совсем в стороне и непосредственно к посту ГАИ, где находились все наши мужчины я не подходила. Потом приехали несколько лиц из районного начальства. Они вызвали Мустафу в помещение поста и о чем-то долго с ним разговаривали...

... Из разговоров я поняла, что требуют справку о том, что тело нужно туда (в Крым) везти. Хотя говорили, что у Джемилева была справка о том, что труп можно вывозить за пределы Краснодарского края. Потом представители власти и милиции говорили о том, что для перевозки трупа, он обязательно должен быть упакован в цинковом гробу. В общем между ними происходил спор, но никаких взаимных оскорблений при этом ни с той, ни с другой стороны не было. Мы с мужем не дождавшись конца решения этого вопроса, уехали домой на той же машине. На следующий день я узнала, что отца Джемилева в тот же день похоронили в Таманском кладбище...

... Быть захороненным в Крыму завещал отец Джемилева Мустафы, так как об этом говорили на переправе сыновья умершего...

В о п р о с: Предъявляю Вам экземпляр «Обращения в Организацию Исламской Конференции» под которой значится Ваша фамилия. Поясните, что Вам известно о подготовке этого документа, сборе под ним подписей и направлении его адресату?

О т в е т: Этот документ я вижу впервые. Кто готовил этот документ, собирал под ним подписи и направлял адресату, мне неизвестно. Лично мне никто этот документ не показывал, с содержанием его не знакомил и не спрашивал моего разрешения или согласия поставить под ним мою фамилию, на переправе люди говорили, что они

будут жаловаться в высшие инстанции. Но в какую конкретно инстанцию, не говорили. Я не знала о том, что будет подготовлено обращение в Организацию Исламской Конференции. Я даже не знаю что это за орган.

В о п р о с: Объективно ли изложены в Обращении факты, не проявляется ли в нем тенденциозность?

О т в е т: Объективно ли изложены факты в этом обращении, я не знаю, так как уже показала, мы находились на переправе непродолжительное время и, не дождавшись конца, уехали. Сказать, что в этом документе написано все неправильно, я не могу, так как часть фактов в ней написано правильно, в частности то, что родителей Джемилева выслали из Крыма.

В о п р о с: Подписали бы Вы этот документ до направления адресату?

О т в е т: Я не знаю. Конкретно этот документ я не стала бы подписывать из-за того, что он адресован зарубежной организации. Я считаю, что в этом инциденте виноваты как участники похорон, так и представители власти, так как в споре и те, и другие не могли сдержаться и говорили что им попадет на язык... Мой муж, также как и я об этом документе ничего не знал и никто у него не спрашивал согласия поставить его фамилию под этим обращением.

Протокол допроса мною прочитан, с моих слов написан правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 42-44)

**Протокол допроса Азаматовой Авы
от 28 ноября 1983г.**

(В прокуратуре Темрюкского р-на)

Все что мною было получено от Мустафы Джемилева, у меня было изъято 20 сентября 1983 г. при обыске.

Анкеты по Ленинскому р-ну я не получала. Других поручений мне Мустафа не давал. Какие данные сведения нужно было отразить я не знаю.

Анкеты по Ленинскому р-ну не выслала по той причине, что их не получала.

Написано собственноручно.

Протокол написан собственноручно и верно. *(Подпись)*

Допросил следователь прокуратуры Темрюкского р-на юрист 2-ого класса Шабанов.

(Том 5, л.д. 181-182)

**Из протокола допроса Абдуллаева Икмета Муртазаевича
от 21 октября 1983 г.**

(В прокуратуре Темрюкского р-на)

(Родился 4 июня 1947 г. в г. Бухаресте, Румыния, образование средне-техническое, окончил в 1966 г. Самаркандский гидромелиоративный техникум, инженер-строитель Темрюкского райпищекомбината, адрес: Краснодарский край, Темрюкский р-н, пос. Сенной, ул. Привокзальная, 25)

В о п р о с: Расскажите, как прошли похороны отца Джемилева Мустафы, в связи с чем произошел инцидент у Керченской паромной переправы?

О т в е т: 2 июня 1983 г. я получил телеграмму из Абинска, в которой говорилось, что умер мой тесть Абдулджемиль. Я женат на его дочери Гульзаре. 3 июня я с женой поехали в Абинск, к 4 июня собрались все родственники и близкие. Поскольку покойный завещал похоронить его на Родине в Крыму, мы его родственники, а также сыновья решили исполнить волю покойного. Письменного завещания Абдулджемиль не оставлял, он просто перед смертью говорил, что хотел бы быть похороненным на родной земле. В день похорон кто-то из родственников пригласил главного врача санэпидстанции, который после осмотра трупа дал разрешение о вывозе трупа за пределы Абинска. Вернее, в справке было указано: «Вывоз трупа разрешается», но куда именно не было оговорено. В установленном порядке было получено также свидетельство о смерти в ЗАГСе...

Когда стали выяснять в чем дело, почему нас не пропускают, работник ГАИ сказал, что ему дали указание остановить. На наш вопрос, кто дал указание и почему, он ответил, что такое указание дал председатель райисполкома, но по какой причине не знает. К нему заходили несколько человек и просили позвонить тому, кто дал указание остановить. Работник ГАИ позвонил туда и сказал, что приедет председатель райисполкома, он выезжает. Примерно через час приехал начальник Темрюкского отделения КГБ Грузин и опять что-то говорили, куда-то звонили, все решали. Это длилось часа три.

Когда труп взяли на руки, нам сразу же дали машину, т.е. шоферу «Волги» вернули права и мы вновь уложив труп в машину доехали до переправы. Автомашина подъехала к воротам переправы, которые были закрыты. Мы купили билеты на все машины, которые должны были пройти через переправу. Но тут опять сказали, что пропускать не будут. Начали опять смотреть имеющиеся у нас документы, говорили, что вопрос этот решается и продолжали находиться у переправы, пока не приехал Денисов, который, поговорив с несколькими людьми, посмотрел наши документы и категорически сказал, что пропускать труп не будет. Тогда мы развернулись и поехали обратно. Приехали в Тамань и там похоронили на кладбище.

В о п р о с: Не говорили ли Вам представители власти, что помимо разрешительных документов на вывоз трупа, при перевозке трупа обязательно должен быть труп упакован в цинковый гроб?

О т в е т: Я такого разговора лично не слышал...

Мы работу парома не задерживали. От ворот парома мы отъехали тогда, когда нам Денисов заявил, что пропускать нас не будет. А до прихода Денисова просто говорили, что вопрос решается и что пока надо подождать...

Я никаких подобных выкриков лично не слышал. Считаю, что мы никаких действий, направленных на провоцирование инцидента, не совершали.

В о п р о с: Предъявляю Вам экземпляр «Обращения в Организацию Исламской конференции», под которой значится Ваша фамилия. Поясните, что Вам известно о подготовке этого документа, в сборе под ним подписей и направление адресату?

О т в е т: Этот документ был составлен участниками похорон совместно. Мне дали ее прочитать и я полностью согласившись с содержанием этого обращения, подписал его, т.е. дал согласие поставить мою фамилию под этим обращением.

В о п р о с: Поясните, когда был составлен этот документ, кем и в присутствии каких лиц?

О т в е т: На этот вопрос я отказываюсь отвечать, считаю, что в обращении все изложено точно.

В о п р о с: Что Вам известно об организации «Исламской конференции», от кого Вы получили сведения о ней?

О т в е т: Я знаю, что в эту организацию входят все мусульмане мира, в том числе и мы как мусульмане. Об этой организации я слышал по радио.

В о п р о с: Кто из сыновей Абдулджемиля участвовал на похоронах отца?

О т в е т: Были все сыновья и дочери покойного, т.е. все семеро детей.

После прочтения протокола хочу уточнить, что вышеупомянутое обращение составлено коллегиально.

Все остальное с моих слов написано правильно (Абдуллаев И.)

Допросил следователь Азарян В.

(Том 5, л.д. 45-47)

**Из протокола допроса Усеинова Февзи Абдурашидовича
от 26 сентября 1983 г.
(в ОВД Абинского РИКа)**

(Родился в 1947г. в Пастаргомском р-не, Самаркандской обл., образование средне-техническое, окончил в 1972г. Ферганский заочный техникум бытового обслуживания, до 16 сентября 1983г., работал во в неведомственной охране ОВД Абинского РИКа бригадиром электромантером, адрес: г.Абинск, ул.Мичурина, 14).

В день смерти отца Джемилева Мустафы в Абинске я встретил своего знакомого Ильми, который проживает по соседству с сестрой Мустафы Дилярой. Он сказал, чтобы я передал своему отцу и другим старикам о смерти отца Диляры, для того, чтобы они пришли в дом покойника...

Перед днем похорон я был вечером у Диляры дома и мне ее муж Риза попросил на машине поехать в Крымский и др. населенные пункты и предупредить нескольких родственников и знакомых о том, что утром следующего дня в 9 часов состоятся похороны. Мы с Ризой объездили по этим адресам и предупредили о похоронах.

Примерно в 23 часа приехали к Ризе домой и в это же время, по-моему, приехал Мустафа или он уже был дома я сейчас точно не помню. Хочу отметить, что сначала похороны намечались в Абинском кладбище, т.е. 5 июня 1983г. в 9.00 часов утра покойника должны были похоронить в г. Абинске. 4-го июня вечером после того, как мы с Ризой приехали домой, мы попили чай и я вместе с Абдуллаевым Икметом прошли в комнату, где лежал покойник и подсели около него минут 15-20. Когда вышли на улицу, там стояли Риза, Икмет, Мустафа, Асан и другие родственники. Мне сказали, что в части места захоронения произошли изменения, и что покойника завтра будут хоронить не в Абинске, а в Крымской обл. (в каком р-не я не знаю). Кто об этом мне сказал, я сейчас точно не помню, но сказали, что они взяли уже разрешение на захоронение покойника в Крыму...

Мы приехали до Керченской переправы примерно в 10.30 и примерно до 12 часов простояли на пароме пока приедут участники похорон с покойником... Когда мы подъехали к посту ГАИ, то увидели, что наши машины и те, кто ехали на похороны стоят около поста. Мы вышли из машины и спросили почему их не пускают, вернее почему они стоят. Они ответили, что их не пускают и ждут разрешения. Почему не пускают мне не сказали, а я тоже не стал интересоваться этим. Через некоторое время

из Темрюка приехал начальник КГБ, зашел в помещение поста ГАИ и позвал Мустафу. Мустафа зашел туда, они о чем-то разговаривали. Потом Мустафа вышел, а начальник КГБ сел на машину и поехал. Сразу же после этого я уехал домой, а эти двое, которых привез из Сенного, остались. За это время никаких конфликтов между участниками похорон и работниками ГАИ (а их помню было 3 человека, так как когда мы ехали в сторону переправы, нас останавливали и проверяли документы, обычно на этом посту останавливают и проверяют документы) и участниками похорон не было, все стояли и ждали. У меня автомашинка марки ВАЗ-2100-11 красного цвета номер А40-67 КК.

В о п р о с: Писали ли участники похорон какую-либо жалобу или обращение по поводу того, что их не пропустили с трупом в Крымскую область?

О т в е т: Мне не известно писалось ли ими обращение или жалоба. Я абсолютно об этом ничего не знаю и не слышал.

В о п р о с: Предъявляю Вам экземпляр «Обращения в Организацию Исламская Конференция», под которым значится Ваша фамилия. Что Вам известно о подготовке этого документа, его автора, сбора под ним подписей и направлении его адресату?

О т в е т: Это обращение я вижу впервые. Кто его составил, когда и при каких обстоятельствах я не знаю. Как это обращение было направлено адресату я также не знаю. Это обращение я не подписывал и никто моего согласия не получал поставить мою фамилию под обращением в числе подписавших. События происшедшие на посту ГАИ и Керченской паромной переправе, о которых описано в Обращении, я не могу подтвердить, так как не был свидетелем этого.

Как я могу подписать такой документ, когда я там не был и не видел что происходило.

Протокол допроса мной прочитан и с моих слов написано правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 80-84)

**Из протокола допроса Чайлак Рефата
от 26 сентября 1983 г.
(В ОВД Абинского РИКа)**

(1933г.р., родился в селе Токлук Судакского р-на, Крымской АССР, татарин, образование средне-техническое, в 1958 г. окончил Ташкентский Гидромелеоративный техникум, слесарь Абинского поста смазки Крымской районной нефтебазы., адрес: г. Абинск, пер. Южный, 6).

...4 июня 1983 г. поздно вечером приехал Мустафа, который сказал, что он прилетел через Симферополь и что там на кладбище он договорился с местом и будут там рыть могильную яму. Таким образом произошло изменение в части места похорон. Мустафа ли так решил или его братья, я не знаю. Во всяком случае о том, что труп будет похоронен в Крымской области стало известно после приезда Мустафы. В каком р-не Крымской обл. он договорился на счет места в кладбище, я не знаю. Рано утром я вместе с Асаном Джемилевым пошли домой к главврачу санэпидстанции Абинского р-на, попросили его выдать справку на перевозку трупа. Врач выдал нам справку примерно такого содержания: «такой-то заразными болезнями не болен или такой-то заразными болезнями зарегистрированным не значит». Перед этим мы врачу объяснили, что намеренны труп вывозить в Крымскую обл. и спросили нужна для

этого какая-нибудь справка. Врач сказал, что для вывоза трупа за пределы района, вернее края такая справка обязательно нужна. И тогда мы попросили выдать нам такую справку. И нам ее он выдал...

... Труп был вложен в машину ГАЗ-24 фургон зеленого цвета, принадлежащий Асанову Амету и завернут национальным цветным материалом.

Не доезжая до переправы на посту ГАИ наши автомашины были остановлены работником ГАИ. ГАЗ-24 ехал впереди, а я третьим или четвертым. Когда я приехал к посту и увидел, что ГАЗ-24 остановлен, я тоже остановился. В это время работник ГАИ спросил кто водитель автомашины №18-00. Когда я ему ответил, он подозвал и попросил документы. Я ему отдал и он сказал, что поступила команда именно меня остановить и забрать документы. Мы все стали возмущаться, почему нас задержали и не отпускают, несколько человек заходили в помещение ГАИ. Милиционер сказал, что он ничего не знает, ему сказали задержать, поэтому и задержал нас и пропускать не будет. Потом он начал звонить, сказав, что через 1-1,5 часа прибудет из Темрюка или Краснодара, и тогда решат. Через некоторое время пришли представители власти (с райисполкома, КГБ, милиции). Они тоже ничего не решили, говорили подождите, а потом стали звонить куда-то. Потом приехала еще группа милиционеров. Видя, что ничего не решают и нас продержали в течение длительного времени, мы взяли труп на руки и пошли к переправе пешком. Наши автомобили (у кого не забрали документы) тоже поехали за нами. Поскольку мне документы не вернули, я остался у поста ГАИ. Там же и остался водитель ГАЗ-24. Но ему потом вернули и он сел на свою машину и поехал к переправе. Документы мои не возвратили и я сидел на посту и ждал. Часа через 3-4 я увидел, что наши машины возвращаются обратно со стороны паромной переправы. У поста они остановились и сказали, что их не пропустили и поэтому покойника будут хоронить в Тамани. После этого мне вернули документы и мы поехали в Тамань, где на кладбище захоронили труп.

На посту ГАИ никаких выкриков антисоветского характера с нашей стороны не было. Мы просто требовали, чтобы нас пропустили, при этом никаких оскорблений в адрес работников милиции не допускали.

В о п р о с: Почему Вы не подчинились представителям властей в то время как они неоднократно разъясняли, что труп без цинкового гроба и соответствующих документов не может быть перевезен?

О т в е т: Такого разговора не было. Лично я разговоров на эту тему не слышал.

В о п р о с: Писалось ли Вами какое-либо обращение или жалоба по поводу инцидента на посту ГАИ?

О т в е т: Лично мной никакого обращение или жалобы по поводу инцидента на посту ГАИ не писалось...

Писали ли другие участники похорон, я не знаю.

В о п р о с: Вам предъявляется экземпляр «Обращения в Организацию Исламская конференция» под которым значится Ваша фамилия. Что Вам известно о подготовке этого документа, сбора под ним подписей и направлении его адресату?

О т в е т: Об этом документе я ничего не знал. Вижу его впервые. Кем составлялось это обращение, когда и при каких обстоятельствах, я не знаю. Никто этот документ мне не передавал. Моего согласия поставить мою фамилию под этим обращением не спрашивал, но в ней действительно перечислены фамилии тех, кто участвовал на этих похоронах.

Сейчас прочитав это обращение, могу сказать, что факты в нем изложены правильно.

В о п р о с: Как же Вы можете заявлять об этом, когда Вас на паромной переправе не было и Вы не видели что там происходило?

О т в е т: Действительно на переправе меня не было, но о том, что происходило на паромной переправе мне рассказали другие участники похорон, которые там были и я им верю.

Хочу дополнить, что с содержанием предъявленного мне обращения я полностью согласен и свою фамилию под ним не отрицаю, т.е. если мои соотечественники сочли необходимым поставить под этим документом и мою фамилию, то правильно и поступили.

Хочу также дополнить, что врача санэпидстанции мы из дома привезли в больницу, где он нам и выдал эту справку.

Протокол допроса мне прочитан вслух, с моих слов написано правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 85-89)

**Из протокола допроса Сеитвелиева Ризы
от 26 сентября 1983 г.
(в ОВД Абинского РИКа)**

(1948г.р., родился в г. Китаб Узбекской ССР, образование высшее, окончил в 1977 г. Ташкентский политехнический институт, механик ПМК-16 г.Абинска, адрес: г.Абинск, ул.Красноармейская,46).

В о п р о с: Расскажите, как прошли похороны отца Джемилева Мустафы, в связи с чем произошел инцидент у Керченской паромной переправы?

О т в е т: Согласно завещанию тестя было решено похоронить его на Родине в Крыму. Так решили сыновья покойного...

Утром в день похорон или за день до похорон сыновья покойного получили справку из санэпидстанции о том, что разрешается перевезти тело покойного за пределы района. У поста ГАИ нас остановили и сказали что нам надо подождать до приезда начальства. Примерно час мы простояли на жаре, потом приехало какое-то начальство. Сыновья покойного зашли туда и спросили на каком основании не разрешают перевезти тело покойного на Родину. Как я понял, это начальство говорило, что для вывоза трупа нужно специальное разрешение и цинковый гроб. А наши люди просили их показать закон, который запрещает вывозить труп. Но они никакими документальными доказательствами не могли убедить нас, что труп нельзя перевозить. Мы и не знали, что для этого нужен цинковый гроб, тем более из санэпидстанции у нас была...

Там стали в очередь, а когда наша машина подъехала к воротам, дальше не стали пускать. Перед ней ворота закрыли. Мы стали спрашивать почему нас не пускают. Нам сказали, чтобы мы ждали, должно подъехать какое-то начальство. Хотя билеты на проезд автомашин и покойника были куплены. Через час из Керчи приехал какой-то начальник по фамилии Денисов, который сказал, что нужно разрешение облисполкома, крайисполкома и т.д., опять без документальных оснований своих доводов. Сыновья требовали, чтобы Денисов обосновал свои доводы документально, но он ничего не показывал (имея в виду документы, закон). Он просил убрать машину от ворот и не мешать работе переправы...

Так продолжалось примерно до 7 часов вечера. Потом Денисов написал какую-то бумагу и дал сыновьям покойного (какого содержания я сейчас не помню...). В каком районе Крымской области Мустафа заготовил место на кладбище, я не помню.

В о п р о с: Писали ли участники похорон какое-либо обращение по поводу того, что Вас с трупом не пропустили в Крымскую обл. В частности, Обращение в Организацию Исламской Конференции, которое предъявляется Вам для ознакомления?

О т в е т: Да, это обращение я подписывал, мне приносили, вернее дали подписать. Это обращение писали коллективно все участники похорон. Уточняю, я не могу сказать, все ли участвовавшие на похоронах лица присутствовали при составлении этого документа.

На вопрос где и когда был составлен этот документ, я отвечать не желаю. Все в этом обращении считаю написано верно.

В о п р о с: Предъявляю Вам для ознакомления выписку из «Законодательства о жилищно-коммунальном хозяйстве» главу VI «О кладбищах и похоронах» из пункта 19 которой видно, что провоз трупа допускается при условии помещения трупа в поставленный деревянный ящик плотно заполненный и закрытый крышкой оцинкованный гроб, дно которого заполняется веществом впитывающим влагу. Вы же, а также другие участники похорон действовали в нарушение этих правил и вместо того, чтобы выполнить законные требования представителей власти, наоборот создали конфликт и по Вашей вине простаивала паромная переправа. Что вы можете пояснить в связи с этим?

О т в е т: Если бы на месте нам показали такой документ мы бы вернулись и похоронили покойника в Абинске. Так как они нам такого документа не показывали мы требовали пропустить нас...

Я считаю, что времени для того, чтобы откуда-либо привезли соответствующие документы (правила) было достаточно еще на посту ГАИ.

В о п р о с: Что Вам известно об организации «Исламская Конференция», от кого Вы получили эти сведения?

О т в е т: Об этом я узнал из газет.

Протокол допроса мною прочитан, с моих слов написан правильно.

(Подпись)

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 90-94)

Из протокола допроса Асанова Амета

от 26 сентября 1983 г.

(в ОВД Абинского РИКа)

(1945 г.р., родился в г. Ялта, образование средне-техническое, окончил в 1970 г. автодорожный техникум, механик Абинского треста «Межколхозстрой», адрес: г.Абинск, ул. Молодежная,21).

5 июня 1983 года в 9 часов утра были назначены похороны отца Джемилева Мустафы. Утром я приехал в дом дочери покойного Диляры, где мне брат покойного из г.Навоистана сказал, что хоронить его будут в Крымской области, так как он так завещал. Из разговоров я узнал, что имеется свидетельство о смерти и справка из

санэпидстанции. По разговорам я узнал также, что в Крымской области могила уже приготовлена, но в каком районе, я точно не знаю. Меня попросили на своей машине помочь в перевозке трупа и я согласился. У меня автомашина «Волга» ГАЗ-24-02 № 42-00 КК зеленого цвета. Труп был уложен в машину и завернут в материю с национальным орнаментом и мы на 5-ти легковых автомобилях поехали в направлении Керченской переправы.

Примерно в 12 часов мы доехали до поста ГАИ. Я ехал впереди, в салоне со мной находились брат покойного и сын — Асан. У поста ГАИ нас остановил работник ГАИ и попросил предъявить документы. Я ему отдал документы (права и техпаспорт), убрав машину в сторону, милиционер сказал, чтобы мы подождали, пока он разберется. В это время стали подъезжать и другие наши автомашины, которые также остановились. Этот инспектор ГАИ также забрал документы Чайлака Рефата...

Мы задавали вопросы, почему нас задержали, сколько можно ждать, ведь нам нужно донести покойника до захода солнца. Но исчерпывающих ответов не получили. Он все время оттягивал решение вопроса. Через некоторое время приехали гражданские лица, и в милицейской форме из районного начальства и исполкома. Они сказали, чтобы мы хоронили труп в Краснодарском крае. Наши старики муллы возмущались и спрашивали с чем связан такой запрет. А они не отвечали. Примерно в четвертом часу наши люди взяли покойника на руки и пошли пешком в сторону переправы... Потом работник ГАИ вернул мне документы и я поехал тоже в сторону переправы. По дороге я догнал процессию, покойника опять уложили в мою машину и мы поехали к паромной переправе...

Я побежал и купил билет. Впереди стоящие машины поехали, я тронулся за ними. Прямо перед моей машиной закрыли ворота, сказав, что паром отправлен. И действительно паром был отправлен, даже не взяв те машины, которые были запущены во двор. Там уже было много милиционеров. Мы просили запустить нас, но нас не пропустили, по каким причинам, мне неизвестно. Мы там простояли примерно до 19 часов и после того, как какой-то Денисов дал нам письменную расписку о необходимости предоставления ряда справок для разрешения на перевозку трупа и в этой записке указал, что труп на территорию Крымской области пропускать не будет, мы развернулись и поехали в Тамань, где и похоронили покойного.

В о п р о с: Почему Вы и другие участники похорон не подчинились работникам милиции возвратиться обратно, в то время как Вам разъясняли, что перевозка трупа не допустима без цинкового гроба и соответствующих документов? В частности, на неоднократные требования убрать автомашину и не мешать нормальной работе парома Вы не реагировали, в результате чего длительное время простоял паром?

О т в е т: По мусульманским законам помещение покойных в цинковые гробы и захоронение в таких гробах запрещается, это во-первых. Во-вторых, я купил билет на паром и как всякий гражданин имел право переправиться согласно купленному билету. Чем я хуже других, я такой же человек. Я считаю, что в простое парома виноваты не я и другие участники похорон, а те, кто нас не пропускали, в частности, Денисов, который сказал, что только через его труп нас пропустят.

В о п р о с: Писали ли Вы какое-либо заявление или обращение по поводу того, что вас не пропустили через паром?

О т в е т: Да мы писали обращение в Президиум Верховного Совета СССР и в Организацию Исламской Конференции, в котором изложено то, что я показал на настоящем допросе. Это обращение мы писали коллегиально, т.е. с участием всех

участников похорон в тот же вечер после похорон, на трассе при возвращении из Тамани в Абинск. И все дали согласие поставить свои фамилии под этим документом. Под любым документом по национальному вопросу крымских татар я готов поставить свою подпись, какого бы содержания он не был.

В о п р о с: Предъявляю Вам «Обращение в Организацию Исламской Конференции», в копии в Президиум Верховного Совета СССР. Это ли Обращение составлялось участниками похорон коллегиально, сразу после похорон?

О т в е т: Да, именно это обращение было составлено нами, так как были грубо попораны наши мусульманские обычаи.

В о п р о с: Под этим документом кроме Вашей фамилии, значатся еще фамилии 24 человек. Поясните, с участием всех этих лиц было составлено обращение?

О т в е т: Это не имеет значения.

В о п р о с: Когда обращение было направлено адресатам?

О т в е т: Я этого не знаю.

В о п р о с: Что Вам известно об организации «Исламская Конференция», от кого Вы получили сведения о ней?

О т в е т: Об этой организации я слышал по радио и телевидению.

В о п р о с: Кто такие Чавушев Усеин и Рамазанов Абляким и где они проживают?

О т в е т: Об этом лучше можете знать Вы. Каждый человек отвечает за себя.

(Далее собственноручная запись Асанова Амета)

«После прочтения протокола хочу уточнить, что труп был завернут в цветную материю, а не с национальным орнаментом. Национальный орнамент у нас ликвидировали 18 мая 1944 года. Указанную в протоколе на листе 4 — «... Какого бы содержания он не был», записано не совсем верно. Я не правильно выразился. Я готов подписать документы, направленные на восстановление крымско-татарской автономии и его конституционных прав.

Остальное из моих слов написано верно.» (Подпись)

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 95-98)

Из протокола допроса Измаилова Халила от 27 сентября 1983 г.

(в г. Крымское, в ОВД Крымского РИКа)

(1909 г.р., родился в дер.Токлук Судакского р-на Крымской АССР, образование среднее, а также окончил 2-годичные педагогические курсы, пенсионер, адрес: Краснодарский край, Крымский р-н, п. Нижняя Баканка, ул. Клары Цеткиной, 6)

... За день до смерти отца Джемилева Мустафы, я узнал об этом от дочери Фатмы. В день похорон я чувствовал себя плохо и не имел желания поучаствовать на похоронах. Утром я на автобусе все-таки поехал в Абинск в дом покойника, чтобы проводить его в последний путь. Там я узнал, что покойника должны повезти в Крымскую область, чтобы там его похоронить... Я решил тоже поехать, тем более что некоторые молодые люди просили меня как старого человека поучаствовать на похоронах... Наша машина была остановлена в стороне, в значительном отдалении от поста ГАИ и о чем-то говорили с работниками милиции. О чем там они говорили, я

не знаю. Мне просто кто-то сказал, что нас не пропускают и что все ждут пока решится вопрос. По какой причине нас не пропускали с покойником, я не знаю...

Поскольку состояние моего здоровья не улучшалось, а наоборот я чувствовал себя хуже, я решил вернуться обратно домой, купил билет на этот автобус и на ней приехал до Крымска... На переправе я находился всего минут 10-15... что потом происходило на переправе я не знаю. Впоследствии я узнал, что покойника похоронили в Тамани. Вот все, что мне известно об этих похоронах...

Этот документ я вижу впервые... Моего согласия, поставить мою подпись никто не спрашивал. Ознакомившись с содержанием этого обращения, я могу лишь подтвердить то, что наши автомашины были оставлены у поста ГАИ, но что там происходило, о чем там говорили я не знаю, так как из машины не выходил. Я также не знаю, что происходило на Керченской паромной переправе. Поэтому сказать о том, правильно ли изложены факты в этом обращении или неправильно, я не могу...

Я не знаю, что это за организация, но наверное есть где-то такая организация. Протокол допроса прочитан вслух, с моих слов написан правильно. *(Подпись)*.
Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 99-101)

**Из протокола допроса Аметова Ильми Ганиевича
от 27 сентября 1983 г.**

(В ОВД Абинского РИКа с 17.00 до 18.15)

(1947 г.р., родился в г. Каттакурган, Самаркандской обл., татарин, образование средне-техническое, мастер Абинского общества охраны памятников, адрес: г.Абинск, ул. Красноармейская, 48).

... Труп по словам родственников был забальзамирован в Новороссийской больнице, где он скончался. Перед выездом труп по национальному обычаю был завернут в саван и сверху покрыт материей. У поста ГАИ нас остановил работник ГАИ, забрал у некоторых водителей документы и не пропускал нас. Причину он не объяснил. Он сказал: «Ждите представителей, которые с Вами будут говорить». Мы прождали до приезда начальника КГБ Темрюкского района, зам.начальника милиции и работника райисполкома. Они осмотрели документы на труп и сказали, что все равно не пропустят, причину не объяснят. Видя, что нас не пропускают мы взяли труп на руки и пошли к паромной переправе пешком...

Перед нашей машиной ворота переправы закрыли и представители власти опять начали заявлять, что нас не пропустят. Здесь они уже стали говорить, что труп должен перевозиться в гробу. А мы стали говорить, что по мусульманским обычаям у нас не положено труп укладывать в гроб и требовали пропустить нас... Из-за незаконных действий властей, естественно, мы были возбуждены, на нас уже стали кричать и собравшиеся люди. Потом приехал Денисов и категорически заявил, что нас не пропустит без гроба и различных справок из нескольких инстанций. Мы потребовали от него письменного объяснения о причине запрета на вывоз трупа. Он дал нам такую справку, какого содержания я сейчас не помню...

Если и существует правило перевозки трупов только в гробах, в данном случае они не могли быть обязательными для крымских татар, так как мы являемся мусульманами суннитского толка и наша религия предусматривает захоронение в саване без гроба.

В о п р о с: Писали ли участники похорон какое-либо обращение по поводу того, что вас не пропустили с трупом в Крымскую область?

О т в е т: Лично я не писал. А писали ли другие участники похорон, на этот вопрос я отвечать не буду...

Как писался этот документ, когда и при каких обстоятельствах, как собирались подписи и как он отправлен адресату, я отказываюсь отвечать. Но этот документ я читал, подписывал и готов подписать сейчас.

Хочу отметить, что мы бы не покинули переправу, если бы не приближался закат солнца, так как обычно труп должен быть захоронен только до захода солнца. В Тамани работники милиции пытались не пропустить к кладбищу и многие из них даже пытались помешать нам рыть могилу.

Протокол мною прочитан, с моих слов написан правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 110-113)

**Из протокола допроса Бариева Айдера
от 28 сентября 1983 г.**

(В ОВД Крымского РИКа, с 9.00 до 10.30)

(1938 г.р., родился в дер. Коклус Куйбышевского района Крымской АССР, образование средне-техническое, окончил в 1971 г. Чиназский сельхозтехникум; Судим Верховным Судом УзССР в 1969г. по статье 190-1 УК РСФСР и приговорен к 1,5г. лишения свободы; работает котельщиком Крымского Табаксовхоза, адрес: Краснодарский край, Крымский р-н, п. Нижняя Баканка, ул. Комиссарская, дом 57).

В о п р о с: Расскажите, как прошли похороны отца Джемилева Мустафы, в связи с чем произошел инцидент у Керченской паромной переправы?

О т в е т: ... На посту ГАИ похоронная процессия была остановлена работниками ГАИ и в течение 3-4 часов обещали выяснить обстановку и не пропускали нас, причину не объясняли. Ждали каких-либо представителей. Когда пришли представители, то нас все равно не пропустили, не объясняя нам причину...

Зная, что мы возьмем покойника сотрудники двора переправы не пропустили к воротам, всем по очереди выдали билеты для посадки на паром. Когда подошла очередь въезда на территорию переправы автомашины ГАЗ — 24, в котором находился труп, то поступила команда покойника не пропускать и ворота закрыли. Работники милиции нам объясняли, что нас не пропускают потому что нету цинкового гроба. Поскольку по закону шариата у нас в гробах не хоронят, мы об этом говорили работникам милиции и просили нас пропустить...

Потом приехал из Керчи Денисов с нарядом милиции. Он также сказал, что пропускать они нас не будут и паром не подадут...

Денисов говорил толпе, чтобы мы взяли разрешение с Крымского облисполкома и согласие сельского совета о месте похорон. Эти разговоры на переправе продолжались 3-4 часа. Они нам говорили хороните где угодно, только не в Крыму...

А когда прибыли в Тамань там милиция воспрепятствовала похоронам. И после указания кого-то из сотрудников, нам разрешили похоронить...

Наброски этого документа, вернее все события этих похорон описывались на месте,

мою фамилию под этим документом подтверждаю. Как и кем обращение направлялось адресату я не знаю. Считаю, что факты в этом обращении изложены объективно.

В о п р о с: Что Вам известно об Организации «Исламской Конференции», от кого Вы получили сведения о ней?

О т в е т: Об этой организации я ничего не знаю. Очевидно, об этой организации знает кто-то из участников похорон, потому что было адресовано в эту организацию, помимо Президиума Верховного Совета СССР.

Протокол мною прочитан, с моих слов написан правильно. *(Подпись).*

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 121-123)

**Из протокола допроса Джемилева Анафи
от 16 ноября 1983 г.**

(в прокуратуре г. Ташкента)

(1941 г.р., родился в с.Новоселовка Новосельского р-на Крыма, образование высшее, окончил в 1965г. стройфак Ташкентского транспортного института, работает в тресте «Оргтехстрой» в Ташкенте, начальник отдела; адрес: Ташкент-102, квартал 9, дом.50, кв.1.)

... О месте похорон я ни с кем из родственников не разговаривал и по чьей инициативе было решено похоронить отца в Крыму я не знаю. Быть похороненным в Крыму это было его желание и завещания отца, поэтому, решив похоронить его там, мы выполняли завещание отца...

Когда мы стали выяснять, почему нас не пропускают, работник ГАИ сказал, что ему дали указание не пропускать нас и что нам надо ждать до прибытия начальства. Ждали мы там долго, потом кто-то пришел, о чем-то опять говорили. Но в эти разговоры я не вмешивался. Поэтому сказать конкретно какие происходили разговоры, я не могу...

Прибывший из Керчи работник милиции Денисов стал перечислять множество справок-разрешений, которые мы должны были предъявить для перевозки трупа. А когда участники похорон указывали на необоснованность этих требований, то начали говорить, что труп должен перевозиться в цинковом гробу или просто в гробу и что без гроба не разрешат перевозить труп. Короче говоря, Денисов сказал, что ни при каких обстоятельствах он не допустит перевозку трупа...

Хочу отметить, что в начале работники милиции не хотели разрешить похоронить отца и в Тамани, создавая всякие препятствия, но в конце уже не стали вмешиваться...

О сборе подписей и о том, кто составил этот документ мне неизвестно. О том, что такой документ надо составлять я, как и все другие участники похорон говорил. Где и кем составлялся этот документ, кто оставлял и как направляли адресату я также не знаю. Но с содержанием этого документа я согласен и против того, что в нем имеется и моя фамилия я не возражаю.

(Далее собственноручная запись Джемилева Анафи:)

«После прочтения протокола уточняю, что мой ответ на первый вопрос напечатан неверно, так как я давал согласие на мою подпись с описанием беззаконий творившихся при похоронах отца, если будет составлен такой документ.

В остальном протокол с моих слов написан правильно.» *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 187-188)

**Из протокола допроса Томакова Амет-Мустафа
от 24 ноября 1983г**

(В прокуратуре г. Гулистана)

(1895 г.р., родился в Судакском районе Крымской области, татарин, беспартийный, образование 6 классов, пенсионер; адрес: г. Гулистан, ул.Лермонтова, 35)

Я, Томаков Амет являюсь старшим братом покойного Абдулджемиля...

5 июня утром по мусульманскому обряду произвели омовение трупа, прочитали молитву. После чего труп положили в автомашину «Волга» ГАЗ-24, так как когда я приехал в Абинск, жена Абдул-Джемиля Магфуре сказала, что Абдул-Джемиль при жизни завещал, чтобы после смерти его труп похоронили в Крыму. Я сказал, что по мусульманскому обряду человека надо хоронить там, где он живет и где он умер, но они меня не послушали, сыновья тоже настаивали исполнить завещание отца, потом я тоже согласился и больше ничего не сказал им...

Но не доезжая до парома нас остановили работники ГАИ, проверяли документы и нас не пропустили, так как мы везли труп Абдул-Джемиля. Спрашивали разрешение и другие документы, я с ними не разговаривал, а разговаривали его сыновья и другие молодые люди, но работники ГАИ не разрешили. Потом на вертолете прилетели другие работники, они тоже не разрешили, потом мы стояли в стороне, т. е. старики...

Работники парома тоже требовали документы и разрешение на перевозку трупа. Потом сыновья Абдул-Джемиля показали им справку из больницы о том, что труп можно вывозить из города Абинска, но работники милиции и парома сказали, что необходимо разрешение местной власти Крымской области, время уже к вечеру было, потом я сказал сыновьям Абдул-Джемиля, что уже четвертый день, труп нельзя держать, время к вечеру надо назад обратно поехать в Абинск. Потом все они согласились все сели в машины и поехали обратно и остановились в городе Тамань и сыновья Абдул-Джемиля решили похоронить его в городе Тамани, время тоже уже позднее было после чего Абдул-Джемиля похоронили в Тамани и вернулись в г.Абинск и женщинам сказали, что Абдул-Джемиля похоронили в Тамани. Никаких сборищ не было, я не видел, чтобы собирались люди, я там находился до 11 июля, провел 7 дней и вернулся в Гулистан. Никто из нас не говорил, что будем писать заявление куда-либо, я такого не знаю, об этом мне неизвестно, но говорили все, что надо писать в Москву, потом писали заявление или не писали я не знаю, я согласия ни о чем им не давал, но сыновья Абдул Джемиля говорили, что все это незаконно было, будут писать в Москву. Я сам ничего не писал и ничего не подписывал.

Я знаю, что сын Абдул Джемиля неоднократно судим за то, что он все время добивался поехать в Крым, это Джемилев Мустафа...

Хотя я являюсь старшим братом Абдул Джемиля, но вопросами похорон его занимались его жена и сыновья. Больше я ничего не знаю.

(Подпись).

При допросе участвовал прокурор г. Гулистана младший советник юстиции Назаров С. *(Подпись)*

Помощник прокурора г. Гулистана Курбанов И. *(Подпись).*

(Том 5, л.д. 192-193)

**Из протокола допроса Мустафаева Гани Эдемовича
от 20 августа 1983 г.**

(1956 г.р., родился в г. Янгиюле, образование средне-техническое, закончил в 1979г. сантехнический факультет Ташкентского строительного техникума, работает мастером в ПМК-365 г.Янгиюля, адрес: г. Янгиюль, пер. Родниковый,37).

... Как-то я в очередной раз зашел к Джемилеву Решату домой, где уже находился Мустафа. Это было летом 1978 г. После этого я еще несколько раз встречался с Мустафой как в доме Решата, так и в доме его другого брата Асана. В начале 1979 года Мустафа был сослан в Якутию. В августе 79 года я поехал в Якутию и находился там до середины октября.

В о п р о с: По чьей инициативе Вы выезжали в Якутию к Джемилеву Мустафе, о чем вели с ним разговоры, какие получили от него поручения?

О т в е т: К Джемилеву я поехал по своей инициативе. Никто меня не просил специально ехать к нему... Брат его говорил, что ему сейчас там тяжело, он болен, надо бы поехать к нему. После этого я несколько дней думал, мне жалко было Мустафу. Прибыв туда я хотел устроиться на работу, но потом передумал и вернулся в Ташкент. Никаких поручений Мустафа мне не давал.

В о п р о с: Вам оглашается письмо Джемилева М. Аблаеву Решату от 24.03.80г., в котором Джемилев выражает возмущение тем, что Вы не выполнили данных ему обещаний при встрече в Янгиюле. Поясните, о какой встрече в Янгиюле идет речь и что Вы обещали Джемилеву?

О т в е т: Сейчас я не помню, что я конкретно мог пообещать Джемилеву и не выполнить это обещание.

В о п р о с: В 1980 году с Вами, Ганиевым Сервером, Аблязизовым Дилявером работники органов госбезопасности проводили предупредительные беседы в связи с Вашим намерением создать молодежную группу для поездки в Москву во время «Олимпиады-80» с целью совершения акций, привлекающих внимание иностранцев. Не было ли это попыткой с Вашей стороны выполнить поручение Джемилева?

О т в е т: Ганиев и Аблязизов являются моими двоюродными братьями, в то время они действительно общались со мной. Но намерений ехать в Москву на Олимпийские игры у нас не было. От Джемилева я по этому поводу никаких поручений не получал.

В о п р о с: Недовольство Вашим поведением Джемилев выразил не Вам, а Аблаеву Решату. Расскажите какую роль играл Аблаев в подготовке молодежной группы и другой деятельности по национальному вопросу?

О т в е т: После приезда из Якутии я несколько раз встречался с Аблаевым Решатом и мы действительно обговаривали вопрос о подготовке молодежной группы. Со своей стороны я обещал Аблаеву познакомить его с молодыми парнями. При этом я ему говорил, что все вопросы они пусть решают сами. Впоследствии я подумал и решил больше ни в какие дела не ввязываться и жить спокойно. Об этом я сказал Решату и после этого с ним не встречался. Деятельность Аблаева Решата по национальному вопросу меня не интересует, так как я этого не касаюсь. Я считаю, что национальный вопрос должен быть решен внутри нашего государства.

Протокол мною прочитан, с моих слов написано правильно. (Мустафаев Г.)

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 3, л.д. 147-148)

**Из протокола допроса Аблязизова Дилявера Сулеймановича
от 5 декабря 1983г.**

(1957 г.р., образование средне-техническое, окончил в 1980 г. Ташкентский строительный техникум, работает мастером в ПМК-163 треста №6 г. Янгиюля, адрес: г. Янгиюль, ул.Полевая, 20)

... Конкретных разговоров с Гани о поездке в Москву на «Олимпиаду-80» у меня не было...

После поездки Мустафаева Гани к Джемилеву почему-то взаимоотношения между ним и Аблаевым обострились. По какой причине это произошло, мне неизвестно. Какое обещание Мустафаев Гани давал Джемилеву мне также неизвестно...

Мустафаев Гани или Аблаев Решат мне конкретных указаний поехать в Москву и участвовать в акциях, привлекающих внимание иностранцев, не давали. Но Мустафаев говорил, что некоторые товарищи считают необходимым совершить такую поездку на «Олимпиаду-80» в Москву. Я к этому разговору отнесся совершенно равнодушно, так как я бы тогда не стал принимать участия в подобных акциях. Кроме того, я тогда учился в техникуме и не мог отлучаться от занятий. В тот период Мустафаев Гани меня действительно познакомил с Аблаевым Решатом. С ним я имел несколько встреч, но никак разговоров по поводу «Олимпиады-80» с ним я не вел...

Еще раз заявляю, что разговор Мустафаева Гани по поводу поездки в Москву для совершения акций, привлекающих внимание иностранцев, как тогда, так и сейчас казался смехотворным и сумбурным. Свое отношение к подобным акциям я уже высказал и считаю бессмысленным.

Протокол мною прочитан, с моих слов написано правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 3, л.д. 149-150)

**Из протокола допроса Ганиева Сервера
от 5 декабря 1983 г.**

(1960 г.р., образование средне-техническое, окончил факультет ПГС Ташкентского строительного техникума в 1980 г., работает мастером в Янгиюльском ДРСУ, адрес: г. Янгиюль, Кирпичный переулок, 15)

В о п р о с: Был ли у вас в 1980 году разговор с Мустафаевым Гани по поводу создания молодежной группы для поездки в Москву на «Олимпиаду-80» и участия там в акциях, привлекающих внимание иностранцев?

О т в е т: Такого разговора между мной и Мустафаевым Гани не было. Может быть он вел такие разговоры с другими друзьями, но лично со мной на эту тему он не разговаривал. Возможно он не делал этого из-за того, что я тогда был еще слишком молодым, тогда мне было 19 лет.

Аблаев Решат мне по этому поводу также ничего не говорил...

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 3, л.д. 151-152)

**Протокол допроса Аблаева Решата
от 23 февраля 1983 года.**

(26.08.1951 г.р., образование высшее, в 1974 году окончил Ташкентский политехнический институт, работает в СУ-7 начальником участка, адрес: г.Ташкент, ул. Алмазар, тупик Малярный, 22).

(Допрошен в своем доме по поводу документов, обнаруженных у него во время обыска 28 февраля 1983 г., текст протокола рукописный, трудно разборчивый, тем более, что к делу подшита ксерокопия протокола не лучшего изготовления.).

(Том 2, л.д. 88-92)

**Протокол дополнительного допроса Аблаева Решата
от 2 сентября 1983 г.**

В о п р о с: Предъявляю Вам сборник «События в Крыму». Из Вашего предисловия к нему видно, что работу над ним завершили Вы. Расскажите, кто Вам оказывал помощь в этом деле, какое количество экземпляров изготовлено, кому они переданы?

О т в е т: Книга «События в Крыму» не является еще завершенной книгой. Предисловие, написанное к ней, как раз и доказывает о том, что работа эта была приостановлена в связи с арестом автора этой книги. В предисловии я просто хотел подчеркнуть, что факты нарушения прав крымских татар, в частности, запрещение возвращаться на Родину, репрессии, продолжающиеся за пределами Крыма (в Узбекистане) и в Крыму, продолжаются и по сей день. После осуждения Джемилева Решата и Джемилева Мустафы за эти факты, мне попала в руки эта книга, кто мне ее принес, я сейчас не помню. Это было в конце 1978 года или начале 1979 года. Ознакомившись с содержанием книги «События в Крыму», я понял, что сборник не полностью включает все факты нарушений прав крымских татар. Поэтому и в двух словах в предисловии я указал на это. После того, как я нашел предисловие к сборнику, я сборник передал тому, кто мне его приносил. Дальнейшая судьба сборника мне неизвестна.

В о п р о с: В предисловии Вы в частности пишете: «В раздел «События за пределами Крыма» включены лишь 13 событий, имевших место преимущественно в Узбекистане в течение нескольких месяцев 1978 года. Описания этих событий были обнаружены мною среди бумаг составителя после его ареста и мне неизвестно, для какой конкретной цели они были собраны. Тем не менее, — продолжаете Вы, — несомненно, что все эти материалы...» *(Далее 5 строчек ксерокопии протокола совершенно неразборчивы – Ред.)*. Что Вы можете сказать в связи с этим?

О т в е т: Когда я изучал этот сборник «События в Крыму», 13 событий за пределами Крыма 1978 года, обнаруженных мною в бумагах составителя, так как он был арестован, они еще не были включены в сборник. Когда я обнаружил в бумагах составителя эти «13 событий», то я их сам включил в сборник и написал об этом в предисловии.

В о п р о с: Следовательно, надо полагать, что все-таки работу над сборником завершили Вы?

О т в е т: Составителем сборника, как я уже сказал, являюсь не я. Мною лишь были дополнены некоторые материалы, которых не хватало, в частности, «13 событий»

и после того как мною были упорядочены все материалы для этого сборника, я написал предисловие и передал товарищам для хранения.

В о п р о с: Из предисловия видно, что книга подготовлена для читателя, т. е. Вы ставили цель ознакомить общественность «с положением крымских татар в наши дни». То есть книга была подготовлена для того, чтобы ее размножили. Вы же показываете, что упорядочили все материалы, передали товарищам для хранения. Что Вы можете пояснить по этому поводу?

О т в е т: Безусловно, сборник «События в Крыму» был предназначен для того, чтобы информировать общественность о делах и проблемах крымских татар и его национального движения. Размножением сборника лично я не занимался, а кто размножал мне неизвестно.

В о п р о с: В период оформления сборника, согласно Ваших показаний от 23 февраля с.г., в Вашем пользовании находилась пишущая машинка «Украина-2». Поясните какие разделы сборника напечатаны на этой машинке?

О т в е т: На этой машинке никакие тексты сборника «События в Крыму» я не печатал. У меня были две машинки марки «Украина-2». На какой из них было что напечатано я не помню. Возможно, что некоторые разделы сборника «События в Крыму» и были напечатаны на одной из этих машинок. Последние месяцы этого года одна из этих машинок мною была подарена Мустафе Джемилеву, а другую машинку я бросил на свалку, так как она не была исправленной.

В о п р о с: (*несколько слов неразборчивы*) ... фактом привлечения к уголовной ответственности Орлова, Подрабиника. Объясните, знаете ли Вы этих лиц и какое они имеют отношение к поднимаемому Вами вопросу?

О т в е т: С вышеперечисленными людьми я лично не знаком, знаю о них понаслышке, что они помогали нашему движению и восстановлению прав крымских татар. Почему этих лиц включили в сборник, автор сборника знает лучше.

В о п р о с: В своем предисловии к «Сборнику» Вы пишете, что он предназначен для информирования крымских татар. В то же время Джемилев Мустафа в письме Акимову Джеппару предлагает использовать «Сборник» в провокационных целях. Объясните подробно как пользуются этим «Сборником», не передавалась ли содержащаяся в нем информация «диссидентам», а также за границу?

О т в е т: Мною в предисловии было написано, что «Сборник» предназначается для информирования общественности о делах и проблемах национального движения крымских татар. И «Сборник» этот включает в себя конкретные, реальные факты и события, имеющие место в Крыму и за его пределами. Факты отвечают сами за себя. Я не знаю, как эти можно факты использовать в провокационных целях, как Вы поставили вопрос. Передавалась ли информация, содержащаяся в «Сборнике» «диссидентам» или за границу, мне неизвестно.

В о п р о с: Вам предъявляется изъятая при обыске письмо Джемилева Мустафы от 5.08.80г. Поясните подробнее постановкой каких вопросов Вами было вызвано неудовольствие Джемилева?

О т в е т: Я сейчас не помню какие вопросы мною ставились. Но, судя по содержанию письма Джемилева мы спорили, что нам конкретно дал Запад в решении наших вопросов, кто может помочь нам в этом вопросе, говоря иначе между нами шел обычный обмен мнениями по национальному вопросу.

В о п р о с: В этом письме Джемилев осуждает инициативников, которые пишут в инстанции типовые обращения и ставит перед Вами вопрос быть с ним или с этими инициативниками. Из материалов уголовного дела Александра видно, что Вы

остались в группе Джемилева. Расскажите, что Вы конкретно делаете для того, чтобы привлечь к вопросу о крымских татарах внимание некоторых кругов Запада?

О т в е т: Каждый автор письма вправе выражать свое мнение в своих письмах и обсуждать его я не берусь. В Национальном движении не существует группировок и вопрос о том, к какой группировке я отношусь неверно. Что конкретно делается по решению вопроса видно из информации, которые выпускают представители народа после проделанной работы. Лично я для привлечения внимания Запада в решении нашего национального вопроса, ничего не делаю.

В о п р о с: При обыске у Вас изъят лист бумаги с записями данных о работе зарубежных радиостанций, в том числе «Би-би-си» и «Немецкая волна». Для какой цели Вам понадобились эти данные?

О т в е т: Все данные о времени радиопередач зарубежных радиостанций я действительно выписывал с целью получить конкретные данные о том, что творится в мире и узнать мнение общественности Запада относительно тех или иных вопросов и просто для общего развития.

Протокол допроса мною прочитан и с моих слов написано верно (Аблаев).

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 4, л.д. 256-258).

Протокол дополнительного допроса Аблаева Решата от 7 декабря 1983 года.

В о п р о с: Предъявляю Вам письмо Джемилева Мустафы от 24.03.80 г. на английском языке, адресованное Вам, в котором он с возмущением спрашивал почему Гани не выполнил данного ему обещания. Известно ли Вам, какое обещание давал Мустафаев Гани Джемилеву Мустафе? Не связано ли это с «Олимпиадой-80»?

О т в е т: Я являюсь всего лишь передаточным звеном, то есть должен был письмо доставить адресату. Разъясняю, что письмо это получил я, но оно не было адресовано мне лично... После того, как Мустафа приехал из ссылки, я счел нецелесообразным отдавать это письмо адресату, так как с ним встречался сам Мустафа и обговорил по тем вопросам, которые его интересовали. Вернее он имел такую возможность встретиться, но встретился или нет я не знаю. Что касается содержания письма, то я не знал ничего до предъявления мне перевода сегодня.

В о п р о с: Кому Вы должны были передать это письмо?

О т в е т: Письмо это личного характера, поэтому кому я должен был передать я говорить не буду...

В о п р о с: Не поручалось ли Вам Джемилевым М. подобрать молодежную группу для поездки в Москву в период проведения Олимпийских игр? Если поручал, то с какой целью?

О т в е т: Никакие поручения, касающиеся подбора молодежи для поездки в Москву Джемилевым Мустафой, мне не давались. Сведения по подбору молодежи для каких-либо целей, полученные Вами не верные, ибо мы этим делом не занимаемся.

В о п р о с: На допросе Мустафаев Гани показал, что после приезда из Якутии от Джемилева Мустафы Вы вдвоем обговаривали вопрос о подготовке молодежной группы. В этих целях Мустафаев обещал познакомиться Вас с молодыми парнями. Объясните, о создании какой молодежной группы шла тогда речь? Познакомил ли Вас Мустафаев Г. с молодыми парнями?

О т в е т: Я прежде всего поинтересовался у Мустафаев Гани о здоровье и делах Мустафы Джемилева. Также в ходе беседы с Мустафаевым Гани о национальном движении, после возвращения из Якутии, я понял, что у него произошли какие-то изменения в его взглядах. Все эти беседы носили философский характер. При этом выяснилось, что Мустафаев Гани абсолютно не понимает целей национального движения крымских татар. Он постепенно стал отходить от участия в национальном движении. Чем это объяснить я не знаю. То ли из-за трусости, то ли из-за нехватки знаний, но я перестал после этого с ним встречаться. Что касается того, что он обещал меня познакомить с молодыми ребятами и о том, что мы обговаривали создание молодежной группы с ним, я не помню.

В о п р о с: Вам предъявляются документы «Ко всем народам и правительствам мусульманских стран», «К народу и правительству Турции», «Председателям и Генеральным секретарям Коммунистических партий Италии, Франции, Финляндии, Испании, Англии, США», «К главам и делегатам Совещания в Мадриде». Знакомы ли Вы с этими документами, если да, то при каких обстоятельствах ознакомились? Кто является автором этих документов?

О т в е т: Все выше перечисленные документы я вижу впервые. Кто является автором этих документов я не знаю.

В о п р о с: Не печатались ли эти документы Вами?

О т в е т: Нет.

В о п р о с: По заключению судебно-криминалистической экспертизы при печатании вышеперечисленных документов использовались изъятые у Вас при обыске копировальные бумаги, 16 листов. Что Вы можете пояснить по этому вопросу? Вам для ознакомления предъявляется заключение экспертизы №179 от 13.09.1983 г.

О т в е т: При обыске у меня действительно изъяли несколько листов копировальной бумаги. Если не изменяет память, их было не 16 листов, как Вы сказали, а намного меньше. Также не могу утверждать этими ли листами являются те листы, по которым Вы проводили судебно-криминалистическую экспертизу, так как при изъятии копировальной бумаги напечатанный на нем текст не был указан в протоколе обыска.

В о п р о с: По заключению судебно-криминалистической экспертизы №461 от 9 марта 1983 г., эти документы отпечатаны на пишущей машинке «Москва» №526484, изъятой у Кадырова Синавера, а листы черной копировальной бумаги использованные при печатании вышеперечисленных документов на этой машинке изъяты у Вас. Кому принадлежит эта машинка, Вам или Кадырову Синаверу?

О т в е т: Кому принадлежит изъятая у Кадырова Синавера машинка я не знаю. Что касается листов копировальной бумаги, изъятых у меня при обыске и тех копировальных листов, по которым проводилась судебно-криминалистическая экспертиза, выше мною было сказано.

Протокол мною прочитан, с моих слов написано правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 3, л.д. 153-154)

**Протокол допроса Сеитвапова Эбазера Мустафаевича
от 10 августа 1983 года.**

(1947 г.р., образование 10 классов, работает сварщиком в организации «Межколхоз-строй» Симферопольского р-на; адрес: г. Симферополь, ул. Скалистая, 68).

Зимой 1983 года из Узбекистана приехал ко мне какой-то парень по национальности «крымский» татарин, по-моему, был, и привез предъявленное мне сейчас обращение к «Главам государств, участников Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Необходимость сбора подписей под указанным выше обращением и направления его за границу он ничем не мотивировал, он даже ничего не объяснил по этому поводу; он сказал, что обращение прислали ребята, а кто именно, не говорил. Я спросил у него обращение от Джемилева Мустафы; он сказал что да, но обращение ему дал не лично сам Мустафа.

Вместе с этим обращением мне ничего, в том числе письмо от Джемилева Мустафы этот парень не передавал. Никаких рекомендаций от Джемилева Мустафы этот парень не передавал.

По поводу моего мнения о содержании «Обращения» в настоящее время могу пояснить, что оно не реальное, так как, по-моему, никто из перечисленных в «Обращении» представителей Акимова Джемилева Мустафу, Музафарова Рефика не отпустит в Мадрид для разрешения нашего национального вопроса.

Под этим «Обращением» в Крыму подписи не собирались. Впоследствии я узнал, что от содержания этого «Обращения» отказались, даже решили это «Обращение» не посылать адресату. От кого я услышал об этом, не могу сказать и не утверждаю, что именно от этого «Обращения», лица которые его составили, отказались.

Через 2-3 недели я сказал Музафарову Рефику о том, что его включили в число представителей, указанных в этом «Обращении». Он удивился и сказал: почему без его согласия, не ознакомив его с содержанием «Обращения», его включили в список. Точно не могу утверждать, что он имел в виду.

Здесь ли сейчас находится или нет Музафаров Рефик, я не знаю.

В о п р о с: Почему именно Вас ознакомили с этим «Обращением»?

О т в е т: Когда-то, в то время, когда еще жил в Узбекистане, я был активным участником в решении нашего национального вопроса, я собирал подписи, составлял письма и ездил по национальному вопросу в Москву. В настоящее время я этим не занимаюсь, но под всеми документами, касающимися нашего национального вопроса в пользу его решения подписи я всегда поставлю. По поводу этого «Обращения» могу сказать, что меня просили поставить под ним свою подпись и близких мне людей по их желанию, которые проживают рядом со мной, но не по всей Крымской области. Тот человек, который привозил это «Обращение», после того, как я с его содержанием ознакомился, он сразу его забрал. (*Подпись Сеитвапова*).

В о п р о с: С этим «Обращением» кого вы еще ознакомили в Крыму?

О т в е т: Я лично никого не знакомил, а ознакомили ли еще кого-то в Крыму с этим «Обращением» я не знаю.

В о п р о с: Кого вы имели в виду, говоря в письме, что «ни мне, ни другим оно не понравилось», имея в виду содержание «Обращения» и даже «Наше резюме».

О т в е т: В моем домашнем кругу, т.е. в семье, это письмо не понравилось, точнее содержание этого «Обращения» посчитали несвоевременным. Потому я и в письме написал «ни мне, ни другим оно не понравилось».

В о п р о с: Что имеется в виду во фразах в письме, адресованному «ребятам из Узбекистана», «объединить ферганцев, самаркандцев, ташкентцев»? Для каких целей это объединение?

О т в е т: Ферганцы, самаркандцы, ташкентцы и Годженовы каждый сами составляют письма, собирают подписи, ездят по национальному вопросу в Москву, т.е. действуют

разрозненно. Поэтому, я считаю, что необходимо их объединить, от имени всех составить общее письмо и решить вопрос о восстановлении свободной прописки в Крымской области. Указанные группы крымских татар в своих мнениях расходятся — одни требуют автономию, другие возвращения просто в Крым и т.д. Вот поэтому интересно было узнать, что делается для их объединения. Третий пункт в письме связан с 1-м пунктом, его текст: «Пытались вы всенародно обратиться в ЦК за последние 3 месяца?» Три месяца я имел в виду то, что во главе государства тогда стал новый руководитель Андропов Ю. В. Это «Обращение» было мне предъявлено, по-моему, где-то в конце декабря 1982г. или январе 1983 г. (подпись С.Э.).

Дополняю, что текст «Обращения» написан не в стиле Джемилева Мустафы, поэтому думаю, что его не он составлял.

Протокол допроса мною прочитан и с моих слов написано верно (Подпись).

[На анкетный вопрос протокола о взаимоотношениях с обвиняемым имеется запись «нормальные»].

Допросил следователь прокуратуры Киевского р-на г.Симферополя Салахов Э.С.
(Том 4, л. д. 134-135).

Протокол дополнительного допроса Сеитвапова Эбазера от 1 октября 1983 года

В о п р о с: Уточните обстоятельства, при которых Вы были ознакомлены с «Обращением Главам государств, участников Хельсинского Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе».

О т в е т: Как я уже показал на предыдущем допросе обращение принес мне один незнакомый мне парень из Узбекистана по национальности крымский татарин. Это было зимой 1982 года. Парень этот пришел ко мне домой под вечер, были уже сумерки. Он передал мне это обращение, сказав, что это от товарищей из Узбекистана. На мой вопрос не от Джемилева Мустафы ли это обращение, он ответил утвердительно, но объяснил, что обращение дал ему не лично сам Мустафа. Гостя этого я сразу же пригласил домой и весь этот разговор происходил у нас дома в присутствии членов моей семьи. Обращение он также показал мне после того, как мы с ним зашли домой. Прочитав обращение, я спросил для чего это письмо, вернее, обращение. Он сказал, что если я согласен с содержанием обращения, то могу ли подписать его. Я ему ответил, что подписать это обращение я не могу, вернее я воздержусь от подписания такого документа, так как в стране новое правительство и возможно наш национальный вопрос разрешится без обращений в зарубежные организации. Я решил свое мнение по поводу этого обращения изложить в письменном виде. Написал письмо и передал этому парню сказав, чтобы передал письмо тому, от которого принес «Обращение». После этого парень попрощался со мной и членами моей семьи и ушел. В общей сложности он у нас находился примерно в течение 15-20 минут.

В о п р о с: Поскольку как Вы показали ранее, «Обращение» было адресовано Вам, считали ли Вы необходимым дать на него ответ Мустафе Джемилеву?

О т в е т: Я в общем-то счел необходимым изложить свою точку зрения по поводу этого обращения, но не придавал значения тому, передадут мое письмо лично Мустафе, или кому-либо другому из соотечественников, проживающих в Узбекистане.

В о п р о с: Объясните более подробно, кто именно передал Вам данное «Обращение». Его имя, внешность, возраст, данные места проживания.

О т в е т: Это был молодой парень лет 20-22, по национальности крымский татарин. Разумеется, когда он принес «Обращение», то он мне представился и назвал свое имя. Но сейчас я уже забыл как его зовут. Он очень торопился, то ли на поезд, то ли на самолет или автобус, поэтому в этой ситуации возможно он не говорил о своем месте жительства, а я в свою очередь не спросил у него об этом. Какие-либо характерные приметы его внешности я также не запомнил.

В о п р о с: Вы настаиваете на своих показаниях о том, что принесшему Вам обращение парню Вы передали написанное Вами в тот же вечер письмо по поводу этого обращения?

О т в е т: Да, именно так и было. Ознакомившись с обращением, я сразу же написал письмо, в котором изложил свою точку зрения и передал ему это письмо.

В о п р о с: Тогда как Вы объясните тот факт, что Вы в своем письме указали: «Выдвинутые Вами предложения мы считаем в настоящее время не приемлемыми, а Рефик-ага был весьма удивлен, что в список включили и его без предварительной консультации с ним». Из смысла Вашего письма следует, что с этим обращением знакомились и другие Ваши соотечественники и в частности Рефик-ага, на которого Вы ссылаетесь в ответном письме. Вы указываете во множественном числе?: «Выдвинутые Вами предложения мы считаем в настоящее время неприемлемыми...» Как Вы можете объяснить эти противоречия и что можете пояснить в связи с этим?

О т в е т: В Крым приезжают много людей с различными документами из представителей разных группировок национального движения и поскольку при разговорах с крымскими татарами, проживающими в Крыму, все пришли к мнению, что пока жителей Крыма не вовлекать в различные кампании сбора подписей под документами, привезенных из Узбекистана от представителей других группировок. И поэтому в ответном письме я изложил уже заранее мне известное мнение татар — жителей Крыма, т.е. взял на себя миссию ответить на это обращение от имени всех жителей Крыма, мнение которых мне известно. Возможно, я поступил не совсем верно, взяв на себя слишком много.

В о п р о с: Тем не менее на поставленный вопрос Вы ответили не по существу и не искренне, так как Ваш ответ противоречит содержанию того же письма, в котором Вы указываете «Рефик-ага был весьма удивлен, что в список включили и его без предварительной консультации с ним». Из изложенного ясно видно, что обращение было обсуждено и с Рефик-агой, что весьма его удивило. Следовательно, ответное письмо Вы передали парню не в тот же вечер, а после разговора с Рефик-агой и другими. Если это не так, то не хотите ли Вы также сказать, что Вы в ответном письме упомянули о Рефик-аге также по своему усмотрению?

О т в е т: Да, именно так. Я упомянул в письме мнение Рефик-аги по своему усмотрению.

В о п р о с: Вам предлагается еще раз ознакомиться с Вашим ответным письмом по поводу упомянутого обращения, начинающегося словами «Мераба дорогие друзья». Уточните, кого Вы еще знакомили с содержанием этого обращения и входило ли в планы Джемилева такое ознакомление. Просил ли Вас об этом тот, кто привез обращение, или Вы знакомили других по своей инициативе? Несмотря на Ваши голословные утверждения о том, что с обращением не знакомились другие лица и противоречивые показания, тем не менее из содержания Вашего письма вытекает, что Вы знакомили с этим обращением и других лиц, поэтому Вам следует давать правдивые показания.

О т в е т: Никого я с обращением не знакомил. И парень этот никакой просьбы от Джемилева Мустафы об ознакомлении с обращением других жителей Крыма не передавал. Парень только спросил меня могу ли я подписать обращение.

В о п р о с: Приезжали ли к Вам из Узбекистана еще представители с этим «обращением»?

О т в е т: Нет, этого обращения больше никто из Узбекистана мне не привозил.

В о п р о с: На допросе 10 августа 83 года Вы показали, что «Впоследствии я узнал, что от содержания этого «обращения» отказались и даже решили это «обращение» не посылать адресату». Поясните, кто являлся адресатом и кому оно должно было быть адресовано в случае сбора под ним подписей?

О т в е т: Обращение было адресовано «Главам государств, участников Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Если бы я согласился подписать это обращение, то я должен был передать его этому парню, а в дальнейшем вопросом отправки адресату должен был заняться тот, кто передал ему (парню) обращение. Я просил этого парня оставить обращение на несколько дней, чтобы обсудить и дать свой ответ о согласии или несогласии подписать его. Но парень сказал, что или я должен подписать сейчас же, или же если я откажусь, то он заберет обращение.

В о п р о с: Поясните, кому предназначалось Ваше вышеуказанное ответное письмо по поводу привезенного Вам обращения и ответом на какое письмо оно является?

О т в е т: Письмо предназначалось тому, кто передал мне через парня обращение. Мое письмо является ответом на само обращение а не на какое-то письмо. Вместе с обращением парень мне никакого письма не передал, что меня очень удивило, так как обычно ранее когда привозили из Узбекистана какие-либо документы по национальному вопросу, в частности, обращения, то обычно были и письма, в которых излагалось что они намерены делать с конкретным этим документом, что бы они желали (имеется в виду сбор подписей, отправка делегатам и т.д.).

В о п р о с: На том же допросе и сейчас Вы показываете, что молодой парень, ознакомив Вас с «обращением», сразу забрал его обратно. В то же время Вы утверждаете, что Вашими товарищами было принято решение не посылать «обращение» обратно. Что Вы можете пояснить по этому поводу? Каким образом его содержание стало известно Вашим товарищам? Если «обращение» не отправлено обратно, то у кого оно находится в настоящее время?

О т в е т: Летом 1983 года я спрашивал у некоторых своих соотечественников из Узбекистана, собирали ли подписи под обращением «Хельсинки» и направляли ли это обращение адресату. Мне сказали, что действительно был разговор о сборе подписей под этим обращением, но вроде бы отказались от него и даже отказались направить адресату. На допросе 10 августа я имел в виду это.

В о п р о с: В этом же ответном письме Вы пишете «... обсуждать содержание обращения не будем». Не означает ли это, что Вам все же было рекомендовано обсудить «обращение»?

О т в е т: Нет, никаких письменных рекомендаций я от отправителя этого обращения не получал. Но парень на словах мне сказал, что отправитель просил собрать подписи под обращением близких мне людей по их желанию, которые проживают поблизости от меня, но не по всей Крымской области.

В о п р о с: Вы благодарите за письмо адресата и затем «огорчаете их своим резюме». Не является ли Ваше резюме ответом на полученную Вам рекомендацию?

О т в е т: Можно сказать, что да, но не письменную рекомендацию, а устную просьбу отправителя обращения.

В о п р о с: Совместно с какими родственниками и близкими Вы проживаете по адресу ул. Скалистая дом 68 в городе Симферополе?

О т в е т: Я проживаю с женой — Джемилевой Заремой, у нас двое малолетних детей в возрасте 5 и 6 лет. Вместе с нами проживают также моя мать Тевиде и сестра — Сельфат.

С этим обращением ознакомилась только моя жена. Она приехала, когда гость был дома. Жена меня спросила, кто это такой и я объяснил суть дела. Она мельком посмотрела на это обращение, но никакого своего мнения не высказала, так как она вообще не касается этих дел и не вмешивается в вопросы национального движения. Достаточно того, что я сам интересуюсь этим вопросом, а для жены моей, я считаю, это необязательным.

В о п р о с: У кого конкретно из жителей Узбекистана Вы спрашивали летом 83 года о сборе подписей под этим обращением и отправке адресату и при каких обстоятельствах?

О т в е т: У кого конкретно я интересовался об этом, я сейчас конкретно назвать не могу. Я спрашивал у многих товарищей, которые приезжали сюда в Крым на свадьбы крымских татар, но их сейчас я не помню.

(Далее собственноручная запись Сеитвапова Эбазера:)

1. После прочтения протокола хочу уточнить следующее: Когда парень передал обращение, я спросил у него от кого это обращение. Он сказал «от ребят». Я назвал несколько имен, в частности: Бекир, Осман, Мустафа, он ответил, от них, но не они лично мне его вручили.

2. Жена моя с документом не ознакомилась, так как пришла домой с детьми в тот момент, когда парень выходил из дома, она спросила, кто это, я ответил, что он с Узбекистана и привез обращение и т.д. Она ответила, что правильно сделал, что не подписал.

Протокол с моих слов написан правильно мною прочитан (*Подпись*).

Допросил следователь Азарян В.А. (*В прокуратуре Киевского р-на в г. Симферополе*).

(Том 4, л.д. 137-139).

Из протокола допроса Сеитваповой Заремы Рушеновны от 1 октября 1983 года.

(1954 г.р., родилась в с-зе Дальверзин-2 Бекабадского р-на Ташкентской области, татарка, б/п, образование среднее, работает фасовщицей в медицинском складе в/ч 28307, адрес: г. Симферополь, ул. Скалистая, дом 68).

«... Я лично против всяких этих писем и обращений, никогда вопросами национального движения крымских татар о возвращении на Родину не интересовалась и не интересуюсь сейчас, поэтому стараюсь не касаться этих вопросов даже если мой муж с кем-то обсуждает эти вопросы. Мне не интересно, у меня своих домашних дел итак много и я не вникаю в эти вопросы.

Протокол мною прочитан и с моих слов написано верно» (*Подпись*).

Допросил следователь Азарян В.А. (*В прокуратуре Киевского района г. Симферополя*).

(Том 4, л. д. 140).

**Из протокола допроса Сеутовой Сабрие
от 4 августа 1983 года.**

(1953 г.р., родилась в Казахской ССР, образование высшее, закончила ТГПИ им. Низами в 1977 году, работает старшим редактором в журнале «Йылдыз», член Союза журналистов СССР, адрес: г. Ташкент, массив Чиланзар, квартал 6, дом 4, кв.34).

«... Впоследствии я несколько раз бывала у Джемилева Мустафы в Янгиюле. При этих встречах мы говорили о разном, в частности, о литературе, поэзии и т.д. Мои посещения дома Джемилева М. я объясняю тем, что хотела поближе узнать Мустафу и особенно его жену как людей. Жена его меня интересовала в том плане, как она поехала в Якутию к Джемилеву Мустафе и стала его женой.

В о п р о с: Вам представляется папка с печатным текстом сборник «События в Крыму», изъятая при обыске в доме Ваших родителей по адресу: п/о Узгараш, ул. Восточная 63. Скажите, кому принадлежит этот сборник и кто его печатал? Известен ли Вам его составитель? Каким образом сборник оказался у Вас?

О т в е т: Примерно за неделю до обыска я взяла этот сборник у своих знакомых почитать... Но прочесть за это время я не успела, я его не успела даже раскрыть и посмотреть в связи с подготовкой мною срочного очерка в журнал «Йылдыз». В начале я не знала кто автор сборника и автор предисловия. А когда мне принесли сборник, то на обложке я прочитала, что составителем является Мустафа Джемилев, а предисловие написал Решат Аблаев. Кто печатал текст сборника мне неизвестно.

В о п р о с: В сборнике «События в Крыму» содержатся заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. Вы же, являясь членом Союза журналистов СССР, храните и пользуетесь подобными сборниками и более того не желаете рассказать следствию правду. Считаете ли Вы нормальным такое поведение и позицию для члена Союза журналистов и намерены ли Вы дать правдивые показания?

О т в е т: Я не намерена назвать человека, у которого взяла «Сборник».

В о п р о с: Вам еще раз предлагается ответить на вопрос, кто Вам передал сборник «События в Крыму»?

О т в е т: Я не буду отвечать на этот вопрос.

В о п р о с: Не Джемилев М. ли передал Вам сборник «События в Крыму»?

О т в е т: Нет, сборник мне передал другой человек, имя которого я не желаю называть.

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 2, л. д. 168-169).

**Протокол допроса Сеутова Сервера
от 29 ноября 1983 года.**

(1922 г.р., образование высшее, окончил математический факультет Алма-Атинского пединститута в 1960 г., пенсионер, адрес: 202021 Ташкент, п/о Узгарыш, ул. Восточная, 63)

В о п р о с: Знаете ли Вы Джемилева Мустафу и в каких отношениях находитесь с ним?

О т в е т: Я Мустафу Джемилева знаю с 1973 года, а до этого слышал о нем. К нему отношусь как к земляку, к крымскому татарину, как все мы несправедливо пострадавшему.

В о п р о с: Вам предъявляется 6 экземпляров заявлений в Международный суд в Гааге. Объясните, Вами ли они исполнены и с какой целью Вы их подготовили?

О т в е т: Эти заявления написаны мною в связи с тем, что в 1970 году, 10 апреля меня, совершенно здорового человека, несправедливо поместили в психиатрическую больницу имени Кащенко г.Москвы, где меня избивали и оскорбляли. Я дважды обращался в Президиум Верховного Совета СССР, но никакие меры приняты не были и ответов я не получил. Поэтому в 1979 году я решил обратиться в Международный суд в Гааге.

В о п р о с: Эти Ваши заявления были обнаружены у Джемилева Мустафы. Вспомните, каким образом они оказались у Джемилева М. и с какой целью Вы их передали ему?

О т в е т: Я эти заявления Мустафе Джемилеву не передавал и как они к нему попали я не знаю. Несколько экземпляров этого заявления я передавал некоторым своим землякам, которые хотели познакомиться с содержанием и высказывали удивление, как меня, здорового человека, поместили в психиатрическую больницу. Кому конкретно я передавал экземпляры заявления и в каком количестве я сейчас не помню. Всем пяти адресатам я направлял копии этого заявления по почте.

В о п р о с: Направлялись ли Вами за границу другие подобные заявления? Если да, то когда, кому, в связи с чем Вы писали?

О т в е т: Да, я направлял в различные зарубежные инстанции другие заявления по нашему национальному вопросу.

В о п р о с: При обыске у Вас дома обнаружили сборник «События в Крыму». Объясните, каким образом сборник оказался в Вашем доме?

О т в е т: Сборник «События в Крыму» я ранее никогда не видел. Как он попал к нам домой, мне не известно.

В о п р о с: Вам предъявляется 5 заявлений на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, 3 заявления в радио «Свобода» — Галине Ручевой, 4 заявления Московскому корреспонденту «Би-Би-Си». Поясните, направляли ли данные заявления адресатам? В связи с чем Вы их писали?

О т в е т: Все эти заявления я направлял адресатам заказным письмом и сохранил квитанции. Но ответов от адресатов не получил. Эти заявления касаются лично меня и нашего национального вопроса. Я их писал потому что убедился в бессмысленности обращения в советские правительственные органы по всем вопросам, которые обычно остаются без внимания.

В о п р о с: Вам предъявляется рукописный текст, на данном листе, начинающемся словами: «По имеющимся сведениям...» и заканчивающийся словами: «...будет сообщено дополнительно». Кто является составителем данного текста, для кого он предназначен и по чьей инициативе составлен?

О т в е т: Я этот документ вижу впервые. Кем он составлен и для какой цели мне не известно.

В о п р о с: Установлено, что этот документ составлен Вашей дочерью Сеутовой Сабрие. Что Вы можете пояснить в связи с этим?

О т в е т: Я в дела своей дочери не вмешиваюсь и не считаю необходимым ей что-то указывать. Она взрослая и поступает так, как считает нужным.

Допросил: следователь Азарян В. А.

(Том 2, л.д. 170-171)

**Из протокола допроса Ибраимовой Эльмиры
от 5 августа 1983 года.**

(1951 г.р., член КПСС с 1973 г., работает ст. инженер-программистом в Вычислительном Центре стат. Управления Ташкентской области, тел. 324922. Адрес: г. Ташкент, массив Кара-Камыш — 2/1, дом 26, кв. 9, тел. 466144).

В о п р о с: Знакомы ли Вы с Джемилевым Мустафой, с какого времени и в каких взаимоотношениях находитесь с ним? Что Вам известно о деятельности Джемилева в национальном вопросе?

О т в е т: ... Взаимоотношения между нами дружеские. Мне известно, что Джемилев проводит определенную работу по национальному вопросу, т.е. по вопросу возвращения крымских татар в Крым. В чем конкретно выражается его деятельность в этом вопросе, мне неизвестно, так как наши разговоры с ним на эту тему носили общий характер.

В о п р о с: Знаете ли Вы Аблаева Решата и что Вам известно о его участии в национальном вопросе? Какой ориентации он придерживается и сторонником какой группировки он является (решения национального вопроса путем обращения в правительственные органы СССР, либо за помощью для решения этого вопроса в Западные страны)?

О т в е т: ... Разговоры о национальном вопросе у нас носили общий характер и не касались того вопроса, какой ориентации он придерживается.

В о п р о с: ... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. крымские татары реабилитированы. Для чего Вы храните это стихотворение до сих пор?

О т в е т: Я считаю, что с выходом этого Указа наш национальный вопрос решен не был и все, что касается нашего национального вопроса мне интересно и это стихотворение храню как память.

В о п р о с: Какова степень Вашего участия в национальном вопросе и сторонником какой группировки Вы являетесь?

О т в е т: В данное время у меня пока чисто наблюдательная позиция в национальном вопросе. Вместе с тем, я считаю, что время писем и обращений к правительству Союза ССР прошло, так как эти действия никакого результата не дали. Однако, считаю, что Запад в это дело вмешивать нельзя, так как на мой взгляд это не патриотично. Обращение к западным странам претит моим взглядам. В связи с этим я ни к какой группировке не примыкаю, но если увижу, что какая-либо группировка добьется положительного результата и своими действиями не будет противоречить моим убеждениям, то я безусловно примкну к ней и приму активное участие в ее деятельности.

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 2, л.д. 181-182)

**Из протокола допроса Файзиева Самаритдина Ходжаевича
от 12 апреля 1983 г.**

(Узбек, член КПСС с 1954г., образование высшее, доцент кафедры анатомии и физиологии человека ТГПИ им. Низами, адрес: г.Ташкент, Ц-4, д.12, кв.35, тел.332503. По какому делу допрошен — в протоколе не указано).

(В начале своих показаний Файзиев С. Х. рассказывает о том, что 21 марта 1983 г. в партком института поступило коллективное заявление от группы студентов татарской национальности, в том числе с подписью Кадырова Синавера, в котором указывается, что некоторые члены кафедры искусственно создают препятствия для поступления лаборанта кафедры Керимова Исмаила в аспирантуру, в то время как последний является перспективным ученым в области татарской филологии и литературы. Далее Файзиев С. Х. характеризует Кадырова С.)

... Хочу отметить, что на протяжении всей беседы он держался весьма вызывающе, допускал намеки, что все равно в общем имеет место зажим...

После беседы у меня сложилось мнение, что такому студенту нельзя доверять руководство курсом, т.е. является старостой, о чем я сказал и.о. декана Каплуну Ю.

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 2, л.д. 51-52)

**Из протокола допроса Кадырова Синавера
от 4 апреля 1983 г.**

(Родился 1 января 1955 года, в г.Самарканде, студент 4 курса факультета русско-татарской филологии ТГПИ им. Низами, адрес: г. Ташкент, ул. Генерала Узакова, дом 1, кв.10).

... Непосредственно с Мустафой я знаком с лета 1982 года, а с Решатом — с весны 1982 года. Взаимоотношения у меня с ними чисто человеческие. Об их деятельности мне известно то, что они выступают за возвращение народа в Крым, на его историческое место проживания и восстановление статуса автономии. Мне известно, что они несколько раз привлекались за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, в чем именно выражались эти клеветнические измышления, не понятно. Я уважаю их за борьбу и выступления за возвращение своего народа, крымских татар на его историческую родину и за восстановление статуса автономии.

Аблаева Решата я знаю также как и многих других представителей крымскотатарской молодежи, взаимоотношения с ним чисто товарищеские. Он так же, как и весь народ, желал вернуться на родину.

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 2, л.д. 46-48)

**Из протокола дополнительного допроса Кадырова Синавера
от 12 апреля 1983 г.**

В о п р о с: Кто является автором рукописи «Дело о Союзе крымскотатарской молодежи», для чего Вам понадобилась эта рукопись, которая обнаружена при обыске в Вашей квартире?

О т в е т: На этот вопрос я не буду отвечать. От дачи показаний отказываюсь...

(Примечание: Почти на все последующие вопросы следователя Кадыров С. отвечать отказывается, мотивируя, что задаются они не по делу, по которому его допрашивают. Протокол допроса им подписан — Ред.)

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 2, л.д. 49-50)

Протокол допроса Музафарова Рефика Ибрагимовича от 11 августа 1983 г.

(1928 г.р., «крымский» татарин, б/п, образование высшее, профессор кафедры русской литературы Тобольского пединститута, адрес: г. Тобольск, ул. Знаменского, 56-общезитие)

На анкетный вопрос протокола о взаимоотношениях с обвиняемым имеется запись «в нормальных».

Свидетель показал: Предъявленное мне на обозрение «Обращение к Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» я вижу впервые. С его содержанием я ознакомился впервые и оценку не буду на него давать, так как в составлении этого письма я не принимал участия и подпись свою под ним не ставил. О том, что меня включили в список представителей для поездки в Мадрид по решению нашего национального вопроса, когда я услышал, от кого именно не помню, очень удивился, так как этот вопрос никто со мной не согласовывал и вообще я не собираюсь никуда ехать, так как думаю, что наш вопрос о восстановлении Ленинского декрета о создании Крымской АССР решится нашим правительством, главой нашего государства, после чего появление писем такого содержания отпадает само собой. И в том числе вопрос о прописке крымского татарина Музафарова, т.е. меня, к русской жене Коротовой Азалии Михайловне, проживающей в г. Феодосии, которую неоднократно штрафовали и штрафуют за содержание мужа без прописки, решится.

Больше по данному делу ничего не могу пояснить.

Протокол мною прочитан, с моих слов записано верно. *(Подпись)*.

Допросил следователь Киевского р-на г. Симферополя Салахов Э.С. в г. Симферополе.

(Том 4, л.д. 136)

Из протокола допроса Алядинова Шамиля Сеитовича от 16 ноября 1983 г.

(1912 г.р., родился в дер. Махульдур Бахчисарайского р-на Крымской АССР, татарин, образование незаконченное высшее, работает главным редактором журнала «Йылдыз», член КПСС с 1941г., адрес: г. Ташкент, Ц-1, дом 8, кв. 32, тел. 322993)

В о п р о с: Что Вам известно об издающейся в годы гитлеровской оккупации Крыма газете «Азат Крым» и ее редакторов?

О т в е т: Во время этой работы секретарь обкома Булатов показал мне несколько номеров газеты «Азат Крым», издававшейся в оккупированном немцами Крыму.

Знакомясь с этими газетами я нашел, что материалы помещающиеся в них имели характер враждебности к Красной Армии, Советской власти и политике коммунистической партии. Редактором этой газеты был Мустафа Куртиев. В 1957 году от крымскотатарских писателей я узнал, что редактором газеты «Азат Крым» также был Муединов Мемет. Перед войной Муединов работал в качестве заведующего отделом литературных передач Крымского радио. Я его несколько раз видел в редакции радиокомитета, но с ним близких отношений не имел. Мне также стало известно, что перед приходом Красной Армии в Крым редакторы этой газеты, в т.ч. Муединов бежали в Румынию, а оттуда в США, где и проживают в настоящее время. Брат Муединова — Рустем проживает в г.Янгиюле Ташкентской области. В 1981 году из Молдавии в Ташкент приехал Мустафаев Эннан, с которым я учился в одном классе. В разговоре Мустафаев рассказал, что он ездил в Нью-Йорк к своей сестре, которая живет в кругу крымских татар. Когда он гостил у сестры, то встречался с Муединовым и другими крымскими татарами, эмигрировавшими из Советского Союза. По рассказу Мустафаева группа эмигрантов крымских татар купила трехэтажное здание, в котором находятся ресторан, мечеть и клуб и свободное время они проводят там. Мустафаев Эннан в прошлом году умер.

Протокол мною прочитан, с моих слов записан правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 3, л.д. 81-82)

**Из протокола допроса Аблямитова Фуата Якубовича
от 4 августа 1983 г.**

(1937г.р., кандидат медицинских наук, работает зав. неврологическим отделением физиотерапевтической больницы им Ташсовета, служ. тел. 321065, адрес: Ташкент-115, массив Чиланзар, квартал «Е», дом 4, кв. 6, тел.776503).

... Джемилева Мустафу я знаю примерно с 1977г. Меня попросили его положить в больницу. Он приходится мне свояком, т.е. мой неродной брат женат на его сестре. В 1977 году я помог Джемилеву лечь в больницу, где я работал (клиническая больница Узминздрави), в терапевтическое отделение, так как он сильно кашлял и жаловался на сердце. Там его подлечили, после чего он был выписан. Взаимоотношения у нас сложились товарищеские. Когда я узнал подробности Омского процесса в отношении Джемилева Мустафы, то я стал его еще больше уважать. По моему мнению, его тогда судили необоснованно, так как свидетель Дворянский, изблещавший на следствии Джемилева, в суде отказался от своих показаний, заявив что на следствии он давал показания под угрозой расправы с его родными. Когда Джемилев был в ссылке на Колыме я с ним поддерживал переписку. По его возвращению мы иногда встречались.

... Рукопись этой поэмы мне прислал Джемилев из Колымы вместе с письмом...

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 2, л.д. 77-78)

**Из протокола допроса Муратова Решит Муратовича
от 17 ноября 1983 г.**

(1915 г.р., родился в г.Карасу-Базар Крымской АССР, татарин, б/п, член Союза писателей СССР, адрес:г.Ташкент, Чиланзар, квартал 6, дом 41, кв.60, тел. 780367).

В о п р о с: Что Вам известно об издающейся в годы гитлеровской оккупации Крыма газете «Азат Крым» и ее редакторов?

О т в е т: (Муратов Р.М., как и Ш.Алядинов, в начале своих показаний повестует о том, кем и где работал, чем занимался в годы войны).

... Лично я ни одного номера этой газеты не видел. Газета эта была оккупационная, фашистская, явно антисоветского толка. Этой же редакцией издавался журнал «Ана Юрт», редактором которого был Февзи Абляй. Редактором газеты вначале был Куртиев Мустафа, а впоследствии Абдулла Куркчи. В редакции этой газеты работал также Муединов Мемет, который являлся секретарем. Муединова я знал еще до войны по совместной работе в Крымском радио. Я работал редактором литературно-художественного сектора, а Муединов работал в «последних известиях». С начала оккупации с ноября 1941 года и до освобождения Крыма — апреля 1944 года крымско-татарскими националистами издавалась эта газета... В освобожденном Крыму организовали издание газеты «Сталин байрагы», редакция которой помещалась в том же здании, где была редакция газеты «Азат Крым». Я был секретарем редакции и что было для меня удивительным, в помещении редакции не осталось ни одного экземпляра этой газеты. Кроме пустых и полупустых бутылок из-под спиртного, в помещении от старых редакторов не было, т.е. не оставалось ничего. Брат Муединова Мемета — Рустем в настоящее время проживает в городе Янгиюле.

Протокол с моих слов написан правильно. (Подпись)

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 3, л.д. 83)

Из «Выписка из протокола допроса подозреваемого Александрова Г.М.»

(1928г.р. в г. Москве, русский, проживает по адресу: г.Ташкент, массив Чиланзар, квартал 17, дом 42, кв.16, тел.768752)

... Кто передавал мне письма, его фамилию назвать отказываюсь... Я еще раз утверждаю, что жена моя знала, что я еду в Москву к врачам. Других целей в Москве у меня не было...

Действительно, человека который передал мне эти письма зовут Мустафой. Как его фамилия я не знаю. Где он проживает я не буду отвечать...

Он ответил, что когда я приеду в Москву, то он (Мустафа) примерно часов в 19.00 позвонит по этим адресам и подтвердит, что если человек покажет паспорт и там будет написано Григорий Матвеевич, то это тот человек, которому Вы должны помочь в устройстве в больницу или познакомить с врачом...

Почему Мустафа в письме к Елене Алексеевне и в других письмах указал срок моего пребывания в Москве 2 дня я не знаю с чего он это взял я не знаю, скорее всего с потолка.

В о п р о с: Вы признаете, что человек, который Вам передал вышеуказанные три письма и адреса жителей г.Москвы есть Джемилев Мустафа?

О т в е т: Да, именно он мне передал эти письма.

В о п р о с: Почему тогда Вы вчера на допросе не желали назвать его имя и фамилию?

О т в е т: Зная, что у М.Джемилева и так хватает неприятностей, я не хотел причинять ему лишние неприятности. Я считаю, что назвать имя человека, который, как я думал,

оказал мне бескорыстную услугу, считаю в высшей степени неэтичным и аморальным. Услуга Мустафы заключалась в том, что он твердо пообещал мне, что эти люди помогут мне с жильем и со знакомством с медиками...

С письмом я пошел к Мустафе Джемилеву и прочитал ему. Он сказал: «Погоди еще денька два-три, если будут хулиганить и дальше, тогда направляй это письмо, а пока оставь его у меня, я его еще раз прочту и порву. Почему он его не порвал, я не знаю...

Я считаю, что крымско-татарский народ должен вернуться в Крым на пустующие земли в Крыму, но ни в коем случае ни один крымский татарин не имеет право отнимать землю и дома, даже если они до 1944 г. принадлежали ему, у местных жителей. Если же на этой почве произойдет хоть одно убийство, то Советское правительство, с моей точки зрения, имеет право выпроводить всех крымских татар из Крыма...

В 1967 году летом я от Куйбышевского общества «Знание» читал лекцию в библиотеке, где работала будущая жена Асана Джемилева, брата Мустафы Джемилева, и через нее я познакомился с Мустафой Джемилевым. Я встречался с ним сравнительно недолго, 2-3 раза, потом его посадили, а в 1972 году, когда он освободился, я встретился с ним в доме его брата Асана Джемилева. Встречал я его 1-2 раза не более, пока его не посадили снова в 1974 году. В 1977 году в декабре и по 1979 г., пока его не посадили, я практически с ним не встречался, потому что у меня открылся демингстром и я был очень болен и часто лежал в больнице. Потом, когда он освободился в 1982 году, я встретился с ним в августе месяце и отдал письмо Струве, о котором я говорил ранее, после чего встретился 19 февраля 1983 года, где он передал эти письма, о которых упомянуто выше (...)

С моих слов верно. *(Подпись)*.

Допросил следователь Азарян В.А.

(Том 2, л.д. 2-11)

Протокол допроса Шустера Александра Львовича от 17 сентября 1983 г.

(1941 г.р., еврей, образование высшее, младший сотрудник ВНИПИ-нефть, адрес: г.Москва, ул.В.Красносельская,34, кв.71, тел.2643668).

В о п р о с: С какого времени Вы знаете Джемилева Мустафу, на какой идейной основе укрепились с ним дружеские отношения?

О т в е т: Джемилева Мустафу знаю давно. Отношения дружеские. Про идейные основы не задумывался.

В о п р о с: До привлечения Джемилева к уголовной ответственности за нарушение административного надзора Вы посещали Ташкент и встречались с Мустафой. Расскажите, какую он передал информацию для группы «Хельсинки» и зарубежного центра крымских татар в Нью-Йорке?

О т в е т: До привлечения Джемилева к уголовной ответственности за нарушение административного надзора я не посещал Ташкент. В Ташкенте видел Джемилева лет 8-10 назад. Никаких информации от него не получал. Было обычное дружеское общение.

В о п р о с: Из переписки Джемилева с Вами видно, что он усиленно старался через Вас приобрести зарубежную литературу. Какие услуги Вы ему оказали в этом деле?

О т в е т: Я не знаю из какой переписки можно сделать такое заключение. Услуг никаких не оказывал.

В о п р о с: В письме от 28 ноября 1982 года Джемилев благодарит Вас за книгу «6 дней» (Белая книга) и просит добыть еще один экземпляр для него лично. Расскажите, когда Вы заполучили эту книгу и переслали Джемилеву?

О т в е т: Письма такого не получал. Соответственно ничего по этому поводу не знаю.

В о п р о с: 26 сентября 1982 года Джемилев переслал Вам копию своего заявления на имя Генерального прокурора с просьбой передать его Юртеру Фикрету (брату), если кто поедет в те края. Расскажите, как Вы выполнили эту просьбу?

О т в е т: Я никакого письма не получал и об этой просьбе ничего не знаю.

Протокол допроса мной написан собственноручно и правильно. *(Подпись)*.

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 4, л.д. 295-296)

Протокол допроса Лазаренко Виктора Митрофановича от 30 августа 1983г.

(1941г.р., русский, образование 4 класса, адрес: Кемеровская обл, Мариинский р-н, с. Суслово, ул. Тракторная, 41).

В связи с совершением убийства я был арестован и при проведении психиатрической экспертизы я был признан невменяемым и большим психическим заболеванием. В мае 1973 года или же в июне я из СИЗО-3 г. Мариинска был этапирован в Ташкент в психбольницу специального типа системы МВД. В этой больнице я находился на лечении 4 года и 9 месяцев, после чего был выписан из больницы. Домой я попал по-моему в 1980 году. В общем, дома я нахожусь уже три года, четвертый.

В Ташкентской психбольнице я все время находился в отделении №1, заведовал которым Бабаев Роберт Михайлович, который впоследствии стал главным врачом всей больницы. Я не могу точно сказать когда меня этапировали из Ташкента; возможно что и 6 апреля 1979г., точно не помню. Но когда спустя 20 дней я прибыл в Кемерово, то было уже тепло. Этапировали из Ташкента нас в Кемерово 6 человек. Все из Кемеровской области... (Здесь при переписке протокола всего одно предложение, где Лазаренко В.М. сообщает населенные пункты Кемеровской области, откуда были этапированные вместе с ним из Ташкентской психлечебницы еще 5 человек).

Относительно Джемилева Мустафы поясняю, что действительно мне таковой знаком. Когда нас отправили из тюрьмы на вокзал, то при переводе нас в машину для доставки в вагон, вывели мужчину, который сразу спросил нас, стоявших несколько человек, из каких мы отделений. Многие ответили из каких отделений, в т.ч. и я сказал, что из отделения №1. Этот мужчина спросил меня знаю ли я Рождествова. Когда я ответил, что знаю, то этот мужчина попросил меня сообщить Рождествову, что его ссылают. Попросил передать Рождествову привет от Мустафы Джемилева. Также он еще сказал, что сидит за политику. Кстати Рождествов также сидел за политику. Мустафа — это имя я запомнил, а вот фамилию вспомнил только сейчас, когда Вы ее назвали. Больше между мной и Мустафой никакого разговора не было, так как его

сразу поместили в машину в отдельный бокс и такой возможности с ним разговаривать не было.

Рождествова я знал и действительно наши кровати находились рядом. О Рождествове Владимире я Мустафе ничего не говорил. Мустафу в вагоне поместили в самом начале, точнее мы были помещены в разных концах вагона. Следовали мы до Алма-Аты, где нас высадили для пересадки на другой поезд.

Относительно письма отнятого у Рождествова я ничего сказать не могу, так как такого случая не помню. Допрашивали ли Рождествова я не знаю, так как о себе ничего не говорил. А к врачам его вызвали. Перед моим этапом в Кемерово Бабаев Р.М. работал гл. врачом психбольницы. Какие отношения между Рождествовым и Бабаевым были я не могу сказать. Но Рождествова довольно часто «садили на уколы» «Дезерцин» и «Ателарин» (?-неразборчиво), очень болезненные. Ухудшает сон. По-моему Рождествова на всем протяжении лечения садили на такие уколы, брали его на «растормашку», когда после укола больной все начинает рассказывать. Кроме того, давали таблетки «Галапередол», после которых человек не находит себе места, если сидишь, то охота ходить. Сковывает весь организм. Мне тоже давали такие таблетки, когда я стал говорить врачам, что меня хотят убить. Так вот у меня было желание удариться головой о стену с разбега. О таблетках «Трицитил» я не слышал и не знаю. Рождествову «Галапередол» таблетками давали все время и по многу. Я ничего подобного не могу сказать о том, что говорил и обещал Бабаев Рождествову относительно письма, так как мне ничего об этом не известно, ничего подобного я о Рождествове, о том как его лечили и какие ему давали уколы и давали таблетки не говорил Мустафе. Больше того разговора, который произошел в тюрьме и о котором я уже рассказал, между мной и Мустафой не было. Каким образом у Мустафы оказался адрес моей матери я не знаю, но я его Мустафе не давал. Может быть, он взял адрес у Рождествова, так как мы с ним обменялись адресами.

В последствии, когда я находился в Кемерово я написал Рождествову письмо, в котором написал о встрече с Мустафой и передал от него привет. В ответном письме Рождествов мне написал, что никакого Мустафу он не знает. Повторяю, что я ничего подобного Мустафе не говорил о Рождествове. Я этого Мустафу вообще не знал и не знаю, кроме этой короткой встречи на этапе.

Протокол прочитан, записано с моих слов верно. *(Подпись)*

Допросил прокурор Мариинского района Кемеровской области Марков А.Б.

(Том 3, л.д. 141-143)

V. Показания Мустафы Джемилева

Протокол допроса Джемилева Мустафы
в качестве свидетеля по делу Александра Подрабиника
от 28 июля 1980 г.

Якутская АССР
п. Зырянка

Помощник прокурора Верхнеколымского района Якутской АССР А. М. Корчуганов 28 июля 1980 года, в порядке исполнения отдельного поручения прокурора-криминалиста прокуратуры Якутской АССР мл. советника юстиции В. Н. Прокопьева, ведущего расследование по делу А. П. Подрабиника, арестованного по обвинению в нарушении ст.190-1 УК РСФСР, допросил меня в качестве свидетеля по его делу и задал нижеследующие пять вопросов. Я привожу дословные тексты этих вопросов с изложением своих ответов.

В о п р о с: Знаете ли вы А. П. Подрабиника лично или только по переписке, с каких пор?

О т в е т: Полагаю, что выяснение степени моего знакомства с тов. Подрабиником А.П. не поможет следствию установить, содержатся ли в инкриминируемых ему документах измышления, порочащие советский общественный и государственный строй. Поэтому на этот вопрос я отвечать не желаю.

В о п р о с: Спрашивал ли Подрабинек у вас какие-либо сведения о содержании психических больных в психиатрических больницах специального типа, если да, то что именно?

В о п р о с: Направлял ли Подрабинек вам разработанный им вопросник о лицах и режиме содержания в психиатрических больницах?

О т в е т: Сами по себе вопросы о режиме содержания психически больных в психиатрических больницах специального типа не являются криминальными, не являются подобные вопросы также нарушением государственной тайны. Поэтому эти два вопроса я также рассматриваю как не относящиеся к делу. Тов. Подрабинек А. П. не направлял мне вопросников, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный строй.

В о п р о с: Направляли ли вы для опубликования в Самиздате информацию с оглавлением о положении Владимира Рождествова в Ташкентском СПБ, если да, то через кого? Признаете ли вы свое авторство или вами были переданы сведения Подрабинеку?

О т в е т: Насколько я понял, пока дело ведется против тов. Подрабиника, а не против меня. Поэтому вопросы о том, признаю ли я свое авторство в написании какого-то письма или не признаю, мне, допрашиваемому как свидетелю, а не как обвиняемому, задаваться не должны. Что касается положения тов. Рождествова В. П., содержащегося в Ташкентском СПБ, то мне известны кое-какие сведения, и если суд сочтет необходимым расследовать положение пациентов в этом учреждении, то я могу подробно изложить все что мне известно об этом.

В о п р о с: Когда к вам в Зырянку приезжала Осипова Татьяна, знакомила ли она вас с текстом обращения к Конгрессу США об отказе в ратификации Договора об ОСВ-2? Говорила ли она о своем авторстве или соавторстве с Подрабиником?

О т в е т: О соавторстве в составлении с тов. Подрабинеком А. П. каких-либо клеветнических документов, порочащих советский строй Татьяна Осипова со мной никаких бесед не вела и не смогла вести. Остальная часть вопроса, полагаю, отношения к делу по обвинению тов. Подрабинека А. П. не имеет.

Показания перепечатаны на бланк протокола допроса свидетеля с моих собственноручных записей.

(Подпись)

(Том 3, л. д. 108-111)

**Протокол допроса Мустафы Джемилева
в качестве свидетеля по делу Мурахас Нурфета
от 15 февраля 1983 г.**

г. Янгиюль

Анкетные данные: *Джемилев Мустафа, 1943 года г. р., родился в Крымской АССР Судакском районе с. Айсерез, национальность крымский татарин, образование незаконченное высшее, обучался в Ирригационном институте г. Ташкента, работает в Янгиюльском ХРСУ слесарем.*

Отношение к обвиняемому: «Как к соотечественнику».

Об ответственности за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний по ст. ст. 161 и 162 УК УзССР предупрежден. *(Подпись)*

В о п р о с: Во время обыска в Вашей квартире обнаружена папка №1, где находились машинописные обращения и письма, адресованные за границу. Кто составил эти документы, кто отпечатал и где находятся их первые экземпляры?

О т в е т: Примерно за две или три недели до обыска 1 февраля 1983 года я попросил некоторых своих товарищей собрать и принести мне для ознакомления все имеющиеся у них документы по нашему национальному вопросу, написанные в период моего пребывания в ссылке, т. е. в 1978 — 1982 годах. Просьба была выполнена, и мне принесли несколько папок с различными текстами, отпечатанными на печатной машинке и в рукописи. Ввиду своей занятости я не успел ознакомиться со всеми этими бумагами и не могу даже точно припомнить, какие именно были тексты в этих папках.

Во время обыска, вопреки требованиям УПК и моим неоднократным напоминаниям, изъятые бумаги не были конкретизированными — в протоколе обыска указали в большинстве случаев только число изъятых листов. Поэтому я не могу быть абсолютно уверенным, что предъявленные мне сейчас документы, а именно: письмо-обращение к главам делегации Совещания в Мадриде, открытое письмо председателям и генеральным секретарям компартий Италии, Франции, Финляндии, Испании, Англии и США, обращение генеральному секретарю ООН, открытое письмо народу и правительству Турции и обращение ко всем народам и правительствам мусульманских стран были в числе изъятых у меня документов, хотя и не исключаю, что они могли быть и у меня.

В о п р о с: У Вас обнаружен документ «Положение мусульман в России». Кто составитель этого документа, как он оказался в Вашей квартире? Кто именно приносил Вам папки с бумагами?

О т в е т: По поводу предъявленного мне документа «Положение мусульман в России» я могу сообщить примерно то же самое, что и по документам, упомянутым в первом вопросе. О том, кто изготовил этот документ мне неизвестно. Я также не уверен, что этот документ был изъят у меня.

Кто приносил мне эти папки с бумагами по нашему национальному вопросу, я говорить не желаю, потому что не уверен, что приносившие их товарищи хотели бы, чтобы их фамилии фигурировали в следственных документах.

В о п р о с: При обыске у Вас изъяты отпечатанные на машинке в 4-х экземплярах выдержки из книги В. Маркмана «На краю географии». Кто их перепечатал и с какой целью? Что Вам известно об авторе книги? Где и у кого находится сейчас эта книга?

О т в е т: Насколько мне известно, книга В. Маркмана «На краю географии» появилась уже после ареста Н. Мурахаса, поэтому полагаю, что вопрос этот никакого отношения к его делу не имеет. Следовательно, отвечать на этот вопрос считаю излишним. Где хранится эта книга в настоящее время мне точно не известно. Кто перепечатывал, говорить тоже не желаю.

В о п р о с: У Вас обнаружена тетрадь с рукописью «Наши будни. Моим друзьям», а также его тексты, отпечатанные на пишущей машинке в 4-х экземплярах на 6 листах каждый. Кто автор этой рукописи, и с какой целью она была перепечатана?

О т в е т: С рукописью «Наши будни. Моим друзьям» я ознакомился. Вопрос об авторстве считаю излишним, потому что автор указан в конце текста. Вполне очевидно, что этот документ также не имеет никакого отношения к делу Мурахаса и поэтому вопрос задан не по адресу.

В о п р о с: Во время обыска у Вас были обнаружены около 20 обрезков фотопленки, где наряду с бытовыми фотоснимками имеются негативные снимки различных текстов. Что это за тексты, кто, с какой целью и на каком фотоаппарате их снимал?

О т в е т: У меня действительно было изъято много фотопленок, но я не помню точно, что в них было заснято. Но могу сказать вполне определенно и точно, что в них нет никаких снимков материалов, имеющих отношение к делу Мурахаса. Поэтому комментировать и сообщать какие-то сведения о снятых кадрах я не считаю нужным.

В о п р о с: При обыске у Вашего брата в Ташкенте был обнаружен и изъят дипломат с различными документами и письмами. Кому принадлежит этот дипломат и находящиеся в них бумаги?

О т в е т: Кому принадлежит дипломат, изъятый у моего брата, видимо, лучше знает сам брат. Что касается содержимого, то там много и моих рукописей, писем, а также исторических материалов о Крыме и крымских татарах, перепечатанных из советских и русских дореволюционных изданий. Эти бумаги явно никакого отношения к делу Мурахаса не имеют, и изъятие всех этих материалов считаю грубым беззаконием.

В о п р о с: У Вас изъята пишущая машинка «tbn de Luxe» № 15-5292219. Где и когда приобрели эту машинку?

О т в е т: Во время обыска у меня действительно была изъята пишущая машинка «tbn de Luxe» (номер не помню), которую я приобрел в магазине г. Янгюля по ул. Самаркандская за 230 рублей. Известно, что в СССР пишущие машинки продаются гражданам свободно, и изъятие их может быть только актом произвола. Мне предъявлена машинка за № 15-5292219, которая и к моменту предъявления работает исправно. Надеюсь, что она будет исправна и к моменту возвращения.

В о п р о с: Вам предъявляется фотоаппарат № 9215421, изъятый у вас при обыске. Кому принадлежит этот фотоаппарат, были ли им сняты какие-либо тексты, где и когда он был приобретен?

О т в е т: Фотоаппарат «Орион» № 9215421 был приобретен примерно летом 1980 г. в поселке Зырянка Якутской ССР и подарен мною своему сыну. На нем ничего

относящегося к делу Мурахаса и еще к каким-то другим «делам» не фотографировалось и изъятие аппарата также является незаконным. Дополнительно сообщаю, что фотоаппарат в п. Зырянка продается только в одном магазине по ул. Новая линия.

В о п р о с: Какие у Вас взаимоотношения с Мурахасом?

О т в е т: С Мурахас Нурфетом я поддерживал довольно долгое время дружественные отношения, но в последние годы у меня с ним не было никаких контактов.

Ответы на вопросы следователя в протоколе мною написаны собственноручно и правильно. *(Подпись)*

Допросил: Пом. прокурора г. Янгиюля Р. Худайбердыев.

15.02.1983 г 20 ч. 45 мин.

(Том 1, л. д. 77-79)

**Протокол допроса Джемилева Мустафы
в качестве свидетеля по делу Александрова Г. М.
от 22 апреля 1983 г.**

г. Янгиюль

Начало допроса — в 13 ч. 10 мин.

Конец допроса — в 19 ч. 30 мин.

Примечание: Некоторые вопросы следователя (в скобках) приводятся не дословно, а лишь излагается их содержание. Ответы М. Джемилева дословно переписаны из протокола допроса.

В о п р о с: Следователь спрашивает, знает ли М. Джемилев гр-на Александрова Григория Матвеевича, если да, то с какого времени и каковы их взаимоотношения.

О т в е т: С Александровым Г. М. я познакомился более десяти лет назад. Отношения нормальные, дружественные.

В о п р о с: Как часто встречались с Александровым, когда встречались последний раз и о чем говорили во время встречи?

О т в е т: С Александровым я встречался многократно, числа не запоминал. Во время встреч мы говорили на темы, представляющие взаимный интерес. Каких-либо клеветнических измышлений, порочащих советский строй, т. е. сведений, попадающих под статью 191-4 УК УзССР, по которому ведется против него следствие, он не говорил.

В о п р о с: Когда Вам стало известно об аресте Александрова?

О т в е т: Об аресте Александрова я узнал в конце февраля, точную дату ареста я не знаю.

В о п р о с: Кто сообщил об его аресте?

О т в е т: Об его аресте мне сообщили соотечественники, проживающие в г. Ташкенте. Кто сообщил первым, я не помню, но сообщали многие.

В о п р о с: Встречались ли с Александровым незадолго до его ареста, если да, то когда и где?

О т в е т: Да, встречался. Это было во второй половине февраля у меня дома. Он приезжал ко мне в гости.

В о п р о с: О чем говорили во время этой встречи, говорил ли он о своем намерении выехать в Москву?

О т в е т: Приезжал тов. Александров обычно ко мне, как к своему хорошему знакомому, без какой-либо определенной цели. Но в один из своих приездов он сообщил, что намеревается по кое-каким своим делам поехать в Москву. Я попросил его заодно заехать к кое-каким знакомым и предать пакеты с гранатами (съедобными) и сухофруктами. Вместе с фруктами я передавал и письма для своих знакомых. Полагаю, что при аресте у него эти пакеты и письма были изъяты. Я прошу их возвратить мне.

В о п р о с: Не говорил ли Александров о том, какие дела у него были в Москве?

О т в е т: Какие у него были дела в Москве я не спрашивал и он мне не говорил.

В о п р о с: Сколько времени он собирался пробыть в Москве?

О т в е т: На какое точно время он выезжал в Москву мне не говорил, но сказал, что приедет через несколько дней и если будут для меня ответные письма от моих знакомых, то он не непременно завезет их мне сразу после приезда.

В о п р о с: (Следователь цитирует выдержки из письма М. Джемилева, захваченные при аресте Александрова, в частности, из письма к Елене Костериной:

«Г. Матвеевич пробудет в Москве, видимо всего пару дней, там ему нужно сделать кое-какие свои дела. Буду Вам весьма признателен, если окажете ему, при необходимости, помощь советом, рекомендациями и т. п. Суть дела он расскажет сам. Его возвращения я буду ждать с нетерпением и надеюсь, что он привезет много новостей о делах товарищей в Москве, о Ваших делах и обстоятельствах. Что нового в ситуации Алексея?»;

Из письма к Э. Кудусову:

«Завтра отсюда выедет в те края наш товарищ — Григорий Матвеевич. Я дал ему твой адрес, надеюсь, что ты сможешь обеспечить ему кров и заботу на пару дней. Он в курсе всех наших дел и делишек, так что мне нет необходимости обо всем писать. Поделись с ним своими новостями, сообщи, когда примерно сможешь приехать»;

Из письма Татьяне Хромовой:

«Григорию Матвеевичу, видимо, понадобится кое-какая помощь и я надеюсь, что Вы, при возможности, окажете ему посильное содействие. Что к чему он расскажет сам».

Далее следует вопрос следователя: Как же Вы после этого можете утверждать, что Вам не было известно о цели поездки Александрова в Москву?)

О т в е т: Г. Александров не житель Москвы и город знает не достаточно хорошо, поэтому помощь москвичей в любых делах в этом городе никогда не была бы лишней. Теми же мотивами продиктована была моя просьба к Кудусову относительно жилья на время пребывания Александрова в Москве. Во всяком случае, я знаю тов. Александрова как очень порядочного и честного человека, не способного на клевету. Поэтому, я уверен, что у него в Москве не было дел, по которым против него ведется следствие.

В о п р о с: Кто такой Алексей, ситуацией которого Вы интересовались в письме к Е. Костериной?

О т в е т: Алексей, ситуацией которого я интересовался в письме к Е. А. Костериной, не знаком с Александровым и к его делу никакого отношения не имеет.

В о п р о с: Какие новости и о каких своих товарищах в Москве Вы хотели получить от лиц, которым писали?

О т в е т: Новости о делах, здоровье, обстоятельствах товарищей, которые знакомы мне и тем, кому я писал письма.

В о п р о с: Давали ли Вы деньги Александрову на проезд и другие расходы?

О т в е т: Полагаю, что вопрос о том, давал я Александрову деньги на дорогу или нет, никакого отношения к предъявленному обвинению в клевете на советский строй не имеет. Поэтому отвечать на этот вопрос я не желаю.

В о п р о с: *(Далее, вместо вопроса, следует «напоминание» следователя о том, что это компетенция следователя определять что именно относится к делу, а что не относится. А свидетель должен отвечать на поставленный вопрос и не пускаться в рассуждения относительно правомерности поставленного вопроса)*

О т в е т: При ответе на вопросы следователя я руководствуюсь рамками, определенными процессуальным кодексом и своими убеждениями. Поэтому отвечаю только на те вопросы, которые я сам считаю могущими иметь какое-то отношение к делу.

В о п р о с: Как давно Вы знакомы с москвичами и гражданином Александром Шустером, адреса которых Вы дали Александрову на отдельном листке бумаги? Почему пишете им о своих делах и обстоятельствах?

О т в е т: Поскольку следствие ведется не в отношении москвичей, а по делу Александрова, то вопросы о моих взаимоотношениях с ними я рассматриваю как не относящиеся к делу. Отчитываться о том, почему я своим друзьям и знакомым пишу о своих обстоятельствах, я не желаю. Письма я передавал Александрову в запечатанных конвертах и предназначались они только указанным на конвертах адресатам.

В о п р о с: Вы настаиваете на том, что Александров не говорил о целях своей поездки в Москву?

О т в е т: Да, настаиваю.

В о п р о с: Был ли Александров знаком с людьми, к которым адресовывались Ваши письма и что должно было служить основанием этим людям убедиться, что он Ваш товарищ и обращается от Вас?

О т в е т: Александров не был знаком с людьми, к которым адресовывались письма. «Основанием этим людям убедиться», что Александров привез письма от меня, очевидно, могли служить сами письма.

В о п р о с: Должны ли были Вы предупредить о выезде или приезде в Москву Александрова своих товарищей по телефону?

О т в е т: Никаких предварительных или последующих телефонных предупреждений и уведомлений о поездке Александрова в Москву не предполагалось. Все, что я считал необходимым сообщить об Александрове, я сообщал в своих письмах.

В о п р о с: Из показаний супруги Александрова следует, что он собирался сделать в Москве заявление правительственным органам. Не говорил ли он Вам об этом своем намерении?

О т в е т: О каких-либо намерениях делать заявления правительственным органам Александров мне не говорил.

В о п р о с: Во время обыска в Вашем доме 1 февраля 1983 году были изъяты три документа, написанные Александровым: письмо Никите Струве — издателю «ИМКА–Пресс» в Париже, обращение к «братьям–мусульманам» и Ю. Андропову от имени крымских татар. Когда и при каких обстоятельствах эти документы были переданы Вам, для какой цели Вы их хранили у себя дома?

О т в е т: Меня ознакомили с обращениями в адрес Н. Струве, Ю. Андропову и к мусульманам, которые, по словам следователя, написаны Г. Н. Александровым.

Действительно ли это обращение находилось в моем доме во время обыска 1 февраля, мне точно неизвестно, т. к. во время обыска забирали и много бумаг, с которыми я к моменту обыска не успел ознакомиться. Я не помню того, чтобы Александров сам оставлял в моем доме указанные обращения.

В о п р о с: На допросе в качестве свидетеля 15 февраля 1983 года Вы говорили, что обнаруженные у Вас во время обыска документы о крымских татарах Вам приносили Ваши товарищи. Уточните, когда и кто именно приносил эти документы и для какой цели.

О т в е т: По поводу того, кто приносил мне бумаги на ознакомление я уже говорил на допросе по делу Мурахас Нурфета — называть имена не желаю, поскольку приносившие их товарищи не просили меня довести об этом до сведения органов следствия. Бумаги приносили мне по личной моей просьбе, потому что я хотел ознакомиться со всеми материалами о крымских татарах, которые появились в период моего пребывания в ссылке, то есть в 1978-1982 годах. Бумаги мне приносили за 2-3 недели до обыска.

В о п р о с: *(Цитируется выдержка из показания Г. Александрова, согласно которой письмо Никите Струве он передавал М. Джемилеву с просьбой отправить адресату. Далее, в показаниях Александрова говорится, что М. Джемилев предложил ему подождать еще несколько дней и отправить письмо Струве, если только телефонные звонки с угрозами не прекратятся. Но если звонки прекратятся, то он, т. е. М. Джемилев, это порвет и выбросит. Относительно двух других документов, т. е. о письме Ю. Андропову и мусульманам, в показаниях Г. Александрова говорится, что он предавал их гражданам крымскотатарской национальности, имена которых не называет. Следователь спрашивает, соответствуют ли эти показания действительности.)*

О т в е т: Александров Г. М. подробно рассказывал мне о хулиганских звонках по его телефону в квартире, т. е. то, о чем пишется в письме на адрес Никиты Струве, но оставлял ли он у меня это письмо, я точно не помню. Я не поддерживал переписки с Н. Струве и даже не знаю, для чего он это письмо мог бы оставить у меня.

В о п р о с: *(Цитируются выдержки из черновых рукописей Г. М. Александрова — письма в адрес Ю. Андропова и документа без заглавия, который в протоколе значится как «обращение к братьям–мусульманам от имени крымских татар». В обращении говорится о политике русских царей и советской власти в отношении крымских татар, о выселениях, преследованиях за требования национального равноправия и возвращения родины, о компани лжи и оскорбления в адрес крымских татар в советской печати. Говорится также о репрессивной политике властей в отношении венгров, чехов, словаков, поляков и афганцев. Обращаясь в этой связи к русским, автор спрашивает, до каких пор они будут послушными исполнителями преступных распоряжений властей. Следователь спрашивает мнение М. Джемилева относительно процитированных утверждений.)*

О т в е т: Я не хотел бы давать оценку обращениям, которые мне процитировали, их форме и стилю. Но факты о нарушениях прав крымских татар, об издающейся клеветнической литературе о крымских татарах соответствуют действительности. Наглядным подтверждением факта репрессий за выступления в защиту прав крымских татар, по моему убеждению, является и арест Александрова Григория Матвеевича.

В о п р о с: Какое имеет отношение политика Советского государства в отношении братских социалистических стран к вопросу крымских татар, «кто уполномочил Вас, Александрова и других крымских татар, клеветать на интернационалистскую политику компартии и советского государства и т. п.?

О т в е т: Вопрос задан в тенденциозной и оскорбительной форме. Это даже не вопрос, какая-то пропагандистская демагогия. Я не считаю, что участники национального движения крымских татар клеветают на политику советского государства. Они добиваются своих, предусмотренных международными правовыми нормами и Конституцией СССР, гражданских прав.

Протокол допроса мною прочитан, показания с моих слов отпечатаны на пишущей машинке следователем В. А. Азаряном верно. *(Подпись)*

Допросил: Следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса В. А. Азарян.
(Том 2, л.д. 32-36)

**Протокол допроса Джемилева Мустафы
в качестве подозреваемого по ст. 191-4 Ук УзССР.**

20 июля 1983 года.
ИВС МВД УзССР.

г. Ташкент,

Показания желаю давать на крымскотатарском языке, но поскольку следователь не владеет этим языком, согласен отвечать на его вопросы по-русски.

(М. Джемилев)

В о п р о с: Вам предъявляется воспроизведенная из изъятого у Вас во время обыска фотонегатива фотокопия книги «Шесть дней», изданной в 1980 году фондом «Крым» в Нью-Йорке. От кого вы получили эту книгу, где она храниться и для какой цели делали фотонегатив?

О т в е т: С этой книгой я ознакомился после возвращения из ссылки. Поскольку в ней повествовалось о моем судебном процессе в 1970 году, то я, конечно, желал иметь экземпляр и для себя. Поэтому я попросил владельца этой книги сделать для меня хотя бы фотонегативы с нее. Кто владелец этой книги и кто сделал для меня фотонегативы я, разумеется, говорить не буду, ибо об этом меня эти товарищи не просили.

В о п р о с: В своем письме от 25.11.82 г. Шустеру Вы благодарите его за книгу «Шесть дней» и просите еще один экземпляр. Поясните, Шустер ли выслал Вам экземпляр этой книги, и с этой ли книги был сделан фотонегатив и для чего вы просили еще один экземпляр этой книги?

О т в е т: В моем письме от 25.11.82 г. говорится вовсе не о книге, фотокопия которой мне предъявлена. В той книге речь шла о шестидневной войне Израиля с арабами в 1967 году.

В о п р о с: В книге «Шесть дней» опубликовано ваше заявление к мировой общественности (стр.42-43). Кому конкретно Вы направляли его?

О т в е т: Я ознакомился с текстом обращения «К мировой общественности», опубликованной в книге «Шесть дней». Действительно, в связи с самосожжением Мусы Мамута я написал обращение к мировой общественности и передал текст своим товарищам, имена которых называть я не желаю. Я не помню дословно, что там было написано, ибо писал пять лет тому назад, но полагаю, что в книге воспроизведен именно этот текст.

В о п р о с: В предисловии и послесловии книги «Шесть дней» изложена Ваша деятельность за 17 лет. Что из изложенного соответствует действительности?

О т в е т: В этой книге не излагается моя деятельность за 17 лет. В ней лишь повествуется о четырех моих судебных процессах в связи с моим участием в Национальном движении крымских татар за возвращение на родину, причем, три процесса излагаются повествовательно, а процесс 1970 года воспроизведен полностью. В изложении предпоследнего процесса — в 1976 году в г. Омске — имеются некоторые неточности, которые, по видимому, объясняются тем, что составители не располагали записью всего процесса.

В о п р о с: Книга «Шесть дней» издана фондом «Крым». Что это за фонд и какие еще книги этим фондом изданы?

О т в е т: Насколько мне помнится, на последней странице этой книги говорилось и том, что это за фонд «Крым» и какие преследует он цели. Моя информация исчерпывается этими сведениями.

В о п р о с: С кем из членов фонда «Крым» Вы знакомы и поддерживаете связь?

О т в е т: Мне не известно кто именно являются членами фонда.

В о п р о с: Кто такой Юртер Фикрет, какие у Вас с ним взаимоотношения? Какое он положение занимает в США?

О т в е т: Фикрет Юртер является моим близким родственником, он неоднократно высылал мне официальные вызовы с приглашением приехать к нему в гости, а потом и с приглашением выехать к нему в США на постоянное место жительства. Подробности о его положении в США мне не известны. Знаю, что он является гражданином этой страны, из СССР был вывезен во время войны гитлеровцами, работает сейчас в какой-то фирме инженером.

В о п р о с: Чем объясняется то, что в фонде «Крым» находятся люди, не имеющие отношения к национальному вопросу крымских татар: Павел Литвинов, Борис Шрагин, Елена Штейн, Анатолий Левитин-Краснов?

О т в е т: Мне неизвестен состав этого фонда, но если эти люди действительно являются членами фонда, то, видимо, они солидарны с нашими требованиями о возвращении на свою Родину и желают оказать нам какую-то помощь.

В о п р о с: При обыске, произведенном у Вас 1 февраля 1983 года, изъяты 4 экземпляра машинописных выдержек из книги Маркмана «На краю географии» по три листа. По заключению экспертизы выдержки напечатаны на принадлежащей вам машинке «ТБМ де люкс» №15-5292219. С какой целью Вы напечатали эти документы—выдержки, откуда получена книга, где она хранится в настоящее время, что Вам известно о её авторе?

О т в е т: Выдержки из книги Маркмана «На краю географии» были напечатаны по моей просьбе на моей машинке, поскольку на некоторых страницах этой книги говорилось обо мне и моем близком товарище, а также вообще о крымских татарах. Книга возвращена её владельцу, который не просил меня сообщать кому-либо о том, что у него имеется эта книга. В этой книге автор подробно говорит и о себе — он отбывал срок в советских лагерях, а потом, после освобождения, эмигрировал из СССР.

В о п р о с: При обыске у Вас изъята фотопленка, а также фотокопии поэмы «Бахчисарайский фонтан». Откуда она у Вас появилась и с какой целью размножена эта поэма?

О т в е т: Эта поэма была напечатана в одном из турецких журналов. Размножали, очевидно, по той же причине, по какой размножаются хорошо написанные литературные произведения.

В о п р о с: Фотокопии данной поэмы изъяты также и у Джемилева Асана, Кадырова Синавера, а у Аблямитова Фуата изъят исполненный Вами рукописный текст этой поэмы. В письме Аблямитову от 7.04.82 года Вы указываете, что Хакан прислал опубликованную в турецком журнале «Тюрк Кюльтюрю» поэму «Бахчисарайский водопровод». Поясните, кто такой Хакан, с какого времени Вы знакомы и каковы Ваши взаимоотношения с ним?

О т в е т: В письме Аблямитову Фуату от 7.04.82 г. происхождение поэмы «Бахчисарайский фонтан» изложено верно. Упомянутый в письме Хакан, проживающий в Турции, является моим близким родственником. С ним я поддерживал тесную переписку.

В о п р о с: При обыске у Вас изъяты два экземпляра письма А. Д. Сахарову, в котором Вы благодарите его за интервью корреспонденту американской газеты по поводу ситуации в Афганистане. Поясните, на каких машинках напечатаны эти тексты?

О т в е т: Я действительно направлял академику А. Д. Сахарову упомянутое письмо в связи с его интервью по поводу ситуации в Афганистане. Изъятая при обыске 18 июля 1983 г. машинописная копия этого письма была первоначально изъята у меня при обыске 12 июня 1980 года в Якутии, где я отбывал ссылку, но потом была возвращена прокуратурой Верхнеколымского района в начале июня 1982 года. Другая копия на папиросной бумаге была отпечатана недавно на моей машинке для моего личного архива.

В о п р о с: На какой машинке была напечатана копия этого письма, изъятая у Вас в Якутии и впоследствии Вам возвращенная прокуратурой?

О т в е т: Копия печаталась на машинке, которая была у меня в Якутии. Эта машинка марки «Москва» также была изъята во время обыска, но возвращена в июле 1982 года.

В о п р о с: Далее в письме А. Д. Сахарову Вы пишете: «Для меня, как мусульманина, Ваша твердая позиция по этому вопросу имеет особую ценность. Если товарищи сочтут целесообразным обратиться в Верховный Совет СССР или куда-либо еще с требованием отставки и привлечения к ответственности лиц, санкционировавших это кровавое вторжение, то я непременно хотел бы быть в числе подписавших такое обращение». Поясните, было ли такое обращение и была ли включена под этим документом Ваша фамилия согласно Вашей просьбе, изложенной в письме?

О т в е т: Мне неизвестно было ли такое обращение, но приезжавший ко мне в Якутию 1 апреля 1982 года на собеседование работник КГБ из Москвы говорил, что будто моя фамилия значится под каким-то обращением в Верховный Совет СССР по поводу ситуации в Афганистане.

В о п р о с: И еще 31.01.80 г. Подрабинек в своем письме сообщал Вам: «Слышал по радио о Вашей подписи под документом Хельсинки насчет Афганистана, жаль весь документ не передали». Как же Вы утверждаете о том, что Вам не известно было такое обращение, если Вам об этом Подрабинек сообщал в 1980 году?

О т в е т: Очень возможно, что радио предавало обращение группы «Хельсинки», где значилась и моя фамилия. Сам я по радио этого текста не слышал. Если Подрабинек сообщал мне в письме, что слышал об этом обращении в 1980 году, то значит так оно и было. Я писал и получал в Якутии сотни писем и не мог запомнить все, что в них говорилось. Полагаю, что вопрос о том, когда мне стало известно об этом обращении, не имеет никакого значения.

В о п р о с: Какова Ваша позиция по поводу оказания СССР интернациональной помощи Афганистану и на самом ли деле Вы считается эту помощь кровавым вторжением?

О т в е т: Свою позицию по поводу ситуации в Афганистане я изложил вкратце в своем письме академику А. Д. Сахарову, копию которого Вы изъяли во время обыска. Я не считаю ввод советских войск в Афганистан и продолжающееся по сей день кровопролитие в этой стране «интернациональной помощью». Высказывать свое мнение по любому вопросу внутренней жизни страны или по поводу событий за пределами я считаю своим естественным правом, оговоренным Конституцией СССР и Международными пактами о гражданских правах и социальных правах, которые были ратифицированы советским правительством.

В о п р о с: При обыске у Вас изъяты рукописный и машинописный тексты письма Джемпар-аге от 6.02.83 г. С какой целью Вами написано это письмо?

О т в е т: Цель написания письма изложена в самом письме.

В о п р о с: Из содержания этого письма вытекает, что Вы предлагали созвать совещание активистов Национального движения и выработать общенациональное обращение к руководству страны и назначения представительной делегации в Москву. Поясните, почему оно до сих пор не состоялось?

О т в е т: Считаю, что этот вопрос не имеет ни какого отношения к делу. Составление общенациональных обращений и направление делегации в Москву является сугубо внутренним делом крымскотатарского народа.

В о п р о с: Предъявляю Вам еще один документ № 119 (ксерокопию) — Обращение Московской группы по наблюдению за выполнением Хельсинских соглашений в СССР от 21 января 1980 года по афганскому вопросу, в котором, в соответствии с Вашей просьбой в письме А. Д. Сахарову, наряду с другими лицами, стоит и Ваша фамилия. Что Вы можете пояснить в связи с этим?

О т в е т: Ознакомившись с предъявленным мне документом № 119 группы «Хельсинки», я нахожу этот документ не противоречащим моим взглядам по афганскому вопросу.

Протокол мною напечатан, показания с моих слов отпечатаны верно. *(Подпись)*

Допросил: Старший следователь прокуратуры г. Ташкента, юрист 2-го класса В. А. Азарян.

(Том 2, л. д. 240-245)

Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 21 июля 1983 г.

(с 16 ч. 40 м. до 17 ч. 15 м. ИВС УВД Ташгорисполкома)

По существу предъявленного мне обвинения показываю следующее:

Статья 191-4 УК УзССР предусматривает ответственность за составление и распространение сведений заведомо ложных, клеветнических, т. е. таких, которых в действительности не было. Я же со всей ответственностью заявляю, что никогда и ни при каких обстоятельствах ни в устной, ни в письменной форме заведомо ложных сведений не распространял.

Вот время обысков у меня были изъяты частные письма и различные заявления, в которых излагаются различные суждения, которые не совпадают с официальным мнением по ряду политических вопросов, в частности, например, по национальному вопросу крымских татар. Но право на высказывание своих мнений в письменной и устной форме предусмотрено Конституцией СССР и Международными актами о правах

человека. Поэтому предъявленное мне обвинение по ст. 191-4 УК УзССР считаю необоснованными.

Протокол написан собственноручно и правильно. *(Подпись)*

Допросил следователь Азарян В. А.

(Том 2, л. д. 248)

**Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы
от 24 августа 1983 г.**

(Прокуратура г. Ташкента)

В о п р о с: В предисловии «От фонда Крым» книги «Шесть недель» («Белая книга») указано, что впервые она была выпущена в СССР «самиздатом». Поясните, кто кроме Джемилева Решата (он утверждал о своей причастности в своем заявлении прокурору и на суде) подбирал материал для «самиздата»? Какое Вы принимали при этом участие?

О т в е т: О степени участия Джемилева Решата в составлении или о полном авторстве сборника «Шесть дней» мне достоверно не известно. В предисловии от фонда «Крым» говорится, что книга вышла в Самиздате в 1972 году, а я до осени 1972 года находился в заключении. Поэтому принять участие в составлении этого сборника я, видимо, не мог.

В о п р о с: В предисловии пишется, что у Вас и у Габая взгляды не совпадали с «официальными взглядами коммунистического режима». Объясните подробно, в чем заключается это несовпадение.

О т в е т: Я бы не хотел комментировать предисловия, написанные другими людьми. Но у меня взгляды действительно отличаются от официальных. Например, я считаю себя убежденным мусульманином, а коммунистическая идеология рассматривает всякую религию, в лучшем случае, как некий «опиум для народа», т.е. ставит верующих примерно на положение каких-то наркоманов. Имеются и другие несовпадения, о которых я подробно говорил на процессе в 1970 году и которые описаны в книге «Шесть дней». Мои показания, защитительная речь и последнее слово на этом процессе изложены в книге «Шесть дней», насколько я помню этот процесс, довольно верно.

В о п р о с: Из выступлений Сеитмуратовой 17 мая 1979 года по радио «Голос Америки» видно, что Вы направляли на Запад информацию и даже фотографии, что отражено также в послесловии фонда «Крым». Расскажите подробнее об этом.

О т в е т: В выступлении Сеитмуратовой Айше по «Голосу Америки», текст которого мне предъявлен Вами, не говорится о том, что я направлял на Запад информацию, а говорится только о фотографии. Я действительно во время ссылки в Якутии в 1979-82 годах переписывался с родными и друзьями на Западе, обменивался с ними фотографиями. Переписка осуществлялась по советской почте, которая, согласно «Почтовых правил СССР», может подвергаться отправляемые за рубеж письма таможенному досмотру и перлюстрации. Поэтому излагать в этих письмах информацию, которая может не понравиться досмотрщикам, естественно, было бы нелогично, ибо письма наверняка до адресатов не дойдут.

В о п р о с: С какой целью Вы отпечатали на пишущей машинке радиопередачи «Голоса Америки» и радио «Свобода»? Кому принадлежат магнитофонные записи этих передач, изъятые у Вашего брата Джемилева Асана?

О т в е т: Я не знаю какие записи были изъяты у моего брата Джемилаева Асана, ибо я их не прослушивал. Если там записаны те же передачи, что и отпечатанные на пишущей машинке, которые предъявлены мне Вами, то, стало быть, эти записи мои. Будучи в Якутии, я записывал передачи, которые удавалось прослушать и где говорилось о крымских татарах и обо мне лично. Я заинтересован в том, чтобы информация эта была верной. При обнаружении каких-то неточностей я имел в виду направить этим радиостанциям соответствующие поправки.

В о п р о с: Приходилось ли Вам когда-либо направлять в зарубежные радиостанции какие-либо поправки в связи с неточностями их определенных передач?

О т в е т: Нет, не приходилось. Я мог быть несогласным с некоторыми их комментариями, но по поводу конкретной информации о тех или иных событиях в жизни крымских татар или о моей ситуации я существенных неточностей в этих передачах не обнаружил.

В о п р о с: Вам предъявляется ксерокопия книги А. Григоренко «А когда мы вернемся...» с предисловием т.н. «Национального центра крымских татар в Нью-Йорке». Согласны ли Вы с содержанием предисловия?

О т в е т: О верности предисловия можно судить после ознакомления со всей книгой, но, к сожаленью, эта книга в мои руки не попадала. Кроме того, я, видимо, не должен давать следователю интервью по поводу своих взглядов и книг, опубликованных за рубежом. Вы даже не сообщили, откуда ксерокопия этой книги попала в дело и какое она имеет отношение к делу.

В о п р о с: Предъявляю Вам изъятую у Вас при обыске групповую цветную фотографию. Расскажите, кто изображен на этой фотографии.

О т в е т: Эту фотографию изымали не у меня. На этой фотографии есть мой родственник Фикрет Юртер, а на обратной стороне фотографии — его собственноручная запись, где перечислены имена остальных людей, изображенных на снимке.

В о п р о с: Кто из изображенных на фотографии лиц, кроме Юртера, Вам знаком.

О т в е т: Павел Литвинов и его супруга, сидящие за столом. Фикрет Юртер изображен в середине в красном свитере. Остальные лично мне не знакомы.

В о п р о с: В послесловии фонда «Крым» на странице 441 указано, что Юртер Фикрет является председателем «Комитета борьбы за возвращение крымских татар на их родину — в Крым» или так называемого Национального центра крымских татар. Какие надежды Вы возлагаете на эту зарубежную организацию?

О т в е т: Я бы не сказал, что возлагаю на Национальный центр крымских татар в США какие-то особые надежды. В декларации об образовании фонда «Крым», текст которого приводится в конце книги «Шесть дней» и предъявленной мне книги А. Григоренко «А когда мы вернемся...», говорится и о задачах этого фонда. Считаю, что задачи эти вполне гуманны, законны и не противоречат международным документам, подписанным советским правительством.

В о п р о с: Все обстоятельства дела свидетельствуют о том, что Шустер выслал Вам книгу «Шесть дней», изданную фондом «Крым» и в черновом варианте своего ответа на вопрос на предыдущем допросе Вы написали «Белая книга». Настаиваете ли Вы на своих показаниях о том, что Шустер выслал Вам другую книгу?

О т в е т: Я не знаю о каких «обстоятельствах дела» и о каком «черновом варианте» идет речь, но я еще раз заявляю, что Шустер Александр, проживающий в Москве (если речь идет о нем), мне сборник «Шесть дней» («Белая книга»), изданную фондом «Крым» в Нью-Йорке в 1980 году, не высылал.

В о п р о с: Расскажите, что Вам известно о стоящем на фотографии от Юртера Фикрета справа Мемете Севдияре. Какую он носил фамилию до бегства за границу, встречались ли Вы в Янгиюле с его родственником Муединовым Руستمом?

О т в е т: О Мемете Севдияре мне рассказывал работник КГБ Ильин В.С., прибывший ко мне на собеседование в Якутию в апреле 1982 года. Он говорил, что якобы Мемет Севдияр, в прошлом Муединов Мемет, редактировал в оккупированном немцами Крыму какую-то газету, а затем, до прихода в Крым частей Красной армии, эмигрировал на Запад. С проживающим в Янгиюле его родственником Муединовым Руستمом я не знаком и с ним не встречаюсь.

В о п р о с: В поздравительном письме Мемету Севдияру от 03.12.82 г. Вы пишете: «Пусть Аллах свершит, чтобы наша нация добилась своего священного желания и построила свободную жизнь». Что Вы имеете в виду под строительством свободной жизни? Из изложенного видно, что Вы все-таки знакомы с Меметом Севдияром (возможно, знакомство состоялось путем переписки). Поясните, как Вы познакомились с ним и что вас объединяет.

О т в е т: Письмо переведено не совсем точно, но если говорить о свободной жизни для крымских татар, т.е. для моей нации, то имеется в виду хотя бы обладать правом на жительство на своей земле, т.е. в Крыму, восстановление национальной государственности и равенства во всех правах со всеми остальными гражданами.

По поводу знакомства с Меметом Севдияром и того, что меня с ним объединяет. В ноябре 1979 года я получил от него поздравительную телеграмму в связи с днем своего рождения. Поскольку мы с ним лично не знакомы, ранее не переписывались, а он все же присылает мне поздравления и добрые пожелания, то я полагаю, что он разделяет мои взгляды относительно возвращения крымских татар на Родину и восстановления их равноправия.

В о п р о с: Предъявляю Вам копию письма от 19.03.83 г., направленного Вами некой Ава. Расскажите об этом адресате.

О т в е т: Сведений о гражданах, которые со мной переписываются, я без их ведома и согласия, не даю.

В о п р о с: В письме о неугодных Вам инициативниках Вы пишете: «Одни, например, уверены, что добиться решения нашего вопроса можно лишь унижительными просьбами, выражением своего верноподданничества и абсолютной приверженностью к коммунистической идеологии». В противовес Вы считаете, что «обращаться к кремлевскому руководству бессмысленно» и в качестве альтернативы предлагаете обращаться к «советской и мировой общественности». Если для Вас неприемлемы коммунистическая идеология и политика, то объясните подробнее каких политических взглядов Вы придерживаетесь. Какие негативные коммунизму силы внутри страны и за рубежом Вы считаете «советской и мировой общественностью»?

О т в е т: Предлагаю прочесть это письмо еще раз и внимательнее. В этом письме вовсе не говорится о том, какие действия я сам считаю правильными и не предлагаю альтернатив. В письме излагаются лишь взгляды некоторых известных мне групп участников нашего национального движения. Я не считаю совершенно бессмысленным обращаться к кремлевскому руководству. Например, не очень давно я сам отправлял заявление к Генеральному прокурору СССР, которого тоже причисляю к кремлевскому руководству. Неоднократно я обращался и в Президиум Верховного Совета СССР. По поводу того, в чем мои взгляды расходятся с официальными я уже говорил в своем

ответе на один из Ваших вопросов. Под термином «советская и мировая общественность» я подразумеваю именно советскую и мировую общественность, а не какие-то «негативные коммунизму силы внутри страны и за рубежом».

В о п р о с: Говоря о других группировках, Вы считаете, что объединяться с такими деятелями не имеет смысла. Вы стоите за то, чтобы консолидировать и активизировать другие силы. Расскажите, что это за силы, входят ли в их состав Джемилев Решат, Аблаев Решат, Кадыров Синавер, Меджитов Эмир и другие. В каком направлении Вы собираетесь использовать эти силы, и на какой идеологической основе?

О т в е т: В письме говорится о бессмысленности объединения не с какими-то группами, а с конкретными типами названных в письме лиц, а именно, цитирую: «стоящих на коленях перед теми, кто плюет на его национальные права, и воюющих лишь со своими соотечественниками». Людей же, которые открыто, честно, в соответствии с законами выступающих за решение нашего национального вопроса и не трусящих перед противниками нашего национального равноправия, в этом письме я называю «разумными силами», с которыми следует консолидироваться. Перечислять, кто именно по моему мнению входит в состав этих разумных сил, я не желаю, да и заняло бы это очень много листов бумаги.

В о п р о с: В одном из писем Юртеру Вы вне всякой связи с текстом пишете: «Проверили десяток фиалок на запах и убедились, что ничего хорошего не будет, что цветы растут далеко от вашего сада». Похоже на то, что Вы с помощью условностей информируете Юртера о Ваших попытках консолидировать отдельных крымских татар на антикоммунистической платформе. Какие будут объяснения с Вашей стороны?

О т в е т: Перевод письма сделан совершенно неверно Там вовсе нет выражения, вроде «проверили десяток фиалок на запах и убедились» и т.п. Письмо это писалось более пяти лет назад и не помню на какой именно вопрос адресата я отвечал. Но, судя по контексту, речь идет о присланных им грампластинках с записями песен Зеки Мюрена, Аттилы Атасоя, названных в письме, и некоторых других. У переводчика, я полагаю, довольно своеобразное воображение, если в разговорах о грампластинках, цветах и т.п. он способен усмотреть «попытки консолидировать отдельных крымских татар на антикоммунистической платформе».

В о п р о с: Переведите эту фразу сами с турецкого на русский.

О т в е т: Переводить свое письмо я не желаю, поскольку оно было написано для Фикрета Юртера лично, а не следственным органом или кому-либо еще.

В о п р о с: В письме Акимову Джеппару Вы предложили собрать республиканское совещание, выработать общенациональное обращение к руководству страны, подготовить делегацию в Москву. Почему Вы, являясь ярким противником подобных мероприятий, изменили своим принципам и пошли на этот шаг?

О т в е т: По поводу моего отношения к вопросу об обращении крымских татар к кремлевскому руководству я говорил уже в своем ответе на один из Ваших предыдущих вопросов. Письмо к Акимову Джеппару является как раз таки дополнительным доводом, свидетельствующим о том, что я в принципе не противник обращений к руководству.

В о п р о с: В этом же письме имеется тезис: «Освобождение и реабилитация граждан других национальностей, репрессированных за выступления в защиту крымских татар (Лавут, Костерин, Григоренко, Сахаров)». Скажите, разве деятельностью Лавута, Григоренко, Сахарова является защита крымских татар, а не выступления против реального социализма? Почему Вы пытаетесь свои личные симпатии к этим отщепенцам навязать всему крымско-татарскому народу?

О т в е т: А.П. Лавут, А.Е. Костерин, П.Г. Григоренко и А.Д. Сахаров многократно выступали в защиту прав крымских татар и были репрессированы, в том числе и за эти выступления. Что касается «реального социализма», то нерешенность национального вопроса крымских татар — это тоже реальный социализм. Поэтому, по моему мнению, освободив и реабилитировав указанных товарищей, органы сделали бы шаг в пользу привлекательности «реального социализма». В письме к Акимову Джеппару я предлагаю свое мнение, а не даю какую-то директиву для республиканского совещания, поэтому считать, что я навязываю свои симпатии было бы неверно. Я не думаю, что крымским татарам необходимо навязывать симпатии к этим людям, ибо выступления их за решение нашего национального вопроса известны всем активистам Национального движения и основной массе крымских татар.

В о п р о с: Здесь же Вы предлагаете объявить в печати о том, что государство будет приветствовать репатриацию в Крым крымских татар, проживающих в других странах. Каким образом и куда Вы мыслите репатриировать своих земляков из-за границы, в особенности Юртера Фикрета, Мемета Севдияра, семью Гадол, Сеитмуратову Айше и других эмигрантов, находящихся на враждебных позициях по отношению к советской власти?

О т в е т: Речь идет о репатриации всех крымских татар, которые в силу исторических событий, а именно, из-за шовинистической политики верховной власти России к малым народам, войн и т.д. вынуждены были эмигрировать из своей Родины или же, будучи угнанными в период Второй Мировой войны нацистами (как, например, Фикрет Юртер), вынуждены были остаться за рубежом, так как советское правительство в период диктатуры Сталина поголовно выселило всех крымских татар со своей родной земли. Если кто-то находится во враждебных позициях к советской власти, то это вызвано именно политикой советской власти, в частности, по отношению к крымским татарам. Если будут в этой стране полностью уважаться права народов и, в том числе, справедливо будет разрешен наш национальный вопрос, то многие изменят свое мнение о советской власти и не будут находится во враждебных с ней позициях. В свое время советское правительство объявило, например, о желательности репатриации армян, славян, проживающих в Турции, и др. То же самое можно сделать в отношении крымских татар, но, разумеется, после возвращения на Родину крымских татар, разбросанных в настоящее время в различных районах СССР, ибо при существующем положении желающих приехать в СССР моих земляков вряд ли много найдется.

В о п р о с: На примерах неудачных попыток созыва в этом году замышляемого Вами республиканского совещания, выступлений в печати инициативника Кадыева Роллана с осуждением Ваших друзей Юрия Белова и Айше Сеитмуратовой видно, что крымскотатарский народ не идет за Вами и не принимает Ваших концепций. В реальности помощи Запада усомнился даже ближайший Ваш единомышленник Аблаев Решат, которого Вам пришлось одергивать в письме от 05.08.80 г. Почему Вы так упорно стараетесь создать у татар иллюзию о «помощи» Запада? Не потому ли, что эту помощь в материальном и моральном аспектах Вы получаете сами?

О т в е т: Во-первых, республиканское совещание не созывалось давно вовсе не по тем причинам, которые Вы излагаете. Во-вторых, я никого не собираюсь за собой вести. Я сам с удовольствием пойду за теми, кто на верном пути. А выступления в печати типа выступлений Кадыева Роллана — дело не новое. При Ежове и Л.П. Берии были выступления похлеще, но они не прибавят славы органам. Если бы была возможность выступать в печати всем крымским татарам, а не только тем, чья писанина

устраивает властей, то тогда еще можно было бы судить о подлинном мнении моих соотечественников. Я никогда не старался создать иллюзию того, что Запад много помогает решению крымского вопроса. Наоборот, я считаю, что эта помощь очень незначительна. Вы говорите о том, что я получаю материальную помощь от Запада. Если Вы имеете в виду те несколько посылок и бандеролей от моих родных и друзей за рубежом, в основном с книгами о достопримечательностях Италии, Швеции, детским питанием и одеждой для моего ребенка, родившегося на ссылке в Якутии, и т.д., то, наверное, можно сказать, что и я оказываю материальную помощь Западу. Ведь и я посылал своим родным и друзьям за рубежом десятки бандеролей с книгами советского издания, грампластинками и т.д.

В о п р о с: Вам предъявляется копия Вашего обращения «Ко всем мусульманам» от 05.12.81 г. Объясните, какая опасность угрожала Сахарову и его жене Боннер и как Вы с помощью мусульман мира рассчитывали избавить от нее Ваших друзей?

О т в е т: Обращение было написано в связи с тем, что А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннер объявили голодовку в знак протеста против того, что власти отказались выпустить из СССР к проживающему в США их сыну его невесту. Я считал этот запрет незаконным, а требование супругов Сахаровых вполне правомерным. Обращение писалось примерно на 15-е или 20-е сутки голодовки, поэтому вполне была возможна их мучительная смерть. Мусульмане, к которым я обращался, могли оказать помощь в спасении их жизней, подняв свой голос в защиту их требований. Но обращение не было отправлено адресатам, потому что поступило известие, что требование супругов Сахаровых удовлетворено и невестка вылетела в США.

В о п р о с: Вам предъявляется ксерокопия документа «10 лет спустя», подлинник которого находится в уголовном деле в отношении Вашей близкой знакомой Татьяны Осиповой, осужденной по ст. 70 УК РСФСР. Под ним Джемилев Решат написал Вашу фамилию и заверил своей подписью. Поддерживаете ли Вы этот документ и действия Джемилева Решата?

О т в е т: Я ознакомился с документом № 58 Московской группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР от 16 августа 1978 г. под названием «Десять лет спустя» и касающегося положения в Чехословакии. Если мою подпись под этим документом ставил Джемилев Решат, то, очевидно, он знаком с моей позицией по этому вопросу. Эта позиция была подробно изложена в моей защитительной речи на судебном процессе в 1970 году. Джемилев Решат, видимо, не сомневался в том, что содержание этого документа не противоречит моим взглядам.

В о п р о с: Вам предъявляется копия Вашего письма в Японию от 26.10.81 г. Чем вызвано появление этого письма, какая соседняя страна по Вашему мнению оккупировала территорию Японии?

О т в е т: Это письмо является ответом на один из вопросов Японской радиовещательной корпорации «Эн-Эйч-Кей» своим слушателям, которые задавались в передачах этой радиостанции примерно в эти же дни. В письме не говорится о том, что какая-то соседняя страна оккупировала территорию Японии. В ней лишь излагаются принципы международных взаимоотношений, которые я считаю правильными.

В о п р о с: В этом письме Вы также пишете, что Японии лучше пойти на экономические жертвы, чем способствовать международному произволу ее соседа и одобряете санкции и демарши Японии в последние несколько лет. Объясните подробно, что Вы здесь имеете в виду.

О т в е т: Здесь опять таки излагаются мои представления о нормах поведения стран во взаимоотношениях друг с другом. Что касается санкций и демаршей Японии,

о которых там говорится, то вряд ли они имеют отношение к делу. Надеюсь, меня не обвиняют в клевете на государственный и общественный строй Японии.

В о п р о с: Вам представляется копия Вашего письма Шустеру, к которому Вы приложили экземпляр своего заявления Генеральному прокурору СССР с просьбой передать Юртеру Фикрету. Чего Вы хотели этим добиться?

О т в е т: В предъявленной мне копии письма А. Шустеру от 26.09.82 г. вовсе не говорится о том, чтобы он копию моего заявления Генеральному прокурору СССР передавал Юртеру Фикрету. Это имя в письме вовсе не упоминается. Говорится в нем только о желательности того, чтобы мой брат знал о предыстории нашего приезда в г. Янгиюль. А это можно было бы сделать, например, в частном письме к кому-нибудь из живущих там близких А. Шустера. Лично мои письма родственникам и друзьям за рубежом до адресатов не доходили. Добиться хотел того, чего обычно добиваются люди, сообщая родственникам и вообще друг другу о своих радостях и заботах.

В о п р о с: 27 марта о Вашем заявлении Генеральному прокурору и этой так называемой «предыстории» была передача радио «Свобода». Объясните, это один из Ваших методов борьбы за права крымских татар?

О т в е т: Радио «Свобода» и другие зарубежные радиостанции часто излагают и комментируют выступления и заявления других советских граждан тоже, например, Л. Брежнева, Ю. Андропова и многих других. Я не нахожу в этом ничего предосудительного. Вопрос о том, кто именно излагал текст какого-то заявления, если это заявление правдивое, не имеет никакого отношения к делу. Что касается содержания моего заявления Генеральному прокурору СССР, то я могу доказать правдивость каждого записанного в нем слова.

В о п р о с: При обыске у Вас дома изъяты типографские шрифты в количестве 380 единиц. Объясните, где, когда и для какой цели Вы их приобрели.

О т в е т: Весной 1982 г. в пос. Зырянка Якутской АССР, где я отбывал ссылку, разрушили старое здание издательства газеты «Советская Колыма» в связи с переездом этого здания в другое помещение. Эти шрифты были разбросаны среди развалин старого здания и подобраны детьми, которые жили в нашем общежитии. Они этими шрифтами писали друг другу письма. Я обменял у них шрифты на более приятные для детей вещи (игрушки, конфеты и т.п.), полагая, что они могут мне пригодиться, например, при ремонте моей пишущей машинки. А вообще, насколько помнится, в одной из статей советской конституции говорится насчет того, что граждане СССР могут свободно пользоваться печатными станками, типографиями и даже бесплатно бумагой. Поэтому беспокойство органов по поводу обнаружения у меня нескольких типографских букв наталкивает на мысль о неискренности составителей конституции или же чрезмерном и незаконном усердии работников органов.

В о п р о с: Не хотите ли Вы сказать, что типографские шрифты с буквами алфавитов крымско-татарского, азербайджанского и других тюркских языков также были найдены в редакции газеты «Советская Колыма»?

О т в е т: Искренность моих слов легко можно проверить, направив эти шрифты для проверки в редакцию газеты «Советская Колыма». Печатная продукция на тюркских языках на территории СССР, в том числе на крымскотатарском, азербайджанском, якутском и других, начиная с 1938 года, издается почти на едином для этих языков славянском шрифте. Имеются лишь некоторые буквы, которых нет в русском алфавите. Обнаруженные Вами буквы, не совпадающие с начертаниями русских букв, являются буквами характерными для якутского языка.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов отпечатаны на пишущей машинке верно. *(Подпись)*

Допросил: Следователь В. А. Азарян

(Том 4, л.д. 141-150)

**Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы
от 10 сентября 1983 г.**

(Прокуратура г. Ташкента)

В о п р о с: В предисловии к сборнику «События в Крыму» Аблаевым Решатом указано, что Вы являетесь основным составителем сборника. Расскажите, кто кроме Вас, Джемилева Решата, Аблаева Решата из числа проживающих в республике инициативников участвовал в подготовке сборника. Сколько экземпляров изготовлено и распространено?

О т в е т: В предисловии Аблаева Решата к сборнику «События в Крыму» даны правдивые и исчерпывающие сведения о том кто и как составлял этот сборник. В этом сборнике приведены сотни конкретных фактов нарушений прав крымских татар в Крыму за период 1975-1979 годы с указанием точных дат, фамилий пострадавших граждан, а также должностных лиц, которые совершали эти беззакония. После каждого описанного факта приводятся ссылки на источники, откуда та или иная информация была взята. К этим сведениям я ничего добавить не имею. К моменту моего ареста сборник не был еще полностью готов и, разумеется, еще полностью не печатался.

В о п р о с: Аблаев Решат в предисловии к сборнику и на допросе отметил, что ему не понятно назначение раздела «События за пределами Крыма». Объясните смысл этого раздела. Не Вами ли он был составлен?

О т в е т: Назначение раздела «События за пределами Крыма» было такое же, что и назначение сборника с описанием событий в самом Крыму, т.е. информировать о нарушении прав крымских татар, но за пределами Крыма. Частично этот раздел был также составлен мною.

В о п р о с: Расскажите, действительно ли изъятая у Мурахаса в 1978 году Ваша рукопись предназначалась для сборника. Каким путем Вы собирали содержащуюся в ней информацию?

О т в е т: В рукописи, изъятой у Мурахаса в 1978 году, были изложены некоторые факты нарушений прав крымских татар в Крыму. В то время еще шло лишь накопление материалов. Мысль о сборнике возникла после того как этих фактов набралось слишком много. Источниками информации были в основном копии заявлений пострадавших граждан в вышестоящие инстанции с описанием совершенных против них беззаконий. Кроме того, ко мне иногда приезжали и сами авторы этих заявлений и давали дополнительные сведения.

В о п р о с: В разделе «За пределами Крыма» имеется информация о направлении Вами 17 мая 1978 г. телеграммы в Московский горсуд, в которой вы просили вызвать Вас в качестве свидетеля по делу Юрия Орлова, осужденного за антисоветскую деятельность к 7 годам лишения свободы. Поясните, что Вы хотели засвидетельствовать на этом судебном процессе?

О т в е т: Мне было известно, что в числе документов, квалифицируемых следствием московской прокуратуры как клеветнические и антисоветские, в составлении которых

обвинялся Юрий Орлов, были и документы в защиту прав крымских татар. В частности, была собранная Московской группой «Хельсинки» информация о положении крымских татар в Крыму и о моем положении в тюрьме г.Омска после возбуждения против меня очередного провокационного дела. Выступив в качестве свидетеля, я мог бы сообщить сведения о правдивости или неточностях (если таковые имелись) вменяемых Юрию Орлову документов, где затрагивались известные мне или пережитые мною события.

В о п р о с: В письме Акимову Джеппару Вы предлагали поставить на обсуждение участников республиканского совещания вопрос о расследовании обстоятельств выселения татар из Крыма на основе материалов «События в Крыму». Как практически Вы думали организовать это расследование и каким образом использовать в нем материалы сборника?

О т в е т: В письме Акимову Джеппару от 6.02.83 г. говорилось о необходимости выработки общенационального обращения к руководству страны. В это обращение, кроме прочего, предлагалось включить пункт о необходимости расследования обстоятельств насильственных выселений крымских татар из Крыма, прибывших туда после опубликования Указа от 5 сентября 1967 года. Наиболее полно факты этих выселений были, на мой взгляд, собраны в сборнике «События в Крыму». Поэтому предполагалось, что этот сборник должен быть отправлен в высшие инстанции страны в качестве приложения к общенациональному обращению. Расследование совершенных против крымских татар незаконных можно было осуществить с помощью организации правительственной комиссии, куда были бы включены также активисты Национального движения крымских татар и указанные в сборнике пострадавшие граждане. Для этого, конечно, необходима добрая воля правительственных инстанций, их твердая решимость покончить с практикой нарушения прав крымских татар.

В о п р о с: В распространенном Вами обращении «К главам государств, участникам Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» указано, что к нему прилагается составленный Вами сборник «События в Крыму» и под документом значится Ваша фамилия. Расскажите, как готовился этот документ, каким способом вместе со сборником направлен за границу. Почему под ним значится фамилия Сеитмуратовой, которая оторвана от своих соотечественников?

О т в е т: Я ознакомился с предъявленной мне Вами ксерокопией документа «К главам государств, участникам Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Этот документ у меня не изымался, под ним нет моей подписи. В этом документе лишь предлагается пригласить на совещание в Мадриде для дачи показаний представителей крымских татар, в том числе меня, Сеитмуратову Айше и еще несколько других граждан. Поэтому вопросы о том, как готовился этот документ и почему в нем указаны фамилии тех или иных граждан, полагаю, могут быть обращены только к его авторам, т.е. подписавшим его гражданам. Мне неизвестно о том, что такое обращение с приложением сборника «События в Крыму» направлялись в Мадрид. По имеющимся у меня сведениям, из лиц крымскотатарской национальности органы направляли в Мадрид только редактора газеты «Ленин байрагы» и работника ЦК КП Узбекистана Тимура Дагджи, который, очевидно, должен был там говорить о том, что никакой проблемы крымских татар в СССР не существует.

В о п р о с: В разделе сборника «События в Крыму» имеется информация об аресте А.Подрабинека, который за рубежом издал антисоветскую книгу «Карательная медицина» и якобы подписывал документы в защиту крымских татар. Уточните, что конкретно он подписывал, кто давал документы на подпись. Настолько ли велика его «заслуга» перед татарами, чтобы о нем упоминать в сборнике?

О т в е т: Среди крымских татар были распространены различные документы московских товарищей — подлинных интернационалистов, в которых говорилось о проблеме крымских татар. Среди подписавших несколько подобных документов значился и Александр Подрабинек. Поэтому арест этого человека по политическим мотивам, конечно же, не мог быть безразличным для крымских татар. Этим, видимо, и объясняется помещение о нем информации в разделе «События за пределами Крыма» упомянутого Вами сборника.

В о п р о с: Вам предъявляется копия письма Подрабинека от 28.10.79 г., в котором он просит сообщить сведения об СПб МВД УзССР УЯ-64 и содержащихся в ней адвентистки Чертковой и диссидента Рождествова. Расскажите, как Вы выполнили эту просьбу?

О т в е т: В свое время я отвечал на его письмо и, видимо, сообщал известные мне сведения по затронутым вопросам. Если я не ошибаюсь, текст моего ответного письма у Вас имеется.

В о п р о с: Подтверждаете ли Вы информацию о СПб УЯ-64 и о Рождествове, направленную Подрабинеку в Вашем ответном письме от 4.11.79 г.?

О т в е т: Да, разумеется. В этом письме я сообщал все известные мне сведения и источники, откуда эти сведения были почерпнуты.

В о п р о с: В этом письме сообщается, что СПб и Рождествовым Вы и Джемилев Решат начали интересоваться еще в начале 1978 года по просьбе из Москвы. Кто и для какой цели просил Вас об этом?

О т в е т: В письме не говорится, что я и Джемилев Решат начали интересоваться этим СПб и Рождествовым по просьбе из Москвы. Там только говорится, цитирую: *«Где-то в начале 1978 г. нам сообщили из Москвы, что этапом прибыл в Ташкент признанный психически невменяемым Рождествов Владимир П. и что к нему на свидание едет мать...»* Далее в письме излагается, как мы встретили в Ташкенте мать Рождествова и последующие события. Сообщали по телефону из Москвы, а кто именно сообщал, я думаю, никакого значения для дела не имеет.

В о п р о с: Вам предъявляется копия «Информационного бюллетеня № 21», выпущенного в Москве «самиздатом». Объясните, каким путем информация попала в Москву и была опубликована в «Бюллетене»?

О т в е т: Я ознакомился с предъявленной мне ксерокопией «Информационного бюллетеня» № 21». Каким путем моя информация попала в Москву, говорится в самом этом «Бюллетене» — там цитируется часть моего письма А.Подрабинеку от 4 ноября 1979 года.

В о п р о с: В письме Аблаеву Решату от 24.03.80 г. на английском языке Вы с возмущением спрашиваете почему Мустафаев Гани не выполнил данного Вам обещания. Объясните, что Вы поручали Мустафаеву сделать, особенно в связи с «Олимпиадой-80»?

О т в е т: Никаких поручений Мустафаеву Гани относительно «Олимпиады-80» не было. Непонятно, откуда взято слово «Олимпиада-80», потому что нигде в моих письмах об этом не упоминалось. Мустафаева Гани перед его отъездом из Якутии я действительно просил кое о чем, но эти просьбы никакого отношения к олимпиаде не имели. Например, я очень просил его сразу же по приезду в Узбекистан съездить к моей дочери в совхоз Дальверзин Бекобадского района, узнать подробно о её состоянии, сфотографировать её и выслать мне фотографию и т.п. Мустафаев Гани съездил к ней, но не в ближайшие дни после приезда. Этим и объяснялась моя досада на Мустафаева Гани, которая выражалась в письме на английском языке от 24.03.80 г.

В о п р о с: Вам предъявляется записка Александра Миллера и его письмо к сенатору Г.Джексону. Судя по изъятым при обыске материалам, сейчас Миллер находится в ФРГ, и Вы с ним поддерживаете переписку. Расскажите, какими возможностями Вы располагали для выполнения просьбы Миллера и пересылки за границу его письма, адресованного Генри Джексону?

В о п р о с: В этой записке А.Миллер просит меня лишь перевести его письмо Г.Джексону на английский язык и «попробовать» куда-то переслать. Речь, видимо, шла о том, чтобы переслать к кому-то из его товарищей в Москве, если туда выедет кто-то из моих знакомых, потому что ни с сенатором Г.Джексоном, ни с упомянутым в этой записке канцлером Шмидтом или Папой Римским у меня никогда контактов не было. Александр Миллер действительно выехал после моего ареста в ФРГ, где, видимо, и проживает в настоящее время. Я несколько раз писал ему по сообщенному им адресу, но письма мои до него не доходили и ответов от него я не получал.

В о п р о с: На листке, исполненном Вашим почерком, имеются черновые наброски информации о суде по делу Шелкова и других адвентистов седьмого дня. Для кого Вы готовили эту информацию?

О т в е т: Этим процессом интересовался академик А.Д.Сахаров, с которым незадолго до этого я говорил по телефону. В этом черновом наброске имеются сведения, которые я почерпнул сам на процессе В.Шелкова.

В о п р о с: У Вас при обыске изъят машинописный документ, озаглавленный «Госатеистический суд над служащими ВЦВАСД, а у Вашего брата Асана шесть документов, подготовленных сектантами. Расскажите, кому из вас принадлежат все семь документов, от кого получены. Объясните также причину Вашей заинтересованности враждебной деятельностью руководителей ВЦВАСД.

О т в е т: После ареста В.А.Шелкова и во время его судебного процесса я виделся с членами секты адвентистов седьмого дня, которые передавали для ознакомления свои обращения и документы. Документы адвентистов, изъятые у моего брата Асана, видимо, тоже были переданы мне, а могли храниться у моего брата, потому что я долгое время жил в его квартире. Из этих сообщений и документов я не усмотрел, что деятельность адвентистов является враждебной. На мой взгляд, они отстаивают свое право на подлинное отделение церкви от государства в том смысле, в каком говорилось об этом в декрете советской власти за подписью Ленина. Причина моей заинтересованности их деятельностью примерно такая же, по какой я вообще интересуюсь событиями в мире и в СССР. У меня в личной библиотеке, например, имеются многочисленные исследования и труды о национальных и религиозных движениях и этнических процессах во всех частях света.

В о п р о с: «Диссиденты» подобные Сахарову, Григоренко, идеологические центры западных капиталистических стран пытаются консолидировать татарских и украинских националистов, сионистов, враждебно настроенных сектантов, антисоветчиков типа Орлова и других участников группы «Хельсинки» и этому Вы содействуете. Вы считаете, что с помощью этой консолидации можно добиться решения национального вопроса крымских татар или у Вас есть другие цели?

О т в е т: Основная моя цель — это добиться справедливого решения своего национального вопроса, т.е. возвращения крымскотатарского народа на свою исконную территорию и восстановление его национальной государственности. Кроме того, я, разумеется, не безразличен к нарушениям законных прав и других граждан за их национальную принадлежность, религиозные или политические взгляды. Такая же нетерпимость к нарушениям гражданских и национальных прав людей присуща, на

мой взгляд, и упомянутым в Вашем вопросе людям. Консолидация всех людей на этой основе, по моему убеждению, привела бы к скорейшему решению всех проблем в мире и была бы только на пользу народам, в том числе населяющим СССР. Я бы с удовольствием «консолидировался» и с представителями советского государственного аппарата, если бы они твердо решили бороться с нарушениями прав человека и взялись бы за подлинное решение крымскотатарского национального вопроса.

В о п р о с: В письме от 28.10.79 года Подрабинек Вам писал: «Если что-то надо переслать в Москву, чтобы дошло, то я к Вашим услугам». Расскажите, как Вы пользовались этой услугой Подрабиника.

О т в е т: Этой услугой мне не пришлось воспользоваться, потому что гарантия доставки в целости письма как в поселок Усть-Неру Якутской АССР, где проживал А.Подрабинек, так и в Москву была примерно одинаковой.

Протокол допроса мною прочитан, показания с моих слов отпечатаны на пишущей машинке верно. *(Подпись)*.

Допросил: следователь В. А. Азарян.

(Том 4, л.д. 259-265)

Протокол дополнительного допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 30 ноября 1983 г.

(Прокуратура г.Ташкента, с 10 час. до 16 час. 30 мин.)

В о п р о с: В письме от 5 августа 1983 года Вы просили Шустера достать книгу Петра Григорьевича (Григоренко), если не в ближайшем, то для архива, т.е. чтобы она попала в Узбекистан. Расскажите, что это за книга, когда и где издана, поступила ли она в Узбекистан и где она хранится?

О т в е т: Из сообщений зарубежного радио мне было известно, что П. Г. Григоренко издал в США книгу воспоминаний о своей жизни и деятельности в СССР, где много страниц отводится Национальному движению крымских татар, упоминается мое имя и имена моих друзей и близких. О поступлении этой книги в Узбекистан мне не известно. Но даже если бы и было известно, что она хранится у кого-то, то я, разумеется, не стал бы Вам этого сообщать, дабы не подвергнуть квартиру этого человека обыску. И вообще, я просил бы Вас не задавать мне таких вопросов, которые обычно задаются осведомителям и сексотам органов. Подобные вопросы для меня оскорбительны.

В о п р о с: В 1980 году Фондом «Крым» была издана книга «Шесть дней», над предисловием и послесловием которой работал Петр Григоренко. Не эту ли книгу Вы просили у Шустера?

О т в е т: Мне неизвестно кто работал над предисловием и послесловием книги «Шесть дней», потому что в книге авторы не указаны. А изданная в США книга воспоминаний П. Григоренко, о которой я просил А. Шустера, называется, кажется, «Крысы в подполье» или «В подполье можно встретить крыс».

В о п р о с: По поводу документа «10 лет спустя» Вы показали, что Ваше отношение к событиям в Чехословакии изложено в защитительной речи на судебном процессе в 1970 году. Поясните, что было сказано Вами на этот счет?

О т в е т: Мне известно, что в распоряжении органов имеется книга «Шесть дней», где изложены также моя защитительная речь и мое отношение к событиям в Чехословакии. На процессе в 1970 году я обвинялся, кроме прочего, в клевете на внешнюю политику

КПСС и Советского руководства в связи с вводом войск пяти стран Варшавского пакта в Чехословакию. Поэтому в своей защитительной речи я отстаивал и обосновывал свое негативное отношение к этой акции руководства КПСС и его союзников.

В о п р о с: Вам повторно предъявляется обращение к «Главам государств, участникам Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Не признаете ли Вы себя автором этого документа?

О т в е т: По поводу этого документа я уже отвечал на одном из предыдущих допросов. Ознакомившись еще раз с текстом этого обращения, я могу еще раз сообщить, что в этом обращении не содержится сообщений о фактах, которых в действительности не было, т.е. документ не содержит клеветнических измышлений, подпадающих под статью 191-4 УК УзССР.

В о п р о с: Расскажите о событиях на Керченской переправе 5 июня 1983 г., участником которых Вы являлись.

О т в е т: Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы выяснить, какое отношение имеют эти события к настоящему делу. Без всяких серьезных на то оснований я не хотел бы вновь вспоминать драматические обстоятельства, связанные с похоронами моего отца. Но если возбуждено уголовное дело против тех мерзавцев, которые грубо нарушили закон, глумились над нашими национальными и религиозными обычаями и воспрепятствовали нашей попытке исполнить последнюю волю отца — быть похороненным на своей родной земле, то я могу дать подробные показания.

В о п р о с: Действия работников милиции и представителей властей 5 июня 1983 года на посту ГАИ и у керченской паромной переправы были правильными, т.к. Вами не были соблюдены санитарные правила перевозки трупов, т.е. перевозили без гроба. И наоборот, Вы и другие участники похорон действовали неправомерно, законным требованиям властей Вы не подчинились и подстрекали участников похорон к групповым действиям, нарушающих общественный порядок, мешали нормальной работе паромной переправы, в результате чего паром не имел возможности осуществлять свою работу в течение четырех часов. Что Вы можете пояснить в связи с этим?

О т в е т: Таким образом, выясняется, что Вы полностью берете под защиту незаконные действия работников милиции и представителей властей, а правомерные действия участников похорон огульно квалифицируете как «групповые действия, нарушающие общественный порядок». Во-первых, как на посту ГАИ, так и на переправе с самого начала инцидента никто из представителей милиции и властей не предъявлял к нам претензий относительно соблюдения санитарных норм. Никто из них даже не пытался осмотреть в каком состоянии мы везем покойника. Но даже если и были бы выдвинуты подобные доводы, то они были бы несостоятельными. Нами была предъявлена представителям властей справка из санэпидстанции г. Абинска, где говорилось, что труп забальзамирован и, следовательно, перевозка его не представляет какой-либо опасности с точки зрения медицины. В справке также говорилось, что труп разрешается вывозить для похорон за территорию Абинского района Краснодарского края. В случае необходимости нотариально заверенная копия этой справки может быть предъявлена. Органы мотивировали свой отказ пропустить похоронную процессию на территорию Крыма тем, что якобы покойник имеет право быть похороненным только по месту своей «прописки». Выдвигали также смехотворные и явно издевательские требования о необходимости предъявить им около десятка справок и разрешений из различных инстанций Краснодарского края и Крымской области, на сбор которых, как

минимум, потребовалось бы несколько недель, а может быть и несколько месяцев. Так что попытки обелить действия властей и обвинить участников похорон, крайне несостоятельны. Это я рассматриваю как новую попытку глумления над нашими чувствами и потворство грубому нарушению прав крымских татар.

В о п р о с: Был ли Вами и другими участниками похорон написан документ по поводу инцидента у Керченской переправы?

О т в е т: Я слышал, что несколько участников похорон подписали и отправили обращение по этому поводу в Организацию Исламская Конференция и в Президиум верховного Совета СССР.

В о п р о с: Предъявляю Вам для ознакомления заключение судебно-автороведческой экспертизы номер 21-75 от 12 октября 1983 года, из которой усматривается, что автором обращения в Исламскую конференцию являетесь Вы. Что можете пояснить по этому поводу? Вам предъявляется также экземпляр обращения в организацию Исламская конференция. Поясните, когда и при каких обстоятельствах Вы составили этот документ?

О т в е т: Мне предъявлено заключение судебно-автороведческой экспертизы № 21-75 за подписью сотрудника ташкентского НИИСЭ Расулова А.С. на предмет исследования о том, являюсь ли я автором обращения к «Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» и обращения «В Организацию Исламская Конференция». Во-первых, заключения судебно-автороведческой экспертизы не могут являться какими-то убедительными и имеющими процессуальное значение документами, а призваны направить органы по более или менее верному направлению, т.е. для сужения числа версий. Одни и те же обороты и слова, и теоретически и практически, могут употреблять разные люди и поэтому строить категоричные выводы на основе каких-то совпадений просто нелепо. Смехотворными, на мой взгляд, являются выводы эксперта Расулова А.С. о моем авторстве на том основании, что упомянутые документы и выданные ему для проведения экспертизы другие образцы моей письменной речи, цитирую, *«составлены лицом, обладающим высокой степенью развития пунктуационных, синтаксических, лексических и стилистических навыков»* и что *«в текстах на 200 словоформ не встречается соответственно ни одной ошибки»*. Следуя подобным аргументам, можно, наверное, назвать авторами этих документов несколько миллионов человек, потому что людей, знакомых с правилами грамматики, в стране достаточно много. Не более логичные выводы о моем авторстве эксперт делает и на основании того, что в разных представленных ему на экспертизу документах содержится, например, одно и то же выражение *«поголовно выселены»*. Могу напомнить, что слова о поголовном выселении крымских татар из Крыма в 1944 году встречаются во многих сотнях и тысячах, как коллективных, так и индивидуальных обращениях и заявлениях крымских татар, начиная еще с 1944 года, т.е. с того времени, когда я еще был младенцем, который едва ли мог держать карандаш в руке. И, наконец, прежде чем категорично судить о стилистической или пунктуационной грамотности того или иного человека надо, наверное, поработать над своей грамотой. В предъявленном мне заключении Расулова А.С. встречается достаточно много грамматических странностей, которые позволяют подвергнуть сомнению его компетентность в этой области.

В о п р о с: В начале октября текст обращения в организацию Исламской Конференции был передан радиостанцией «Свобода». Что Вам известно по этому поводу? Кем был передан этот документ в зарубежную радиостанцию?

О т в е т: Я слышал текст этого обращения, переданного радиостанцией «Свобода». Насколько помнится, переданный радиостанцией текст совпадал с текстом обращения, предъявленным мне Вами. Если и был бы этот документ у меня раньше, то я всё равно никак не мог отвезти его в Мюнхен, потому что я не имею права выезда даже за пределы города Янгиюля. Отправлять же за рубеж такого рода обращения по почте бессмысленно. Поэтому удовлетворить Вашу любознательность относительно передачи этого текста за рубеж я никак не могу.

В о п р о с: Вам предъявляется изъятая при обыске у Вас письмо Сеитвапова Эбазера, его показания от 10 августа и 1 сентября 1983 г., которые свидетельствуют, что автором и распространителем обращения «Главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» являетесь Вы. Что Вы можете показать по этому поводу?

О т в е т: Я ознакомился с показаниями Сеитвапова Эбазера, но ничего такого, что подкрепляло бы Ваши категорические утверждения, я не обнаружил. Он ссылается на слова на некоего безымянного молодого человека, который якобы говорил о моей осведомленности насчет этого обращения, но по поводу моего возможного авторства он заявляет: *«Написан не в стиле Джемилева Мустафы, поэтому думаю, что его не он составил»*. Письмо, которое упоминается в Вашем Вопросе, адресовано вовсе не мне, а какой-то группе его друзей. Сеитвапов также сообщает, что привезший ему текст обращения молодой человек на вопрос Сеитвапова, передавал ли ему обращение Мустафа Джемилев, ответил отрицательно. Тем не менее, я не хотел бы вдаваться в препирательство относительно авторства этого документа, ибо у Вас может создаться впечатление, что я этот документ считаю клеветническим и не хочу взять ответственность на себя. Это совершенно не так. Мне не давали этот документ на подпись, я думаю, лишь по той причине, что моя фамилия указана там в числе лиц, которых авторы просят вызвать для дачи показаний в Мадрид. Иначе я обязательно подписал бы этот документ. Что касается фактов, изложенных в этом документе, то я не нахожу в нем ничего криминального и не соответствующего действительности.

В о п р о с: В «дипломате» с Вашими документами, хранившимися у Джемилева Асана, обнаружено 6 документов рукописного заявления жителя г.Ташкента С.Сеутова, которые адресованы в Международный суд в Гааге, в Международный комитет прав человека ООН и в другие зарубежные организации. Знакомы ли Вы с Сеутовым, для какой цели он передал Вам 6 экземпляров заявления, адресованного за границу?

О т в е т: Я постараюсь ответить на Ваш вопрос, если Вы предъявите мне упомянутые Вами письма и заявления С.Сеутова. Я не помню того, чтобы он передавал или даже показывал мне эти письма и заявления. Если бы он показал мне, например, обращение в Международный суд в Гааге, то я, наверное, сразу же обратил бы его внимание на то обстоятельство, что Международный суд не рассматривает заявления и жалобы частных граждан, а разрешает лишь споры между государствами, которые сами обращаются в этот суд. А посему предложил бы С. Сеутову избрать для своего заявления, по крайней мере, другого адресата.

В о п р о с: В письме Азаматовой Аве от 7.07.83 г. Вы писали: «Высылаю два экземпляра анкеты по Ленинскому району. Заполненные анкеты надеюсь перешлешь мне в ближайшие дни». Поясните, какие сведения должны были быть отражены в указанной Вами анкете, и выслала ли Вам Азаматова анкету?

О т в е т: В анкете, о которой идет речь в письме Азаматовой, не было сведений, касающихся общественного и политического строя ССР, т.е. ничего такого, что могло бы заинтересовать следствие по ст.191-4 УК УзССР.

В о п р о с: При обыске у Вас изъят (22 июля 1983 г.) машинописный текст письма Александрова Г.М. издателю «ИМКА-Пресс» Никите Струве в Париже. Письмо датировано 19 февралем 1983 года. А при обыске 1 февраля 1983 г. у Вас было изъято рукописное письмо тому же адресату несколько иного содержания. Поясните, для какой цели Вы подготовили машинописный вариант письма Александрова с несколько отличным текстом от его подлинного рукописного письма?

О т в е т: Я не знаю какое письмо Александрова было изъято у меня при обыске 1 февраля, потому что Вы мне его не предъявляете, а я не могу помнить буквального содержания всего того, что у меня забирали при обысках. Но совершенно исключается, что я мог самовольно изменить текст чужого письма и даже поставить под ним другую дату. Наверное, все-таки речь идет о двух различных письмах. Если я перепечатаваю или переписываю какой-то уже подписанный документ, то я обычно сохраняю даже явные грамматические ошибки оригинала. Поэтому Вам следовало бы разобраться в этих письмах и предъявить мне вместе с машинописными вариантами и их рукопись.

Протокол допроса мною прочитан, показания с моих слов отпечатаны следователем на пишущей машинке верно. *(Подпись)*.

Допросил: следователь Азарян В.А.

(Том 5, л.д. 194-199)

Протокол допроса обвиняемого Джемилева Мустафы от 30 ноября 1983 г.

*(После ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого.
Прокуратура г. Ташкента, 17 час.)*

Ознакомившись с Постановлением о привлечении меня в качестве обвиняемого от 30 ноября 1983 г., заявляю следующее:

Обвинение меня в нарушении статьи 190-1, 190-3 УК РСФСР и 191-4 УК УзССР, т.е. в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР и его политическую систему, а также в организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, является совершенно необоснованным.

По поводу всех приведенных в этом Постановлении эпизодов я давал подробные объяснения во время предыдущих допросов, но следствие, как видно, вовсе не интересуется истиной. Его основная цель — во что бы то ни стало обвинить меня в нарушении закона и на новый срок изолировать меня от своих соотечественников, которые добиваются справедливого решения национального вопроса о возвращении нашего народа на свою исконную территорию в Крым и восстановления всех его прав.

Я считаю это грубой расправой за политические убеждения и взгляды.

Протокол мною прочитан, текст моего заявления отпечатан верно. *(Подпись)*.

Допросил: следователь Азарян В. А.

(Том 5, л.д. 205-206)

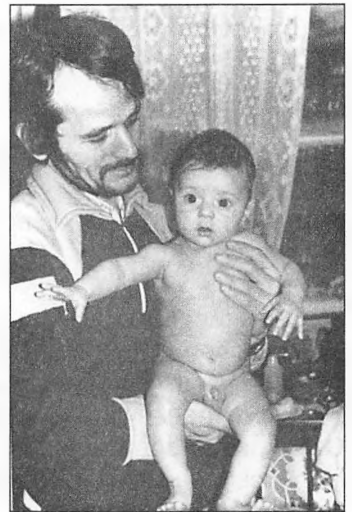
М. Джемилев с дочерью Сафие.
1978 г.

М. Джемилев с диссиденткой Татьяной Осиповой,
прибывшей по поручению московских правозащитников
навещать его в ссылке. 17 июня 1979 г., п. Зырянка
Якутской АССР.

Период ссылки. Вместе с супругой Сафинар. Ноябрь
1980 г., п. Зырянка Якутской АССР.

Родившемуся в ссылке сыну
Хайсеру 4 месяца. 1981 г.,
п. Зырянка Якутской АССР.

п.Зырянка Верхнеколымского района Якутской АССР, где
М. Джемилев в 1979—1982 гг. отбывал ссылку.

ЧАСТЬ II. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Обвинительное заключение

Запись судебного процесса

День первый, 3 февраля 1984 г.

День второй, 6 февраля 1984 г.

День третий, 7 февраля 1984 г.

День четвертый, 8 февраля 1984 г.

День пятый, 9 февраля 1984 г.

День шестой, 10 февраля 1984 г.

День седьмой, 15 февраля 1984 г.

Приговор суда, 15 февраля 1984 г.

1. Обвинительное заключение по делу Мустафы Джемилева

«УТВЕРЖДАЮ»
Прокурор города Ташкента
старший советник юстиции
п/п Ф. К.Фазылов
«16» января 1984 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**по уголовному делу № 25050 по
обвинению Джемилева Мустафы
в совершении преступлений, пре-
дусмотренных ст. ст. 191-4 УК
Уз ССР, 190-3 и 190-1 УК РСФСР.**

Настоящее уголовное дело возбуждено 16 июля 1983 года прокуратурой города Ташкента по признакам ст. 191-4 УК УзССР.

т. 1. л. д. 1.

Основанием для возбуждения дела послужили материалы, выделенные в отдельное производство из уголовного дела по обвинению Мурахаса Н. по ст. 191-4 УК УзССР и уголовного дела по обвинению Александрова Г. М. по ст. 191-4 УК УзССР.

т. 1 л. д. 1-299, 1-93, т. 2

Расследованием установлено:

Джемилев Мустафа будучи ранее 5 раз судим

— 12.05.1966 г. приговором суда Ленинского района города Ташкента по ст. 70 ч. 1 УК УзССР к 1 году 6 месяцам лишения свободы;

— 19.01.1970 г. приговором УСК Ташгорсуда по ст. 191-4 УК УзССР и ст. 190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы;

— 19.07.1974 г. приговором народного суда города Гулистана по ст. 199 ч. 1 УК УзССР к 1 году лишения свободы;

— 05.04.1976 г. приговором УСК Омского областного суда по ст. 190-1 УК РСФСР к 2 годам 6 месяцам лишения свободы;

— 06.03.1979 г. народным судом Октябрьского района города Ташкента по ст. 199-3 УК УзССР с применением ст. ст. 24 и 42 УК УзССР к 4 годам ссылки, — должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и вновь совершил преступление.

На протяжении последних лет он же систематически в устной, письменной и печатной формах распространял заведомо ложные измышления, порочащее общественный строй СССР и его политическую систему, как на территории Советского Союза, так и за рубежом.

С 1977 года до настоящего времени Джемилев М. поддерживал связь с действующим в Нью-Йорке «Комитетом за возвращение татар на свою родину» или так называемым «Национальным центром крымских татар», осуществляющим подрывную деятельность, направленную на порочение социалистического строя и подрыв авторитета Советского Союза на международной арене. Для реализации своих идей и политических целей «Национальный центр» создал так называемый «Фонд Крым». В 1980 году «Фонд Крым» издал книгу «Шесть дней», в которой помещено клеветническое «Обращение к мировой общественности», составленное и направленное в «Национальный центр» Джемилевым М.

26 сентября 1982 года Джемилев М. при содействии жителя г.Москвы Шустера А. переслал за рубеж копию своей жалобы Генеральному прокурору СССР. 1 мая 1983 года эта жалоба, содержащая тенденциозное освещение положения крымских татар в СССР, была передана радиостанцией «Свобода».

В 1979 году Джемилев М. направил автору изданной за рубежом антисоветской книги «Карательная медицина» А. Подрабинеку заведомо ложную информацию о якобы мучительном положении содержащегося в Учреждении УЯ 64/ пб МВД УзССР, признанного невменяемым Рождествова В., которая была опубликована Подрабинеком в самиздатовском «Информационном бюллетене» № 21 «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» от 17 февраля 1980 года.

В 1979 году Джемилев М. во время пребывания в ссылке в Якутской АССР дал поручение приехавшему к нему Гани Мустафаеву создать молодежную группу для поездки в Москву во время Олимпиады-80 с целью совершения замышляемых группой «Хельсинки» провокационных акций, привлекающих внимание иностранцев.

12 января 1980 года Джемилев М. направил А. Д. Сахарову письмо, в котором назвал интернациональную помощь Советского Союза Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать его фамилию в числе подписавшихся под «протестом» против ввода ограниченного контингента советских войск в ДРА. В соответствии с просьбой Джемилева М. его фамилия была поставлена под распространенным московской группой «Хельсинки» документом № 119, содержащим обвинения в

адрес Советского правительства по поводу якобы развязанной несправедливой войны в Афганистане.

Кроме того, Джемилев М. присоединился к числу подписавшихся под документом № 58 от 16 августа 1978 года, озаглавленном «10 лет спустя», в котором говорится о «репрессивном характере советского режима», одобряются антисоциалистические силы в ЧССР, утверждается, что будто бы советскими войсками в августе 1968 года была подавлена свобода в этой стране.

5 декабря 1981 года Джемилев М. написал «Обращение ко всем мусульманам мира», в котором просит выступить в защиту А. Д. Сахарова и его жены Е. Боннер, при этом, возводя клевету на органы власти, описывая в намеренно ложном свете их положение, просит мусульман всего мира выступить в их защиту.

26 октября 1981 года Джемилев М. направил письмо в японскую радиовещательную корпорацию «Эн Эйч Кей», в котором, выступая от имени советского радиослушателя, приветствует территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и ее деловых кругов, направленные против интересов СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и Советского Союза. Кроме того, он утверждает, что Советское государство якобы не соблюдает принципов добрососедства и проводит агрессивную политику.

В 1983 году Джемилев М. занимался размножением отдельных отрывков из книги В. Маркмана «На краю географии», в которой возводится клевета на политику КПСС в национальном вопросе, на Советское государство в целом и на его отдельные органы.

При обыске в доме Джемилева М. обнаружен и изъят подготовленный для размножения фотонегатив документа «Положение мусульман России», в котором содержатся злобные клеветнические нападки на Советскую власть, которая якобы продолжает колониальную политику царского самодержавия.

Он же размножил и распространил полученную им от жителя Турции Хакана Крымлы поэму «Бахчисарайский фонтан», порочащую советскую действительность.

Он же прослушивал и записывал на магнитофон, а затем печатал на пишущей машинке тексты передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», с выступлениями П. Григоренко, А. Сейтмуратовой и других, которые сводились к извращению миролюбивой сущности внешней политики КПСС и обвинению Советского Союза в «агрессивности».

В 1983 году Джемилев М. подготовил и распространил «Обращение к главам государств участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». В нем Джемилев М. утверждает, что и при советской власти в отношении крымских татар якобы продолжается политика царского самодержавия, возводит клевету на советский государственный и общественный строй.

5 июня 1983 года Джемилев М. при перевозке трупа своего отца Абдулджемила Мустафа-оглы из г. Абинска Краснодарского края для захоронения на территории Крымской области, совместно со своим братом Джемилевым Асаном спровоцировали и приняли активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.

Участники похорон при следовании в сторону Керченской паромной переправы на нескольких легковых автомашинах, в одну из которых, в нарушении требований санитарных правил перевозки трупов, положили труп покойного без гроба, были остановлены на посту ГАИ «Рубеж» инспектором ДПС УГАИ Краснодарского

крайисполкома Мороз П. И. На отказ Мороза П. И. пропустить группу участников похорон к паромной переправе в связи с несоблюдением ими санитарных правил перевозки трупов, они не подчинились и допуская провокационные выкрики антисоветского характера, требовали пропустить их, провоцируя конфликтную ситуацию. О создавшейся обстановке инспектор ДПС Мороз доложил руководству ОВД Темрюкского района, на территории которого дислоцируется пост ГАИ «Рубеж». На неоднократные разъяснения прибывших на место представителей районного отдела милиции и райисполкома о невозможности перевозки трупа в таком состоянии, участники похорон, подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном не реагировали и подхватывая допускаемые последними провокационные заявления антисоветского содержания, не подчинялись их законным требованиям. После чего участники похорон, игнорируя требования представителей милиции и райисполкома, поехали к переправе, где подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, грубо нарушая общественный порядок, требовали пропустить их на паром. Заблокировав автомашинами проезд на территорию переправы, участники похорон продолжали грубо нарушать общественный порядок. На неоднократные требования работников милиции и переправы убрать автомашины от ворот и не мешать въезду и выезду других автотранспортных средств, участники похорон не реагировали. Джемилев Мустафа и Джемилев Асан, продолжая разжигать среди участников похорон ненависть и озлобление, подстрекали их к действиям, нарушающим общественный порядок, призывая не выполнять законные требования представителей власти.

В результате преступных действий Джемилева Мустафы и Джемилева Асана, была нарушена работа Керченской паромной переправы и переправа не имела возможности осуществлять перевозку автотранспортных средств в течение 4 часов. По причине невозможности выезда автотранспорта из прибывшего парома «Керченский-2», последний простоял в ожидании выгрузки и погрузки в течение 1 часа 15 минут, чем причинил ущерб Керченской паромной переправе на сумму 190 рублей.

Используя этот инцидент, Джемилев Мустафа составил и распространил клеветническое обращение в организацию «Исламская конференция» в форме жалобы группы мусульман татарской национальности к своим зарубежным единоверцам на якобы «незаконные» и «бесчеловечные» действия работников милиции и Керченской паромной переправы. В документе Джемилев не ограничился этим фактом, а перейдя к обобщениям, подчеркнул, что «действия властей на похоронах 5 июня 1983 года являются лишь одним эпизодом, иллюстрирующим их пренебрежение к религиозным чувствам и национальным обычаям» советских граждан. Далее Джемилев М. с клеветнических позиций констатирует: «Нашему народу уготовлена участь русификации, утеря национальной культуры и самобытности... Мы обращаемся ко всем единоверцам, ко всем людям доброй воли поднять свой голос в защиту наших суверенных прав... В нашей стране свобода вероисповедания не охраняется законом».

т. 1-5

Часть уголовного дела в отношении Джемилева Асана в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-3 УК РСФСР выделена в отдельное производство.

т. 5 л. д. 225

В предъявленном обвинении по ст. ст. 191-4 УК УзССР, 190-3 и 190-1 УК РСФСР Джемилев Мустафа виновным себя не признал и показал, что обвинение является необоснованным. Основная цель следствия – во что бы то ни стало обвинить его в нарушении закона и на новый срок изолировать его от своих соотечественников. Считает это грубой расправой за политические убеждения и взгляды.

т. 5 л. д. 205-206

Хотя обвиняемый Джемилев М. в совершенных преступлениях виновным себя не признал, виновность его полностью доказана следующими собранными по делу доказательствами.

I

Обвинение Джемилева Мустафы по ст. 191-4 УзССР в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй в СССР и его политическую систему.

О связи Джемилева М. с «национальным центром крымских татар» в г. Нью-Йорке и его руководителем гражданином США, выходцем из Советского Союза Фикретом Юртером свидетельствуют обнаруженные при обыске 1-го февраля 1983 года в доме Джемилева 10 отрезков фотопленки с заснятыми печатными материалами книги «Шесть дней», изданной «Фондом Крым» в 1980 году.

т. 1 л. д. 5-8, 9-27

Будучи допрошенным, М. Джемилев отказался сообщить, каким путем получена книга и где она хранится. Однако, это обстоятельство проясняет его переписка с жителем г. Москвы А. Шустером. После выхода в свет произведения «Шесть дней», 05.07.1980 г. М. Джемилев в своем письме просил А. Шустера: «Очень хотел бы почитать книгу Петра Григорьевича, если не в ближайшем, то хотя бы иметь, то есть, чтобы она попала к нашим в Узбекистан.»

т. 2 л. д. 241-245, т. 3 л. д. 63

25.11.1982 г., обращаясь к этому же адресату, М. Джемилев писал: «Если есть какое-либо интересное чтение, пожалуйста, поделись с нами. Весьма признателен за «Шесть дней», но жаль, что она только в единственном экземпляре, хотелось бы иметь еще одну для себя.»

т.3 л. д. 64

«Фондом Крым» в 1977 году издана также книга П. Григоренко «А когда мы вернемся...»

т. 3 л. д. 1-10

Изучение воспроизведенной с негативов фотоконии книги «Шесть дней» показало, что засняты только три ее части: 1. Предисловие «Фонда Крым», 2. Предисловие издателя, 3. Послесловие «Фонда Крым»

т.3 л. д. 12-59

В предисловиях к этим книгам от издательства преследуется цель с позиции антикоммунизма опорочить общественную и политическую систему Советского Союза, нанести ущерб его авторитету на международной арене.

Авторы предисловия, выступающие от имени «Национального центра», пытаются обвинить высшие органы Советской власти в том, что они будто бы «за счет эксплуатации населения тратят народные деньги на создание пятых колонн и воспламенение революционных пожаров в других странах». Под этим же вымышленным предлогом на руководство Советского государства взвалена вина за неудачи в боях с немецко-фашистскими войсками в начале Великой Отечественной войны и ответственность за трагедию, постигшую Советский народ, которая в действительности была вызвана вероломным нападением гитлеровской Германии.

Наряду с распространением клеветы о нашем государстве, «Национальный центр» под руководством Юртера осуществлял и другие враждебные акции, в том числе организацию 1 марта 1979 года провокационного сборища у здания Советского правительства¹ в г. Нью-Йорке.

«Шесть дней» стр. 74, т. 3, л. д. 35

По нелегальным каналам М. Джемилев направлял в «Национальный центр» и лично Юртеру клеветническую и тенденциозную информацию, которая под предлогом защиты прав человека в СССР использовалась идеологическими центрами Запада в пропагандистских акциях против нашего государства.

В книге «Шесть дней» напечатано подготовленное М. Джемилевым «Обращение к мировой общественности», поступившее в «Фонд Крым» нелегально. Один из конкретных примеров «противозащитной»² деятельности Джемилева приведен в послесловии книги. Его авторы пишут, что «Джемилев Мустафа, находясь под неусыпным надзором, нашел возможность передать в свободный мир Обращение к мировой общественности». В опубликованном «Фондом Крым» тексте этого документа Джемилев утверждал, что якобы в Крыму уничтожены все культурные ценности крымских татар, разрушены мечети, осквернены и уничтожены кладбища, уничтожена литература. Далее Джемилев писал, что будто бы незаконно лишен советского гражданства П. Григоренко, отщепенец, выехавший в США, и необоснованно осужден антисоветчик Юрий Орлов, деятельность которого якобы заключалась лишь в содействии выполнению хельсинкских соглашений.

Автор клеветнического «Обращения» адресовал его главам капиталистических государств, политических и религиозных организаций, давая тем самым повод зарубежным идеологическим центрам для вмешательства во внутренние дела Советского Союза.

«Шесть дней», стр. 42-43, т. 3 л. д. 53-54

И не случайно такого рода деятельность Джемилева была «положительно» оценена нашими идеологическими противниками на Западе. В частности, «Фонд Крым» дал о ней очень лестный отзыв: «...Мустафа становится страшным пугалом для них (органов Советской власти), мог сорвать овечью маску с лица хищного волка и разоблачить человеконенавистническую сущность коммунистической системы».

«Шесть дней», стр. 6, т. 3 л. д. 17

В предисловии и послесловии книги «Шесть дней» авторы из «Фонда Крым» на все лады расхваливают так называемый «Свободный мир», вплоть до кровавого

¹ Видимо, имелось в виду «представительства».

² Похоже на опечатку. Видимо, следует читать «правозащитной».

режима Пиночета, заслуга которого, по их мнению, заключается в том, что он сверг «антинародный коммунистический строй доктора Альендо». В то же время, прибегая к искажению реальной действительности и вымыслу, они нагло утверждают, что в Советском Союзе «ущемлена» демократия, «нарушаются» права человека и это якобы «присуще коммунистическому режиму».

«Шесть дней», стр. 47-78, т. 3 л. д. 58-59

В этой связи обращает на себя внимание и состав «Фонда Крым». В него, помимо иностранцев, среди которых большой активностью выделяется Юртер Фикрет, входят А. Левитин, Краснов¹, П. Литвинов, Б. Шрагин, которые по материалам нашей прессы известны как антисоветски настроенные отщепенцы.

В состав «Фонда Крым» наряду с Юртером Фикретом и другими иностранцами вошли невозвращенцы, в том числе пособники немецким оккупантам, бывший ответственный работник профашистской газеты «Азат Крым» Муединов Мемет, присвоивший себе за границей фамилию Севдияр. Упомянутая газета в своих публикациях ратовала за победу фашистской Германии в войне с нашей страной и в 1942 году чествовала Гитлера как «великого освободителя народов от коммунизма» в связи с его 53-летием.

т. 3 л. д. 67, 74-77, 81-82, 83.

Наряду с Юртером М. Джемилев поддерживал связь с другими участниками «Фонда Крым» Абдураманом Гадол, Мемет Севдияром, а также с П. Григоренко, получая от «Фонда» вещевые посылки.

т. 2 л. д. 212, 213, 214.

В поздравительной телеграмме Мемет Севдияру в связи с его 70-летием, М.Джемилев выразил солидарность с ним, крымской эмиграцией и осевшими в ее среде отщепенцами. Возлагая надежду на «единство» этих сил с его земляками в Советском Союзе, он пожелал: «Пусть Аллах свершит, чтобы наша нация добилась священного желания и построила свободную жизнь».

т. 3 л. д. 68, 73.

В 1977 году в «Национальном центре» подвизался выехавший с семьей в США П. Григоренко. Облик его, как лакействующего за подачки перед Западом отщепенца, раскрыт в статье «Зовите меня Аллой...» («Неделя» № 48 – 1977 г.).

т. 3 л. д. 60.

В 1978 году эту группу пополнила Айше Сейтмуратова, единомышленница М.Джемилева («Правда Востока» от 12.02.19981 г., «Падение», от 07.06.1981 г., «Слова гнева и презрения»).

т. 3 л. д. 61-62.

При обыске у Джемилева изъято подготовленное Юртеру письмо, в котором с использованием условностей сообщается о результатах идеологической обработки отдельных советских граждан: «Кроме того, от души нюхали нашу фиалку. Но вместе с тем с последними песнями пришли и какие-то неприятные запахи. От

¹ Опечатка или ошибка автора «Обвинительного заключения». Следует читать «А.Левитин-Краснов»

того, что этот цветок немного отдален от нашего сада я не обратил большое внимание на его запах. Но, как говорят, нет дыма без огня, поэтому, не зная основу этого опасения трудно что-то сказать...» В письме Джемилев М. предалет привет Мемету Севдияру и его семье и сообщает интересующие Юртера сведения о семье Мусы Мамута, о его смерти М. Джемилев ранее сообщал в «Обращении к мировой общественности».

т. 3 л. д. 69, 78-80.

Изучение материалов «Фонда Крым» и деятельности т. н. «Национального центра крымских татар» в г.Нью-Йорке приводит к выводу, что их участники во главе с Юртером, с которым связан Джемилев, являются приверженцами антикоммунизма. «Национальный центр» является зарубежной антисоветской организацией, осуществляющий подрывные акции против Советского Союза.

Идею консолидации с антисоциалистическими силами за рубежом, антиобщественными и антисоветскими элементами внутри страны, а также недовольство лицами, которых М. Джемилев считает «верноподданнически настроенными», придерживающимися коммунистической идеологии, изложил в письмах к землякам Акимову Джеппару от 6.02.83 г. и Азаматовой Ава – от 19.03.1983 г. Эти взгляды он подтвердил на допросе 24.08.1983 г.

т. 3 л. д. 84-87, 89-90, т. 4 л. д. 141-150.

В 1978-1981 годах М. Джемилев поддерживал связь с А. Подрабинеком, А.Д.Сахаровым, А. Лавутом, Т. Осиповой, Ю. Орловым и другими участниками так называемой московской группы «Хельсинки». По своей инициативе он принимал активное участие в осуществляемых ими акциях, направленных на компрометацию демократической сущности Советского государства, его внутренней и внешней политики и подрыв доверия к нему на международной арене. Это подтверждается следующими доказательствами.

Допрошенный по поводу пересылки за границу копии своей жалобы Генеральному прокурору СССР, обвиняемый Джемилев М., отрицал посредничество Шустера и отказался от объяснений о том, каким способом это было сделано.

т. 2, л.д. 61-64 , т. 3 л. д. 91-97, т. 4 л. д. 141-150.

Факт направления Джемилевым копии этой жалобы Шустеру и последующей ее пересылки за границу подтверждается письмом Джемилева от 26.09.82 г., в котором он пишет Шустеру: «Предысторию того, как мы оказались в Янгиюле, я описывал в своем заявлении на имя Ген. прокурора от 18.08.82 г., копию которого прилагаю. Мне бы хотелось, чтобы об этой предыстории знал и мой брат, живущий на той стороне, но не знаю как сообщить – письма что-то не доходят. Вкратце я писал обо всем этом и мужу Айше, но письмо, похожее, не дошло. На всякий случай (авось кто поедет в те края из Москвы) прилагаю копию того письма на турецком. Его адрес: Ибраим, П. О. Бокс, Бруклин, Н. У., 11209. США...»

т. 3 л. д. 107.

01.05.83 г. радиостанция «Свобода» предала полный текст жалобы М. Джемилева, сопроводив его клеветническим выводом о том, что якобы крымские татары не имеют свободного выбора места жительства даже по месту высылки в Узбекистане.

т. 3 л. д. 98-106.

Факт оказания помощи в 1979 году М.Джемилевым А.Подрабинеку в составлении клеветнического документа о якобы имеющих место случаях использования в нашей стране психиатрии в политических целях подтверждается его письмом от 4.11.79 г., в котором он сообщил Подрабинеку ранее собранную информацию об Учреждении УЯ 64/пб МВД УзССР, дополнив ее вымыслом о том, что в отношении находившегося там на излечении «диссидента» В. Рождествова будто бы применялись препараты и делались какие-то уколы, рассчитанные на то, чтобы сломить волю больного, от которых его «сгибало вчетверо, заставляя корчиться от боли». Джемилев пояснил, что эти «факты» ему стали известны со слов находившегося в больнице В. Н. Лазаренко. От себя лично он добавил: «Я буду очень рад, если смогу внести хоть мизерную лепту в борьбе против этой страшной мерзости – использования медицины в карательных целях».

т. 3 л. д. 117-119

Это письмо является ответом Джемилева М. на просьбу Подрабинека, изложенную в письме последнего от 28.10.79 г., в котором он, в частности указывал: «В Ташкенте меня очень интересует Учреждение УЯ 64/пб. Это специальная психиатрическая больница МВД. Когда-то я много говорил на эту тему с нашим общим знакомым – главным героем присланной Вами статьи, а затем с Решатом. Что-то в этом направлении делалось, но потом мы долго не виделись, потом арест и т. д.» Далее Подрабинек привел перечень интересующих его об этом учреждении вопросов. В письме он конкретно указал, что его интересует пятидесятница Черткова А. В., арестованная в 1973 году и Рождествов В. П., осужденный в 1977 году по ст. 190-1 УК РСФСР.

т. 3 л. д. 112, 113-116.

Получив эту информацию от Джемилева, Подрабинек в письме от 6.01.80 г. писал: «...А позволите ли Вы мне воспользоваться этой информацией и опубликовать ее со слов «Где-то в начале 1978 года...» до «...использования психиатрии в политических целях» с исключением фамилии и адреса Виктора Митрофановича (Лазаренко)? Кроме того, я хотел бы сделать некоторые пояснительные сноски. Ваше письмо – хороший документ, написан живым языком, характеризует порядки и отношение в СПБ и, честное слово, жаль кромсать его на крупички информации. У нас очень мало таких материалов. Т.е. материалов много, но мало достоверных и хорошо написанных. Если Вы согласны, но у Вас будут какие-нибудь поправки, то напишите сразу, а если нет, то телеграфируйте согласие...».

т. 3 л. д. 119, 172.

А. Подрабинек переслал информацию М. Джемилева по своим связям в Москву, где она была напечатана в самиздатовском «Информационном бюллетене № 21» от 17.02.80 г. так называемой «Рабочей комиссией по расследованию использования психиатрии в политических целях», и распространена.

т. 3 л. д. 120-131

Допрошенный в качестве свидетеля Лазаренко показал, что имел с Джемилевым кратковременную встречу, во время которой разговоров о характере болезни Рождествова и его лечении не было.

т. 3 л. д. 136-143.

По сообщению учреждения УЯ 64/пб от 25.08.83 г. В. Рождествову назначались препараты, допущенные к использованию Минздравом СССР, в зависимости от состояния здоровья, а не в связи с его поведением.

т. 3 л. д. 144-145, 146.

Изложенная в «бюллетене № 21» информация приговором Верховного Суда Якутской АССР признана клеветнической, порочащей деятельность правоохранительных органов и учреждений здравоохранения. За ее подготовку и другие преступные действия Подрабинек признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР и 6.01.81 осужден к 3 годам лишения свободы.

т. 3 л. д. 132-135.

Материалы обыска свидетельствуют, что М. Джемилев продолжает в настоящее время концентрировать у себя информацию подобного рода.

т. 1 л. д. 135-155.

В портфеле «дипломат» с документами М. Джемилева, изъятом при обыске в доме его брата Джемилева Асана, обнаружено 6 экземпляров рукописного заявления жителя г. Ташкента С. Сеутова, адресованного в Международный суд в Гааге, Международный комитет прав человека ООН и другие зарубежные организации.

т. 2 л. д. 140-167.

Автор документа жалуется на незаконное помещение его в психиатрическую больницу и «другие формы преследования со стороны властей».

При обыске 1.02.83 г. у М. Джемилева также обнаружены клеветнические рукописи его близкого знакомого Г. М. Александрова. Одна из них является проектом Обращения к мусульманам мира, другая – письмом, адресованным в г. Париж, издателю УМКА-ПРЕСС Н. Я Струве.

т. 1 л. д. 2-27, т. 2 л. д. 12-18, 19-20.

В первом документе проводится мысль о том, что царская Россия преследовала мусульман и при Советской власти якобы происходит то же самое, во втором – Александров жалуется, что он подвергается «травле» за политические убеждения.

Александров показал, что оставил у М. Джемилева письмо Струве для корректировки, каким образом оказалось у Джемилева Обращение к мусульманам мира, он не помнит.

т. 1 л. д. 2-10.

Джемилев от объяснений по поводу изъятых у него рукописей Александрова уклонился.

т. 1 л. д. 32-36.

При обыске 16.07.83 г. в доме Джемилева М. обнаружено другое письмо Александрова Г. М., адресованное Н. Струве, к которому приложена выписка из истории болезни Александрова. Тексты этих документов исполнены на пишущей машинке.

т. 2 л. д. 195-196.

О намерении М. Джемилева создать молодежную группу для поездки в Москву во время «Олимпиады-80» с целью совершения там замышляемых группой «Хельсинки» провокационных акций, привлекающих внимание иностранцев, свидетельствуют показания Мустафаева Г. Э., который показал: «В августе 1979 года я поехал к Мустафе в Якутию и находился там до середины октября... После приезда из Якутии я встречался несколько раз с Аблаевым Решатом и мы действительно обговаривали вопрос о подготовке молодежной группы. Со своей стороны я обещал Аблаеву познакомить с молодыми парнями. При этом я ему говорил, что все вопросы они пусть решают сами. Впоследствии я подумал и решил больше ни в какие дела не ввязываться и жить спокойно. Об этом сказал Аблаеву и после этого с ним не встречался».

т. 3 л. д. 147-148.

Допрошенный в качестве свидетеля Аблязизов Д. С. показал: «После поездки Мустафаева Гани в Якутию к Джемилеву, почему-то взаимоотношения между ним и Аблаевым обострились. Мустафаев Гани или Аблаев мне конкретных указаний поехать в Москву и участвовать в акциях, привлекающих внимание иностранцев, не давали. Но Мустафаев Гани говорил, что некоторые товарищи считают необходимым совершить такую поездку на «Олимпиаду-80» в Москву. Я к этому разговору отнесся совершенно равнодушно, т. к. я бы никогда не стал принимать участие в подобных акциях». В заключение допроса Аблязизов заявил: «Разговор Мустафаева Гани по поводу поездки в Москву для совершения акций, привлекающих внимание иностранцев, как тогда, так и сейчас показался смехотворным и сумасбродным. Свое отношение к подобным акциям я уже высказал и считаю их бессмысленными».

т. 3 л. д. 149-150.

В связи с тем, что Мустафаев не выполнил поручение Джемилева, последний 24.03.80 года направил Аблаеву Р. письмо на английском языке, в котором осуждал Мустафаева и других представителей молодежи, упрекал в неисполнительности, чрезмерной осторожности и «боязни за свою шкуру». В письме он, в частности, указал: «Меня вовсе не тревожит, как Вы думаете, молчание Ганнибала (Мустафаева Гани), я не волнуюсь за его верность мне. Достаточно и того, если он всегда будет верен общему делу. Меня лишь удивляет, почему он не выполнил своего обещания о том, что мы обсуждаем здесь».

т. 3 л. д. 155, 156-158.

В другом письме от 5.08. 80 г. Джемилев писал Аблаеву: «Ты вопрошаешь, что дал за все это время нам Запад. А что мы собственно говоря ожидали получить от Запада... Почему кто-то должен беспокоиться о нас больше чем мы сами? Ты тоже извини меня за откровенность, но требовать от кого-то ради тебя каких-то решительных действий, когда сам за это не отсидел и пятнадцать суток, просто не логично».

т. 3 л. д. 159-160.

В письме А.Д. Сахарову от 12.01.80 г. Джемилев назвал интернациональную помощь Советского Союза Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать

его фамилию в числе подписавшихся под «протестом» против ввода Советских войск в ДРА. В письме Джемилев, в частности, указал: «Дорогой Андрей Дмитриевич! Сердечно благодарю Вас за Ваше интервью корреспонденту американской газеты по поводу ситуации в Афганистане. Для меня, как мусульманина, Ваша твердая позиция по этому вопросу имеет особую ценность. Если товарищи сочтут целесообразным обратиться в Верховный Совет СССР или куда-либо еще с требованием отставки и привлечения к ответственности лиц, санкционировавших это кровавое вторжение, то я непременно хотел бы быть в числе подписавших такое обращение».

т. 3 л. д. 161, 162.

Подобные провокационные заявления уже получили должную оценку общественности и государственных организаций в СССР. Однако Джемилев сознательно «забывает» опубликование в мировой печати факты и события, касающиеся пребывания в ДРА по просьбе ее правительства ограниченного контингента советских войск.

В уголовном деле в отношении Татьяны Осиповой, осужденной по ст.70 ч.1 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду, в числе приобщенных к нему материалов имеется документ №119 так называемой московской группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР от 21 января 1980 года. В числе подписавших его лиц значится фамилия М. Джемилева. В документе изложены обвинения в адрес Советского правительства в том, что оно якобы развязало несправедливую войну в Афганистане, что СССР «подавляет» независимость этой страны силой оружия и что Советское государство якобы не соблюдает основные права личности».

т. 3 л. д. 175.

В письме Подрабинеку от 19.01.80 г. Джемилев М. сообщал: «Написал на днях письмо А. Д-чу с просьбой о том, что если товарищи сочтут нужным где-то поднять вопрос об отставке или «импичменте» ответственных за афганскую авантюру, то в число подписавших заявление включили и меня».

т. 3 л. д. 194.

Письмо А. Подрабинека М. Джемилеву от 31.01.80 г. свидетельствует о том, что документ №119 передан за границу.

Автор его писал: «Слышал по радио о Вашей подписи под документом «Хельсинки» насчет Афганистана. Жаль, весь документ не передали».

т. 3 л. д. 171.

Это же вытекает из копий приговора по делу Т. Осиповой.

т. 3 л. д. 189-192.

В уголовном деле на Т. Осипову имеется другой документ за № 58 от 11.08.78 г., озаглавленный «Десять лет спустя». В числе присоединившихся к нему значится фамилия М. Джемилева, написанная рукой его близкого знакомого жителя города Ташкента Джемилева Решата.

т. 3 л. д. 176-177, 178-179.

В документе говорится о «репрессивном характере советского режима», одобряются антисоциалистические силы в ЧССР, утверждается, что будто бы советскими войсками в августе 1968 года была подавлена свобода в этой стране.

Приговором Московского городского суда по делу Т. Осиповой от 2 апреля 1981 года документы № 119 и № 58 признаны антисоветскими.

т. 3 л. д. 180-192.

На допросе М. Джемилев подтвердил направление им письма А. Сахарову и изготовление одной из ее копий на своей пишущей машинке, но пояснил, что о появлении документа № 119 ему ничего не известно. Он также добавил, что «ввод советских войск в Афганистан и продолжающееся по сей день кровопролитие в этой стране» интернациональной помощью не считает. Документ № 119 группы «Хельсинки» по афганскому вопросу его взглядам не противоречит.

По поводу документа № 58 М. Джемилев показал, что Джемилев Решат, написав под ним его фамилию, по-видимому, знал общность их позиций по данному вопросу, что эта позиция его изложена в защитительной речи на судебном процессе в 1970 году, в которой он отстаивал и обосновывал свое негативное отношение к этой акции руководства КПСС и его союзников.

т. 2 л. д. 241-245, т. 5 л. д. 194-199.

При обыске в доме Джемилева обнаружена также подшивка с документами так называемой «Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», учрежденной в 1976 году группой самозванцев, членами которой стали Юрий Орлов – руководитель, Елена Боннер, Александр Гинзбург, Петр Григоренко и другие отщепенцы. Группа содействия поставила перед собой цель путем сбора различной клеветнической информации о якобы имеющих в СССР место нарушений прав человека, информировать об этом главы правительств. С членами группы «Хельсинки» Джемилев поддерживал тесную связь.

т. 3 л. д. 173-174, 207-263.

Джемилев вел обширную переписку с многочисленными адресатами за рубежом и внутри страны. Копии писем систематизировал в специальных подборках. Как видно из переписки, изъятой при обыске, он нашел общий язык с функционером так называемого «Международного общества защиты прав человека» во Франкфурте-на-Майне отщепенцем Юрием Беловым, занимающимся подбором в Советском Союзе «недовольных» для использования в акциях идеологической диверсии.

т. 3 л. д. 205.

Достойная отповедь ему дана в статье «Провокаторы ищут подсобников, или как они сели в лужу», опубликованной в газете «Голос Родины» №12 за 1983 год.

т. 3 л. д. 206.

В одном из писем москвичу А. Смирнову от 27.05.82 г. Джемилев на предпринимаемые меры по пресечению враждебной деятельности группы «Хельсинки» отреагировал так: «Дай бог, чтобы «гонки» у тебя там не завершились нежелательным финалом (чтобы они, сволочи, не догнали, а подскользнулись и разбили себе рыло)».

т. 3 л. д. 198.

Джемилев М. активно использовал свои связи для получения издаваемой за рубежом враждебной Советскому государству литературы, для использования в идеологической обработке своих единомышленников. Появление у него книги «Шесть дней» и другой литературы — не случайное явление. В письме от 27.04.82 г. к Ирине Гривниной он просил: «Говорят, что недавно по «Свободе» («Азадлык») на казанско-татарском языке читали выдержки из книги Э. Фишера «Крымские татары». Вы бы не могли по этим каналам добраться до этой книги? Пускай хоть на любом языке».

т. 3 л. д. 200-202.

В «Обращении ко всем мусульманам мира» Джемилев М. просил выступить в защиту А. Сахарова и его жены Е. Боннер. В обращении, в частности, он указал: «Жизнь великого гуманиста нашего времени, страстного борца за естественные права всех людей, независимо от их расы, национальности и религии, лауреата Нобелевской премии Мира Андрея Сахарова и его супруги Елены Боннер находится в смертельной опасности. Все свои силы они посвятили борьбе против произвола и беззакония, защите прав незаконно гонимых и преследуемых, в том числе прав мусульман – крымских татар, афганцев и многих других. Во имя этой же благородной цели они предприняли новую акцию, которая может окончиться для них мучительной смертью.

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли и, в первую очередь, к своим единомышленникам, последователям одной из гуманнейших религий — ислама! Окажите посильное содействие спасению этих прекраснейших людей нашей планеты!»

т. 4 л. д. 1.

Допрошенный по данному вопросу обвиняемый Джемилев показал, что супруги Сахаровы объявили голодовку в знак протеста по поводу неудовлетворения правительством их просьбы, и возникла возможность их мучительной смерти. Мусульмане могли оказать помощь в спасении жизни этих советских граждан, подняв голос в защиту их требований.

т. л. д.

Из сообщений официальной прессы советским жителям хорошо известно, что академик А. Д. Сахаров и его супруга Е. Боннер проживают в полной безопасности и спокойствии в г. Горьком. Использование же таких оборотов как: «находятся в смертельной опасности...», может окончиться для них мучительной смертью» – является сознательной ложью и клеветой и преследует цель опорочить социалистическую действительность.

Из заключения проведенной по делу экспертизы по содержанию материалов, изъятых при обыске у Джемилева, усматривается, что в письме от 26.10.81 г., направленном в японскую радиовещательную корпорацию «Эн Эйч Кей» он, выступая от имени советского радиослушателя, приветствует территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и ее деловых кругов, направленные против СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и Советского Союза. Кроме того, он утверждает, что Советское государство якобы не соблюдает принципов добрососедства и проводит агрессивную политику.

Это по сути дела предательство М. Джемилева, являющегося гражданином СССР, по отношению к своей Родине.

т. 4 л. д. 174-182.

На допросе Джемилев подтвердил факт направления письма в названный адрес, объяснив, что в нем он поделился своими понятиями о справедливых принципах международных отношений.

т. 4 л. д. 141-150.

В 1983 году Джемилев занимался размножением книги В. Маркмана «На краю географии» издательства «Москва-Иерусалим» 1979 года. При обыске у него изъято 4 экземпляра отрывков из этого произведения.

т. 4 л. д. 3-14.

Из заключения судебно-криминалистической экспертизы, они отпечатаны на принадлежащей Джемилеву пишущей машине марки «Унис тбм де Люкс» №13-5292219.

т. 1 л. д. 86-89.

К материалам дела приобщена репродукция с фотокопии этой книги, изъятой при обыске у Иосифа Заселевича, привлеченного к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР.

В книге с клеветнических позиций описывается жизнь заключенных в исправительно-трудовых учреждениях, которых автор называет «жертвами советского строя». Извращая интернационалистическую сущность Советского государства, Маркман утверждает, что его руководители, будто бы разжигая вражду между арабами и евреями на международной арене, у себя дома одинаково преследуют евреев и мусульман.

Автор книги на фоне описания «звериной» жизни заключенных в лагерях пытается нарисовать «горькую судьбу жертв советского строя».

В лице осужденного на 25 лет тувинца Мангуша Маркман преподносит «трагедию» всего тувинского народа, происшедшую в результате воссоединения с Советским Союзом: «Ее (Тува) единение с «братскими» народами происходило по схеме, близкой к прибалтийской. Два-три министра решили войти в состав РСФСР, а остальных, когда в Туву вступили советские войска, посадили в тюрьму и уничтожили. Тувинцев начали «цивилизировать»: экспроприировать, освобождать от собственности и объединять в колхозы. Солдаты врывались в усадьбы и угоняли скот силой. Бесплезно было доказывать безграмотному, испокон века занимавшемуся скотоводством тувинцу, что для счастья людей, для победы коммунизма во всем мире нужно отдать его собственный скот».

По утверждению автора, попытка Мангуша защитить свою собственность привела его в лагерь заключенных, где он многое понял, и услышал звучание гимна: «Союз нерушимый республик голодных схватила за горло Великая Русь».

В книге описываются «жертвы» психологического давления и прозрачно намекается, что якобы под «давлением» находится весь народ.

т. 4 л. д. 15-88.

В обнаруженном при обыске у Джемилева подготовленном для размножения фотоспособом националистическом документе под заголовком «Положение мусульман в России» содержатся злобные клеветнические нападки на Советскую власть.

В нем утверждается, что «Советский Союз – это преемник царской колониальной империи, поэтому «русские держиморды-аристократы православно-религиозного

направления были заменены русскими держимордами коммунистически-атеистического направления»... «На ассимиляцию нерусских народов» будто бы «направлена вся мощь социализма и никто не может этого избежать».

Авторы документа также утверждают, что «вся мощь России в прошлом и теперь зиждется на богатствах мусульманских земель и беспощадной эксплуатации их населения».

В заключении он восклицает: «Остановить русских гегемонистов может только всемирное содружество, настало время демонтажа русской колониальной системы».

т. 4 л. д. 93-94.

Факт размножения и распространения Джемилевым поэмы «Бахчисарайский Фонтан» подтверждается: письмом Джемилева Аблямитову Фуату от 7. 04. 82 г., в котором он писал: «Хакан недавно прислал мне опубликованную в номере журнала «Турк культуру» поэму «Бахчисарайский Фонтан». Высылаю тебе переписанный мною текст. Мне она очень понравилась, но вовсе не из-за того, что там поминаются добрым словом и Джемилевы».

т. 4 л. д. 151-152.

При обыске в доме Аблямитова обнаружена упомянутая в письме рукопись поэмы «Бахчисарайский Фонтан».

т. 2 л. д. 65, 68.

В домах Джемилева Асана и Кадырова Синавера также обнаружены фотокопии этой поэмы.

т. 1 л. д. 160-161, 138-155, т. 2 л. д. 45, 37-44.

При обыске 16.07.83 года в доме Джемилева М., кроме фотокопии поэмы «Бахчисарайский Фонтан», дополнительно изъяты две ее ксерокопии.

т. 2, л. д. 183-194, т.1, л. д. 74-75, т. 4, л. д. 158-159, 165-166, т.1 л. д. 4-35.

Из заключения судебно-автороведческой экспертизы усматривается, что произведение «Бахчисарайский Фонтан» Ш. Эльчина насквозь пропитано антисоветизмом. Идею направления поэмы антиисторично и абсолютно не соответствует советской действительности. В ней содержатся ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему.

т. 4 л. д. 161-164.

Допрошенный по существу данного вопроса Джемилев М. показал, что поэму «Бахчисарайский Фонтан» размножил по той причине, по какой обычно размножаются хорошо написанные литературные произведения. В письме Аблямитову Ф. от 7.04.82 г. происхождение поэмы изложено верно. Упомянутый в письме Хакан, проживающий в Турции является его близким родственником. С ним он поддерживает близкую связь.

т. 2 л. д. 241-245.

М. Джемилев занимался также прослушиванием зарубежных радиопередач и информацию, содержащую клеветнические нападки на Советский Союз, он записывал на магнитофонную пленку, затем печатал на пишущей машинке.

При обыске у Джемилева Асана изъято 7 магнитофонных кассет с записями передач радиостанций «Голос Америки» и «Немецкая волна», принадлежащих Джемилеву М. В доме Джемилева Мустафы изъяты две кассеты с записями радиопередач и одна кассета с его различными выступлениями.

т. 1 л. д. 139-155, т. 2 л. д. 184-194.

Среди материалов обыска имеются 14 листов с отпечатанными на пишущей машинке Джемилева М. текстами передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода».

т. 4 л. д. 95-109.

В передаче «Голос Америки» от 24.12.79 г. продемонстрирован диалог П. Григоренко с радиокомментатором В. Французовым по вопросу ратификации договора ОСВ-2. Их беседа была нацелена на извращение миролюбивой сущности внешней политики КПСС и обвинение Советского Союза в «агрессивности». Ее итог сводится к тому, что для США ратификация нового договора не выгодна, так как он в основном нужен Советскому государству для достижения военного превосходства над Западом.

т. 4 л. д. 110-119.

Остальные радиопередачи построены на клеветнических выступлениях отщепенки А. Сейтмуратовой и других.

т. 4 л. д. 110-119, 120-123.

В начале подготовленного и распространенного в 1983 году Джемилевым «Обращения к главам государств-участников Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» он дал небольшую «историческую справку» о пагубных последствиях для коренного населения Крыма присоединения полуострова к России 8 апреля 1783 года.

«С этого времени, — утверждает автор, — началась и продолжается по сей день трагедия нашего народа». Далее говорится, что якобы при Советской власти в Крыму началась систематическая ликвидация национальной интеллигенции: «...и ... тысячи людей были казнены или умерщвлены в тюрьмах и лагерях по обвинению или просто подозрению в недостаточной приверженности к коммунистической идеологии и режиму».

В «Обращении» подвергнут критике Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года и утверждается, что в этом законодательном акте якобы «содержится претензия правительства на право и в дальнейшем распоряжаться судьбами и территориями народов, в зависимости от того, сочтут ли эти народы верными своей власти или нет».

Изданное на основании Указа Постановление Президиума Верховного Совета Союза ССР, открывшее возможность лицам татарской национальности переселяться в Крым, в «Обращении» преподносится как антинародный акт. Более того, автор «Обращения» высказал следующее: «Новое постановление свидетельствовало о преемственности политики брежневского руководства с политикой империалистической России, режимов Сталина и Хрущева в отношении Крыма и крымских татар».

Основная цель «Обращения» сводится к тому, чтобы опорочить общественный строй СССР и его политическую систему путем измышлений о том, что при

Советской власти в отношении крымских татар продолжается политика самодержавия. Это вроде бы вызывает необходимость поднять о них вопрос на международный уровень с вмешательством во внутренние дела нашей страны.

т. 4 л. д. 125-129.

Причастность к изготовлению и распространению «Обращения» М. Джемилев отрицает.

т. 4 л. д. 259-265, т. 5 л. д. 194-199.

Однако он достаточно изобличается заключением судебно-автороведческой экспертизы, из которой усматривается, что «Обращение» исполнено М. Джемилевым.

т. 4 л. д. 185-187.

Показаниями жителя города Симферополя Сеитвапова Эбазера, которому Джемилев направил один экземпляр этого документа для обсуждения и сбора подписей, но получил следующий ответ: «К сожалению, мне придется Вас огорчить. Выдвинутые Вами предложения мы считаем неприемлемыми. Обсуждать содержания «Обращения» не будем. Ни мне, ни другим оно не понравилось. Ориентация на запад отталкивает подавляющее большинство людей».

т. 4 л. д. 134-135, 136-139, 130.

Это письмо Сеитвапова обнаружено при обыске в доме Джемилева М. 16.07.83 года.

т. 2 л. д. 184-194.

В 1978 году Джемилев М. занимался также сбором информации о судебном процессе в отношении руководителей всесоюзной церкви верных свидетелей адвентистов седьмого дня (ВЦВСАСД) В. Шелкова и других, которые осуждены Ташкентским областным судом по ст. ст. 191-4 и 147-1 ч. 1 УК УзССР за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и посягательств на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.

Об этом свидетельствует обнаруженный в его доме лист бумаги с черновыми набросками информации о суде по делу Шелкова и других.

т. 1 л. д. 202.

Кроме того, при обыске в доме Джемилева М. обнаружен машинописный документ, озаглавленный «Госатеистический суд над служителями и членами ВЦВСАСД», а в доме его брата Джемилева Асана – шесть брошюр «Открытых писем», изданных в подпольной типографии адвентистов-реформистов «Верный свидетель».

т. 1 л. д. 203-299.

Допрошенный в связи с этим Джемилев М. показал, что этим процессом интересовался академик А. Сахаров, с которым он незадолго до этого говорил по телефону. В этом черновом наброске имеются сведения, которые он почерпнул сам на судебном процессе В. Шелкова. После ареста Шелкова и во время

судебного процесса он виделся с членами секты адвентистов 7-го дня, которые передавали свои обращения и документы для ознакомления. Документы адвентистов, изъятые у Джемилева Асана, видимо, также были переданы ему, а могли храниться у Асана, потому что он долгое время жил в его квартире.

т. 4 л. д. 259-265.

С целью активизации своей враждебной деятельности, Джемилев собирал и хранил у себя дома типографские шрифты. В подсобном помещении его дома обнаружены шрифты в количестве 380 единиц.

т. 1 л. д. 184-194.

II.

Обвинение Джемилева Мустафы по ст. 190-3 в организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Допрошенный в качестве свидетеля инспектор дорожно-патрульной службы ГАИ УВД Краснодарского Крайисполкома Мороз П. И. показал, что 5 июня 1983 года он нес службу на посту ГАИ «Рубеж» поселка Ильич Темрюкского района. Этот пост находится на границе РСФСР и УССР. На пост поступает большая информация о розыске угнанного или похищенного транспорта, в связи с чем работниками ГАИ осматривается весь выезжающий из пределов РСФСР транспорт, т. е. проверяется наличие водительских документов, правильность их заполнения, а также соответствие номеров двигателей и кузовов. Примерно в 12 часов к посту со стороны Краснодарского края подъехала колонна легковых автомашин. Впереди колонны была автомашина «Волга» ГАЗ-24 зеленого цвета. При проверке водительских документов он увидел в салоне автомашины большой сверток типа ковра, на его вопрос, что это за предмет, водитель с насмешкой ответил, что перевозят оружие. Позже, когда он стал настойчиво интересоваться, водитель сказал, что перевозят для захоронения в Крымской области труп. По его требованию водитель показал свидетельство о смерти, но в руки ему не дал. Он им объяснил, что согласно правил, перевозка трупа в открытом виде запрещена и для этого труп должен быть уложен цинковый гроб. Когда он сказал, что пропустить их не может, вышедшие из машин участники похорон около 30-ти человек стали требовать, чтобы на пост прибыл представитель райисполкома и начальник РОВД, выкрикивая, что он поступает незаконно. Отдельные лица выкрикивали, что это не милиция, а полиция, что хотят, то и делают и т. п. Связавшись с дежурным по РОВД, он доложил о сложившейся обстановке и просил принять меры, т. к. участники похорон собрались толпой у поста прямо на проезжей части, на его требование освободить дорогу не реагируют и допускают различные оскорбления в его адрес. Первым на пост ГАИ прибыл начальник Темрюкского райотделения КГБ Грузин, который в помещении поста стал ознакомливаться с представленными участниками похорон документами на перевозку трупа. К этому времени подъехали заместитель начальника Темрюкского ОВД Зайцев, секретарь райисполкома Кулиш и командир взвода ДПС Гудзь. Выйдя из помещения поста, Зайцев стал разъяснять, что согласно инструкции без цинкового гроба и разрешительной справки о захоронении

трупа в Крымской области, труп не может быть перевезен. Тогда среди участников похорон начались волнения, они начали обступать их, выкрикивали различные оскорбления, а двое из них, которые называли себя сыновьями покойного, стали выкрикивать явно антисоветские лозунги. Один из них маленького роста, худощавый, с бородкой и усами говорил, что « вот уже 40 лет наш народ лишен свободы, нас постоянно притесняют и преследуют, Советский Союз это большая тюрьма» и т.д., а второй выкрикивал: «Здесь нам устроили геноцид, крымских татар хотят стереть с лица земли, это вторая палестинская проблема». Остальные участники похорон, чувствуя поддержку со стороны указанных лиц, подхватывали их высказывания, некоторые даже выражались нецензурными словами. Толпа, руководимая этими лицами, действовавшими наиболее активно выделявшимися из всей группы, в течение длительного времени была неуправима. Потом эти двое подошли к нему и попросили вернуть свидетельство о смерти и они вошли в помещение поста. Выйдя из помещения, они собрались толпой, мужчина с бородкой начал говорить что-то на своем языке. После чего они подошли к автомашине, вытащили сверток с трупом и понесли его на руках в сторону паромной переправы. Все работники милиции и другие лица поехали к паромной переправе. Через 3-4 часа участники похорон вернулись колонной автомашин из переправы. Он вернул двум водителям технические паспорта автомашин и колонна поехала в сторону города Крымска Краснодарского края.

т. 5 л. д. 51-53.

Аналогичные показания дал свидетель Гудзь В. П., дополнительно пояснив, что после инцидента на посту ГАИ, по указанию Зайцева он поехал на паромную переправу. Минут через десять к переправе подъехала автомашина ГАЗ-24, в которой был помещен труп. За ним подъехали остальные 6 автомашин этой похоронной процессии. Автомашина ГАЗ-24 остановилась непосредственно у ворот и препятствовала движению транзитного транспорта на паромную переправу. На его неоднократные требования убрать автомашину, участники похорон не реагировали и своими действиями в течение длительного времени, более трех часов сорвали движение на паромной переправе. Сыновья покойного, к которым обращались по именам Мустафа и Асан продолжали выкрики антисоветского содержания и призывали участников похорон не расходиться, требуя пропустить их, говорили, что труп надо захоронить до заката солнца. На требования прибывшего из города Керчи заместителя начальника УВД Денисова прекратить беспорядки также не реагировали. Автомашину ГАЗ-24 и другие автомашины от ворот убрали только после того, как на переправу приехали начальник Абинского РОВД и командир дивизиона ДПС города Абинска Головкин Н. Д.

т. 5 л. д. 48-50.

Свидетель Зайцев В. П. показал, что в связи с поступившим сообщением из поста ГАИ «Рубеж» о попытке группы лиц перевезти труп в Крымскую область без гроба и соответствующих документов и последующих сообщений инспектора ДПС Мороза П. Н. о том, что группа участников похорон проявляет все большую агрессивность, совместно с секретарем райисполкома Кулиш М. Н. он выехал на место. Получив информацию от Мороза об антисоветских выкриках, он принял решение сообщить о происшествии РОУКГБ Грузину Г. Г. По дороге, пересев в

автомашину инспектора ДПС Гудзь, около 13 часов поехали к посту ГАИ. По прибытию на место он увидел, что вокруг поста стоит группа лиц 30-35 человек. С одной стороны поста стояло 8 легковых автомашин. Труп в завернутом виде находился в автомашине ГАЗ-24. Он разъяснил участникам похорон, что согласно санитарным правилам, труп должен перевозиться только в гробах, но они на это не реагировали, вели себя агрессивно, из толпы раздавались выкрики антисоветского содержания, с требованиями пропустить их для захоронения трупа до заката солнца. Особенно активно действовали сыновья покойного Мустафа и Асан. На его взгляд оба они руководили группой и довольно умело. Как только из их предложением вопрос¹ о перевозке трупа без конфликта, Асан начинал что-то говорить, иногда по-русски и тогда в толпе начинались волнения. Чувствуя, что обстановка накаляется он решил доложить в УВД и попросить помощь. Секретаря райисполкома Кулиш М. И. участники похорон тоже не слушали. Видя, что их не пропускают с трупом, по команде Асана толпа разделилась, часть продолжала блокировать пост ГАИ и его с группой сотрудников милиции, а другая часть с выкриками и угрозами вытащила сверток с трупом и на руках понесла его в сторону паромной переправы. Об этом сообщили сотрудникам Керченского ЛОВТ, несущих службу на переправе и попросили задержат эту группу, а сам вместе с другими работниками милиции выехал на паромную переправу, чтобы не допустить нарушения общественного порядка. Автомашины участников похорон блокировали переправу, к воротам, которые были закрыты, они подъехали вплотную и требовали пропустить их. Братья Джемилевы обращались к собравшимся у переправы гражданам с антисоветскими заявлениями, выкрикивая, что все это заранее спланированная провокация. На разъяснения прибывшего из Керчи Денисова они также «не реагировали и пытались спровоцировать граждан на участия в беспорядках. Однако, люди выслушав объяснения работников милиции, не поддержали участников похорон, предлагали им не нарушать общественный порядок, т. к. своими действиями мешают работе переправы, а на берегу скопилось много детей и женщин, желающих переправиться на другой берег пролива. Только после указания Джемилева Мустафы, примерно в 18 часов они убрали свои автомашины, выехали в станицу Тамань, где и похоронили покойного.

т. 5 л. д. 54-65.

Аналогичные показания дал свидетель Кулиш М. И. — секретарь исполкома Темрюкского районного совета народных депутатов и в частности пояснил: «Среди этой группы были несколько человек, которые предлагали решить вопрос без конфликта, вели себя вежливо. Но сыновья покойного сразу же обрывали их с призывами не слушать работников милиции. И в толпе опять начинались волнения, из толпы начинали выкрикивать разные непристойные слова, обвинять во всем советское правительство и руководителей партии. В подобных высказываниях антисоветского характера особенно отличались сыновья покойного».

т. 5 л. д. 66-70.

Прибывшие для оказания помощи на паромную переправу сотрудники отдельного дивизиона дорожного надзора милиции УВД Краснодарского крайисполкома Дереев Г. Г., Зубов Н. Г., Гусельников С. А., и заместитель начальника УВД Керченского

¹ Похоже, на опечатку. Видимо имелось в виду: «...Как только им предлагали решить вопрос...»

горисполкома Денисов А. Ф., будучи допрошенными в качестве свидетелей, полностью подтвердили обстоятельства организации и активного участия Джемилева М. и Джемилева А. в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, изобличив их в совершенном преступлении.

т. 5 л. д. 71-75, 76-79, 106-109, 124-126.

При предъявлении для опознания личности свидетели Мороз, Гудзь, Зайцев, Кулиш, Дереев, Зубов, Гусельников и Денисов опознали Джемилева М. и Джемилева А. как подстрекателей и активных участников групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок, сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти и повлекшее нарушение работы транспорта.

т. 5 л. д. 147-178.

Допрошенная в качестве свидетеля диспетчер Керченской паромной переправы Кулагина Г. Д, показала, что 5 июня 1983 года в 15 часов дежурная порта «Кавказ» Волошина сообщила ей по телефону, что к воротам переправы подъехала автомашина ГАЗ-24, в которой находится завернутый в материал труп. В связи с тем, что труп перевозился без цинкового гроба, у сопровождающих его лиц не было разрешения на его перевоз в Крым, водителю автомашины было предложено отъехать в сторону от ворот и подождать оформления до решения вопроса о возможности перевоза трупа с администрацией переправы и местными органами власти. Она дала указание Волошиной не оформлять провоз автомашины с трупом до тех пор, пока не будет решен вопрос с гробом, и попросила ее передать об этом лицам, намеревающимся осуществить перевозку трупа. Через некоторое время позвонила ей и сказала, что эти люди не реагируют на требование освободить ворота и не мешать нормальной работе переправы в перевозке автотранспорта. Они с криками ходили, требовали переправить автомашину с трупом в Крым. Такая обстановка оставалась в течение 4-х часов до 19 часов. В результате действий этих лиц паромная переправа не работала, а паром «Керченский-2» простоял в порту «Кавказ» 1 час 14 минут. Она звонила также кассиру Рудневой и просила не оформлять билеты, пока не будут соблюдены все правила перевозки трупа.

т. 5 л. д. 129-130.

Аналогичные показания дали свидетели Руднева В. З. — кассир Керченской паромной переправы и Иванов М. Г. — старший помощник капитана «ПЛ-Керченский-2».

т. 5 л. д. 127-128, 131.

Согласно письму от 09.06.83 г. за № Н/809 Керченской паромной переправе причинен материальный ущерб на сумму 190 рублей.

т. 5 л. д. 2.

Из пункта 2.6 «Санитарных правил устройства и содержания кладбищ», утвержденных заместителем Главного государственного санитарного врача СССР 10.02.1977 года № 1600.77 усматривается, что перевозка или переноска умерших к местам захоронения совершается как правило в гробах.

Пунктами 2.7 «б», 2.9 и 2.11 этих же Правил предусмотрено:

— Перевоз трупа умершего должен производиться в гробу, на дно которого необходимо положить вещества, хорошо впитывающие влагу.

— Перевозка трупов умерших к месту погребения (в случаях, когда смерть последовала не по месту жительства покойного) разрешается любым транспортным средством (железнодорожный, авиационный, автомобильный и др.) по получении специального разрешения на перевоз от соответствующего транспортного ведомства.

— При перевозке умершего железнодорожным или авиационным транспортом труп должен быть помещен в цинковый гроб, герметично запаянный, изнутри заполненный веществом, впитывающим влагу. Металлический гроб помещается в деревянный, плотно склоченный ящик, для транспортирования в багажном отделении.

т. 5 л. д. 133-140.

Такой же порядок перевозки трупов предусмотрен инструкцией «О порядке захоронений и содержании кладбищ, в населенных пунктах Украинской ССР» РДН 204 УССР 007-79.

Кроме того, согласно пункту 3.1.9 этой Инструкции при перевозке умершего железнодорожным, авиационным или водным транспортом труп должен быть помещен в оцинкованный герметично запаянный гроб, изнутри заполненный веществом, впитывающим влагу. Металлический гроб помещается в деревянный ящик-контейнер для транспортировки в багажном отделении.

т. 5 л. д. 141-146.

Обвиняемый Джемилев М. по существу данного вопроса показал, что на посту ГАИ и паромной переправы с самого начала инцидента никто из представителей милиции и властей не предъявлял к ним претензий относительно соблюдения санитарных норм. Никто из них даже не пытался осмотреть в каком состоянии они везут покойника. Но даже если и были бы выдвинуты подобные доводы, то они были бы несостоятельны. Ими была предъявлена представителям власти справка из санэпидемстанции г. Абинска, где говорилось, что труп забальзамирован и, следовательно, перевозка его не представляет никакой опасности с точки зрения медицины. В справке также говорилось, что труп разрешается вывозить для похорон за территорию Абинского района Краснодарского края.

т. 5 л. д. 194-199.

Однако доводы М. Джемилева не состоятельны и, кроме показаний вышеперечисленных свидетелей, опровергаются:

Показаниями свидетеля Добровольского А. В. — санитарного врача Абинской районной СЭС, который пояснил, что 5 июня 1983 года, примерно в 7 часов утра к нему на квартиру пришли двое мужчин, один из них его знакомый Сеитвелиев Риза и спросил, кто выдает справки на вывоз трупа. Он поехал с ними к сотруднице районной СЭС Шаман Д. Р., которая написала черновик справки, сказав, что необходимо ее подписать и заверить. Приехав на работу, он проверил паспорта и свидетельство о смерти умершего, из которого усматривалось, что смерть наступила в больнице города Новороссийска. Причина смерти: «Аденома предстательной железы». После того он выдал справку с примерным содержанием: «Дана гр. Сеитвелиеву Р. на право вывоза трупа гр. Абдулджемиля за пределы Абинского района т. к. смерть наступила не от инфекционного заболевания».

После чего им было сказано, что надо труп вывозить только в гробу. Перевозка трупов в гробах предусматривается санитарными правилами, утвержденными зам. Главного Санитарного врача СССР от 10.02.1977г. и выполнение этих требований является обязательным для всех. Перевозка трупов на значительное расстояние в завернутом виде материалом недопустимо ввиду того, что процессы разложения ускоряются и особенно в летнее время. Для этого и предусмотрена перевозка трупов в плотно заколоченных гробах, дно которых должно быть засыпано веществом, впитывающим влагу.

т. 5 л. д. 104-105.

Допрошенный в качестве свидетеля Сеитвелиев Р. С. о причинах невыполнения законных требований представителей власти, в частности, показал: «Если бы на месте нам показали такой документ (Правила), мы бы вернулись и похоронили покойника в Абинске. Так как они нам такого документа не называли, мы требовали пропустить нас».

т. 5 л. д. 90-93.

Свидетель Аметов И. Г. показал: «Если и существуют правила перевозки трупов только в гробах, в данном случае они не могут быть обязательными для крымских татар, т. к. мы являемся мусульманами суннитского толка и наша религия предусматривает захоронения в саване без гроба».

т. 5 л. д. 110-113.

Аналогичные показания дал свидетель Асанов А., на автомашине которого осуществлялась перевозка трупа.

т. 5 л. д. 94-98.

III

Обвинение Джемилева Мустафы по ст.190-1 УК РСФСР в изготовлении и распространении обращения в организацию «Исламская конференция».

После совершения данного преступления М. Джемилев от имени 25 участников похорон, составил и распространил клеветническое обращение в организацию «Исламская конференция».

т. 5 л. д. 28-32.

На допросе обвиняемый Джемилев М. отрицал авторство в составлении этого обращения и показал: « Я слышал, что несколько участников похорон подписали и отправили обращение по этому вопросу в организацию «Исламская конференция» и в Президиум Верховного Совета СССР.

т. 5 л. д. 194-199.

Показания Джемилева М. в этой части также опровергаются материалами дела.

Так, допрошенные в качестве свидетелей Абдуллаев И., Сеитвелиев Р., Асанов А., Бариев А., фамилии которых значатся в обращении, показали, что

этот документ составлялся всеми участниками похорон коллегиально. Однако, от ответа где, когда и при каких обстоятельствах был составлен и направлен адресату этот документ, они уклонились и дали противоречивые показания. А свидетель Аметов И. отказался отвечать на поставленный вопрос.

т. 5 л. д. 45-47, 90-93, 94-98, 110-113, 121-123.

Свидетели Азаматова А., Усеинов Ф., Чайлак Р., Измаилов Р., Джемилев Анафи, Томаков А., фамилии которых также значатся в «Обращении», показали, что о его подготовке и направлению адресату им ничего неизвестно и согласия поставить их подписи под этим документом никому не давали.

т. 5 л. д. 42-44, 85-89, 99-101, 187-188, 191-193.

Как видно из заключения судебно-автороведческой экспертизы автором «Обращения» в организацию «Исламская конференция» является Джемилев Мустафа.

т. 4 л. д. 186-187.

5 октября 1983 года полный текст клеветнического обращения в организацию «Исламская конференция» был передан радио «Свобода» на русском языке.

т. 4 л. д. 215-223.

VI

Личность обвиняемого Джемилева Мустафы

В биографии Джемилева М. обращают на себя внимание неоднократные судимости.

В 1966 он был осужден за уклонение от службы в Советской Армии; в 1970 и в 1976 годах — за изготовление и распространение документов, порочащих советский государственный и общественный строй; в 1974 — за уклонение от военных сборов; в 1979 году — за нарушение правил административного надзора.

т. 4 л. д. 266-291.

Из характеристики, представленной из Янгиюльского производственного управления «Водоканал», где Джемилев работал слесарем с 11 февраля по 30 ноября 1983 года, усматривается, что за указанный период административных взысканий не имел. На протяжении своей работы в воскресные дни не работал, во время ночных аварий участия не принимал. В общественной жизни коллектива не участвовал.

т. 4 л. д. 294.

Ярким примером характера и взглядов Джемилева М. может послужить его переписка с несовершеннолетней дочерью от первого брака Сафие.

Джемилев на протяжении длительного времени методически «обрабатывал» дочь Сафие, пытаясь разжечь в ней ненависть к советскому государству и его общественным организациям. Так, в одном из писем она поделилась с ним радостью по поводу вступления в ряды пионеров: «...А самая моя большая

радость — это что меня приняли в пионеры. А в этом году меня выбрали председателем совета отряда».

т. 2 л. д. 197.

В письме от 29.09.79 г. Джемилев М. ответил дочери: «Скажи, пожалуйста, почему это доставило тебе такую большую радость? Только потому, что тебе на шею завязали кусок красной материи... Гораздо больше было бы повода для радости, если бы ты как-то сумела бы не поступить в эти самые пионеры... А то, что ты у меня не глупая, я не сомневаюсь, не зря же ты победила в шашки разных там комсомольцев».

т. 2 л. д. 204.

В ответном письме Сафие среагировала на это следующим образом: «Ваше письмо получила и сильно удивилась. Я вам писала про пионерство и думала, что вы будете радоваться вместе со мной. А вы наоборот. Какой тогда вы мне бабай. Я теперь вообще про свои школьные дела писать не буду».

т. 2 л. д. 197.

В ряде последующих писем Джемилев М. продолжал упрекать свою дочь за ее вступление в пионеры.

т. 2 л. д. 197-211.

В частности, в письме от 31.10.79 г. он, вновь коснувшись этого вопроса, написал: «...А если меня это не обрадовало, то, выходит, я тебе вовсе не отец?... Интересно, что же ты заявишь своему отцу, когда у тебя в жизни произойдет еще одна, самая большая радость — когда тебя запишут в комсомолы? Видимо, не только отречешься от отца, но и скажешь, что таких «отсталых и несознательных» надо бы в тюрьму».

т. 2 л. д. 206.

Близкий друг и единомышленник Джемилева М. — Джемилев Решат в своих мемуарах под заглавием «Наши будни» охарактеризовал друга следующим образом: «Честолюбие Мустафы взяло верх и он стал забывать о приличии и необходимости уважать своих друзей. В этом, по-видимому, повинны мы — его друзья, слишком высоко вознесшие его имя. В этом, нужно признаться, виновен в основном я».

т. 1 л. д. 53-72.

На основании изложенного:

Джемилев Мустафа — 13 ноября 1943 года рождения, уроженец села Айсерез, Судакского района Крымской области, гр. СССР, по национальности татарин, образование незаконченное высшее, б/п, женатый, работавший в Янгиюльском производственном управлении «Водоканал» слесарем, военнообязанный, ранее судим 5 раз, прож. Ташкентская область, г. Янгиюль, ул. Чарикова, 78-а,

обвиняется в том, что он, будучи ранее 5 раз судимым, из них дважды за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский

государственный и общественный строй, должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и вновь совершил преступления.

На протяжении последних лет он же систематически в устной, письменной и печатной формах распространял заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему, как на территории Советского Союза, так и за рубежом.

С 1977 года до настоящего времени Джемилев М. поддерживал связь с действующим в Нью-Йорке «Комитетом за возвращение крымских татар на свою родину» или так называемым «Национальным центром крымских татар», осуществляющим подрывную деятельность, направленную на опорочение социалистического строя и подрыв авторитета Советского Союза на международной арене. Для реализации своих идей и политических целей «Национальный центр» создал так называемый «Фонд Крым». В 1980 году «Фонд Крым» издал книгу «Шесть дней», в которой помещено клеветническое «Обращение к мировой общественности», составленное и направленное в «Национальный центр» Джемилевым.

26 сентября 1982 года Джемилев М. при содействии жителя г.Москвы Шустера А. переслал за рубеж копию своей жалобы Генеральному прокурору СССР. 1 мая 1983 года эта жалоба, содержащая тенденциозное освещение положения крымских татар в СССР, была передана радиостанцией «Свобода».

В 1979 году Джемилев М. направил автору изданной за рубежом антисоветской книги «Карательная медицина» А. Подрабинеку заведомо ложную информацию о якобы мучительном положении содержащегося в Учреждении УЯ 64/пб МВД УзССР, признанного невменяемым Рождествова В., которая была опубликована Подрабинеком в самиздатовском «Информационном бюллетене» №21 рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» от 17 февраля 1980 года.

В 1979 году Джемилев М. во время пребывания в ссылке в Якутской АССР дал поручение приехавшему к нему Гани Мустафаеву создать молодежную группу для поездки в Москву во время Олимпиады-80 с целью совершения там замышляемых группой «Хельсинки» провокационных акций, привлекающих внимание иностранцев.

12 января 1980 года Джемилев М. направил А. Д. Сахарову письмо, в котором назвал интернациональную помощь Советского Союза Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать его фамилию в числе подписавшихся под «протестом» против ввода ограниченного контингента советских войск в ДРА. В соответствии с просьбой Джемилева его фамилия была поставлена под распространенным московской группой «Хельсинки» документом №119, содержащим обвинения в адрес Советского правительства по поводу якобы развязанной несправедливой войны в Афганистане.

Кроме того, Джемилев М. присоединился к числу подписавшихся под документом № 58 от 16 августа 1978 года, озаглавленном «10 лет спустя», в котором говорится о «репрессивном характере советского режима», одобряются антисоциалистические силы в ЧССР, утверждается, что будто бы советскими войсками в августе 1968 года была подавлена свобода в этой стране.

5 декабря 1981 года Джемилев М. написал: «Обращение ко всем мусульманам мира», в котором просит выступить в защиту А. Д. Сахарова и его жены Е. Боннер, при этом, возводя клевету на органы власти, описывая в намеренно ложном свете их положение, просит мусульман всего мира выступить в их защиту.

26 октября 1981 года Джемилев М. направил письмо в японскую радиовещательную корпорацию «Эн Эйч Кей», в котором, выступая от имени советского радиослушателя приветствует территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и её деловых кругов, направленные против интересов СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и Советского Союза. Кроме того, он утверждает, что Советское государство якобы не соблюдает принципов добрососедства и проводит агрессивную политику.

В 1983 году Джемилев М. занимается размножением отдельных отрывков из книги В. Маркмана «На краю географии», в которой возводится клевета на политику КПСС в национальном вопросе, на Советское государство в целом и на его отдельные органы.

При обыске в доме у Джемилева М. обнаружен и изъят подготовленный для размножения фотонегатив документа «Положение мусульман в России», в котором содержатся злобные клеветнические нападки на Советскую власть, которая якобы продолжает колониальную политику царского самодержавия.

Он же размножил и распространил, полученную им от жителя Турции Хакана Крымлы поэму «Бахчисарайский фонтан», порочащую советскую действительность.

Он же прослушивал и записывал на магнитофон, а затем печатал на пишущей машинке тексты передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», с выступлениями П. Григоренко, А. Сейтмуратовой и других, которые сводились к извращению миролюбивой сущности внешней политики КПСС и обвинению Советского Союза в «агрессивности».

В 1983 году Джемилев подготовил и распространил «Обращение к главам государств участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». В нем Джемилев утверждал, что и при Советской власти в отношении крымских татар якобы продолжается политика царского самодержавия, возводит клевету на советский государственный и общественный строй, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 191-4 УК УзССР.

5 июня 1983 года Джемилев М. при перевозке трупа своего отца Абдулджемила Мустафы-оглу из г. Абинска Краснодарского края для захоронения на территории Крымской области, совместно со своим братом Джемилевым Асаном спровоцировали и приняли активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.

Участники похорон при следовании в сторону Керченской паромной переправы на нескольких легковых автомашинах, в одну из которых, в нарушении требований санитарных правил перевозки трупов, положили труп покойного без гроба, были остановлена на посту ГАИ «Рубеж» инспектором ДПС УГАИ Краснодарского крайисполкома Мороз П. И. На отказ Мороза П. И. пропустить группу участников похорон к паромной переправе в связи с несоблюдением ими требований санитарных правил перевозки трупов, они не подчинились и, допуская провокационные выкрики антисоветского характера, требовали пропустить их, провоцируя конфликтную ситуацию. О создавшейся обстановке инспектор ДПС Мороз доложил руководству ОВД Темрюкского района, на территории которого дислоцируется пост ГАИ «Рубеж». На неоднократные разъяснения прибывших на место представителей районного отдела милиции и райисполкома, о невозможности перевозки трупа в таком состоянии, участники похорон, подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, не реагировали и, подхватывая допускаемые последними провокационные заявления антисоветского содержания, не подчинились их законным требованиям. После чего

участники похорон, игнорируя требования представителей милиции и райисполкома, поехали к переправе, где подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, грубо нарушая общественный порядок, требовали пропустить их на паром. Заблокировав автомашинами проезд на территорию переправы, участники похорон продолжали грубо нарушать общественный порядок. На неоднократные требования работников милиции и переправы убрать автомашины от ворот и не мешать въезду и выезду автотранспортных средств, участники похорон не реагировали. Джемилев Мустафа и Джемилев Асан, продолжая разжигать среди участников похорон ненависть и озлобление, подстрекали их к действиям, нарушающим общественный порядок, призывая не выполнять законные требования представителей власти.

В результате преступных действий Джемилева Мустафы и Джемилева Асана, была нарушена работа Керченской паромной переправы и переправа не имела возможности осуществлять перевозку автотранспортных средств в течение 4 часов. По причине невозможности выезда автотранспорта из прибывшего парома «Керченский-2», последний простоял в ожидании выгрузки и погрузки в течение 1 часа 15 минут, чем причинен ущерб Керченской паромной переправе на сумму 190 рублей.

То есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-3 УК РСФСР.

Используя это инцидент, Джемилев Мустафа составил и распространил клеветническое обращение в организацию «Исламская конференция» в форме жалобы группы мусульман татарской национальности к своим зарубежным единоверцам на якобы «незаконные» и «бесчеловечные» действия работников милиции и Керченской паромной переправы. В документе Джемилев не ограничился этим фактом, а перейдя к обобщениям подчеркнул, что «действия властей на похоронах 5 июня 1983 года являются лишь одним эпизодом, иллюстрирующим их пренебрежение к религиозным чувствам и национальным обычаям» советских граждан. Далее Джемилев М. с клеветнических позиций констатирует: «Нашему народу уготовлена участь русификации, утеря своей национальной культуры и самобытности... Мы обращаемся ко всем единоверцам, ко всем людям доброй воли поднять свой голос в защиту наших суверенных прав... В нашей стране свобода вероисповедания не охраняется законом».

То есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР.

Настоящее уголовное дело на основании ст. 185 УПК Узбекской ССР подлежит передаче прокурору города Ташкента для утверждения обвинительного заключения и направления дела в суд по подсудности.

Старший следователь прокуратуры
города Ташкента
юрист 2 класса

В. А. Азарян

СПИСОК
лиц, подлежащих вызову в судебное заседание

Обвиняемый

1. **Джемилев Мустафа** – содержится в Учреждении УЯ/Из-1 УИГУ МВД УзССР.
т. 1 л. д. 77-79,
т. 2 л. д. 32-36, 241-245,
т. 3 л. д. 108-111,
т. 4 л. д. 141-150, 259-265,
т. 5 л. д. 194-199.

Свидетели

1. **Алядинов Шамиль Сеитович** – г. Ташкент, Ц-1, д. 8, кв. 23
т. 3 л. д. 81-82.
2. **Муратов Решит Мустафаевич** – г. Ташкент, м-в Чиланзар, квл. 6, д. 41, кв.60
т. 3 л. д. 83
3. **Мустафаев Гани Эдемович** – Ташкентская область, г. Янгиюль, переулок Родниковый, д. 37.
т. 3 л. д. 147-148
4. **Аблязизов Дилявер Сулейманович** – Ташкентская обл., г. Янгиюль, ул. Паива, д. 20
5. **Сеитвапов Эбазер Мустафаевич** – г. Симферополь, ул. Скалистая, 68.
т. 4 л. д. 134-135, 137-139.
6. **Гудзь Виктор Петрович** – Краснодарский край, г. Темрюк, ул. Таманская, д. 56, кв. 32.
т. 5 л. д. 48-50.
7. **Мороз Петр Иванович** – Краснодарский край, станица Титаровская, переулок Железнодорожный, д. 5.
т. 5 л. д. 51-53.
8. **Зайцев Владимир Петрович** – Краснодарский край, г. Темрюк, ул. Таманская, дом 56 «б», кв. 4.
т. 5 л. д. 54-65.
9. **Кулиш Михаил Иванович** – Краснодарский край, г. Темрюк, ул. Ленина, д.34, кв. 2.
т. 5 л. д. 66-70.
10. **Дереев Геннадий Григорьевич** – Краснодарский край, г. Абинск, ул. Лермонтова, д. 25-а.
т. 5 л. д. 71-75.
11. **Зубов Николай Георгиевич** – Краснодарский край, г. Абинск, ул. Ленина, д.7.
т. 5 л. д. 76-79.
12. **Денисов Адольф Федорович** – гор. Керчь, ул. Ген. Петрова 20, кв. 22.
т. 5 л. д. 124-126.

13. **Кулагина Галина Дмитриевна** – г. Керчь, ул. Ярошенко, 6 кв. 4.
т. 5 л. д. 129-130.
14. **Добровольский Анатолий Владимирович** – Краснодарский край, г. Абинск, проспект Комсомольский, д. 76, кв. 5.
15. **Абдуллаев Икмет Муртазаевич** – Краснодарский край, пос. Сенный, ул. Привокзальная, д. 25.
т. 5 л. д. 45-47.
16. **Сеитвелиев Риза Сеитхалилович** – Краснодарский край, г. Абинск, ул. Красноармейская, дом 46.
т. 5 л. д. 90-93.
17. **Асанов Амет** – Краснодарский край, г. Абинск, ул. Молодежная, 21
т. 5 л. д. 94-98.
18. **Бариев Айдер** – Краснодарский край, Крымский район, пос. Нижняя Баканка, ул. Комиссарская, д. 57.
т. 5 л. д. 121-123.
19. **Джемилев Анафи** – гор. Ташкент-102 кв-л 9, д. 50, кв. 1.
т. 5 л. д. 187-188.
20. **Томаков Амет-Мустафа** – Сырдарьинская область, гор. Гулистан, ул. Лермонтова, дом 35.
т. 5 л. д. 192-193.

Справка

1. Уголовное дело возбуждено и принято к производству 16 июля 1983 года.
2. Обвинение Джемилеву М. предъявлено 21 июля 1983 года; перепредъявлено 30 ноября 1983 года.
3. Мера пресечения – заключение под стражу в отношении обвиняемого Джемилева — избрана 30 ноября 1983 года.
4. По делу предъявлен гражданский иск Керченской паромной переправы.
5. К делу приложены изъятые при обыске в доме Джемилева М. типографные шрифты в количестве 380 единиц, 10 отрезков фотопленки, 10 магнитных лент.
6. Следствие окончено 23 декабря 1983 года.

Старший следователь прокуратуры
города Ташкента
юрист 2 класса

(подпись) В. А. Азарян.

Запись судебного процесса

**День первый.
3 февраля 1984 года**

Зал судебных заседаний Ташкентского городского суда.

В 10 часов утра конвоиры с автоматами наперевес вводят Мустафу Джемилева в зал, препровождают его за барьер для подсудимых и снимают с него наручники.

Зал наполовину заполнен милиционерами, солдатами и различными чинами в военной форме, которые занимают передние ряды стульев. В задних рядах в «шахматном порядке» сидят несколько человек различного возраста и пола в штатском, но преимущественно молодые и упитанные.

Через некоторое время входит секретарь суда, расставляет на столе папки с материалами дела и дает знак милиционерам у двери, чтобы впускали и остальную публику. Входят родственники, друзья и близкие подсудимого. Пропустив около полутора десятка человек, милиционеры пытаются закрыть двери, ссылаясь на то, что в зале больше нет мест. Слышатся возмущенные возгласы и требования, чтобы в таком случае вывели из зала хотя бы штатских гебистов, которых впустили задолго до начала суда.

Входят судьи, прокурор. Секретарь просит всех встать: суд идет.

Шум, требования впустить в зал суда и перепалка с милиционерами возле двери продолжают. По распоряжению судьи Г.Петросян впускают еще несколько человек, и двери закрываются. Так что суд можно считать полуоткрытым, поскольку примерно половину мест в зале занимает и свободная публика.

Секретарь докладывает, что подсудимый доставлен, присутствуют прокурор, адвокаты.

Председательствующая Г. Петросян (далее «судья») задает М.Джемилеву несколько формальных вопросов относительно анкетных данных, прежних судимостей, месте работы и должности до ареста, выясняет дату вручения ему обвинительного заключения, интересуется также его знанием русского языка.

На вопрос о языке М. Джемилев отвечает, что предпочел бы говорить на крымскотатарском языке, если суд может обеспечить квалифицированным переводчиком.

Судья говорит, что в этом нет необходимости, так как подсудимый получал образование на русском языке, на этом же языке писал инкриминируемые ему документы и давал показания на предварительном следствии — так что владеет русским языком отлично.

Д ж е м и л е в: Ну и не надо тогда задавать праздных вопросов.

С у д ь я: Вы нас не учите, какие задавать вопросы. Такой вопрос положено задавать согласно процессуального кодекса.

Д ж е м и л е в: Ну, если строго по кодексу, то я вам заявляю, что хочу воспользоваться своим правом говорить на родном языке и прошу обеспечить меня квалифицированным переводчиком.

Судья начинает укорять Джемилева, что он преднамеренно пытается затянуть процесс и создать дополнительные сложности, занимается крючкотворством и т. п.

Наконец Джемилев соглашается снять свое требование о переводчице и добавляет, что во избежание дополнительных сложностей судье тоже следовало бы несколько сбавить свой задиристый тон.

В зале суда происходит некоторая перепалка, поскольку один из штатских попытался вырвать из рук родственницы подсудимого — Джемилевой Эдие бумагу. На вопрос судьи, что там происходит, штатский пожаловался, что эта гражданка незаконно ведет запись процесса.

Судья: Здесь запрещается вести записи. Замеченные будут выведены из зала.

Эдие Джемилева: У меня вопрос. Есть ли в кодексе статья, запрещающая вести записи?

Судья: Вы не вправе задавать нам вопросы, а мы не обязаны вам отвечать. Такая статья есть. А вы выйдите из зала.

Джемилев: В уголовно-процессуальном кодексе нет такой статьи. Но если я ошибаюсь, то прошу назвать номер этой статьи и процитировать.

Судья: Но нет и статьи, разрешающей ведение записи посторонними, а порядок в зале устанавливается председательствующим. Все присутствующие в зале должны подчиняться распоряжениям председательствующего.

Джемилев: Это если распоряжения основаны на законе, а не любым произвольным решениям или прихотями председательствующего. Я прошу записать в протокол, что протестую против незаконного запрета председательствующей относительно ведения записей.

Судья: Вы не указываете секретарю. Мы сами знаем, что записывать или не записывать в протокол.

Джемилев: Это не совсем так. В статье 241 УПК УзССР говорится, что по ходатайству участников процесса в протокол обязательно заносятся заявления о любых обстоятельствах, возникающих в ходе процесса.

Судья вновь повторяет, что ведение записей на процессе посторонними запрещается, но уже не настаивает на том, чтобы Эдие Джемилеву вывели из зала. Милиционеры, направившиеся было к Эдие Джемилевой, нерешительно останавливаются на полпути, а затем отходят в сторону. Садятся на свои места и несколько крымских татар, которые собрались было воспрепятствовать милиционерам, при их попытке насильственно вывести родственницу М. Джемилева из зала.

Прокурор задает подсудимому несколько вопросов по поводу образования, места работы и занимаемой должности жены подсудимого, а также о его родителях.

Судья перечисляет вызванных на процесс свидетелей, но сообщает, что они вызваны к 6 февраля. Затем она спрашивает мнение сторон по поводу возможности начать слушание дела. Возражений со стороны участников процесса не последовало.

Объявляется состав участников процесса: председательствующий Г. Петросян, народные заседатели Х. Алиев и К. Гукало, государственный обвинитель — старший помощник прокурора г. Ташкента Г. Умарова, адвокаты Х. Халилов (нанятый родственниками подсудимого) и Алиджанов (назначенный судом).

Судья спрашивает у подсудимого и у адвокатов, нет ли у них отводов к составу суда, прокурору и секретарю. Адвокаты отводов не имеют. Джемилев также не заявляет отводов, но выражает недоумение по поводу того, что в зале находятся адвокаты, так как еще два дня назад он письменно уведомлял председательствующего об отказе от услуг адвоката и намерении защищаться самому.

С у д ь я: Вы писали, что отказываетесь от услуг адвоката Халилова. Поэтому суд назначает вам другого адвоката.

Д ж е м и л е в: Вы не вправе кого-либо мне назначать. Согласно статье 43 УПК УзССР вы имели бы на это право, если предъявленное мне обвинение предусматривало бы смертную казнь. Кара по инкриминируемым мне статьям вроде бы так далеко не простирается.

Судья спрашивает мнение прокурора.

П р о к у р о р: Ну, раз сам подсудимый отказывается от адвоката и заявляет, что будет защищаться сам, я считаю возможным освободить адвокатов Халилова и Алиджанова от участия в процессе.

Судья перешептывается с заседателями и затем оглашает свое решение: удовлетворить ходатайство подсудимого об отказе от адвокатов и защищаться самому.

Д ж е м и л е в: Это не ходатайство, а напоминание о своем праве. Ходатайства будут позже.

Адвокаты Халилов и Алиджанов покидают зал.

Судья разъясняет права подсудимого, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом, и спрашивает у Джемилева, понятны ли ему его права.

Д ж е м и л е в: Разумеется, ведь не первый раз меня судят. Важно только, чтобы и судьи не забывали об этих моих правах.

Судья спрашивает, имеются ли у кого-либо из сторон ходатайства. Прокурор ходатайств не имеет.

Д ж е м и л е в: У меня есть несколько ходатайств.

Судья соглашается выслушать ходатайства, но, заметив, что они у Джемилева изложены письменно на нескольких листах, предлагает ему просто передать суду свои бумаги.

Д ж е м и л е в: Ну зачем же нам нарушать требованиям уголовно-процессуального кодекса насчет устности судопроизводства? А в письменной форме я могу передать вам лишь после оглашения.

С у д ь я: Ладно. Только давайте покороче.

Д ж е м и л е в: Покороче не получится. Будьте любезны выслушать все.

При обысках у меня и у некоторых граждан были изъяты машинописные экземпляры сборника, озаглавленного «События в Крыму», составителем которого являюсь я. Этот сборник содержит описания многочисленных беззаконий, совершенных властями в отношении крымских татар, возвратившихся или пытавшихся возвратиться на свою родину — в Крым. Следствие квалифицировало этот сборник как «клеветнический» и допрашивало по нему некоторых граждан, в частности, Аблаева Решата (том 4, листы дела 256-258), и Сеуову Сабрие (том 2, листы дела 168-169). Но следователь лишь интересовался вопросами о том, как и в каком количестве экземпляров был отпечатан этот сборник, кем и кому передавался для ознакомления и т.п. Содержание же сборника, то есть описанные в нем факты грубых нарушений прав крымских татар, совершенно не расследовались.

Как стало известно, этот сборник изъят следствием из настоящего дела и выделен для производства уголовного расследования в отношении Аблаева Решата, который является лишь автором предисловия к этому сборнику. Подобное действие следственных органов является совершенно противозаконным. Если органы считают сборник клеветническим, то ответственность за него и, следовательно, право на отстаивание достоверности содержания этого сборника должны быть возложены

на его составителя, то есть на меня, а не на человека, который написал к нему аннотацию или предисловие. Поэтому ходатайствую, чтобы сборник «События в Крыму» был истребован из прокуратуры и приобщен обратно к делу, а по изложенным в этом сборнике фактам было проведено судебное следствие.

Разумеется, проверить в судебном порядке все факты нарушений прав крымских татар, описанных в этом сборнике, будет затруднительно, потому что их слишком много. Но проверить хотя бы несколько вопиющих фактов выборочно (по выбору суда), полагаю, вполне возможно.

В этом сборнике, в разделе «Случаи самоубийств крымских татар в Крыму», имеется глава «Самосожжение Мусы Мамута». Достоверность изложенных в этой главе событий нужно проверить обязательно. Здесь повествуется о бесчеловечной травле властями семьи крымского татарина Мусы Мамута, завершившегося тем, что глава семьи облил себя бензином и заживо сжег себя в знак протеста против произвола властей.

Необходимость расследования событий, связанных с самосожжением Мусы Мамута, диктуется еще и тем, что следствие рассматривает как клеветнический документ и обращение «К мировой общественности», которое было написано мной в 1977 году в связи с этим трагическим событием и вообще положением крымских татар в Крыму.

В связи с обращением «К мировой общественности» и событиями, послужившими основой для написания этого обращения, ходатайствую также допросить Джемилева Решата, считающегося автором сборника документов о самосожжении Мусы Мамута под заголовком «Факел над Крымом». Следователь утверждал, что Джемилев Решат не мог быть допрошен на предварительном следствии, так как находится на лечении. Но сейчас Джемилев Решат выписался из лечебного учреждения, проживает в Ташкенте по адресу Проспект Дружбы народов, дом 6 «в», квартира 263 и вполне может быть вызван на судебный процесс.

Джемилев Решат также должен быть допрошен по поводу его так называемых «мемуаров» под заголовком «Наши будни», которые цитируются в обвинительном заключении. Он также подлежит допросу по поводу книги В. Маркмана «На краю географии», изданной в 1978 году в Иерусалиме, так как я обвиняюсь в том, что перепечатывал из этой книги фрагменты, где повествуется о положении Джемилева Решата в лагере Красноярского края.

В инкриминируемом мне другом обращении «Ко всем мусульманам» говорится о трагическом положении академика А.Д. Сахарова и его супруги Е. Боннер в декабре 1981 года ввиду объявленной ими голодовки в знак протеста против незаконных действий властей. Это обращение обвинение квалифицирует как клеветническое и обосновывает это тем, что согласно сообщений официальной советской прессы положение академика А.Д. Сахарова в г. Горьком, дескать, прекрасное и живет он там в полном спокойствии и безопасности. Сообщения прессы никак не могут служить юридическим доказательством и подлежат всесторонней проверке. Поэтому ходатайствую по поводу достоверности информации, содержащейся в моем обращении «Ко всем мусульманам», вызвать и допросить в качестве свидетелей А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннер, проживающих по адресу: г. Горький, ул. Гагарина, 214, кв.3...

С у д ь я (перебывает): Если вы ходатайствуете о вызове дополнительных свидетелей, вы можете перечислить их фамилии и указать по какому именно

эпизоду предъявленного вам обвинения они должны быть допрошены. В подробностях нет необходимости.

Д ж е м и л е в: Ходатайства должны обосновываться, таково требование процессуального кодекса. В случае отказа удовлетворить какое-либо из моих ходатайств, надеюсь, вы тоже достаточно внятно и подробно обоснуете свой отказ.

По поводу моего письма Александру Подрабинеку от 4 ноября 1979 года о положении Рождествова В.П. в Ташкентской спецпсихбольнице на следствии был допрошен в качестве свидетеля Лазаренко В.М. (том 3, л.д.141-143), содержащийся в этом же учреждении вместе с Рождествовым В.П. Поскольку мое письмо А.Подрабинеку по поводу положения Рождествова В.П. обвинение считает клеветническим и даже обосновывает это утверждение показаниями Лазаренко В.П. и содержанием письма работников спецпсихбольницы, то в соответствии со статьей 37 Основ уголовного судопроизводства ходатайствую вызвать на процесс и допросить как Лазаренко В.П., так и упомянутых работников спецпсихбольницы.

В связи с утверждением обвинения, что я концентрирую у себя клеветнические материалы об использовании в СССР психиатрии в политических целях, я прошу вызвать на процесс Сеутова Сервера и Александрова Г.М., на которых ссылается обвинение ввиду того, что у меня при обысках были изъяты их письма и заявления на эту тему. Эти граждане были допрошены на предварительном следствии и в соответствии со статьей 223 УПК УзССР должны быть допрошены и на судебном процессе.

В обвинительном заключении говорится о том, что якобы я планировал или давал указание своим единомышленникам создать молодежную группу для поездки в Москву на Олимпийские игры 1980 года и совершения там каких-то акций, «привлекающих внимание иностранцев». Судя по контексту обвинительного заключения, осуществление этой идеи якобы было поручено мною главным образом Аблаеву Решату. При этом делаются ссылки на мое письмо на английском языке, якобы написанное из Якутии Аблаеву Решату, в котором затрагивается вопрос об акциях на «Олимпиаде-80». Для проверки этих утверждений обвинения ходатайствую вызвать на процесс и допросить также Аблаева Решата, который на следствии был допрошен трижды (том 2, листы дела 88-92, том 3, листы дела 153-154, том 4, листы дела 256-258).

Прошу также вызвать для допроса жителя г.Москвы Шустера А.А., который также был допрошен на предварительном следствии, и которому обвинение приписывает некое «посредничество» в деле поставки мне литературы зарубежного издания и отправления моих писем зарубежным адресатам.

Достоверность содержания подавляющего большинства документов и материалов, которые обвинением квалифицируются как клеветнические и в составлении или распространении которых я обвиняюсь, на предварительном следствии совершенно не расследовались. Были лишь проведены, да и то с грубым нарушением требований статьи 144 УПК УзССР, так называемые «экспертизы по содержанию материалов». Я считаю, что в заключениях этих экспертов имеется достаточно данных, свидетельствующих об их некомпетентности, пристрастности и нарушениях ими требований уголовно-процессуального кодекса при проведении своих «экспертиз». Поэтому, в соответствии со статьями 269-270 УПК УзССР, прошу вызвать для допроса на судебном процессе работников Института языка и литературы им. А.Пушкина АН УзССР Сарымсакова Б. и Хаккулова И., сделавших экспертное

закключение по содержанию поэмы «Бахчисарайский фонтан» турецкого поэта Шюкрю Эльчина (том 4, листы дела 161-164), а также зам. главного директора программы Узбекского телевидения Р.А. Шейнфельда, написавшего заключение по содержанию всех остальных инкриминируемых мне материалов и произведений (том 4, листы дела 172-184).

Для обоснования своих утверждений о криминальности вменяемых мне материалов и для компрометации людей, с которыми я поддерживал переписку или дружественные отношения, обвинение использует также газетные статьи Кадыева Роллана (том 3, листы дела 64, 207-209), А. Агатова-Петрова (том 3, лист дела 60) и Р. Сеитова (том 3, лист дела 62). То есть статьи за подписью этих лиц в официальной прессе используются в сущности как свидетельские показания. Поэтому я ходатайствую, чтобы эти лица были допрошены и здесь. Могут возникнуть некоторые затруднения при отыскании и вызове в суд упомянутого Р.Сеитова, чья подпись стоит под статьей «Слова гнева и презрения — отклики читателей на статью Р. Кадыева «Падение», опубликованной в «Правде Востока» за 7 июня 1981 года. Дело в том, что, как в свое время было установлено нами, гражданина по имени Р. Сеитов, якобы подписавшего эту статью, вообще не существует. Лживыми и недействительными оказались и многие ссылки в его статье на письма некоторых граждан крымскотатарской национальности, якобы направленные ими в редакцию «Правды Востока». Есть основания полагать, что Р.Сеитов — это разовый псевдоним какого-то работника органов. Поэтому для отыскания подлинного автора упомянутой статьи предлагаю обратиться в учреждение в г. Ташкенте по улице Ленинградская, то есть в Комитет госбезопасности УзССР.

Я располагаю также сведениями, что свою статью «Падение» Роллан Кадыев писал при отбывании наказания по обвинению в хулиганстве отнюдь не добровольно, вернее даже писал не сам, а только вынужден был подписать уже готовую статью в результате оказанного на него давления и шантажа. В этой связи прошу вызвать и допросить в качестве свидетеля Хаирова Иззета. Его адрес имеется в деле (том 1, лист дела 134).

По поводу событий, связанных с похоронами моего отца 5 июня 1983 года и обвинений меня по статье 190-3 УК РСФСР ходатайствую допросить всех граждан-участников похорон, чьи фамилии указаны под обращением в Организацию Исламская Конференция. В их числе обязательно необходимо допросить Шабанова Эльдара, проживающего в г. Белогорске по улице Продольная, 12, потому что именно вместе с ним 4 июня 1983 года, то есть за день до похорон, я выяснял у работников Керченской паромной переправы правила и практику перевоза на пароме покойников из Краснодарского края в Крым. И сообщенные нам работником переправы правила полностью соответствовали тем, соблюдения которых мы требовали на следующий день, то есть в день похорон. Обязательно необходимо допросить на суде Чайлах Рефата и Аметова Ильми, которые также были допрошены на предварительном следствии. Участницу похорон Азаматову Аву, допрошенную на предварительном следствии (том 5, листы дела 42-44), необходимо допросить на судебном процессе еще и по той причине, что при ее допросе на предварительном следствии, как мне стало известно, применялись недозволенные законом методы и ее вынуждали к даче угодных обвинению показаний.

Кроме допрошенных на предварительном следствии и вызванных на процесс работников органов, ходатайствую вызвать на допрос также начальника КГБ

Темрюкского района Грузина и начальника милиции г. Абинска майора Канева. Они должны будут, кроме прочего, ответить на вопрос: «Почему же, если причиной конфликта было нарушение нами правил перевозки покойников через паромную переправу, они пытались воспрепятствовать захоронению моего отца и на кладбище в Тамани, провоцируя тем самым новый конфликт?»

Прошу также приобщить к делу расписку, выданную нам зам. начальника УВД г. Керчи подполковником Денисовым. Эта расписка свидетельствует о том, что властями выдвигались заведомо незаконные и совершенно абсурдные условия перевозки покойников из Краснодарского края в Крымскую область и, тем самым, изобличает подлинных виновников конфликта 5 июня 1983 года.

По поводу применения следствием недозволенных законом методов при допросе свидетелей на предварительном следствии по настоящему делу прошу вызвать на процесс также Сеутову Сабрие, допрошенную в прокуратуре г. Ташкента 4 августа 1983 года (том 2, листы дела 168-169).

Я обвиняю также в том, что ввод советских войск в Афганистан назвал в своем письме академику А.Д. Сахарову от 12 января 1980 г. кровавым вторжением и дал разрешение указать свою фамилию в числе подписавшихся под документом Московской группы «Хельсинки» №119 от 21 января 1980 года, где говорится о развязанной несправедливой войне в этой стране.

Эти взгляды и суждения называются клеветническими на том основании, что они противоречат мнению советского правительства и официальной советской прессы по афганскому вопросу. То есть тем самым недвусмысленно предписывается советским гражданам мыслить только так, как считает правильным правительство и пишут в советских газетах. Очевидно, нелепо и бессмысленно требовать, чтобы события в Афганистане и, следовательно, обоснованность инкриминируемых мне взглядов по афганскому вопросу были расследованы на этом судебном следствии. Но этот вопрос всесторонне рассматривался в такой достаточно авторитетной и представительной международной организации с участием советской делегации, как ООН. Поэтому я ходатайствую затребовать из соответствующих инстанций (например, из МИД СССР) и приобщить к делу резолюции Генеральных Ассамблей ООН по афганскому вопросу 1980-83 годов, а также текст определения агрессии Генеральной Ассамблеей ООН 1974 года.

Ссылаясь на мое письмо от 26 октября 1981 г. в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей», следствие обвиняет меня в том, что я приветствую территориальные притязания правительства Японии к СССР, обвиняю советское государство в несоблюдении принципов добрососедства и проведении агрессивной политики. Это письмо также квалифицируется как клеветническое, содержащее ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. В действительности, в этом письме (том 4, лист дела 2) ни единым словом Советский Союз с его политической системой не упоминается. В нем только излагаются мои взгляды о принципах взаимоотношений между странами. Тем не менее, я прошу приобщить к делу текст выступления главы делегации компартии Японии на XXVI съезде КПСС, где он высказывает мнение своей партии по поводу территориального вопроса между СССР и Японией, а также по афганскому вопросу. Это мнение аналогично тем взглядам, которые инкриминируются мне.

Я думаю, что советское правительство не рассматривает компартию Японии и ее центральный комитет как некую организацию, ставящей себе целью нанести

ущерб взаимоотношениям между СССР и Японией, клеветать на политическую систему СССР. Поэтому я надеюсь, что суд отвергнет основную концепцию обвинения, согласно которой любое противоречие официальной политической доктрине непременно является деянием, порочащим политическую систему СССР и уголовным преступлением.

С у д ь я: Вы закончили? Прошу прокурора высказать свое мнение о заявленном ходатайстве.

П р о к у р о р: Я считаю, что заявленное ходатайство преждевременное. Ведь мы еще даже не начали судебное следствие. Но в основном ходатайство считаю необоснованным. Все нужные свидетели допрошены на следствии и вызваны на процесс.

С у д ь я (*После перешептывания с народными заседателями*): Суд, посоветовавшись на месте, решил ходатайство подсудимого обсудить в ходе судебного следствия. (*Обращаясь к М. Джемилеву*) Вы можете передать суду свой текст.

Д ж е м и л е в: Согласно статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Узбекской ССР заявленные ходатайства должны рассматриваться и приниматься по ним решения немедленно. Причем эта статья значится до раздела кодекса, где регламентируется порядок ведения судебного следствия. То есть основные ходатайства должны рассматриваться до начала судебного следствия. Но я понимаю ваше положение — вам же обязательно сперва нужно получить соответствующую инструкцию от своих гебистских начальников. Письменный текст ходатайства я передам вам после того, как такую инструкцию вы уже получите.

С у д ь я: Это ваши домыслы. Вам же сказали, что обсудим позже. А не хотите передавать текст — это ваше дело. Значит, вы сами не хотите, чтобы ваши ходатайства рассматривались.

Д ж е м и л е в: Нет, почему же? Просто я хотел бы, чтобы решения по каждому ходатайству принимались составом суда здесь, а не «умниками» из других ведомств.

С у д ь я: Суд приступает к судебному следствию. Оглашается обвинительное заключение.

Чтение судьей обвинительного заключения, состоящего из 37 машинописных листов, заняло около трех часов. Зачитывается также определение распределительного заседания о предании М. Джемилева суду. Затем судья спрашивает у М. Джемилева понятно ли ему предъявленное обвинение и признает ли он себя виновным.

Д ж е м и л е в: Обвинение понятно. Виновным себя не признаю.

С у д ь я: Может быть, хоть частично признаете себя виновным?

Д ж е м и л е в: Вы что, собрались меня уговаривать?

Судья предлагает участникам процесса высказать свои мнения относительно порядка исследования доказательств по делу, то есть о последовательности допроса подсудимого, свидетелей и экспертов.

Прокурор предлагает выслушать сперва показания подсудимого, допросить его, а затем послушать свидетелей.

Джемилев предлагает обратный порядок — допросить сперва свидетелей и экспертов, а потом выслушать его показания.

С у д ь я: Посоветовавшись на месте, суд решил исследование доказательств начать с допроса подсудимого.

Д ж е м и л е в: Такое решение вы, очевидно, приняли еще до начала судебного процесса, а мнения сторон заслушивали лишь для проформы. Это видно из того, что свидетелей вы вызвали не на день начала процесса, как это предусмотрено законом, а на понедельник 6 февраля. Но по вашему сценарию здесь не будет. Я дам показания после допроса свидетелей.

Судья, обращаясь к секретарю, просит записать в протокол, что подсудимый отказался от дачи показаний.

Д ж е м и л е в: Ничего подобного! Я обязательно выступлю с показаниями, но после допроса свидетелей. Именно так и должно быть отображено в протоколе. Коль скоро вы взялись председательствовать на процессе по политической статье, а не над карманником, будьте любезны не обращаться с законом так произвольно. А то ведь я вообще могу испортить вам весь спектакль и начальники вас за это не похвалят. Кроме того, раз уж вы свидетелей вызвали на 6 февраля, то я прошу сейчас объявить перерыв и предоставить мне возможность до 6 февраля дополнительно ознакомиться с материалами предварительного следствия.

С у дья: Вы достаточно долго, почти полмесяца знакомились с делом. Поэтому ходатайство необоснованное.

Д ж е м и л е в: Согласно закона, при ознакомлении с материалами дела исключительно все материалы должны быть пронумерованы и подшиты в отдельные тома. При ознакомлении меня с содержанием 5-го тома материалов следствия не все документы были пронумерованы и подшиты. Поэтому у меня есть основания полагать, что там могли появиться новые бумаги, с которыми меня не ознакомили.

С у дья: Ничего существенного в материалах следствия после вашего ознакомления с делом не прибавилось.

Д ж е м и л е в: О том, что существенно или несущественно позвольте мне судить самому. Во-вторых, если документы действительно несущественные и не имеют отношения к делу, то они вообще не должны были подшиваться к материалам. Так что я обязательно должен ознакомиться с ними. Согласно статье 220 УПК УзССР я имею на это право.

Прокурор также возражает против предоставления Джемилеву возможности для дополнительного ознакомления с материалами дела, мотивируя тем, что Джемилев по каким-то своим соображениям просто пытается оттянуть процесс.

Джемилев обращает внимание на абсурдность доводов прокурора, поскольку если и оттягивается процесс, то это по вине председательствующего — ведь свидетелей вызвали к 6 февраля, а до допроса свидетелей все равно больше ничего не будет.

Преппирательства продолжают еще несколько минут. Наконец судья объявляет: «Суд, посоветавшись на месте определил: ходатайство подсудимого удовлетворить, дать ему возможность дополнительно ознакомиться с материалами дела.»

Объявляется перерыв до 10-ти часов 30 минут утра 6 февраля 1984 года.

**День второй.
6 февраля 1984 года**

У здания Ташкентского городского суда собралось довольно много крымских татар, преимущественно молодых людей студенческого возраста, в том числе значительная часть студентов отделения крымскотатарского языка и литературы Ташкентского пединститута имени Низами. В не меньшем числе, чем публика, было и милиционеров, солдат МВД и сотрудников КГБ в штатском, спящих между крымскими татарами и подслушивающих их разговоры между собой. Но далеко не всем крымским татарам удалось попасть в зал суда, который еще до впуска туда свободной публики более чем наполовину был заполнен людьми в штатском, милиционерами и солдатами.

Обратило на себя внимание то, что если других заключенных, дела которых рассматривали городским судом в этот день, подвозили прямо к главному входу и вводили в залы суда в сопровождении одного-двух милиционеров или солдат внутренней службы, то М. Джемилева подвезли на «воронке» с заднего двора, который заблаговременно был оцеплен, а в зал суда вводили в наручниках и в сопровождении целого взвода автоматчиков. Видимо, хотели подчеркнуть какого опасного преступника ведут на суд.

Заседание суда началось в 11 часов 10 минут после того, как участники процесса заняли свои места. По какой-то причине был заменен секретарь суда и вместо вчерашней девицы секретарем стал некто Хидоятов. Вопреки требованиям процессуально кодекса судья не спросил у М. Джемилева о том, не имеет ли он отвода к новому секретарю, но и М. Джемилев не стал на этом заострять внимание.

Оглядев присутствующих в зале суда, судья говорит: «Интересно, почему эти молодые люди — студенты, вместо того, чтобы быть у себя на лекциях в институте пришли сюда? Я наведу справки в институтах об этих молодых людях».

Д ж е м и л е в: Ну зачем же у других служб их хлеб отнимать? В зале ведь достаточно много гебистских стукачей, они аккуратно составят списки присутствующих и донесут куда надо. Вы бы лучше занялись своими функциями.

С у д ь я: А вы меня не учите, что мне делать. Обойдемся без ваших советов. Это не ваше дело.

Д ж е м и л е в: Ну, здесь вы ошибаетесь. Прошу записать в протокол судебного заседания, что я протестую против шантажа со стороны председательствующей в отношении прибывших на суд граждан с целью ограничить гласность процесса.

С у д ь я: Ладно, запишем, запишем... Никто никого не шантажирует.

Затем судья спрашивает, нет ли в зале лиц, вызванных на процесс в качестве свидетелей, а затем требует, чтобы свидетели Сейтвелиев Риза и Джемилев Анафи покинули зал суда. После их вывода со своего места поднимается Джемилев Решат и просит разрешить ему огласить свое заявление.

С у д ь я: Суд не принимает заявления от посторонних лиц.

Р. Д ж е м и л е в: Я не могу быть посторонним, так как моя фамилия фигурирует в деле Мустафы и одна выдержка из моей тетради, изъятой у него во время обыска, отражена в обвинительном заключении.

С у д ь я: Как ваша фамилия?

Р. Д ж е м и л е в: Я — Решат Джемилев.

С у д ь я: Хорошо, выйдите из зала, если вы свидетель. Мы вас вызовем после допроса других свидетелей.

Р. Д ж е м и л е в: А мое заявление?

С у д ь я: Не надо ваших заявлений. Если вы свидетель, вы будете давать показания как и все свидетели. А сейчас выйдите.

Решат Джемилев выходит из зала. Судья просил охрану впустить в зал свидетеля Муратова Решита.

Показания свидетеля Решита Муратова

(Родился в 1915 г. в г. Карасубазаре, татарин, член Союза писателей СССР, пенсионер, проживает в г. Ташкенте)

После выяснения анкетных данных и взятия подписки с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний судья директивным тоном говорит свидетелю: «Будете говорить на русском языке!»

М у р а т о в: Пожалуйста.

С у д ь я: Знаете ли вы подсудимого?

М у р а т о в: Да, знал в 50-х или 60-х годах, когда он был кажется студентом какого-то техникума или института.

С у д ь я: Что можете о нем сказать?

М у р а т о в: Я работал тогда в редакции журнала «Муштум». Он приходил, интересовался литературой. Тихий, спокойный парень был.

С у д ь я: Он что, приносил статьи для публикации?

М у р а т о в: Нет, просто приходил в редакцию. Беседовали.

С у д ь я: По поводу чего вас допрашивали на предварительном следствии?

М у р а т о в: По его делу не допрашивали. Меня допрашивали по поводу одного другого человека, которого здесь нет. Я работал с тем человеком до войны в радиокomitee, а во время войны он работал в газете «Азат Крым».

Судья спрашивает поочередно у заседателей, прокурора и у Джемилева есть ли у них вопросы к свидетелю. Заседатели и прокурор вопросов не имеют.

Д ж е м и л е в: Скажите, вас на предварительном следствии не уведомляли по какому делу вас вызвали на допрос в качестве свидетеля?

М у р а т о в: Просили рассказать про Муединова, которого я знал до войны. Я и рассказал что знал.

Д ж е м и л е в: В протоколе допроса указано, что вы допрашиваетесь в качестве свидетеля по делу Мустафы Джемилева, но ни одного вопроса о нем вам не задавали. Вы не спросили у следователя, какое отношение Муединов имеет к Джемилеву?

М у р а т о в: Я спросил, почему меня допрашивают про Муединова. Мне сказали, что так нужно, и я рассказал.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях на следствии вы рассказывали о газете «Азат Крым», где якобы работал Муединов Мемет. Вы сами видели и читали эту газету?

М у р а т о в: Нет, не видел.

Д ж е м и л е в: Ни одного номера?

М у р а т о в: Ни одного. О чем там писали, я не знаю.

Д ж е м и л е в: А почему тогда вы уверенно утверждаете в своих показаниях, что эта газета была «фашистской и явно антисоветского толка»?

М у р а т о в: Ну а какой же она может быть во время оккупации?

Д ж е м и л е в: Ну, мало ли какой! Может быть, там вообще не писали ни о фашистской, ни о советской власти, а только о проблемах крымских татар. В обязанности свидетеля ведь входит давать показания только о том, что сам непосредственно видел, а не излагать свои предположения и домыслы. Но допустим, что эта газета действительно была явно фашистской. Редакция какой газеты разместилась в помещении газеты «Азат Крым» после ухода немцев?

М у р а т о в: Газета «Сталин Байрагъы». Я там работал секретарем редакции.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях на следствии вы говорили, что когда на место газеты «Азат Крым» пришла ваша газета «Сталин Байрагъы», то вы в этом помещении от прежней редакции не обнаружили ни одной газеты, а были только пустые бутылки из-под спиртного...

М у р а т о в: Да, там действительно были только бутылки из-под спиртного и ни одной газеты «Азат Крым».

Д ж е м и л е в: Что вы хотели этим подчеркнуть? Что в «Азат Крым» работали одни пьяницы, а в вашем «Сталин Байрагъы» в рот спиртного не брали?

С у д ь я: А какое это имеет отношение к вашему делу?

Д ж е м и л е в: Это надо спросить у свидетеля. Его на следствии вроде бы допрашивали по делу Мустафы Джемилева, а он там почему-то про пустые бутылки рассказывал.

С у д ь я: У вас больше нет вопросов к свидетелю?

Д ж е м и л е в: Есть. Вот вы, Муратов, работали в газете «Сталин Байрагъы», что в переводе означает «Знамя Сталина». То есть вы работали в очень советской газете, несли, так сказать, знамя «мудрого вождя всех времен и народов» в массы. Что произошло дальше с вами и с вашей газетой?

М у р а т о в: Ну, эта газета отправлялась вперед на фронт, а мы, значит, сюда.

Д ж е м и л е в: Почему так? За что же и вас решили выслать? Ведь вы же, надо полагать, писали в своей газете очень советские вещи, прославляли Сталина?

С у д ь я: Не отвечайте на этот провокационный вопрос подсудимого! А вы, Джемилев, не задавайте вопросы, которые не относятся к делу.

Д ж е м и л е в: Ну, как же не относятся к делу? Допрашивая свидетеля на следствии по делу Джемилева Мустафы, следователь задает ему вопросы о газете, которая издавалась еще до рождения Джемилева и это, вроде, относится к делу. А когда я задаю вопросы по этим показаниям — уже не относится к делу? Еще один вопрос. В своих показаниях на следствии вы сообщаете, что брат Муединова — Рустем Муединов проживает в г. Янгиюле. Вопросы относительно Мемета Муединова, проживающего в США еще как-то можно понять — я обвиняюсь в переписке с ним. А при чем еще брат? Почему у вас спрашивали о нем? Вам не объяснили?

М у р а т о в: Нет, не объясняли?

С у д ь я: Достаточно. Человек пришел с температурой... (Муратову) Вы можете идти.

Вызывается на допрос следующий свидетель Дереев Геннадий Григорьевич.

Показания свидетеля Дереева Геннадия

(1948 г. рождения, русский, проживает в г. Абинске Краснодарского края, работает в гарнизоне дорожного движения)

После уточнения анкетных данных и взятия подписки с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний судья спрашивает у Дереева, знает ли он подсудимого.

Д е р е е в: Да, видел один раз.

С у д ь я: Когда и при каких обстоятельствах?

Д е р е е в: В июне прошлого года, в день похорон его отца.

С у д ь я: Расскажите, как все это было.

Д е р е е в: Я нес тогда службу в подразделении. И нам поступило указание выехать на Керченскую переправу для оказания помощи.

С у д ь я: Кому?

Д е р е е в: Мы еще не знали кому. Нас была группа — я, Зубов, Гусельников, Савчук и еще ряд товарищей. Мы выехали в одной патрульной машине. Прибыв на место, мы увидели, что ворота переправы закрыты и перед ними было скопление машин. Нам пояснили, что лица татарской национальности хотят перевезти через переправу труп, но документы у них не все. Мы были призваны для оказания помощи и чтобы не было эксцессов. Когда мы прибыли, там уже были сотрудники Темрюкского РОВД. Мы стояли у ворот, а зам. начальника Крымского ОВД Крымского облисполкома Денисов и другие работники вели беседу с представителями этого эскадрона, которые пытались перевезти труп в Крым. Их полемика длилась очень долго, несколько часов. А машины продолжали прибывать. Короче, они полностью заблокировали переправу.

С у д ь я: Какие действия этих людей были противозаконными и как вел себя подсудимый?

Д е р е е в: Мы предложили им освободить дорогу для других транспортов, но они не соглашались. Сказали им: «У вас не в порядке с документами». Они не соглашались, говорили, что у них все законно. Затем, по мере того как шло время, страсти накалялись. Были выкрики и спокойный разговор этого гражданина. Выкрикивали: «Вы нам жизнь портите. Даже последнюю волю покойного не можем выполнить...» Были и такие слова: «Вы хуже фашистов!» Всего не упомнишь, прошло много времени.

Возглас из зала: «Погромче!»

Д е р е е в: Я итак громко.

С у д ь я: Не надо к ним обращаться.

Солдат конвой выкрикивает: «Тишина в зале!»

С у д ь я: В ваших показаниях на следствии говорится... Я прочту: *“Из всех кричащих особенно выделялся мужчина низкого роста с бородой, в зеленой тубетейке. Он постоянно со злобой и очень агрессивно пререкался с Денисовым и другими работниками милиции, а когда граждан, желающих уехать в Крым на пароме стало больше, он, обращаясь к гражданам, пытался спровоцировать их на участие в беспорядках, то есть искал поддержку среди граждан... Кроме того, он кричал, что здесь им устроили геноцид и что это вторая Палестина...”*

— Том 5-й, листы дела 73. Вы подтверждаете свои показания?

Д е р е е в: Да, подтверждаю. Выкрики были со всех сторон. Кричали, что мы не то делаем, геноцид, Палестина... А этот у них был типа лектора. У него надувалась шея. Толпа беснуется...

П р о к у р о р: Вы показали на следствии, что после высказываний подсудимого толпа начинала бесноваться. Что это были за высказывания?

Д е р е е в: Каждый кричал по-своему, а у него была направленность, какое-то русло антисоветское.

П р о к у р о р: Конкретизируйте.

Д е р е е в: Не могу словами. Но по всему было видно, что именно он там главное лицо. Все слушались его слов.

С у д ь я: Значит, можно сказать, что это он призывал к беспорядкам и к антисоветским выпадам толпы?

Д е р е е в: Ну, не знаю. Сам он такой спокойный, рассудительный, говорил тихо и уверенно.

П р о к у р о р: Ну чем он влиял на массы? Вот вы говорите, что по всему было видно, что он именно являлся главным лицом. А потом говорите, что он спокойный, рассудительный.

Д е р е е в: Получается так. Вот он скажет что-то тихим спокойным голосом на своем языке и толпа снова начинает бесноваться.

П р о к у р о р: Значит, можно сказать, что именно он был руководителем беспорядков?

Д е р е е в: Наверное. Он очень ярко выделялся из толпы.

Народные заседатели вопросов к свидетелю Дерееву не имеют. Право задавать вопросы предоставляется подсудимому.

Д ж е м и л е в: Как видно из вашего рапорта от 7 июня 1983 года (том 5-й, листы дела 12-14) и показаний на предварительном следствии от 25 сентября 1983 г., вас направляли на Керченскую переправу в день похорон моего отца для того, чтобы воспрепятствовать провозу тела покойного на территорию Крыма. Вам и вашим коллегам это удалось. Но после того, как похоронная процессия развернулась и направилась в сторону Тамани, вы бросились преследовать процессию на своих автомобилях. С какой целью?

Д е р е е в: Мы последовали за вами, потому что не знали, что вы будете делать.

Д ж е м и л е в: Не знали, что будут делать с покойником?

Д е р е е в: Если бы вы хотели хоронить, то вы бы хоронили по месту смерти. На Тамань нет прямой дороги и мы не знали куда вы еще завернете. А в Тамань мы приехали, чтобы убедиться что похоронили.

Д ж е м и л е в: В своем рапорте от 7 июня вы пишете: *«Они старались оторваться, варьировали скоростью, но мы преследовали их до конца, то есть до кладбища, и там наблюдали весь процесс захоронения во избежание подмены трупа»*. То есть вы опасались, что вместо моего отца мы похороним другого человека или боялись, что вообще не похороним покойного? Кто вам подсказал такую мысль?

Д е р е е в: Ну, мало ли чего. Нам сказали следовать за вами, мы и следовали.

Д ж е м и л е в: Но вы же видели, что и на кладбище в Тамани ваш начальник пытался воспрепятствовать захоронению. А вы говорите, что будто приехали только для того, чтобы убедиться в захоронении.

Д е р е е в: Я не препятствовал. Почему мой начальник поехал на кладбище и о чем он говорил с вами я не знаю. Я не прислушивался.

Д ж е м и л е в: После похорон, недалеко от могилы моего отца на кладбище в Тамани, как известно, на несколько недель был установлен круглосуточный милицейский пост. Это тоже из-за опасения подмены трупа?

Д е р е е в: Кто ставил караул я не знаю. После похорон я уехал.

Д ж е м и л е в: Вернемся к событиям на Керченской переправе. В своем рапорте вы пишете: *«Прибыв на место, я увидел, что у закрытых ворот стоит ГАЗ-24-02 42-00 с открытой задней дверкой, где лежало что-то завернутое в тряпки, как потом оказалось — труп»*. Скажите, в самом деле покойный был завернут в тряпки или вы, употребляя это слово, хотели подчеркнуть свою неприязнь к крымским татарам и, тем самым, угодить своему начальству?

Д е р е е в: Труп не был в гробе, был завернут. Ну, я не знал, как называется эта материя на вашем языке.

Д ж е м и л е в: Что за чушь? Вы же свой рапорт писали не на крымскотатарском языке.

С у д ь я: Ну зачем придирается к словам и, вообще, какое это имеет отношение к делу.

Д ж е м и л е в: Имеет прямое отношение. Это показывает шовинистический настрой всей этой милицейской «братвы», которая бесчинствовала на похоронах моего отца. Еще вопрос к Дерееву. Во время перепалки на Керченской переправе вы предложили водителю одного грузовика наехать на автомобиль с покойником и обещали оформить это как случайный инцидент. На следствии вы отрицали этот факт, но есть много свидетелей, которые могут подтвердить это. Скажите Дереев, вам доставило бы удовольствие видеть как покойника давят грузовиком? И какая же мама вас воспитала таким?

Д е р е е в: Это неправда, я не говорил такого.

Д ж е м и л е в: Последний вопрос. Ваш рапорт и многие рапорты о событиях в связи с похоронами моего отца удивительно похожи друг на друга, а некоторые предложения в этих рапортах повторяются слово в слово. Скажите, кто вам диктовал эти рапорты или кто у кого переписывал?

Д е р е е в: Я сам писал свой рапорт и никому переписывать не давал. А почему он схож с другими, я не знаю.

Д ж е м и л е в: У меня нет больше вопросов к этому типу. Можете его вывести.

С у д ь я: Вы не имеете права оскорблять свидетеля. Вы свободны, товарищ Дереев.

Д ж е м и л е в: Правильно. Такие права имеют только эти подонки.

Вызывается свидетель Аблязизов Дилявер.

Показания свидетеля Аблязизова Дилявера

(1957 г. рождения, образование среднетехническое, работает мастером в ПМК, проживает в г. Янгиюле Ташкентской области)

С у д ь я: Вы вызваны для допроса в качестве свидетеля по делу. Суду должны говорить только правду. Распишитесь в том, что вы предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. Русским языком владеете?

А б л я з и з о в: Да.

С у д ь я: Знаете ли подсудимого?

Аблязизов: Лично не знаком.

Судья: Слушаем вас. Что вы можете нам сказать?

Аблязизов: А по какому поводу?

Судья: В связи с чем вас допрашивали на следствии?

Аблязизов: Спрашивали о Мустафаеве Гани. Он мой родственник. Но я сказал на допросе, что я никаких отношений ни с кем не имею.

Судья: Еще что?

Аблязизов: Еще я говорил, что Мустафаев Гани со мной никаких дел не обсуждал, ни в какие дела не втягивал.

Судья: Говорил ли вам Мустафаев Гани, что собирается молодежная группа для поездки на Олимпиаду в Москву с целью совершения различных акций и привлечения внимания иностранцев?

Аблязизов: Нет. Гани мне насчет Олимпиады ничего не говорил.

Судья оглашает показания Аблязизова Диливера на предварительном следствии от 5 декабря 1983 г. (том 3, листы дела 149-150), где говорится, что Мустафаев Гани указаний ехать в Москву ему не давал, но сообщал о намерении некоторых товарищей поехать на «Олимпиаду-80» для совершения некоторых акций.

После оглашения фрагмента протокола допроса судья спрашивает: «Показания правильные?» Аблязизов подтверждает правильность показаний. Затем судья спрашивает у заседателей, прокурора и у Джемилева нет ли вопросов к свидетелю. Заседатели и прокурор вопросов не имеют.

Джемилев: В ваших показаниях на следствии говорится, что разговоры Мустафаева Гани по поводу поездки в Москву с целью совершения акций, привлекающих внимание иностранцев, вам показались смехотворными и сумбурными. О каких именно акциях шла речь?

Аблязизов: Я не понял вопроса.

Джемилев: Ну, каким способом имелось ввиду привлечь внимание иностранцев? Может быть «хайтарму» станцевать, песенку спеть или демонстрацию какую-то устроить? Что именно вам показалось смехотворным? Расскажите, может быть и мы посмеемся.

Аблязизов: Я не знаю что за акции. Я не говорил следователю, что показалось смехотворным. Это он сам придумал.

Джемилев: Но в протоколе допроса стоит ваша подпись.

Аблязизов: Но я не говорил такого. Значит, следователь сам дописал.

Джемилев: У меня нет больше вопросов.

Вызывается следующий свидетель.

Показания свидетеля Мустафаева Гани

(1956 г. рождения, образование среднетехническое, работает мастером в ПМК-365 г. Янгиюля, проживает в г. Янгиюле Ташкентской области)

Судья: Суду вы должны говорить только правду. Распишитесь в том, что вы предупреждены об ответственности по статьям 161 и 162 УК УзССР за отказ от дачи показаний или дачу ложных показаний. Подсудимого знаете?

Мустафаев: Да.

Судья: С какого времени?

Мустафаев: С 1978 года.

Судья: Как вы его знаете?

М у с т а ф а е в: Хороший человек, умный, интересующийся нашей историей...

С у д ь я: Где вы с ним встречались?

М у с т а ф а е в: В Ташкенте, у его брата Асана, за чашкой кофе.

С у д ь я: О чем говорили? Какие вопросы с ним обсуждали?

М у с т а ф а е в: Ничего особенного. Так... Хороший человек...

С у д ь я: Вы знаете его 6-ой год и ничего о нем, кроме того, что он «хороший человек», не можете сказать? Где еще вы с ним встречались?

М у с т а ф а е в: В Якутии.

С у д ь я: Вы туда поехали сами или вас кто-то послал?

М у с т а ф а е в: Никто меня не посылал. Как-то я был у Джемилева Асана. Он сказал, что Мустафе сейчас в Якутии очень трудно, он болен. Мне стало жалко, и я поехал туда. Но меня там не прописали и я не смог устроиться на работу. Через месяца два я вернулся обратно.

С у д ь я: Какие у вас были разговоры с Джемилевым в Якутии об Олимпиаде-80?

М у с т а ф а е в: Никакого разговора.

С у д ь я: И вы не собирались ехать в Москву на Олимпиаду?

М у с т а ф а е в: Зачем? Я могу по телевизору увидеть.

С у д ь я: А что говорил вам Джемилев о молодежной группе? Что он вам поручал?

М у с т а ф а е в: Никаких с ним разговоров о молодежной группе не было.

С у д ь я: А с Аблаевым Решатом были на эту тему разговоры?

М у с т а ф а е в: Тоже не было разговоров на эту тему.

С у д ь я: Перед допросом вас предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний.

М у с т а ф а е в: Предупреждали. Но никаких разговоров о каких-то антисоветских группах и тому подобное у нас не было.

С у д ь я: Чем же тогда объяснить, что Джемилев Мустафа в своем письме, отправленном Аблаеву Решату, ругает вас за то, что вы не выполнили его поручение?

М у с т а ф а е в: Можно увидеть это письмо?

С у д ь я: Нет, ответьте на вопрос. Письмо было не вам, а Аблаеву. На следствии вы признавались в том, что обсуждали вопрос подготовки молодежной группы. Сейчас мы огласим ваши показания.

М у с т а ф а е в: Я не знаю в какой форме преподнес следователь. Были только разговоры о том, чтобы собираться вместе, чтобы не забывать свой язык, культуру...

С у д ь я: Ладно, разберемся. Стойте на одном месте и не раскачивайтесь. А во всем остальном правильно написано в протоколе? Оглашается протокол допроса Мустафаева Гани Эдемовича на предварительном следствии от 20 августа 1983 года, том 3-й, листы дела 147-148: «...После приезда из Якутии я несколько раз встречался с Аблаевым Решатом и мы действительно обговаривали вопрос о подготовке молодежной группы. Со своей стороны я обещал Аблаеву познакомить его с молодыми парнями. При этом я ему говорил, что все вопросы они пусть решают сами. Впоследствии я подумал и решил больше ни в какие дела не ввязываться и жить спокойно. Об этом я сказал Решату и после этого с ним не встречался. Деятельность Аблаева Решата по национальному вопросу меня не

интересует, так как я этого не касаюсь. Я считаю, что национальный вопрос должен быть решен внутри нашего государства». Правильно здесь с ваших слов записано?

М у с т а ф а е в: Я уже говорил о какой группе мы вели разговоры.

С у д ь я: Значит, кроме молодежной группы здесь всё правильно?

М у с т а ф а е в: Мы хотели собрать молодых людей, чтобы изучать наш национальный быт, культуру, а не для поездки на Олимпиаду. В остальном показания правильные.

С у д ь я: Объясните, пожалуйста, почему у вас возникло желание вообще отойти от Аблаева Решата? Зачем вы от него решили отойти?

М у с т а ф а е в: Я ему не заявлял, что хочу отойти от него. Я говорил, что отхожу от всего, видимо, имея ввиду то, что я недостаточно грамотный. Есть люди умнее.

П р о к у р о р: А какие дела вы обсуждали, что почувствовали себя недостаточно грамотным?

М у с т а ф а е в: Никаких дел не было.

П р о к у р о р: Ну, вот вы решили отойти от Аблаева. А кто же у вас сейчас учитель?

М у с т а ф а е в: Что за учитель? У меня нет учителей.

С у д ь я: Замените слово. Скажем, руководитель.

М у с т а ф а е в: Мы сами изучаем свой быт, культуру, но это не группа, как вы это понимаете.

П р о к у р о р: Почему же вы тогда сказали Аблаеву Решату, что больше не хотите ввязываться ни в какие дела по национальному вопросу, так как считаете, что национальный вопрос должен решаться нашим правительством? Так говорится в ваших показаниях на следствии.

М у с т а ф а е в: Я не знаю как еще объяснить. Сейчас суд, и я отвечаю на ваши вопросы. Следователь спрашивал мое мнение по национальному вопросу и я говорил, что этот вопрос, по моему мнению, должен решаться правительством. А с Аблаевым у нас был разговор насчет изучения быта, культуры...

П р о к у р о р: А какие разговоры были об олимпиаде?

С у д ь я: Вы показали на следствии, что подумали и решили больше ни в какие дела не вмешиваться. Что это были за дела?

М у с т а ф а е в: Кому из вас надо отвечать?

П р о к у р о р: Почему вы Аблаеву сказали, что решили отойти от дел? Какие это были за дела?

М у с т а ф а е в: Может быть, я имел ввиду группу по изучению языка. А следователь эти показания преподнес по-другому.

П р о к у р о р: Вы сказали Аблаеву, что «пусть все вопросы они решают сами». Что это были за вопросы?

М у с т а ф а е в: Я имел ввиду совсем другое. Решат мне сказал: «вот у тебя есть знакомые ребята, забывают свой язык, культуру...».

П р о к у р о р: На следствии вам задавали вопросы именно про молодежную группу для поездки на Олимпиаду, и вы отвечали именно на эти вопросы.

М у с т а ф а е в: Да оставьте меня в покое со своей олимпиадой. Я там отвечал на другие вопросы.

П р о к у р о р: Но вы же читали протокол допроса, прежде чем подписывать.

М у с т а ф а е в: Читал, но не знал, что так будут истолковывать предложения.

П р о к у р о р: Какие у вас сейчас взаимоотношения с Аблаевым Решатом?

М у с т а ф а е в: Давно не виделись. Он живет в Ташкенте, а я в Янгиюле.

П р о к у р о р: Вы не чувствуете себя неискренним? Почему вы говорили следователю, что хотите отойти от всех дел и жить спокойно, если речь шла всего лишь о сборах по изучению быта? Там ведь речь шла о молодежной группе совершенно с другими целями и вы не заявляли следователю, что у этой группы была другая цель — изучение языка, быта и т.п.

М у с т а ф а е в: А я имел ввиду это.

С у д ь я: Я еще раз предупреждаю вас об ответственности за дачу ложных показаний. Вы дали подписку, что предупреждены.

М у с т а ф а е в: Да если бы я знал, что так будут растолковывать протокол, то я бы сказал следователю. Ни о какой молодежной группе, о которой вы имеете ввиду, ни с кем разговора у меня не было.

С у д ь я: Подсудимый, у вас есть вопросы к свидетелю?

Д ж е м и л е в: В протоколе вашего допроса на следствии и здесь упоминалось какое-то мое письмо, где я будто бы упрекаю вас, что вы не выполнили поручение, данное мною вам в Янгиюле. Там что, в самом деле говорится о каком-то конкретном поручении? Вы читали сами это письмо?

М у с т а ф а е в: Я не знаю, что это за поручение? Я ведь вообще не виделся с вами в Янгиюле, встречались только в Ташкенте. Письмо было на английском языке на имя какого-то другого человека, а следователь читал мне перевод на русский.

Д ж е м и л е в: Но мы довольно долго были вместе в Якутии, и перед вашим возвращением в Узбекистан я действительно давал вам кое-какие поручения. Можете их вспомнить?

М у с т а ф а е в: Ну, просили передать приветы, а также навестить вашу дочь в Дальверзине Бекабадского района. Но так получилось, что я долго не мог туда съездить.

Д ж е м и л е в: В протоколе вашего допроса следователь напоминает вам, что вас, Сервера Ганиева и Дилявера Аблязизова в 1980 году вызывали в Комитет госбезопасности и делали вам какие-то предупреждения в связи с вашими намерениями поехать в Москву на Олимпиаду с целью совершения каких-то акций. Почему гебисты решили, что у вас есть такие планы? Они хоть говорили вам, откуда у них такая информация?

М у с т а ф а е в: Да, нас действительно вызывали в Комитет после моего возвращения из Якутии, говорили что-то об Олимпиаде-80, но чего они от нас хотели, я так и не понял. Откуда они взяли, что мы собираемся в Москву, тоже не сказали.

Д ж е м и л е в: А почему вас не прописали в Якутии?

М у с т а ф а е в: Сказали, что для меня там нет места.

Д ж е м и л е в: А вы сами как думаете, почему не прописали? Какие были действительные причины?

С у д ь я: Не задавайте ему таких вопросов. Ну не везде же можно найти работу и прописку!

Д ж е м и л е в: *(улыбается)*: Ну как же! Государство прилагает большие усилия, чтобы привлечь в Якутию рабочую силу, платит значительно более высокую

зарплату, оплачивает даже проездные... А тут молодой здоровый человек сам приехал в Якутию, а для него нет работы и прописки. Ясно ведь, что тут делишки известных органов...

С у д ь я: Свидетель Мустафаев, вы можете быть свободны. Прошу вызвать свидетеля Мороза.

Показания свидетеля Мороз П. И.

(1954 г. рождения, образование среднее, старший инспектор ОВД Темрюкского района Краснодарского края).

При уточнении анкетных данных П.И. Мороза кто-то из зала громко делает замечание, что свидетель, вопреки требованиям закона, не сообщил о месте своего жительства. Судья отвечает, что вопрос о месте жительства свидетеля никакого значения для дела не имеет. Пожилая женщина Шефика Вели громко выкрикивает, что с помощью подобных лжесвидетелей решается судьба человека. Судья требует прекратить шум, угрожая в противном случае вывести всех из зала.

После взятия подписки с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний судья спрашивает у Мороза, знает ли он подсудимого.

М о р о з: Летом, в июне месяце видел на похоронах его отца.

С у д ь я: Расскажите, как все это было.

М о р о з: Дело было летом 1983 года. Я нес службу на посту на границе РСФСР и Украины. Согласно положению, каждая машина, проезжающая через пост, подлежит осмотру, так как в последнее время увеличилось число краж автомобилей. Подъехала татарская колонна из 7-9 автомобилей. Я приступил к осмотру. Водительские документы у них были в порядке. Я спросил: «Что везете?» Ответили, что труп. Мне показали справку на захоронение, но в руки не дали. Я сказал им, что согласно существующей инструкции трупы должны перевозиться только в цинковом гробу. Они начали возмущаться. Я позвонил своему руководству и объяснил ситуацию. Они, то есть мое руководство, должно было подъехать в течение часа, так как наш пост расположен в 50-ти километрах. Приехали они через полтора часа. Все это время татары возмущались, мешали мне работать. Приехало руководство. Первым подъехал замполит. Потом я приступил к выполнению своих прямых обязанностей, потому что скопилось много машин. Руководство тоже объяснило им, что трупы должны перевозиться в цинковом гробу, но они продолжали возмущаться. Кричали, что мы «пиночеты». Потом они вытащили труп из машины и понесли на руках в сторону переправы. Я не знаю, труп это был или просто сверток. По-моему, сверток.

С у д ь я: Что конкретно в этой ситуации делал Джемилев?

М о р о з: Все стоят, молчат, а этот все время кричал. «Притесняют наш народ» и тому подобное. Я объяснил, что пропустить не могу, так как согласно инструкции трупы должны перевозиться в цинковых гробах.

С у д ь я: Что с ними стало дальше?

М о р о з: Я остался на посту, а они пошли пешком к паромной переправе. Это от моего поста 11 километров. Они вернулись через полтора или два часа на транспорте.

С у д ь я: И уже не беседовали с ними?

М о р о з: Не беседовал.

С у д ь я: Вы требовали у них какие-нибудь документы на провоз трупа?

М о р о з: Я объяснил, что труп должен быть в цинковом гробу. Они дали мне только свидетельство о смерти.

С у д ь я: Что было там написано?

М о р о з: Было написано, что умер в Абинском районе.

Судья оглашает показания Мороза П.Н. на предварительном следствии, мотивируя это тем, что Мороз не достаточно подробно рассказал о событиях. Затем спрашивает, все ли в показаниях изложено правильно.

М о р о з: Правильно. Все правильно. Это была толпа. Джемилева и его брата я хорошо запомнил. Они все время выкрикивали антисоветские лозунги.

П р о к у р о р: Объясните, как выглядело поведение этих людей в ваших глазах, как представителя власти.

М о р о з: Я объяснил им, что я солдат, выполняю свой долг и не могу нарушать указание. Они требовали начальство. Некоторое время они на что-то надеялись. Но когда приехало начальство и объяснило им то же самое, они поняли, что труп им не перевезти. Начали шуметь.

П р о к у р о р: Каково было поведение Джемилева?

М о р о з: Джемилев был у них типа руководителя. Я сразу не узнал, что он был сыном покойного. Все молчат, а он всё время возбуждал их.

П р о к у р о р: В общей сложности, сколько времени все это продолжалось?

М о р о з: Он сорвал работу переправы на несколько часов. Могли быть массовые беспорядки, так как там были люди с детьми, старики, которые должны были ехать в Крым отдыхать, а переправа только из-за этих не работала в течение четырех — пяти часов.

П р о к у р о р: Как реагировал Джемилев на ваши замечания?

М о р о з: Вел себя вызывающе. Вначале он все внимательно выслушивает, потом начинает спрашивать, где это написано, покажи ему инструкцию, начинает задавать провокационные вопросы. Он все время командовал на своем языке. Вот он сказал что-то на своем языке и труп вынесли из машин, понесли на руках.

Судья спрашивает, нет ли вопросов к свидетелю у подсудимого.

Д ж е м и л е в: Утром 5 июня, когда вы на своем посту ГАИ задержали похоронную процессию, вы открыто и прилюдно сообщили, что вы получили приказ от своего начальства задержать нас и забрать документы водителей автомашины ГАЗ-24 с фургоном, где находилось тело покойного, и автомобиля красного цвета за номером 18-20. На вопросы о причинах задержания вы отвечали, что сами не знаете, но что вы — солдат и обязаны подчиняться приказам своего начальства. Поэтому, естественно, было требование, чтобы приехало ваше начальство. На посту ГАИ ни вы, ни ваше приехавшее через полтора часа начальство ни слова не говорили про цинковый гроб. Но на следствии вы и многие ваши коллеги вдруг заговорили о гробе. То же самое вы повторили здесь. Чем это объяснить?

М о р о з: Мы и там говорили. Инструкция гласит, что трупы перевозить только в цинковых гробах. Еще до вас как-то хотели перевезти труп одного военнослужащего, но пока ему не сделали цинковый гроб, через переправу не перевезли.

Д ж е м и л е в: Откуда и как везут трупы военнослужащих в цинковых гробах после начала войны в Афганистане, мы хорошо знаем. Но и здесь вы говорите неправду, потому что их провозят спецвойска и никакие посты ГАИ их машины не

вправе останавливать и проверять. Во-вторых, до нас действительно однажды провозили покойного, но вовсе не военнослужащего, а штатского и без цинкового гроба. Это мы выяснили на паромной переправе за день до похорон моего отца...

С у д ь я: Вы задавайте вопросы, если они у вас есть, а излагать свои доводы будете потом.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях на предварительном следствии вы говорили, что процессию остановили просто для осмотра в связи с якобы участвовавшими кражами автомобилей, а затем задержали в связи с тем, что не все в порядке было с документами и не было цинкового гроба. Примерно то же самое вы повторили и здесь. Но ваш командир взвода старший лейтенант Гудзь в своем рапорте на имя начальника Темрюкского РОВД Пихтерева пишет, что процессия была задержана потому что, поступило такое указание от руководства ГАИ г. Абинска. То есть тем самым он опровергает ваши показания насчет отсутствия каких-то документов и цинкового гроба. Скажите, свидетель Мороз, кто из вас в данном случае лжет больше: вы или ваш командир взвода?

С у д ь я: Вы задавайте вопросы по показаниям самого Мороза, а о показаниях Гудзя вы спросите у него самого.

М о р о з: Было указание задержать только документы некоторых водителей, а не похоронную процессию. Кроме того, труп был не в цинковом гробе, а это противоречит инструкции о порядке перевозки трупов.

Д ж е м и л е в: Коль скоро вы настойчиво ссылаетесь на инструкцию насчет цинкового гроба, скажите, что это за инструкция — каким ведомством и когда она издана, как гласит пункт, где говорится о цинковом гробе?

М о р о з: Какая инструкция — это вас не касается.

Д ж е м и л е в: Ну как же не касается, если вы задерживаете похоронную процессию на основании какой-то инструкции?

М о р о з: Бывают еще и секретные инструкции, для служебного пользования.

Д ж е м и л е в: Что за чепуху вы мелете? Выходит, правило о перевозке покойников в цинковых гробах является секретным? Тогда как же вы можете требовать от людей выполнения инструкций, которые являются секретными?

С у д ь я: Вы задавайте вопросы, а не делайте оценки. Чепуха это или нет — выводы сделает суд.

М о р о з: Но вам же сказали, что есть такая инструкция, а вы не подчинились.

Д ж е м и л е в: Выходит, вы нам разгласили государственный секрет? Вы знаете какая мера наказания предусмотрена уголовным кодексом за разглашение государственных секретов?

С у д ь я: Вы не запутывайте свидетеля, а задавайте вопросы по существу.

М о р о з: Я подчиняюсь своему начальству. Приказ задержать был от руководства РОВД. Я же при вас разговаривал по телефону с руководством и даже трубку передал вашему брату, чтобы он сам услышал.

Д ж е м и л е в: Ну так и надо говорить, что просто выполняли приказ начальства, независимо от того, законный или незаконный этот приказ. Для чего же вы тогда в своем рапорте и показаниях разглажаете о каких-то инструкциях и правилах, которых вы сами никогда не видели?

С у д ь я: Вы не диктуйте свидетелю, как говорить, а задавайте свои вопросы. Оценки показаниям будем давать мы.

В зале возгласы возмущения. Судья требует прекратить шум, угрожая вывести всех из зала.

Д ж е м и л е в: На посту ГАИ вы сразу же забрали документы водителя автомобиля ГАЗ-24, где находился покойник, и автомобиля «Жигули» красного цвета, принадлежащего Чайлак Рефату. Почему именно эти машины? Документы водителя автомобиля, где находился покойник — это понятно, вы хотели воспрепятствовать провозу покойника в Крым. А почему забрали документы другого водителя?

М о р о з: Я не знаю почему. Потому что получил такое указание. Я же вернул документы после того как приехало руководство.

Джемилев: На посту ГАИ вы у нас потребовали документы на покойника и вам дали свидетельство о смерти, а также справку врача санэпидстанции г. Абинска с разрешением на вывоз покойника за пределы Краснодарского края. Почему вы эти документы долгое время не отдавали обратно, даже начали утверждать, что никаких документов у нас вовсе не брали? Вы их отдали, когда поняли, что возмущенные участники похоронной процессии могут разнести ваш пост. Почему вы провоцировали беспорядки?

М о р о з: Ничего я не провоцировал, я выполнял свой долг.

Д ж е м и л е в: Интересный у вас все-таки «долг». Вам передавали документы на покойника, и вы прекрасно знали, что везут именно покойника. Об этом сообщило вам и ваше начальство, когда приказало задержать похоронную процессию. Но почему вы в своем рапорте и в своих показаниях говорите о каком-то «свертке в виде ковра». У вас были сомнения, что перевозят покойника?

М о р о з: Я видел только сверток, но труп я не видел.

Д ж е м и л е в: Но если вы считали, что это просто сверток, то почему вы ведете речи о правилах захоронения, о цинковых гробах?

С у д ь я: Вы опять пытаетесь запутать свидетеля.

Д ж е м и л е в: Есть только один способ не запутаться в своих показаниях — не надо лгать. Но свидетель лжет, поэтому и путается.

С у д ь я: Оценку показаниям будет давать суд.

Д ж е м и л е в: Свидетель Мороз, вы сказали здесь, что на посту ГАИ участники похоронной процессии вам предъявили только свидетельство о смерти, но не предъявили документа, разрешающего вывоз покойника за пределы Краснодарского края. То же самое говорится и в ваших показаниях на предварительном следствии. Вы настаиваете на этих своих показаниях?

М о р о з: Да, никаких других документов на покойника у вас не было.

Д ж е м и л е в: Но эти ваши утверждения опровергаются показаниями санитарного врача г. Абинска Добровольского, который признает, что выдавал нам справку с разрешением на вывоз покойника за пределы Краснодарского края, и наличием самой этой справки. Ведь именно из-за того, что вы долго не хотели возвращать эту справку, чуть было не разразился большой конфликт на посту ГАИ. Почему вы продолжаете так упорно и примитивно лгать?

С у д ь я: Вы не оскорбляйте свидетеля, а задавайте свои вопросы. Сравнить, анализировать показания свидетелей будем мы.

Д ж е м и л е в: Да нет, не только вы будете сравнивать и анализировать. Но вернемся опять к цинковому гробу. Выясняется, что вы не видели инструкцию, где говорится об этом гробе, не знаете содержание этой инструкции. И это вполне понятно, потому что речь идет о правилах перевозки покойников через паромную переправу, а вы к этой переправе никакого отношения не имеете —

ваш пост ГАИ расположен в 11-ти километрах от переправы. Почему вы вместо работников переправы решили определять, что можно перевозить и чего нельзя? Вы решили им оказать добровольную помощь?

М о р о з: Я стою на границе и отвечаю за весь транспорт, направляющийся к переправе. Вопросы перевозок тоже к нам относятся. А какими руководствуемся мы инструкциями — это не ваше дело.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях следователю вы говорите, что первым на пост ГАИ после задержания похоронной процессии приехал начальник Темрюкского отдела КГБ Г.Г.Грузин, а в своем рапорте от 5 июня 1983 г. вы утверждаете, что первыми на пост ГАИ прибыли ваш замполит В.П.Зайцев и другие ваши непосредственные начальники. То же самое вы сказали и здесь. Чем объясняется это противоречие в ваших показаниях?

М о р о з: Я не знал руководства КГБ, он мне не представлялся. Он только спросил, есть ли свидетельство на захоронение. Я сказал, что есть свидетельство о смерти.

Д ж е м и л е в: Но вы же в показаниях следователю называете его фамилию и должность этого работника КГБ, а сейчас говорите, что не знал, не представлялся. Как это понять?

С у д ь я: А какое значение имеет, кто приехал первым на пост? Вы задавайте вопросы по существу.

Д ж е м и л е в: Это очень существенный вопрос. Задача заключалась в том, чтобы не допустить захоронения крымского татарина в Крыму. Это вопрос политики государства по отношению к крымским татарам, а главным проводником этой политики является КГБ. Именно этот кагебист по фамилии Грузин был там главным режиссером. Все лживые утверждения о справках, цинковых гробах и прочем были необходимы именно этой незаконной цели КГБ. Но свидетель не хочет «засвечивать» этого гебиста. Такова, видимо, у него инструкция.

С у д ь я: Все это ваши домыслы, Джемилев.

Д ж е м и л е в: Вы же сейчас только сказали, что будете сравнивать, анализировать показания свидетелей и потом только сделаете свои выводы. Вы уже за пару минут все сравнили, проанализировали показания всех, в том числе еще и не выступавших здесь, свидетелей и пришли к выводу, что у меня домыслы?

С у д ь я: Суд не обязан отвечать на ваши вопросы. Задавайте вопросы свидетелю, но только по существу, а не занимайтесь выводами.

М о р о з: Никаких указаний я от Грузина не получал. У меня есть свое начальство, которому я непосредственно подчиняюсь. Он только звонил куда-то и оставался до приезда моего руководства. Вопросов он мне никаких не задавал. Поэтому я считал, что не имеет значения кто первый приехал — Грузин или руководство ОВД. Я и написал в своем рапорте, что первым приехало руководство ОВД.

Д ж е м и л е в: Скажите, свидетель Мороз, когда вы по телефону из поста ГАИ звонили своему руководству, вы говорили им о том, что участники похоронной процессии выкрикивают антисоветские лозунги?

М о р о з: Ничего подобного об антисоветских лозунгах я по телефону не говорил. Я только докладывал о ваших требованиях и говорил, что могут произойти массовые беспорядки. Да вы же сами и ваш брат присутствовали, когда я разговаривал по телефону.

Д ж е м и л е в: Да, вы действительно по телефону не говорили об антисоветских лозунгах. Но я спросил у вас об этом, потому что ваш начальник замполит В.П.Зайцев в своих показаниях от 22 сентября 1983 г. говорит следующее: «Мороз сказал, что из толпы несутся антисоветские выкрики и он настоятельно просит помощь... Получив информацию об антисоветских выкриках, я принял решение сообщить о происшествии в РО УКГБ, но в отделении никого не было, сторож подсказал, где можно найти Грузина Г.Г. — начальника РО УКГБ, он отдыхал в станции Голубицкая» Это том 5-й, листы дела 54-65.

М о р о з: Антисоветские выкрики были, когда приехало мое руководство. Вы же и все ваши кричали, указывая на меня: «Да что им объяснять, это не для средних умов...».

Д ж е м и л е в: Хорошо. Допустим, что приведенные вами слова насчет ваших умственных способностей действительно являются антисоветскими выкриками. Но вы же сами говорите, что эти самые антисоветские выкрики были лишь после приезда вашего начальства. А ваш начальник утверждает, что будто бы вы по телефону ему сказали об антисоветских выступлениях крымских татар. Так можно сказать, что ваш начальник Зайцев в своих показаниях лжет?

С у д ь я: Вы опять задаете вопросы по поводу показаний других свидетелей. Будем допрашивать Зайцева, вы и зададите ему эти вопросы. Свидетель Мороз отвечает за свои показания.

М о р о з: Я не знаю его показаний, я говорю за себя. В РОВД я не докладывал об антисоветских выкриках, я говорил только о беспорядках. Я сказал, что подъехала большая группа лиц татарской национальности, которые везут труп без гроба.

Д ж е м и л е в: На посту ГАИ вы потребовали документы и вам дали все, что вы требовали, в том числе свидетельство о смерти и разрешение на вывоз покойника за пределы Краснодарского края. К этим документам вы никаких претензий не имели, а только ссылались на распоряжение своего начальства задержать похоронную процессию. Вы даже отказались возвратить нам эти документы. Почему? Насчет задержания документов на покойника тоже было распоряжение от начальства?

М о р о з: Свидетельство о смерти лежало на столе. Требовали водительские удостоверения, а я сказал, что не могу возвратить до прихода начальства.

Д ж е м и л е в: В ваших показаниях говорится, что будто бы мы кричали: «Здесь нам устроили геноцид!» и т.д. Имелось ввиду, что на вашем посту ГАИ устроили геноцид?

М о р о з: Ну, наверное. Так кричали.

Д ж е м и л е в: Вы знаете, что такое геноцид?

М о р о з: Я точно не знаю. Ну, наверное, это когда нарушают права...

Д ж е м и л е в: Ладно. С вами все понятно. У меня нет больше вопросов к этому свидетелю.

Показания свидетеля В.П. Зайцева

(1949 г. рождения, член КПСС, образование высшее юридическое, заместитель начальника Темрюкского РОВД по политико-воспитательной работе, проживает в г. Темрюк Краснодарского края)

С у д ь я: Скажите, знаете ли вы подсудимого?

З а й ц е в: Так точно. Знаю. Фактически встречались только один раз.

С у д ь я: При каких обстоятельствах встречались?

З а й ц е в: Это был воскресный день в июле 83-го года. Я в тот день был ответственным по отделу. Утром принял дежурство, а на обед пошел домой. Пришел посыльный и сообщил, что у нас на посту ГАИ — это в 70-ти километрах от нас — происходит какой-то конфликт между постовыми и гражданскими лицами. Суть конфликта была в том, что гражданские лица без надлежащих документов пытались перевезти труп какого-то человека. Я созвонился с постом и инспектор сказал то же самое. Тогда я решил выехать. Машины не было, и я поехал попутным транспортом. Приехал через час. У поста была группа людей 20-25 человек и около 10-ти человек на территории поста. Я услышал нецензурную брань, и это меня насторожило. Я был в штатском, и на меня сперва они не обратили внимания. Один из граждан выражался на территории поста. Я потребовал, чтобы брань прекратилась. Из поста вывели того, который выражался. Я представился и сказал, что приехал разобраться. Граждане сказали, что умер их отец и они по его желанию везут хоронить в Крымскую область. Я потребовал соответствующие документы. Они показали свидетельство о смерти издалека, но в руки не давали. В машине лежал сверток, завернутый в покрывало или ковер. Документов соответствующих ими представлено не было. Кроме того, труп обязательно должен был быть в цинковом гробу. Я сказал им об этом, но сразу после этих слов начались выкрики. Если несколько человек хотели мирным спокойным тоном поговорить, то некоторые другие, в том числе и этот гражданин, вели себя очень агрессивно. Он говорил: «Если мы найдем цинковый гроб, то вы придумаете еще что-нибудь другое». Называл меня провокатором и другими словами. Говорил, что требования наши незаконные. Его брат тоже вел себя агрессивно, оскорблял меня. Ярko было видно, что они двое подогревали толпу, провоцировали конфликт. Были крики, что об этом будет знать Москва, Америка и т.д. Я позвонил дежурному в УВД и попросил прислать наряд во избежание массовых беспорядков. Я говорил этим людям, что такой порядок, пытался их успокоить, предлагал похоронить труп на территории нашего района, тем более, что там есть у них родные. Предлагал кладбище Тамани. Но они не захотели. Джемилев сказал, что отец завещал похоронить его в Крыму и он должен выполнить волю отца. После этого начались антисоветские выкрики толпы, что устроили геноцид, что здесь вторая Палестина, Ливан и т.д. Все это продолжалось около полутора часов. Потом они вынули труп из машины и на руках понесли в сторону Керченской переправы, а часть толпы продолжала блокировать пост ГАИ. Таким образом, наши законные требования они не выполнили. Часть наших сотрудников поехала вслед за ними. Джемилев и его брат на переправе тоже вели себя агрессивно. И еще один в темных очках кричал: «Вы сорок лет топчете нашу свободу!» Собравшиеся на переправе люди возмущались. Летом, как вы знаете, много людей едут на отдых в Крым. Народ требовал, чтобы они убрали свои машины и пропустили едущих на отдых. Я им говорил: «Если вы наши действия считаете незаконными, то потом можете обжаловать, а сейчас освободите переправу, чтобы другие могли проехать». Но они не слушались. На переправу приехал начальник УВД Керченского райисполкома Денисов, который тоже объяснил им, что не может пропустить покойника в Крым. Он и его брат все требовали, чтобы начальник УВД дал какую-то расписку, что им не разрешают перевозить

труп. Хотя начальник УВД представился, все равно из толпы кричали, что он не работник милиции, а из Комитета госбезопасности. Люди возмущались. Появилась нетрезвая женщина, которую работники милиции вынуждены были задержать, но тут же из толпы начали кричать, что ее задержали за то, что она высказывалась в поддержку татар. Из-за действий водителя ГАЗ-24, где находился труп, чуть не получилась дорожно-транспортная авария. Очень трудное положение было создано на переправе. Эти жители Узбекистана все требовали расписку и после того как начальник Керченского УВД дал им расписку, они развернулись и уехали.

С у д ь я: Вы сопровождали их, когда они развернулись и уехали?

З а й ц е в: Я приехал на Таманское кладбище позже, когда захоронение уже завершилось.

С у д ь я: Кто вызывал на пост ГАИ сотрудника из Комитета госбезопасности и почему он был вызван?

З а й ц е в: Я вызвал, потому что в толпе начались эти антисоветские высказывания.

П р о к у р о р: Свидетель Зайцев, как по-вашему, действия Джемилева свидетельствовали о том, что он там являлся организатором?

З а й ц е в: Моё глубокое убеждение, что именно он являлся организатором. Потому что несколько человек, например, один старик — брат покойного, старались разобраться спокойно, а Джемилев, наоборот, все время накалял обстановку, что-то скажет толпе на своем языке и все начинается сначала.

П р о к у р о р: Именно действия организатора Джемилева сорвали работу паромной переправы?

З а й ц е в: Конечно! Они же задержали столько людей. Работа переправы остановилась на более чем четыре часа из-за него и его брата.

По распоряжению судьи из зала суда выводят Джемилеву Эдие из-за того, что она выкрикнула что-то в адрес Зайцева. Припомнили ей и то, что она в нарушение запрета председательствующего суда продолжала вести запись процесса. После того как шум улегся, судья спрашивает у подсудимого: «Джемилев, у вас есть вопросы к свидетелю?»

Д ж е м и л е в: Скажите Зайцев, какие документы представили вам участники похоронной процессии на посту ГАИ и каких документов, по-вашему, там не доставало?

З а й ц е в: Мне представили свидетельство о смерти и справку из санэпидстанции о том, что вывоз трупа разрешен. Но там не было указано, что покойник не болен заразной болезнью и не было написано, от чего он умер.

Д ж е м и л е в: Разве недостаточна для постового ГАИ справка соответствующего учреждения с разрешением на вывоз? Зачем постовому милиционеру знать историю болезни или биографию покойного?

З а й ц е в: Вы говорили, что отец умер в Новороссийске, а справка была из санэпидстанции Абинского района.

Д ж е м и л е в: А это какое значение имеет для дорожного инспектора?

З а й ц е в: И еще я говорил, что труп должен быть в цинковом гробу?

Д ж е м и л е в: О цинковом гробе речь пошла только на паромной переправе. А на посту ГАИ вы говорили, что необходимы разрешения от Краснодарского райисполкома и Крымского облисполкома. Скажите, на основании каких именно правил или инструкций вы требовали такие документы?

З а й ц е в: Я не говорил, что нужно разрешение из Крымского облисполкома.

Д ж е м и л е в: И никто другой из милицейского начальства не требовал разрешений из этих инстанций? Например, упомянутый вами Денисов тоже не требовал таких документов?

З а й ц е в: Он тоже говорил только о том, что не разрешается перевозить трупы без цинкового гроба. По вашей просьбе он ведь даже написал вам об этом письменно.

Д ж е м и л е в: К счастью, эта расписка Денисова у нас сохранилась. Так вот в этой расписке дословно говорится следующее (читает); *«В связи с отсутствием документов, разрешающих захоронение трупа Мустафаева Абдул-Джемиля, 1899 г. рождения, в Белогорском районе, согласования с Крымским облисполкомом и Краснодарским крайисполкомом, труп перевозить из Краснодара в Крым запрещается. Зам. начальника УВД г.Керчи подполковник милиции Денисов А.Ф. 5 июня 1983 г., 18 часов 20 минут».* Это полный текст расписки Денисова и, как видите, здесь нет ни слова о цинковом гробе. Что вы на это скажете, Зайцев?

З а й ц е в: Я не знаю, что он вам писал. Я говорю о том, что сам слышал.

Д ж е м и л е в: Но вы же сейчас только сказали, что видели, как Денисов написал нам расписку, где говорилось о цинковом гробе. Кроме того, вы в своем рапорте от 5 июня 1983 года тоже пишете: *«...Я лично вышел на дежурного УВД и получил инструкцию, что эти лица татарской национальности в установленном порядке вопрос о захоронении в Крыму не решили, документов нет и, в связи с этим, пропустить колонну нельзя, необходимо вернуть в Абинск...»* Во всем вашем рапорте на пяти-шести листах (том 5, листы дела 19-25) тоже ни слова не говорится о цинковом гробе. Почему же вы здесь так примитивно лжете?

С у д ь я: Вы не оскорбляйте свидетеля. Денисов сам может ответить за свою расписку. У вас все? Больше нет вопросов? Вы можете идти, товарищ Зайцев.

Д ж е м и л е в: Не торопитесь. Есть еще несколько вопросов к вашему товарищу Зайцеву.

С у д ь я: Ну, задавайте, но только по существу дела и без грубостей.

Д ж е м и л е в: Коль скоро вы ссылаетесь на инструкцию относительно цинкового гроба, то почему же вы нам не предъявили эту инструкцию, не показали нам, где это написано? А вообще у вас в милиции есть эта инструкция?

З а й ц е в: Пост ГАИ расположен в 70-ти километрах от РОВД. И мы не могли вам доставить оттуда этот документ. Вы создали на посту невыносимые условия.

Д ж е м и л е в: Но вы же по телефону вызвали вертолет с подкреплением из Краснодара. Разве нельзя было, чтобы на этом самом вертолете вместе с подкреплением привезли и инструкцию?

З а й ц е в: Я вертолет не вызывал. Он летел, но не по этому поводу. Этот вертолет мне вовсе не нужен был. Я вызвал дополнительный наряд из Абинского РОВД.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях от 22 сентября 1983 г. (том 5, листы дела 54-65) вы пишете, что из поста ГАИ вам позвонил Мороз и сообщил об антисоветских выкриках участников похоронной процессии. Поэтому, дескать, вы стали искать начальника районного отделения КГБ Грузина Г.Г. Но свидетель Мороз сейчас только сообщил, что на посту ГАИ, во всяком случае, до вашего туда приезда, никаких антисоветских выкриков не было и что по телефону он вам об антисоветских выкриках ничего не говорил. Кто из вас двоих здесь говорит правду?

З а й ц е в: Да я сам слышал выкрики, что мы устроили геноцид, что здесь Палестина и т.д. Вас никто не трогал, а ваши выкрикивали черт знает что. А теперь выкручиваетесь!

Д ж е м и л е в: Я же вас спрашиваю совершенно о другом. Речь сейчас о ситуации на посту ГАИ до вашего приезда. Скажите, кто раньше приехал на пост ГАИ: вы или начальник Темрюкского КГБ Грузин?

З а й ц е в: Я приехал раньше, а потом Грузин. Приехав на пост, я позвонил дежурному в районное отделение КГБ и доложил о ситуации, попросил, чтобы приехал Грузин.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях на предварительном следствии от 22 сентября 1983 года вы говорите, что позвонили в КГБ Грузину, еще находясь в Темрюкском РОВД, потому что Мороз по телефону вам сообщил об антисоветских выкриках крымских татар на посту ГАИ. Сам же Мороз, как на следствии, так и здесь на судебном заседании, дал показания о том, что на посту ГАИ до вашего приезда туда никаких антисоветских выкриков не было, что об этих выкриках вам по телефону ничего не говорил и что начальник КГБ Грузин находился на посту ГАИ еще задолго до вашего приезда. Так кто из вас говорит неправду: вы или ваш подчиненный Мороз?

С у д ь я: Ну, какое значение имеет, кто раньше приехал? Суть ведь не в этом. Ну, а вы сами как считаете? Как обстояло дело, по-вашему?

Д ж е м и л е в: Я считаю, что лгут оба. Только они не смогли толком согласовать свою ложь. Дирижер оказался бестолковый.

З а й ц е в: Когда я приехал, я зашел на пост. Потом, когда вышел, увидел Грузина. Может быть, он приехал раньше, но я его не увидел.

Д ж е м и л е в: Но ведь в рапорте вашего командира взвода Гудзь Виктора Петровича говорится, что когда вы вошли в помещение поста, там находился начальник Темрюкского отделения КГБ Грузин Г. Выходит, он стоял рядом с вами, а вы все равно звонили ему по телефону. Очень интересно, правда?

З а й ц е в: Не знаю, не видел.

Д ж е м и л е в: Ну, вы как герой-партизан из советской военной повести.

В зале смех. Судья стучит по столу, требуя прекратить шум, и угрожает вывести всех из зала за нарушение порядка.

Д ж е м и л е в: В ваших показаниях на следствии также говорится, что вы предложили нам произвести захоронение в Тамани поскольку, мол, там проживают наши родственники. Откуда вы знаете, что у меня в Тамани есть родственники, если в начале своих показаний здесь вы сказали, что увидели меня первый раз только в день похорон?

З а й ц е в: Абсолютно о вас и о ваших родственниках я раньше не знал до этого случая. Вы сами и ваши родственники говорили, что у вас есть родственники в Тамани, в Абинске и в Сенном.

Д ж е м и л е в: С какой стати вам стали бы мы докладывать о своих родственниках?

З а й ц е в: Я не знаю, зачем вы это говорили. Я предложил похоронить в Сенном и даже хотел оказать помощь в захоронении, но вы отказались.

Д ж е м и л е в: С чего это у вас проснулось такое желание оказывать нам помощь? Сейчас только вы признали, что вызывали дополнительный наряд милиции из Абинска. Выходит, вы их вызывали для оказания нам помощи в захоронении?

З а й ц е в: Я предлагал помощь, чтобы устранить конфликт.

Д ж е м и л е в: Коль скоро вы сами предлагали нам произвести захоронение в Тамани и даже, оказывается, собирались оказывать нам какую-то помощь, то почему же работники милиции последовали за похоронной процессией от паромной переправы до кладбища Тамани и там тоже пытались воспрепятствовать захоронению?

З а й ц е в: Мы последовали за вами, потому что не знали, что вы будете делать дальше. После того, что вы делали на посту «Рубеж» и на переправе, от вас можно было ожидать чего угодно. А хоронить в Тамани не мешали. Вы же там похоронили!

Д ж е м и л е в: Похоронили вопреки запретам милиционеров и гебистов. А после похорон милиция, как известно, установила возле могилы моего отца на Таманском кладбище постоянный дежурный пост. Тут какая причина? Чего боялись?

З а й ц е в: Не исключалась подмена трупа. То есть, мы думали, что вы нас решили обмануть — сейчас закопать, а потом откопать, вытащить труп и снова повезти в Крым.

Д ж е м и л е в: Наконец-то вы признались, в чем же заключалась подлинная причина всего конфликта. Задача ведь заключалась ваша в том, чтобы не допустить захоронения крымского татарина в Крыму. А то вы здесь целый час морочили людям головы болтовней об инструкциях и цинковых гробах.

З а й ц е в: Вы можете думать, что вам угодно.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях вы говорите, что мы развернулись и поехали в сторону Тамани, после того как увидели прибытие милицейского подкрепления из Керчи и Абинска. Вы в самом деле решили, что мы испугались вашего воинства?

З а й ц е в: Я не знаю, почему вы развернулись и поехали в Тамань. Я писал как было на самом деле.

Д ж е м и л е в: В своих показаниях на следствии, описывая события возле поста ГАИ «Рубеж» вы говорите: «... Толпа разделилась, часть продолжала блокировать пост ГАИ «Рубеж» и меня с группой сотрудников милиции, а другие с выкриками и угрозами вынули сверток, в котором по их словам был труп, и на руках понесли от поста в сторону паромной переправы...» В связи с этим у меня к вам несколько вопросов. Коль скоро вы говорите о каком-то свертке и в ваших словах сомнение относительно того, что это было тело покойного, то почему вы рассказываете здесь о правилах захоронения, цинковом гробе? Вы сами здесь признали, что вам предъявили свидетельство о смерти и справку врача санэпидстанции с разрешением на вывоз покойника за пределы Краснодарского края. Это вас не убедило, что везут в самом деле покойника? Вы не поверили документам из советских учреждений? И, наконец, что за выкрики и угрозы были, когда несли покойного?

З а й ц е в: Вас было человек сорок. В машине был сверток, а что было в свертке, я не видел. Поэтому я и написал, что был сверток. Вы взяли и понесли. Угрожали, что будет знать Москва, Вашингтон и так далее.

Д ж е м и л е в: Разве вам не известно, что мусульмане, поднимая покойного, произносят молитвы, а не выкрикивают: « Москва, Вашингтон...»? У русских, по моему, тоже ведь примерно так? Или у вас, у милиционеров, другие обычаи?

З а й ц е в: Я не знаю ваших обычаев, я говорю как было.

Д ж е м и л е в: Можете идти.

С у д ь я: Вы не распоряжайтесь. Здесь распоряжаться может только суд. Вы свободны, свидетель Зайцев! Объявляется перерыв до 15-ти часов.

Перерыв был объявлен в 14 часов 15 минут.

После перерыва в 15 час. 10 мин. снова ввели М. Джемилева. Через минут 15 вошел секретарь суда Хидоятов, а еще через 10 минут вошли прокурор и судьи.

Хидоятов: Прошу встать, суд идет!

После этого объявления заседание не начиналось еще в течение 20-25 минут, поскольку шла отчаянная перепалка у входа в зал суда между крымскими татарами, которые требовали впустить их в зал, и милиционерами, отказывающимися их впустить, мотивируя тем, что зал уже заполнен.

Приглашается свидетель Гудзь Виктор Петрович.

Показания свидетеля Гудзь В.П.

(1955 г.р., русский, кандидат в члены КПСС, образование высшее, командир взвода Темрюкского ОВД)

После выяснения анкетных данных и взятия подписки об ответственности за отказ от дачи показаний или дачу ложных показаний, судья спрашивает знаком ли он с подсудимым.

Г у д з ь: Да, видел один раз летом на похоронах его отца.

С у д ь я: Расскажите, как это было.

Г у д з ь: Летом, в воскресенье, примерно между 13-14 часами я ехал в Темрюк, проверял службу нарядов. Навстречу на 25-м километре мне поморгало такси. Я остановился. Из такси вышли зам. начальника Зайцев и секретарь райисполкома Кулиш. Зайцев спросил, был ли я на посту. Я сказал «Нет». Мы поехали на пост. Когда мы подъехали, там было много народу. Мы зашли в помещение поста. Там находился старший инспектор Мороз. Когда мы вышли из машины, толпа сразу зашумела и загудела. Мы спросили у Мороза в чем дело. Мороз объяснил, что в автомашине ГАЗ-24 зеленого цвета находится завернутый в ковер труп мужчины, который хотят повезти в Крым. Хотят перевозить на машине через паром, но гроба цинкового у них нет, поэтому и задержал их. После этого, когда он это объяснил, мы вышли на улицу. Там было примерно сорок человек. Был там Джемилев и человек по имени Асан. Этот гражданин Джемилев начал кричать: «Почему нас не отпускают ехать дальше?» Зайцев объяснил, что согласна инструкции коммунального хозяйства трупы допускается перевозить и хоронить только в цинковых гробах. Джемилев начал кричать, что устроили Палестину, устроили геноцид. Его поддержал человек по имени Асан. Водители автомобиля красного цвета и машины ГАЗ-24 вошли в помещение поста, где находился Мороз. Выступления продолжались и на улице. Зайцев объяснял им, но они его не слушали, говорили повышенным тоном. Джемилев сказал толпе «Бросьте с ними спорить!», махнул рукой в сторону автомашин. Они вышли, по-моему, человек шесть, взяли труп на руки и пошли пешком в сторону переправы, а водители остались на посту. Когда они прошли примерно километр от поста, я сел в машину, поехал на переправу и позвонил в Керченское РОВД, доложил обстановку. Когда я вошел в помещение поста, то увидел, что навстречу едет этот автомобиль ГАЗ-24 со свертком. Я позвонил. Колонна автомобилей у ворот переправы была

остановлена. Автомобили больше на паром не заходили, потому что они загородили въезд. И стояли порядка трех-трех с половиной часов. На требования убрать свои машины они ни реагировали. Затем уже люди сами стали обращаться к ним, говорили: «Завтра нам на работу, пропустите». Они стали пререкаться, высказываться против советской власти. Один водитель сказал: «Что же вы говорите на советскую власть, которая вас кормит!» Асан ответил: «Я знаю что говорю». Джемилев тоже начал выкрикивать против советской власти. Сказал, что сорок лет советская власть не дает ему жизни. Приехали работники Абинского РОВД. После того как они увидели полковника, они убрали свои машины, и тогда началась работа переправы. После этого, минут через сорок, все они сели в свои автомобили и уехали в станицу Тамань. Больше я Джемилева не видел.

П р о к у р о р: Скажите пожалуйста, свидетель, кто из всей этой группы вел себя более агрессивно?

Г у д з ь: Асан и Мустафа. Самым организатором был Мустафа. Он руководил всеми, давал знаки.

П р о к у р о р: Кто больше всего выкрикивал против советской власти?

Г у д з ь: Чаще Асан, не этот. Тот был в черной рубашке и в черном берете.

П р о к у р о р: По вашему мнению, он не прислушивался к тому, что ему говорили работники правопорядка?

Г у д з ь: Они даже не выслушивали. Пытаемся объяснить, а они даже не дают досказать. Начинают кричать и выставляют только свои требования.

П р о к у р о р: Они не хотели прислушаться и когда им предложили помощь в захоронении?

Г у д з ь: Да. Когда Зайцев предложил им помощь в порядке исключения похоронить труп в Сенном, они его даже не слушали.

П р о к у р о р: То есть даже на те уступки, на которые вы шли, они не соглашались?

Г у д з ь: Да. Зайцев в порядке исключения предложил похоронить в Сенном, тем более, что там жила дочь покойного, но они ничего не хотели слушать. Говорили, что сами знают, где хоронить.

П р о к у р о р: То есть, они создали условия, дезорганизующие работу переправы, провоцировали беспорядки?

Г у д з ь: Да.

Судья спрашивает у Джемилева, есть ли у него вопросы к свидетелю.

Д ж е м и л е в: В вашем рапорте в адрес своего начальника Пихтерева, который подшит к делу, говорится, что будто бы Джемилев Асан выкрикивал: «Я не доволен советской властью, она не дает мне спокойно жить!» Вы не считаете, что в своем рапорте написали глупость? Может быть, этот Джемилев Асан как-то грамотнее выразился насчет советской власти?

Г у д з ь: Это говорили и вы, и Асан. Сначала говорили вы, а потом все повторял Асан — среднего роста, крепкого телосложения, выше ростом по сравнению с вами и коренастый.

Д ж е м и л е в: Когда начальство позвонило в ваш пост ГАИ, чем оно мотивировало необходимость задержать похоронную процессию?

Г у д з ь: Никто мне не звонил. Я случайно встретился с такси, где находился Зайцев. Это на посту я узнал, поступило распоряжение задержать автомобили, а не похоронную процессию.

Д ж е м и л е в: Но ведь похоронная процессия состояла из людей, которые везли покойника в машинах. Разве задержание машин не означало задержание похоронной процессии? А в чем была причина задержания машин?

Г у д з ь: Потому что не было нужных документов на труп и не было цинкового гроба.

Д ж е м и л е в: А каких именно документов не хватало и откуда милиционерскому начальству стало известно с какими документами и как везут покойного?

Г у д з ь: Значит, знали!

Д ж е м и л е в: Если нет соответствующих документов, то ведь и сам постовой ГАИ может принять необходимое решение. Зачем потребовался звонок начальства, которое находится за 70 километров от поста?

Г у д з ь: Откуда я знаю! Начальство лучше знает!

Д ж е м и л е в: В своих показаниях вы говорили, что ваше начальство предложило нам в порядке исключения произвести захоронение в поселке Сенном. Почему решили сделать для нас исключение, и в чем заключалось это исключение?

Г у д з ь: Вы говорили, что до захода солнца надо похоронить. Поэтому мы предложили вам хоронить в Сенном — это в 23 километрах от поста ГАИ. А в порядке исключения, потому что для захоронения нужно разрешение местного совета народных депутатов.

Д ж е м и л е в: Выходит, если человек умирает, то собирается местный совет народных депутатов и решает: разрешить этого человека хоронить или нет? Это где вы такое правило вычитали?

Г у д з ь: Значит, есть такое правило.

Д ж е м и л е в: Хорошо. Но ведь от поста ГАИ полуостров Крым еще ближе, чем 23 километра. Почему нельзя было пропустить в Крым и тем самым предотвратить конфликт?

Г у д з ь: Значит, нельзя было. Вам же ясно сказали, что туда нельзя.

Д ж е м и л е в: Вы видели на посту ГАИ начальника Темрюкского КГБ и когда вы его увидели?

Г у д з ь: Он находился там, когда мы туда приехали. Увидел когда вышли из поста ГАИ.

Д ж е м и л е в: Что вам сказал Зайцев, когда он остановил вашу машину и приказал ехать на пост ГАИ?

Г у д з ь: Сказал, что там хулиганство, хотят перевезти в Крым труп умершего татарина.

Д ж е м и л е в: А почему желание похоронить татарина в Крыму является хулиганством, вам он не объяснил?

Г у д з ь: Потому что не было соответствующих документов.

Д ж е м и л е в: А каких именно документов?

Г у д з ь: Нужно было разрешение на похороны от исполкома того района, куда вы направлялись. А куда вы направлялись я не знаю.

Д ж е м и л е в: Вы были на Таманском кладбище в группе милиционеров, которые пытались воспрепятствовать захоронению и там?

Г у д з ь: После того как вы повернули обратно и поехали в Тамань, я остался на переправе еще полтора-два часа. А в Тамань я приехал только в 12 часов.

Д ж е м и л е в: Через сколько дней вы написали свой рапорт начальнику Темрюкского РОВД Пихтереву о событиях на посту ГАИ «Рубеж» и на паромной

переправе? Я это спрашиваю, потому что на вашем рапорте, вопреки правилам, нет даты.

Г у д з ь: Я не помню, когда писал рапорт. Наверное, в тот же день или на следующий. А какое это имеет значение?

Д ж е м и л е в: А что вы делали в Тамани в 12 часов ночи? Заступили на милицейский пост у могилы моего отца?

Г у д з ь: Послали, и я поехал. Значит, надо было!

Д ж е м и л е в: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

П р о к у р о р: Скажите свидетель, можно ли, по-вашему, считать, что вся ответственность за те беспорядки, которые были на посту «Рубеж» и на переправе, лежит на Джемилеве?

Г у д з ь: Конечно, он там всеми руководил.

Судья вызывает следующего свидетеля.

Показания свидетеля Сеитвелиева Ризы

(1948 г, рождения, крымский татарин, образование высшее, механик ПМК-16 в г. Абинске, проживает в г. Абинске)

После уточнения анкетных данных Сеитвелиева судья спрашивает: «Не возражаете против русского языка?» Сеитвелиев не возражает.

С у д ь я: Вы вызваны в качестве свидетеля по настоящему делу и обязаны говорить только правду. Подпишите в том, что вы предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний... А теперь скажите, знаете ли подсудимого?

С е и т в е л и е в: Подсудимого знаю давно. Я являюсь его зятем. Моя супруга — его сестра.

С у д ь я: По поводу чего вас допрашивали на следствии и что вы можете нам сообщить по делу?

С е и т в е л и е в: Меня допрашивали по поводу похорон моего тестя.

С у д ь я: Расскажите что вам известно по этому поводу.

С е и т в е л и е в: Я со своим тестем и своей семьей жил в Крыму с 1977 года. Я с семьей приехал в Крым в 1976 году, а они в 1977 году. Купили домик в селе Муромском Белогорского района. Мы жили в Крыму до 12 апреля 1979 года. В этот день меня с семьей, семью сестры супруги и семью тестя выселили за пределы Крыма. Когда тесть приехал в Крым, он говорил: «Дети, я приехал сюда умирать. Если проживу еще немного, то буду рад, что довелось пожить на родине. Умру — буду рад, что похоронен на своей земле». Это было его завещание и пожелание. Это была его мечта — быть похороненным на родине. После выселения мы поселились в Краснодарском крае. Он не переставал говорить, чтобы после смерти его похоронили в Крыму. 3 июня 1983 года он скончался в больнице г. Новороссийска. Его дети, вся семья знали о его завещании и мы хотели выполнить это завещание. 5 июня 1983 г. утром мы совершили похоронные обряды, сделали всё, что полагается по шариату. Была прочитана молитва и тело покойного, завернутое в саван и покрывало, мы на носилках понесли несколько сотен метров на руках и затем в машинах поехали в сторону Керченской переправы. Перед въездом на косу у поста ГАИ нас остановили работники милиции. Когда мы спросили о причинах, работник ГАИ ответил: «Мне дали указание задержать вас». А на вопросы, почему дали такое указание, отвечал: «Я ничего не обязан

вам отвечать. Поедете дальше только через мой труп». Потом сказал, что через час приедет начальство и все объяснит. Подъехали какие-то представители власти. Они вызывали сыновей покойного и сказали им, что покойника дальше не пропустят, так как якобы не хватает каких-то документов. Но сами они никаких официальных документов, подтверждающих их слова, не предъявили. Продержали они нас там около трех часов, но так и не решили вопрос. Люди были возмущены до крайности и было решено понести покойного пешком на руках в сторону Крыма. Взяли носилки на руки и пошли. Так мы пронесли около трех-четырёх километров. Затем нас догнала машина, на которой до этого везли покойного. Мы подумали, что раз отпустили машину, то значит, получено разрешение везти умершего в Крым. Подъехали к паромной переправе. Побежали к кассе за билетами и купили вот эти билеты на четырех пассажиров вместе с покойным в автомобиле. (Передает билеты судье).

С у д ь я (*сперва внимательно рассматривает билеты, уточняет на них дату продажи и затем спрашивает*): Зачем вы их передаете, и что этими билетами хотите сказать?

С е и т в е л и е в: Этими билетами я хочу сказать, что работники переправы, которые лучше знают правило перевозки на пароме покойников, выдали нам билеты и никаких препятствий не чинили. Но когда мы с билетами попытались въехать на переправу, милиционеры закрыли нам путь. Тут же подъехал дополнительный дивизион милиционеров, и их стало больше, чем людей, сопровождавших покойного. Мы в кассе говорили, что везем покойного. Кассир даже хотела вызвать диспетчера, чтобы помог нам попасть на паром без очереди. Но мы сказали: «Зачем диспетчера? Очередь итак продвигается быстро». Когда милиционеры закрыли ворота, они нам ничего не стали объяснять. Сказали: «Ждите, подъедет начальство». Подъехал подполковник Денисов, который представился заместителем начальника керченского УВД. Он вызвал к себе сыновей покойного. Я не прислушивался ко всему, о чем они говорили, но Денисов сказал, что нужны какие-то документы из Крымского облисполкома. У нас был главный документ — разрешение из санэпидстанции. И нам даже врач не сказал, что нужны еще какие-то другие документы. Но и Денисов не мог представить нам какие-либо документы, подтверждающие его слова. Мы не могли верить им на слово, так как они просто могли нас обманывать. Мы требовали, чтобы они свои претензии к нам изложили письменно. Денисов вначале отказывался давать такую бумагу. Так продолжалось до 7 часов вечера. Мы говорили, что нельзя так глумиться над чувствами людей. Наконец, часам к семи Денисов согласился дать расписку. Он написал, что не разрешается нам провоз покойника, так как у нас нет документов из Крымского облисполкома и Краснодарского крайисполкома. После того как он дал нам эту бумагу, мы решили везти покойного в Абинск. Но было уже довольно поздно, а по нашим обычаям после совершения молитвы над покойником надо хоронить до заката солнца. Поэтому мы решили ехать в Тамань, потому что это значительно ближе. За нами последовали милиционеры, кружил милицейский вертолет. Они пытались нас задержать и не пропустить на кладбище Тамани. Но мы не останавливались и, прибыв на кладбище часов в восемь, сразу начали копать могилу. Снова собралась на кладбище милиция и пыталась запретить захоронение. Но люди были крайне возмущены и милиционеры поняли, что здесь уже может произойти серьезное столкновение. Они отошли в сторону и наблюдали за похоронами.

Мы предали тело покойного земле, прочитали молитву и разъехались. В Тамани на кладбище еще целый месяц оставался милицейский пост, который сторожил покойного.

С у д ь я: Разве это плохо?

С е и т в е л и е в: Да нет, большая честь. Они боялись, что мы выкопаем покойного и снова повезем в Крым. Они этого боялись.

С у д ь я: В Крым так и не увезли?

С е и т в е л и е в: Нет.

С у д ь я: Вы писали по поводу этих событий какой-либо документ?

С е и т в е л и е в: На переправе на наше возмущение и заявления, что будем жаловаться на их незаконные действия, Денисов, усмехаясь, говорил: «Жалуйтесь куда угодно!»

С у д ь я: И куда решили пожаловаться?

С е и т в е л и е в: Во все инстанции. Они также несколько раз пытались спровоцировать инциденты, чтобы забрать кого-либо из наших. Подпускали к нам пьяных.

С у д ь я: И что вы там писали?

С е и т в е л и е в: Где?

С у д ь я: На переправе.

С е и т в е л и е в: На переправе не писали, но по горячим следам написали все, что творилось на переправе.

С у д ь я: Вы читали сами, что было написано? Все там правильно?

С е и т в е л и е в: Да, там все правильно.

С у д ь я: Вот вы говорите, что там на месте представители власти не показали вам документы, подтверждающие их требования. Но разве могли они в этой обстановке, да еще в воскресный день привезти эти документы?

С е и т в е л и е в: Могли, если бы хотели. У них было достаточно времени, был вертолет. Они могли их привезти и из Темрюка, и из Керчи. Но у них не было таких документов.

С у д ь я: А если бы показали этот документ, то вы тут же повернули бы обратно?

С е и т в е л и е в: Я этого не могу сказать. Там были сыновья покойного. Они могли принимать решения, я не решал. Но как только Денисов дал нам расписку, мы сразу же уехали.

С у д ь я: То есть Денисов дал вам расписку, вы поняли, что вам не разрешат проезд в Крым и вы уехали?

С е и т в е л и е в: Да.

С у д ь я: Так что вы писали и подписывали по поводу этих событий? Куда было адресовано ваше обращение?

С е и т в е л и е в: Оно было адресовано в ЦК КПСС и в Организацию мусульманских стран.

С у д ь я: А туда зачем?

С е и т в е л и е в: Я думаю, что у нас, у мусульман, нет более авторитетной организации, чем эта. Они могут дать оценку этому, потому что наиболее четкую оценку этому глумлению над нашими религиозными чувствами могут дать только мусульмане.

С у д ь я: А где находится эта организация?

С е и т в е л и е в: Постоянного адреса у них нет. Они собираются в разных местах.

С у д ь я: Какой город? Где могли собираться? Где их центр? Вы же указывали, наверное, какой-то адрес? Не «в деревню к бабушке» ведь?

С е и т в е л и е в: Ну, эта организация наподобие ООН. Там собираются представители всех мусульманских стран. Меня не интересовало, как отправить. Для меня было важно, чтобы выразить протест против глумления над покойником, а не именно как доставить этот протест адресату.

П р о к у р о р: Сейтвелиев, мы выслушали ваши показания. По вашим словам работники правоохранительных органов совершили в отношении вас действия, которые якобы вызвали ваше возмущение. А как ваше возмущение происходило в связи с этим? Как проявлялось ваше возмущение? Что говорилось там о советской власти?

С е и т в е л и е в: Не о советской власти там говорилось, а о конкретных людях, которые совершают беззакония. Нет слов, чтобы выразить возмущение их действиями.

С у д ь я: А как выражали возмущение? Словами или действиями?

П р о к у р о р: И какими словами?

С е и т в е л и е в: В рамках дозволенного. Представители власти только и ждали, чтобы мы совершили что-нибудь такое, за что они могли бы зацепиться.

П р о к у р о р: Какими словами, все-таки, с вашей стороны выражалось возмущение?

С е и т в е л и е в: Ну, там говорили: «На каком основании? Кто дал право? Почему глумитесь над покойным? Почему не разрешаете хоронить на родине?» Ничего лишнего мы не могли сказать.

П р о к у р о р: Все ясно, Сейтвелиев. На следствии вы говорили, что если бы вам показали правила, где говорится о невозможности перевозить труп в таком виде, то вы бы повернули назад. Вас на следствии знакомили с законодательством, где говорится, что трупы нужно перевозить в цинковых гробах?

С е и т в е л и е в: О цинковом гробе нам начали говорить только на переправе, но никакого законодательства не показывали. Если бы показали правила, мы бы может быть вернулись.

П р о к у р о р: Вот ваши слова на следствии: «Времени для того, чтобы привезти соответствующие документы и правила было достаточно еще на посту ГАИ». Так неужели итак не было ясно? Вы перевозите труп из одной республики в другую, из РСФСР в Украину. Две разные республики, а документов разрешающих у вас не было.

С е и т в е л и е в: У нас была справка, разрешающая захоронение за пределами Абинского района. А какая разница: в РСФСР или на родине? Я считаю, что наши действия были правильными. Мустафа приехал в Абинск из Крыма через переправу, и он узнавал там все, что нужно для перевоза покойника.

П р о к у р о р: Но ведь вы пересекаете границу республики!

С е и т в е л и е в: До этого нам не говорили, что для другой республики нужны еще какие-то бумаги.

П р о к у р о р: Вы же брали справку с разрешением на захоронение за пределами района, а не республики. Умер он в Новороссийске, а справка из Абинска. Нельзя же, Сейтвелиев, настаивать только на своем. Вы везли труп за пределы республики и нужны были соответствующие разрешения.

С е и т в е л и е в: Таких правил мы не знаем и нам их не показывали.

П р о к у р о р: А что такое «Организация Исламская Конференция»?

С е и т в е л и е в: Что вы хотите этим сказать?

П р о к у р о р: Ну что это за конференция, куда вы адресовывали свое обращение?

С е и т в е л и е в: Ну, как я понимаю, это место, где собираются представители мусульманских стран и обсуждают свои вопросы.

П р о к у р о р: А где собирается эта конференция? Конкретно в какой город направляли?

С е и т в е л и е в: Где в тот момент должна была собираться конференция, я не знаю. Конференция, к вашему сведению, собирается в разных городах.

П р о к у р о р: Вы понимаете, что эти ваши действия подпадают под статью уголовного кодекса.

С е и т в е л и е в: Какие действия? Что вы имеете в виду?

С у д ь я: Ладно. Пока его ни в чем не обвиняют. А как писали обращение? От руки или на пишущей машинке?

С е и т в е л и е в: Сперва от руки, а потом отпечатали.

С у д ь я: Отпечатанный текст тоже читали? Там все правильно написано по-вашему?

С е и т в е л и е в: Отпечатанный текст тоже читали у следователя на следствии во время допроса, и раньше у себя дома.

С у д ь я: Например, в этом документе, — оглашается цитата из доцента в томе пятом, листы дела 28-32, — есть слова: *«Органы власти, предпринимающие все меры, чтобы не допустить возвращение крымских татар на свою родину и открыто провозгласившие курс на славянизацию Крыма...»* и так далее. Эти слова тоже считаете правильными?

С е и т в е л и е в: Да, я сам очевидец этого. Я со своей семьей три с половиной года жил в Крыму. Нас не прописывали, все время штрафовали, выселяли, а приезжали русские и их на наших глазах прописывали. И еще хочу добавить, что летом 1983 года в крымской газете была опубликована статья «Крым — древний славянский край». Там идеи те же. В Ялте эта газета выходит.

С у д ь я: Подсудимый, у вас есть вопросы к свидетелю?

Д ж е м и л е в: В протоколе вашего допроса на следствии говорится, что вас ознакомили с инструкцией о правилах перевозки и захоронения покойников. Скажите, что это за инструкция и действительно ли там говорится, что покойников непременно нужно перевозить в цинковых гробах? И второй вопрос: где и когда представители власти в день похорон нам говорили о цинковом гробе?

С е и т в е л и е в: Следователь зачитывал мне выдержки из какой-то инструкции 1978 года о правилах перевозки трупов, где говорилось, что трупы перевозят в гробу, сыпят туда влаговпитывающее вещество. Но у нас, мусульман, как известно, другие правила захоронения. О гробе власти нам сказали только на переправе, а на посту у ГАИ был разговор только о документах.

С у д ь я: Так в инструкции все-таки говорится о гробе?

Д ж е м и л е в: Но там не говорится о национальной или религиозной принадлежности покойного. У всех свои правила.

С у д ь я: Вы путаете перевозку и захоронение. Вы должны перевозить по закону, а хоронить можете по обычаю.

После окончания допроса Сейтвелиев Риза подходит к судье и просит сделать

отметку в его повестке с вызовом на суд, поскольку ему нужно ехать обратно в Краснодарский край.

Показания свидетеля Джемилева Анафи

(1941 г. рождения, проживает в г. Ташкенте, работает начальником отдела в тресте «Оргтехстрой»)

После получения подписки с предупреждением об ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний судья говорит Джемилеву Анафи: «Подсудимый ваш брат. Что вы можете нам сказать о нем, о его образе жизни? Как можете его охарактеризовать?»

Д ж е м и л е в А.: Я не считаю нужным говорить вам об образе его жизни, давать вам характеристику на своего брата.

С у д ь я: Расскажите о похоронах отца. Как все происходило?

Д ж е м и л е в А.: Незадолго до смерти отец с матерью переехали в Крым, надеясь там дожить свои годы. Но потом их выселили. Я каждый год ездил в Крым, знаю отношение властей к крымским татарам. После смерти отца, в соответствии с его завещанием, мы хотели похоронить его в Крыму. Но хоронить нам его там не дали. Доводы приводили самые разнообразные. Требовали где-то 5-6 различных справок. Всех этих справок у нас не было. Мы просили у Денисова, чтобы он нам написал какие именно нужны справки. После долгих препирательств он все же написал, но указал только 2-3 пункта. Какие это были пункты точно не помню, но, кажется, упоминались необходимые справки из Крымского облисполкома. Краснодарского крайисполкома. Об этом Денисов написал собственноручно. После этого мы решили вернуться и похоронить отца в Тамани. Там тоже пытались воспрепятствовать, но все же похоронили.

С у д ь я: Сейчас там похоронен?

Д ж е м и л е в А.: Да, в Тамани.

С у д ь я: Там у вас живут родственники?

Д ж е м и л е в А.: Под Таманью в одном селе живет сестра, а в самой Тамани тоже много родственников. Третье поколение.

С у д ь я: Что-нибудь писали о событиях на похоронах?

Д ж е м и л е в А.: Мы все говорили о необходимости написать. Может быть, кто-то написал. Кстати, Денисов говорил «Пишите куда хотите!»

С у д ь я: А как ваша фамилия оказалась в этом документе? Вы читали сами этот документ?

Д ж е м и л е в А.: Мы были на переправе 6-7 часов, но писали или нет там обращение, я не знаю. А в отпечатанном виде с этим документом меня знакомили у следователя. Я считаю себя подписавшим этот документ, хотя формально не подписывал, потому что не было возможности — сразу после похорон я уехал. Я и следователю сказал: «Давайте я здесь подпишу этот документ, чтобы не было лишних разговоров». Но он не согласился. Но я в протоколе допроса дописал, что давал согласие поставить мою подпись, если документ будет написан.

Прокурор и подсудимый к Джемилеву Анафи вопросов не имеют.

С у д ь я: А кто вообще в основном занимался вопросами похорон?

Д ж е м и л е в А.: Мы все, дети покойного, занимались этим вопросом.

Судья объявляет перерыв до 10 часов утра следующего дня.

**День третий.
7 февраля 1984 г.**

Утром у здания суда, как и в предыдущие дни, собралось около ста человек, желающих попасть на процесс или просто прибывших, чтобы продемонстрировать свою солидарность. Число работников органов в униформах и гражданском примерно такое же. Учитывая размеры зала суда, разумеется, далеко не все родные и друзья подсудимого имели шансы попасть на процесс даже в том случае, если зал не заполнили бы более чем на половину специально подобранным гебистским контингентом. Тем не менее, у дверей развернулась оживленная перепалка между милиционерами и людьми, требующими, чтобы их пропустили на процесс. Через некоторое время милиционеры подпустили несколько людей, преимущественно близких родственников подсудимого, но потом снова их вывели. Оказывается, поступило распоряжение ввести в зал суда сперва подсудимого, потом только публику.

«Воронок» с Мустафой Джемилевым заезжает во двор суда, где только милиционеры и солдаты внутренней службы. Заводят его через задние двери.

Процесс начинается в 11 часов 25 минут.

Судья спрашивает мнение прокурора относительно ходатайств, заявленных подсудимым в первый день процесса 3 февраля.

Прокурор говорит, что в ходатайстве речь в основном идет о вызове дополнительных свидетелей, но, по его мнению, свидетелей вызвано итак достаточно много, а посему нет оснований удовлетворять ходатайство подсудимого, так как это только затянет процесс. В конце своего выступления прокурор добавляет, что вообще-то этот вопрос он оставляет на усмотрение самого суда.

С у д ь я: Подсудимый, вы настаиваете на своих ходатайствах?

Д ж е м и л е в: Разумеется.

После короткого перешептывания с народными заседателями судья Петросян объявляет свое решение: ходатайство подсудимого удовлетворить частично, а именно, вызвать и допросить в качестве свидетелей Аблаева Решата, Сеутова Сервера и экспертов, перечисленных в ходатайстве подсудимого. В остальной части ходатайства отклонить, так как эти ходатайства к предъявленному Джемилеву Мустафе обвинению отношения не имеют.

Со своего места в зале суда поднимается Решат Джемилев и выражает свое возмущение по поводу того, что и его фамилию исключили из числа подлежащих допросу свидетелей.

С у д ь я: Вас по делу на предварительном следствии не допрашивали. Поэтому мы вас не будем допрашивать и на процессе.

Д ж е м и л е в Р.: Как вас понимать? Вчера вы меня вывели из зала, обещав пригласить потом. Я весь день прождал вчера за дверями, а сегодня отказываетесь от своих слов. Я требую, чтобы меня допросили, так как мое имя упоминается в обвинительном заключении, а моя тетрадь с записями под заголовком «Наши будни» приобщена к делу Мустафы.

С у д ь я: Вас должны были допросить на предварительном следствии, но вы не явились, уклонились. Так что нет теперь необходимости допрашивать вас здесь.

Д ж е м и л е в Р.: Я протестую против несоблюдения судом норм процессуального кодекса. Я требую опросить меня в качестве свидетеля. Вы боитесь правды, которую я могу рассказать. Я Мустафу знаю больше, чем кто-либо. На следствие я не мог явиться, потому что был болен. Есть справка от врача.

С у д ь я: Сядьте на место и не мешайте нам работать.

Д ж е м и л е в Р.: Я не сяду, пока вы меня не опросите.

С у д ь я: Если будете продолжать мешать нам работать, мы будем вынуждены дать указание, чтобы вас вывели из зала.

Д ж е м и л е в Р.: На каком основании меня выводить? Вы сами нарушаете законы и меня же обвиняете. Вот ваше лицо! Вы совершенно потеряли совесть!

С у д ь я: Вы же брат подсудимого? Мы уже допросили одного брата.

Д ж е м и л е в Р.: Я не брат. Мы — однофамильцы.

Перепалка продолжается еще некоторое время. Наконец, Решат Джемилев садится на свое место.

Показания свидетеля Аблаева Решата

С у д ь я: Кто из объявленных в нашем определении свидетелей находится в зале? Аблаев Решат присутствует?

А б л а е в: Да. Я Аблаев Решат.

С у д ь я: Подойдите к суду, Аблаев. Вы допрашиваетесь в качестве свидетеля и должны говорить суду только правду. Распишитесь, что вы предупреждены об ответственности.

Аблаев Решат подходит, расписывается и заодно говорит судье, что у него плохой слух и просит задавать свои вопросы погромче.

С у д ь я: Знаете ли вы подсудимого? Когда с ним познакомились?

А б л а е в: Знаком с 1979 года.

С у д ь я: Что можете о нем сказать?

А б л а е в: Его обвиняют в том, что он добивался восстановления прав крымскотатарского народа...

С у д ь я: Вы все очень заблуждаетесь. Его судят за действия, порочащие советский государственный строй. Вас не было, когда тут читали обвинительное заключение.

А б л а е в: Я знаю его как очень хорошего, порядочного человека. Он является активным деятелем нашего национального движения и никаких законов не нарушает. Я считаю, что его судят за то, что он добивался возвращения нашего народа на свою родину.

С у д ь я: Да поймите правильно! Его судят не за участие в национальном движении, а за конкретные действия. Ну, ладно. Вы получали от Джемилева письмо на английском языке?

А б л а е в: Да, но это письмо было адресовано не мне, а другому человеку. Получал письмо нарочным.

С у д ь я: И что было в этом письме? О чем писалось? Вы не пытались его перевести?

А б л а е в: Английского языка я не знаю и, вообще, письмо было адресовано не мне. Поэтому я и не пытался переводить. Оно было изъято у меня во время обыска и потом на следствии мне следователь показывал перевод.

С у д ь я: А в связи с чем у вас производили обыск?

А б л а е в: Обыскивали формально по делу Григория Александрова.

С у д ь я: Что еще нашли у вас при обыске?

А б л а е в: Еще около 5-6 книг о Крыме, около двух тысяч листов чистой бумаги, чистые листы копировальной бумаги.

С у д ь я: Мустафаева Гани знаете? Какие были с ним взаимоотношения?

А б л а е в: Какие были взаимоотношения с Гани я не знаю. Я с ним был в номинальных отношениях.

С у д ь я: С Мустафой или с ним?

А б л а е в: Я говорю в отношении Мустафаева Гани.

С у д ь я: А с Джемилевым Мустафой какие были отношения?

А б л а е в: Очень дружеские и даже более.

С у д ь я: Вы к нему в Якутию не ездили?

А б л а е в: Нет и очень сожалею.

Судья поочередно спрашивает у заседателей, прокурора и у подсудимого нет ли у них вопросов к свидетелю. Заседатели и прокурор вопросов ни имеют.

Д ж е м и л е в: В протоколе вашего допроса на следствии от 2 сентября 1983 года есть слова следователя Азаряна о том, что будто бы в своем письме Джеппару Акимову я предлагал использовать сборник «События в Крыму» в провокационных целях. Поскольку вы являетесь автором предисловия к этому сборнику, то, очевидно, хорошо знаете его содержание. Скажите, как этот сборник можно было бы использовать в провокационных целях?

А б л а е в: Я знаком с вашим письмом Акимову Джеппар-ага и там нет таких слов как «использовать в провокационных целях». А в сборнике описываются беззакония в отношении крымских татар, которые возвращаются на родину.

Д ж е м и л е в: Получали ли вы от меня какие-то указания насчет того, чтобы направить в Москву молодежную группу для организации во время Олимпийских игр 1980 года каких-либо акций?

А б л а е в: Нет. Никаких указаний насчет Олимпиады и акций не было. Следователь Азарян тоже все время допытывался насчет этих акций, но и сам не объяснил, какие именно акции он имел ввиду.

Д ж е м и л е в: У меня нет больше вопросов.

Судья просматривает свои бумаги, говорит о том, что всем свидетелям по делу направлены повестки-телеграммы, но некоторые еще не явились и не прислали ответы. Затем судья дает распоряжение отыскать свидетеля Сеутова Сервера и экспертов, подлежащих допросу.

Снова со своего места поднимается Джемилев Решат. Он подходит к барьеру, протягивает судье пакет с бумагами и требует, чтобы этот пакет у него приняли для приобщения к делу.

С у д ь я: А что это такое? Что в этих бумагах?

Д ж е м и л е в Р.: Примите эти вещественные доказательства и вы можете своими глазами убедиться как людей в Крыму доводят до самосожжения.

С у д ь я: Я у вас ничего не приму.

Д ж е м и л е в Р.: Почему не примете? Вы же советское правосудие! Вы обязаны ограждать людей от произвола. Примите эти фотографии!

Судья продолжает отказываться принимать фотографии, но говорит Джемилеву Решату, что он во время перерыва может занести их к ней в кабинет. Джемилев

Решат отвечает, что в кабинет их он заносить не будет, а лучше раздаст людям, чтобы они убедились в том, что происходит с крымскими татарами, возвращающимися в Крым.

Объявляется перерыв на обед.

После обеденного перерыва в зал суда ввели Мустафу Джемилеву, но посетителей не впустили и заседание не было продолжено, поскольку не прибыли вызванные свидетели.

Объявляется перерыв до 10 часов 30 минут следующего дня.

День четвертый. 8 февраля 1984 г.

Обвиняемого ввели в зал суда в 10 час. 55 мин.

Судья выясняет прибыли ли вызванные на заседание свидетели и эксперты, предлагает Сеутову Серверу подождать за дверями пока его вызовут, и приглашает для допроса в качестве специалиста Сарымсакова Баходыра Исаковича.

Показания эксперта Сарымсакова Б.И.

(1944 г.р., старший преподаватель Института языка и литературы, г. Ташкент)

С у д ь я: Товарищ Сарымсаков, мы решили допросить вас по настоящему делу в качестве специалиста. Подойдите и распишитесь в том, что вы предупреждаетесь об ответственности за дачу заведомо ложных показаний... А теперь скажите, знакомы ли вы с подсудимым Джемилевым и что вы можете сообщить по делу?

С а р ы м с а к о в: Джемилева я не знаю, лично не знаком. Летом 1983 года нас вызвали в следственные органы и попросили рецензировать поэму «Бахчисарайский фонтан» одного турецкого писателя. Мы сделали рецензию, обнаружили материалы антиисторизма в этой поэме «Бахчисарайский фонтан». И это изложили в своем заключении.

С у д ь я: Подсудимый, у вас есть вопросы к специалисту Сарымсакову?

Д ж е м и л е в: Скажите Сарымсаков, на основании какого постановления или решения следственных органов вы проводили экспертизу поэмы? Дело в том, что в материалах предварительного следствия имеется постановление следователя Азаряна от 18 августа 1983 года о назначении судебно-литературоведческой экспертизы, которое было направлено в Союз писателей Узбекской ССР, но нет заключения из Союза писателей и нет какого-либо документа, свидетельствующего о том, что проведение экспертизы поручается вашему учреждению. Каким образом и откуда вами было получено поручение на проведение этой экспертизы?

С а р ы м с а к о в: Нашей дирекции поручил Союз писателей, и дирекция поручила нам.

Д ж е м и л е в: А что, ваш институт подчинен Союзу писателей Узбекской ССР?

С а р ы м с а к о в: Нет, мы не подчиненные?

Д ж е м и л е в: Так в чем же дело? Просто они попросили оказать дружескую услугу, поскольку сами не могут дать заключение?

С а р ы м с а к о в: Не знаю, получили...

Д ж е м и л е в: Но вы же только что сказали, что вас вызвали к следователю и попросили рецензировать. Как и где, все-таки, происходило дело?

С у д ь я: Ну, какое это имеет значение, кто поручал, где писали заключение? Вы задавайте вопросы по существу, если они у вас есть.

Д ж е м и л е в: Любая экспертиза должна быть процессуально оформленной, а в данном случае этого нет. На это я и хотел обратить внимание. Кроме того, неясно как может давать литературоведческую экспертизу Институт русского языка и литературы какому-то произведению, написанному на турецком языке. Скажите Сарымсаков, вы хорошо владеете турецким языком?

С а р ы м с а к о в: Нет, я турецкий не знаю. Мы делали экспертизу по подстрочному переводу на русский. Оригинал я не видел.

Д ж е м и л е в: Очень странная тогда получается «литературоведческая экспертиза»...

С у д ь я: Вы задавайте свои вопросы, а не делайте свои заключения.

Д ж е м и л е в: В своем заключении вы утверждаете, что в поэме содержатся ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. Скажите, какие именно слова в поэме вы оцениваете как содержащие ложные изъяснения?

С а р ы м с а к о в: Я уже не помню. После этого нам пришлось рецензировать сотни других произведений.

Д ж е м и л е в: Вспомнить это довольно просто. Мы вам сейчас поможем. Сейчас вам передадут текст этой поэмы или, поскольку вы не владеете турецким языком, его подстрочный перевод, а вы укажете эти самые строки. (Судье) прошу передать эксперту Сарымсакову перевод поэмы. Он находится в томе 4-ом, листы 155-157.

Судья сперва внимательно и довольно долго просматривает подстрочный перевод сама, затем говорит: «В этом нет необходимости» и спрашивает у Сарымсакого: «Вы подтверждаете свое заключение?».

С у д ь я: Ну и всё! Он не обязан приводить выдержки. Оценку заключению будем давать мы.

Д ж е м и л е в: Для чего же тогда вообще вызывали этого эксперта? Чтобы узнать подтверждает он свое заключение или нет? То, что он подтверждает, видно из его подписи под заключением. Но он должен еще обосновать свое заключение. Итак, Сарымсаков, что же в этой поэме клевета, антисоветизм и антиисторизм, о которых вы толкуете в своем заключении? О чем хоть говорится в поэме?

С а р ы м с а к о в: Ну, что фонтан разрушен, в крови...

С у д ь я: Вопрос снимается! (Сарымсакову) Не отвечайте!

(В зале смех, возгласы возмущения. Судья стучит по столу и требует прекратить шум, угрожает, что сейчас выведет всех из зала).

Д ж е м и л е в: Вам следователь показывал какие-либо рецензии на эту поэму, сделанные до вас? В деле имеется отзыв писателей, которые рецензировали эту поэму по оригиналу на турецком. Вам этот отзыв не показывали?

С а р ы м с а к о в: Нет, я кроме переведенного текста ничего не видел.

С у д ь я: Все! Вы можете идти. Приглашается специалист Хаккулов Ибрагим Чариевич.

Показания эксперта Хаккулова И.Ч.

(1949 г.р., преподаватель Института языка и литературы имени Пушкина, г.Ташкент)

В отличие от свидетелей, эксперт Хаккулов И. Ч. до его допроса не выводился из зала суда, имел возможность слышать показания своего коллеги. Поэтому, после росписи на бланке о предупреждении об ответственности за дачу заведомо ложных показаний на предложение судьи рассказать все, что ему известно по настоящему делу, он с ходу отвечает: «Я подтверждаю все, что сказал товарищ Сарымсаков Баходыр Исакович».

Судья предлагает заседателям и прокурору задавать вопросы, но они вопросов не имеют. Затем предлагается задавать вопросы подсудимому.

Д ж е м и л е в: К вам примерно такой же вопрос, который я задавал сейчас вашему коллеге Сарымсакову. В подписанном вами экспертном заключении говорится, что это произведение «насквозь пропитано антисоветизмом» и что там «содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский строй и его политическую систему». Пожалуйста, возьмите в руки эту поэму или ее подстрочный перевод на русский и укажите какие именно там слова являются антисоветизмом, клеветой на советский строй и его политическую систему.

С у д ь я: Вы не указывайте, что ему делать. Вопрос снимается!

Д ж е м и л е в: Да ничего я не собираюсь указывать. Наоборот, я прошу, чтобы он указал, где именно в поэме содержится клевета на советский строй и что именно, как говорится в экспертном заключении, «абсолютно не соответствует советской действительности».

Х а к к у л о в: Сам дух поэмы нехороший.

Д ж е м и л е в: Д ж е м и л е в: Понятно. Тогда процитируйте, какими словами в поэме выражен этот самый «нехороший дух».

С у д ь я: Можете не отвечать на этот вопрос, товарищ Хаккулов.

Х а к к у л о в: Сказать это нельзя. Дух нельзя пощупать. Дух можно только почувствовать (при последних словах Хаккулов прикладывает руку к своей груди).

Д ж е м и л е в: Ну, спасибо за информацию. А как насчет антиисторизма? В вашем экспертном заключении говорится, что поэма антиисторична. Так вот скажите, что именно, по вашему мнению, там не соответствует исторической действительности. Это тоже вы только почувствовали тем самым местом, куда вы сейчас показывали или вы можете указать в поэме конкретные слова, которые не соответствуют исторической действительности?

С у д ь я: Не отвечайте на такой провокационный вопрос.

Х а к к у л о в: Вообще на такие темы не надо было писать.

Д ж е м и л е в: Уточните, на какие темы не следовало писать. В поэме повествуется о выселении крымских татар из Крыма, о горе и печали высланных, об их тоске по родине. Вы имеете ввиду, что не следовало писать о выселении крымских татар?

Х а к к у л о в: Да, об этом не надо писать.

Д ж е м и л е в: Хорошо. Постараюсь передать ваше пожелание автору поэмы

в Турцию, но ваша задача сейчас заключается не в том, чтобы передавать свои очень умные пожелания через меня зарубежным поэтам, а отвечать за слова в экспертном заключении, которое вы подписали.

С у д ь я: (*Раздраженно Хаккулову*) Сказали же, что можно не отвечать! Разве не видите, что подсудимый просто провоцирует.

(*В зале смех. Снова судья стучит по столу и требует прекратить шум*).

Д ж е м и л е в: Последний вопрос. В своем экспертном заключении вы пишете: «Перевод или распространение таких произведений у нас в стране должно рассматриваться как вредное действие, направленное против воспитания советских людей в духе советского патриотизма». Вот вы прочитали это произведение. Скажите, оно оказало дурное влияние на ваш «дух советского патриотизма»? А если не оказало, то почему вы считаете, что поэма окажет дурное влияние на остальных советских граждан? Или вы считаете остальных граждан намного глупее себя?

С у д ь я: На это тоже можете не отвечать, товарищ Хаккулов. И вообще, вы свободны. Можете идти. На него не окажет дурное влияние, потому что он опытный, идейно закаленный, занимается литературой, а другие могут неправильно понять. Позовите свидетеля Сеутова!

Показания свидетеля Сеутова Сервера

(*1922 г.р., образование высшее, педагог-математик, пенсионер, проживает в Ташкентской области, пос. Узгарыш, ул. Восточная, 63*)

С у д ь я: (Сеутову) Подойдите сюда и распишитесь, что вы предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний... Будете говорить на русском! Знакомы ли вы с подсудимым Джемилевым Мустафой?

С е у т о в: Да, я с ним знаком.

С у д ь я: С какого времени вы с ним знакомы и что вы можете ещё о нем сказать, как о человеке?

С е у т о в: С Мустафой Джемилевым я знаком лично с 1973 года, хотя и раньше много слышал о нем как об активнейшем борце за возвращение нашего народа на родину. Я знаю Мустафу Джемилева как замечательного, доброго, отзывчивого, вежливого, культурного, высокообразованного, всесторонне развитого и безобидного человека. Его не только трудно обидеть, а даже невозможно обидеть — такой он добрый и всем прощающий человек.

С у д ь я: На похоронах его отца вы были?

С е у т о в: Нет, не был.

С у д ь я: Переписывались с ним?

С е у т о в: Не переписывался.

С у д ь я: Подсудимый Джемилев, свидетель вызван по вашему ходатайству. У вас есть к нему вопросы?

Д ж е м и л е в: Разумеется. Не зря же ходатайствовал.

С е у т о в: Я еще кое-что хотел спросить у Джемилева. Можно?

С у д ь я: Нет. Свидетель не может задавать вопросы подсудимому. Подсудимый Джемилев, задавайте свои вопросы.

Д ж е м и л е в: Сервер-ага, в деле имеется изъятое при обысках ваше обращение от 29 декабря 1979 года, которое было адресовано в международный суд в Гааге, Комитет прав человека ООН и другие инстанции. Скажите, что стало причиной написания этого обращения?

С е у т о в: В 1970 году я был направлен в Москву как представитель крымских татар, проживающих в Краснодарском крае, для того, чтобы выразить высшим органам государственной власти волю моего народа о том, что наш народ не укоренился в Средней Азии, а наоборот, горит желанием возвратиться на родину в Крым. И там, в Москве, мне, как хорошо знающему Москву, было поручено встретить представителей нашего народа из Узбекистана с самым большим количеством подписей соотечественников под обращением в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР, в течение суток подсчитать количество подписей и затем сдать в приемную ЦК КПСС. Я встретил представителей из Узбекистана с полным чемоданом подписей, но подсчитать подписи мы не смогли, так как в течение целых суток за нами гнались кагебисты. На следующий день утром мне удалось сдать подписи в приемную ЦК КПСС, но при выходе из ЦК меня задержал сержант милиции и попросил зайти в отделение милиции, отобрав при этом мой паспорт. Четырех товарищей, которые были вместе со мной, в отделение милиции не пустили. Меня прoderжали там до вечера. На мои претензии и вопросы дежурный подполковник милиции отвечал грубо или молчал. Вечером приехала одна женщина. Она спросила кто задержанный, на мои претензии ответила, что быстро разрешит вопрос, завела в одну комнату и начала заполнять какой-то бланк. Я увидел, что она заполняет, и не поверил своим глазам — это было направление в психиатрическую больницу имени Кащенко. В конце бланка она дописала «шизофрения и инвалид 2-ой группы» и расписалась. Я начал возмущаться, говорить, что никакой я не сумасшедший и не инвалид. В это время подошли кагебисты. Они скрутили мне руки, затолкнули в «скорую помощь» и примерно в 10 часов вечера сдали в психбольницу имени Кащенко. Около трех недель я натерпелся там всяких унижений, оскорблений и избиений. Затем сказали, что меня освобождают, но привезли и сдали в психушку Краснодара. Здесь меня не оскорбляли и не издевались, но мягко уговаривали, чтобы я признался, что я больной. Обещали солидную пенсию и даже няньку в придачу. Профессору, который предлагал мне это, я ответил, чтобы подобными благами воспользовался он сам, ибо я достаточно здоров и кусок хлеба для себя я могу заработать своим честным трудом. После этого меня освободили. Вот обо всем этом я писал дважды жалобу в Президиум Верховного Совета СССР — первую из Баку, а вторую из Ташкента.

С у д ь я: Почему из Баку? Отправили вас в Баку?

С е у т о в: Тогда я жил в Азербайджане, а последние девять лет я работал учителем в Калининском районе Ташкентской области, потом вышел на пенсию. Никакого ответа из Верховного Совета я не получил, кроме двух уведомлений о том, что мои казачьи письма сданы в экспедицию Президиума Верховного Совета СССР. Вместе с первым моим письмом были направлены также протесты моей жены, близких родственников и представителей народа. Но до сего дня мои письма не рассмотрены и не приняты меры против беззакония. И я написал письмо в Международный суд в Гааге, которое не попало адресату. Я так предвидел, что письмо туда не попадет.

С у д ь я: Если вы предвидели и знали, что письмо не попадет до адресата, то почему же отправили? И вообще, почему обратились в Международный суд?

С е у т о в: Человек любой страны, потерпевший от беззакония, если его обращения в высшие инстанции своего государства не дают результатов, имеет право обратиться в Международный суд. Я знал, что письмо не попадет по

адресу, но я все же отправил, чтобы потом меня вызвали в органы и спросили, почему я это сделал. А писал я о том, что претерпел в психушке и что наш народ желает и борется за возвращение на родину в Крым, свою волю народ выражает через своих представителей, а этих представителей сажают в тюрьмы и психиатрические больницы.

Д ж е м и л е в: В вашем письме также говорилось о том, что вам угрожали психушкой закрытого типа, если вы будете продолжать участвовать в движении за возвращение на родину. Так ли это было?

С е у т о в: Да. О существовании таковых больниц, то есть больниц закрытого типа я узнал в Краснодарской психбольнице от прикрепленного ко мне врача — женщины. Она мне сказала, что если я не перестану ездить в Москву и писать нехорошие письма (так она выразилась), то меня посадят в психушку закрытого типа, откуда нет выхода. Она даже назвала адрес недалеко от Краснодара, где есть такая психушка. Об этом я написал в Президиум Верховного Совета СССР.

Д ж е м и л е в: Скажите, если бы со стороны Президиума Верховного Совета СССР или других советских инстанций были приняты меры по ограждению вас от беззаконий, то стали бы вы обращаться в Международный суд или куда-либо еще за рубеж?

С е у т о в: Конечно же, нет! Зачем тогда обращаться в Международный суд? Вот и вы, дорогой Мустафа Джемилев, если бы был решен наш национальный вопрос, тоже бы, наверное, никуда не писали и не сидели бы сейчас на скамье подсудимых...

С у д ь я: Ну, ладно! Хватит! Садитесь!

С е у т о в: Я еще не закончил. Я еще не все сказал...

С у д ь я: Садитесь, вам говорят!

Д ж е м и л е в: Ну что же! Судья считает, что вы привели достаточно свидетельств, подтверждающих факты злоупотребления в СССР психиатрией в политических целях.

С у д ь я: Оставьте свои выводы при себе, подсудимый! Приглашается эксперт Расулов Алишер Садатович.

Показания эксперта Расулова А.С.

(1951 г.р., заведующий лабораторией Ташкентского научно-исследовательского института судебной экспертизы имени Сулеймановой Министерства юстиции УзССР)

С у д ь я: Вы приглашены для допроса в качестве эксперта по настоящему делу. Распишитесь в том, что вы предупреждены об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и заключений... В деле есть подписанное вами заключение по поводу авторства подсудимого Джемилева в составлении некоторых инкриминируемых ему клеветнических документов. Что послужило основанием для вашего заключения?

Р а с у л о в: Прокуратурой города Ташкента мне было поручено провести судебно-автороведческую экспертизу и дать заключение о том, кто является автором двух документов — Обращения главам государств — участников Хельсинкского соглашения и Обращения в Организацию Исламская Конференция. Ставился вопрос: не является ли автором этих документов Джемилев Мустафа? Перед проведением экспертизы я был предупрежден об ответственности по статьям 161-167 УК УзССР. Исследование документов проводилось по методике,

разработанной Харьковским институтом судебной экспертизы. Проведя тщательную экспертизу, я пришел к выводу, что автором обоих документов является Джемилев Мустафа.

С у д ь я: Вы подтверждаете сейчас свое заключение?

Р а с у л о в: Да, подтверждаю.

П р о к у р о р: Достаточно ли было вам предоставлено образцов с почерком Джемилева и материалов для проведения экспертизы?

Р а с у л о в: Да, достаточно. Дело тут не о почерке, а в авторстве. Представленные на экспертизу обращения, авторство которых надо было установить, были исполнены на пишущей машинке. В качестве образцов для сопоставления было предоставлено много других документов, где авторство Джемилева не вызывало сомнений. Это были его письма, статьи, заявления и другие документы, написанные как собственноручно, то есть в рукописи, так и отпечатанные на машинке и подписанные им самим. По совокупности всех обследованных признаков мы пришли к категоричному выводу, что автором двух представленных на экспертизу документов также является Джемилев Мустафа.

С у д ь я: Подсудимый Джемилев, у вас есть вопросы к эксперту?

Д ж е м и л е в: Во-первых, я хотел бы выяснить, по чьей инициативе вызван этот эксперт. Он не значится в приложенном к обвинительному заключению списке свидетелей и экспертов, подлежащих вызову в судебное заседание. Сам я не ходатайствовал о его вызове, поскольку не собирался и не собираюсь оспаривать авторство того или иного инкриминируемого мне документа.

С у д ь я: Он вызван по инициативе суда.

Д ж е м и л е в: Понятно. Прежде чем задать несколько вопросов эксперту, я хотел бы сделать небольшое заявление. Как на предварительном следствии, так и здесь, в судебном заседании, я неоднократно настаивал о том, чтобы были проверены факты, изложенные в инкриминируемых мне документах, которые следствием квалифицированы как клеветнические. Однако следствие полностью уклонилось от этого и занималось лишь выяснением авторства и обстоятельств подписания всех правозащитных документов, голословно и бездоказательно называя их клеветническими. Это относится и к рассматриваемым сейчас двум документам, выявлением авторства которых занимался научно-исследовательский институт этого молодого человека. Это документы крымскотатарского национального движения и за них я несу полную ответственность, независимо от того, кто из участников нашего движения их писал, поскольку я в этом движении занимаю не последнее место. И если я не подписал эти документы сам лично, то только по той причине, что в них упоминается мое имя в третьем лице. Тем не менее, я хотел бы задать несколько вопросов эксперту Расулову по поводу обоснованности его выводов относительно моего авторства, но я прошу ни в коем случае не рассматривать мои вопросы как попытку уклониться от ответственности за эти документы.

С у д ь я: Хорошо. Учтем. Задавайте свои вопросы.

Д ж е м и л е в: Гражданин Расулов, одним из основных ваших доводов в подтверждение того, что автором обращений главам государств — участников Хельсинкского совещания и в организацию Исламская Конференция являюсь я, служит то, что эти обращения, также как и предоставленные вам для производства экспертизы некоторые другие образцы моей письменной речи, написаны лицом в одинаковой мере *«обладающим высокой степенью развития пунктуационных,*

лексических и стилистических навыков» и что «в текстах на 200 словоформ не встречается соответственно ни одной ошибки». Не кажется ли вам такой довод для подтверждения авторства не очень убедительным? Ведь в стране, наверное, есть достаточно много людей, хорошо знакомых с правилами грамматики. Может быть, их даже несколько миллионов. Как же вы умудрились из этих миллионов свой выбор остановить не мне?

Р а с у л о в: Вопрос о грамотности изложения — это только один из признаков. В заключении приводятся и другие признаки совпадения с текстами образцов. Например, повторение одних и тех же слов и выражений в образцах и в исследуемых документах.

Д ж е м и л е в: Хорошо. Перейдем к совпадениям слов и выражений. В своем заключении вы ссылаетесь на то, что в представленных вам образцах моих текстов, также как и в исследуемых двух документах встречаются одни и те же выражения. Например, упоминаете выражение «были поголовно выселены». Крымские татары в 1944 году советским режимом действительно были выселены поголовно, поэтому так оно и пишется во всех наших документах, где упоминается выселение нашего народа из Крыма. Но таких документов в течение последних трех десятилетий нашего послевоенного национального движения было написано несколько сотен. А в начале 50-х годов я еще учился в школе, имел довольно неважные отметки по правописанию и русскому языку и, стало быть, не мог писать политических обращений и документов по национальному вопросу.

Р а с у л о в: Я не видел этих документов.

Д ж е м и л е в: Понятно. У вас не было достаточно образцов для сравнения. Ведь вам дали образцы только моих текстов...

Р а с у л о в: Я не это хотел сказать. Образцов было достаточно для вынесения заключения. Заключение выносилось по совокупности многих других признаков тоже.

Д ж е м и л е в: Можно было бы пройтись и по остальным вашим признакам, ну да ладно! У меня к вам последний вопрос, вот вы делаете заключения о степени грамотности, о степени развития грамматических навыков в трудах других людей. Но ведь для этого, наверное, нужно и самому обладать определенной степенью развития грамматических навыков. Почему же в своем заключении объемом всего в две страницы вы умудрились допустить так много грамматических ошибок? Вам перечислить ваши ошибки?

Р а с у л о в: Ну, может быть, секретарша при перепечатавании допустила...

Д ж е м и л е в: Причем секретарша? Вы же подписывали документ, а не секретарша. Или вы подписываете документы, не читая?

С у д ь я: Какое значение имеют эти ошибки? Вы же сказали, что не оспариваете авторство, а сами придираетесь к каждой букве заключения. Вы свободны, товарищ Расулов.

Д ж е м и л е в: Но это же не значит, что можно злоупотреблять этим и писать заключения столь безграмотно и не аргументировано. Надо добросовестно работать. Да и вам же будет очень трудно обосновывать свой приговор по делу такими безграмотными и примитивными заключениями.

С у д ь я: Вы о нас не беспокойтесь!

Рассмотрение ходатайств подсудимого

После допроса эксперта Расулова судья просматривает какие-то бумаги и говорит: «Та-ак! Все прибывшие по повесткам свидетели и эксперты допрошены. Нам осталось выслушать показания подсудимого. Вы будете давать показания, Джемилев?»

Из зала суда Меджитов Эмир громко сообщает судье, что писатель Шамиль Алядин заявил о своем отказе явиться в суд, а Сеутова Сабрие обязательно придет, если она получит повестку с вызовом.

Д ж е м и л е в: 3 февраля, в самом начале процесса, я заявлял ходатайство о вызове дополнительных свидетелей и приобщении к делу ряда документов. Несмотря на то, что согласно статье 258 уголовно-процессуального кодекса Узбекской ССР заявленные ходатайства подлежат немедленному разрешению, мне было заявлено, что они будут рассмотрены лишь после того, как будут опрошены уже вызванные свидетели. Наконец, 7 февраля вы объявили, что рассматривается ранее заявленное мной ходатайство, и буквально через минуту сообщили, что суд, посоветовавшись на месте, принял решение удовлетворить мое ходатайство лишь частично — допросить свидетелей Аблаева Решата и Сеутова Сервера, а также экспертов — авторов заключений по содержанию материалов дела. По поводу других моих ходатайств было голословно заявлено, что они не относятся к делу и не подлежат удовлетворению. Напомню, что все свои ходатайства я мотивировал исходя исключительно из материалов дела и необходимостью проверки обоснованности тех или иных предъявленных мне обвинений. Если суд все же считает мои ходатайства не относящимися к делу, то он должен вынести соответствующее мотивированное определение, где должно быть четко указано, почему именно мои доводы о необходимости удовлетворения тех или иных конкретных ходатайств он считает несостоятельными. Поэтому, в соответствии со статьей 232 УПК УзССР, прошу вновь рассмотреть заявленные мной 3 февраля ходатайства и вынести по ним мотивированное определение. Текст упомянутых ходатайств на 5 листах я прошу приобщить к делу.

С этими словами Джемилев передает судье несколько рукописных листов.

Судья просматривает переданные бумаги, выражает недовольство, что Джемилев передал очень неразборчивую копию: «Это что, пятый или шестой экземпляр?»

Д ж е м и л е в: Если что-то неразборчиво, то я уточню.

Судья говорит, что необходимо время для изучения ходатайств, передает листы для ознакомления прокурору. Время 12 часов 50 минут. Затем судья просматривает поступившие ответные телеграммы на высланные повестки свидетелям и тихо, как бы про себя, говорит: «Зубов болеет, Кулагина в декретном отпуску, Кулиш болеет...».

Д ж е м и л е в: Чего это они дружно решили заболеть? Заверены ли присланные телеграммы соответствующими медицинскими учреждениями?

Судья вновь просматривает телеграммы и отвечает, что они не заверены. Затем сокрушенно добавляет: «И эксперта Шейнфельда пока не могут найти. Все куда-то подевались!».

После перерыва судья предлагает прокурору высказать свое мнение по ходатайствам М. Джемилева.

П р о к у р о р: Как усматривается из переданного текста ходатайства, Джемилев ставит себе целью не способствование выяснению обстоятельств дела, а просто хочет затянуть процесс, чтобы иметь возможность продолжать клевету на советский строй и его политическую систему. Вот он, в частности, ходатайствует расследовать обстоятельства какого-то самосожжения. Якобы некий Муса Мамут облил себя бензином и сжег. Подсудимый ходатайствует по этому поводу допросить Джемилева Решата. Во-первых, факт гибели этого человека, если он и имел место, не имеет никакого отношения к делу, а во— вторых, вопрос о допросе Джемилева Решата был уже рассмотрен и отклонен. Его хотели допросить на предварительном следствии, но он не явился, уклонился от следствия. Считаю, что необходимо отклонить еще раз. Третий пункт ходатайства — это просьба допросить Сахарова и его супругу Елену Боннер. Считаю, что допрос этих людей ничего не даст для дела и поэтому предлагаю отклонить. О допросе Лазаренко и работников Ташкентской психлечебницы. Они на следствии допрошены и никаких существенных показаний не дали. Повторный их допрос тоже ничего не даст. То же самое в отношении ходатайств о допросе Шустера, Александрова. Считаю, что нужно отклонить. Просьбы о допросе Сеутова Сервера и экспертов из Института языка и литературы были удовлетворены. Они вызваны и допрошены, но вы сами видели, что их допрос использовался подсудимым не для выявления или уточнения обстоятельств дела, а для новых клеветнических выпадов на наш строй. Ничего для дела не дадут и допросы Ролана Кадыева, Агатова-Петрова, Р.Сеитова. Поэтому ходатайства подсудимого в этой части тоже следует отклонить. Дальнейшие ходатайства подсудимого — это о допросе Эльдара Шабанова, Чайлак Рефата, Аметова Ильми и других по эпизоду с похоронами. Мы достаточно допросили людей по этому эпизоду, подсудимый имел возможность задавать свои вопросы. Перечисленные свидетели ничего нового не добавляют, и поэтому ходатайства об их вызове считаю целесообразным отклонить. То же самое по допросу Грузина и Канева. Мы с вами допрашивали немало лиц из органов внутренних дел, которые были свидетелями похорон. Они дали обстоятельную и ясную картину событий. Дополнительные допросы работников органов тоже ничего нового не дадут, и считаю, что ходатайство об их вызове следует отклонить. Что касается ходатайства подсудимого о приобщении к делу расписки Денисова, то это оставляю на усмотрение суда, хотя не вижу в этой расписке чего-либо существенного по настоящему делу. Относительно ходатайства о допросе Сеутовой Сабрие по поводу якобы допущенных органами недозволенных методов следствия считаю, что это очередная клевета подсудимого на наши органы и ходатайство надо отклонить. В деле имеется протокол ее допроса, и при необходимости мы можем его зачитать. Далее... Что-то здесь неразборчиво в тексте ходатайства подсудимого...

Д ж е м и л е в: Далее идет мотивировка необходимости приобщить к делу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по поводу советской агрессии против Афганистана.

П р о к у р о р: Да. Это, кажется, уже 12-й по счету пункт ходатайства подсудимого. Он требует приобщить к делу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН за 1980-83 годы по Афганистану, текст определения ООН по поводу термина «агрессия». Считаю, что эти документы не имеют никакого отношения к обвинению в отношении Джемилева и ходатайство о затребовании и приобщении этих документов следует отклонить. И последнее — это ходатайство о приобщении к

делу текста выступления главы делегации компартии Японии на 26-ом съезде КПСС по территориальному вопросу и Афганистану. Товарищи судьи, это очередная демагогия подсудимого! Здесь, по-моему, не предъявлено обвинение против Генерального секретаря компартии Японии, поэтому приобщать к делу его выступления нет никакой необходимости.

С у д ь я: Подсудимый, вы хотите что-либо сказать по выступлению прокурора?

Д ж е м и л е в: Каждый пункт моих ходатайств достаточно мотивирован, и я настаиваю на их удовлетворении. Но если вы решите все же их отвергнуть, то постарайтесь, по крайней мере, чтобы ваши аргументы были не столь примитивными и тупыми, как это прозвучало у прокурора.

С у д ь я: Объявляется перерыв до 14-ти часов 30 минут.

После перерыва судья зачитывает определение суда по поводу ходатайства Джемилева:

«... Заслушав заключение прокурора, обсудив доводы ходатайства, коллегия считает ходатайство подлежащим удовлетворению частично, а именно, допросить в качестве дополнительных свидетелей Сеутова Сервера, Аблаева Решата, Сеутова Сабрие, экспертов, приобщить к делу расписку Денисова, а в остальной части ходатайство отклонить, так как вызов и допрос Сахарова с женой, Лазаренко, Сеитова, Кадыева и других не вызывается необходимостью и эти лица по существу предъявленного Джемилеву обвинению ничего не показывают, о чем указано и в данном рассматриваемом ходатайстве. По эпизоду, связанному с Керченской переправой, допрошены свидетели по списку обвинительного заключения, некоторые свидетели вызваны и не пришли по неизвестным причинам. Вызов остальных связан с определенными трудностями, а потому их вызов нецелесообразен. Свидетели Грузин и Канев по существу предъявленного обвинения не допрашивались, их вызов также нецелесообразен. Истребование документов из ООН и Японии также необоснованно, так как они не имеют отношения к обвинению, предъявленному Джемилеву. Суд даст оценку имеющимся в деле материалам.

На основании изложенного, коллегия определила: ходатайство подсудимого удовлетворить частично, а именно, в указанной в описательно-мотивировочной части настоящего определения.

Председательствующий (подпись)

Заседатели (подписи)»

После зачитания определения судья спрашивает: «Подсудимый, вам понятно определение? Мы решили частично удовлетворить ваше ходатайство».

Д ж е м и л е в: Определение на редкость цинично по своему содержанию и аргументации. Впрочем, иного я и не ожидал.

С у д ь я: Это ваше мнение. Вызывается для допроса эксперт Шайдулин Фуат Темиргалиевич.

Показания эксперта Шайдулина Ф.Т.

(Заведующий сектора технического исследования документов Ташкентского научно-исследовательского института судебных экспертиз)

После подписки с предупреждением об ответственности по статьям 161-162 УК УзССР судья предлагает Шайдулину рассказать, какую он проводил экспертизу по настоящему делу, и к каким результатам он пришел по результатам экспертизы.

Ш а й д у л и н: В феврале прошлого года к нам поступило постановление

следователя прокуратуры Ташкента о назначении криминалистической экспертизы по машинописным текстам. К постановлению были приложены несколько подлежащих экспертизе писем и текстов, а также образцы текстов, отпечатанных на одной пишущей машинке. На разрешение экспертизы был поставлен вопрос: не отпечатаны ли тексты указанных документов на пишущей машинке, образцы которой прилагаются. После проведения экспертизы на поставленный вопрос мною в категоричной форме был сделан вывод: тексты представленных на экспертизу документов отпечатаны на пишущей машинке, образцы которой приложены.

С у д ь я: Вы подтверждаете сейчас свой вывод?

Ш а й д у л и н: Да, я подтверждаю подписанный мной вывод.

С у д ь я: На основании каких признаков вы пришли к такому выводу?

Ш а й д у л и н: На основании комплекса признаков, которые присущи всем пишущим машинкам. Это шаг письма, шаг строки, марка шрифта и т.д. Есть еще частные признаки, которые отличают каждую машинку от других. Все эти признаки приведены в моем заключении и приложенных к заключению иллюстрациях.

С у д ь я: Подсудимый, у вас есть вопросы к эксперту?

Д ж е м и л е в: Вопросов нет. Хочу только сказать, что человек добросовестно трудился, полагая, что делает важную и нужную работу, а на самом деле, благодаря «умникам» из прокуратуры, копошился впустую, ломился в давно открытую дверь. Ведь если уж обвиняют в клевете, то и надо было не заниматься измерением микрометрами шагов и строк пишущей машинки, а оспаривать правдивость того, что напечатано на этой машинке.

С у д ь я: Вы свободны, Шайдулин. Пригласите в зал Сеутову!

Показания свидетеля Сеутовой Сабрие

(1953 г.р., старший редактор журнала «Йылдыз», проживает в г. Ташкенте, массив Чиланзар, квартал 6, дом 4, кв. 34)

После подписки с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний судья спрашивает Сеутову, знакома ли она с подсудимым, при каких обстоятельствах с ним познакомилась и каковы взаимоотношения.

С е у т о в а: С Джемилевым Мустафой знакома. Познакомились с ним на свадьбе своей подруги в г. Алмалыке. Он оставил у меня очень хорошее впечатление. Хороший и интересный собеседник, отзывчивый, честный и очень добрый, хорошо знает нашу литературу. Он, наверное, и мухи обидеть не сможет. Запомнился один эпизод. Мы большой группой шли по дороге. Вдруг он остановился, протянул руки и остановил всех. Мы стали спрашивать в чем дело, а он, улыбаясь, показал на прыгающего кузнечика и сказал: «Пусть пробежит, иначе мы его можем раздавить...».

С у д ь я: По какому вопросу вас допрашивали на предварительном следствии?

С е у т о в а: По делу Джемилева Мустафы в начале августа 1983 года я была вызвана к следователю прокуратуры г.Ташкента Азаряну. Вначале, пока спрашивал анкетные данные, он вел себя нормально. Потом он спросил, передавал ли мне Джемилев Мустафа машинописный сборник «События в Крыму». Я ответила, что нет, не передавал. Тогда Азарян начал говорить, что я зря скрываю, потому что сам Джемилев уже сказал ему об этом. Я попросила сделать очную ставку с Джемилевым. Азарян начал кричать, что если я не признаюсь, то через два дня моей ноги не будет в журнале «Йылдыз», что он позвонит и меня выгонят с

работы. Стал оскорблять меня, называл змеей. Сказал, что даже бандиты намного лучше меня и т.п. Я сказала, что его действия неправомерные и что я пожалуюсь прокурору. Азарян выпрыгнул из-за своего стола, закрыл дверь кабинета на ключ и сказал, что не выпустит меня, пока я не подпишу протокол, где говорилось, что Джемилев Мустафа передавал мне сборник «События в Крыму». У меня было плохо с сердцем еще на работе, а когда он стал на меня кричать, то стало еще хуже, левая рука у меня онемела. Я сказала, что этот протокол подписывать не буду. Это длилось долго. Потом я подписала какой-то протокол, едва пробежав его глазами — не помню уже, что там было написано, потому что чувствовала себя очень плохо. После выхода из прокуратуры я дошла до сквера, села и стала плакать. Ко мне приходили люди, спрашивали, в чем дело. А потом я поехала к сестре. После этого меня к следователю не вызывали.

С у д ь я: Так о чем же говорилось в подписанном вами протоколе?

С е у т о в а: Я подробно давала показания о том, откуда я знаю Джемилева, как с ним познакомилась. А что он там писал в протоколе, я сказать не могу.

П р о к у р о р: Если вы считаете, что следователь вел себя неправильно, то что же вам помешало пожаловаться в прокуратуру?

С е у т о в а: Ничего мне не мешало жаловаться. У следователя я была впервые. Я думала, что он вызовет меня вторично и извинится, но больше меня не вызывали.

С у д ь я: А за что он, по вашему мнению, должен был извиняться?

С е у т о в а: За то, что оскорблял и под угрозой требовал от меня нужные для него ответы.

С у д ь я: Судя по вашим словам, он под угрозой и давлением заставил вас подписать протокол, где говорится, что Джемилев Мустафа передавал вам сборник. Но в подписанном вами протоколе вы отказываетесь называть человека, который вам передал сборник «События в Крыму», а только сообщаете, что его автором является Джемилев Мустафа, фамилия которого, как составителя, была указана на обложке сборника. Оглашается протокол допроса Сеутовой Сабрие от 4 августа 1983 года — том 2-ой, листы 168-169. *(Зачитывает текст протокола)*. Показания правильные?

С е у т о в а: Да, правильные.

С у д ь я: Выходит, вопреки вашим утверждениям, следователь не заставлял вас подписать признание о том, что сборник передавал вам Джемилев Мустафа?

С е у т о в а: Я говорила, что он требовал это и угрожал, что не выпустит из кабинета, пока не признаюсь.

С у д ь я: Раз вы не подписали такое признание, так где же здесь какое-то давление? Зачем фантазировать?

С е у т о в а: Я считаю, что следователь поступал незаконно, раз он угрожал и требовал подписать то, чего я не говорила...

С у д ь я: Ладно! У вас есть вопросы, Джемилев? Она вызвана по вашему ходатайству.

Д ж е м и л е в: Вопросов нет. Я ходатайствовал о допросе Сеутовой Сабрие, чтобы она рассказала какими методами велось следствие и она это сделала. С этой же целью я ходатайствовал о допросе другой свидетельницы Азаматовой Авы. Видимо, этот следователь Ташкентской прокуратуры Азарян становится особенно притким и храбрым, когда допрашивает молодых женщин и девушек.

С у д ь я: Объявляется перерыв до 10 часов утра 9 февраля.

**День пятый.
9 февраля 1984 г.**

Подсудимого ввели в зал суда в 10 часов 55 минут, но заседание не начиналось еще в течение около получаса из-за перепалки у двери между желающими попасть на процесс крымскими татарами и милиционерами, не желающими впускать их, ссылаясь на отсутствие мест.

Наконец судья говорит, что судебное заседание продолжается и приглашает для допроса эксперта Р.А. Шейнфельда.

Расписавшись о том, что он предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, Р.А. Шейнфельд идет не за барьер, откуда давали показания свидетели и другие эксперты, а становится рядом с судьей.

Показания эксперта Р.А. Шейнфельд

(Заместитель Главного директора программ Узбекского государственного телевидения, кандидат философских наук)

С у д ь я: Расскажите, что вам приходилось делать во время следствия по делу подсудимого Джемилева Мустафы.

Ш е й н ф е л ь д: К моему руководству обратились из городской прокуратуры с просьбой выделить товарища, который мог бы дать экспертное заключение по содержанию документов, изъятых во время обыска у Джемилева Мустафы. Выделили меня. Было вынесено постановление о назначении экспертизы по содержанию материалов, где были перечислены вопросы, на которые мне нужно было ответить. Следователь предоставил мне материалы, по которым нужно было сделать заключение. Обследовав эти материалы, я в своем заключении ответил на все поставленные вопросы.

С у д ь я: И вы подтверждаете свое заключение?

Ш е й н ф е л ь д: Да. Заключение с моей подписью есть в деле.

П р о к у р о р: Вы можете вспомнить, по каким именно материалам вы делали заключение?

Ш е й н ф е л ь д: Да. Там были фотокопии изданных в США книг «Шесть дней», «А когда мы вернемся», изданной в Иерусалиме книги «На краю географии», письмо Мустафы Джемилева академику Сахарову, тексты передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», различные статьи и обращения зарубежным адресатам. Полный перечень документов есть в постановлении следователя. С первого же взгляда было видно, что это материалы явно клеветнического и враждебного нашему строю характера. Взять хотя бы, к примеру, обращение Джемилева к мировой общественности, опубликованной в книге «Шесть дней», где он утверждает, что будто бы в СССР уничтожены все культурные ценности крымских татар, уничтожена их литература, что они не имеют прав и т.п. Совершенно ясно, что это клевета на советский строй. Известно, что татары, как и другие национальности СССР, имеют все права. На их языке издается газета «Ленин Байрагы», имеется ансамбль песни и танцев «Хайтарма», в Ташкентском пединституте имени Низами есть факультет крымскотатарского языка и литературы, имеется крымскотатарское отделение в Союзе писателей Узбекистана, где работают писатели Черкез-Али, Закир Куртнезир и многие другие. О каком бесправии может идти речь, если они

избираются даже депутатами Верховного Совета СССР? То же самое можно сказать по всем другим клеветническим документам Джемилева Мустафы, которые были исследованы.

С у д ь я: Подсудимый, задавайте свои вопросы. Вы же ходатайствовали пригласить эксперта Шейнфельда.

Д ж е м и л е в: По поводу моего обращения к мировой общественности в связи с самосожжением в Крыму Мусы Мамута вы пишете в своем заключении, что я своим обращением дал повод зарубежным идеологическим центрам для вмешательства во внутренние дела Советского Союза. Поясните, гражданин эксперт, какие именно действия этих самых «идеологических центров» вы рассматриваете как вмешательство во внутренние дела Советского Союза?

Ш е й н ф е л ь д: В мои обязанности не входит давать оценку действиям иностранных государств, но вы своим обращением дали повод идеологическим центрам вмешиваться в наши внутренние дела.

Д ж е м и л е в: Хорошо, я дал повод, но в какие ваши конкретные внутренние дела вмешались эти самые нехорошие центры?

Ш е й н ф е л ь д: Я уже ответил.

Д ж е м и л е в: В Советском Союзе издается очень много литературы с критикой тех или иных явлений в западных странах. Стало быть, согласно вашей логике, Советский Союз тоже вмешивается во внутренние дела этих стран?

Ш е й н ф е л ь д: Советский Союз ни в чьи внутренние дела не вмешивается, он отстаивает миролюбивую политику и защищает интересы трудящихся всех стран.

Д ж е м и л е в: Понятно, гражданин кандидат советских философских наук! У меня следующий вопрос. Говоря о Фонде «Крым», учрежденном в Нью-Йорке с целью информирования общественности о проблеме крымских татар, вы в своем заключении пишете, что в него вошли Андрей Григоренко, Фикрет Юртер и другие, которые по материалам советской прессы известны как антисоветски настроенные отщепенцы. Назовите, пожалуйста, эти самые материалы советской прессы, где хоть что-то говорится об Андрее Григоренко и Фикрете Юртере.

Ш е й н ф е л ь д: Они просто упоминались в советской прессе, и я сейчас не могу дать какие-то точные данные.

Д ж е м и л е в: Они никогда не упоминались в советской прессе. Если это не так, то назовите хотя бы одну публикацию. Упоминался генерал Петр Григоренко, а не его сын Андрей Григоренко. А Фикрет Юртер был вывезен из Крыма еще в детском возрасте, является ныне гражданином США и уже по этой позиции не может подпадать под вашу категорию «отщепенцев».

С у д ь я: Вы что, собираетесь устраивать экзамен эксперту?

Д ж е м и л е в: Называйте это как хотите, но должен же он обосновать подписанное им заключение.

Ш е й н ф е л ь д: Я не обязан вам называть публикации. Я сделал заключение на основании соответствующих материалов.

Д ж е м и л е в: Если даже и писала советская пресса о некоторых людях как об отщепенцах, то что же из этого? У вас не бывает собственного мнения? Ведь вы же считаете себя ученым, философом! Напомню, что отщепенцами и предателями советская пресса называла не только отдельных людей, но даже целые народы. Например, крымских татар и некоторые другие народы выслали по

обвинению в предательстве и об этом писали в советской прессе. Как вы считаете, правильно поступили тогда в советской прессе?

Шейнфельд: Но указом Президиума Верховного Совета СССР с крымских татар снято это огульное обвинение.

Джемилев: А то, что писали по этому поводу до 1967 года было правильным? Или другое. В годы сталинской диктатуры расстреляли десятки тысяч людей, которых в советской печати называли «врагами народа», а самого Сталина «великим вождем». Потом та же советская пресса писала, что репрессированные были невиновными. Хотя бы из этого примера, как вы считаете, можно сказать, что в советской печати тоже бывают лживые публикации?

Судья: Вопрос снимается! Но отвечайте на такой провокационный вопрос!

В зале возгласы возмущения. Судья требует прекратить шум и угрожает всех повыгонять из зала.

Джемилев: В вашем экспертном заключении есть такое выражение: Фонд «образован так называемым «Национальным центром крымских татар», возглавляемым гражданином США Юртером Фикретом, который по утверждению западной пропаганды будто бы является родственником Джемилева Мустафы...». То есть, судя по контексту, вы опровергаете утверждение западной пропаганды, что Юртер Фикрет является моим родственником. Вы что, копались в моей родословной и знаете, что он не является моим родственником?

Шейнфельд: Для дела не имеет значения, является он вам родственником или нет. Произвольно я об этом не писал.

Джемилев: Относится к делу или нет — это не вам судить, гражданин эксперт. Ваша задача только обосновывать свое заключение. Если писали не произвольно, то будьте любезны пояснить, на основании каких материалов вы сделали такое заключение.

Судья: Это действительно не относится к делу. Вашего родственника здесь не судят.

Джемилев: Далее в своем заключении вы пишете, что «Национальный Центр крымских татар» осуществлял в США враждебные Советскому Союзу акции, в том числе 1 марта 1979 года организовал «провокационное сборище у здания советского представительства в г. Нью-Йорке». Расскажите, что это было за сборище и что именно там было провокационным. Вы там присутствовали?

Шейнфельд: Я дал заключение, исходя из своего воспитания и по представленным мне материалам.

Джемилев: При чем тут ваше воспитание? Поясните, на основании каких материалов вы пришли к выводу, что 1 марта в Нью-Йорке было провокационное сборище? В своем заключении вы только ссылаетесь на страницу 440 изданной в Нью-Йорке книги «Шесть дней». Но на странице 440 этой книги говорится, что 1 марта 1979 года был проведен митинг протеста перед зданием советского представительства с требованием освобождения Джемилева. Что в этом вы усмотрели провокационного?

Шейнфельд: Я уже ответил на ваш вопрос.

Джемилев: В своем заключении вы пишете: «Джемилев сознательно «забывает» опубликованные в мировой прессе факты и события, касающиеся пребывания в ДРА по просьбе ее правительства ограниченного контингента советских войск». Напомните, пожалуйста, какие именно факты и события, связанные с

вводом советских войск в Афганистан и опубликованные в мировой прессе, по вашему мнению, «сознательно забывает Джемилев»?

Шейнфельд: На пятой странице моего заключения дан ответ на этот вопрос.

Джемилев: Ни на пятой, ни на других страницах вашего заключения ответа на этот вопрос нет. Ссылаясь на советские газеты, вы только утверждаете, что будто бы советские войска пригласило правительство Афганистана. Но как раз таки эта ложь и опровергалась мировой печатью. В этой связи у меня к вам еще один вопрос. Вы говорите в своем заключении, что в Афганистан был введен «ограниченный контингент войск». Скажите, какое число солдат и танков считается «ограниченным»? В мировой печати сообщалось, что ввели около ста тысяч войск. Это считается «ограниченным контингентом»?

Шейнфельд: Я не компетентен ответить на этот вопрос и не знаю, какое количество войск в Афганистане.

Джемилев: А зачем же тогда вы, гражданин философ, употребляете выражения, в которых не компетентны?

Шейнфельд: Я не собираюсь перед вами отчитываться.

Джемилев: Отчитываться будете перед своим начальством, а здесь вы обязаны отвечать за каждое слово своего экспертного заключения. Так что вы подразумевали под термином «ограниченный контингент»?

Судья: Вопрос снимается как не относящийся к делу.

Джемилев: По поводу моего обращения ко всем мусульманам в связи с голодовкой академика Андрея Сахарова и его супруги Елены Боннер вы пишете: «Советским читателям хорошо известно из сообщений советской прессы о том, что академик А. Д.Сахаров и его супруга Е.Боннер проживают в полной безопасности и спокойствии в г. Горьком. Использование же таких оборотов, как «находится в смертельной опасности», «может окончиться для них мучительной смертью» — сознательная ложь и клевета». О том, что Сахаров и его супруга объявили голодовку сообщалось и в советской прессе. Мое обращение было датировано 15 декабря 1981 года, то есть на 15-ые сутки их голодовки. Скажите, когда человек голодует уже столько дней и еще продолжает голодовку — это не представляет опасность для жизни?

Судья: Вопрос снимается. Этот вопрос не имеет отношения к обвинению, предъявленному подсудимому.

Джемилев: Касаясь моего письма в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей» от 26 октября 1981 года вы в своем заключении пишете: «М. Джемилев пытается в этом письме опорочить законный шаг советского правительства в ответ на просьбу ДРА о вводе временно в Афганистан ограниченного контингента советских войск. В этом же письме М. Джемилев приветствует территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и ее деловых кругов, направленные против интересов СССР...» Пожалуйста, процитируйте из этого моего письма строки, где М.Джемилев приветствует территориальные притязания Японии к СССР и порочит действия СССР в отношении Афганистана. То есть, какие именно слова в моем письме послужили для вас основанием для подобного вывода?

Шейнфельд: Все материалы, в том числе и это письмо, лежали передо мной. Внимательно прочитав письмо, я пришел к такому выводу.

Д ж е м и л е в: Но ведь в этом письме ни единым словом не упоминаются ни Афганистан, ни СССР, ни Япония с территориальными претензиями. Если это не так, то процитируйте соответствующие фрагменты.

Ш е й н ф е л ь д: Я не обязан ничего цитировать. Просто так я не писал. Значит, на то были основания.

Д ж е м и л е в: В моем письме был лишь ответ на вопрос радиостанции о том, какими принципами должна руководствоваться Япония в своих взаимоотношениях с другими государствами. И в этой связи говорилось лишь, следующее: *«Если какая-то страна считает правомерной оккупацию части территории своего соседа лишь по праву сильного, по тому же праву вторгается на территорию другого соседа и с помощью штыков устанавливает угодный своей воле режим..., то говорить об искренней дружбе с таким соседом вряд ли приходится...»*. Может быть, эти слова послужили основанием для ваших выводов?

Ш е й н ф е л ь д: Да. Ведь вполне очевидно, что здесь вы имеете в виду ввод войск в Афганистан и острова Курильской гряды, на которые притязает Япония.

Д ж е м и л е в: Ну, если даже вы, советский философ, пришли к выводу, что таким агрессивным соседом Японии является только Советский Союз, это, конечно, очень интересно и примечательно. Но зачем же вы решили домысливать за меня? Можете быть, я имел в виду совсем другое государство. Или вы считаете, что у Японии, кроме СССР, больше нет агрессивных соседей?

(В зале смех, аплодисменты).

Ш е й н ф е л ь д: Да ладно! Ясно же, что вы в своем письме имели в виду именно Советский Союз!

С у д ь я: Все понятно. Эксперт ответил на ваш запрос. У вас все? Больше нет вопросов?

Д ж е м и л е в: Вы пишете, что «ограниченный контингент» советских войск по просьбе правительства Афганистана был введен в эту страну временно. На вопрос о том, какое количество войск считаете «ограниченным контингентом» вы ответили, что не компетентны ответить на такой вопрос. Скажите тогда, какой срок пребывания войск одной страны на территории другого государства считается временным. Советские войска воюют с афганцами уже пятый год. Как вы считаете, когда этот «временный» срок истечет, и солдаты вернутся домой?

С у д ь я: Вопрос снимается, так как задан не по существу дела.

Д ж е м и л е в: Анализируя обращение к «Главам государств, участников Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе», вы пишете, что я в этом документе с целью клеветы на советский строй утверждаю о якобы имевшей место ликвидации советской властью нашей национальной интеллигенции. Вы в самом деле считаете, что при советской власти, хотя бы в годы правления Сталина, не было никаких незаконных репрессий и уничтожения интеллигенции?

С у д ь я: Вопрос снимается, так как вопрос о репрессиях не относится к настоящему делу.

Д ж е м и л е в: В том же разделе своего заключения вы утверждаете, что я извратил гуманную сущность указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, которым было снято огульное обвинение с татарского народа в предательстве. Скажите, в чем заключается гуманность этого указа? Вы сами признаете, что только было снято огульное обвинение. У человека отнимают

Родину, отправляют в ссылку, часть его родных и близких убивают голодом, а потом через четверть века сообщают только, что была совершена ошибочка. Это и есть советская гуманность? Или вы считаете, что в 1944 году крымских татар выселяли правильно, а в 1967 году их только простили посредством этого гуманного указа?

С у д ь я: Но вы же сами, Джемилев, признали, что Указ 1967 года снял огульное обвинение. Это разве плохо?

Д ж е м и л е в: А что это вы отвечаете за эксперта? Пусть отвечает сам. Он же кандидат философских наук и, наверное, сможет ответить сам.

Ш е й н ф е л ь д: Такой вопрос мне не ставился. Я отвечал только на те вопросы, которые были указаны в постановлении следователя.

Д ж е м и л е в: Такой вопрос ставится вам сейчас сугубо по контексту вашего заключения. Будьте любезны ответить, коль скоро вы считаете, что я извратил гуманную сущность советского указа.

С у д ь я: Вопрос снимается. Он не относится к делу.

Д ж е м и л е в: Кстати, почему вы пишете о снятии огульного обвинения с татарского народа, а не с крымскотатарского? Ведь татарского народа, который живет в Татарии, этот указ вовсе не касается. Или вы тоже отрицаете существование крымскотатарского народа?

Ш е й н ф е л ь д: Возможно, была допущена опечатка при печатании. Большой разницы я здесь не вижу.

Д ж е м и л е в: Вы утверждаете в своем заключении, что изданное на основании указа от 5 сентября 1967 года постановление Президиума Верховного Совета СССР открыло возможность крымским татарам переселяться в Крым. Это просто ваши философские размышления или вы пришли к такому выводу на основании каких-то конкретных данных?

Ш е й н ф е л ь д: Я сам был в Крыму и видел проживающую там семью крымских татар.

Д ж е м и л е в: И поэтому решили, что никаких ограничений для крымских татар по национальному признаку в вопросе прописки в Крыму не существует?

Ш е й н ф е л ь д: Ну, может быть, нужных специалистов прописывают. Во многих местах существуют ограничения на прописку и национальность здесь не причем.

Д ж е м и л е в: А то, что люди сжигают себя заживо в знак протеста против национальной дискриминации, это, по-вашему, просто какое-то недоразумение?

С у д ь я: Вопрос снимается.

Д ж е м и л е в: В одном из разделов своего заключения вы касаетесь инцидента на Керченской паромной переправе. Скажите, какими материалами вы располагали, когда делали заключение по этому инциденту?

Ш е й н ф е л ь д: Представленные следователем материалы и мои знания. Все представленные материалы перечислены в постановлении следователя.

Д ж е м и л е в: Вы утверждаете, что в своем обращении в Организацию Исламская Конференция в связи с событиями на Керченской переправе мы необоснованно обвиняем работников милиции в незаконных действиях во время похорон моего отца и добавляете: «Незаконность заключается в том, что было предложено транспортировать покойника в цинковом гробу с соблюдением других правил похоронного обслуживания». Скажите, откуда вам известно, что покойника

через Керченскую переправу нужно было транспортировать в цинковом гробу? Вы такое заключение сделали, исходя из своих знаний марксистской философии, или вам давали еще какие-то материалы? Дело в том, что в перечне предоставленных вам следователем материалов не указаны какие-либо инструкции и правила захоронения покойников.

Шейнфельд: Когда мне не были ясны какие-то вопросы, я знакомился с материалами уголовного дела.

Джемилев: В начале своих показаний вы говорили, что вам дали только материалы, по содержанию которых вам нужно было сделать экспертное заключение на основании своих знаний. Теперь говорите, что знакомились со всеми материалами дела. Вам было передано все уголовное дело или давали какие-то материалы в соответствии с вашими запросами?

Шейнфельд: По моим официальным запросам.

Джемилев: Но в деле нет никаких ваших официальных запросов и ответов следователя с перечнем передаваемых дополнительных материалов. Чем это объясняется? Или у вас с прокуратурой такие доверительные и дружеские отношения, что обходились без лишних формальностей?

Судья: Вопрос снимается, так как не относится к существу обвинения.

Джемилев: Анализируя изъятые у меня во время обысков тексты передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», вы высказываете свое суждение только относительно интервью генерала Петра Григоренко обозревателю Виктору Французову по поводу ратификации договора ОСВ-2, а по поводу остальных текстов только пишете: «Другие радиопередачи построены на клеветнических выступлениях отщепенки Сейтмуратовой». Скажите, гражданин эксперт, почему вы называете проживающую в США гражданку Сейтмуратову Айше отщепенкой, и в чем заключается клевета в ее выступлениях?

Судья: Вопрос снимается. Здесь не рассматривается дело в отношении Сейтмуратовой. У вас больше нет вопросов к эксперту?

Джемилев: Видимо, нет смысла дальше задавать вопросы, ибо как только вы увидите, что философ в тупике, то сразу же ответите за него своим традиционным «не относится к делу».

Судья: Вы свободны, товарищ эксперт.

После ухода эксперта Шейнфельда судья объявляет, что поступило несколько телеграмм от свидетелей, которые сообщают причины, по которым они не смогли приехать на процесс, зачитывает эти телеграммы. В телеграмме от свидетеля Зубова сообщается, что свидетель подтверждает свои показания на предварительном следствии, но приехать на процесс не может ввиду служебных обстоятельств. В телеграммах от свидетелей Кулиш М.И. и Добровольского А.В. говорится об их невозможности приехать ввиду болезни. Зачитывается также заявление Томакова Амета, где говорится, что он не может приехать на процесс из г. Гулистана ввиду своего преклонного возраста (ему 91 год) и тяжелого состояния здоровья.

Затем судья спрашивает мнение сторон о том, можно ли ограничиться уже допрошенными свидетелями.

Прокурор соглашается с мнением, что вполне можно ограничиться, поскольку картина и так уже достаточно ясна и указанные свидетели не смогли приехать по уважительным причинам. Кроме того, по мнению прокурора, можно при необходимости зачитать показания, которые они давали на предварительном следствии.

Д ж е м и л е в: Я категорически против того, чтобы устный допрос свидетелей был заменен читкой их показаний на предварительном следствии. Согласно статье 266 ч.2 УПК УзССР оглашение в суде показаний свидетелей, данных ими на предварительном следствии, может иметь место лишь в том случае, если они отсутствуют по причинам, исключающим возможность их явки в суд. Ссылки на служебные обстоятельства, как это указано, например, в телеграмме Зубова, ни в коей мере не подпадают под категорию уважительных для суда причин. Есть также основания полагать, что повестки были высланы не всем свидетелям даже из числа тех, которые перечислены в списке, приложенном к обвинительному заключению. Я имею ввиду, в первую очередь, свидетеля Адольфа Денисова, от которого нет даже липовой телеграммы со ссылкой на болезнь или какие-то иные причины...

Далее М. Джемилев перечисляет пять других свидетелей, которые обязательно должны быть вызваны и допрошены в зале суда. В их числе М. Джемилев называет Асанова Амета, Бариева Айдера и некоторых других.

Судья перешептывается с заседателями и затем объявляет: «Суд, совещаясь на месте, определил: В связи с тем, что суд принял все меры для вызова и допроса свидетелей, но некоторые дали телеграммы о невозможности явки, другие не явились по неустановленным причинам, поэтому считает возможным ограничиться оглашением их показаний».

Показания подсудимого Мустафы Джемилева

После решения вопроса со свидетелями судья спрашивает у М. Джемилева, отказывается ли он по-прежнему от дачи показаний по существу предъявленного ему обвинения.

Д ж е м и л е в: Я не заявлял об отказе от дачи показаний, а только говорил о том, что сперва нужно допросить свидетелей.

С у д ь я: Сейчас допрос свидетелей и экспертов уже закончен. Вы будете давать показания?

Д ж е м и л е в: Полагаю, что после моих показаний придется снова вернуться к вопросу о вызове дополнительных свидетелей. Поскольку хотя очень пристрастное и необъективное, но все-таки нечто похожее на предварительное следствие было проведено прокуратурой только по инциденту на Керченской паромной переправе, то и я в своих показаниях буду пока говорить в основном именно по этому эпизоду.

С у д ь я: Мы слушаем ваши показания.

Д ж е м и л е в: 3-го июня прошлого года, примерно в 3 или 4 часа ночи, к нам постучали в окно. Я решил было, что опять пришла милиция проверять нахожусь ли я дома. Встал, оделся и, проклиная в душе всю милицию и милиционеров, вышел во двор. Но у дверей стоял мой товарищ. Он сказал, что принес черную весть — что к нему несколько минут назад позвонили из Новороссийска и сообщили о смерти моего отца.

Спать больше, разумеется, не ложились. Я сел за пишущую машинку и стал отстукивать заявление на имя начальника Янгиюльской городской милиции. В заявлении я вкратце написал и о том, что мои родители в 1977 году выезжали в Крым с целью дожить там свои последние годы и быть похороненными на родной земле, но их вновь оттуда выселили в 1978 году и после долгих мытарств они

поселились в г. Абинске Краснодарского края, где и умер мой отец. В заключение своего заявления я сообщил, что намерен исполнить последнюю волю и последнее пожелание отца — похоронить его на родине, в Крыму, и, как поднадзорный, просил выдать мне разрешение на выезд в Краснодарский край и Крымскую область.

Утром почтальон принес и соответственно заверенную телеграмму, где сообщалось о смерти отца и указывалась дата похорон. С этой телеграммой и с заявлением я зашел к заместителю начальника городской милиции Джалилову. Он сказал, что для решения этого вопроса потребуется определенное время, потому что он должен кое-куда позвонить и получить их ответ. Просил подождать некоторое время. Я ждал в милиции часа два-три. С Ташкентом Джалилов созвонился еще при мне, но там, видимо, ответили, что они тоже с кем-то должны обсудить этот вопрос. Поэтому Джалилов сказал, чтобы за ответом я пришел после обеда. После обеда Джалилов сказал, что вопрос в принципе решен, но мне нужно изменить формулировку своего заявления, вернее, исключить из заявления то место, где говорилось о насильственном выселении моих престарелых родителей из Крыма. Он спросил также, где именно в Крыму я намереваюсь похоронить своего отца, чтобы выдать мне разрешение на проезд именно в тот пункт Крыма. Я ответил, что это пока неизвестно и вопрос этот будем решать там. Тогда он предложил назвать в Крыму адреса, где я намерен остановиться или где будут знать о моем местонахождении. Я назвал адреса двух своих друзей в Симферополе и Белогорске. Таким образом, мне было выдано разрешение или, как его называют, «маршрутный лист», где было указано, что мне для участия в похоронах своего отца разрешается проезд в города Новороссийск, Абинск Краснодарского края, а также в Симферополь и Белогорск Крымской области.

Я прилетел в Симферополь 4 июня в первой половине дня. Прилетевшие вместе со мной родственники, кто как мог, из Симферополя вылетели или выехали в сторону Абинска, а я вместе со своим товарищем — жителем Симферополя, который встретил нас в аэропорту, задержались в Крыму для решения вопроса о месте захоронения отца. Было решено хоронить на кладбище в селе Текие Карасубазарского района. Это село сейчас называется, кажется, не то Ивановка, не то Михайловка, а может быть Сидоровка — в общем, какое-то русское имя, и относится к Белогорскому району. Говорят, что это единственное мусульманское кладбище на всей территории Крыма, частично сохранившееся после выселения крымских татар из Крыма в 1944 году. Затем мы прибыли в г. Белогорск и вместе со своим другим товарищем Шабановым Эльдаром, проживающим в этом городе, на его машине выехали в сторону г. Абинска. По дороге мы остановились в селе Бахчи-Эли (по-русски это село сейчас называется, кажется, Богатое), расположенном рядом с селом Текие. Там проживает несколько семей наших соотечественников и мы договорились с ними насчет того, что они подготовят место для захоронения, выроют могилу и прочее. Но поскольку вопрос о месте захоронения предстояло еще обсудить на семейном совете, то договорились, что мы сегодня же позвоним из Абинска, сообщим окончательное решение и только тогда они могут подготовить могилу.

При переезде из Крыма в Краснодарский край мы простояли в очереди на переправе довольно долго и, пользуясь случаем, вместе с Шабановым Эльдаром

решили выяснить у работников Керченской переправы насчет условий и правил перевозки покойников на пароме. Мы обратились к работнику, который давал распоряжения какой-то машине, где встать, проверял билеты и пропускал машины на паром. Какова его должность, точно я не знаю, но он, видимо, был контролером. Мы сообщили ему, что завтра собираемся перевезти из Абинска в Крым покойника для захоронения и попросили объяснить существующие на этот счет правила. Он сказал, что никаких особых правил нет, но нужно только сразу же сообщить администрации переправы, чтобы нас пропустили на паром без очереди. Мы спросили еще, а как же будет с сопровождающими машинами, если их окажется много. Контролер ответил, что обязан пропустить без очереди все машины, сколько бы их ни было. Я спросил, были ли вообще случаи перевозки покойников через переправу и в каком виде перевозят. Он ответил, что был недавно такой случай — перевозили в открытом грузовике, в гробу, но в открытом виде, а крышка гроба, как обычно, была рядом; рядом же с покойником на грузовике сидели близкие покойника. В свою очередь он спросил у нас, в какой машине мы собираемся везти своего покойника. Я ответил, что, видимо, на этой же легковой машине — на «жигулях» с фургоном. Работник переправы выразил сомнение по поводу того, влезет ли в эту машину гроб, но я ответил, что у нас не предусмотрены гробы — покойник будет в саване и на специальных носилках. Он пожал плечами и сказал, что если покойник уместится, то это наше дело как везти.

Приехали мы в Абинск примерно в 11-ом часу ночи. Тело отца как раз в этот день было доставлено из больницы Новороссийска в забальзамированном виде и, согласно предупреждениям врачей, он должен был быть захоронен не позже чем через пять дней.

Мы, родные и близкие покойного, собрались для обсуждения вопроса о месте захоронения. Были некоторые возражения по поводу захоронения в Крыму. Говорили, что, конечно, воля и желание покойного священны, но нужно исходить из реальностей. Приводили примеры, когда власти Крымской области не разрешали хоронить в Крыму даже тех крымских татар, которые умерли в самом Крыму и лишь по той причине, что они не были там прописаны. Я исходил из того, что органы уже хорошо знают о намерении хоронить отца в Крыму и поскольку они выдали мне маршрутный лист, где указано, что для участия на похоронах мне разрешается проезд в Крымскую область, поэтому они не станут нам препятствовать.

В конечном счете, было решено, что наш долг сделать все возможное, чтобы исполнить волю отца, а если не удастся, то пусть грех падет на головы тех, кто нам воспрепятствует. Затем мы позвонили в Крым и сообщили, чтобы завтра ко второй половине дня подготовили могилу.

На следующее утро совершили все необходимые ритуалы — омовение, молебен и вышли на дорогу. До этого двое из наших съездили к санврачу города и взяли справку с разрешением на вывоз покойника за пределы района.

Тело отца в саване, накрытое сверху целлофаном и затем бархатным материалом, уложили на специальные носилки и, по традиции, пронесли несколько сот метров пешком. Затем тело вместе с носилками уложили в машину ГАЗ-24 «Волга» с фургоном. Рядом с отцом сел его брат Томаков Амет, который, согласно нашим обычаям, на всем пути следования должен был читать выдержки из Корана. В эту же машину рядом с водителем сел мой старший брат Асан. Следом на другой машине ехал я, затем, если не ошибаюсь, красное «Жигули» Чайлак Рефата, следом за ним еще 5-6 легковых машин.

Нас остановили на посту ГАИ, расположенном примерно в 10-ти километрах от Керченского пролива, отделяющего Крым от Краснодарского края. Остановивший нас милиционер потребовал документы водителя ГАЗ-24 и Чайлак Рефата. Он забрал их документы и сказал, что звонили из Абинска и приказали задержать колонну машин с похоронной процессией, а также забрать документы именно этих двух машин. Были, конечно, возмущенные голоса — говорили, что это за нелепый приказ, ведь мы везем покойника, у нас впереди еще немало пути, нам нужно успеть вовремя... Милиционер, оказавшийся инспектором по фамилии Мороз, разводил руками, говорил, что ничего поделаться не может, приказ есть приказ — его надо выполнять, и вы войдите в мое положение, что он сейчас позвонит, доложит о задержании, а там как скажет начальство, так и будет. А пока он предложил нам убрать машины в сторону. Мы так и сделали.

Потом он стал куда-то звонить, докладывать ситуацию. Не помню точно, когда именно, то ли до того как позвонил или после переговоров со своим начальством, он попросил предъявить соответствующие документы на покойника. Ему дали свидетельство о смерти и справку санврача г. Абинска, где говорилось, что вывоз покойника за пределы района разрешается. С этими справками он зашел к себе в будку и, по-моему, опять куда-то звонил. Через некоторое время, когда у него потребовали вернуть бумаги, он вдруг заявил, что их у него нет: то ли сказал, что уже возвратил нам, то ли вообще не брал. Конечно, люди возмутились, ибо были все основания полагать, что затевается что-то недоброе. В конечном счёте, эти бумаги все-таки нашлись: они оказались на его столе, кажется, под телефоном, и он их нам вернул — не извинился, но сказал, что-то вроде того, что в такой ситуации немудрено и голову потерять. Не берусь утверждать с уверенностью, что он хотел вообще спрятать и не возвращать нам эти справки, но такой случай был и он еще больше насторожил нас. Поэтому, когда позже эти бумаги стали спрашивать другие чины милиции, то им в руки не давали, а просто показывали.

Примерно минут через сорок приехал один высокий мужчина в штатском, который тоже интересовался нашими бумагами, спрашивал, почему решили хоронить именно в Крыму, какая разница для мертвого, где быть похороненным, что для захоронения в Крыму нужно отдельное разрешение, а имеющих у нас бумаг недостаточно и т.д. Он нам не представился, не сообщил и своей должности, но бывшие с нами крымские татары из Темрюкского района сказали, что это начальник местного отделения КГБ Грузин. Потом он сказал, что сейчас куда-то поедет и созвонится по этому вопросу не то с Крымом, не то с Краснодаром. Я ему говорю «Зачем же куда-то ехать? Звонил бы прямо из поста ГАИ, чтобы и мы слышали, да и время не ждет...» Он ответил, что из поста ГАИ созвониться трудно, а в двух-трех километрах есть какой-то пункт, откуда созвониться легче. Потом сел в свою машину и уехал.

Через некоторое время подъехали еще люди в штатском. Один назвался заместителем начальника милиции, а другой — представителем райисполкома. Они тоже осмотрели наши бумаги и сказали, что вывозить труп не разрешается, а надо хоронить по месту прописки покойного. Мы стали спрашивать по какому праву, где написано, что обязательно нужно хоронить по месту прописки и, вообще, о какой прописке может идти речь, когда человек умер и т.д. Ничего вразумительного они нам не ответили. Один из них, назвавшийся работником райисполкома, заявил, что здесь он местная власть и раз он говорит, что

существуют такие правила, значит, так оно и есть и дальнейшие разговоры на эту тему излишни. Поворачивайте, дескать, и езжайте к себе в Абинск. А зам. начальника милиции заявил, что в справке у нас говорится о разрешении на вывоз покойника только за пределы района, но не говорится о разрешении на вывоз за пределы Краснодарского края в другую область, тем более, что Крымская область — это уже другая республика. Поэтому, по его словам, для вывоза туда необходимо разрешение Краснодарского крайисполкома. Мы стали доказывать, что это нелепо и не может быть в природе таких глупых законов — ведь сколько времени потребуется для сбора этих справок и разрешений!

Потом опять вернулся начальник КГБ Грузин. Он тоже сказал, что в Крым нас не пропустят и предложил похоронить в поселке Сенном Темрюкского района, ибо там с семьей живет моя сестра.

Спорить с ними, доказывать что-то было уже бесполезно. Мы взяли носилки с телом отца на руки и понесли его в сторону Крыма пешком.

Конечно, было очевидно, что нас задержат и в другом месте, но, идя на такой шаг, мы просто хотели до конца выполнить свой долг перед покойным и приблизиться с его телом к Крыму настолько, насколько есть возможность. Во-вторых, было слабая надежда, что у этих чиновников хоть немного проснется совесть. Приблизиться к Крыму приблизились, а вот расчеты на совесть оказались беспочвенными.

Мы прошли пешком примерно километра два-три. Вскоре в небе появился вертолет. Он пролетел мимо нас, приблизился к посту ГАИ, задержался там на некоторое время и улетел. Через некоторое время после этого нас догнала наша «Волга», водитель которой радостно сказал, что ему вернули все документы. Мы решили, что на посту ГАИ получили из вертолета наконец-то разумное распоряжение, вновь положили носилки с телом отца в эту машину и всей колонной быстро поехали к переправе.

Когда мы подъехали, как раз шла погрузка автомобилей на паром. Некоторые из наших побежали к кассе и стали брать билеты. Они сказали там, что везут покойника, но просить, чтобы пропустили без очереди, не стали, так как очередь итак продвигалась быстро — погрузка началась недавно и была уверенность, что мы все же попадем на этот паром. Но как только подошла наша очередь въезда на территорию переправы, ворота закрылись и возле ворот с внутренней стороны выстроились милиционеры. Они первое время нам ничего не говорили, молчали и только посмеивались, глядя на нас, перебрасывались друг с другом репликами на тему что-то вроде штурма татарской орды. Стали подъезжать все новые и новые машины с милиционерами, а затем подъехал Грузин и все те начальники, которые были на посту ГАИ. Вновь начались те же споры, та же перепалка. Женщина-кассир, которая продала билеты нашим водителям, тоже вышла из кассы и стала просить, даже умолять, чтобы мы вернули билеты обратно потому что, мол, билеты были проданы ошибочно. Впрочем, она сначала просила не совсем вернуть, а отдать ей для внесения каких-то поправок. Но билеты ей не вернули, и она потом начала упрашивать нас, просить, чтобы ее не подводили, говорила, что у нее тоже есть семья и прочее. Прямой связи между благополучием ее семьи и проданными билетами мы не усмотрели, а поэтому все-таки решили их не возвращать.

Вскоре послышалась команда, чтобы паром отчаливал. Люди возмущались — как же так, посадка только что началась, паром не заполнен даже наполовину,

почему прекратили посадку?! Но паром все же отошел от берега и удалился в сторону Керчи. Вплоть до конца конфликта и нашего возвращения обратно, паром к порту больше не причаливал. Поэтому уверения о том, что будто бы он в ожидании выгрузки и погрузки простоял в порту «Кавказ» один час и 15 минут — это грубая и неумная ложь.

Число легковых автомобилей, автобусов и других видов транспорта, прибывших сюда для переправы на Керчь, все более и более увеличивалось. Люди, естественно, требовали, чтобы скорее решили вопрос, открыли ворота и пропустили их на паром. Те, которые вскоре поняли суть проблемы, а их, я думаю, было большинство, в основном помалкивали и терпеливо ждали чем все это кончится. Были и люди, которые громко высказывались в нашу поддержку, но их быстро куда-то отзывали, что-то им говорили, а потом они больше не высказывались. Например, одну женщину, которая подошла к нам и громко сказала, что, мол, правильно делаете, добиваясь своих прав, Крым — это ваша родина и тому подобное, двое милиционеров схватили за руки и повели в сторону здания порта, мы стали возмущаться, требовать, чтобы ее немедленно отпустили. Но зам. начальника милиции, подойдя ко мне, говорит: «Да за кого же вы вступаетесь, она же пьяная, еле держится на ногах!» и тому подобное. Ну а тех, которые кричали, чтобы скорее расчистили дорогу от наших машин и не мешали их проезду в порт, конечно, пьяными не объявляли. Им говорили, что понимают справедливость их возмущения, но вот, дескать, не могут убедить этих татар.

Затем нам сказали, что скоро придет ответственное лицо из Крымского облисполкома и если он разрешит захоронение в Крыму, то нас пропустят. Действительно, вскоре из Керчи на катере приехал человек в штатском, который назвался подполковником Денисовым. Вместе с ним приехали на этом же катере милиционеры, которые присоединились к блокировавшим ворота милиционерам. Денисов поочередно вызывал меня, моего брата и некоторых других в проходное помещение порта и спрашивал, почему мы решили хоронить покойника в Крыму, есть ли у нас на это разрешение из Крымского облисполкома и Краснодарского крайисполкома, где именно в Крыму мы собираемся хоронить и есть ли у нас разрешительные справки от райисполкома и того сельсовета или поселкового совета, на территории которого собираемся хоронить. Я говорил, что, насколько мне известно, такие справки и разрешения не предусмотрены и не могут быть предусмотрены законом, но если Денисов утверждает, что они обязательны, то пусть он предъявит нам соответствующие писанные законы и правила. Денисов ответил, что таковы правила, но он не обязан таскать эти постановления с собой и предъявлять их каждому. Я сказал, что звучит это очень лживо, ибо ему, очевидно, сообщили по телефону суть проблемы и если действительно были бы такие постановления, то он непременно прихватил бы их с собой. Я также сказал, что если нам будут предъявлены эти самые постановления, то мы немедленно покинем порт. Затем Денисов говорил что-то насчет того, что не все постановления показывают всем, бывают инструкции для служебного пользования, секретные и т.п. Я ответил, что этот довод тоже не совсем убедителен — нам не нужны их секреты и служебные тайны, но поскольку речь идет о правилах, предусмотренных для граждан, то они не могут быть от этих граждан секретными.

Не помню точно, кто первый это высказал — то ли Денисов, то ли кто-то другой из милицейского начальства, но высказали, что вообще-то покойников надо перевозить

в цинковых гробах. Идея эта была потом подхвачена почти всеми, а Денисов даже громко высказал это толпе — вот, дескать, согласно правилам, нужно перевозить покойников в цинковых гробах, а они нарушают правило и хотят взять своей напористостью. Мы и здесь попросили, чтобы принесли и ознакомили нас с инструкцией по Керченской паромной переправе, где было бы сказано, что так оно и есть. Но этой инструкции нам, разумеется, тоже не показывали. Тогда я сказал, что если дело только в цинковом гробе, то это вполне разрешимая проблема. Только я предложил Денисову, чтобы он дал расписку о том, что если покойник будет уложен в цинковый гроб, то нас немедленно пропустят, и больше препятствий чинить не будут. В толпе Денисов сказал, что не обязан давать такие расписки каждому, кто перевозит покойников: есть, мол, такие правила и точка! Но когда меня в очередной раз вызвали в проходную к Денисову, и я ему еще раз уже в присутствии начальника КГБ Грузина предложил дать расписку относительно цинкового гроба, он раздраженно ответил: «Да не это же главное! Как будто сами не знаете. Было бы разрешение!» и начальник КГБ Грузин все время следовал за мной и говорил одно и то же: «Мустафа, уберите машины! Говорю вам по-хорошему, уберите машины сами, пока еще не поздно! «и тому подобное. Он почему-то решил, что все зависит от меня, и обращался в основном только ко мне. И еще он высказал такую идейку. Если, дескать, хотите обязательно хоронить в Крыму, то можно сделать это и попозже — захороните пока на ближайшем кладбище, затем соберите все необходимые бумаги и перевезите останки позже, через несколько недель в законном порядке. Я ему говорил: «Вы что, идиот? Или нас за идиотов принимаете. Вон, в нескольких километрах отсюда Крым — нам только перевезти, похоронить, и дело окончено, а вы предлагаете какую-то ерунду». Стоявший рядом один из участников похорон Ильясов Дильшат, врач по специальности, также заметил ему, что после захоронения эксгумация трупа разрешается, как минимум, через год и что, говоря о возможности перезахоронения праха через пару недель, он преднамеренно лжет.

Обстановка все более накалялась. Появились и пьяные люди. Прямо на территории переправы имеется вино-водочный магазин, так что недостатка в спиртном не было и многие от скуки ожидания создавали большие очереди за этой продукцией. В толпе слышались громкие дискуссии о том, кто такие крымские татары, за что их выслали, правильно ли сделали, что выслали и т.д.? Иногда подбрасывали кое-какие реплики на эту тему и работники милиции. Содержание этих реплик, конечно, было отнюдь не дружелюбное по отношению к крымским татарам. Я заметил начальнику КГБ Грузину, что это похоже на провокацию и потребовал, чтобы были приняты меры по прекращению этого безобразия. Грузин усмехался, разводил руками и говорил, что мы сами своим поведением настраиваем людей против себя и своего народа, поэтому сделать он тут ничего не может.

Слыша реплики в адрес крымских татар, стали включаться в полемику и участники похорон. Высказывались суждения о том, что разжигание взаимной неприязни между русскими, украинцами и крымскими татарами никому пользы не принесет и что это в интересах только тех, кто не хотел бы возвращения крымских татар на свою родину, о праве каждого народа жить на своей родине и тому подобное.

Со стороны толпы были отдельные выкрики и о том, что нечего с ними церемониться, надо выбросить с дороги их машины вместе с трупом, что, если

надо, то к этому трупу могут добавить ещё несколько трупов и далее в таком духе. А один из милиционеров, как выяснилось впоследствии, по фамилии Дереев, даже предложил водителю одного грузовика «двинуть» машину ГАЗ-24 с покойником. Сказал он это довольно громко, чтобы слышали и крымские татары, хотя, правда, выглядело это не как серьезное распоряжение, а нечто вроде шуточного и дружеского предложения. Водитель в ответ ему говорит: «Ну да! Не тебе же потом за это отвечать», а милиционер в таком же тоне: «Ничего, мы же инспекция, мы и оформим как надо».

Было и некое, так сказать, «героическое» выступление со стороны подполковника Денисова. Прямо перед толпой и обращаясь к нам, он во весь голос заявил: «Хоть режьте меня, хоть разорвите на куски, но вы в Крым не пойдете!» И что для нас же будет лучше, если мы подобра-поздорову уедем отсюда.

Время приближалось к закату солнца, а согласно наших правил похороны должны проводиться в дневное время. Мы обратились к Денисову и к начальнику КГБ Грузину, чтобы нам дали расписку о том, по какой причине нас не пропускают вместе с покойником на территорию Крыма, так как намерены обжаловать их действия. Мы обещали покинуть переправу, как только получим такую расписку. Денисов долго не соглашался писать расписку, говорил, что не обязан, но, поняв, что в противном случае не уедем, он все же стал что-то писать. Первый вариант его расписки состоял из двух-трех фраз, где говорилось, что он, Денисов, не пропустил машину с покойником через переправу, так как нами не соблюдены условия перевозки трупов. Но мы сказали, что такая бумажка не пойдет, так как это дает им возможность в будущем приписать нам любые «несоблюдения условий», которые они захотят придумать. Мы требовали, чтобы он изложил в этой расписке условия, которые он выдвигал в устном порядке и перечислил те инстанции, от которых якобы требуются разрешения на перевозку в Крым покойника. После долгих препирательств он все же написал в этом духе, но опять-таки не перечислил все инстанции, о которых говорил. Он упомянул только о необходимости получить разрешение из Крымского облисполкома и Краснодарского крайисполкома. На вопрос, почему же он не пишет про остальные инстанции, которые перечислял, Денисов с усмешкой ответил, что будет достаточно, если мы сможем получить разрешения хотя бы из этих инстанций. Я просил также упомянуть там и про цинковый гроб, но он и этого не стал писать, сказав, что не это самое главное.

Получив расписку, мы сели в машины, развернулись, отъехали немного, а затем остановились и стали обсуждать, что делать дальше. Было ясно, что до заката солнца мы не успеем доехать до Абинского кладбища и произвести захоронение. Оставляя похороны на следующий день тоже нежелательно. Во-первых, согласно шариату, нельзя покойника возвращать снова в дом, откуда он был уже вынесен на похороны. Во-вторых, это означало, что нужно повторить весь ритуал, то есть омовение, молебствие и все остальное, а следующий день был будничным, рабочим и не все, кто хотел, мог бы принять участие в похоронах. Тем более, что среди нас были и люди, прибывшие издалека, которым сегодня же надо было уехать. Решили хоронить в станице Тамань, которая расположена недалеко от паромной переправы, тем более, что на кладбище этой станицы имеется мусульманский отсек. Сели в машины и двинулись к Тамани. Милицейские машины тоже двинулись за нами. Не доезжая до Тамани, нас вновь стали останавливать милиционеры. Первая машина с покойником и вторая, на которой

ехал я, а также, по-моему, еще одна следовавшая за нами, останавливаться не стали. Но остальные все же были остановлены, потому что, как говорилось позже, один из милиционеров не то растянулся прямо на дороге, не то просто вышел на середину дороги. Всех пассажиров задержанных машин высадили, отняли у водителей права, проезд к кладбищу им не разрешили.

Тем временем, мы подъехали к воротам кладбища, занесли тело отца на его территорию, вызвали кладбищенского сторожа, живущего по соседству, который очертил нам место для могилы и выдал несколько лопат.

Мы стали копать могилу. Очень торопились, потому что хотели успеть все сделать до захода солнца.

Через несколько минут к кладбищу подъехали милицейские машины. Высыпавшие из них милиционеры, правда, к нам не подошли, но блокировали двери и ворота кладбища, чтобы не пропускать туда местных жителей — крымских татар для участия в похоронах. Но несколько молодых людей все же прорвались, по-моему, перепрыгнув через забор. Они взяли у нас лопаты и стали сами копать могилу. Затем пешком пришли некоторые из тех родственников и соотечественников, автомобили которых были остановлены милиционерами.

Вскоре к кладбищу подъехала еще одна машина, откуда вышли начальник милиции г. Абинска майор Конев и начальник Темрюкского КГБ Грузин. Они вошли на кладбище и направились к нам. Грузин остановился на расстоянии семи-восьми метров от нас, а Конев приблизился к нам и в шуточной форме сказал: «Надеюсь православным можно присутствовать на ваших похоронах?» и скомандовал: «Сыновей покойного прошу подойти ко мне!» Никто к нему подходить не стал, но он сам подошел ко мне со словами: «А-а, Мустафа! Старый знакомый! Выражаю, конечно, свое соболезнование, но вот что: здесь хоронить нельзя. Забирайте своего покойника и езжайте в Абинск. Будете хоронить там».

Обстановка опять накалилась. С этим Коневым мне действительно приходилось видеться и раньше. После освобождения из ссылки в Якутии летом 1982 года я с семьей приехал в Крым, но милиционеры вывезли меня с семьей из Крыма и доставили в Абинск, где этот Конев зачитывал мне постановление об установлении за мной гласного административного надзора.

Я сказал Коневу, чтобы он свои соболезнования поберег для другого случая, а по поводу похорон уведомил, что будем хоронить здесь и никуда отсюда не уедем. Предложил ему немедленно отойти от могилы в буквальном и переносном смысле слова. Кто-то из копающих могилу, держа в руках лопату, добавил, что он не может поручиться за целостность головы того милиционера, который первым притронется к покойнику. Конев действительно отошел, пошептался о чем-то с Грузиным, и они оба удалились к стоявшим у ворот в 15-20 метрах от нас милиционерам.

Несколько раньше, еще до Конева и Грузина, к нам подходил и местный участковый милиционер Муслангер. Он пытался в основном вынудить уйти из кладбища местных крымских татар. Одному из них, например, он сказал, что остальные-то уедут к себе в Узбекистан или еще куда-то, а тебе жить здесь, так что лучше уходи отсюда. Но и он, ничего не добившись, ушел от нас.

Больше милиционеры не пытались нам препятствовать, а только стояли в стороне, наблюдали за похоронами и перебрасывались друг с другом шуточками.

Выкопали могилу, вознесли молитву и за несколько минут до заката солнца успели опустить тело отца в землю.

Из Тамани уже разъехались по домам. Несколько машин вернулись в Абинск. Милиционеры продолжали следовать за нами вплоть до ворот. Приехали поздно ночью, женщин будить не стали и сидели во дворе. Через часа два-три к дому подъехали милиционеры и громко стали вызывать меня по имени. Я вышел к ним и они сказали, что приехали с проверкой, то есть, чтобы проверить нахожусь я дома или нет. Тут им сказали, что какая все-таки бестактность — ведь сегодня из этого дома вынесли покойника, и неужели нельзя было хотя бы сегодня оставить человека в покое. Милиционеры ответили, что похороны их не касаются, они выполняют свой долг и обязаны проверить поднадзорного по месту, где он должен находиться.

Через несколько часов, где-то под утро, они приехали с очередной проверкой и заодно, чтобы сообщить о необходимости явиться мне к 10 часам утра к начальнику городской милиции. Часов в 9 утра они приехали в третий раз и опять напомнили о вызове в милицию.

К 10 часам утра я пришел в милицию. Меня повели в кабинет начальника, где сидели двое в штатском, а начальник — майор Конев пришел позже. Один из лиц в штатском назвался каким-то начальником из управления внутренних дел Краснодарского края, а второй, помоложе, не представился. Они сказали, что основным виновником всех вчерашних событий считают меня. «Вы знали заранее, что хоронить в Крыму вам не разрешат, но, несмотря на это, вы даже похороны своего отца постарались максимально использовать в своих политических целях», — сказали они мне. Я поинтересовался, почему же я должен был быть уверенным в том, что нас не пропустят в Крым, и почему действительно не пропустили. Они ответили, что я все сам прекрасно знаю и нечего притворяться наивным. Затем они стали говорить, что на поминки соберется, видимо, нашего народа, и предупреждать, чтобы я не пытался настраивать этих людей против власти. Я ответил, что при всем моем желании настроить людей против власти, вряд ли это у меня получится столь убедительно, как это удалось самим представителям власти — ведь они так откровенно нарушали закон и попирали наши обычаи.

В конце этой беседы они мне предложили, так сказать, мировую, которая сводилась к следующему: давайте все забудем и чтобы информация об этом инциденте никуда не уходила. Я ответил, что о «мировой» не может быть и речи, потому что они не только не признают незаконности своих действий, не дают гарантий, что таких безобразий не будет в будущем, но даже пытаются взвалить вину на участников похорон. «Поэтому, — сказал я, — по поводу этих действий властей будет куда следует написано обращение». Мне тут же стали напоминать об этих возможных последствиях. Говорили: «Зачем это вам нужно, ведь если вы опять попадете в тюрьму — это не в интересах ваших и вашей семьи, не в интересах и советской власти». Я ответил, что это зато будет в интересах уменьшения числа беззаконий в будущем. Затем меня стали предупреждать, чтобы я не уклонялся от разрешенного мне милицией Янгюля маршрута следования и предусмотренных в этом разрешении сроков пребывания в здешних краях. Я сказал, что станица Тамань не предусмотрена в выданном мне маршрутном листе, но там, ввиду произвола властей, мы вынуждены были похоронить моего отца. Поэтому, прежде чем вылететь в Узбекистан, я обязательно постараюсь еще раз навестить его могилу, даже если за это буду арестован и вновь привлечен к ответственности за нарушение правил административного надзора. На это мне

сказали, что тут дело понятное, что я вполне могу посетить могилу отца и никто мне в этом препятствовать не будет.

Через день я действительно посетил могилу отца в Тамани. На кладбище, недалеко от могилы отца, стоял милицейский караул, но меня и бывших вместе со мной нескольких молодых людей к могиле отца пропустили. Но при выходе из кладбища, буквально через несколько шагов, меня задержали и сказали, чтобы я шел в милицию. Участковый милиционер Муслангер сказал, что ему звонили из Абинска и приказали составить на меня протокол о нарушении правил административного надзора, поскольку в моем маршрутном листе станция Тамань не указана. Правда, он извинялся, говорил, что понимает, почему я приехал сюда и вообще в чем дело, но приказ есть приказ и т.п.

Так вот, вели разговоры о «мировой», а сами искали любой повод, чтобы хоть как-то напакоить.

Через несколько дней я выехал в Крым, где мне рассказали, как обстояло дело в день похорон в селе Текие. Там собралось около сотни людей, вырыли могилу и ожидали нашего прибытия. Сюда тоже прибыла милиция, подогнали даже пожарную машину. На дорогах, ведущих в это село, инспекция задерживала все автомашины и проверяла документы. Если оказывалось, что водитель крымский татарин, то у него под различными предлогами забирали водительские права и запрещали ехать дальше. В последующие после похорон дни работники КГБ выискивали, кто «организовал» сбор крымских татар на кладбище.

13 июня я вылетел из Симферополя в Узбекистан. Такова история с похоронами.

По поводу обращения в Организацию Исламская Конференция. О том как, где, кем и когда это обращение писалось и подписывалось я, разумеется, полностью осведомлен. Под этим документом значится 25 фамилий, но ошибочно считать, что это фамилии подписавших обращение. Нет, это список тех, кто участвовал на похоронах. Отправленный адресату текст, конечно, подписали люди именно из этого списка, но предложено было подписывать его не всем, причины тут разные. Одни уехали еще до того, как документ был окончательно оформлен и отпечатан, некоторым другим просто не дали на подпись по другим причинам. Мое имя не включили даже в приложенный список участников похорон. Это, очевидно, по той причине, что моё имя упоминается в самом тексте обращения. Я считаю, что в этом документе всё изложено абсолютно верно.

С у д ь я: А кто составлял этот документ, собирал подписи и отправил за границу?

Д ж е м и л е в: Поскольку в этом документе нет ложных измышлений, порочащих советский строй и его политическую систему, то полагаю, что для дела не имеют никакого значения вопросы о том, кто писал этот документ, собирал подписи и куда-то его отправлял. На подобного рода вопросы я отвечать не буду.

С у д ь я: А что вы можете сказать по поводу вашего собственного обращения к мировой общественности, опубликованного в изданной в США книге «Шесть дней»? Кто и каким образом отправил этот документ за границу?

Д ж е м и л е в: В этом документе тоже всё изложено правильно. Там нет ничего, что подпадало бы под инкриминируемую мне статью и поэтому вопросы о том, кто, как и куда отправлял документ, рассматриваю как не относящиеся к существу предъявленного мне обвинения.

П р о к у р о р: Вы рассказали только по событиям, связанным с похоронами и обращением в Организацию Исламская Конференция. Но у вас при обысках было обнаружено множество и других документов. Для чего, вообще, вы их хранили у себя?

Д ж е м и л е в: После возвращения из якутской ссылки я хотел ознакомиться со всеми документами по нашему национальному вопросу и иными правозащитными материалами, которые писались или распространялись в мое отсутствие. Поэтому я попросил своих товарищей собрать эти бумаги и принести мне для ознакомления. Правда, я не успел подробно ознакомиться со всеми принесенными документами, поскольку нагрянули с обыском и всё забрали.

П р о к у р о р: И кто именно принес вам эти документы?

Д ж е м и л е в: Ну, зачем же такие нескромные вопросы? Неужто вы рассчитываете, что я начну вам называть какие-то фамилии? Если у вас есть какие-то вопросы по содержанию этих документов, то я сам смогу на них ответить. А если же наконец-то появится желание проверить правдивость изложенных в этих документах фактов, то в своем ходатайстве я уже перечислил свидетелей, которых можно было бы допросить.

П р о к у р о р: Но вы же сейчас только сказали, что не успели ознакомиться со всеми документами, потому что их забрали во время обыска. Как же вы тогда собираетесь отвечать по фактам в документах, которых ещё не читали?

Д ж е м и л е в: Изъятые документы подшиты к материалам дела. После окончания следствия, как известно, обвиняемому дают возможность знакомиться со всеми материалами. Так что я имел возможность очень внимательно прочитать все эти бумаги.

П р о к у р о р: Но то, что хранили у себя, вы не отрицаете?

Д ж е м и л е в: Я не исключаю, что все значащиеся изъятими у меня и подшитые к делу документы, были действительно изъяты у меня. Но я не могу утверждать это с абсолютной точностью, потому что во время обыска 1 февраля 1983 года полностью опись изъятого сыщики при мне не сделали и в протоколе с перечнем изъятого я не расписывался. Они всё сложили в мешок и сказали, что сделают опись в присутствии понятых у себя в прокуратуре. Поэтому я не исключаю, что какие-то бумаги исчезли, а какие-то прибавились со стороны.

П р о к у р о р: А зачем им нужно что-то изымать и что-то добавлять?

Д ж е м и л е в: Это нужно спросить у работников прокуратуры. То есть у них следовало бы спросить, зачем они решили нарушить требования уголовно-процессуального кодекса насчет правил проведения обысков. Они меня не пригласили даже на процедуру вскрытия мешка при своих понятых и составления описи содержимого этого мешка.

П р о к у р о р: В числе изъятых у вас материалов были не только документы по крымским татарам, но и многое другое. Например, документы адвентистов. Зачем вам это понадобилось?

Д ж е м и л е в: Я интересуюсь всем, что творится в стране и в мире. Адвентисты — это граждане нашей страны. В изъятых документах говорится о беззакониях, совершаемых против них советскими органами.

П р о к у р о р: У вас при обыске обнаружены фотокопии предисловия и послесловия к книгам, изданным фондом «Крым» в США. Что вы можете сказать, например, по поводу попыток взвалить на советское руководство вину за трагедию,

постигшую советский народ в годы войны, а также по поводу восхвалений кровавого диктатора Пиночета?

Д ж е м и л е в: Я бы не хотел давать оценку произведениям, написанным другими людьми. Коль скоро вы обвиняете меня в составлении и распространении документов, порочащих советский строй, так будьте любезны и спрашивайте меня по документам, автором которых являюсь я сам. Что касается трагедии народов во время 2-ой мировой войны, то ведь известно, что этой войне предшествовал тайный сговор между фашистским и коммунистическими лидерами — так называемый пакт Молотова-Риббентропа о разделе Европы. Поэтому, видимо, и говорится там об ответственности советского руководства.

П р о к у р о р: А для чего вы хранили у себя фотокопии страниц изданной в США книги «Шесть дней»?

Д ж е м и л е в: Эта книга о моем судебном процессе и, вполне естественно, она представляла для меня большой интерес независимо от того, правильно или неправильно в ней написано.

П р о к у р о р: А как вы считаете, там всё правильно написано?

Д ж е м и л е в: Там в основном точно переписанные материалы следствия и полная запись хода судебного процесса в 1970 году в Ташкенте. Каких-либо существенных ошибок или неточностей я не заметил. Добросовестно составленная книга.

П р о к у р о р: Предисловие тоже написано добросовестно?

Д ж е м и л е в: В предисловии отражена точка зрения издателя. С чем-то там я могу соглашаться, а с чем-то не совсем.

П р о к у р о р: А с чем, с какими утверждениями в предисловии, например, вы не согласны?

Д ж е м и л е в: Это моё дело. Я же сказал, что комментировать чужие произведения не собираюсь, тем более на судебном процессе.

П р о к у р о р: Вы сами делали фотокопии страниц этой книги?

Д ж е м и л е в: К моему стыду, я не умею фотографировать, обрабатывать пленки и печатать. Поэтому я попросил тех, кто умеет это делать.

П р о к у р о р: А кого попросили, вы, как и на следствии, конечно, говорить не будете? Так?

Д ж е м и л е в: Вы чрезвычайно догадливы.

П р о к у р о р: Но вы, очевидно, разделяете изложенные в них взгляды. Иначе зачем же снимать копии, хранить у себя?

Д ж е м и л е в: Я приобретаю и храню у себя очень много разнообразных книг. Следователи, производившие у меня обыски, могут подтвердить, что в моей библиотеке было обнаружено много произведений также Маркса, Энгельса, Сталина, Ленина. Но на этом основании, надеюсь, вы не подозреваете, что я придерживаюсь коммунистических и большевистских взглядов?

С у д ь я: Нет, не подозреваем.

Д ж е м и л е в: Вот и спасибо.

П р о к у р о р: Что вы можете сказать по поводу обвинения вас в составлении клеветнического документа о якобы использовании в нашей стране психиатрии в политических целях? Вы признаете свое авторство в составлении этого документа?

Д ж е м и л е в: Основанием для этого обвинения послужило моё письмо Александру Подрабинеку по делу Владимира Рождествова, содержавшего за свои политические взгляды в Ташкентской спецпсихлечебнице.

Судья объявляет, что оглашается документ — письмо Мустафы Джемилева от 4 ноября 1979 года на имя Александра Подрабинека, подшитое к тому 3-му, листы 117-118, но зачитывает лишь некоторые фрагменты из этого письма и затем спрашивает у Джемилева: «А зачем вы всё это писали Подрабинеку?»

Д ж е м и л е в: Александр Подрабинек и возглавляемая им Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях собирают и анализируют всю подобного рода информацию с целью содействовать прекращению в СССР практики подобного безобразия. В 1978 году, когда в промежутке между освобождением из лагеря в Приморском крае и новым арестом я жил в Ташкенте, мне из Москвы позвонили друзья и сообщили о содержавшемся в Ташкентской спецпсихбольнице политзаключенном Владимире Рождестове. Они просили оказать помощь его старушке-матери, которая выезжала из России в Ташкент на свидание к сыну. Разумеется, я встретил его мать и постарался оказать ей посильную помощь во время её пребывания в Ташкенте, ездил вместе с ней в эту самую спецпсихбольницу. Позднее, в октябре 1979 года, когда я после очередного ареста и суда был сослан в Якутию, поступило письмо от Александра Подрабинека, который к этому времени тоже был уже арестован и также был сослан в один из районов Якутии. В этом письме он просил рассказать всё, что мне известно по делу Рождествова. Точнее, в письме были конкретные вопросы, на которые он просил ответить. Копия этого письма Подрабинека имеется в деле — в томе 3-м. Отвечая на его вопросы, я в своем письме рассказал всё, что мне тогда было известно по этому делу. И если моё письмо хоть как-то помогло благородной деятельности Подрабинека, то я, конечно, очень рад.

П р о к у р о р: В своем письме Подрабинеку вы сообщаете какие медицинские препараты давались Рождестову. Вы сами видели как эти препараты ему давали.

Д ж е м и л е в: В моем письме и не говорится, что я видел эти препараты. В письме делается ссылка на рассказ другого человека — заключенного Виктора Лазаренко, который содержался в той же палате вместе с Рождестовым и своими глазами всё видел.

П р о к у р о р: Но разве рассказа одного человека достаточно, чтобы делать заключения о злоупотреблении психиатрией в нашей стране?

Д ж е м и л е в: В инкриминируемом мне письме никаких заключений не делается, а излагаются только известные мне факты. Но таких фактов по стране набирается очень много. Совсем недавно здесь давал показания Сеутов Сервер, который тоже на своем примере говорил об этом же.

П р о к у р о р: А почему вы вообще решили так подробно заняться делом Рождествова? Ведь он вам никем не доводится, не крымский татарин?

Д ж е м и л е в: Наверное, вам действительно трудновато это понять. Дело в том, что нормальным людям свойственно реагировать на несправедливости, независимо от того, совершаются ли они против родственников, крымских татар или людей другой национальности. Кроме того, ведь Рождестов тоже был репрессирован и помещен в психлечебницу за свои политические убеждения. То есть, можете расценить как солидарность и взаимопомощь преследуемых за политические взгляды.

П р о к у р о р: В своем письме Подрабинеку вы утверждаете, что советские врачи применяют медикаменты, чтобы сломить волю человека. На каком основании вы делаете такие выводы? Вы сами видели?

Д ж е м и л е в: На подобный вопрос я уже отвечал. В моем письме нет таких обобщений, там приводятся только конкретные факты. В частности, приводятся свидетельства Виктора Лазаренко о том, что зав. отделом психлечебницы Бабаев грозил Рождествову делать ему уколы до тех пор, пока он не расскажет, как попало к нему письмо. То есть вполне очевидно, что медикаменты в данном случае применялись не в лечебных, а в карательных целях.

С у д ь я: Это ваши домыслы. Скажите, а какое отношение вы имеете к академику Сахарову и к его жене Боннер, что решили выступить с обращением в их защиту?

Д ж е м и л е в: Вы так спрашиваете, что если я работал до ареста сантехником, то обязательно должен поддерживать отношения только с сантехниками. Андрей Сахаров — это известный всему миру правозащитник, очень порядочный человек. Он и его супруга Боннер неоднократно выступали в защиту прав крымских татар. Поэтому я не мог оставаться равнодушным, когда создалась угроза для их жизни.

С у д ь я: То есть, вы полностью разделяли его взгляды?

Д ж е м и л е в: Действительно, многие его взгляды совпадают с моими собственными, но дело ведь не в этом. Я совершенно не разделяю коммунистических взглядов, но я неоднократно подписывал документы в защиту коммунистов, если их арестовывали и преследовали за правозащитную деятельность.

П р о к у р о р: Скажите Джемилев, а вот то, что вы написали в японскую радиокompанию «Эн-Эйч-Кей» письмо с выражением поддержки их реваншистских требований к нашим островам, вы не считаете предательством по отношению к своей родине?

Д ж е м и л е в: Ну, во-первых, в том письме вообще нет ни одного слова про ваши острова. Вам бы следовало повнимательнее прочесть письмо, прежде чем задавать вопрос. А что касается обвинений в предательстве — это для меня не новость. Ваша партия и советская власть обвинили меня в предательстве и выслали со своей родины из Крыма, когда мне было ещё 6 месяцев от роду.

С у д ь я: А какие у вас отношения с гражданином США Фикретом Юртером?

Д ж е м и л е в: Он является моим родственником и поэтому отношения чисто родственные.

С у д ь я: А с Меметом Севдияром, проживающим в США, какие отношения? Тоже родственник?

Д ж е м и л е в: Нет, он не родственник. Во время пребывания на ссылке в Якутии я получил от него поздравительную телеграмму, а позднее, в декабре 1982 года, я тоже послал ему поздравительную телеграмму. Этим наша переписка и ограничилась, а моя открытка сейчас используется как обвинительный документ против меня.

С у д ь я: Вы от них, то есть от Юртера и Мемета Севдияра, получали какие-либо посылки?

Д ж е м и л е в: Да, они и многие другие друзья из-за рубежа присылали нам на ссылку в Якутию посылочки и бандероли с детским питанием, одеждой и прочими необходимыми для родившегося там нашего малыша. Но мы тоже в свою очередь отправляли им посылки и бандероли с советскими книжками,

грампластинками. Так что будет большой натяжкой, если в приговоре напишете, что клеветал на советский строй за какие-то материальные блага от империалистов. Книги, грампластинки, их отправка по почте империалистам нам тоже стоило каких-то денег.

С у д ь я: Почему это вы решили, что мы именно так собираемся написать? Может быть, мы вовсе не думали об этом.

Д ж е м и л е в: Может быть. Это я на всякий случай. Мне приходилось читать приговоры по делам других диссидентов с подобными гнусными формулировками.

Объявляется обеденный перерыв до 15 часов.

После перерыва, в 15 час. 20 мин., конвой вводит М.Джемилева в зал суда. В зале продолжается шум и перепалка близких М.Джемилева с милиционерами по поводу того, что во время перерыва из зала были вынесены несколько рядов стульев и мест для публики стало значительно меньше.

Д ж е м и л е в: *(Судье)* Вы могли бы вынести все стулья, за исключением одного ряда для своих сексотов, а затем сказать, что суд открытый, но мест нет...

С у д ь я: Суд не распоряжается стульями. Это решает конвой.

Милиционеры настаивают, чтобы друзья и родственники М.Джемилева, для которых не хватило стульев, покинули зал суда, но те отвечают, что согласны слушать процесс стоя.

Судья говорит, что если этот шум будет продолжаться, то слушание дела будет невозможным. Наконец, несколько человек покидают зал, и судья приступает к продолжению допроса подсудимого. Сообщив, что оглашаются показания свидетеля Сеитвапова Эбазера на предварительном следствии от 10 августа и 1 октября 1983 года, судья зачитывает несколько фрагментов из этих протоколов допроса, где затрагивается вопрос об Обращении к главам государств — участников Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Затем судья спрашивает у М.Джемилева, согласен ли он с показаниями Сеитвапова. Джемилев отвечает, что в показаниях кое-что верно, но есть и моменты, которые требуют уточнения, а посему необходимо допросить Сеитвапова на судебном заседании.

С у д ь я: Оглашается документ — том 4-ый, лист дела 130 — письмо Сеитвапова Эбазера, обнаруженное при обыске в доме подсудимого Джемилева. *(В письме говорится о нецелесообразности направлять на запад присланное ему Обращение к главам государств — участников Хельсинкского Совещания и о невозможности собрать под ним в настоящее время подписи в Крыму).* Что вы можете сказать по содержанию этого письма?

Д ж е м и л е в: Я не собираюсь комментировать это письмо, тем более, что оно адресовано не мне.

С у д ь я: Кому же тогда оно адресовано и как оно попало к вам? Кто передал вам это письмо?

Д ж е м и л е в: Кому адресовано — это видно из текста письма, оно начинается словами «Мераба, дорогие друзья!» То есть оно адресовано некоему кругу дорогих друзей Сеитвапова. А что касается того, кто и что мне передавал, то ведь я уже говорил, что на подобного рода вопросы не отвечаю.

С у д ь я: Оглашаются листы дела 81-82, том 3-й — показания Шамиля Сеитовича Алядинова...

После прочтения показаний Алядинова на предварительном следствии, судья спрашивает Джемилева, было ли ему известно ранее, что Мемет Муединов, принявший в Америке фамилию Севдияр, был во время войны редактором оккупационной профашистской газеты «Азат Крым» и что он приветствовал Гитлера как «освободителя народов».

Д ж е м и л е в: Мне и сейчас неизвестно, что Мемет Муединов был редактором газеты «Азат Крым». В подшитом к делу номере этой газеты не указано, что Муединов является редактором. Приветственный адрес Гитлеру тоже подписан не Муединовым. А во-вторых, какое имеет отношение к делу, кто кого приветствовал 40 лет назад? Я, например, поддерживаю нормальные отношения с людьми, которые в прошлом приветствовали и другую мерзкую личность — Иосифа Сталина, если они, конечно, сейчас не являются стукачами и не вредят нашему Национальному движению.

С у д ь я: Оглашаются показания свидетеля Кулиш Михаила Ивановича — том 5-й, листы дела 66-70...

Прочитав протокол допроса, судья спрашивает, правильные ли он дает показания. М. Джемилев отвечает, что показания Кулиш, так же как и показания других милицейских чинов, препятствовавших перевозу тела покойного на территорию Крыма, очень лживые и он обязательно также будет разоблачен в своей лжи, если будет допрошен на судебном процессе.

Судья объявляет перерыв до 10 часов утра 10 февраля 1984 года.

День шестой. 10 февраля 1984 года

Утреннее заседание суда начинается в 11 часов после очередной перепалки между милиционерами и крымскими татарами возле входа в зал суда.

Судья оглашает телеграммы от Сеитвапова Эбазера и Аметова Ильми, в которых они объясняют причины своей неявки в суд. Телеграмма Э. Сеитвапова гласит: «Телеграмму и повестку получил седьмого. Приехать в связи с болезнью детей и отсутствием средств не могу. По делу Джемилева сообщаю, что показанное следователем Азаряном обращение отношения к Джемилеву не имеет. От кого и кто привез не знаю. Об этом я дважды заявлял. На допросе добавить на суде ничего не могу. Каким образом мое письмо с комментариями попало к нему не знаю = Сеитвапов».

Аметов Ильми в своей телеграмме заявляет, что все действия представителей власти во время похорон отца Джемилева Мустафы были незаконными.

Затем судья оглашает показания Томакова Амета на предварительном следствии (том 5, л.д. 192) и спрашивает, нет ли у Джемилева каких-либо возражений по поводу этих показаний. Джемилев возражений не имеет.

С у д ь я: Оглашаются показания свидетеля Асанова Амета (том 5, л.д. 94)...

Д ж е м и л е в: Я прошу воздержаться от чтения его показаний, а вызвать его на судебный процесс.

С у д ь я: Мы посылали ему телеграмму-повестку, но он почему-то не ответил.

Кто-то из зала выкрикивает, что это неправда, потому что он недавно разговаривал с Асановым по телефону и он выражал возмущение по поводу того, что его не вызвали на процесс.

Судья требует прекратить шум в зале, зачитывает протокол допроса Асанова на предварительном следствии и спрашивает, нет ли у Джемилева возражений по поводу его показаний. Джемилев говорит, что возражений по содержанию показаний Асанова не имеет.

Далее судья оглашает протокол допроса Бариева Айдера (том 5, л.д. 171) и спрашивает, нет ли у Джемилева возражений по поводу его показаний. Джемилев возражений не имеет.

Следующим оглашается протокол допроса свидетеля Адольфа Денисова (том 5, л.д.124).

Д ж е м и л е в: Показания насквозь лживые. У меня есть к нему несколько вопросов, но я не могу их ему задать, потому что его нет на судебном процессе. Я прошу, по крайней мере, зачитать расписку этого Денисова, которую он нам давал в день похорон на паромной переправе. Достаточно сравнить содержание этой расписки с его показаниями на следствии, чтобы убедиться насколько он лживый человек.

Оглашаются показания Кулагиной (том 5, л.д. 129). Джемилев заявляет, что показания всех милицейских чинов и работников паромной переправы, в том числе показания Кулагиной, стандартные и лживые, а посему их надо обязательно допрашивать на судебном процессе.

Оглашаются показания свидетеля Добровольского — врача санэпидстанции г.Абинска. Джемилев говорит, что с Добровольским он никогда не виделся, и о степени правдивости его показаний уместнее было бы спросить человека, которому он выдавал справку-разрешение на вывоз покойного за пределы Абинского района.

С у д ь я: В своем письме Андрею Сахарову от 12 января 1980 года — том 3, лист дела 161 — вы благодарите его за интервью американскому корреспонденту по афганскому вопросу и выражаете готовность присоединить свою подпись к коллективному обращению с требованием отставки или привлечения к ответственности лиц, санкционировавших это, как вы выражаетесь, «кровавое вторжение». Кого вы имели ввиду, говоря о привлечении к ответственности?

Д ж е м и л е в: Видимо, в первую, очередь Брежнева. Ведь он в Кремле вроде бы был тогда главным.

(Здесь происходит комичный инцидент. Стоящий возле М. Джемилева и внимательно слушавший процесс солдат конвоя растерянно смотрит на судью, Джемилева, в зал и от удивления едва не роняет свой автомат. Офицер делает ему грубое замечание, чтобы он не оглядывался, а стоял смирно. В зале смех).

С у д ь я: Вы писали Подрабинеку о том, что такое письмо направили Сахарову? Для чего вы ему это писали? Вы что, пользовались его услугами при пересылке своих писем?

Д ж е м и л е в: Возможно, я писал об этом Подрабинеку. Со своими друзьями я обменивался мыслями по многим вопросам. На ссылке в Якутии у меня было достаточно много свободного времени и я написал своим друзьям и близким несколько сотен писем. Я не могу сейчас точно вспомнить кому и что писал. А вообще, я считаю хамством читать чужие личные письма, да ещё их прилюдно комментировать.

С у д ь я: Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к подсудимому?

П р о к у р о р: Да. Подсудимый Джемилев, я считаю, что вы очень образованный человек и, наверное, слышали о выступлении главы государства ДРА Бабрак Кармаля, который говорил, что советские войска были введены по просьбе правительства Афганистана и для оказания помощи этому государству. Как же вы после этого можете утверждать о каком-то «кровоавом вторжении», «оккупации» и тому подобное?

Д ж е м и л е в: Ну несерьезно же придавать значение тому, что сказал или скажет эта кремлевская кукла, привезенная из Венгрии уже после ввода советских войск в Афганистан. Даже и не слушая его, можно было догадаться, что он не скажет ничего, что противоречило бы точке зрения его хозяев. Я черпал информацию о ситуации в Афганистане из более приличных источников.

П р о к у р о р: А какое, вообще, отношение к вашему национальному вопросу имеет положение в Афганистане? Вы же считаете себя активистом крымскотатарского движения, вот и занимались бы своим вопросом. Зачем вы решили вмешаться в дела Афганистана?

Д ж е м и л е в: Спасибо, что наконец-то признали мое право заниматься вопросами крымскотатарского движения. *(В зале смех)*. Что касается вмешательства в дела Афганистана... Насколько я уже понял в ходе этого процесса, вводить туда свою военную армаду, убивать президента этой страны, силой оружия наводить там свой порядок — это вовсе не вмешательство в дела Афганистана, а братская помощь этой стране. Но если высказаться как-то негативно насчет этой «братской помощи», то это уже вмешательство во внутренние дела Афганистана. Правильно я вас понял? В очень интересной стране живем, правда?

С у д ь я: Вы не должны задавать вопросы прокурору, а должны только отвечать.

Д ж е м и л е в: Ну, положим, долгов у меня ни перед прокурором, ни перед вами никаких нет, а есть только право отвечать или не отвечать. Это я в такой форме ответил на вопрос. Если смысл моего ответа не понятен прокурору, то могу перефразировать и ответить в другой форме.

П р о к у р о р: Какая у вас взаимосвязь с Шелковым и адвентистами? У вас при обыске были обнаружены документы адвентистов и запись суда над Шелковым. Зачем вы держали у себя их документы и вели запись суда?

Д ж е м и л е в: Меня интересуют все национальные и религиозные движения в нашей стране и в мире. Я много слышал о Шелкове как об очень порядочном и мужественном человеке. Я хотел попасть на его судебный процесс в Ташкенте, но меня не пустили, так как процесс был закрытый. Поэтому я записывал со слов родственников, которые попали на суд.

П р о к у р о р: На следствии вы говорили, что этим процессом интересовался Сахаров.

Д ж е м и л е в: Правильно. Сахаров интересуется всеми политическими процессами в плане защиты прав человека.

П р о к у р о р: С какой целью вы вообще занимались сбором и размножением антисоветской клеветнической литературы?

Д ж е м и л е в: В ходе следствия и судебного разбирательства еще не было приведено ни одного доказательства того, что какой-то вменяемый мне документ содержит клеветнические измышления. Поэтому считаю, что пока следовало бы воздерживаться от подобного рода риторических вопросов.

П р о к у р о р: Выступавший здесь эксперт Шейнфельд привел достаточно доказательств.

Д ж е м и л е в: Эксперт Шейнфельд высказывал свою или своих начальников точку зрения по поводу инкриминируемых мне документов, но никаких доказательств не приводил. Да и вразумительных доводов в поддержку своей точки зрения он также не приводил.

П р о к у р о р: А обнаруженные у вас листы из книги Маркмана «На краю географии», сборника «Шесть дней»? Для чего размножали эти книги?

Д ж е м и л е в: Сказать «размножал книги», видимо, не совсем верно — это было не в моих возможностях. Из книги Маркмана были перепечатаны, а из сборника «Шесть дней» пересняты лишь отдельные страницы, представляющие для меня наибольший интерес.

П р о к у р о р: А чем вызван ваш интерес к прослушиванию зарубежных радиостанций? Для чего вы эти клеветнические передачи воспроизводили на бумагу и размножали?

Д ж е м и л е в: Интерес вызван элементарным желанием получать всестороннюю информацию. Кого-то устраивает лишь официальная, проходящая партийную цензуру, пропагандистская трескотня, а кто-то ищет объективную информацию. Я отношу себя ко второй категории. Мною были воспроизведены на бумагу в одном экземпляре те передачи западных радиостанций, где в какой-то форме упоминались крымские татары — эти передачи, естественно, представляли для меня наибольший интерес. Здесь все время повторяется «клеветнические передачи», «антисоветская клеветническая литература» и тому подобное. Согласен, что они явно не по вкусу советских бонз и чиновников, но чтобы говорить, что они клеветнические, ведь нужно проверять изложенную в них информацию и приводить доказательства их необъективности или лживости. Но ничего подобного ни на следствии, ни в суде не проводилось.

П р о к у р о р: Как вы считаете, давала ли справка врача санэпидстанции Добровольского право на вывоз трупа за пределы области? Разве не понятно, что тут нужны еще и другие разрешительные документы?

Д ж е м и л е в: Справка Добровольского свидетельствовала о том, что тело покойного забальзамировано и перевоз его за пределы Краснодарского края в течение нескольких дней для окружающих не будет представлять никакой опасности. Этого было достаточно для перевоза тела для захоронения на территорию Крыма, ибо это занимало всего несколько часов. Другие разрешительные документы не предусмотрены законом.

П р о к у р о р: А вы не могли на паромной переправе поставить свои машины в стороне, не блокировать переправу, а спокойно решить вопрос с руководством?

Д ж е м и л е в: Мы так и сделали, но только не на паромной переправе, а на посту ГАИ, когда впервые задержали похоронную процессию... Я же подробно рассказывал как всё происходило. Или мне нужно рассказать всё повторно?

П р о к у р о р: И вы считаете, что с вашей стороны во время похорон никаких нарушений допущено не было?

Д ж е м и л е в: Совершенно верно.

С у д ь я: Вы размножали поэму «Бахчисарайский фонтан» турецкого писателя?

Д ж е м и л е в: Да, и отправил нескольким своим друзьям и близким.

С у д ь я: А почему вы решили, что её нужно размножить?

Д ж е м и л е в: Потому что прекрасно написанное произведение, а хорошие литературные произведения должны читать как можно больше людей.

С у д ь я: Сколько всего пишущих машинок было у вас изъято?

Д ж е м и л е в: Точно не припомню, но довольно много. Почти при каждом обыске забирали и пишущую машинку, а я потом приобретал новую. Но если вы спрашиваете об этом в связи с размножением поэмы «Бахчисарайский фонтан», то машинки тут ни при чем. Поэма на турецком языке, а машинок с латинским шрифтом у меня не было. Так что переписывал от руки.

С у д ь я: И вы не считаете этот «Бахчисарайский фонтан» клеветническим произведением?

Д ж е м и л е в: Разумеется, нет.

С у д ь я: А вы сами были в Бахчисарае? Этот фонтан видели?

Д ж е м и л е в: Да, бывал и фонтан видел.

С у д ь я: Ну и что же, из фонтана течет кровь, как пишется в этой поэме?

Д ж е м и л е в: Ну, наверное, нужно видеть разницу между поэзией и бухгалтерским отчетом. Если рассуждать так, то я могу привести еще одно свидетельство «клеветы на советский строй» и «антиисторизма» в этом произведении.

С у д ь я: Какое? Приведите.

Д ж е м и л е в: Например, в поэме утверждается, что после выселения крымских татар в Крым перестали петь птицы. Это, конечно, антиисторично и поэт Шюкрю Эльчин явно клеветает на советских птичек — они наверняка продолжали петь свои песни, независимо от того, кого откуда выселяли. *(В зале смех, аплодисменты)*

Судья говорит, что все свидетели, эксперты, а также обвиняемый уже допрошены и, видимо, можно приступить к прениям сторон.

Д ж е м и л е в: На вчерашнем заседании со стороны прокурора и судьи было много вопросов в связи с моим письмом Александру Подрабинеку о положении в спецпсихиатрической больнице МВД УзССР в Ташкенте. Вопросы задавались в таком тоне, как будто уже установлено, что содержание моего письма является каким-то высосанным из пальца измышлением. В деле есть показания свидетеля Лазаренко, который в основном подтверждает факты применения медикаментов и препаратов в репрессивных целях. Подлинность фактов, изложенных в моем письме Александру Подрабинеку косвенно подтверждают и руководители этой спецпсихбольницы в своем письме в прокуратуру г.Ташкента, которое имеется в деле. По фактам, изложенным в моем письме Подрабинеку, может дать показания и Решат Джемилев, о допросе которого ходатайствовал не только я, но и он сам. Напомню, что в первый день процесса председательствующая приняла заявление Джемилева Решата с ходатайством о допросе его в качестве свидетеля и даже вывела его из зала суда, обещая вызвать позже. Через несколько дней было объявлено, что он не будет допрошен, так как мотивы по поводу необходимости его допроса не имеют отношения к делу. Доводы об отказе допросить Джемилева Решата совершенно абсурдны, так как из материалов дела вытекает, что он мог бы дать показания даже по нескольким инкриминируемым мне документам и его имя неоднократно упоминается в обвинительном заключении. Не имея более вразумительных доводов против допроса Джемилева Решата, наконец, вчера председательствующая заявила, что он не будет допрошен, так как сам уклонился от допроса во время предварительного следствия. Во-первых, уклонение свидетеля

от допроса во время предварительного следствия не может быть законным основанием для отказа допросить его в зале суда. Во-вторых, из материалов дела видно, что Джемилев Решат не был допрошен, потому что был болен и находился в лечебном учреждении, а не из-за того, что якобы уклонялся. Это обстоятельство может быть подтверждено имеющимся у него документом из лечебного учреждения. Поэтому я вновь ходатайствую допросить Джемилева Решата.

Судья спрашивает мнение прокурора по поводу заявленного подсудимым ходатайства. Прокурор отвечает, что ходатайства подсудимого о вызове дополнительных свидетелей были уже рассмотрены судом и приняты соответствующие решения. Поэтому прокурор считает, что вновь заявленное ходатайство подсудимого следует отклонить.

Пошептавшись с заседателями, судья объявляет свое решение: «Ходатайство подсудимого отклонить, так как судом уже были приняты меры к обеспечению явки не явившихся свидетелей, а допрос Лазаренко и работников психбольницы нецелесообразен, так как они никакого отношения к обвинению, предъявленному Джемилеву, не имеют».

Д ж е м и л е в: Исходя из того, как обошлись с предыдущими моими ходатайствами о вызове дополнительных свидетелей, я ожидал, конечно, что и в этот раз будет отказ, так как суд явно не заинтересован в расследовании фактов, которые обвинение считает «клеветническими измышлениями». Но, все же, неужели нельзя было придумать чуть поумнее формулировки для отказа? Ведь, в самом деле, абсурдно же говорить, например, что Лазаренко и работники спецпсихбольницы не имеют отношения к рассматриваемому делу, если учесть, что Лазаренко был допрошен на предварительном следствии, в деле имеется письмо руководства Ташкентской спецпсихбольницы, а в обвинительном заключении этому вопросу отведено около десятках абзацев.

С у д ь я: Всё! Решение по ходатайству уже вынесено, и возвращаться к этому вопросу больше не будем.

Затем судья говорит, что судебное следствие можно считать завершённым и спрашивает, нет ли у сторон каких-либо дополнений.

Прокурор дополнений не имеет.

Джемилев говорит, что вряд ли имеет смысл ему делать какие-то дополнения, поскольку ясно, что опять получит отказ на все свои ходатайства. Он только просит предоставить какое-то время для подготовки к прениям, поскольку необходимо проанализировать итоги прошедших шести дней процесса.

Судья объявляет, что слово для обвинительной речи предоставляется прокурору Умаровой.

Речь государственного обвинителя Умаровой

Товарищи судьи!

Подходит к концу судебное разбирательство по обвинению Джемилева Мустафы в составлении и распространении документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный строй и его политическую систему, а также в организации массового нарушения общественного порядка, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 191-4 УК УзССР, 190-1 и 190-3 УК РСФСР.

Подсудимый ни на предварительном следствии, ни здесь — на судебном процессе не признал себя виновным, а пытался представить себя как лицо, которое якобы борется против нарушения прав граждан и советских законов, но я считаю, что его виновность полностью доказана предварительным следствием и подтверждена в судебном заседании.

Бесспорно доказано, что Джемилев с 1977 года поддерживал тесные связи с так называемым «Национальным центром крымских татар» в США во главе с гражданином Фикретом Юртером, с которым Джемилев обменивался письмами. Десять отрезков фотопленок изданной «Национальным центром» книги «Шесть дней», обнаруженных при обыске дома Джемилева, ярко свидетельствуют о характере деятельности этого «центра». Воспроизведение с негативов показало, что были отсняты только три части этой книги: предисловие «Фонда Крым», предисловие издателя и послесловие «Фонда Крым». Здесь с позиции антикоммунизма делается попытка опорочить общественную и политическую систему Советского Союза, нанести ущерб его авторитету на международной арене. Авторы пытаются обвинить высшие органы советской власти в том, что они будто бы за счет эксплуатации населения тратят деньги на создание пятых колонн и воспаменение революционных пожаров в других странах. В этом же предисловии на руководство Советского Союза взвалена вина неудачи в боях с немецко-фашистскими захватчиками в начале Великой Отечественной войны и ответственность за постигшую наш народ трагедию.

Вместо того, чтобы как гражданин СССР дать гневную отповедь этим злопыхателям, Джемилев заявляет, что он согласен с этими измышлениями и присоединяется к мнению авторов. Прошу на это обратить особое внимание, товарищи судьи! Двадцати миллионами жизней советских людей, в том числе и жизнями соотечественников Джемилева, расплатилась наша страна за победу над фашизмом. И разве не является кощунством и преступлением солидаризироваться с теми, кто порочит наше правительство и нашу партию, которая руководила всеми победами советского народа? И прошу подсудимого не думать, что здесь затрагиваются его чувства, но и мы не позволим безнаказанно оскорблять наши чувства.

В этом же сборнике «Шесть дней» есть подготовленное подсудимым клеветническое обращение «К мировой общественности», поступившее в «Фонд Крым» нелегально. Авторы сборника пишут, что Джемилев Мустафа, находясь под неусыпным надзором органов, нашел возможность передать в «свободный мир» обращение «К мировой общественности». В тексте же этого документа Джемилев утверждал, что якобы в Крыму уничтожены все культурные ценности крымских татар, разрушены мечети, осквернены и уничтожены кладбища, уничтожена литература. Далее Джемилев писал в этом документе, что будто бы незаконно лишен советского гражданства выехавший в США отщепенец Петр Григоренко и необоснованно осужден антисоветчик Юрий Орлов, деятельность которых якобы заключалась лишь в содействии выполнению Хельсинкских соглашений.

В деле имеется экспертное заключение Шейнфельда по вменяемым Джемилеву документам. Из этого заключения видно, да и сам Шейнфельд, допрошенный здесь в качестве эксперта, категорически заявил, что исследованные материалы, составителем и распространителем которых является подсудимый, носят откровенно просоветский характер...

(В зале смех. Кто-то громко подправляет прокурора: не «просоветский», а «антисоветский». Судья стучит по столу, требуя соблюдать тишину).

Эксперт Шейнфельд однозначно подтвердил, что Джемилев, адресовывая свое обращение главам капиталистических государств, политических и религиозных организаций, дал тем самым повод зарубежным идеологическим центрам для вмешательства во внутренние дела СССР. Ссылаясь на искаженную информацию, подаваемую Джемилевым и его единомышленниками на Запад, авторы сборника «Шесть дней» в своем предисловии и послесловии нагло утверждают, что будто в Советском Союзе ущемляется демократия, нарушаются права человека и что это якобы присуще коммунистическому режиму. Одновременно здесь же расхваливается на все лады так называемый «свободный мир» и даже кровавый режим Пиночета за то, что он сверг правительство Альянде.

Товарищи судьи, я думаю, что даже трудно подобрать достаточно слов, чтобы выразить свое возмущение и негодование авторам этой книги «Шесть дней», которые якобы пекутся о действительной демократии в Советском Союзе.

Подсудимый Джемилев поддерживал тесную связь с такими антисоветскими организациями в США как «Национальный центр крымских татар» и «Фонд Крым», в том числе и с входящим в эти организации Меметом Муединовым. Тот же Муединов, присвоивший в США фамилию Севдияр, как видно из материалов дела, чествовал в профашистской газете в 1942 году Гитлера с его 53-летием и называл его «великим освободителем народов от коммунизма».

Красноречиво характеризует личность подсудимого Джемилева и круг людей, с которыми он поддерживал тесные связи и явно солидаризируется с их антисоветскими взглядами. Это антисоветчики Левитин, Краснов¹, отщепенка Сейтмуратова, действия которых направлены на то, чтобы любым способом опорочить советский строй и его политическую систему.

Враждебные действия подсудимого Джемилева в отношении советской власти получили высокую оценку со стороны западных идеологических и подрывных центров. Это видно из предисловия к изданному в США сборнику «Шесть дней», где говорится: «Мустафа становится страшным пугалом для органов советской власти, так как мог сорвать овечью маску с лица хищного волка и разоблачить членовеконенавистническую сущность коммунистической системы».

Явно антисоветский и направленный против нашей государственной системы настрой прослеживается и в письме подсудимого Джемилева в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей», в котором он, выступая от имени советского радиослушателя, приветствует территориальные притязания определенных реваншистских кругов Японии к Советскому Союзу. В этом же письме он утверждает, что якобы Советский Союз не соблюдает принципов добрососедства и проводит агрессивную политику.

Как же оценить подобные действия подсудимого Джемилева и кто дал ему право брать на себя роль какого-то судьи для оценки действий нашего государства?

Сам подсудимый, как на предварительном следствии, так и здесь, в суде, подтвердил факт написания этого письма и направления его в Японию, но пытался представить дело так, что будто бы просто излагал свои мысли о нормах

---

¹ Здесь прокурор Умарова фамилию церковного писателя Левитина-Краснова ошибочно разделяет на две фамилии

взаимоотношений между государствами и заявил, что свои действия считает вполне правомерными. Но я считаю, и это полностью подтверждается содержанием письма и заключением экспертизы, что Джемилев, являясь гражданином СССР, своим письмом предал свою страну.

Джемилев поддерживал тесные связи с Московской антисоветской группой «Хельсинки», с антисоветчиками, клеветниками и отщепенцами типа Подрабинек, Лавута, Осиповой, Орлова, вместе с ними, а также по своей инициативе принимал активное участие в осуществлении акций, направленных на компрометацию Советского государства, на подрыв доверия к нашему государству на международной арене.

Так, в письме Андрею Сахарову от 12 января 1980 года Джемилев назвал интернациональную помощь Советского Союза братскому Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать его фамилию в числе подписавшихся под обращением против ввода ограниченного контингента советских войск в ДРА.

Установлено, что Джемилев действительно направлял такое письмо Сахарову. Факт направления этого письма подсудимый не отрицал на предварительном следствии. Более того, он и здесь говорил, что полностью согласен с содержанием своего письма и повторно употреблял выражения «кровавое вторжение», «оккупация» и тому подобное, явно искажая тем самым факт оказания братской помощи народу Афганистана по просьбе её правительства.

Факты, свидетельствующие о том, что интернациональную помощь нашей страны Афганистану подсудимый называет «кровавым вторжением», подтверждаются и его перепиской с Подрабинек, изъятой при обыске.

В документе №119 так называемой «Хельсинкской группы», под которым Джемилев разрешил поставить свою подпись, также ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан квалифицируется как «развязывание новой несправедливой войны».

Здесь, в ходе судебного следствия, подсудимый Джемилев говорил, что не помнит того, писал ли он Подрабинек о направлении письма академику Сахарову с просьбой включить его фамилию под обращением против ввода советских войск в Афганистан и что ему не было известно, передавался ли текст обращения по зарубежному радио. Но в ходе обысков обнаружена переписка Джемилева с Подрабинек. Так, в своем письме от 19 января 1980 года Подрабинеку подсудимый пишет: «Написал на днях письмо Андрею Дмитриевичу с просьбой о том, что если товарищи сочтут нужным где-то поднять вопрос об отставке и «импичменте» ответственных за афганскую авантюру, то чтобы в число подписавших заявление включили и меня». А Подрабинек в своем письме Джемилеву от 31 января 1980 года пишет: «Слышал по радио о вашей подписи под документом «Хельсинки» насчет Афганистана. Жаль, весь документ не передали». Это является достаточным подтверждением того, что Джемилев, повторно вмешиваясь в этот вопрос, клеветает на внешнюю политику нашей страны.

Допрошенный на предварительном следствии и здесь в суде, подсудимый заявил, что изложенные в этих клеветнических документах взгляды вполне соответствуют его собственным взглядам. Джемилев знал, что подобные провокационные заявления, и не только по Афганистану, получили и получают должную оценку в нашей стране и что от ответственности за клевету на наш строй никто не уйдет.

В ходе следствия выявлено и здесь в суде подтверждено, что подсудимый Джемилев находился в тесной связи с отщепенцем нашего общества Сахаровым, с его женой Боннер и другими махровыми антисоветчиками. Вот уж не понятно, Джемилев, как же вы умудрились связывать сотрудничество с этими людьми с вашим, как вы утверждаете, стремлением якобы способствовать решению так называемого «национального вопроса»?

4 ноября 1979 года подсудимый Джемилев направил Подрабинеку в форме письма клеветнический документ о якобы использовании в нашей стране медицины в карательных целях. Он утверждает в этом документе, что будто бы в отношении содержащегося в учреждении УЯ 64\пб МВД УзССР «диссидента» Рождествова применяется неправильное лечение и что ему дают медикаменты, рассчитанные на то, чтобы сломить его волю. С согласия Джемилева этот документ был опубликован Подрабинеком в «Информационном бюллетене № 21» так называемой «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» и распространен.

В ходе судебного следствия подсудимый пытался сослаться на то, что якобы эти факты ему рассказал Лазаренко, содержащийся вместе с Рождествовым. Однако Лазаренко, допрошенный в ходе предварительного следствия в качестве свидетеля, сообщил, что имел с Джемилевым лишь кратковременную беседу и никаких сведений о болезни и лечении Рождествова ему не сообщал.

В деле имеется также письмо руководства учреждения УЯ 64\пб МВД УзССР, где говорится, что медикаменты в этом учреждении назначаются пациентам только в зависимости от состояния их здоровья, а не в каких-то иных целях.

«Информационный бюллетень № 21», где опубликована информация подсудимого Джемилева, приговором Верховного Суда Якутской АССР от 6 января 1981 года признан клеветническим документом, а за изготовление этого документа и другие преступные действия Подрабинек приговорен по статье 190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы. Соответственно, не может уйти от наказания и подсудимый Джемилев, потому что именно на основании его клеветнической информации был изготовлен этот «Информационный бюллетень».

Для распространения своих клеветнических документов подсудимый Джемилев активно использовал враждебные нашей стране радиостанции, такие как «Свобода», «Немецкая волна» и «Голос Америки».

Так, 26 сентября 1982 года при содействии жителя г.Москвы Шустера подсудимый переслал за границу текст своего заявления Генеральному прокурору СССР с клеветническими выводами о том, что якобы крымские татары не имеют свободного выбора места жительства даже в местах ссылки в Узбекистане. Полный текст этого клеветнического и враждебного нашему строю заявления подсудимого был передан в эфир радиостанцией «Свобода».

На следствии подсудимый отказался объяснить, каким путем его заявление попало в радиостанцию, и отрицал посредничество Шустера в переправке этого документа за границу. Однако из обнаруженной при обысках переписки Джемилева ясно прослеживается, что подсудимый целенаправленно и посредством Шустера направил свое заявление в антисоветскую радиостанцию.

Подсудимый Джемилев активно прослушивал почти все враждебные нашей стране зарубежные радиостанции, записывал их на магнитофонную ленту, даже воспроизводил эти передачи на бумагу и отпечатывал на пишущей машинке для

дальнейшего их распространения. При обысках у подсудимого и у его брата обнаружены расписания многих зарубежных радиостанций на русском, турецком и других языках, 9 магнитофонных кассет с записями передач радиостанций «Свобода», «Голос Америки» и «Немецкая волна», а также 14 листов с текстами этих передач, отпечатанных Джемилевым на своей пишущей машинке.

Мы выслушали здесь показания эксперта Шейнфельда, сделавшего экспертное заключение по всем документам, в составлении, хранении и распространении которых обвиняется подсудимый Джемилев. Вывод эксперта — все эти документы являются клеветническими. Органами следствия прослушаны и магнитофонные записи зарубежных радиопередач, обнаруженных у подсудимого. Например, в передаче «Голос Америки» от 24 декабря 1979 года приводится диалог отщепенца Петра Григоренко с радиокomentатором Виктором Французовым по поводу ратификации договора ОСВ-2. В этой беседе извращается миролюбивая сущность внешней политики нашей страны и содержится обвинение Советского Союза в агрессивности. Утверждается, что для США ратификация этого договора не выгодна и что этот договор нужен только Советскому Союзу для достижения военного превосходства над Западом.

Я думаю, товарищи судьи, что комментарии здесь будут излишними. Как можно не оценить миролюбивой сущности нашего государства, которое прилагает огромные усилия для сохранения мира на земле? Ведь сорок лет мирной жизни после Великой Отечественной войны — это всё благодаря нашей стране, нашей партии и нашему руководству! И вместо того, чтобы дать достойную отповедь клеветникам на внешнюю политику нашего государства, вместо этого подсудимый Джемилев записывал подобные радиопередачи, чтобы потом распространить. Обнаружены также записи радиопередач, построенные на клеветнических выступлениях отщепенки Сейтмуратовой.

Из материалов предварительного следствия и результатов произведенных в его доме обысков видно, что подсудимый концентрировал у себя документы и литературу, направленную на порочение государственного и общественного строя СССР. В их числе клеветнические рукописи Александрова, одна из которых является проектом обращения к мусульманам мира, где проводится мысль о том, что при Советской власти, так же как и в царской России, преследуются мусульмане. Другая рукопись — это письмо, адресованное в Париж издателю «Имка-Пресс» Никите Струве. Причем, как видно из показаний Александрова на предварительном следствии, эти рукописи были переданы Джемилеву для корректировки.

В доме Джемилева была обнаружена подшивка документов так называемой «Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», учрежденной группой самозванцев в 1976 году и ставящей перед собой целью сбор клеветнической информации о якобы имеющих место в СССР нарушениях прав человека и передачу этой информации зарубежным государствам. С членами этой группы «Хельсинки» подсудимый поддерживал тесную связь.

Подсудимый вел обширную переписку с многочисленными адресатами за рубежом и внутри страны. Он нашел общий язык и с функционером так называемого «Международного общества защиты прав человека» во Франкфурте-на-Майне Юрием Беловым, занимающимся подбором недовольных советской властью для использования их в идеологических диверсиях против нашей страны.

Кроме того, при обыске дома Джемилева 1 февраля 1983 года обнаружено множество документов, порочащих советский общественный строй и его политическую

систему, многие из которых никак не увязываются с так называемым «национальным вопросом крымских татар», якобы разрешения которого добивается подсудимый, а направлены лишь на порочение нашего общественного и государственного строя. В их числе документ № 58 с клеветой на действия нашего государства в связи с событиями в Чехословакии, под которым Джемилев разрешил поставить свою подпись, тексты радиопередач «Голоса Америки» и «Свободы», письмо подсудимого в японскую радиостанцию «Эн-Эйч-Кей», изданная за рубежом книга Маркмана «На краю географии», обращения к главам коммунистических партий США, Испании, Франции, Италии и других стран, документы адвентистов, фрагменты злобной книги «Шесть дней», документ «Положение мусульман в России» и многое другое.

Обнаруженные при обыске и имеющиеся в деле записки Джемилева Решата, являющегося близким знакомым подсудимого, под заголовком «Наши будни. Моим друзьям» во многом объясняют действия подсудимого. В этом документе автор вполне обоснованно характеризует подсудимого как очень честолюбивого человека, который забывает о приличии и необходимости уважать других людей.

Допрошенному здесь эксперту Шейнфельду, который производил экспертизу по содержанию изъятых у подсудимого документов, судом был задан конкретный вопрос: являются ли эти документы клеветническими? И эксперт дал столь же конкретный ответ — да, все эти документы являются клеветническими, порочащими советский общественный строй и его политическую систему.

Джемилев активно использовал свои связи для получения издаваемой за рубежом враждебной Советскому Союзу литературы и для идеологической обработки своих соотечественников.

В составленном и распространенном подсудимым обращении «Ко всем мусульманам мира» он пишет, что якобы жизни Сахарова, которого подсудимый называет «великим гуманистом нашего времени», и его супруги Елены Боннер находятся в смертельной опасности, что будто они голодуют и это может закончиться для них «мучительной смертью». Но из сообщений нашей прессы мы хорошо знаем, что супруги Сахаровы проживают в г.Горьком в полной безопасности и спокойствии. Таким образом, и в этом документе подсудимый сознательно клеветает с целью опорочить социалистическую действительность.

Или взять другой документ под названием «Положение мусульман в России», обнаруженном в доме подсудимого. В нем утверждается, что Советский Союз — это преемник царской колониальной империи, употребляются такие термины, как «русские держиморды-аристократы православно-религиозного направления были заменены держимордами коммунистическо-атеистического направления» или «на ассимиляцию нерусских народов направлена вся мощь социализма и никто не может этого избежать». Это ли не клевета на национальную политику нашего государства!

Подсудимый Джемилев размножал и распространял поэму турецкого поэта «Бахчисарайский фонтан», присланную ему Хаканом Кырымлы из Турции. Экземпляры этой поэмы, переписанные подсудимым или размноженные фото способом, обнаружены при обысках на квартирах у Джемилева Асана, Кадырова Синавера, Аблямитова Фуата. А в доме самого подсудимого Джемилева, кроме типографского экземпляра, обнаружены также два экземпляра этой поэмы, размноженные фото способом, и экземпляр, размноженный ксероспособом. Литературоведческая экспертиза, а также допрошенные здесь эксперты Сарымсаков

и Хаккулов показали, что эта поэма антиисторична, насквозь пронизана антисоветизмом и содержит клеветнические измышления, порочащие советский общественный строй и его политическую систему. Тем не менее, подсудимый Джемилев не только распространяет эту враждебную поэму, но еще и заявляет, что распространял это как хорошо написанное литературное произведение.

Заключением судебно-автороведческой экспертизы и показаниями эксперта Расулова полностью подтверждается и то, что подсудимый Джемилев является также автором клеветнического обращения «К главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», которое написано с целью опорочить общественный строй СССР и его политическую систему, утверждая, что в отношении крымских татар при советской власти продолжается политика самодержавия, а также с целью вызвать вмешательство зарубежных государств во внутренние дела нашей страны.

Подсудимому следовало бы не забывать, что Советское государство, которое никогда не вмешивается во внутренние дела других стран, не позволит вмешиваться и в собственные дела.

Показательно то, что подобного рода документы не находят одобрения даже у тех крымских татар, с которыми подсудимый поддерживал тесные отношения. Так, например, житель Симферополя Сеитвапов Эбазер, которому Джемилев направил экземпляр этого обращения с целью сбора подписей, ответил: «К сожалению, мне придется вас огорчить. Выдвинутые вами предложения мы считаем неприемлемыми. Обсуждать содержание «Обращения» не будем. Ни мне, ни другим оно не понравилось. Ориентация на Запад отталкивает большинство людей».

Джемилев утверждал, что этого обращения он Сеитвапову не посылал и письмо Сеитвапова адресовано вовсе не ему. Но эти его утверждения опровергаются тем, что письмо Сеитвапова было обнаружено при обыске именно в доме подсудимого.

Доказано также, что подсудимый занимался сбором информации о судебном процессе в отношении руководителя секты адвентистов В.Шелкова и других, которые были осуждены за распространение измышлений, порочащих советский строй, и посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Это подтверждается обнаружением при обысках в доме подсудимого и на квартире у его брата Джемилева Асана рукописи подсудимого с черновыми набросками о суде по делу Шелкова, а также клеветнических документов адвентистов, изготовленных машинописным способом и изданных в подпольной типографии адвентистов. Подсудимый сам подтвердил, что собирал информацию об адвентистах, так как этим процессом интересовался академик Сахаров, и что документы адвентистов, изъятые в доме брата, принадлежат самому подсудимому и могли храниться в доме брата, потому что он долгое время жил в его квартире.

Это еще раз подтверждает то, что основной целью подсудимого было любыми путями опорочить советский общественный строй и его политическую систему, а так называемый «национальный вопрос крымских татар» служил для него лишь одним из прикрытий для осуществления своих преступных целей.

Таким образом, предъявленное подсудимому Джемилеву Мустафе обвинение по статье 191-4 УК УзССР считаю полностью доказанным.

Джемилеву также предъявлено обвинение в организации массового нарушения общественного порядка, а затем в составлении клеветнического обращения в

Организацию Исламская Конференция. Эти преступления подсудимым совершены на территории Российской Федерации и квалифицированы по статьям 190-3 и 190-1 УК РСФСР. Преступления эти подсудимый совершил при следующих обстоятельствах:

5 июня 1983 года Джемилев при перевозке трупа своего отца Абдуджемила Мустафа-оглу из г.Абинска Краснодарского края для захоронения на территории Крымской области совместно со своим братом Джемилевым Асаном спровоцировали и приняли активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.

Участники похорон при следовании в сторону Керченской паромной переправы на нескольких автомашинах, в одну из которых, в нарушение требований санитарных правил перевозки трупов, положили труп покойного без гроба, были остановлены на посту ГАИ «Рубеж» инспектором ДПС УГАИ Краснодарского крайисполкома Мороз П.И. На отказ Мороза П.И. пропустить группу участников похорон к паромной переправе в связи с несоблюдением ими требований санитарных правил перевозки трупов, они не подчинились и, допуская провокационные выкрики антисоветского характера, требовали пропустить их, провоцируя конфликтную ситуацию.

О создавшейся обстановке инспектор ДПС Мороз доложил руководству ОВД Темрюкского района, на территории которого дислоцируется пост ГАИ «Рубеж». На неоднократные разъяснения прибывших на место представителей районного отделения милиции и райисполкома о невозможности перевозки трупа в таком состоянии, участники похорон, подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, не реагировали и, подхватывая допускаяемые последними провокационные заявления антисоветского содержания, не подчинились их законным требованиям. После чего участники похорон, игнорируя требования представителей милиции и райисполкома, поехали к переправе, где, подстрекаемые Джемилевым Мустафой и Джемилевым Асаном, грубо нарушая общественный порядок, требовали пропустить их на паром. Заблокировав автомашинами проезд на территорию переправы, участники похорон продолжали грубо нарушать общественный порядок. На неоднократные требования работников милиции и переправы убрать автомашины от ворот и не мешать въезду и выезду автотранспортных средств, участники похорон не реагировали. Джемилев Мустафа и Джемилев Асан, продолжая разжигать среди участников похорон ненависть и озлобление, подстрекали их к действиям, нарушающим общественный порядок, призывая не выполнять законные требования представителей власти.

В результате преступных действий Джемилева Мустафы и Джемилева Асана была нарушена работа Керченской паромной переправы и переправа не имела возможности осуществлять перевозку автотранспортных средств в течение четырех часов. По причине невозможности выезда автотранспорта из прибывшего парома «Керченский-2», последний простоял в ожидании выгрузки и погрузки в течение одного часа 15 минут, чем причинен ущерб Керченской паромной переправе на сумму 190 рублей.

На судебном процессе заслушаны показания свидетелей как со стороны участников похорон, так и правоохранительных органов. И сам подсудимый Джемилев подробно рассказал об этих событиях, конечно, пытаясь при этом оправдать собственные действия и обвинить во всем правоохранительные органы. Однако показания Дереева,

Мороза, других работников органов и Керченской паромной переправы ясно свидетельствуют о том, что правонарушения были совершены именно со стороны участников похорон, и руководителем этих преступных действий был подсудимый Джемилев. То есть, доказано, что Джемилевым совершено преступление, квалифицируемое как организация групповых действий, нарушающих общественный порядок и подпадающее под статью 190-3 УК РСФСР.

Не довольствуясь этим, подсудимый составил клеветнический документ от имени 25-ти граждан в адрес Организации Исламская Конференция, где в ложном свете изложил события на посту ГАИ «Рубеж» и на Керченской паромной переправе, присовокупив это новыми злобными нападками на советский общественный строй и его политическую систему. Фамилии самого подсудимого под документом нет, но из судебно-автороведческой экспертизы и показаний эксперта Расулова ясно следует, что автором и этого документа является Джемилев Мустафа. Да и сам подсудимый в своих показаниях заявил о том, что не собирается отказываться от авторства документов в Организацию Исламская Конференция и Главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, полностью разделяет изложенные в них взгляды и готов нести за них ответственность.

Вина подсудимого в этой части усугубляется и тем, что полный текст документа в Организацию Исламская Конференция был передан на русском языке враждебной нашей стране радиостанцией «Свобода». Таким образом, Джемилев допустил очередной выпад и клевету на нашу страну. Поэтому обвинение подсудимого Джемилева по статье 190-1 УК РСФСР также считаю доказанным.

На предварительном следствии и в суде Джемилев вел себя неискренне, не раскаялся в содеянном, а, наоборот, пытался использовать трибуну для новой клеветы на советский строй и очернение нашей государственной системы.

На основании вышеизложенного, прошу приговорить подсудимого Джемилева Мустафу по статье 191-4 УК УзССР к трем годам лишения свободы, по статье 190-1 УК РСФСР к трем годам лишения свободы и по статье 190-3 УК РСФСР к полутора годам лишения свободы. На основании статьи 40 УК УзССР по совокупности назначить ему три года лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

После окончания обвинительной речи прокурора судья объявляет перерыв до 10 часов 30 минут утра в понедельник 13 февраля 1984 года. Однако, в связи со смертью Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова и объявленным в стране трауром, процесс был отложен до 10 часов 30 минут утра 15 февраля 1964 г. М.Джемилев, привезенный утром на «воронке» к зданию Ташкентского городского суда утром 13 февраля, был вывезен в тюрьму обратно.

День седьмой. 15 февраля 1984 года

Сегодня людей возле здания суда — как друзей и близких подсудимого, так и милиционеров и солдат — значительно больше, чем в предыдущие дни процесса. Кто-то громко говорит, что, судя по возросшему количеству солдат, уже можно

понять, какой будет приговор. В ответ один из милицейских полковников говорит, что о приговоре надо было думать когда совершал преступления и что, разумеется, клевета на советский строй никогда не будет безнаказанной. «Это понятно, но интересно, почему это о приговоре милиционерам известно даже раньше, чем самому судье», — иронизирует другой крымский татарин.

В 10 час. 30 мин. подвозят в «воронке» к задним оцепленным солдатами и милиционерами воротам подсудимого и еще через несколько минут милиционеры у входа в зал суда по одному начинают пропускать родственников. Однако напор людей сметает милиционеров у двери, и в зал устремляются все. Пока милиционерам удастся закрыть двери, зал оказывается переполненным до отказа. Запущенная в зал заранее «спецпублика» испуганно жметя поближе к милиционерам и солдатам, занявшим первые ряды, а также плотным кольцом окружающим подсудимого за барьером. Милиционер у входа требует, чтобы все немедленно очистили зал, мотивируя тем, что стоять в зале запрещено, а скамейки все уже заняты. Если учесть, что большинство мест было занято еще до впуска свободной публики, то получалось, что из числа родных и близких подсудимого в зале должны были остаться всего 5-6 человек. Крымские татары решительно отказываются выходить из зала. Судья Петросян сперва заявляет, что суд не начнется, пока не выйдут все, кто стоит на ногах, но потом, очевидно поняв, что тут без крупной потасовки не обойдется, машет рукой и говорит милиционерам: «Пусть стоят, если им это нравится!»

Затем она объявляет, что слово для защитительной речи предоставляется подсудимому.

Защитительная речь подсудимого М. Джемилева

По настоящему делу мне инкриминируются две статьи из уголовных кодексов Узбекской ССР и РСФСР, предусматривающие ответственность за деяния против порядка управления государством. Это статьи 191-4 УзССР и 190-1 УК РСФСР, где говорится об ответственности за составление и распространение документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему, а также ст. 190-3 УК РСФСР — ответственность за организацию или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Я начну свою защиту от предъявленных мне обвинений с изложения своей позиции по обвинению в организации беспорядков, потому что на основе событий, квалифицируемых как «массовые беспорядки» было написано обращение в Организацию Исламская конференция, в составлении текста которого я обвиняюсь. То есть в связи с этим обращением мне повторно предъявляется обвинение в порочении советской политической системы, но уже по кодексу Российской Федерации. А обращение в Организацию Исламская Конференция в свою очередь текстуально связано с более широким кругом вопросов, о которых я хотел бы говорить отдельно.

Похороны 5 июня 1983 года и обвинение в организации беспорядков.

Суть обвинения меня по статье 190-3 УК РСФСР, т.е. в организации беспорядков, сводится к тому, что 5 июня 1983 года я и группа моих родственников и соотечественников пытались вывезти тело моего отца из Краснодарского края на

территорию Крыма для захоронения якобы вопреки установленных законом правил, а когда власти указали нам на это и потребовали возвратиться обратно, то не подчинились их «законным требованиям», допускали антиправительственные высказывания в ходе перепалки с представителями властей, запрудили дорогу, в результате чего в течение определенного времени паром, осуществляющий перевозки через Азовский пролив, не мог заниматься своим делом и понес ущерб в размере 190 руб. Общее руководство якобы незаконными действиями похорон возлагается на меня.

В своих показаниях я подробно говорил о том, как в действительности всё происходило, а теперь, наверное, ограничусь только анализом показаний некоторых свидетелей и приложенных к делу документов.

Обвинение целиком и полностью базируется на показаниях работников милиции, работника райисполкома и сотрудников Керченской паромной переправы, которые, говоря о незаконности наших требований пропустить похоронную процессию на территорию Крыма, утверждают почти в один голос, что процессия не была пропущена по причине несоблюдения нами санитарных правил перевозки трупов. А именно — труп перевозили без цинкового гроба. Некоторые из них еще добавляют, что у нас было не все в порядке и с документами на труп. Свидетели — участники похорон в своих показаниях события изложили в основном также как я и указали, что виновниками инцидента были именно представители властей, которые воспрепятствовали перевозке покойника вопреки законам и здравому смыслу.

Всего по поводу событий, связанных с похоронами, на предварительном следствии было допрошено 24 человека, в том числе 11 представителей властей и Керченской переправы, 11 участников похорон и двое медицинских работников. На процессе же были допрошены четверо из представителей властей, и лишь двое из числа участников похорон. Несколько других показаний были оглашены председательствующей.

Остановлюсь подробнее на основных обвинительных показаниях, т.е. на показаниях работников милиции — инспектора Мороза, зам. начальника Темрюкского РОВД майора Зайцева и зам. начальника УВД г.Керчи подполковника Адольфа Денисова. Лживость и предвзятость их показаний ясно прослеживается даже при сравнении с другими, также обвинительными и примерно в той же мере лживыми показаниями их собственных коллег.

Инспектор Мороз, остановивший похоронную процессию на посту ГАИ «Рубеж», утверждал в своих показаниях на следствии и судебном процессе, что задержал процессию случайно: мол, производил обычный осмотр проезжавших автомашин и, обнаружив в машине «Волга» ГАЗ-24 труп без цинкового гроба, запретил ехать дальше. Эти показания проверяются участниками похорон, в частности, и допрошенными на процессе Джемилевым Анафи и Сейтвелиевым Ризой, которые сообщили, что инспектор, остановивший машины, ссылался лишь на полученные им указания от своего начальства по телефону. Лживость показаний инспектора Мороз в этой части обнаруживается и из рапорта командира взвода дорожно-патрульной службы Темрюкского РОВД, старшего лейтенанта Гудзь, который, говоря о действиях участников похоронной процессии, заявляет:

«... Вели себя вызывающе, требовали, чтобы Мороз П.И. возвратил им документы на автомобили. Я начал их успокаивать и сказал, что вернуть документы

Мороз не имеет права до тех пор пока не приедут представители ГАИ Абинска, т.к. на пост поступило указание задержать их автомобили и документы». (том.5 л.д. 8-11).

На мой вопрос Морозу П.И., чем объяснить такое противоречие и кто же из них говорит правду, Мороз на судебном процессе, как вы помните, ответил, что было указание задержать лишь машины участников похорон, а не похоронную процессию. Но процессию, мол, задержал все-таки сам, по собственной инициативе ввиду отсутствия цинкового гроба. Я думаю, что тут комментарии излишни и, вполне очевидно, что Мороз, рассказывая в своих показаниях байки об участившихся кражах автомобилей, в связи с чем, дескать, проверял весь проезжающий транспорт, и что машины участников похоронной процессии задержал случайно, сознательно лгал.

В своем рапорте Мороз П.И. также утверждал, что участники похорон отказались предъявить документы на покойника, а именно, свидетельство о смерти и справку из санэпидстанции, и что у него возникли сомнения действительно ли мы везем покойника. Правда, позднее в своих показаниях он отказался от этой грубой лжи и стал говорить, что эти документы ему показали, но в руки не давали. Но и это опровергается содержанием рапорта того же Гудзя, который пишет:

«Затем они (т.е. участники похорон) подошли к ст. инспектору ДПС Мороз П.И., требовали, чтобы он вернул свидетельство о смерти...» (том 5, л.д. 8-11).

Сознательно лгал Мороз при изложении и других довольно существенных обстоятельств. Например, в своем рапорте от 5 июня он утверждал, что первым на пост ГАИ прибыли зам. начальника милиции майор Зайцев и секретарь Темрюкского райисполкома, а про прибытие на пост ГАИ начальника КГБ Грузина он вообще не упомянул. Но в своих показаниях от 22 сентября 1983 года он говорит:

«Первым на пост приехал начальник отдела КГБ Грузин Г.Г., которому доложил обстановку». (том 5, л.д. 51-53).

Объясняется это, конечно, вовсе не тем, что после трех с половиной месяцев он точнее мог описать ход событий, чем в тот же самый день, когда произошли эти события. Тут наглядно прослеживается стремление кого-то постороннего исключить противоречия в показаниях работников органов. На процессе Мороз опять начал утверждать, что первыми прибыли Зайцев и секретарь райисполкома, но после напоминания ему своих показаний на следствии он, окончательно завравшись, стал говорить, что это не имеет значения, поскольку Грузин не является его непосредственным начальником. Насколько наивны подобные доводы, полагаю, комментировать нет необходимости.

Другой свидетель, показания которого подробно цитируются в обвинительном заключении, — это зам. начальника Темрюкского РОВД майор Зайцев. В своих собственноручных показаниях от 22 сентября 1983 года он пишет, что похоронная процессия была остановлена ввиду попытки перевезти труп без цинкового гроба и отсутствия необходимых документов. То же самое он говорил и здесь. Но в своем рапорте от 5 июня 1983 года, также написанном собственноручно, он сообщает:

«... Я лично вышел по телефону на дежурного УВД и получил инструкцию, что эти лица татарской национальности в установленном порядке вопрос о захоронении в Крыму не решили, документов нет и в связи с этим пропустить колонну нельзя, необходимо вернуть в Абинск...» (том 5, л.д.19-25).

Таким образом, выясняется, что инструкция не пропускать процессию в Крым исходила из УВД, т.е. уже даже не из Абинска, а из Краснодара, расположенного в сотнях километров от места инцидента. Из Краснодара, конечно же, никак не могли видеть в каком виде мы перевозим покойника и какие есть у нас бумаги. Они твердо могли знать только о том, что у нас нет и не может быть специального разрешения из Крымского облисполкома, потому что подобные разрешения никакими правилами не предусмотрены и, во-вторых, что Крымский облисполком такое разрешение крымским татарам ни в коем случае не выдаст.

В своем рапорте от 5 июня 1983 года Зайцев пишет, что через минут 10 или 20 после его прибытия на пост ГАИ туда же приехал и начальник РО УКГБ Грузин Г.Г., которого разыскали по его личному указанию, так как, цитирую, *«татары выкрикивали антисоветские лозунги и заявляли, что сотрудники милиции создают конфликт, сознательно создают критический конфликт»*. Но через три с половиной месяца он по этому же поводу пишет совсем другое. Теперь он говорит, что об этих пресловутых «антисоветских лозунгах» якобы сообщил ему по телефону инспектор Мороз, а он, дескать, в свою очередь решил об этом сообщить начальнику Темрюкского КГБ Грузину и только после этого выехал на пост ГАИ. Почему он решил изменить свои показания в этой части понять, конечно, нетрудно, если принять во внимание рапорты и показания других работников милиции, в том числе рапорты Мороза и Гудзя, из которых видно, что Зайцев прибыл на пост ГАИ значительно позже самого Грузина и, стало быть, вызывать его не было необходимости. Но и второе, уже отредактированное утверждение Зайцева противоречит показаниям Мороза, на которого он ссылается, потому что Мороз и на предварительном следствии и здесь говорил об этих высказываниях лишь после того, как на пост прибыли и Грузин, и сам Зайцев. А на мой вопрос Морозу, были ли высказывания, которые он называет антисоветскими, до прибытия на пост Грузина и Зайцева, как вы помните, он ответил, что таких высказываний до их прибытия не было. И добавил: *«Ваши люди же стояли возле меня, когда я звонил, и слышали все, что я говорил по телефону»*.

В своем рапорте от 5 июня Зайцев вообще не упоминает о нарушении нами каких-то санитарных правил, а только говорит об отсутствии у нас разрешения на захоронение в Крыму. В то же время он все-таки решил бессмысленным отрицать, что у нас были свидетельство о смерти и справка с разрешением на вывоз покойника за пределы района. Но в своих показаниях на предварительном следствии и здесь, на процессе, он уже основной упор делает на отсутствие цинкового гроба, т.е. того, о чем вообще на посту ГАИ не вел разговор. На судебном заседании, как вы помните, Зайцев уклонился от моего вопроса о том, какие же еще документы, кроме предъявленных, были необходимы для вывоза покойника и откуда, из каких правил или законов он взял, что нужно еще разрешение из Крыма. Вместо этого он стал вдруг здесь говорить о том, что была не совсем правильно написана справка из санэпидстанции и что там не указан диагноз смерти покойного и не указано, что он не страдал инфекционными заболеваниями и тому подобную чепуху.

Они до такой степени запутались в этих цинковых гробах, справках и антисоветских высказываниях, что вряд ли есть необходимость и дальше сличать и анализировать показания все этих лжецов. Но я остановлюсь на показаниях еще одного свидетеля из этой компании, на показаниях подполковника Адольфа

Денисова — одного из главных персонажей событий на Керченской переправе. Сам он, правда, здесь не был допрошен, хотя я очень настаивал на этом, но его показания были оглашены. Он также в своих показаниях от 5 октября 1983 года основной упор делает на отсутствие у нас цинкового гроба и слово «гроб» повторяет около десятка раз. Я не буду подробно останавливаться на всей его лжи и несурразице насчет приписываемых нам высказываниях и даже угрозах. О лживости его показаний исчерпывающе свидетельствует его же собственноручная расписка, которую он выдал нам 5 июня 1983 года. В своих показаниях он не отрицает того, что выдавал нам такую расписку, но по поводу ее содержания он говорит:

«Точное содержание расписки я сейчас не помню. Она была примерно такого содержания: «В связи с несоблюдением санитарных условий перевозки трупа и отсутствия необходимых документов по месту предполагаемого захоронения, труп не может быть перевезен».

По моему ходатайству к делу приобщен подлинник расписки Денисова, который был зачитан на прошлом заседании и гласил:

«В связи с отсутствием документов, разрешающих захоронение трупа Мустафаева Абдул Джемиля 1899 г. рождения в Белогорском районе, согласования с Крымским облисполкомом и Краснодарским крайисполкомом, труп перевозить из Краснодара в Крым запрещается.

Зам начальника УВД г. Керчи п/п мил. А.Ф. Денисов. 5.06.83 г. 18.20.»

В своих показаниях он говорит в основном только о якобы несоблюдении нами санитарных правил и цинковом гробе, а здесь ни слова о гробе и санитарных правилах, а только заведомо незаконное, абсурдное и циничное требование, чтобы ему предъявили разрешения из обл— и крайисполкомов.

Кроме того, в своих показаниях он утверждал, что участники похорон категорически отказались сообщить ему в каком именно районе Крыма они собираются произвести захоронение, но из этой же короткой расписки видно, что и тут он солгал, ибо ему сообщили о месте предполагаемого захоронения и что захоронение предполагалось в Белогорском районе.

В свете этого остается только гадать, чего же больше заложено в этом «свидетеле» — наглости или тупости. Зная, что у нас в руках его собственноручная расписка и в то же время столь откровенно лгать в своих показаниях — это все-таки, наверное, не признак ума.

И вот на показаниях таких-то «свидетелей» строится все обвинение по статье 190-3 УК РСФСР.

Но допустим все-таки, что они в своих показаниях не лгали и что действительно они нас не пропустили в Крым только из-за того, что не было цинкового гроба, хотя, правда, допустить это очень трудно, так как расписка Денисова говорит совершенно о другом. Соответствовали бы эти требования букве и духу закона?

В деле имеются тексты санитарных правил, предусматривающие правила перевозки и захоронения умерших: общесоюзные санитарные правила, утвержденные зам. главного государственного врача СССР от 10 февраля 1977г., и машинописная копия текста правил, утвержденных министром жилищно-коммунального хозяйства УССР от 14 марта 1979г. Эта копия, т.е. копия правил Украинской ССР, перепечатана и заверена следователем, который вел настоящее дело. Но к делу эти украинские правила никакого отношения не имеют, потому что конфликт

произошел на территории РСФСР, и перевозить покойника собирались на пароме Керченской паромной переправы Азовского морского пароходства Министерства морского флота СССР, т.е. общесоюзного министерства. Поэтому здесь может речь идти о соблюдении или несоблюдении участниками похорон требований общесоюзных санитарных правил. А для какой цели следователь решил приобщить сюда и украинские правила, причем, не подлинник, а машинописную копию собственного изготовления, можно только строить догадки.

Так вот, в общесоюзных правилах (пункт 2.9) говорится:

«Перевозка трупов умерших к месту погребения разрешается любыми транспортными средствами (железнодорожный, авиационный, автомобильный и др.) по получении специального разрешения на провоз от соответствующего транспортного ведомства...»

Мы провозили покойника в собственном автомобиле. Следовательно, брать разрешение у какого-то ведомства автотранспорта не было необходимости.

Пункт 2.11 этих же правил гласит:

«При перевозке умершего железнодорожным и авиационным транспортом труп должен быть помещен в оцинкованный, герметично запаянный гроб, изнутри заполненный веществом, впитывающим влагу. Металлический гроб помещается в деревянный, плотно сколоченный ящик для транспортировки в багажном отделении.»

Мы не собирались в дальнейшем перевозить покойного ни железнодорожным, ни авиационным транспортом, не собирались сдавать в багажное отделение какого-либо из этих видов транспорта. Мы собирались перевезти покойника на пароме также в собственном автомобиле, а паром, как известно, не относится ни к железнодорожному, ни к авиационному транспорту, которые оговорены в этих санитарных правилах. Поэтому статья правил, где говорится о цинковых гробах, к нам не могла быть применима.

Следователь в обвинительном заключении цитирует также пункт 3.1.9. инструкции по Украинской ССР, которые предусматривают перевозку умерших в оцинкованных и герметически запаянных гробах, помещенных в специальные контейнеры, также водным транспортом. Как я уже говорил, украинские правила здесь не применимы, поскольку речь идет о перевозке на транспорте общесоюзного ведомства и о конфликте не на территории Украинской ССР. Кроме того, паром, о котором идет речь, перевозит самостоятельные транспортные средства, т.е. автомобили и железнодорожные составы, которые руководствуются собственными правилами перевозок. То есть и здесь не могла идти речь о том, чтобы покойный был в оцинкованном гробу и специальном контейнере для сдачи этого контейнера в багажное отделение, которого, между прочим, у этого парома нет.

Наконец, вопросы элементарной логики. Время в пути на этом пароме через пролив от порта Кавказ до порта Крым занимает лишь примерно час. Так не будет ли сумасбродством и глупостью ради этого одного часа помещать этот гроб в деревянный контейнер, чтобы через час или два распаковать контейнер, отпаять гроб и произвести захоронение? Конечно же, это могло быть только незаконным, циничным и издевательским крючкотворством.

Обратимся теперь к вопросу о том, насколько правомерны были требования представителей властей относительно разных разрешительных справок, которые якобы мы обязаны были предъявить для перевозки покойника на территорию Крыма. То есть обратимся к вопросу о правомерности тех требований, которые действительно предъявлялись нам.

Пункт 2.5. общесоюзных санитарных правил гласит: «Захоронение производится при предъявлении соответствующего документа из местного ЗАГСа».

Пункт 2.9: «... Для оформления перевозки умершего с места, где последовала смерть к месту погребения в другом районе или городе страны, необходимо получить справку-разрешение на перевоз от местной санитарно-эпидемиологической станции (по месту смерти) по предъявлении заключения лечебного учреждения о причине смерти».

Итак, два документа: документ из местного ЗАГСа, т.е. свидетельство о смерти и справка из санэпидстанции. Никаких других справок и разрешений ни общесоюзными, ни украинскими санитарными правилами не предусмотрено. О том, что эти документы нами предъявлялись видно из показаний работников органов, а справка из санэпидстанции, которая выдается только при предъявлении свидетельства о смерти, приобщена к делу.

Но даже из показаний работников органов и Керченской паромной переправы видно, что они требовали еще и иные разрешения, в первую очередь, как это видно из расписки А.Денисова, разрешения из Краснодарского крайисполкома и Крымского облисполкома. А эти абсурдные требования никакими правилами не предусмотрены.

Прокурор в своей обвинительной речи говорила, что представители власти не могли предъявить нам соответствующие правила, обосновывающие их право не пропускать на территорию Крыма по той причине, что был воскресный нерабочий день, учреждения не работают и, стало быть, найти тексты этих правил и инструкций было невозможно.

Из материалов дела видно, что на место прибыли высшие чины местной власти — секретарь райисполкома, начальники и замы начальников КГБ и милиции, было мобилизовано около сотни милиционеров, в воздух подняли вертолет с дополнительным контингентом милиционеров из Краснодара, на специальном катере из Керчи прибывает подполковник Денисов с еще 30 милиционерами. А вот отыскать служащего соответствующего учреждения и взять из его конторы соответствующие правила, видите ли, было невозможно ввиду воскресенья. Разве не звучит это более чем наивно? Они не хотели предъявлять нам этих писанных правил, потому что в них нет пунктов, которые оправдывали бы их действия. И неужели не было видно с самого начала, хотя бы даже из этих противоречивых, лживых и пронизанных шовинистическим духом рапортов и показаний разных чинов, что они выдвигали заведомо незаконные требования? И является ли преступным деянием неподчинение произволу и беззаконию?

Я уже тут не говорю об их действиях в день похорон на Таманском кладбище и на кладбище в Белогорском районе Крыма, которые никак не могут быть увязаны ни с пресловутым цинковым гробом, ни с какими-либо справками облисполкомов и крайисполкомов.

Таким образом, обвинение по статье 190-3 УК Российской Федерации является необоснованным и заведомо лживым. Оно имеет целью оправдать вопиющее беззаконие властей и дискредитировать ставшее достоянием широкой гласности обращение участников похорон в Организацию Исламская Конференция по поводу их беззакония и глумления над чувствами и элементарными правами крымских татар.

Выдвинутое против меня обвинение в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР и его политическую систему,

по содержанию инкриминируемых мне деяний и материалов можно подразделить на три отдельные темы:

- порочение политики советского руководства в национальном вопросе и, в первую очередь, в национальном вопросе крымских татар;
- необоснованное обвинение властей в злоупотреблении психиатрией в политических целях;
- клевета на внешнюю политику советского руководства.

I. Обвинение в клевете на национальную политику

Начну с деяний, документов, материалов и произведений, связанных с национальным вопросом. Сюда относятся:

- Связь с «Национальным центром крымских татар» в Америке, с Фондом «Крым», опубликование в одном из изданий Фонда «Крым» моего обращения «К мировой общественности»;
- Составление текстов обращений крымских татар «Главам государств-участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» и в Организацию Исламская Конференция;
- Мое заявление Генеральному прокурору СССР от 18 августа 1982г.;
- Перепечатка фрагментов из книги В.Маркмана «На краю географии», изданной в Иерусалиме в 1979г.;
- Хранение фотонегатива документа «Положение мусульман в России»;
- Прослушивание и запись текстов передач западных радиостанций;
- Распространение поэмы «Бахчисарайский фонтан» турецкого поэта Шюкрю Эльчина;
- Попытка создать молодежную группу крымских татар для поездки на «Олимпиаду-80» в Москву.

Связь с «Национальным центром крымских татар» и Фондом «Крым» в Америке, обращение «К мировой общественности».

Утверждается, что с 1977 года я поддерживал связь с «Национальным центром крымских татар» в Нью-Йорке, а этот центр, оказывается, основал так называемый Фонд «Крым» и опубликовал несколько книг, содержание которых очень не нравится советским органам. Это книга Андрея Григоренко «А когда мы вернемся...», которая, как видно из подшитых к делу ксерокопий текста его предисловия и оглавления, посвящена национальной проблеме крымских татар, повествует о моем участии в крымскотатарском национальном движении и Омском процессе по обвинению меня в клевете на советский строй. Вторая книга — сборник «Шесть дней», который содержит полное описание процесса в г.Ташкенте по обвинению меня и покойничего впоследствии самоубийством поэта Ильи Габая также обвиненного в клевете на советский строй. В предисловии и послесловии к этому сборнику, фотокопии которых подшиты к делу, примерно на 50 страницах описываются преследования, которым я подвергался за свое участие в правозащитном движении в СССР и предпринятые за рубежом меры в мою защиту. Кроме того, в этом сборнике помещено обращение «К мировой общественности», написанное мною в июне 1978 года по поводу саможжения Мусы Мамута.

С лета 1974 года по 22 декабря 1977 года я находился в местах лишения свободы в лагерях Омска и Приморского края. Правда, из лагеря Приморья до Америки не очень далеко, во всяком случае, ближе чем до Ташкента, но все равно ни о какой связи с заграницей оттуда не могло быть и речи — туда с большими перебоями едва доходили письма даже от родных и близких в СССР. За оставшуюся неделю 1977 года, то есть с 23-го по 31 декабря тоже, наверное, вряд ли можно было обменяться посланиями с «Национальным центром», даже если бы письма согласилась доставлять советская дипломатическая почта. Поэтому, наверное, надо согласиться, что следствие тут явно переборщило.

Правда, один из руководителей «Национального центра крымских татар» в Нью-Йорке Фикрет Юртер доводится мне близким родственником. С ним мои родные и я переписываемся в течение многих лет, может быть лет 15-20. Почти все письма и даже фотографии, полученные от него мной и моим братом, в течение последних 6-7 лет были изъяты во время обысков. Изъяли также официальное приглашение (вызов) на постоянное жительство в США, высланное им мне в 1978 году. Все эти письма, фотографии и вызов перечислены в протоколах обысков у меня и у моего брата. Корреспонденция проходила через почту и, разумеется, не могла содержать того, что особо заинтересовало бы органы. В тех случаях, когда переписка из-за погрешностей почты надолго прерывалась, приходилось обмениваться приветами или новостями с помощью тех, чья переписка с близкими за рубежом пока проходила нормально. Вот все, что можно сказать о моих связях с «Национальным центром крымских татар» в Нью-Йорке, которым обвинение придает столь зловекий смысл. Но если даже у меня с «Национальным центром» были бы более тесные контакты, то и в этом случае, конечно, это мое личное дело и внутреннее дело Национального движения крымских татар. Ограничивать контакты со своими родными и соотечественниками за рубежом в угоду целям и интересам карательных органов мы, разумеется, не настроены. Для развития этих контактов и обмена информацией мы будем пользоваться всеми доступными средствами — это наше право, предусмотренное международно-правовыми нормами.

На странице 9 обвинительного заключения проводится перевод выдержки из черновика моего письма Фикрету Юртеру, которое писалось в 1978 году. Говорится, что будто бы в этом письме я, используя какие-то условности, сообщаю «о результатах идеологической обработки отдельных советских граждан». Во-первых, перевод письма с турецкого языка на русский редактором газеты «Ленин байрагы» Тимуром Дагджи сделан не совсем верно. Пропущены некоторые слова, а переводы некоторых зачеркнутых в черновике слов приложены не к месту. Но даже если исходить из приводимого текста перевода, пусть даже допускать, что в этих словах есть еще какой-то скрытый смысл, то все равно нужно, наверное, обладать поистине шизофренической фантазией, чтобы из приводимых слов делать те выводы, к которым приходят составители обвинительного заключения, т.е. что я будто бы с помощью условностей сообщаю «о результатах идеологической обработки отдельных советских граждан».

В обвинительном заключении говорится, что я получал от Фонда «Крым» вещевые посылки. Даже если бы я действительно получал какие-то посылки от этого Фонда, то и в этом случае у органов не было бы законных оснований попрекать меня этим. Речь идет о Фонде, который ставит своей целью

способствовать решению крымскотатарского национального вопроса и вполне естественно, если этот Фонд будет оказывать какую-то помощь, в том числе материальную, репрессированным участникам национального движения и их семьям. В общем, это наше внутреннее дело и отчитываться перед органами на эту тему я, конечно, не собираюсь. Я только хочу обратить внимание на то, что и утверждение о якобы полученных мною от Фонда «Крым» вещевых посылках голословны. Для обоснования этого утверждения в обвинительном заключении делается ссылка на листы 212, 213 и 214 тома №2 материалов дела. Но листы эти представляют из себя тексты моих писем трем зарубежным адресатам, а именно, Ларри Маргитич в Бостоне (США), Р. Томпсон, проживающей во французском городе Марлей ле Руа, и Николь Картан, проживающей в Париже, которые никакого отношения к Фонду не имеют. В этих письмах сообщается, в числе прочего, о получении нами в Якутии посылки с пленочками и всем необходимым для нашего новорожденного сына от Ларри Маргитич, бандероли с детским питанием от Р.Томсон, а в письме жительнице Парижа Николь Картан говорится: «Вашу бандероль с презентами для наших детей, отправленную 4 мая, мы получили незадолго до отбытия из Зарянки» и т.д. В этой связи обращает на себя внимание то бесстыдство, с которым органы способны в политических целях опошлять взаимоотношения людей, интерпретировать эти взаимоотношения в таком свете, что будто бы за рубежом вообще нет людей, которые ничего кроме собственной выгоды не преследуют.

О составе Фонда «Крым» я впервые узнал, уже будучи арестованным по настоящему делу, когда меня ознакомили с ксерокопиями нескольких страниц Андрея Григоренко «А когда мы вернемся...», в том числе с ксерокопией страницы, где помещено объявление об учреждении этого Фонда.

Характеризуя учредителей Фонда, обвинение, со слов зам. главного директора программы Узбекского телевидения Р.Шейнфельда, сделавшего так называемое «заключение экспертизы» по поводу содержания инкриминируемых мне материалов, отмечает, что среди них есть бывшие советские граждане А. Левитин-Краснов, П.Литвинов, Б. Шрагин, Андрей Григоренко, которые по материалам советской прессы известны как антисоветски настроенные отщепенцы, а также невозвращенцы и среди них бывший ответственный работник профашистской газеты «Азат Крым» Мемет Севдияр.

На прошлом заседании этот Шейнфельд, как известно, был здесь допрошен в качестве эксперта. На мой вопрос о том, что же писала советская пресса об упомянутых бывших советских гражданах и в связи с чем эта пресса называла их отщепенцами, Шейнфельд, как вы помните, ничего вразумительного не ответил. Сообщил только, что писалось много, но что именно и о ком писалось, оказывается, вспомнить не может. Пытался только пересказать статейку Агатова-Петрова против Петра Григоренко в «Неделе», которая приобщена к делу. Причем выяснилось, что Андрея Григоренко — члена Фонда «Крым» и автора книги «А когда мы вернемся...», о котором, кстати, никогда ничего в советской прессе не писалось, он путает с бывшим генералом советской армии Петром Григоренко, который в списке учредителей Фонда «Крым» вовсе не значится. Такую же девственную неосведомленность он проявил и по вопросам, затронутым и в остальных материалах, по которым он сделал свое «заключение экспертизы» и которые все без исключения назвал клеветническими и антисоветскими. А выводы этого «эксперта» почти дословно повторены в обвинительном заключении.

Слева направо: Джемилева Сафинар (супруга), Мустафаева Махфуре (мать), Джемилев Мустафа, Мустафаев Абдулджемиль (отец). Июнь 1982 г., п.Сенной Краснодарского края.

Семья Джемилевых.

На следующий день после похорон отца. *Слева направо:* Джемилев Асан, Джемилев Мустафа, Абдуллаева Гульзар, Сеитвелиева Диляра, Джемилев Анафи (*стоят*), Асанова Шевхие, Мустафаева Махфуре, Хаирова Васфие (*сидят*). 6 июня 1983 г., г.Абинск.

Большинство бывших советских граждан, значащихся в списке учредителей Фонда «Крым», я знал лично, был знаком с ними. Анатолий Левитин-Краснов — церковный писатель, автор книг и статей о бесчеловечных преследованиях служителей церкви после революции, сам подвергался репрессиям при Сталине, был реабилитирован при Хрущеве и вновь репрессирован при Брежневе. В Советском Союзе публиковал иногда статьи на теологические темы в журнале Московской Патриархии. Неоднократно выступал в защиту прав крымских татар. Павел Литвинов — внук известного советского дипломата и министра иностранных дел СССР Максима Литвинова, автор сборника «Процесс четырех» о судебном процессе над Гинзбургом, Галансковым и другими, осужденными по политическим мотивам, выступал в защиту прав крымских татар, за участие в демонстрации на Красной площади в Москве против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году был осужден к нескольким годам ссылки, эмигрировал из СССР после отбытия срока.

Я читал и статьи против них в советских газетах. Может быть, для совершенно неосведомленных они могут показаться убедительными, но я их знал достаточно хорошо, был знаком с подробностями «дел», за которые они преследовались, и могу сказать, что ничего в этих статьях, кроме дремучей лжи и клеветы на этих людей, не содержится. Степень объективности статей против репрессированных по политическим мотивам я имел возможность, так сказать, испытать на собственной шкуре, т.е. когда были опубликованы в нескольких советских газетах статьи против меня самого. Кстати, в деле (том 4, л.д. 215-223) имеется изъятое при обыске мое письмо под заголовком «О чем темнит «Вечерний Ташкент» по поводу статьи Ю.Кружилина против меня. Вы можете проверить достоверность каждого написанного в моем письме слова и убедиться до какой степени лживости и низости могут опускаться авторы подобного рода статей.

Поэтому участие упомянутых бывших советских граждан в Фонде «Крым» я могу объяснить только как продолжение их благородной деятельности, начатой еще здесь, их равнодушием к чужим проблемам, к чужой беде, а не какой-то враждебностью к СССР.

С Меметом Севдияром я, конечно, лично не знаком, не доводилось с ним и переписываться. Только, как я уже говорил при ответах на ваши вопросы, обменялся с ним поздравлениями по случаю дня рождения. Но следствие, видимо, решило, что представляется очень удобный случай, чтобы скомпрометировать меня, как активиста Национального движения крымских татар за возвращение на Родину, так сказать, «уличив» в связях с человеком, который в годы войны сотрудничал с нацистами. Произведены допросы кое-каких «свидетелей», которые сообщают, что Мемет Севдияр, в прошлом Мемет Муединов, сотрудничал и даже был одним из редакторов профашистской газеты «Азат Крым». К делу подшита фотокопия одной страницы, по-видимому, самого броского номера этой газеты, в которой помещен приветственный адрес А. Гитлеру в связи с его 53-летием и в котором о Гитлере говорится как об освободителе народов от большевистской заразы.

Что можно сказать по поводу этой грязной и неумной провокации! Спрашивается, для чего нужны были органам следственные материалы о деяниях этого человека в годы войны и зачем нужно было номер газеты «Азат Крым» за 1942 год приобщать к делу человека, который к этой газете никакого отношения не имеет и даже родился уже после опубликования этой газеты?

Но коль скоро эти материалы приобщили к делу и даже по ним допрашивали свидетелей, то я изложу свое мнение и по этому поводу.

Во-первых, никто из опрошенных свидетелей не видел и не читал ни одной статьи в газете «Азат Крым» за подписью Мемета Муединова, не знают, о чем он писал в этой газете и писал ли вообще. Писатель Шамиль Алядин, допрошенный по этому поводу на следствии, явиться на судебное заседание отказался. Очевидно понял, какую ему пытались отвести неблагоприятную роль в этом деле. Писатель Решит Мурат, допрошенный на судебном заседании 6 февраля, говорил, что даже вообще не видел ни одного номера этой газеты, но сообщил, что эта газета была профашистская, оккупационная. Ну, конечно же, раз она издавалась с разрешения оккупационных властей, то она могла существовать только в том случае, если отражала точку зрения оккупантов. Это обычное для фашистских и иных тоталитарных режимов явление — они терпят только такую прессу, которая хвалит их режимы, воспекает правящую партию и мудрость партийных бонз. Свобода информации при таких режимах исключается. Поэтому допустим наверняка, что если Мемет Муединов что-то публиковал в этой газете, то оно было выдержано в духе пропаганды нацистов. Это обстоятельство в годы войны, конечно, немаловажное и я не собираюсь оправдывать и защищать подобного рода публикации. Но вопрос тут в другом.

В своей обвинительной речи прокурор коснулась темы Отечественной войны, говорила о 20 миллионах, погибших в этой войне. Позволю себе коснуться этой темы в нескольких словах и я.

Многим известна обстановка предвоенных лет — «ежовщина», аресты и расстрелы тысяч ни в чем неповинных, тотальный террор над мыслью и совестью людей, расцвет доносительства и пресмыкательства перед властью, всего того, что несет с собой любой диктаторский режим. Все ли могли сразу понять, что явившаяся новая диктатура оккупантов, ничем не лучше старой?

Положим, Мемет Муединов действительно ратовал за разгром большевизма, чернил на страницах этой газеты советскую власть. Но он, по крайней мере, не участвовал в расстрелах советских работников, то есть не делал того, что эти советские работники делали с совершенно невинными людьми в 36-39-е годы. Заметим еще, что крымских татар, сотрудничавших с нацистами, как теперь уже признано и советским правительством, было не много. Основная часть мужского населения была призвана в советскую армию и сражалась против нацистов. Те, кто сотрудничал, ушли вместе с ними из Крыма в апреле 1944 года, а те, кто не успел уйти, были почти все расстреляны или отправлены в лагеря в первые же дни после прихода Красной армии. Остались лишь мирные жители и те, кто в тылу воевал против нацистов.

И вот через месяц, 18 мая 1944 года все эти мирные жители, участники сопротивления против нацистской оккупации, все крымские татары до единого, включая раненных, находившихся в госпиталях и даже имевших ордена героев Советского Союза, были погружены в товарные вагоны и вывезены из своей Родины на Урал и в Среднюю Азию без имущества и средств к существованию, в результате чего лишь в первые годы после выселения погибло около 46 процентов населения. Выселены были и те, кто, как выступавший здесь писатель Решит Мурат — бывший работник газеты «Сталин байрагы», только тем и занимались, что прославляли в стихах и прозе советскую власть, «мудрого» и «гениального вождя» Сталина и «вождей» помельче. Высланы были только за то, что они по национальности крымские татары. А вслед за выселением в прессе

началась пропагандистская свистопляска о народах— предателях, которая вряд ли чем-то в принципе отличалась от розенберговских рассуждений о полноценных и неполноценных нациях. Так чем же эта пишущая на подобные темы братия была лучше той, которая писала в газетах «Азат Крым» или «Фёлькишер беобахтер»? А ведь никто из тех, кто оболгал и чернил грязью репрессированные народы, не понес какого-либо наказания. Они дожили свои годы в благополучии. Напрасно прокурор пытался представить дело так, что я будто бы чуть ли не симпатизирую фашистам. Просто я не вижу существенной разницы между коричневым, красным, желтым и другими цветами фашизма. *(Апподисменты)*

Прошло почти четверть века со времени окончания войны и только в сентябре 1967 года был издан указ правительства, где в туманных и обтекаемых фразах признается все-таки, что выселение всего народа было незаконным. А до этого указа, вполне очевидно, правительство рассматривало весь народ как нацию изменников, неполноценных, а протесты против такого положения, конечно же, рассматривались как деяния антигосударственные, как клевета на мудрую национальную политику советского руководства. Но несмотря и на этот указ, двери Крыма по-прежнему остаются для крымских татар практически закрытыми.

Обратимся теперь к тому, чего же добивается Фонд «Крым». Цели и задачи этого Фонда излагаются в объявлении о его учреждении, которое помещено в книге Андрея Григоренко «А когда мы вернемся...» (том 1, л.д. 10).

Эти задачи сформулированы следующим образом:

- «— распространять информацию о положении, в котором находятся татары и другие национальные и религиозно-этнические меньшинства Крыма;
- предавать гласности факты политических и административных репрессий против участников Крымского национального движения;
- способствовать сохранению и развитию материальной и духовной культуры Крыма.»

Так какие же из этих задач являются антикоммунистическими и подрывными? Вполне очевидно, что основная цель «Национального центра» и Фонда «Крым» — способствовать справедливому разрешению национального вопроса крымских татар. Если вышеприведенные цели и задачи Фонда «Крым» будут осуществлены, то разве это нанесет ущерб советскому государству и коммунистической идеологии? Скорее, наоборот. Поэтому истинных врагов государства, действительно подрывающих к нему доверие, следует искать среди тех, кто противодействует справедливому решению нашего национального вопроса.

Мне известно, например, что среди публикующихся нынче на нашем языке писателей есть человек, который в годы войны сотрудничал с нацистами куда более активнее, чем Мемет Муединов. Он носил их униформу и оружие. Я не хотел бы называть его имя, потому что я в принципе противник того, чтобы в основу отношения к человеку бралось его прошлое, а не его сегодняшние дела» *(Апподисменты)*. Этот человек нынче является членом КПСС, пишет книги на советско-патриотические темы, а в национальном вопросе крымских татар является проводником политики, которой придерживаются органы. Сейчас, например, он ратует за то, чтобы крымские татары не добивались возвращения в Крым, а переселялись бы в Мубарекский район Кашкадарьинской области.

В свете этого вполне очевидно, что Мемет Севдияр вызывает ярость органов вовсе не из-за того, что он сорок с лишним лет назад сотрудничал в оккупационной

газете, а именно за деятельность, направленную на справедливое решение нашей проблемы (*Аплодисменты*).

Верно, что акции, предпринимаемые «Национальным центром крымских татар» в Нью-Йорке, не способствуют сегодня поднятию авторитета СССР на международной арене. Но будут эти акции проводиться или нет, зависит от Советского правительства.

Например, в обвинительном заключении говорится, что 1 марта 1979 года «Национальный центр крымских татар» во главе с Фикретом Юртером организовал провокационное собрание возле советского представительства в Нью-Йорке. Зачем же себя обманывать? Ведь речь идет о митинге протеста против преследований участников Национального движения крымских татар в СССР. И вполне очевидно, что если бы не было этих незаконных преследований, то не было бы этих митингов и демонстраций.

В одной из книг Фонда «Крым», а именно, в сборнике «Шесть дней» («Белая книга») действительно опубликовано мое обращение «К мировой общественности», которое обвинение квалифицирует как клеветническое. Это обращение было написано мною в связи с трагическим событием, имевшим место 23 июня 1978 года в селе Беш-Терек Симферопольского района Крыма. Речь идет о том, что преследования властями крымских татар, возвращающихся на свою Родину, столь незаконны и бесчеловечны, что человек по имени Муса Мамут в знак протеста заживо сжег себя перед представителями властей.

В своем ходатайстве в начале процесса и даже до начала процесса я просил расследовать факты, изложенные в сборнике «События в Крыму», где более полно представлены размеры произвола властей в отношении крымских татар. Но ходатайство было отклонено. Таким образом, нет никакого юридического основания считать этот документ клеветническим.

В документе совершенно верно говорится и о том, что в Крыму уничтожены культурные памятники крымских татар, разрушены мечети, осквернены и уничтожены кладбища. Известно, что в Крыму к моменту присоединения к России в 1783 году насчитывалось около 2000 мечетей, к 1917 году их было около 700, а сейчас там нет ни одной действующей мечети. Кладбища мусульманские стали ликвидировать сразу же после выселения крымских татар, а надмогильные памятники были вывезены как строительный материал и использовались в том числе для строительства заборов и свинарников. Если это не осквернение, то что же вообще называется осквернением? После выселения крымских татар все книги на нашем языке, в том числе даже труды Маркса, Ленина и самого Сталина были собраны и сожжены. Это всем известные факты и отрицать их просто нет смысла.

Обращения главам государств — участников Хельсинкского совещания и в Организацию Исламская Конференция

Документ, озаглавленный «Главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», как это видно по тексту, является проектом обращения группы крымских татар. Обвинение считает, что его составителем являюсь я и в качестве доказательства ссылается на заключение так называемой судебно-автороведческой экспертизы, на показания Сейтвапова Эбазера и на факт обнаружения у меня при обыске письма Сейтвапова Эбазера с его отзывом по поводу этого обращения.

Свое мнение по поводу подобного рода экспертиз и аргументированности их заключений я высказал на предварительном следствии и здесь при допросе эксперта Расулова. 10 февраля были зачитаны показания Сеитвапова на предварительном следствии от 10 августа 1983 года и его телеграмма в адрес суда, где он сообщает, что не может прибыть на процесс ввиду болезни детей, заявляет, что, по его мнению, я никакого отношения к обращению «Главам государств — участников Хельсинкского совещания...» не имею и что он не знает каким образом его письмо с отзывом по поводу этого обращения попало ко мне. Но я не собираюсь на этом основании отмежевываться от этого обращения. Просто, я считаю, что автором обращения, да и любого другого документа считается всегда только тот, кто его подписывает. Я этот документ не мог подписывать по той причине, что моя фамилия здесь указана в числе лиц, которых авторы предлагают вызвать на совещание в Мадриде для дачи показаний по нашему национальному вопросу. Содержание обращения вполне соответствует моим взглядам и воззрениям по национальному вопросу крымских татар и если бы моей фамилии не было в списке представителей, то я его непременно бы подписал.

Конечно, я в курсе всех подробностей того, как и при каких обстоятельствах писалось это обращение. В нашем архиве хранится и экземпляр этого обращения с подписями. Оно не было отправлено адресатам, потому что существовало мнение, что надо бы выяснить окончательное отношение Андропова к нашему вопросу. Для меня лично его отношение стало ясным в первые же месяцы после прихода его к власти, когда началась новая серия обысков в домах участников национального движения, были арестованы Ю.Османов, Мурахас Нурфет и Александров Г.М., имена которых упоминаются и в материалах этого дела. Но приходится иногда считаться с иллюзиями своих товарищей.

В обвинительном заключении цитируются предложения из обращения, которые, по мнению обвинения, свидетельствуют о криминальности этого документа. Например, цитируются, как клеветнические, слова о систематическом уничтожении в СССР крымскотатарской интеллигенции и что «тысячи людей были казнены или умерщвлены в тюрьмах и лагерях по обвинению или просто подозрению в недостаточной приверженности к коммунистической идеологии и режиму».

То, что это было действительно так, причем, по всей стране, признавалось на XX и XXII съездах КПСС. Участниками национального движения в свое время был составлен, правда, далеко не полный список фамилий репрессированных и этот список включает многие сотни людей. А по примерным подсчетам в те годы было расстреляно, отправлено в тюрьмы и лагеря около 10 тысяч крымских татар и, конечно же, в первую очередь это были лучшие представители национальной интеллигенции.

Далее, в обвинительном заключении говорится:

«В обращении подвергнут критике Указ Президиума Верховного Совета от 5 сентября 1967 года и утверждается, что в этом законодательном акте якобы «содержится претензия правительства на право и в дальнейшем распоряжаться судьбами и территориями народов, в зависимости от того, сочтут ли эти народы верными своей власти или нет».

В Указе от 5 сентября 1967 года выселение крымских татар из Крыма по обвинению всего народа в измене объясняется тем, что, дескать, факты сотрудничества с нацистами отдельных групп крымских татар были необоснованно

отнесены ко всему татарскому населению. Таким образом, здесь вовсе не осуждается сама эта фашистская практика обвинения целых народов в измене или неполноценности, не говорится о том, что выселение народов со своих территорий является, как это было признано Уставом Международного Нюрнбергского Трибунала, преступлением против человечности. Здесь вопрос лишь сводится к тому, что, мол, при оценке числа сотрудничавших произошли какие-то ошибки. Поэтому о незаконных претензиях правительства и в дальнейшем распоряжаться судьбами и территориями народов в проекте обращения «Главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» говорится вполне справедливо.

В обвинительном заключении утверждается, что изданное на основании упомянутого Указа Постановление ПВС СССР открыло возможность лицам татарской национальности переселяться в Крым. Таким образом, обвинение все же не отрицает теперь того, что вплоть до 1967 года существовало антиконституционное и противоречащее элементарным представлениям о законности положение, когда людей лишают тех или иных прав из-за их национальной принадлежности. Здесь уместно было бы вспомнить, что и тех участников Национального движения крымских татар, которых судили до этого Указа, тоже цинично обвиняли в том, что они клеветают на самую мудрейшую в мире национальную политику КПСС, поскольку, дескать, крымские татары пользуются исключительно теми же правами, что и другие граждане. Но что касается утверждения обвинения, что будто бы постановление ПВС СССР от 5 сентября 1967 года открыло возможность татарам переселяться в Крым, то это, конечно, очередное лицемерие и заведомая ложь. Это постановление вовсе не открыло и даже не имело ввиду открывать такую возможность, поскольку в нем говорилось не об отмене, а о новом порядке применения статьи 2 негласного антиконституционного Указа ПВС от 28 апреля 1956 года, которая гласила, что крымские татары не имеют права возвращаться в Крым и требовать возвращения им конфискованного при выселении их имущества. И если нескольким тысячам крымских татар на сей день все-таки удалось поселиться в Крыму, то это лишь благодаря их собственным, порою поистине героическим усилиям, после долгой и упорной борьбы за прописку с бюрократическим аппаратом, который не считается ни с правовыми нормами, ни с элементарными правилами чести. Поэтому в проекте обращения «Главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» вполне справедливо говорится, что *«новое постановление свидетельствовало о преемственности политики брежневского руководства с политикой имперской России, режимов Сталина и Хрущева в отношении Крыма и крымских татар»*.

О событиях, послуживших поводом для обращения в Организацию Исламская Конференция, я достаточно подробно говорил в своих показаниях и в порядке защиты от обвинения по статье 190-3 УК РСФСР. То есть считаю, что события изложены в этом документе верно, также верно сделаны и обобщающие выводы. Обвинение считает, и также на основе заключения упомянутой судебно-автороведческой экспертизы, что составителем этого обращения являюсь я. Оспаривать это я не считаю нужным и этичным. Кроме того, если властям обязательно нужно кому-то отомстить за то, что их безобразия на похоронах моего отца стали достоянием широкой гласности, то, конечно же, будет более справедливо, если вообще тут уместно говорить о справедливости, чтобы кара

была возложена на меня, ибо события произошли на похоронах моего отца и я был главным сторонником того, чтобы исполнить предсмертную волю отца — похоронить его на Родине. Об этом я, разумеется, нисколько не сожалею и никогда не буду сожалеть, так как сделать все возможное для выполнения воли отца было моим долгом (*Аплодисменты*). Только я хотел бы порекомендовать властям, чтобы они не разжигали свой аппетит и не искали других жертв в связи с обращением в Организацию Исламская Конференция. Я имею в виду возбуждение уголовного дела против моего брата. Могу твердо обещать, что новая репрессия не принесет властям никаких политических выгод.

Заявление Генеральному прокурору

Следующий документ, в какой-то мере связанный с нашим национальным вопросом, это мое заявление Генеральному прокурору СССР от 18 августа 1982 года. В этом заявлении говорится о необоснованности установления за мной гласного административного надзора после отбытия срока ссылки, незаконном выселении меня вместе с семьей из Крыма и незаконном принуждении жить в г.Янгиюле без права выезда из этого города. В конце заявления говорится, что все эти вопиющие нарушения закона в отношении меня и моей семьи я могу рассматривать как репрессию за мое участие в Национальном движении крымских татар.

Экземпляры этого заявления были отправлены первоначально, разумеется, исключительно в те инстанции, куда они были адресованы — Генеральному прокурору СССР и в копии прокурору Ташкентской области. В течение долгого времени не было никакого ответа, хотя, судя по почтовым уведомлениям, заявление было доставлено адресатам своевременно. Наконец, из прокуратуры СССР поступила отписка о том, что мое заявление «на рассмотрение» направляется в прокуратуру Ташкентской области. Затем было письмо от начальника следственного управления прокуратуры области некоего Погребижского, где в двух-трех словах, без всяких обоснований, говорилось, что надзор за мной установлен правильно. Далее в этом же письме в довольно хамовитых тонах мне делалось «предупреждение», смысл которого сводился к тому, что если я буду продолжать протестовать против предпринятых в отношении меня мер, то буду привлечен к уголовной ответственности. Текст письма этого Погребижского был изъят у меня при обыске вместе с другими бумагами, но почему-то к делу его не приобщили. После этого я еще раз обращался в прокуратуру СССР, но опять мое заявление было переправлено этому самому Погребижскому, от которого я получил опять такой же ответ.

Текст моего заявления Генеральному прокурору СССР от 18 августа 1982 года был передан радиостанцией «Свобода» лишь 1 мая 1983 года, то есть более чем через восемь месяцев. Если бы заявление было рассмотрено советскими инстанциями в предусмотренные законом сроки и были приняты меры по восстановлению законности, то вполне ясно, что оно никуда бы не уходило и никакими бы радиостанциями не передавалось. Надеюсь, это дает возможность органам убедиться, что хамство и угрозы — это не тот тон, которым можно разговаривать со всеми гражданами.

*Книга В. Маркмана «На краю географии», документ
«Положение мусульман в России».*

Мне вменяется также размножение некоторых страниц из книги В.Маркмана «На краю географии», изданной в Иерусалиме в 1979 году.

В деле (том 4, л.д. 15-88) имеется ксерокопия всей этой книги, которая препровождается справкой о том, что две фотокопии книги Маркмана были изъяты при обыске у Заселевича Иосифа, привлеченного к уголовной ответственности 13 ноября 1982 года. У меня были изъяты машинописные перепечатки 7-8 страниц из этой книги, где повествуется о пребывании в лагере Красноярского края участника Национального движения крымских татар Решата Джемилева, упоминается Мустафа Джемлев и в нескольких строках со слов Решата Джемилева говорится о национальной проблеме крымских татар.

Обвинение считает, что в этой книге содержится «*клевета на политику КПСС в национальном вопросе, на Советское государство в целом и на его отдельные органы*». В качестве примера клеветы на национальную политику в обвинительном заключении приводится выдержка из книги, где говорится о присоединении Тувы к Советскому Союзу, об уничтожении советскими властями сторонников независимости Тувы, о бесчинствах и грабежах советских солдат в тувинских селениях и т.д., цитируется из книги перефразированные строчки из советского гимна: «*Союз нерушимый республик голодных схватила за горло великая Русь*» (*Аплодисменты, возгласы «верно!» Судья гневно стучит по столу, требуя прекратить шум*).

Но эти фрагменты мною не перепечатывались, поэтому говорить об обоснованности или необоснованности утверждений автора книги об обстоятельствах присоединения Тувы и вообще по другим затронутым в этой книге вопросам я не считаю нужным. Могу только на основании собственного опыта пребывания в советских лагерях сообщить, что жизнь заключенных в этой книге описана в общем верно.

Что касается перепечатанных мной из этой книги выдержек, то для проверки достоверности изложенного на этих страницах я ходатайствовал вызвать для допроса человека, о котором там пишется, т.е. Джемилева Решата. С просьбой допросить его в качестве свидетеля обращался к вам и сам Джемилев Решат, но ходатайство не было удовлетворено. Поэтому любые утверждения о клевете по поводу содержания этих страниц могут быть только голословными.

Я обвиняюсь также в хранении с целью размножения и распространения фотонегатива документа «Положение мусульман в России». По утверждению обвинения этот фотонегатив был изъят у меня во время обыска 1 февраля 1983 года. Может быть, действительно среди различных фотопленок, изъятых во время обыска, были и кадры с этим текстом, но абсолютной уверенности у меня в этом нет, потому что пленки при изъятии не просматривались и их содержания в протокол не заносились.

Как я уже говорил при ответе на вопрос прокурора по поводу других, изъятых при обыске в этот день текстов различных документов, все они, в том числе и фотопленки, представляли из себя архивные материалы и были доставлены мне по моей просьбе для ознакомления. Фото-негативы с документов снимаются не обязательно для размножения, но также и для компактного хранения.

Судя по воспроизведенному следственными органами фотонегативу текста, документ «Положение мусульман в России» составлен не участником Национального движения крымских татар, потому что там по поводу Крыма и Крымской АССР изложены несколько иные концепции, чем те, которых мы придерживаемся. Я не берусь судить о том, что в этом документе верно и что не соответствует действительности, но каждый человек вправе высказывать и излагать свои взгляды и суждения по любым вопросам.

Тексты передач западных радиостанций.

С национальным вопросом крымских татар связаны и ряд передач радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», в прослушивании, записи на магнитофон, а затем в перепечатке текстов которых на пишущей машинке я обвиняюсь.

Это в основном информационные сообщения о демонстрациях солидарности с крымскими татарами в Нью-Йорке у здания ООН, сообщения о судебном процессе Джемилева Решата в Ташкенте в 1979 году, выступления и интервью Айше Сейтмуратовой, в которых говорится о крымскотатарском национальном вопросе. Что именно в этих сообщениях есть клевета, в обвинительном заключении не конкретизируется.

Правда, в одной из этих передач приводится интервью Петра Григоренко с корреспондентом «Голоса Америки» по поводу ратификации договора ОСВ-2. Не берусь судить, что именно в высказываниях Петра Григоренко по вопросу разоружения верно и что неверно, я почти совсем не разбираюсь в этих ракетах и бомбардировщиках. Петр Григоренко — бывший генерал Советской армии и ему эта тема более близка и знакома. Но все эти передачи, в том числе и интервью П.Григоренко, я записывал и перепечатывал, потому что в них в той или иной мере говорилось или просто упоминалось о крымских татарах. Как я уже говорил при ответе на вопрос прокурора, я эту информацию собирал для того, чтобы иметь представление о том, насколько верно на Западе и в какой форме трактуется наш национальный вопрос.

В этой связи я хотел бы упомянуть еще вот о чем. Московское радио и еще много других советских радиостанций вещают на зарубежные страны круглосуточно и, если не ошибаюсь, примерно на 80 языках. Я часто прослушивал передачи московского радио, например, на английском и турецком языках, и вряд ли можно сказать, что передачи эти выдержаны в духе дружелюбия к государственным и политическим системам, к политике правительств тех стран, на граждан которых эти передачи адресуются. Но ни одна страна, это я знаю хорошо, не глушит ни советские, ни другие радиостанции. А некоторые страны глушение передач радиостанций расценивают даже как международное преступление — пиратство в эфире. Соответственно, ни одна страна, кроме некоторых коммунистических, не запрещает своим гражданам прослушивать и записывать зарубежные радиопередачи. Почему же это должно рассматриваться как преступление здесь, в стране, которую предписано считать самой демократической и свободной? Может быть, затыкать рты людям и заставлять их слушать только собственную пропаганду — это какая-то новая, неведомая несмышленому человечеству форма демократии и свободы. Но это является грубым нарушением международно-правовых норм и соглашений, подписанных Советским государством, в том числе Хельсинкских соглашений и

Всеобщей декларации прав человека, статья 19 которой предусматривает право граждан получать и распространять информацию независимо от государственных границ. (*Аплодисменты*).

Поэма «Бахчисарайский фонтан» Шюкрю Эльчина.

Поэма «Бахчисарайский фонтан» турецкого поэта Шюкрю Эльчина, в распространении которой я обвиняюсь, была опубликована в 1981 году в ²²¹ выходящего в Турции журнала «Турецкая культура» и действительно, как говорится об этом в обвинительном заключении, была выслана мне жителем Турции Хаканом Кырымлы.

Тема поэмы — выселение крымских татар из Крыма в 1944 году, говорится о горе, печали и слезах высланных, о тяжести разлуки с родной землей, Имеются, конечно, свойственные для поэтических произведений аллегии — перестали петь птицы, земля потрескалась от безводья, высохла трава и т.д. Поэма мне понравилась и я действительно переписал и отправил ее кое-каким своим друзьям и близким, которые умеют читать по-турецки. Позднее поэма была размножена фото— и ксероспособом.

Написана она, конечно, не в советском духе и не может доставить удовольствия тем, кто хотел бы игнорировать существование крымскотатарской проблемы. Но даже мне, казалось бы, уже давно знакомому с иезуитским мышлением этих искателей крамолы, и в голову не пришло, что поэма эта может быть квалифицирована как «клеветнический документ, содержащий заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный строй».

Судя по материалам следствия, поэма первоначально была направлена в редакцию журнала «Йылдыз» на крымскотатарском языке. Следовательно в своем письме главному редактору журнала Шамилю Алядинову от 26 июля 1983 года просит поручить работникам редакции сделать отзыв по содержанию этой поэмы, где сообщить, содержатся ли в ней заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему. В деле имеется подстрочный перевод поэмы, исполненный работниками журнала «Йылдыз», а также отзыв по содержанию поэмы за подписью трех писателей — Шамиля Алядина, Закира Къуртнезира и Айдера Османова. В этом отзыве вкратце излагается содержание произведения и в конце говорится, что «стихотворение целиком и полностью посвящено осуждению выселения татар из Крыма».

Но подобный отзыв следователя не устроил, потому что один лишь факт осуждения выселения крымских татар из Крыма в 1944 году под статью не подгоняешь, тем более, что и правительство указом от 5 сентября 1967 года было вынуждено осудить это выселение. Следовательно выносит новое постановление о назначении так называемой судебно-литературоведческой экспертизы, проведение которой поручается Союзу писателей УзССР. Союзу писателей предписывается ответить на два вопроса:

1. Какова идейно-политическая направленность поэмы? и

2. Содержатся ли в поэме заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему?

Но, видимо, и в Союзе писателей сообразили, чем пахнет это далеко нечистоплотное предписание, особенно, если об этом станет известно зарубежным

и, в том числе, турецким коллегам по перу. Поэтому Союз писателей попросту уклонился от исполнения этого поручения. Может быть, я переоцениваю сообразительность руководства Союза писателей УзССР. Возможно, оно уклонилось от этой «экспертизы» по каким-то другим причинам. Факт только тот, что в деле нет «экспертного заключения» работников Союза писателей УзССР, хотя согласно статей 68 и 70 УПК УзССР они обязаны были дать заключение по поставленным им вопросам.

И вот поэма направляется теперь уже в третью инстанцию — в институт языка и литературы им. Пушкина при академии Наук УзССР. Сотрудники этого института — кандидаты филологических наук Сарымсаков Б. и Хакулов И. формулируют свой «Отзыв» на поэму прямо-таки в соответствии с необходимой для следствия диспозицией статьи уголовного кодекса УзССР. Они заявляют, что *«произведение насквозь пропитано антисоветизмом», «идейное направление поэмы антиисторично и абсолютно не соответствует Советской действительности», «в поэме содержатся заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему».* Заодно эти умники в своем заключении дают распоряжение крымскотатарским писателям — критикам *«дать должный отпор подобным клеветническим взглядам «поэтов», проживающих за рубежом».* А в конце своего заключения они пишут, что *«перевод и распространение таких произведений у нас в стране должно рассматриваться как вредное действие, направленное против воспитания советских людей в духе советского патриотизма».*

Эти эксперты, как известно, были по моему ходатайству вызваны на процесс для допроса по поводу их «экспертного заключения». Выяснилось, что они подлинника поэмы не видели, турецким языком не владеют, а свое «заключение» делали по представленному им подстрочному переводу.

Им были мною заданы вопросы: 1. Что именно в поэме антиисторично и не соответствует советской действительности?; 2. В каких именно строчках поэмы излагается информация, содержащая заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй и его политическую систему?; 3. Повлияло ли ознакомление с поэмой на состояние их собственного «духа советского патриотизма», а если нет, то почему они решили, что поэма может оказать дурное влияние на состояние «духа советского патриотизма» других граждан?

Разумеется, ничего вразумительного они не ответили. Сарымсаков сказал, что это было давно, он не помнит содержания поэмы и что после этой поэмы ему пришлось рецензировать сотни других статей. Ему было предложено вновь ознакомиться с переводом поэмы и указать эти самые «антиисторические», «антисоветские» и «клеветнические» строки, но он отказался сделать это, а председательствующая заявила, что эти вопросы к делу никакого отношения не имеют. Из обрывочных фраз второго «эксперта» Хакулова после неоднократно заданных ему вопросов удалось только узнать, что, по его мнению, сам «дух» поэмы нехороший и что вообще на такие темы, т.е. на тему выселения крымских татар, писать не следует. В общем, выяснить где же именно антиисторизм, антисоветизм и клевета в этой поэме у «экспертов» так и не удалось. Не хотел бы я вновь иронизировать по поводу примера «клеветы» в поэме, столь неудачно приведенной председательствующей Петросян на следующий день после допроса этих «экспертов». Но, наверное, все-таки нужно знать предел, куда можно соваться

с уголовным кодексом, а куда никак нельзя, хотя бы в интересах советского престижа в зарубежных литературных кругах.

Молодежная группа и «Олимпиада-80»

Мне инкриминируется еще одно деяние, вернее, намерение совершить некое деяние, о котором тоже, видимо, следует говорить в связи с обвинением в клевете на национальную политику советского государства. Речь идет об утверждении обвинения, что будто бы по моему указанию из Якутии мои единомышленники планировали в Узбекистане создать некую крымскотатарскую молодежную группу, которая должна была выехать в Москву на Олимпийские игры 1980 года и совершить там какие-то «провокационные акции, привлекающие внимание иностранцев». И это мероприятие будто бы было спланировано и разработано мною совместно с Московской группой «Хельсинки».

Ни из обвинительного заключения, ни из показаний свидетелей, допрошенных по этому поводу на предварительном следствии, нельзя уяснить о каких же именно акциях идет речь, то есть что же именно должна была совершить предполагаемая молодежная группа в Москве во время олимпийских игр, чтобы привлечь внимание иностранцев. И почему же должно было привлечь внимание только иностранцев? Не понятно также, в чем заключается преступность этих предполагаемых акций. Ведь, в конце концов, внимание иностранцев, да и вообще людей другой публики можно привлекать по-разному. Не удалось это выяснить и при допросе здесь тех людей, которые упоминаются в обвинительном заключении в связи с этими акциями. Мустафаев Гани, на которого делается основная ссылка, заявил здесь, что никаких поручений относительно «Олимпиады-80» я в Якутии ему не давал и даже не вел с ним разговоров на эту тему. Он сказал только, что здесь, в Узбекистане, у него были разговоры с некоторыми молодыми крымскими татарами о необходимости собираться для изучения своего родного языка, истории и культуры своего народа.

В обвинительном заключении делаются ссылки на мое письмо на английском языке от 24 марта 1980 года, якобы написанное Аблаеву Решату, в котором я будто бы осуждаю Мустафаева Гани за невыполнение им своих обещаний по поводу планировавшихся акций на олимпийских играх, обвиняю его и других молодых людей в не исполнительности, чрезмерной осторожности и боязни за свою шкуру.

Допрошенный здесь Аблаев Решат сообщил, что письмо это было адресовано вовсе не ему и что с его содержанием он ознакомился только в кабинете следователя, когда дали прочесть перевод письма. Я приведу здесь весь отрывок этого письма, из которого следователь сделал подобные выводы, в обратном переводе с английского языка на русский. В письме говорится:

«...Ты спрашивал меня насчет того, можно ли писать обо всем в письмах открытым текстом. Я считаю, что при переписке, следует придерживаться такого основного принципа: все, что уже стало известно неприятелям, не должно быть «секретом» для других людей. Конечно, нет никакого сомнения в том, что письма, адресованные мне, я читаю не первым. Но, в любом случае, я полагаю, что намного лучше информировать друг друга, чем быть чрезмерно «осторожными». Первое приносит намного больше пользы, чем второе. Что касается меня, то я

привык писать обо всем открытым текстом, потому что я всегда и в любом месте могу повторить свои слова. Разумеется, есть вещи, которые следует обсуждать персонально, но никогда не следует забывать, что в нашей ситуации трудно установить четкую границу между осторожностью и трусостью. Есть одна хорошая восточная поговорка: «Более всего ценят свою шкуру те, чья шкура ничего не стоит».

Меня совершенно не беспокоит, как ты думаешь, молчание Ганнибала и я вовсе не беспокоюсь по поводу его лояльности ко мне. Достаточно, если он всегда будет верен общему делу. Меня только интересует, почему он не исполнил то, что мы с ним здесь обсуждали.

Я написал тебе на этом языке, потому что ты не указал на конверте свой почтовый индекс, и я посылаю это письмо посредством нашего общего знакомого. Но ты можешь ответить мне на русском языке, если хочешь, или на крымскотатарском, если можешь.»

Но вот как интерпретируют этот отрывок из письма составители обвинительного заключения:

«В связи с тем, что Мустафаев не выполнил поручение Джемилева, последний 24.03.80 направил Аблаеву Р. письмо на английском языке, в котором осуждал Мустафаева и других представителей молодежи, упрекал в не исполнительности, чрезмерной осторожности и «боязни за шкуру». (стр. 13).

Надо ли комментировать недобросовестность авторов обвинительного заключения? Есть ли в письме хоть одно слово об олимпиаде и предполагаемых акциях, об осуждении мною каких-то молодых людей, обвинения в трусости и шкурничестве в чей-то адрес за невыполнение каких-то моих поручений?

В письме действительно выражается недоумение или досада по поводу того, что Мустафаев Гани не выполнил своих обещаний. А обещания эти, как подтвердил Мустафаев здесь, заключались в том, что он должен был съездить к моей дочери, а потом сообщить мне как обстоят у нее дела, здоровье и т.п. Об этом говорится и в моих письмах дочери от 29 сентября 1979 г. и 14 октября 1979 г., которые подшиты к делу — том 2, л.д. 204 и 205. В этих письмах, в частности, говорится:

«Высылаю тебе две фотографии. Молодой человек рядом со мной на снимке, возможно, заедет к тебе. Зовут его Гани. Ты расскажи ему о своих делах и нуждах...» (Из письма от 29 сентября 1979г.)

«Гани-ага, о котором я говорил тебе в прошлом письме, уже вылетел отсюда в Ташкент и, видимо, скоро навестит тебя».

(Из письма от 14 октября 1979г.)

Раз, уж есть такое пристрастие читать чужие письма, то, по крайней мере, следовало бы читать их внимательнее и делать правильные выводы.

Обратите внимание хотя бы на дату, когда было написано письмо на английском языке. Оно было написано 24 марта 1980 г., т.е. почти за четыре с лишним месяца до начала Олимпийских игр в Москве. Почему же я должен был осуждать Мустафаева Гани или еще каких-то молодых людей, упрекать их в трусости за не совершение будто бы запланированных акций на олимпиаде, если до этой олимпиады есть еще столько месяцев. У следствия не хватило ума подумать хотя бы об этом (Апلودисменты). Было только желание состряпать «дело» потоплце.

Задно прослеживается и явная попытка следствия настроить допрашиваемых молодых людей против меня, внести разлад в среду участников Национального движения. Например, следователь задает Мустафаеву Гани такой вопрос:

«Вам оглашается письмо Джемилева М. Аблаеву Решату от 24.03.80 г., в котором он выражает свое возмущение тем, что Вы не выполнили данных ему обещаний при встрече в Янгиюле. Поясните, о какой встрече в Янгиюле идет речь и что Вы обещали Джемилеву?»

И далее:

«Недовольство Вашим поведением Джемилев выразил не Вам, а Аблаеву Решату. Расскажите, какую роль играл Аблаев в подготовке молодежной группы и другой деятельности по национальному вопросу?» (том 3, л.д. 147-148).

В моем письме на английском языке, как известно, нет ни единого слова о встрече в Янгиюле, этот город там не упоминается вообще. Стало быть, следовательно в своих недобрых целях Мустафаеву Гани читал заведомо неверный перевод письма или, может быть, самим же составленный текст письма от моего имени. Таковы методы следствия, о которых, кстати, подробно говорила и допрошенная здесь журналистка Сеутова Сабрие.

Но допустим все-таки, что какая-то молодежная группа крымских татар действительно собиралась выехать в Москву на Олимпийские игры и устроить демонстрацию с требованием вернуть крымских татар на Родину и эта акция привлекла бы внимание иностранцев. Во всяком случае, такую именно версию высказал мне следовательно на предварительном следствии. Но и в этом случае — где же тут криминал? Как же насчет статьи Конституции, которая гарантирует право трудящихся на митинги и демонстрации? Если бы такая демонстрация действительно состоялась, то, конечно, можно было бы с избытком найти «свидетелей», вроде упомянутых Мороза, Зайцева, Денисова, которые расписали бы, как эти молодые люди нарушили работу транспорта, выкрикивали антисоветские лозунги или нецензурную брань и, стало быть, совершили хулиганство или массовые беспорядки. Но под какую статью уголовного кодекса можно подвести лишь подозрение о том, что кто-то задумал воспользоваться своим конституционным правом на демонстрации?

II. О злоупотреблении психиатрией

Я обвиняюсь также в том, что в 1979 году направил автору изданной за рубежом книги «Карательная медицина» Александру Подрабинеку письмо, в котором сообщил о мучительном положении Владимира Рождествова в Ташкентской спецпсихиатрической лечебнице МВД, куда он был помещен после ареста по обвинению в клевете на советский государственный строй. В обвинительном заключении сообщается, что основная часть этого письма с моего согласия была опубликована А. Подрабинеком в самиздатовском «Информационном бюллетене» №21 Рабочей комиссии по использованию психиатрии в политических целях от 17 февраля 1980 года.

Упомянутое письмо, действительно, как это правильно указано в обвинительном заключении, было моим ответом на просьбу А. Подрабинека сообщить всё, что мне известно об этой спецпсихбольнице и содержащихся в ней по политическим мотивам граждан. В своем письме я оперировал той информацией, которую получил при посещении этой спецпсихушки лично вместе с матерью В. Рождествова, а также сообщением В.М. Лазаренко, который содержался в течение долгого времени в одной камере вместе с Рождествовым, и с которым я случайно встретился в Таштюрме при этапировании меня на ссылку в Якутию.

В обвинительном заключении сообщение о моем письме А. Подрабинеку от 4 ноября 1979г. препровождается таким текстом:

«Он сообщил Подрабинеку ранее собранную информацию об учреждении УЯ 64/цб МВД УзССР, дополнив ее вымыслом о том, что в отношении находившегося там «диссидента» В.Рождествова будто бы применялись препараты и делали какие-то уколы, рассчитанные на то, чтобы сломить волю больного, от которых его гибило вчетверо, заставляя корчиться от боли» (стр. 10).

Во-первых, в моем письме информация преподносится в более беспристрастном тоне. Там нет таких выводов, вроде «рассчитанные на то, чтобы сломить волю больного». Там только, со ссылкой на конкретный источник информации, сообщается, какие именно и при каких обстоятельствах применялись к Рождествову препараты и какое они оказывали воздействие на его состояние. Например, со слов Лазаренко В.М. в моем письме сообщалось, что в психбольнице у В. Рождествова было обнаружено письмо, поступившее к нему минуя цензуру и что для выяснения каналов, откуда было получено это письмо, зав. отделением некто Бабаев Роберт Михайлович вынуждал Рождествова принимать препараты «галапередол», «трицидил» и делали ему еще кое-какие уколы, которые доставляли Рождествову нестерпимые муки.

Во-вторых, нигде в моем письме Рождествов не называется «больным», так как я имею основания считать, что помещен он был в это учреждение вовсе не из-за состояния своего здоровья.

На предварительном следствии по содержанию моего письма А. Подрабинеку был допрошен в качестве свидетеля Лазаренко В.М., а также послан в Ташкентскую спецпсихбольницу с просьбой ответить на вопросы:

— Содержались ли в данном учреждении Рождествов В.П. и Лазаренко В.М., в какой период, в каком отделении, с каким диагнозом вменяемости и содержались ли они вместе в одной палате;

— Был ли у Рождествова В.П. инцидент с медперсоналом учреждения в связи с обнаруженным у него нелегальным письмом, работал ли в это время Бабаев Р.М.;

— Имеются ли или имелись ли ранее препараты «Трицитал» (в таблетках) и «Галапередол» в каплях и таблетках, если да, то их назначение и характер действия?

— Давали ли Рождествову эти препараты в связи с его отказом рассказать, по каким каналам он получил упомянутое письмо?

В деле имеются показания Лазаренко В.М., который был допрошен согласно отдельного поручения следователя прокуратуры г.Ташкента прокурором Мариинского района Кемеровской области и письмо руководства спецпсихбольницы с ответами на вышеперечисленные вопросы следователя. Со ссылкой на эти показания и письмо руководства спецпсихбольницы в обвинительном заключении делается вывод, что мое письмо А.Подрабинеку является клеветническим, потому что, во-первых, цитирую:

«Допрошенный в качестве свидетеля Лазаренко показал, что имел с Джемилевым кратковременную встречу, во время которой разговоров о характере болезни Рождествова и его лечения не было».

Во-вторых:

«По сообщению учреждения УЯ 64/цб от 25.08.83 г. В. Рождествову назначались препараты, допущенные к использованию Минздравом СССР в зависимости от состояния здоровья, а не в связи с его поведением».

Действительно, Лазаренко В.М. в своих показаниях утверждает, что тех подробностей о положении Рождествова, которые приводятся в моем письме А.Подрабинеку, мне не рассказывал. Понять почему он решил отрицать то, что рассказывал мне в тюрьме и по пути этапирования, я думаю, нетрудно, если ознакомиться с текстом «отдельного поручения» следователя прокуратуры г.Ташкента прокурору Мариинского района по поводу необходимости допроса Лазаренко В.М. Из этого «отдельного поручения», с которым, конечно же, был ознакомлен и Лазаренко, можно понять, что расследуется уголовное дело в отношении меня по обвинению в клевете на общественный строй и политическую систему СССР и что одним из инкриминируемых мне документов является письмо о злоупотреблении психиатрией со слов Лазаренко. Более того, это письмо с информацией со слов Лазаренко было опубликовано в нелегальном самиздатовском «Информационном бюллетене».

Можно себе представить смятение этого человека с 4-классным образованием после получения такой дозы столь многозначительной информации и осуждать его за некоторую неискренность вряд ли приходится. Я дважды ходатайствовал, чтобы Лазаренко был вызван для допроса и на процесс. Если это так важно установить, рассказывал ли он мне о положении Рождествова или нет, то я мог бы напомнить Лазаренко некоторые подробности. Например, я мог ему показать собственноручные его записи в моем блокноте, где он указал наименования применявшихся медикаментов и написал свой адрес. Однако мои ходатайства о его вызове, также как и ходатайство о вызове сотрудников спецпсихбольницы не были удовлетворены. Я абсолютно уверен в том, что Лазаренко не был вызван на процесс именно из-за опасения, что он полностью подтвердит информацию о положении Рождествова в спецпсихбольнице г.Ташкента, которую я сообщал в письме А.Подрабинеку.

С лихвой он сделал это и в своих показаниях на предварительном следствии. Я процитирую наиболее существенные фрагменты его показаний:

«В Ташкентской психбольнице я все время находился в отделении №1, заведовал которым Бабаев Роберт Михайлович, который впоследствии стал главным врачом всей больницы...»

Рождествова я знал и действительно наши кровати находились рядом... Кстати, Рождествов также сидел за политику... Рождествова довольно часто «садили на уколы», «дезерцин» и «аталарин», очень болезненные. Ухудшает сон. По-моему, Рождествова на всем протяжении лечения садили на такие уколы, брали его на «растормашку», когда после укола больной все начинает рассказывать. Кроме того, давали таблетки «галапередол», после которых человек не находит себе места. Если сидишь, то охота ходить. Сковывает весь организм. Мне тоже давали такие таблетки, когда я стал говорить врачам, что они хотят меня убить. Так вот у меня было желание удариться головой о стену с разбега... Рождествову «галапередол» таблетками давали все время и по многу...» (том 3, л.д. 141-143).

Что касается ответа руководства спецпсихбольницы на письмо следователя, то, разумеется, вряд ли можно было ожидать от них подтверждения того, что какие-то медикаменты и их дозировка применяются также в репрессивных целях. Но, прочитав внимательно их письмо, можно получить хотя бы косвенное подтверждение достоверности и правдивости информации, изложенной в моем письме А. Подрабинеку. Обратите внимание хотя бы на следующие строки из этого официального письма:

«... Лазаренко находился в одной палате с Рождествовым... В марте 1979 г. Рождествов через санитаря пытался нелегально передать записку с другое отделение. Вызванный по этому поводу на беседу сообщил, что в конце февраля 1979 года нелегально отправил письмо своему товарищу, проживающему в Ташкенте. В этот период начальником отделения работал Бабаев Р.М. и он являлся лечащим врачом Рождествова В.П., проводил с ним беседы. Никаких письменных объяснений у Рождествова В.П. не отбиралось.

За время нахождения Рождествова В.П. на лечении ему неоднократно назначалось курсовое лечение различными препаратами, в том числе галапередолом и триседилом. Все препараты апробированы фармакопеей СССР...

Рождествов В.П. продолжает находиться в нашем учреждении». (том 3, л.д. 146)

Так много ли надо ума, чтобы в свете этих данных догадаться как проходила так называемая «беседа» Бабаева Р.М. с Рождествовым В.П., в результате которой Рождествов рассказал ему, что нелегально отправил письмо своему товарищу в Ташкенте? Припомните показания Лазаренко: *«Рождествова на всем протяжении лечения садили на такие уколы, брали его на «растормашку», когда после укола больной все начинает рассказывать...»*

Из материалов дела вы знаете, что в эту психлечебницу, в распоряжение этих бабаевых недавно отправлен новый «пациент» Александров Григорий Матвеевич, также арестованный за деяния политического характера, то есть за то, что писал и мыслил вопреки тому, что пишут в советских газетах. Это мой товарищ, которого я знал в течение многих лет как абсолютно здравомыслящего человека.

Факт использования психиатрии в политических целях подтвердил здесь и Сеутов Сервер, рассказывающий как его, совершенно здорового человека, помещали в психушку только за то, что он обращался в высшие органы страны по поводу решения крымскотатарского национального вопроса. Так о какой же клевете тут может идти речь? Это неопровержимые факты.

III. Обвинение в клевете на внешнюю политику

Несколько документов, в написании и подписании которых я обвиняюсь, связаны с вопросами внешней политики Советского государства.

Это документ №58 Московской группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений в СССР от 16 августа 1978 года под заголовком «10 лет спустя», где говорится о ситуации в Чехословакии спустя 10 лет после ввода в эту страну советских войск, мое письмо академику А.Д. Сахарову от 12 января 1980г., где я выразил свое отношение к вводу советских войск в Афганистан, документ №119 Московской группы «Хельсинки» от 21 января 1981г. по поводу событий в Афганистане, а также мое письмо в Японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей».

Свое отношение к событиям в Чехословакии в связи с вводом в эту страну войск пяти стран Варшавского пакта в августе 1968 года я подробно излагал на судебном процессе в 1970 году. Тогда я, в числе прочего, был обвинен в том, что подписал обращение с протестом против судебной расправы с Павлом Литвиновым и другими за их участие в демонстрации на Красной площади, с лозунгами «Руки прочь от Чехословакии», «Свободу Александру Дубчеку!» и др. Вновь подробно излагать свое отношение к этому событию я считаю излишним, потому что оно ни

в коей мере не изменилось. В обвинительном заключении в общем верно говорится, о том, что этот документ за меня подписал, т.е. написал под текстом этого документа мою фамилию Джемилев Решат. В деле имеется ксерокопия этого документа с его собственной подписью и записью от его руки моей фамилии под текстом. Подписать этот документ сам я не мог, потому что находился под административным надзором и выезд за пределы Ташкента, а тем более в Москву, мне был запрещен. Потом последовали мой арест, ссылка на 4 года в Якутию. Ознакомившись теперь с подшитым к делу документом «10 лет спустя», я нахожу, что его содержание не противоречит моим взглядам и убеждениям. Высказывать свои взгляды по любым аспектам внутренней и внешней политики государства — это естественное право людей и репрессии за это могут быть только незаконными.

Примерно то же самое и в связи с письмом и документом по поводу Афганистана. Выразить свое отношение к оккупации этой нейтральной и никому не угрожавшей мусульманской страны я считал и считаю своим неперенным долгом.

В порядке обоснования «клеветничности» моих взглядов по афганскому вопросу в обвинительном заключении, со слов «эксперта» Шейнфельда говорится:

«Джемилев сознательно «забывает» опубликованные в мировой печати факты и события, касающиеся пребывания в ДРА по просьбе ее правительства ограниченного контингента советских войск».

Я ничего не забыл, не собираюсь ничего забывать, а приписывание мне какой-то «забывчивости» и ссылки на сообщения в мировой печати являются чистой демагогией.

В сообщениях мировой прессы и радио говорилось как раз таки о том, что советские войска в Афганистан никто не приглашал, а бывший в то время у власти коммунистический диктатор Амин, который якобы мог пригласить советские войска, был убит вместе с семьей в первый же день ввода советских войска, а затем объявлен агентом ЦРУ. Про так называемый «ограниченный контингент» мировая печать сообщает, что это более чем 100 тысяч вооруженных современной техникой солдат и офицеров. Сообщалось также, что оккупация этой страны послужила причиной резкого обострения международных отношений. Об отношении же населения Афганистана к этой вероломной акции соседней страны свидетельствует продолжающееся там по сей день жестокое кровопролитие, мужественная борьба повстанцев против оккупантов и то, что по данным ООН Афганистан были вынуждены покинуть уже около 4 миллионов его мирных жителей, то есть почти четверть населения этой страны.

Положение в этой стране рассматривалось в Совете Безопасности ООН, где советский представитель, оставшийся в изоляции, был вынужден прибегнуть в очередной раз к своему праву «вето». А в Генеральной Ассамблее ООН, где право «вето» не существует, голосами большинства стран была принята резолюция с требованием вывода советских войска из Афганистана.

Я не случайно ходатайствовал о приобщении к делу текста определения агрессии Генеральной Ассамблеей ООН 1974 года и резолюций Генеральных Ассамблей ООН по афганскому вопросу за 1980-й и последующие годы.

Статья 3 этого определения гласит, что агрессией признается:

«Вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она бы не носила, являющееся результатом такого вторжения или нападения».

Далее, статья 5 этого же определения гласит:

«Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера не могут служить оправданием агрессии».

На Генеральной Ассамблее ООН 1980 года за резолюцию с требованием вывода советских войск из Афганистана проголосовали 104 страны, а в следующем 1981 году — 116 стран, то есть подавляющее большинство человечества.

Свое негативное отношение к вводу советских войск в Афганистан выразили даже многие зарубежные коммунистические партии, то есть люди, которых никак нельзя рассматривать как враждебно настроенных по отношению к советской власти и КПСС.

Поэтому, квалифицируя мои взгляды по афганскому вопросу как клеветнические и преступные вы, тем самым, назовете клеветниками и преступниками большую часть человечества, в том числе многих коммунистов, глав коммунистических партий и государств. Я очень сомневаюсь, что это послужит повышению авторитета советского государства в мире, делу разрядки и укреплению доверия между странами и народами. *(Аплодисменты)*

В этой же связи я скажу несколько слов по поводу другого документа, в составлении которого я обвиняюсь, — по поводу обращения «Ко всем мусульманам» о положении академика А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннер.

Как известно, А.Д. Сахаров за свою активную правозащитную деятельность, а также за резкое выступление против ввода советских войск в Афганистан, через несколько дней после этой акции был без всякого следствия и суда выслан из Москвы в г.Горький. В ноябре 1981 года А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннер вынуждены были объявить голодовку в знак протеста против отказа властей выполнить их законное требование, а именно, выпустить из СССР их невестку к своему мужу, проживающему в США. Они прибегли к голодовке после многократных обращений к официальным властям, после того как были исчерпаны все иные средства добиться справедливости.

Я по собственному опыту знаю, что такое голодовка. Я знал также, что они не отступятся от своего справедливого требования, поэтому возможность их мучительной смерти от голода была вполне реальной. В защиту требований А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннер выступили тогда виднейшие ученые, руководители многих общественно-политических и религиозных организаций, простые люди и, по меньшей мере, пять руководителей государств.

Конечно, не мог оставаться равнодушным к их жизни и смерти этих дорогих для меня людей и я. Обращение мое было написано 5 декабря 1981 года, где-то на 17-18 сутки их голодовки, но не было пущено в ход, потому что вскоре поступило сообщение, что власти наконец-то удовлетворили их требование, и голодовка была прекращена.

В обвинительном заключении говорится, что согласно сообщениям официальной советской прессы академик А.Д.Сахаров и его супруга проживают в полной безопасности и в спокойствии в Горьком, а поэтому утверждения о том, что их жизнь находится в смертельной опасности, является клеветой на социалистическую действительность. Аргументация столь нелепая и абсурдная, что, право, нет даже смысла с ней спорить. Замечу только, что авторы обвинительного заключения даже не знакомы с сообщениями и официальной прессы на эту тему, ибо была статья, если не ошибаюсь в «Литературной газете», где объявление А.Д. Сахаровым

и Е.Г. Боннер голодовки и, следовательно, возможность драматических последствий для них вовсе не отрицалось. Как все в действительности обстояло, можно было бы уяснить, опросив А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннер или же, в крайнем случае, врачей больницы в г.Горьком, куда они были помещены в результате голодовки, но следствие решило ограничиться повторением демагогических утверждений «экспертного заключения» зам. главного директора узбекского телевидения Шейнфельда.

Следующее письмо, в составлении которого я обвиняюсь, это мое письмо в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей» от 26 октября 1981 года.

Это письмо является ответом на анкету радиостанции «Эн-Эйч-Кей» своим слушателям, которая передавалась примерно в эти же дни. Причем, вопросы свои радиостанция адресовывала не только своим слушателям в Советском Союзе, но и в других странах, потому что эти вопросы были повторены также в передачах на английском и немецком языках. Вопросов в анкете было несколько, но я ответил только на один вопрос, а именно, о принципах взаимоотношений с соседними странами, которых, по мнению радиослушателей, должна придерживаться в своей политике Япония.

В обвинительном заключении по поводу этого письма утверждается, что я, *«выступая от имени советского радиослушателя»*, приветствую *«территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и ее деловых кругов, направленные против СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и СССР»*, обвиняю Советское государство в том, что оно не соблюдает принципов добрососедства и проводит агрессивную политику.

Во-первых, в этом письме я вовсе не выступаю «от имени советского радиослушателя». Под письмом указаны моя фамилия и адрес, то есть я выступал от своего собственного имени.

Во-вторых, в этом письме ни единым словом не упоминается ни Советский Союз, ни территориальные притязания Японии. В нем, как я уже говорил, излагаются лишь мои представления о принципах взаимоотношений между государствами. Дословно в письме говорится:

«... Если какая-то страна считает правомерной оккупацию части территории своего соседа лишь по праву сильного, по тому же праву вторгается на территорию другого соседа и с помощью штыков устанавливает удобный своей воле режим, беспрепятственно пропагандирует и распространяет свою идеологию в других странах, но в то же время устанавливает жесткий заслон проникновению информации и идей из других, в том числе соседних стран, то говорить об искренней дружбе с таким соседом вряд ли приходится...»

Как видите, здесь не упоминается Советский Союз, а говорится только «если какая-то страна». Но эксперт Шейнфельд, делавший заключение по содержанию этого письма решил, что тут речь идет о Советском Союзе. Ну что же, если даже такой верноподданный чиновник как философ-коммунист Шейнфельд считает, что эта характеристика более всего подходит к Советскому Союзу, то спорить с ним не буду (*Аплодисменты*).

Могу сообщить свое мнение и по территориальному вопросу между СССР и Японией. Да, я считаю, что Япония вполне справедливо требует возвращения ей островов Курильской гряды, отторгнутых у нее после Второй мировой войны по

праву сильного, по праву победителя. Территория является принадлежностью народа Японии, а народ не может расплачиваться за политику правящих кругов. Это принцип международного права. Утверждения о том, что будто бы эти земли являются «исконно русской территорией» имеют под собой такую же зыбкую болотистую почву, как и утверждение о том, что Крым является «исконно славянской территорией», которые были приняты на вооружение апологетами выселения крымских татар из Крыма и удержания их на местах ссылки. Возвращение этих островов Японии не нанесет никакого ущерба гражданам СССР, а лишь послужит укреплению дружбы и взаимопонимания между СССР и Японией. Требования о возвращении островов исходят не только от японского правительства, но и от самых широких слоев населения этой страны, в том числе и от Коммунистической партии Японии, которая, как я полагаю, не рассматривается советским правительством как некая реваншистская организация.

Комментируя и своеобразно истолковывая мое письмо в редакцию «Эн-Эйч-Кей», эксперт Шейнфельд заявляет, что это с моей стороны «по сути дела предательство ... по отношению к своей Родине». Эти же слова о предательстве повторены в обвинительном заключении. Прокурор Умарова на судебном заседании тоже в принципе назвал меня предателем, хотя, правда, не столь категорично, а просто задала мне такой «любезный» вопрос: «Скажите, Джемилев, не является ли это с Вашей стороны предательством?»

Что же, приведу еще один документ, где тоже называют меня и кое-кого еще предателями.

Это из материалов Пленума Крымского обкома ВКП(б) от 23-29 ноября 1944 года. Доклад секретаря областного комитета ВКП(б) «товарища» Тюляева.

«Указывая на наши задачи, Центральный Комитет обратил внимание на укрепление морально-политического единства трудящихся Крыма. Для этого проведено специальное мероприятие по выселению татар, греков, болгар, армян, как пособников фашизма. Поэтому Государственный Комитет Обороны принял Постановление о вселении в Крым более 50-ти тысяч переселенцев.

Центральный Комитет справедливо указал нам, но мы не поняли, что перед нами ставится задача сделать Крым новым Крымом со своим русским укладом».

Сорок лет назад «для укрепления морально-политического единства трудящихся Крыма» и для того, чтобы сделать Крым «новым Крымом со своим русским укладом» решили назвать предателями и выселить поголовно целые народы, которые веками жили в дружбе и добрососедстве. Сегодня называют предателями и репрессируют, тоже, видимо, ради «укрепления морально-политического единства трудящихся» тех, кто выступает в защиту своих национальных и гражданских прав, тех, кто открыто выступает против гегемонизма и авантюры на международной арене.

Но я надеюсь, что скоро, очень скоро придет время, когда и большинство граждан разберется в том, кто же именно в этой стране истинные преступники и предатели. (Аплодисменты)

После того как в зале устанавливается тишина, судья объявляет, что подсудимому предоставляется последнее слово.

Д ж е м и л е в: Может быть, объявите перерыв несколько минут? Ведь я говорил без перерыва не менее трех часов...

С у д ь я: У нас на это нет времени, надо еще приговор писать. Вас никто же не просил произносить такую длинную речь. А в последнем слове вам остается только сказать о чем просите суд...

Д ж е м и л е в: Я говорю всего лишь о 10-15 минутах перерыва. Приговор у вас не займет много времени, ведь надо будет не писать, а только переписывать. Ну да ладно, обойдемся без перерыва...

Последнее слово подсудимого М. Джемилева

Через некоторое время будет зачитан приговор, который будет формально считаться итогом продолжавшегося шесть дней судебного разбирательства. Но многим и, конечно, мне тоже, хорошо известно, что сперва был приговор, а потом только весь этот двухактный спектакль, называемый следствием и судом.

Конечно, в тексте приговора будут в какой-то мере и в своеобразной интерпретации отражены слова, говорившиеся и здесь. Но они будут подобраны так, чтобы обосновать уже давно продиктованную резолютивную часть приговора: «признать виновным..., приговорить...». И все это будет повторено уже шестой раз, а по формальному обвинению в клевете на советский государственный общественный строй — в третий раз.

На каждом аналогичном процессе мне приходилось ходатайствовать и требовать, и каждый раз безуспешно, чтобы были расследованы те конкретные факты и события, излагаемые в заявлениях, обращениях или иных материалах, в составлении или распространении которых я обвиняюсь. Ведь, в самом деле, клеветническим можно назвать тот или иной документ только в том случае, если будет проверено и доказано, что тех событий и фактов, о которых говорится в документе, в действительности не было. Но приходится вновь и вновь убеждаться, что на процессах, где затрагиваются политические вопросы, существует иная мерка.

Здесь непреложной истиной считается только то, что считает истиной власть и служащие этой власти средства информации и пропаганды. Правильными считаются только те общественно-политические взгляды, которые исходят от кремлевских руководителей или тех пропагандистских центров, которые призваны обосновывать и прославлять их власть. А если кто-то смеет сказать или написать, пусть даже родной дочери нечто иное, что противоречит их догмам и установкам, то он клеветник и уголовный преступник, которого нужно загнать в казематы и за колючую проволоку.

Сколько же нужно иметь лицемерия и какой должно быть пренебрежение к истине, чтобы утверждать, например, что никакой проблемы крымских татар не существует, а заявления о том, что попираются их права — это клевета на мудрую политику советского руководства!

Народ, лишенный своей Родины, государственности, своей, созданной веками национальной культуры, своих святынь, потерявший в результате совершенного против него чудовищного преступления столь огромный процент своего состава, находящийся на грани полной ассимиляции и исчезновения как нация, оказывается, не имеет никаких проблем и не должен иметь никаких претензий к тем, кто обрек их на такое положение.

Возмущенный до предела циничным произволом и издевательством властей Крыма Муса Мамут принимает отчаянное решение — заживо сжечь себя в знак

протеста, чтобы хоть ценой своей горящей плоти и мучительной смерти пробудить совесть тех, кто творит беззаконие. Но совесть молчит. Вместо того, чтобы пресечь беззаконие, репрессии тех, кто решил информировать об этом широкую общественность.

Тут было много вопросов о том, какое имеют отношение к национальной проблеме крымских татар вопросы о злоупотреблении психиатрией, судьба Сахарова, Орлова, процессы над адвентистами, события в Афганистане и тому подобные проблемы, которые затрагиваются в написанных мною или обнаруженных у меня при обысках письмах и документах.

Здесь давал показания и человек крымскотатарской национальности, которого помещали в психушку лишь за то, что он обращался по своему национальному вопросу в центральные органы власти страны, многим известны выступления Сахарова, Орлова и других в защиту прав крымских татар, кто-то подсчитал, что только из Самаркандской области в Афганистане уже убиты более 130 молодых крымских татар. Но не в этом дело.

Справедливость, также как и свобода, понятие неделимое. Нельзя добиваться справедливости только для себя и заставить молчать свою совесть, когда нарушается справедливость в отношении других. Тут не может быть места и для расчетов, вроде «ты мне — я тебе».

Желание органов расчленив и разобщить все правозащитные силы, конечно, понятны, ибо расправиться с каждым движением в отдельности значительно легче. Поэтому их лицемерные нравоучения о том, что нам нужно заниматься только своими вопросами, не вмешиваться в другие проблемы и что мы, таким образом, скорее решим собственную проблему, могут быть убедительными для очень недалеких людей.

В обвинительном заключении говорится, что я был судим многократно, но должных выводов для себя не сделал. Это, конечно, неверно. После каждого своего процесса я делаю для себя должные выводы или вношу соответствующие коррективы к тем выводам, которые уже сделал. Сегодня будет зачитан приговор, согласно которому я опять надолго буду отделен от своих соотечественников, родных и близких, а затем, как обычно, буду отправлен так далеко, чтобы были максимальные трудности не только для меня, но и для моей семьи. Из этого тоже, конечно, я сделаю должные выводы. Вопрос только в том, какие именно выводы считать должными. Органы, конечно, хотели бы, чтобы я, наконец, сник перед их силой и властью, смирился и ограничил бы свои запросы шкурными интересами. Но этого не будет.

Четырнадцать лет назад в конце такого же шестидневного процесса в Ташкентском городском суде в своем последнем слове я поклялся, что никто никогда и ни при каких обстоятельствах не заставит меня отказаться от выполнения своего долга и обязанностей, налагаемых честью, совестью и национальным достоинством.

Сегодня я вновь могу повторить эту клятву и надеюсь, что у меня будет достаточно душевных сил, чтобы не изменить этому принципу до конца своих дней.

Закончив свою речь, М.Джемилев садится на свое место. В зале бурные аплодисменты, выкрики «Свободу Мустафе Джемилеву!» Люди бросают цветы в сторону подсудимого. Однако эти цветы ловко перехватывают и бросают под свои

ноги солдаты, милиционеры и некоторые сотрудники органов в штатском. Одновременно милиционеры пытаются выкручивать руки и выталкивать из зала тех, кто бросает цветы и выкрикивает лозунги. Судья поспешно распоряжается чтобы подсудимого вывели из зала суда и очистили зал от публики, объявляет, что суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Через несколько часов подсудимого снова вводят в переполненный до отказа зал суда и сразу же его окружает плотное кольцо автоматчиков, так что публика его почти не видит. Судья приступает к чтению приговора. После прочтения резолютивной части приговора, предусматривающей три года лишения свободы в лагерях строгого режима, мертвая тишина разрывается громкими голосами возмущения и протеста. Снова М. Джемилеву бросают цветы. Солдаты сковывают руки М.Джемилева наручниками и быстро выводят из зала суда.

Процесс окончен.

* * *

ПРИГОВОР**именем Узбекской Советской Социалистической Республики**

Судебная коллегия по уголовным делам Ташкентского городского суда 1984 года февраля месяца 15 дня в составе:

председательствующей — член суда Петросян Г.;

народных заседателей Алиева Х. и Гукало К.;

при секретаре Хидоятове, с участием ст. пом. прокурора города Ташкента Умаровой Г., рассмотрев уголовное дело за №11 по обвинению Джемилева Мустафы, 1943 г.р. уроженца села Айсерез Судакского района Крымской области, гр. СССР, татарина, беспартийного, с незаконченным высшим образованием, женатого, ранее судимого в 1966 году нарсудом Ленинского района по ст. 70 ч.1 УК УзССР к 1 году 6 месяцам лишения свободы, в 1970 году Ташгорсудом по ст. 191-4 УзССР и ст. 190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, в 1976 году Омским областным судом по ст. 190-1 УК РСФСР к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, в 1979 году нарсудом Октябрьского района г. Ташкента по ст. 199-3 УК УзССР с применением ст.24, УК УзССР к 4 годам ссылки, работавшего слесарем в Янгиюльском производственном управлении «Водоканал», проживавшего в Ташкентской области, г. Янгиюль, ул. Чарикова, дом 78-а, содержащегося под стражей с 30 ноября 1983 г. по ст.ст. 191-4 УК УзССР, 190-3, 190-1 УК РСФСР.

Проверив материалы дела, допросив свидетелей, экспертов, подсудимого, выслушав мнение прокурора, защитительную речь подсудимого и его последнее слово, коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

Джемилев систематически изготовлял и распространял произведения, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему, а именно: с 1977 года он поддерживал связь с действующим в Нью-Йорке так называемым «Национальным центром», осуществляющим подрывную деятельность, направленную на опорочение социалистического строя и подрыв авторитета Советского Союза на международной арене. Для реализации своих идей «Национальный центр» создал так называемый «Фонд Крыма». В 1980 году «Фонд Крыма» издал книгу «Шесть дней», в которой помещено клеветническое «обращение к мировой общественности», составленное и направленное в «Национальный центр» Джемилевым.

26 сентября 1982 года Джемилев при содействии жителя г. Москвы Шустера переслал за рубеж копию своей жалобы Генеральному Прокурору СССР. 1 мая 1983 года эта жалоба Джемилева, содержащая тенденциозное освещение положения крымских татар в СССР, была передана радиостанцией «Свобода».

В 1979 году Джемилев направил автору изданной за рубежом антисоветской книги «Карательная медицина» Подрабинеку заведомо ложную информацию о якобы мучительном положении содержащегося в Учреждении УЯ 64/цб МВД УзССР признанного невменяемым Рождествова. Эта информация была опубликована Подрабинеком в самиздатском «Информационном бюллетене №21 рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» от 17-го февраля 1980 г.

В 1979 году Джемилев во время пребывания в ссылке в Якутской АССР дал поручение приехавшему к нему Мустафаеву создать молодежную группу для

поездки в Москву во время Олимпиады-80 с целью совершения там замышляемых группой «Хельсинки» провокационных акций, привлекающих внимание иностранцев.

12 января 1980 года Джемилев направил Сахарову письмо, в котором назвал интернациональную помощь Советского Союза Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать его фамилию в числе подписавшихся под «протестом» на ввод ограниченного контингента советских войск в Демократическую Республику Афганистан. В соответствии с просьбой Джемилева его фамилия была поставлена под распространенным московской группой «Хельсинки» документом №119, в котором содержатся обвинения в адрес Советского правительства по поводу якобы развязанной несправедливой войны в Афганистане.

Кроме того, Джемилев присоединился к числу подписавшихся под документом №58 от 16 августа 1978 года, озаглавленном «10 лет спустя», в котором говорится о «репрессивном характере советского режима», одобряются антисоциалистические силы в Чехословакии, утверждается, что будто бы Советскими войсками в августе 1968 года была подавлена свобода в этой стране.

5 декабря 1981 года Джемилев написал «Обращение ко всем мусульманам мира», в котором просил выступить в защиту Сахарова и его жены Боннэр, при этом возводя клевету на органы власти, описывая в намеренно ложном свете их положение. В обращении в частности он указал: «жизнь великого гуманиста нашего времени, страстного борца за естественные права всех людей, независимо от их расы, национальности и религии находится в смертельной опасности...», в то время как Сахаров и его жена проживают в полной безопасности и спокойствии в городе Горьком.

26 декабря 1981 года Джемилев направил письмо в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей», в котором, выступая от имени советского радиослушателя, приветствует территориальные притязания и отдельные шаги правительства Японии и ее деловых кругов, направленные против интересов СССР, а также наносящие ущерб улучшению дружбы и взаимопонимания между народами Японии и Советского Союза. Кроме того, он утверждал, что Советское государство якобы не соблюдает принципов добрососедства и проводит «агрессивную» политику.

В 1983 году Джемилев занимался размножением отдельных отрывков из книги «На краю географии», в которой возводится клевета на политику КПСС в национальном вопросе, на советское государство в целом и на его отдельные органы. В частности, автор книги на фоне описания «звериной» жизни заключенных в лагерях пытается нарисовать «горькую судьбу жертв советского строя». В лице осужденного на 25 лет лишения свободы тувинца Мангуша автор книги преподносит «трагедию» всего тувинского народа, происшедшую в результате воссоединения с Советским Союзом: «ее единение с «братскими» народами происходило по схеме, близкой к Прибалтийской. Два-три министра решили войти в состав РСФСР, а остальных, когда в Туву вступили советские войска, посадили в тюрьму и уничтожили. Тувинцев начали «цивилизовать»: экспроприировать, освобождать от собственности и объединять в колхозы. Солдаты врываются в усадьбы и угоняли скот силой. Бесплезно было доказывать безграмотному, испокон века занимавшемуся скотоводством тувинцу, что для счастья людей, для победы коммунизма во всем мире нужно отдать его собственный скот». По утверждению автора, попытка Мангуша защитить свою собственность привела его в лагерь заключенных, где он многое понял и услышал звучание гимна «Союз нерушимый республик голодных

схватила за горло Великая Русь». В книге описываются «жертвы» психологического давления и прозрачно намекается, что якобы под «давлением» находится весь народ.

При обыске в доме Джемилева обнаружен и изъят подготовленный для размножения фотонегатив документа «Положение мусульман в России», в котором содержатся злобные клеветнические нападки на Советскую власть, которая якобы продолжает колониальную политику самодержавия. В нем утверждается, что «Советский Союз — это преемник царской колониальной империи», поэтому «русские держиморды аристократы православно-религиозного направления были заменены русскими держимордами коммунистически-атеистического направления», что «на ассимиляцию нерусских народов» будто бы «направлена вся мощь социализма и никто не может этого избежать».

Он же размножил и распространил полученную им от жителя Турции Хакана поэму «Бахчисарайский фонтан», порочащую советскую действительность.

Джемилев также прослушивал и записывал на магнитофон, а затем печатал на пишущей машине тексты передач радиостанции «Голос Америки», «Свобода» с выступлениями Григоренко, Сейтмуратовой и других, которые сводились к извращению миролюбивой сущности внешней политики КПСС и обвинению Советского Союза в агрессивности.

В 1983 году Джемилев подготовил и распространил «Обращение к главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», в котором возводит клевету на советский государственный и общественный строй.

5 июня 1983 года Джемилев у Керченской паромной переправы, на отказ работников милиции и переправы пропустить группу участников похорон в связи с несоблюдением ими требования санитарных правил перевозки трупов, спровоцировал, организовал и принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок. На законные требования работников милиции и представителей местной власти освободить дорогу для въезда и выезда автотранспортных средств на паром не реагировал, допускал провокационные выкрики антисоветского характера. В результате преступных действий Джемилева была нарушена работа Керченской паромной переправы. Переправа не имела возможности осуществить перевозку автотранспортных средств в течение четырех часов. По причине невозможности выезда автотранспорта из прибывшего парома «Керченский-2», последний простоял в течение 1 часа 15 мин., чем причинен ущерб Керченской паромной переправе на сумму 190 рублей.

Используя этот инцидент, Джемилев составил и распространил клеветническое обращение в организацию «Исламская конференция» в форме жалобы группы людей на якобы «незаконные» и «бесчеловечные» действия работников милиции у Керченской паромной переправы.

В документе Джемилев, не ограничившись этим фактом, перейдя к обобщениям, указал, что «действия властей 5 июня 1983 года являются лишь одним эпизодом, иллюстрирующим их пренебрежение к религиозным чувствам и национальным обычаям советских граждан», что в «нашей стране свобода вероисповедания не охраняется законом». Полный текст этого клеветнического обращения был передан 5 октября 1983 года радио «Свобода» на русском языке.

Допрошенный в судебном заседании Джемилев виновным себя не признал.

Вина Джемилева в совершении им указанных выше преступлений подтверждается следующими собранными по делу доказательствами:

Вина Джемилева в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР и его политическую систему подтверждается:

— приобщенными к делу 10 отрезками фотопленки с заснятыми частями книги «Шесть дней», изъятых при обыске в квартире Джемилева, что свидетельствует о его связи с «Национальным центром» в Нью-Йорке, ведущим подрывную деятельность;

— приобщенной к делу фотокопией книги «Шесть дней», а именно трех ее частей: предисловие «Фонд Крыма», предисловие издателя, послесловие «Фонда Крыма», авторы которых пытаются обвинить высшие органы Советской власти в том, что они будто бы «за счет эксплуатации населения тратят народные деньги на создание пятых колонн и воспламенение революционных пожаров в других странах». Под этим же вымышленным предлогом на руководство Советского государства взвалена вина за неудачи в боях с немецко-фашистскими войсками в начале Великой Отечественной войны и ответственность за трагедию, постигшую Советский народ, что в Советском Союзе «ущемлена демократия», «нарушаются права человека» и это якобы «присуще коммунистическому режиму» — л.д.12-59, 44, том 3;

— подготовленным Джемилевым «Обращением к мировой общественности», где утверждается, что якобы в Крыму уничтожены все культурные ценности, разрушены мечети, осквернены и уничтожены кладбища, что будто бы «незаконно» лишен советского гражданства Григоренко, отщепенец, выехавший в США и «необоснованно» осужден антисоветчик Орлов. Этим Джемилев давал повод зарубежным идеологическим центрам для вмешательства во внутренние дела Советского Союза — л.д. 42-43, 53-54, том 3;

— приобщенными к делу письмами, фотографией, изъятых из квартиры Джемилева, свидетельствующих о его связях с членами «Фонд Крыма» — л.д. 212-214, том 2; 67-69, 74, 78-81, том 3;

— приобщенной к делу жалобой Джемилева, переданной 1 мая 1983 года радиостанцией «Свобода», сопроводив его клеветническими выводами — л.д. 98-106, том 3;

— приобщенными к делу письмами Джемилева Подрабинеку и Сахарову, что подтверждает факт оказания им помощи в составлении клеветнического документа о якобы имеющих место случаях использования в нашей стране психиатрии в политических целях — л.д. 117-119, том 3;

— показаниями свидетеля Лазаренко о том, что с Джемилевым имел кратковременную встречу, во время которой разговоров о характере болезни Рождествова и его лечении не было, чем опровергаются доводы подсудимого о том, что от Лазаренко узнал о фактах применения медикаментов в карательных целях — л.д. 136-143, том 3;

— приобщенным к делу приговором Верховного суда Якутской АССР от 6 января 1981 года, которым подготовленная Подрабинеком информация, изложенная в бюллетени №21, признана клеветнической, порочащей деятельность правоохранительных органов и учреждений здравоохранения — л.д. 132, том 3;

— изъятыми в доме Джемилева Асана — брата подсудимого — 6 экземпляров рукописного заявления в Международный суд в Гааге, международный комитет прав человека, ООН и другие организации на незаконное помещение его в психиатрическую больницу, клеветнические рукописи Александрова — проект обращения к мусульманам мира, письмом в Париж, что свидетельствует о том, что Джемилев продолжает концентрировать у себя информацию, порочащую деятельность советских органов — л.д. 140-167 том 2; л.д. 12-20, 195-196, том 2; л.д. 2-27, том 1;

— показаниями свидетеля Мустафаева о том, что он 1979 году был у Джемилева в Якутии, по приезду встретился с Аблаевым и обговаривали вопрос о поездке группы молодых ребят в Москву на Олимпиаду-80, но потом передумал. В суде он частично изменил свои показания и указал, что имелось в виду создание группы для изучения истории и культуры своего народа;

— аналогичными показаниями свидетеля Аблязизова;

— приобщенными к делу письмами Джемилева Аблаеву, что подтверждают намерения Джемилева создать молодежную группу для поездки в Москву во время «Олимпиады-80» с целью совершения акций, привлекающих внимание иностранцев, и что это намерение Джемилева не осуществилось — л.д. 155-160, том 3;

— приобщенным к делу письмом Джемилева Сахарову, в котором интернациональную помощь Советского Союза Афганистану он назвал «кровавым вторжением» и просил указать его фамилию в числе подписавшихся под «протестом» на ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан — л.д. 161-162, том 3;

— приобщенным к делу письмом Джемилева Подрабинеку об этом же — л.д. 194, том 3;

— материалами уголовного дела по обвинению Осиповой, в частности, документом №119, в котором изложены обвинения в адрес Советского правительства в том, что оно якобы развязало несправедливую войну в Афганистане, что СССР «подавляет независимость этой страны силой оружия» и что «Советское государство не соблюдает основные права личности». В числе подписавших этот документ значится фамилия Джемилева — л.д. 175, том 3;

— аналогично и по документу №58, признанному приговором Московского Городского суда антисоветским — л.д. 180-192, том 3;

— изъятыми в доме Джемилева документами так называемой «общественной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР», учрежденной в 1976 году группой самозванцев (Орлов, Боннэр, Гинзбург, Григоренко и другие отщепенцы), которая поставила перед собой цель сбора различный клеветнической информации о якобы имеющих в СССР место нарушениях прав человека, информировать об этом главы правительств, что свидетельствует о связи Джемилева с членами группы «Хельсинки» — л.д. 173, 207-263, том 3;

— приобщенным к делу «Обращением ко всем мусульманам мира», в котором Джемилев просил выступить в защиту Сахарова и его жены, указывая, что «жизнь их находится в смертельной опасности...», «может окончиться для них мучительной смертью», что свидетельствует о том, что Джемилев, специально используя такие обороты речи, преследует цель опорочить

социалистическую действительность, ибо они являются сознательной ложью — л.д. 1, том 4;

— приобщенным к делу письмом Джемилева, направленным им в японскую радиовещательную корпорацию «Эн-Эйч-Кей», в котором он приветствует территориальные притязания Японии против СССР, утверждает, что Советское государство якобы не создает принципов добрососедства и проводит «агрессивную политику» — л.д. 2, 174-182, том 4;

— обнаружением и изъятием у Джемилева 4 экземпляров отрывков из книги Маркмана «На краю географии», что свидетельствует о факте размножения и распространения этой книги Джемилевым — л.д. 3-14, том 4;

В этой книге с клеветнических позиций описывается «звериная» жизнь заключенных, которых автор называет «жертвами советского строя».

— заключением судебно-криминалистической экспертизы о том, что отрывки из этой книги отпечатаны на принадлежащей Джемилеву пишущей машине «Унис тбм де Люкс» №15-5292219 — л.д. 86-89, том 1;

— заключение эксперта Шайдуллина в суде, подтвердившего выводы своего заключения;

— обнаруженным в доме Джемилева документом «Положение мусульман в России», в котором содержатся злобные клеветнические нападки на Советскую власть, утверждается, что «вся мощь России в прошлом и теперь зиждется на богатствах мусульманских земель и беспощадной эксплуатации их населения», и что «настало время демонтажа русской колониальной системы». Этот документ Джемилев хранил с целью размножения фотоспособом и распространения — л.д. 93-94, том 4;

— обнаружением у Аблямитова, Джемилева Асана, Кадырова Синавера, Сеутовой и у самого Джемилева рукописи и фотокопии поэмы «Бахчисарайский фонтан», которые размножил и распространил Джемилев — л.д. 74-75, 4-35, 160, том 1; 58, 65, 45, 37-44, 183-194, том 2; 151-152, 158-159, 165, том 4;

— заключением литературоведческой экспертизы о том, что данная поэма пропитана антисоветизмом, что идейное направление поэмы антиисторично и не соответствует действительности — л.д. 161-164 том;

— показаниями экспертов Сарымсакова и Хаккулова, подтвердивших выводы заключения в суде;

— обнаружением и изъятием у Джемилевых 9 магнитофонных кассет с записями передач радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна» и «Свобода», в которых содержатся клеветнические нападки на Советский Союз. Эти передачи Джемилев прослушивал, записывал на магнитофонную ленту, печатал затем на пишущей машинке с целью распространения — л.д. 139-155, том 1; 184-194, том 2; 95-109, том 4. В частности, в передаче «Голос Америки» от 24 декабря 1979 года приведен диалог Григоренко и Французова по вопросу ратификации договора ОСВ-2. Их беседа была нацелена на извращение миролюбивой сущности внешней политики КПСС и обвинение Советского Союза в «агрессивности», что для США ратификация нового договора не выгодна, так как он в основном якобы нужен Советскому государству для достижения военного превосходства над Западом — л.д. 110-119, том 4;

— приобщенным к делу «Обращением к главам государств — участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»,

который подготовлен и распространен Джемилевым. В нем подвергнут критике Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, где указывается, что «новое постановление свидетельствовало о преемственности политики брежневского руководства с политикой империалистической России, режимов Сталина и Хрущева...» Основная цель «Обращения» сводится к опорочению общественного строя СССР и его политической системы — л.д. 125-129, том 4;

— заключением судебно-автороведческой экспертизы о том, что «Обращение» составлено Джемилевым — л.д. 185-187, том 4;

— показаниями эксперта Расулова, подтвердившего в суде выводы экспертизы;

— оглашенными в суде показаниями свидетеля Сеитвапова о том, что он, получив один экземпляр этого обращения для сбора подписей, не согласился с текстом обращения, о чем написал в письме Джемилеву — л.д. 130-139, том 4;

— приобщенным к делу письмом Сеитвапова, изъятом в доме Джемилева — л.д. 184, том 2;

— изъятыми в доме Джемилева черновыми набросками информации о судебном процессе в отношении руководителей всесоюзной церкви верных свидетелей адвентистов седьмого дня — Шелкова и других, осужденных за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих Советский государственный и общественный строй и религиозных обрядов — л.д. 2-2, том 1;

— обнаружением в доме Джемилева машинописного текста, озаглавленном «Госатеистический суд над служителями церкви...», шести брошюр «открытых писем», изданных в подпольной типографии адвентистов «Верный свидетель» — л.д. 203-299, том 1, что свидетельствует о сборе Джемилевым материалов для враждебной деятельности;

— приобщенным к делу клеветническим обращением в «Исламскую конференцию» — л.д. 28-32, том 5;

— показаниями свидетелей Абдуллаева, Бариева, Сеитвелиева, Томакова о том, что 5 июня 1983 года, когда похоронную процессию не пропустили на паром, то они возмущались и говорили о необходимости написания жалобы;

— заключением автороведческой экспертизы о том, что обращение в «Исламскую конференцию» составлено Джемилевым — л.д. 186-187, том 4;

— приобщенным к делу текстом обращения, переданным радио «Свобода» 5 октября 1983 года — л.д. 215-223, том 5;

— показаниями в суде специалиста Шейнфельда о том, что обнаруженные у Джемилева составленные им материалы по их содержанию являются клеветническими, направлены на подрыв авторитета Советского государства на мировой арене;

— показаниями подсудимого Джемилева не отрицавшего составление приведенных документов, написание писем Подрабинеку, Сахарову, в японскую радиовещательную корпорацию и заявившего, что он полностью согласен с текстом документов.

Вина Джемилева в организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, подтверждается:

— показаниями свидетеля Зайцева о том, что 5 июня 1983 года у паромной переправы Джемилев обращался к собравшимся гражданам с

антисоветскими заявлениями, призывал не слушать представителей власти, на разъяснения о необходимости перевозки трупа в цинковом гробу не реагировал, пытался спровоцировать граждан на участие в беспорядках, поставив автомашины вплотную к воротам переправы, мешая работе переправы, так длилось с 12 часов дня до 18 часов и подчинились лишь после того, как замначальника Керченского УВД Денисов дал ему расписку по какой причине не разрешает переправу;

— показаниями свидетелей Мороз, Гудзь, Кулиш, Денисова и других, подтвердивших изложенное выше;

— показаниями свидетелей Томакова, Сеитвелиева, Бариева, Джемилева А., Аметова и других о том, что действительно в течение 3-4 часов у паромной переправы спорили, требовали их пропустить на паром;

— показаниями подсудимого Джемилева, не отрицавшего, что в течение 3-4 часов спорил с представителями власти, требовал пропустить похоронную процессию через паромную переправу, но ему говорили, что без цинкового гроба перевозка трупа запрещена, требовали разрешение на захоронение в Крыму;

Вина Джемилева доказана совокупностью приведенных доказательств и другими материалами дела.

Квалификация действий Джемилева по ст. ст.191-4 УК УзССР, 190-3, 190-1 УК РСФСР правильна.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 279, 282 УПК УзССР, коллегия

П Р И Г О В О Р И Л А:

Признать виновным Джемилева Мустафу в совершении преступлений, предусмотренных статьями 191-4 УК УзССР, 190-3, 190-1 УК УзССР к 3 годам лишения свободы. На основании ст.40 УК УзССР по совокупности путем поглощения менее строгого наказания более строгим, окончательно определить Джемилеву для отбытия 3 года (три) лишения свободы в ИТК строгого режима. Срок наказания Джемилеву исчислять с 30 ноября 1983 года, т.е. со дня задержания. Взыскать с Джемилева 190 рублей в пользу Керченской паромной переправы.

Вещественные доказательства по делу: типографские шрифты в количестве 380 единиц, 10 отрезков фотопленки, 10 магнитных лент уничтожить, пишущую машину «Унис» за №15-5292219 сдать в доход государства.

Приговор может быть обжалован и опротестован в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда УзССР в течение пяти суток, через Ташкентский городской суд.

Председательствующая: (подпись)

Народные заседатели: (подписи)

Копия верна: Председательствующая по делу

Член Ташгорсуда (подпись) (Петросян)

Круглая гербовая
печать Ташгорсуда
МЮ УзССР

ПОСЛЕ СУДА

1. Заявление М. Джемилева в кассационную инстанцию

*В судебную коллегию по уголовным делам
Верховного суда Узбекской ССР
от г-на Джемилева Мустафы*

Кассационное заявление

15 февраля 1984 года председательствующая коллегии по уголовным делам Ташгорсуда Петросян зачитала приговор, согласно которому я приговариваюсь к 3 годам лишения свободы по обвинению в составлении и распространении материалов, порочащих общественный строй СССР и его политическую систему, а также в организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок — статьи 191-4 УК УзССР, 190-1 и 190-3 УК РСФСР.

Достоверность содержания большинства инкриминируемых мне документов, материалов и произведений ни предварительным следствием, ни судом не расследовались. Они были квалифицированы как «клеветнические» или «содержащие заведомо ложные измышления» лишь на том основании, что изложенные в них события, взгляды и осуждения по некоторым вопросам внутренней и внешней политики советского руководства противоречат мнению официальной советской прессы. То есть следствие и суд, тем самым, откровенно отрицают право граждан на свободу слова и сводят это конституционное право лишь к «свободе» поддерживать и одобрять политику руководства.

Большинство моих ходатайств о вызове свидетелей для проверки достоверности изложенных в этих материалах фактов, были отклонены под циничным предлогом, что это «не имеет отношения к делу». Под тем же предлогом были отклонены

ходатайства о вызове на процесс даже тех свидетелей, которые были допрошены на предварительном следствии и отдельные фразы из показаний которых используются для обоснования обвинения. (Например, ходатайства о вызове свидетеля Лазаренко В.М. из Ташкентской спецпсихбольницы МВД УзССР, большинства участников похорон моего отца, чьи фамилии значатся под обращением в Организацию Исламская Конференция, и др.).

По моему ходатайству были вызваны на процесс Шейнфельд, Сарымсаков и Хаккулов, сделавшие так называемые «экспертные заключения» по содержанию произведений и материалов, в составлении или распространении которых я обвиняюсь. Но почти все мои вопросы этим экспертам по поводу обоснованности тех или иных сделанных ими заключений снимались председательствующей Петросян по той очевидной причине, что эти «эксперты» не могли дать вразумительные ответы. Секретарь суда записывал в протокол судебного заседания лишь то, что считала необходимым записать председательствующая.

В приговоре игнорируются и те доказательства, которые были собраны на судебном процессе. Например, допрошенный в суде Сеутов Сервер подробно рассказал о том как его, совершенно здорового человека, насильственно помещали в психиатрическую больницу лишь за то что он обращался в центральные органы власти по национальному вопросу крымских татар. Тем не менее, его обращение в Международный суд в Гааге, где описывается этот факт, в приговоре опять квалифицируется как клеветнический документ.

Совершенно необоснованно и обвинение по ст. 190-3 УК РСФСР, т.е. в организации и активном участии в беспорядках. Суть обвинения по этой статье сводится к тому, что при попытке перевезти для захоронения в Крыму тела моего отца нами, т.е. участниками похорон, не были соблюдены санитарные правила перевозки трупов, мы не подчинились законным требованиям властей и во время конфликта якобы выкрикивали антисоветские лозунги. Обвинение в этой части полностью базируется на противоречивых и лживых показаниях работников органов. Но одна лишь приобщенная к делу «расписка» зам. начальника УВД г.Керчи Денисова достаточно свидетельствует о том, что власти выдвигали перед участниками похорон заведомо незаконные и абсурдные требования, что и послужило причиной конфликта. Следовательно, речь может идти лишь о неподчинении произволу и беззаконию работников органов, что не может быть квалифицировано как преступление. Но эта «расписка», также как и показания участников похорон, свидетельствующие о незаконных действиях представителей власти, в приговоре полностью игнорируются.

Весь ход судебного процесса свидетельствовал о том, что вовсе не ставилась цель выяснить истину, а было только стремление во что бы то ни стало и любыми средствами обосновать уже давно и в другом месте вынесенный мне приговор о лишении свободы за мое активное участие в национальном движении крымских татар за возвращение на Родину и за открытое высказывание своих политических взглядов.

Направляя свое заявление в кассационную инстанцию по поводу незаконности зачитанного мне приговора, я, конечно, вовсе не надеюсь на то, что дело будет пересмотрено и вынесено справедливое решение, тем более, что еще до вступления приговора в законную силу официальная пресса (газеты «Правда Востока», «Ленин байрагы», «Совет Узбекистони» за 17.02.84 г.) поспешила дополнительно оболгать

меня и заявить, что моя вина на судебном процессе была полностью доказана. Так что, если коллегия Верховного суда УзССР вынесет оправдательное определение, то она будет противоречить мнению официальной советской прессы и, следуя логике следствия, вышеупомянутых «экспертов» и коллегии Ташгорсуда под председательством Петросян, совершит преступление, предусмотренное ст. 191-4 УК УзССР. Но я все же хотел бы ознакомиться с определением коллегии Верховного суда УзССР по данному делу.

Подпись (*М. Джемилев*)

24 февраля 1984 г.

Таштюрма №1

Корпус 2, камера 240

(Согласно сообщения спецчасти Таштюрмы, кассационное заявление отправлено в Ташгорсуд за №80-ж от 27.02.84г.).

2. Определение кассационной инстанции

О п р е д е л е н и е Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Узбекской ССР в составе:

Председательствующего т. Жукова И.Е.

Членов коллегии: т.т. Поздняковой Т.И. и Мамаджанова В. с участием пом. прокурора УзССР т. Заманского М.К.

рассмотрела на заседании от 3 мая 1984 года кассационную жалобу на приговор Ташкентского городского суда от 15/11-1984 года, которым по совокупности ст.ст. 191-4 УК УзССР, 190-3, 190-1 УК РСФСР к 3-м годам лишения свободы в колонии строгого режима осужден —

Джемилев Мустафа, 1943 г.р., татарин по национальности, б/п, с незаконченным высшим образованием, ранее судимый в 1966 году по ст. 70 ч.1 УК УзССР к 1 году 6 месяцам лишения свободы, в 1970 году по ст. 191-4 УК УзССР и ст. 190-1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, в 1974 году по ст. 199 ч.1 УК УзССР к 1 году лишения свободы, в 1976 году по ст. 190-1 УК РСФСР к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, в 1979 году по ст. 199-3 УК УзССР к 4 годам ссылки, работавший слесарем в Янгиюльском производственном управлении «Водоканал», женатый.

Заслушав доклад и заключение прокурора Заманского, полагавшего оставить приговор без изменения,

У С Т А Н О В И Л А:

Джемилев признан виновным в совершении преступлений при следующих обстоятельствах,

Джемилев систематически изготовлял и распространял произведения, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие общественный строй СССР и его политическую систему.

С 1977 года он поддерживал связь с действующим в Нью-Йорке так называемым Национальным центром, осуществляющим подрывную деятельность, направленную на опорочение социалистического строя и подрыв авторитета СССР на международной арене. В 1980 году в так называемом «Фонде Крыма» была издана книга «Шесть дней», в которой помещено клеветническое «Обращение к мировой общественности, составленное и направленное в «Национальный центр» Джемилевым.

26 сентября 1982 года Джемилев при содействии жителя г. Москвы Шустера переслал за рубеж копию своей жалобы Генеральному Прокурору СССР и эта жалоба 1 мая 1983 года была передана радиостанцией «Свобода». В ней содержится тенденциозное освещение положения крымских татар в СССР.

В 1979 году Джемилев направил автору изданной за рубежом политической книги «Карательная медицина» заведомо ложную информацию о якобы мучительном положении, содержащегося в учреждении УЯ 64/цб МВД УзССР, признанного невменяемым Рождествова.

В 1979 году во время ссылки дал поручение Мустафаеву создать молодежную группу для поездки в Москву во время Олимпиады-80 с целью совершения там замышляемых группой «Хельсинки» провокационных акций.

12 января 1980 года Джемилев направил Сахарову письмо, в котором назвал интернациональную помощь СССР Афганистану «кровавым вторжением» и просил указать его в числе подписавшихся под «протестом» на ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

Джемилев присоединился к числу подписавшихся под документом №58 от 16.08.1978 года, озаглавленном «10 лет спустя», в котором говорится о «репрессивном характере советского режима», одобряются антисоциалистические силы в Чехословакии.

5-го декабря 1981 года Джемилев написал «Обращение ко всем мусульманам мира», в котором просил выступить в защиту Сахарова и его жены Боннэр, жизнь которых якобы находится в опасности.

26 октября 1981 года Джемилев направил письмо в Японскую радиовещательную корпорацию, в котором от имени Советского радиослушателя приветствует территориальные притязания Японии и Советского Союза.

В 1983 году Джемилев занимался размножением отдельным отрывков из книги Маркмана «На краю географии», в которой возводится клевета на КПСС и Советское государство в целом.

В доме Джемилева обнаружен подготовленный для размножения фотонегатив «Положение мусульман в России», в котором содержатся клеветнические нападки на Советскую власть.

Джемилев размножил и распространил полученную им от жителя Турции поэму «Бахчисарайский фонтан», порочащую советскую действительность.

Джемилев прослушивал и записывал на магнитофон, печатал на пишущей машинке тексты передач радиостанций «Голос Америки», «Свобода» с выступлениями Григоренко, Сейтмуратовой и других, которые сводились к извращению миролюбивой сущности внешней политики КПСС.

В 1983 году Джемилев подготовил и распространил «Обращение к главам государств, участников Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», в котором возводится клевета на СССР.

5-го июня 1983 года Джемилев у Керченской паромной переправы, на отказ работников милиции и переправы группу участников похорон в связи с несоблюдением ими требования санитарных правил перевозки трупов, спровоцировал, организовал и принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.. В результате этого была нарушена в течении четырех часов работа Керченской переправы.

Используя этот инцидент, Джемилев составил и распространил клеветническое обращение в организацию «Исламская конференция» в форме жалобы группы людей на «незаконное» и «бесчеловечные» действия работников милиции и паромной переправы. Текст этого клеветнического обращения был передан на радио «Свобода» на русском языке.

В кассационной жалобе осужденный утверждает, что органами следствия и судом он обвинен по указанным статьям уголовных кодексов Узбекской ССР и РСФСР необоснованно, что на судебном процессе не ставилась цель выяснить истину, а было стремление как-то обосновать лишение его свободы за активное

участие в движении крымских татар и за высказывание им политических взглядов.

Судебная коллегия находит, что приговор городским судом поставлен правильно.

В изготовлении и распространении произведений, содержащих заведомо ложные, порочащие государственный строй и политическую систему СССР измышления, вина Джемилева подтверждена вещественными доказательствами, которые были обнаружены и изъяты при обыске в доме осужденного.

Рукописные и печатные тексты этих клеветнических измышлений, их содержание приведены в приговоре.

В приговоре также приведены показания свидетелей и заключения автороведческой экспертизы в подтверждение вины Джемилева в данном преступлении, не имеющим никакого отношения к упомянутому в кассационной жалобе, так называемому, «движению крымских татар».

В организации и непосредственном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, вина Джемилева подтверждена показаниями свидетелей Зайцева, Мороз, Груздева, Кулиш, Денисова, Томакова и других, которые допрошены на предварительном следствии и в судебном заседании.

Действия Джемилева судом квалифицированы правильно и мера наказания избрана в соответствии с содеянным.

Руководствуясь ст.314 УПК УзССР, коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Приговор Ташкентского городского суда от 15.02.1984 года в отношении Джемилева Мустафы оставить без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения.

Председательствующий
Члены коллегии

(подпись) И.Е.Жуков
(подпись) Т.И.Позднякова
(подпись) В.Мамаджанов

Копия верна:

(круглая печать Верх. суда УзССР)

3. Письмо М. Джемилева супруге Сафинар Джемилевой от 8 августа 1984 г.

Здравствуй Сафинар!

Пишу тебе опять из магаданской тюрьмы, но отправлю письмо, видимо, уже из лагеря. Письма тут принимают по понедельникам, но завтра (т.е. 5 августа, в воскресенье) меня должны вывезти в лагерь. Вообще-то меня собирались этапировать 1 августа. 31 июля забрали постельные принадлежности и перевели в этапную камеру. Утром следующего дня всех, кто был со мной в этой камере вывезли в лагерь, а я один остался. Потом почему-то меня перевели в одиночный «стакан», где продержали почти до вечера, и снова перевели в «свою» камеру. По какой причине в тот день не вывезли я так и не понял. Выяснилось, что 5 августа повезут в лагерь АВ 261/4 *(далее цензурой зачеркнуты 2-3 слова текста)*... г.Магадана. Это сказал один из оперуполномоченных сокамернику. *(Далее цензурой зачеркнуты 5 строчек текста)*. На следующий день я был на приеме у зам. начальника тюрьмы *(слово «тюрьмы» в тексте зачеркнуто цензурой и заменено на слово «СИЗО»)* по режиму подполковника Горбачева и он подтвердил, что действительно 5 августа я буду этапирован в этот самый лагерь *(слово «лагерь» зачеркнуто цензурой)*.

После этапирования из Ташкента я отправил тебе четыре письма, в том числе из Иркутска, Хабаровска и два из Магадана. В магаданских письмах я просил, чтобы ты получение подтверждала телеграммами, но телеграмм я не получал. Правда, последнее свое письмо я отправлял 30 июля и оно до тебя еще могло не дойти, даже если его никто преднамеренно не задерживал. Но я писал также Асану, Васфие, Мустафе-аге, Фуату, Диляре. От них тоже пока ничего не поступило. Не знаю что и подумать — лагерная *(слово «лагерная» в тексте цензурой зачеркнуто и заменено на слово «СИЗО»)* администрация утверждает, что все письма своевременно отправляются, а если бы имели что-то против содержания писем, то их возвратили бы мне.

Опишу всё происшедшее после свидания с тобой, исходя из предположения, что ты все-таки не получила ни одного моего письма.

21 мая я получил определение Верховного Суда УзССР об оставлении приговора в силе, а на следующий день отправил заявление на имя следователя Азаряна с просьбой сообщить, собирается ли он и когда возвратить изъятые во время обысков вещи и бумаги, конфискация которых не предусмотрена приговором. Я сообщал в этом заявлении, что уже получил определение Верх. Суда и на днях ожидаю этапа, поэтому ответ просил направить в Янгйюль на твое имя. Он тебе ответил?

Одновременно я написал заявление зам. начальника Таштюрьмы по оперчасти подполковнику Ковтуну с просьбой о приеме «на собеседование по личному вопросу». Дело в том, что, по его словам, он, согласно предписания из прокуратуры г.Ташкента расследовал изложенные в моем декабрьском заявлении факты неправомερных действий работников тюрьмы в отношении меня (это о незаконном изъятии у меня 56 р. денег, УПК УзССР, письма на английском и вызова из Швеции, оскорблениях и т.п.) и принял такое решение: всё изъято мне возвратить, а в отношении надзирателей принять «соответствующие меры». Действительно, вскоре меня повели на склад тюрьмы, достали мою сумку и показали, что там находятся УПК, письмо и вызов. В отношении денег Ковтун говорил, что позже будет выписана квитанция, которую вручат мне, хотя, правда, я требовал, чтобы

деньги отослали тебе. Просили написать контр заявление в прокуратуру и сообщить, что к администрации тюрьмы больше претензий не имею. Такое заявление я написал, но сказал, что вручу его как только мне вручат квитанцию на 56 р. Поэтому, добиваясь встречи с Ковтуном, я хоте произвести обмен заявления на квитанцию. Кроме того, у него же находилась продуктовая передача, которую ты передавала для меня через следователя Азаряна (икра, сигареты и т.п.). Ковтун говорил, что отдаст их мне при этапировании, дабы у меня были курево и еда на дорогу. (Видишь какая забота? Прямо-таки мама родная!). Встречи с этим Ковтуном я так и не добился, квитанцию на деньги и передачу не получил.

26 мая ближе к вечеру в «кормушку» нашей камеры заглянул один штатский и подозвал меня. Он тихо сказал, что со мной хочет увидеться кое-кто. Мол, уже договорился с надзирателем, чтобы он открыл камеру. Сказал, чтобы я никому из сокамерников об этом не говорил и последовал бы за ним. Я спросил, почему такая таинственность, кто он такой, не Ковтун ли меня вызывает? Он ответил: «Нет, не Ковтун. Сейчас сам увидишь». Я подумал, что может быть состоится свидание с Хаировым, ибо за энную сумму такие вещи там иногда делают. На всякий случай я об этом разговоре сказал одному земляку по камере, оделся и, когда открылась камера, пошел за этим штатским. В коридорах корпуса этот штатский иногда останавливал меня, сам забегал вперед, оглядывался по сторонам, а затем махал мне рукой, чтобы я продолжал следовать за ним. Наконец, пришли в административную часть тюрьмы. Там он открыл одну камеру, сказал, что мне придется немного подождать, запер и ушел. Пробыл я там около часа. Потом один офицер в эту камеру ввел еще нескольких заключенных, только что прибывших из суда и следствия, а меня вывел оттуда и запер в одиночный бокс. Прошло еще около двух часов. Затем в «кормушку» одиночки заглянула одна пожилая женщина и спросила, есть ли у меня вещи на складе и попросила квитанцию. Я ответил, что квитанция есть, но она у меня в камере вместе с остальными вещами. Тогда она спросила, какого числа я прибыл в тюрьму и сдал вещи. Я назвал дату. Дама эта удалилась и вскоре принесла мою сумку. Стало ясно, что собираются этапировать, но пока непонятно было, почему решили прибегнуть к такой дурацкой «конспирации». Прошло еще некоторое время — час или два. Затем повели в комнату обыска, где кроме надзирателей был и ДПНСИ (т.е. дежурный помощник начальника следственного изолятора) в звании капитана. Мне предложили выложить все свои вещи и раздеться. Я сказал, что все мои вещи остались в камере и, вообще, что это за гангстерские методы: если меня этапируют, то почему они, как это принято в тюрьме, не предупредили предварительно, чтобы я мог собрать свои вещи? Капитан ответил, что вещи сейчас принесет надзиратель. Я сказал, что, во-первых, сокамерники без меня мои вещи никому не отдадут, а во-вторых, нет гарантии, что принесут всё. «Ну, ладно, — говорит тогда капитан. — Сейчас пойдете вместе с контролером и заберете свои вещи. Даю две минуты. И чтобы никаких эксцессов!» О каких это «эксцессах» он говорил, я так и не понял. Может быть решил, что я впаду в истерику от предстоящей разлуки с «родной» тюрьмой и с сокамерниками-разбойничками. В сопровождении надзирателя-шмонщика я зашел в свою камеру, собрал вещи, попрощался со всеми и вернулся в комнату обыска. Рылся в вещах сам ДПНСИ. Он тщательно отбирал в отдельную стопку все мои бумаги, а остальные вещи даже не стал осматривать. Забрали все бумаги до единого клочка, в том числе выписки из материалов дела, тезисы

выступлений на процессе, книги, блокнот с адресами родных и близких, письма, копии заявлений, отдельные номера газет, где были статьи о моем процессе, фотографии и даже чистые тетради и конверты. Обратили и те бумаги, книги и письма (в т.ч. письмо Ханны Стенстрём и официальное приглашение из Швеции), которые хранились на складе и были возвращены мне упомянутой женщиной пару часов назад. Сказали, что всё это возвратят мне после того как осмотрят, а сейчас с остальными «манатками» закроют меня в бокс. Я потребовал, чтобы они бумаги осмотрели при мне, а если собираются осматривать без меня, то пусть сделаю подробную опись изъятого и копию дадут мне. Благо, что среди моих бумаг были несколько листов и чистой копировальной бумаги, которые давал мне следователь Азарян. Капитан стал уверять, что ничего не пропадет и ни к чему вся эта бумажная волокита — возвратят, мол, через 10-15 минут. «ну и прекрасно, — говорю я, — эти 10-15 минут я подожду здесь. Зовите сюда того самого гебиста, который хочет осматривать...». Но ничего я не добился, меня все же вывели оттуда и заперли в бокс. Где-то через полчаса мне принесли мои чистые тетради, конверты, чисты блокноты, а также копии обвинительного заключения, приговора и определения Верх. Суда. По поводу всех остальных бумаг, книг, писем и фотографий ДПНСИ сказал, что они будут у конвоя и мне их возвратят по месту прибытия. Как раз в это время к камере подошел конвой. Сказали: «С вещами, на выход!» Я спросил, у них ли мои бумаги, о которых говорит ДПНСИ? Конвойный повел плечами и с недоумением посмотрел на капитана. Капитан сказал: «Этот не знает, он не начальник конвоя. Да что вы беспокоитесь, всё вам вернут на месте до единого клочка!» Я снова стал говорить о необходимости описи, квитанции и т.п., но капитан быстро удалился, а солдаты повели меня в «воронок».

На дорогу дали буханку хлеба, щепотку сахара и баночку с рыбными консервами. Это считается сухим пайком на одни сутки, а посему решил было, что везут пока сравнительно недалеко. Но ехал я на поезде ровно четверо суток и 30 мая поздно ночью прибыл в Новосибирск. Здесь я у начальника конвоя поинтересовался насчет своих бумаг, но он говорит: «Да никаких бумаг мне в Ташкенте не давали. На вашем «деле» была приклеена только бумажка, где говорилось, что следует изъять у вас все бумаги. Но поскольку, как мне сказали, бумаги были уже изъяты, я эту записку сорвал и выбросил». Сообщил он только, что везут меня в Магадан.

Ну, на остальных подробностях по пути следования пока задерживаться не буду, а то письмо получается слишком длинным. В тюрьме Новосибирска пробыл 13 дней, потом двое суток пути и тюрьма Иркутска, где пробыл около недели. Потом снова около трех с лишним суток «стук монотонных колес...» — и в Хабаровске. Из Хабаровска 5 июля самолетом доставили в Магадан.

9 июля я написал заявление с просьбой о приеме к начальнику магаданской тюрьмы (Слово «тюрьмы» цензурой перечеркнуто и заменено словом «Сизо», зачеркнута также фамилия начальника тюрьмы). Принял он меня в тот же день. У него тоже спрашивал насчет бумаг, изъятых у меня в Ташкенте, поскольку магаданская тюрьма (Слово «тюрьма» цензурой зачеркнуто и заменено словом «Сизо») — это для меня пока последняя, распорядительная тюрьма (Слово «тюрьма» цензурой зачеркнуто и заменено словом «Сизо») и если в самом деле изъятые бумаги собирались отдавать по месту прибытия, то они должны прибыть именно в Магаданскую тюрьму (Слово «тюрьму» цензурой зачеркнуто и заменено

словом «Сизо». Далее цензурой зачеркнуто еще одно слово — по-видимому, фамилия начальника тюрьмы) ... при мне созвонился со спецчастью тюрьмы (Слово «тюрьмы» цензурой заменено на слово «Сизо») и спросил, прибыли ли вместе с моим «делом» какие-либо бумаги, книги, письма, фотографии? Оттуда ответили, что ничего такого у них нет.

Я остановился подробно на этих бумагах, ибо не исключаю того, что их (хотя бы частично) они решили возвращать не мне, а родственникам, т.е. в первую очередь тебе. Ведь, в конце концов, там были вещи в какой-то мере представляющие и материальную ценность, например, книги (в т.ч. книга букинистического характера «Русско-турецкий словарь» 1946 г. издания, роман Томаса Харди гонконгского издания на английском языке и т.п.), которые были куплены в советских магазинах, как говорится, на кровные, трудовые... Они, наверное, не будут опускаться до такого уж откровенного грабежа. Впрочем, я поинтересуюсь насчет всего этого через некоторое время еще и в лагере (Слово «лагере» зачеркнуто цензурой и заменено словом «учреж.») — может быть бумаги придут все-таки туда. Ну а если нет, то придется строчить заявления и запросы во все официальные инстанции.

Пока на этом всё. Остальное допишу в зоне.

4.08.1984 г.,

Магад. тюрьма (Слово «тюрьма» перечеркнуто цензурой и заменено на слово «Сизо»).

Вот уже три дня как я в лагере (Слово «лагере» цензурой зачеркнуто и заменено на слово «учреж.») — привезли 5 августа в середине дня. Я не дописал и не отправил тебе письмо сразу, т.к. хотел сперва определиться, осмотреться на новом месте и написать более подробно о своем «статус-кво». Но и сейчас ничего определенного о своем положении сказать не могу, ибо еще не совсем определился. На следующий день вновь прибывших в лагерь (Слово «лагерь» цензурой зачеркнуто и заменено на слово «учреж.») распределили по отрядам и на работу. Меня сперва направили в ... (номер отряда затушеван цензурой) отряд, но не успел я еще занять там койку, как пришел нарядчик колонии и сказал, что я переведен в ... отряд (номер отряда затушеван цензурой и вместо номера записано «др.»). В этом ... (номер отряда зачеркнут цензурой) отряде живут в основном люди, которые работают на территории жилой зоны лагеря (слово «лагеря» зачеркнуто цензурой и заменено на слово «учреж.») и в большинстве своем являются «общественниками», а также те, которые вообще не работают — это люди преклонного возраста и инвалиды. Поскольку я не отношусь ни к той и ни к другой категории, то, видимо, мое положение можно считать пока неопределенным. (Далее 4 строчки текста цензурой тщательно затушеваны). На распределении начальник медсанчасти говорила, что согласно записи на медицинской карточке, прибывшей вместе со мной из Ташкента, у меня язва 12-перстной, но через несколько дней они сами обследуют меня и вынесут свое медицинское заключение.

В одном из предыдущих писем я говорил, что по прибытии в лагерь (слово «лагерь» цензурой зачеркнуто и заменено на слово «учреж.») можно получить одну вещевую посылку и просил тебя приготовить для меня нижнее белье. Но, оказывается, ничего подобного — сие не положено. Посылка, независимо от того — вещевая или продуктовая — предусмотрена только по отбытии половины срока. Разрешается только получать через каждые полгода (а первую бандероль

можно получить и сразу же после прибытия) 1-килограммовые бандероли. В бандеролях можно присылать и съедобное, например, изюм, колотый орех и т.п. Вложи также пару мундштуков и курит. Трубку, но желательно советскую и попроще. Та фирменная английская трубка, которую ты передавала в Ташкенте, оказалась слишком роскошной и я не смог её довести лагеря (*Слово «лагеря» зачеркнуто цензурой и написано «учреж.»*).

Сейчас главная для меня проблема — это как бы скорее получить от тебя деньги и успеть подписаться на газеты и журналы. Поэтому, как только получишь это письмо, немедленно вышли рублей 250-300. Если будут деньги на лицевом счету, то в лагерном ларьке (*Слово «лагерном» зачеркнуто цензурой и написано «учрежд.»*) можно будет приобрести и электробритву. Пользоваться обычным станком и безопасной бритвой здесь запрещается. Да и библиотека здесь очень бедная. Поэтому придется рассчитывать в основном на бандероли наложенным платежом из книжных магазинов по собственным заказам. На английском языке в библиотеке вообще ничего нет. Кстати, попроси Сабрие, чтобы она в ташкентском магазине «книга-почтой» заказала на мой адрес подборку книг, в том числе англо-русский и русско-английский словари (как можно толще, не менее чем на 20-30 тыс. слов).

Теперь по поводу свидания. Ехать в такую даль ради пары суток свидания может быть слишком накладно, но поскольку ты в Ташкенте решительно заявила, что непременно приедешь в любой конец страны...

Лагерь расположен (*Слово «лагерь» зачеркнуто цензурой и записано «учр.»*) в приграничной полосе ... (*далее два слова цензурой затушеваны*) от Магадана и для приезда сюда требуется особое разрешение — пропуск. Отсюда посылают вызов, а ты с этим вызовом должна обратиться в соответствующий отдел МВД УзССР и получить пропуск. Но писать заявление на вызов мне необходимо лишь после того, как я точно узнаю кто и когда сможет ко мне приехать. Я писал Асану (из магаданской тюрьмы) (*Слово «тюрьмы» зачеркнуто цензурой и записано «Сизо»*), что неплохо было бы (если позволят обстоятельства и средства), чтобы и он приехал вместе с тобой. А то пускаться в столь дальнюю дорогу тебе одной, полагаю, не очень безопасно. Если тебя будет сопровождать Асан, то можно было бы взять и Хайсерчика. В общем, напиши, когда и с кем сможешь приехать на свидание, а я потом постараюсь согласовать названную. Тобой дату со здешним начальством. Можно будет прихватить с собой и теплое нижнее белье для меня. На свидании я одену на себя — надеюсь, меня не будут «вытрясать» из этой одежды во время обыска после свидания.

В письмах Мустафа-аге и Фуату из магаданской тюрьмы (*Слово «тюрьмы» зачеркнуто цензурой и заменено на слово «Сизо»*) я сообщал адреса в г.Магадане, где можно будет остановиться в случае приезда на свидание, т.к. с гостиницами здесь, говорят, очень туго. Это адреса родственников случайных знакомых-сокамерников. Они уже предупредили своих родственников о твоём возможном приезде. Аэропорт расположен в 56 км от Магадана и ... (*далее несколько слов затушеваны цензурой*) по той же дороге. Так что, если свидание предоставят сразу же в день приезда, то не будет даже необходимости заезжать в город и посещать упомянутые адреса.

(*Далее две строчки текста затушеваны цензурой*) О получении немедленно информируй меня телеграммой, ибо если в разумные сроки я не получу подтверждения о получении, то буду исходить из предположения, что письма задерживаются.

Адрес лагеря (*Слово «лагеря» зачеркнуто цензурой и заменено на слово «учрежд.»*):

685025. Магаданская обл., пос. Уптар, Учреждение АВ-261/4

Напиши подробно о делах своих, семьи, близких, друзей. Во избежание недоразумений, свои письма всегда отправляй заказными и с уведомлением о вручении (*простыми или телеграфными*).

Мне разрешается, как известно, отправлять только два письма в месяц, и второе письмо я буду обычно сохранять на конец месяца. Второе письмо я также напишу тебе, если до конца месяца успею получить от тебя ответ или хотя бы телеграмму. А получать, разумеется, можно неограниченное количество писем.

Привет всем родным и друзьям.

Крепко целую тебя и детей.

Мустафа, 8.08.1984 г.

(Подпись М. Джемилева арабским шрифтом тщательно затушевана цензурой)

Встреча в доме А.Сахарова при возвращении из Магадана по освобождению из заключения. 25 декабря 1986 г., г.Москва.

Квартира А.Сахарова. Слева направо: Е.Бонер, С.Джемилева, М.Джемилев, А.Сахаров. 25 декабря 1986 г., г.Москва.

В почетном карауле у гроба А.Сахарова. Декабрь 1989 г., г.Москва.

Азиз Ватандашлар!
 Меним оғълумнинг яшайиши
 қавшлы сизларга чоқ ридоса этем.
 Мустафанинг джанини кўртармагда
 ярдим этингиз "

Дорогие соотечественники!
 Жизнь моего сына в опасности.
 Я обращаюсь к Вам:

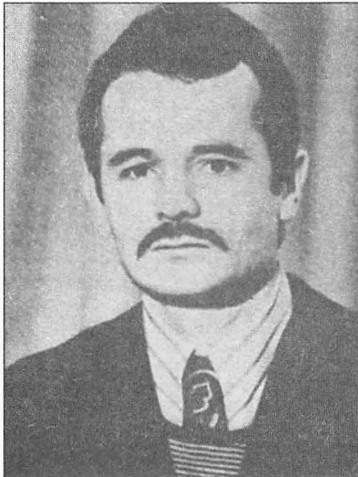
„Помогите спасти жизнь
 Мустафы!

г. Ўзбекистан Октябрьская,
 д. № 16 Мустафиева м.

М.Джемилев

Обращение матери М.Джемилева к соотечественникам в дни «Омской голодовки», распространенное фотоспособом в 1976 г.

KIRIMOGLU'NA HÜRRIYET

Фото распространялось в Турции во время последнего процесса. 1986 г.

Светлана М. Червонная, профессор

Мустафа Джемилев против Империи зла

Все, о чем повествует эта книга, было очень недавно.

Эпоха, заключенная в узкие рамки одиннадцати месяцев — от 3 июня 1983, когда тревожный ночной стук в окно дома Джемилева в поселке Янгиюль Узбекистана принес Мустафе черную весть о смерти его отца, до 3 мая 1984 года, которым датировано заседание коллегии Верховного Суда Узбекской ССР, оставившей без изменения приговор Ташкентского городского суда в отношении М. Джемилева, — эта эпоха отделена от наших дней — от смутного рассвета нового 21 века и нового тысячелетия — бездной социальных потрясений и политических преобразований.

Нет больше на картах земного шара гигантского кроваво-красного пятна, простирившего над Евразией четырехбуквенную рубленную аббревиатуру «СССР», и не гуляет над миром эхо разбойничьего свиста и звериного рычания, сливавшихся в звучании этого слова, не рассчитанного на человеческий язык. Свободно вздохнула, очистившись от явной и скрытой оккупации, Восточная Прибалтика, да и вся Восточная Европа, народы которой вернули себе достоинство и право быть гражданами независимой Литвы, независимой Латвии, независимой Эстонии, не подвластной окрикам и командам из московского Кремля Польши, Чехии, Венгрии, объединившейся Германии... Маршем позора выведены из Афганистана последние «ограниченные контингенты» советских войск, не сумевшие поставить народ этой страны на колени и не успевшие оказать свою «братскую помощь» вплоть до полного уничтожения этого народа.

Зажили своей самостоятельной — очень непростой, очень трудной жизнью ставшие новыми государствами бывшие «союзные республики», медленно разгребая мусорные завалы и расчищая заминированные зоны многовекового имперского и почти векового коммунистического наследия в своей экономике, политике, идеологии, культуре.

Все, что было, кажется дурным сном, и цитаты из обвинительной речи прокурора с выпадами в адрес «враждебных нашей стране радиостанций, таких, как «Свобода», «Немецкая волна» и «Голос Америки», и заявлениями о том, «что подсудимый Джемилев находился в тесной связи с отщепенцем нашего общества Сахаровым, с его женой Боннер и другими махровыми антисоветчиками», сегодня могут рассмешить тех, кто способен воспринимать эту грустную отечественную историю с юмором, удивить тех, кто вырос уже в иное время и не может представить себе подобного бреда всерьез, но напугать никого не могут.

«Подсудимый Джемилев», бывший узник коммунистического ГУЛАГа, ссыльный, «поднадзорный», не имеющий права свободного передвижения даже по этой несчастной стране, в очередной раз приговоренный советским судом, на этот раз к трем годам лишения свободы с отбыванием с ИТК строгого режима, обреченный тоталитарным режимом на бесследное исчезновение в «лагерной пыли», давно стал общественным и государственным деятелем мирового признания и масштаба, и его нынешний формальный и неформальный статус столь контрастно оттеняет кошмарную участь человека, уже девятимесячным ребенком обреченного — вместе со всем своим многострадальным народом — на депортацию и «вечную ссылку», бывшего советского заключенного, постоянно подозреваемого, многократно судимого, лишенного человеческих прав и в тюрьме, и на воле, что уже сам по себе этот

контраст определяет оптику нашего видения прошлого, уходящего в ту чудовищную даль, куда никогда не будет возврата.

Крымские татары, которым в те черные времена было отказано в праве не только жить, но, — как отцу Мустафы Джемилева, — даже умереть в Крыму и найти последний покой в родной земле Крымского полуострова, уже с конца 1980-х годов неудержимым массовым потоком возвращаются на свою историческую родину, и тот «национальный вопрос» крымскотатарского народа, о котором с такой издевательской иронией говорят на ташкентском судебном процессе служители советской Фемиды и с такой надеждой и отчаянием вспоминают единомышленники Мустафы, сегодня выглядит уже совершенно иначе: более четверти миллиона крымских татар, проживающих ныне в Крыму, имеют возможность стать равноправными гражданами свободной, демократической Украины.

Итак, ташкентский процесс, документы которого собраны и тщательно воспроизведены в этой книге, возвращает нас к далекой истории, напоминает о химерах античеловечного государственного режима, превратившихся в прах? Кошмар развеялся? «Следствие закончено, забудьте»?

Но что-то упрямо мешает нам снять в этих фразах вопросительные знаки.

Среди множества завоеваний и неизбежных утрат последнего десятилетия, наступившего в тот рождественский вечер 1991 года, когда первый Президент СССР Михаил Горбачев, спасая эту шестую часть мировой суши, потерпевшую катастрофу тотального крушения, от последнего взрыва и гражданской войны, добровольно сложил свои полномочия, санкционировав законный и мирный «развал» уже не существующей страны, есть одно частное обстоятельство, весьма прискорбное для многих, еще не утративших демократические идеалы россиян: Мустафа Джемилев с той поры уже не является для нас «соотечественником», гражданином «нашей» страны. Народу Украины, избравшему его депутатом своей Верховной Рады, повезло больше — он всегда может услышать с самой высокой парламентской трибуны своего государства тот самый «тихий» и спокойный голос этого человека, который приводил в такую истерическую ярость свидетелей обвинения на давнем ташкентском процессе, всегда доходил до сердца и сознания простых людей и никогда не смолкал трусливо перед несправедливостью, подлостью и силой. Этот голос никогда не звучал в Российской Государственной Думе, и в нашей вползающей в новую мрачную «распутинщину» стране все меньше остается смелых, достойных, еще не выбитых из жизни, как выбили Андрея Сахарова, еще не вытесненных в дальнюю эмиграцию, еще не обвиненных в «измене Родине», еще не оказавшихся в лефортовских застенках, которые решились бы и смогли бы, — как это сделал Мустафа в начале 1980-х годов, назвав кровавым вторжением «братскую помощь» советской военщины Афганистану, — столь же точно определить нынешнюю «антитеррористическую операцию» в Чечне, — «операцию», которая легла несмываемым пятном позора на лицо современной России. И дипломатическое ведомство Игоря Иванова, кликушествующее о «навечно наших» японских островах Курильской гряды, не особенно рискует нарваться на неожиданное сопротивление собственных сограждан, прочесть что-либо подобное письму Мустафы Джемилева в японскую радиовещательную компанию «Эн-Эйч-Кэй» от 26 октября 1981 года, а в ответ на прокурорскую угрозу считать «письмо с выражением поддержки их реваншистских требований к нашим островам... предательством по отношению к своей Родине» услышать спокойную ироническую фразу, что «в том письме,

вообще-то, нет ни слова про ваши острова». Кто сейчас в России рискнет напомнить российскому руководству про эти не наши острова?

И российские «левые» и «правые» парламентарии, голоса которых сливаются в дружном «державно-патриотическом» хоре, затеявая в 2001 году суетливую возню по «пересмотру» (фактической отмене) Закона Российской Федерации от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов», не боятся встретить в своих стенах ни серьезный отпор, ни гневный протест: нет в российской Государственной Думе Мустафы, который смог бы заступиться не только за крымских татар, но и за ингушей, выдворенных силой из Пригородного района Северной Осетии — с их родной земли, захваченной соседями после депортации ингушского народа, и за карачаевцев, которые безуспешно бьются за восстановление своей автономии, ликвидированной сталинскими приспешниками в 1943 году, и за российских немцев, которым и сегодня закрывают доступ к волжским берегам, и за месхетинских турок, которых не считают за людей ни правители Краснодарского края, ни беснующиеся армянские националисты, пытающиеся оказать свое давление на руководство Грузии. И так же, как семнадцать лет тому назад на возглас прокурора «А какое, вообще, отношение к вашему национальному вопросу имеет положение в...» — Чечне, Карачае, Краснодарском крае, в Грузии или Таджикистане, Мустафа знал бы что ответить сегодня и так же, как тогда, поставил бы на место охранников беззакония и ревнителей агрессивной политики спокойным и достойным ответом «Меня интересуют все национальные и религиозные движения в нашей стране и в мире». И если бы его снова спросили, как тогда: «А почему Вы вообще решили заняться делом Рождествова (поставим на место этой любую иную, ныне звучащую в российских судах и прокурорских кабинетах фамилию, например, русского эколога Александра Никитина, предупредившего норвежскую общественность о радиационном заражении Северного моря, или военного журналиста Григория Пасько, обвиняемого в мифическом сотрудничестве в японской разведке, десятков «лиц кавказской национальности», арестованных по подозрению в террористических актах и без суда и защиты подвергавшихся пыткам и избиениям в застенках типа чернокозовского «изолятора»), ведь он вам никем не доводится, не крымский татарин?», — наверно, Мустафа произнес бы сегодня те же слова: «Вам, действительно, трудно это понять. Дело в том, что нормальным людям свойственно реагировать на несправедливости, независимо от того, совершаются ли они против родственников, крымских татар или людей другой национальности. ... Можете расценить это как солидарность и взаимопомощь преследуемых за политические взгляды».

Не будем, однако, фантазировать. Мустафе Джемилеву больше не предстоит отвечать на вопросы российских следователей и прокуроров, вставать под звуки советского гимна, который вернула себе обезумевшая распутинская страна, и содрогаться от стыда за союз своего отечества с белорусским фюрером, скрепленный влиятельным вором в законе на посту союзного госсекретаря. Примем это как свершившийся факт счастливой судьбы Мустафы и нашего российского национального несчастья и позора. Мы — граждане разных государств. У нас разные перспективы выживания, экономического чуда, демократического преобразования, очищения от скверны, будущей интеграции в мировое и европейское цивилизованное сообщество. Но история у нас общая. Страдания одних и преступления других неразделимы линиями новых государственных границ.

Наше общее прошлое, включая и события той близкой и бесконечно далекой семнадцатилетней давности, что составляют содержание этой книги, — прошлое, в котором были такие высокие образцы героизма и мужества, о которых мы даже не подозревали, в котором нормой считалось непрерывное насилие над человеческими и национальными чувствами, стремлениями, образом мыслей и образом жизни, в котором царили, представляя государство, духовное убожество, невежество и демагогия, — требует нашего общего внимания, изучения его уроков, понимания его истоков, закономерностей, механизмов развития.

Мы слишком долго утешали свою совесть неведением, не зная тех преступлений, которые творились именем закона в советских судах и без всякого закона в тюремных изоляторах, психиатрических больницах карательного назначения, при обысках и допросах, провокациях и доносах. Мы не были сопричастны к государственным тайнам, оформленным в виде закрытых инструкций, тайных протоколов, не подлежащих публикации приложений к официальным указам, и нам долго казалось, что незнание освобождает нас от ответственности за то, что творилось не нами, без нашего согласия и не на наших глазах. Публикация подлинных исторических документов, составляющих в данном случае материалы предварительного следствия и запись судебного процесса над Мустафой Джемилевым в феврале 1984 года — шестого политического процесса в его жизни, — освобождают нас от презумпции неосведомленности. Теперь мы знаем, как это было, и поэтому несем за это ответственность — все мы, независимо от возраста, национальности, от меры личной удаленности каждого из нас от тех июньских дней 1983 года, когда завязывался узелок этой драмы, от той керченской паромной переправы, на которую не допустили крымских татар, сопровождавших тело умершего старика, спешивших похоронить его до захода солнца, от всех сопутствующих этому и последующих беззаконий, наконец, от здания Ташкентского городского суда, охраняемого милицейским конвоем, где глумились над Мустафой наши теперь уже отнюдь не безымянные сограждане. Председательствующая судья Г. Петросян, безмолвные народные заседатели Х. Алиев и К. Гукало, красноречивая старшая помощница прокурора города Ташкента Г. Умарова, следователь В. Азарян, керченский подполковник милиции Адольф Денисов, ученые литераторы — преподаватели ташкентского Института языка и литературы Б. Сарымсаков и И. Хаккулов, учававшие в качестве судебных экспертов «нехороший дух» поэмы «Бахчисарайский фонтан» турецкого поэта Шюкрю Эльчина, кандидат философских наук Р. Шейнфельд, давший заключение о «клеветническом характере» честнейших документов, — где они теперь эти «товарищи», кого допрашивают, кого судят, какие диссертации защищают, как служат президенту современного Узбекистана, как чувствуют себя на «заслуженном» отдыхе?

Это не риторические вопросы к призракам прошлого — это важнейшие вопросы к совести каждого из нас. Без ответа на них, без гражданского покаяния за прошлое нам не построить достойного будущего. Даже если мы не судили, не обвиняли, не преграждали путь мирной похоронной процессии, не доносили, не лгали, — мы все равно виноваты перед тобой, Мустафа. Своим незнанием, своим молчанием, своим доверием к преступной партии и власти, своим неумением и нежеланием услышать, как звонит над страной колокол судебных процессов — тот самый колокол, что звонил по нам, ибо это мы погибали тогда: наши души, наша гражданская совесть, наша национальная честь, память, культура, достоинство.

Неправда, что будто от человека ничего не зависит, что будто всё определяют обстоятельства, что будто во всем виновато время, что будто один в поле не воин. Если читать страницы этой книги внимательно, не пропуская поразительных деталей, можно восстановить богатейшую панораму всех нравственных императивов, всех моделей поведения, возможных и тогда, и сейчас, актуальных для любого времени. Даже послушные статисты — эксперты и свидетели обвинения, между которыми заранее были распределены их позорные роли, вели себя по-разному: и степень цинизма, и мера державного хамства, и глубина морального падения у каждого своя, и каждому нести свою ответственность — за иезуитский замысел и за выполнение преступного приказа, за садистское вдохновение и за равнодушное солдафонское исполнение «долга», за зло и за непротивление злу.

Еще более разнообразны вариации добра — робкого, пугливого, и смелого, торжествующего; дружбы, похожей на торопливое отступничество, и дружбы, проверенной на прочность испытаниями следственного кошмара и судебного ада; человеческой порядочности и принципиальности, поднимающейся выше личной выгоды или личной неприязни; родства кровного и этнического, с его доблестными проявлениями солидарности, единства и с его провалами в трусость одиночек и предательство «пятих колонн», и родства духовного людей разных национальностей, разных вероисповеданий и разных географических ареалов, которого больше всего боялись коммунистические наследники имперской стратегии, освоившие принцип «разделяй и властвуй», надеявшиеся на изоляцию крымскотатарского народа и крымскотатарского вопроса в многонациональной стране.

Понимали обвинители или нет, что именно «в сотрудничестве с этими людьми» и заключался залог справедливого решения крымскотатарского национального вопроса, который переставал быть никого не касавшимся делом одной этнической группы, становился общей проблемой и задачей международного демократического движения? Впрочем, уже неважно, чего они, действительно, не могли понять, а что отлично знали и чего особенно боялись, разыгрывая комедию непонимания. Главное в том, что сам Мустафа разработал стратегию сотрудничества с интернациональным правозащитным движением в СССР и уже в 1970-80-е годы вывел национальное движение крымских татар на международную арену.

Помнят ли об этом, делают ли из этого — хотя бы частично — правильные выводы для себя изолированные от большого мира, задавленные свалившимися на них национальными бедами, растерявшиеся от собственного одиночества и обидевшиеся на всех, кто их не поддержал или не услышал, лидеры современных национальных движений чеченского, ингушского, карачаевского, балкарского, нагайского, лезгинского и многих других народов России? Услышат ли наши кавказские соотечественники, блокированные железным кольцом дезинформации, умело провоцируемые российской пропагандой и уже практически доведенные до губительного для них безумия американофобии и антисемитизма, как старательно подбрасывали организаторы ташкентского процесса и крымским татарам эту отравленную приманку, как рассчитывали объединить людей, ошалевших от многолетнего идеологического зомбирования, ненавистью к «растленному Западу» и к «американскому империализму», и как достойно отвечал Мустафа Джемилев невежам и провокаторам, по сути отвечал одновременно и Западу, и Востоку (Следователь: «Крымскотатарский народ не идет за вами и не принимает ваших концепций. В реальности помощи Запада усомнился даже ближайший ваш единомышленник Аблаев Решат... Почему вы так упорно стараетесь создать у

татар иллюзию о «помощи» Запада?». Джемилев: «Я никогда не старался создать иллюзию того, что Запад много помогает решению крымского вопроса. Наоборот, я считаю, что эта помощь очень незначительна»). Отличат ли наши современники самоубийственные для их народов ненависть к придуманным врагам и страх перед «тлетворным влиянием Запада» от строгого и точного анализа и приговора: помощь цивилизованного Запада нам крайне нужна, но, к сожалению, «эта помощь очень незначительна». Как тогда, так и сейчас. В советском Крыму без крымских татар, в разрушенном, ограбленном и оккупированном Грозном уже почти без чеченцев. Задумаются ли несчастные люди, живущие и погибающие сегодня с единственной молитвой, вознесенной к Аллаху, с единственной духовной максимой «Аллах акбар!», отчего чистейший и честнейший мусульманин сын Абдулджемиля Мустафы-оглу Мустафа Джемилев-оглу, верный религиозному долгу и обычаю, был так внимателен и чуток к делам гонимых советским режимом и официальным православием христианских сектантов, может быть, тех самых «адвентистов седьмого дня» или «последователей Иеговы», которых и в наши дни проклинают с церковных амвонов послушные приказам московской патриархии попы, притесняют чиновники российских губернний, запрещая регистрацию их общин.

Не будем надеяться на чудо.

Обратимся еще раз к реалиям ташкентского процесса, к урокам истории, которые имеют прямое отношение к современности. Присмотримся внимательно к тому, как вели себя разные люди — на следствии, на процессе, вокруг него. Вспомним, как это было. Как ломали слабых, как обманывали доверчивых, как опутывали паутиной доносов подозреваемых. Как пугали людей и как пугались они сами — своих слов, своей национальности, своей веры, правды, дружбы, кровного родства. И как непобедима, несгибаема, не пробиваема ложью, не разъедаема страхом оставалась человеческая порядочность, как крепла единая народная воля, формировалось национальное достоинство.

Вот стоит перед судом пожилой человек, пенсионер, член Союза писателей СССР, крымский татарин, когда-то родившийся в Карасубазаре, когда-то работавший в радиокомитете Крымской АССР и в редакции газеты «Сталин Байрагы», уже давно смирившийся со всем, что случилось («Ну, эта газета отправлялась на фронт, а мы, значит, сюда»), уже предавший десяток своих соотечественников на предварительном следствии, перечисливший все известные ему имена сотрудников редакций газеты «Азат Крым» и журнала «Ана Юрт» военного времени и даже не забывший их родственников («Брат Муединова Мемета — Рустем в настоящее время проживает в городе Янгиюле»), охваченный лихорадкой страха, и перед началом допроса на бесцеремонное повелительное распоряжение судьи «Будете говорить на русском языке!» подобострастно отвечает «Пожалуйста». Крошечный, формальный эпизод судебного процесса. Но за этим лакейским «Пожалуйста» раскрывается та незаметная, но уже необратимая деградация творческой личности, человеческого достоинства, которая погубит и характер, и талант. И ни малейшего следа не останется ни в крымскотатарской литературе, ни в истории национальной культуры от имени этого человека — ничего, кроме нескольких грязных страниц в материалах предварительного следствия и судебного процесса, которые со стыдом прочитают его дети и внуки.

И еще один эпизод, на этот раз предварительного следствия. Энергичный следователь В.А.Азарян допрашивает 26-летнюю крымскую татарку, работающую балетмейстером в местном доме культуры. Она является в какой-то мере участницей

крымскотатарского национального движения и даже подписывала обращение в Организацию Исламская Конференция по поводу беззаконий властей на похоронах отца М.Джемилева. Но на вопрос следователя, действительно ли она подписывала этот документ, молодая женщина, быстро сообразив, что в зависимости от своих показаний, она может из «свидетеля» превратиться в обвиняемую, поспешно отрекается от обращения и занимает угодную карателям позицию: «Лично мне никто этот документ не показывал, с содержанием его не знакомил и не спрашивал моего разрешения поставить под ним мою фамилию... Конкретно этот документ я не стала бы подписывать из-за того, что он адресован зарубежной организации...» В несвойственной для мусульманских обычаев манере она отвечает в том же духе и за своего мужа, не оставляя тем самым и для него путей для более достойного поведения: «Мой муж, также как и я, об этом документе ничего не знал и никто у него не спрашивал согласие поставить его фамилию под этим документом...» Ясное дело, надо спасать себя, свое семейное благополучие, но а как подобные показания могут отразиться на судьбе Мустафы, который, как видно из захваченных при обысках и приобретенных к уголовному делу личных писем, относился к ней почти как к родной сестренке, как подобные показания могут, наконец, отразиться на престиже Национального движения — всё это уже её, похоже, не волнует. Надо спасать себя!

Эта книга была бы очень печальна, если бы подобных эпизодов в ней было много. Но их мало. Для того времени, для темного провала отечественной истории в андроповско-черненкоковский маразм, в особо беспощадный своими судебными и внесудебными расправами среднеазиатский рабовладельческий социализм, таких эпизодов здесь даже поразительно, слишком мало. Зато примеров человеческого мужества много. И каждое слово правды, верности общему делу, дружеской поддержки подсудимому, протеста против судебно-следственных издевательств, а порою даже не слово — само присутствие в зале, куда не пускали и откуда по малейшему поводу и без повода выводили крымских татар, те самые «возгласы возмущения», на которые судья отзывалась требованием «прекратить шум в зале» и угрозами «вывести всех», а порою «смех и аплодисменты», скупой отмеченные в ремарках записи судебного заседания, которыми слушатели отзывались на блистательные иронические реплики, вопросы и аргументы защиты (отказавшись от профессиональных адвокатов, свою защиту на этом процессе Мустафа Джемилев вел сам от начала и до конца), — все это было непросто в той экстремальной ситуации, опасно для каждого в отдельности, грозило не только карьере и благополучию, но даже элементарной свободе каждого, кто в любой момент мог превратиться из слушателя в тут же взятого под стражу «нарушителя общественного порядка». Это было страшно. Но люди не боялись. Суду и следствию, мечтавшему любой ценой получить материалы, компрометирующие и унижающие Мустафу Джемилева, говорили о нем: «Я знаю его как очень хорошего, порядочного человека. Он является активным деятелем нашего национального движения и никаких законов не нарушает. Я считаю, что его судят за то, что он добивался возвращения нашего народа на свою Родину» (показания Решата Аблаева), подтверждали правдивость слов подсудимого, брали ответственность на себя (на вопрос судьи «А кто вообще в основном занимался вопросами похорон?» Анафи Джемилев отвечает: «Мы все, дети покойного, занимались этим вопросом»), не отрекались от направленного в Организацию Исламская Конференция обращения («Да, именно это обращение было составлено нами, так как были грубо пограны

наши мусульманские обычаи... Я готов подписать любые документы, направленные на восстановление крымскотатарской автономии и конституционных прав...», — говорит на следствии Амет Асанов. «Как писался этот документ, когда и при каких обстоятельствах, как собирались подписи и как он отправлен адресату, я отказываюсь отвечать. Но этот документ я читал, подписывал и готов подписать сейчас», — заявляет Ильми Аметов). Разоблачали ложь должностных лиц и методы следствия (Сабрие Сеутова: «Я считаю, что следователь поступал незаконно, раз он угрожал и требовал подписать то, чего я не говорила..., оскорбил и под угрозой требовал от меня нужные для него ответы»). Люди говорили правду, соотечественники и единомышленники были рядом с Мустафой, и та моральная победа, которой окончился его ташкентский процесс (ведь не тремя годами заключения, а торжеством правого дела, простирающимся на десятилетия вперед, измеряются его конечные результаты), была общей победой Мустафы и его народа. Человека, посвятившего свою жизнь делу борьбы за восстановление поправных прав своего народа, и крымских татар, которые обрели в его лице своего национального героя, вождя, политического лидера.

Через несколько лет он выйдет на свободу Андрей Сахаров, которого М.С Горбачев пригласит в Москву из горьковской ссылки, и который первым условием своего возвращения поставит немедленное освобождение своих ближайших друзей и единомышленников, в их числе и Мустафы Джемилева. Поселок Янгиюль по месту его жительства (поднадзорного существования) станет стартовой площадкой тех решающих событий, которые переломили историческую судьбу крымских татар: отсюда руководил Мустафа московскими демонстрациями 1987 года, которые увидел весь потрясенный мир, здесь собиралась Центральная Инициативная Группа, здесь была создана в 1989 году ОКНД — Организация крымскотатарского национального движения, возглавив которую Мустафа перенес центр и основной плацдарм дальнейшей политической борьбы в Крым и уже очень скоро вывел свой народ из мертвых песков «вечной ссылки», вернул его на Родину, для крымских татар обетованную землю.

Все это буде потом — уже скоро. И созыв в июне 1991 года Второго Курултая крымскотатарского народа, на котором будет сформирован национальный Меджлис и Мустафа будет избран его Председателем, и смертельная угроза, нависшая над Меджлисом в дни августовского путча, и первая победа украинской демократии на референдуме и президентских выборах 1 декабря 1991 года. Победа, осуществленная в значительной мере с помощью крымских татар, впервые отказавшихся от тактики бойкота, благодаря принятому Меджлисом крымскотатарского народа решению призвать соотечественников придти на референдум и проголосовать за независимость Украины: их голоса перетянули еще колеблющуюся в Крыму чашу весов, и таким образом в Украине не оказалось ни одной области, население которой ответило бы «нет» на вопрос о независимости Украины. Впереди еще будут и мучительная борьба за каждую пядь родной земли, за каждый земельный участок для крымских татар, который будет вырывать Меджлис у упорно сопротивляющейся крымской администрации, и первые крымскотатарские новострои, и попытки их разгрома (Дегирменкой 1989-го, «Молодежное» 1990-го, «Красный рай» 1992 года), и отступление реакции, вынужденной считаться и с правами, и с присутствием на своей исторической Родине крымских татар.

Бросив вызов империи зла, всемогущей и гигантской еще полтора десятилетия тому назад и до сих пор еще взрывающейся своими последними минами, способной и ранить и убить своими ржавыми осколками, Мустафа Джемилев вышел победителем из этой войны. Но разделяя с ним сегодня эту радость победы, не забудем прошлого. Оглянемся назад и отдадим должное и тем страданиям, которые пришлось ему испытать полной чашей, и тем титаническим духовным усилиям, которые ему понадобились для борьбы и победы, и тем испытаниям, чья тяжесть ложилась на него одного — и ничье участие не могло ее облегчить, и той личной доблести, в которой не было ему равных, и тому искусству — силе интеллекта, широте исторической и юридической эрудиции, спокойствию, достоинству, несокрушимой логике и блистательной иронии, с какими он вел этот процесс. Именно он, а не судья с первого дня и часа взял его в свои руки, твердо заявив: «По вашему сценарию здесь не будет». И он учил своих судей, а не они его («Коль скоро вы взялись председательствовать на процессе по политической статье, а не над карманником, будьте любезны не обращаться с законом так произвольно»), и он уличал в мелком мошенничестве и крупном невежестве своих обвинителей и подставных свидетелей, подвергал подонков публичной экзекуции и отпускал за ненадобностью («Можете идти!») под визг судьи «Вы не распоряжайтесь!». Он распоряжался. И своей судьбой, и отечественной историей.

Сегодня многие прочтут эти страницы давнего судебного процесса с удовольствием, радуясь превосходству обвиняемого над обвинителями, не скрывая и своей улыбки, и своей насмешки над теми, кого Мустафа так ловко умел посадить в лужу». Но мы-то сегодня можем смеяться, ничем не рискуя, и следить за этим увлекательным поединком на безопасном для себя историческом расстоянии. А каково было ему тогда? Просто находиться в зале, на три четверти заполненном военными и штатскими чинами разного пола, собранными специально для того, чтобы своим молчаливым гневом, ледяным равнодушием или организованными в нужных местах усмешками и аплодисментами выбить подсудимого из колеи. Дождаться (не спросим, после какого тюремного завтрака или обеда), пока судьи вернуться с затянувшегося на любой — и не один — час обеденного перерыва и, не извинившись за опоздание, возобновят процесс или прервут его по своей прихоти. Терпеть, как грязные чужие руки вновь и вновь мусолят его переписку с друзьями, с дочерью, выслушивать цитаты из мерзких пасквилей, затрагивающих его честь мужчины. Держать в памяти тысячи страниц судебного дела, помнить все его противоречия, все нарушенные в ходе следствия статьи уголовного кодекса и законы. Не имея возможности вести записи, точно помнить все необходимое и говорить без шпаргалок и заготовленных текстов так, как он говорил. Раскалять своими насмешками до белой ярости судью, следователей, обвинителей, отлично зная, чем придется за это заплатить — какими годами своей жизни, записанными в тексте судебного приговора, какими часами тюремного заключения.

Он все это выдержал. Он смог. Он победил.

Закрыв эту книгу, мы должны ответить вопросы, которые она задает нам: а на что способны мы, если сегодня, если завтра?...

Или ничего подобного никогда не повторится?

Для граждан России эти вопросы — не риторические.

ПУБЛИКАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ШЕСТЫМ ПРОЦЕССОМ М. ДЖЕМИЛЕВА
(Список материалов, имеющих в архиве Меджлиса крымскотатарского народа)

Зарубежная пресса на русском языке:

1. «Новый арест Мустафы Джемилева».
«Вести из СССР — права человека» (г. Мюнхен), № 1-2, 31.01.1984 г., с.1-2.
2. Сообщение № 4-3 (О приговоре по делу М.Джемилева).
«Вести из СССР — права человека» (г. Мюнхен), № 4, 29.02.1984 г., с.2.
3. Мустафа Джемилев — Последнее слово. (Документ № 5453).
«Материалы Самиздата» (Мюнхен), Выпуск № 20/85, 10 июня 1985 г.
3. Сборник «Шестой процесс (Дело № 25050)». (Защитительная речь Мустафы Джемилева в Ташгорсуде 15.04.1984 г.) (Документ № 5475).
«Материалы Самиздата» (Мюнхен), Выпуск № 24/85, 19 июля 1985 г.
4. «О чем темнит «Вечерний Ташкент». Открытое письмо М.Джемилева от 4.05.1979 г.
«Архив Самиздата» (Мюнхен), № 3884.
5. Обращение М.Джемилева Генеральному прокурору СССР от 19.08.1982 г.
«Архив Самиздата» (Мюнхен), № 4909.
6. «Заявление об отказе от Советского гражданства» М.Джемилева от 22.01.1979 г.
«Архив Самиздата» (Мюнхен), № 3528.
7. Обращение 25-ти крымских татар в Организацию Исламская Конференция, июнь 1983 г.
«Архив Самиздата» (Мюнхен), № 5036.
8. «Глумление над национальными чувствами» (Письмо 25 крымских татар).
«Форум» (Мюнхен), № 5, 1983 г., с.107-113.
9. «Суд над Мустафой Джемилевым. Вести из СССР».
«Страна и мир» (ФРГ), № 1-2, 1994 г., с.27-28.
10. Ричард Шифтер «Что происходит с теми, кто выступает в защиту прав наций».
«Форум» (Мюнхен), № 12, 1985 г., с.52-58.

На английском языке:

1. Edward Allworth, editor «Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival».
Durham and London, Duke University Press, 1988, 396 p., pp.287-341.
2. «Mustafa Dzhemilev and the Crimean Tatars. Story of a Man and His People. Facts, Documents, How to Help» by Ayshe Seytmuratova.
New York, The Center for Democracy, 24 p.
- 3.«Crimean Tatars versus the Soviet State».
«Impact International»(London), 24.08-13.09.1984, p.5-6.

На турецком языке:

1. «Mustafa Abdülcemil Kırımoğlu'nun babası Abdülcemil Mustafayev vefat etti». *«Emel», Temmuz-Agustos, 1983, Sayı 137, s.27.*
2. Dr.Nadir Devlet «Kırım Türkleri İslam Konferansı teşkilatına müracaat ettiler: Sovyet yöneticilerin keyfi hareketlerin yeni bir örneği». *«Emel», Kasım-Aralık, 1983, Sayı: 139, s.8-14.*
3. Dr.Nadir Devlet «Mustafa Abdülcemil Kırımoğlu altıncı defa mahküm edildi». *«Emel», Mart-Aralık 1984, Sayı: 141-145, s.41-44.*
4. Zinaida M.Grigorenko «Mustafa Cemilev altı aylık iken siyasi mahpus olmuştur». *«Emel», Mart-Aralık 1984, Sayı: 141-145, s.36-40.*
5. Prof. Dr. Fahir Armaoğlu «Kırım Türkü'nün çilesi». *«Tercüman», 18 Şubat 1984. «Emel», Mart-Aralık 1984, Sayı: 141-145, s.112-113.*
6. «Kırım Türkleri'nin lideri Cemiloğlu mahküm edildi». *«Tercüman», 14 Mart 1984.*
7. Sürgün Kırım Türklerinin Liderini Sovyetler 2,5 Yıl Hapse Mahküm Etti». *«Tercüman», 17 Mayıs 1984.*
8. «Hürriyet Radyosu Mustafa Abdülcemil Kırımoğlu'nun son mahkûmiyetinde soylediği sözleri yayınladı». *«Emel», Temmuz-Agustos, 1985, s.45-46.*
9. «Mustafa Abdülcemil Kırımoğlu'nun Taşgorsut'daki muhakemesinde 15 Şubat 1984 günü yaptığı savunma konuşması». *«Emel», Kasım-Aralık, 1985, Sayı: 151, s.4-43.*
10. Mustafa Abdülcemil Kırımoğlu «Son söz». *«Emel», Ocak-Şubat, 1986, Sayı: 152, s. 7-9.*
11. Bilal Koçak «Hürriyete susayan kahraman. Cemiloğlu'nun Taşgorsut savunması». *«Yeni Haber», 23 Kasım 1986, 24 Kasım 1986, 25 Kasım 1986.*

Советская пресса:

- 1.Р.Валиев «Отщепенец, или кому служил клеветник». *«Правда Востока» (г.Ташкент), 17 февраля 1984 г.*
(То же на узбекском языке в газете «Совет Узбекистони» от 17 февраля 1984 г.)
- 2.Р.Валиев «Халкътан айрылган, я да ифтираджи кимге хизмет эте эди». *«Лешин байрагы» (Ташкент), 18 февраль 1984 с.*
- 3.Кадыр Алимов «Истоки клеветы». *Ташкент, «Ёш гвардия», 1985 г., 144 с., с.40-42.*
- 4.«Отповедь отщепенцу. Обзор редакционной почты». *«Правда Востока», № 92(20471), 28 апреля 1984 г., с.4*

Публикации в самиздатовском “Информационном Бюллетене Инициативной группы крымских татар имени Мусы Мамута”

1. Обзор событий.
1983 г., № 1, с. 1-6.
2. «Похороны Мустафаева Абдулджемиля».
1983 г., № 2, август, с.9-12
3. «Допросы Мустафы Джемилева».
1983 г., № 3, Октябрь, с.2-3
4. «Возбуждение очередного уголовного дела против Джемилева Мустафы. Новые обыски в Узбекистане».
1983 г., № 2, август, с.28-31.
5. «Арест Мустафы Джемилева».
1983 г., № 4, декабрь 1983 г., с.2
6. «Телеграмма активистов НДКТ Сафинар Джемилевой в связи с арестом её мужа М.Джемилева».
1983 г., № 4, декабрь 1983 г., с.3.
7. Письмо С.Джемилевой в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС К.У.Черненко в связи с арестом М.Джемилева.
1983 г., № 4, декабрь 1983 г., с.3-7.
8. «Защитительная речь Мустафы Джемилева».
1984 г., № 1(5), январь-февраль.
9. «Последнее слово Мустафы Джемилева».
1984 г., № 1(5), январь-февраль.
10. «Протесты общественности в связи с процессом М.Джемилева».
1984 г., № 1(5), январь-февраль.
11. «Очередная клевета в советской прессе на Мустафу Джемилева».
1984 г., № 3(7), май-июнь, с.2-3.
12. «Известия о видном деятеле НДКТ Мустафе Джемилеве, находящемся в заключении».
1985 г., № 1(11), с.3-10.

Мустафа Джемилев

(Биографическая справка)

Родился 13 ноября 1943 г. в Крыму.

18 мая 1944 г. вместе со всеми крымскими татарами семья М.Джемилева была депортирована из Крыма, проживала до 1955 года под гласным административным надзором органов в Андижанской области Узбекской ССР. После смерти Сталина и снятия некоторых ограничений в передвижении для крымских татар семья переехала «по вербовке рабочей силы» в другой узбекский город Ангрен, а еще через год — в г. Мирзачуль (позже переименованный в г. Гулистан), где в 1959 г. М.Джемилев окончил среднюю школу. После школы пытался поступить на восточный факультет Среднеазиатского государственного университета в г.Ташкенте, но ему открыто было заявлено, что на этот факультет крымских татар не принимают. В течение последующих двух лет работал в Мирзачульском ремонтно-механическом заводе слесарем, токарем, электрослесарем, затем переехал в г.Ташкент, где работал токарем на авиационном заводе.

В конце 1961 года принял участие в учреждении нелегальной молодежно-студенческой политической организации «Союз крымскотатарской молодежи», где был руководителем «исторического отдела». После разгрома организации и ареста её руководителей по обвинению в «антисоветской деятельности» был уволен с работы на заводе и взят под надзор КГБ.

В 1962 году поступил на гидромелиоративный факультет Ташкентского ирригационного института, но был отчислен в 1965 году по обвинению, что придерживается националистических и антисоветских взглядов, извращенно трактует «мудрое решение партии и правительства» о выселении крымских татар из Крыма в 1944 году и отрицательно влияет на окружающих его студентов. Напомнили ему и участие в организации «Союз крымскотатарской молодежи», но основным пунктом обвинения, послужившим поводом для исключения из института, была распространённая среди студентов рукопись М.Джемилева «Краткий исторический очерк тюркской культуры в Крыму в XIII-XVIII в.в.», который был расценен сотрудниками КГБ как националистический.

В мае 1966 г. осужден на полтора года лишения свободы по обвинению в отказе от службы в рядах советской армии. Незадолго до окончания срока заключения М.Джемилев и другой находившийся в том же лагере в пригороде Ташкента крымскотатарский политзаключенный Леннар Тызыкков были заключены в штрафной изолятор по обвинению в проведении антисоветской пропаганды среди заключенных. Прибывшие в лагерь сотрудники госбезопасности добивались, чтобы они написали отречения от своих политических взглядов, угрожая в противном случае продлить им сроки заключения. Домогательства были приостановлены после объявленной ими голодовки протеста.

После освобождения из заключения в ноябре 1967 года М.Джемилев установил контакты с участниками зарождавшегося в Москве правозащитного движения, с аккредитованными в Москве западными корреспондентами, прилагал усилия по информированию мировой общественности о проблеме крымских татар, подписывал совместно с другими правозащитниками документы против преследования инакомыслящих, против оккупации в 1968 году советскими войсками Чехословакии и др.

В мае 1969 г., после ареста известного советского правозащитника генерала П.Г.Григоренко, совместно с другими наиболее известными в стране 14-ю правозащитниками стал учредителем «Инициативной группы защиты прав человека в СССР».

Повторно был арестован в сентябре 1969 г. Дело против М.Джемилева по обвинению в «составлении и распространении документов, порочащих советский государственный и общественный строй» было объединено с «делами» против арестованных в мае того же года П.Григоренко и московского поэта-диссидента Ильи Габая. Однако в ходе следствия П.Григоренко по решению органов был признан психически невменяемым и отправлен на 5 лет в спецпсихлечебницу МВД, а М.Джемилев и И.Габай Ташкентским городским судом были приговорены к 3 годам лишения свободы каждый. В своем последнем слове на этом процессе М.Джемилев в знак протеста против грубого нарушения прав человека в СССР объявил 30-дневную политическую голодовку, которую держал в Ташкентском следственном изоляторе.

После голодовки, совместно с И.Габаем был этапирован в московскую тюрьму «Лефортово», где была предпринята попытка инкриминировать им «измену родине» по обвинению в размножении и распространении секретной инструкции КГБ по вербовке и работе с осведомителями, которая была обнаружена при обыске на квартире И.Габая. Однако, за не доказанностью обвинения, через 4 месяца следствия дело было прекращено. Для отбытия трехлетнего заключения М.Джемилев был отправлен в лагерь Узбекистана, а И.Габай - в Кемеровскую область.

После отбытия срока заключения И.Габай покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своей квартиры в Москве на 11-ом этаже.

М.Джемилев освобожден из заключения в сентябре 1972 г. и, как «не вставший на путь исправления» проживал под гласным административным надзором в г.Гулистане, работал инженером в совхозе.

Арестован в третий раз в июне 1974 г. и приговорен к 1 году лишения свободы с отбытием в лагерях строгого режима по обвинению в уклонении от призыва на военные сборы. Как стало известно позже, действительной причиной ареста на этот раз были имеющиеся в КГБ «оперативные сведения» о якобы намерении М.Джемилева выехать в Москву для передачи прибывающему с визитом президенту США Р.Никсону петиции о проблеме крымских татар.

Срок заключения отбывал в лагере строгого режима в Омской области. За три дня до окончания срока заключения против М.Джемилева было возбуждено новое уголовное дело по обвинению в составлении документов, порочащих советский государственный строй и проведении среди заключенных антигосударственной пропаганды, переведен в Омскую следственную тюрьму. В знак протеста М.Джемилев объявил голодовку, которая при принудительном кормлении через зонд продолжалась 303 дня. Именно в этот период, благодаря развернувшейся в мире кампании в его защиту, имя М.Джемилева стало широко известным за пределами СССР.

В апреле 1976 года М.Джемилев на закрытом судебном процессе был приговорен Омским областным судом к двум с половиной годам лишения свободы в лагерях строгого режима. На процесс не были допущены и специально прибывшие из Москвы академик А.Д.Сахаров и его супруга Е.Г.Боннер. Для отбытия срока был отправлен на Дальний Восток, в приграничный лагерь строгого режима «Приморский».

За месяц до окончания срока лагерной администрацией была предпринята попытка сфабриковать новое «дело», но после 15-дневной голодовки протеста М.Джемилев

был спецэтапом конвоирован в Ташкент и освобожден в декабре 1977 года под гласный административный надзор МВД.

В феврале 1979 года был арестован по обвинению в злостном нарушении правил гласного административного надзора и приговорен к полутора годам лишения свободы с заменой на 4-летний срок ссылки в Якутию. Процесс также был закрытым. На процесс не были допущены ни родственники, ни прибывший из Москвы академик А.Д.Сахаров.

По отбытию срока ссылки в Якутии выехал с супругой и ребенком в Крым, но через три дня вместе с семьей был выдворен из Крыма и поселен под гласный административный надзор МВД в г.Янгиюле Ташкентской области. Работал слесарем, разнорабочим. Весной 1983 г. основал и начал издавать нелегальный «Информационный Бюллетень Инициативной группы крымских татар им. Мусы Мамута».

В ноябре 1983 года арестован в 6-ой раз и приговорен Ташкентским областным судом к трем годам лишения свободы в лагерях строгого режима по обвинению в «составлении и распространении документов, порочащих советский государственный строй и его политическую систему», а также в организации массовых беспорядков при попытке похоронить своего отца на территории Крыма. Срок заключения отбывал в лагере «Уптар» Магаданской области РСФСР.

Перед окончанием срока заключения против М.Джемилева было возбуждено новое уголовное дело по «андроповской» статье 188-1 УК РСФСР («Злостное неподчинение законным требованиям администрации мест лишения свободы»), переведен в следственную тюрьму г.Магадана. Однако, благодаря развернувшейся в мире широкой кампании в защиту советских политзаключенных и некоторому изменению политического курса советского руководства, в это время в СССР уже начался процесс освобождения политзаключенных. На закрытом лагерном процессе в п.Уптар Магаданской области в декабре 1986 года М.Джемилев был признан виновным по статье 188-1 УК РСФСР, но вынесенный приговор не предусматривал продолжение заключения. Он был приговорен к 3 годам лишения свободы условно с 5-летним испытательным сроком и освобожден из зала суда.

В апреле 1987 года на первом Всесоюзном съезде активистов крымскотатарского национального движения был избран в число 15-ти членов Центральной Инициативной Группы Национального движения крымских татар. Выпускал полулегальный ежемесячник «Вестник Национального движения крымских татар».

В мае 1989 г. на очередном Всесоюзном съезде активистов крымскотатарского национального движения была учреждена «Организация Крымскотатарского Национального Движения» (ОКНД) и М.Джемилев был избран председателем Центрального Совета этой организации. В том же году переехал с семьей в Крым и поселился в г.Бахчисарае.

В июне 1991 года на созванном впервые после 1917 года Национальном съезде свободно избранных представителей крымских татар, названном Вторым Курултаем крымскотатарского народа, избран председателем Меджлиса - единого высшего представительного органа крымских татар. В 1996 году на Третьем Курултае крымскотатарского народа переизбран председателем Меджлиса на второй 5-летний срок.

В марте 1998 года по партийному списку Народного Руха Украины избран депутатом украинского парламента, является членом Комитета Верховной Рады Украины по правам человека, национальным меньшинствам и межнациональным отношениям.

Правозащитная и политическая деятельность М.Джемилева отмечена многими наградами и почетными званиями, в том числе международных организаций.

М.Джемилеву присуждено звание почетного члена Организации турецкой интеллигенции (11.02.1992 г., г.Стамбул), почетного доктора наук Сельджукского университета в области политологии и социологии (Турция, г.Конья, 10.05.1996 г.), почетного доктора наук Высшего Технологического института г.Гебзе в области организации и управления (Турция, 5.02.1998 г.).

8 ноября 1995 года М.Джемилеву присуждена учрежденная муниципалитетом г.Измира (Турция) международная премия в области прав человека. В соответствии с правилами присуждения этой премии, имя М.Джемилева выгравировано на специальной стелле в Парке Прав Человека в Измире, а также вывешен на постоянно национальный флаг крымских татар.

Решениями муниципалитетов г.Кастамону (28.08.1995 г.) и г.Кырыккале (17.05.1996 г.) М.Джемилев стал почетным гражданином этих турецких городов. Именем Мустафы Джемилева названы парк в г.Анкаре, улицы в г.Анкаре, г.Сунгурлу и некоторых других турецких городах, лекционный зал в Сельджукском университете и библиотека Университета Кырыккале.

Несколько раз кандидатура М.Джемилева выдвигалась различными общественными и правозащитными организациями на соискание Нобелевской премии мира.

В 1998 году М.Джемилеву за правозащитную деятельность присуждена ежегодная премия Управления Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев имени Ф.Нансена. Полученная премия (100 тыс. долларов) была использована М.Джемилевым на строительство в Крыму двух национальных культурных центров, детского дошкольного центра и выплату ежемесячных стипендий студентам вузов.

Указом Президента Украины от 21 августа 2001 г. он награжден орденом Князя Ярослава Мудрого.

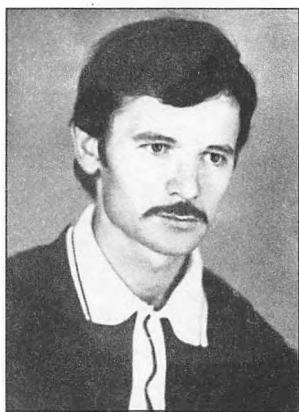
Выпускник 10-го класса
средней школы. Июнь 1959 г.
15 лет, г.Мирзачуль.

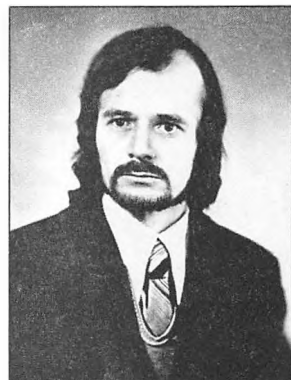
1968 г. 25 лет, г.Ташкент.

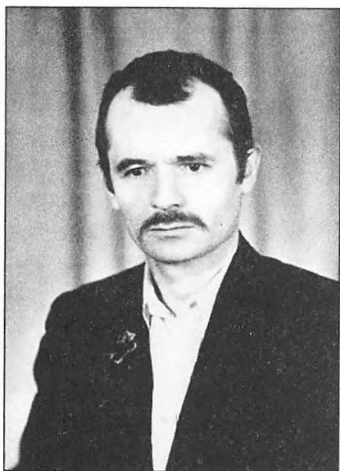
Член подпольной организации
«Союз крымскотатарской молодежи».
1968 г. 17 лет, г.Ташкент.

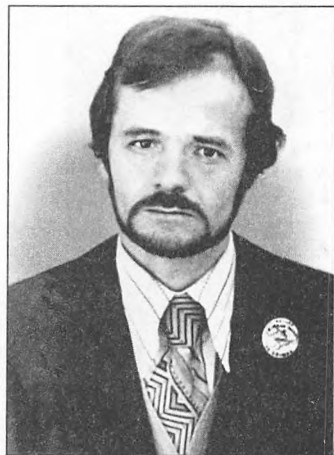
Незадолго до третьего
ареста. 23 июля 1973 г. 30 лет,
г.Гулистан.

Незадолго до 5-го ареста.
Январь 1979 г., г.Ташкент.

Через два месяца после освобождения из Магаданской тюрьмы. 1987 г., г.Янгиюль.

М.Джемилев после избрания председателем ОКНД. 1989 г.

Открытие 1-ой сессии III Курултая крымскотатарского народа. Июнь, 1996 г.

М.Джемилев — депутат Верховной Рады Украины. г.Симферополь, 2001 г.

Именной указатель

- Абдуджаббаров А.** 71
Абдуллаев Икмет 5, 6, 1, 126, 229, 231, 315, 457
Абдуллаева Гулизар 82, 230
Абдуллаева Зекие 43, 79
Абдумовлянов 56
Абдуразакова 22, 23
Аблаев Ремзи 63, 126
Аблаев Решат 6, 7, 23-25, 38, 39, 57, 72, 86, 88, 90, 121, 242, 244, 253, 255, 278, 281, 302, 325, 327, 339-341, 362-364, 373, 375, 438-440, 455, 475, 479
Аблаев Энвер 23, 24, 98
Аблязизов Диялвер 6, 38, 242, 243, 321, 337, 338, 341
Абляй Февзи 259
Аблямитов Фуат 3, 4, 6, 21-24, 50, 69, 85, 86, 98, 169, 174, 175, 179, 181, 183, 188, 258, 272, 307, 412, 456, 465, 469
Авров Илья 46, 48
Агатов-Петров А. 32, 328, 374, 425
Аджи-Гирей 50
Аджи-оглу М.А. 84
Азаматов Сервер 126
Азаматова Ава 5, 34, 54, 56, 60, 69, 126, 200, 203, 204, 227, 229, 288, 299, 316, 324, 377
Азаматова Афизе 56, 92
Азарян В. А.3, 12, 17, 18, 21-31, 34, 36-38, 46, 48-54, 57, 58, 60-64, 69, 70-72, 85-88, 92-94, 96, 98-100, 104, 107, 110, 210-212, 214, 217, 218, 223-225, 227, 228, 231-235, 237-243, 247, 252, 253, 255-261, 270, 273, 274, 281, 285, 289, 320, 322, 364, 376, 377, 401, 466, 467, 476, 478
Азляров А. 85
Акимов Джеппар 5, 34, 54, 56, 91, 122, 195, 248, 277, 282, 299, 364
Акула 132
Акчокраклы Осман 81
Александров Г.М. 4-6, 21-24, 27, 30, 42, 81, 85-87, 91, 92, 176, 194, 197, 198, 201, 259, 266-269, 289, 301, 327, 364, 374, 411, 431, 443, 455
Александров М.П. 194
Али Мухаммед 81
Алиджанов 325
Алиев Х. 324, 451, 476
Алимов Кадыр 483
Алтунян Генрих 121
Алядинов Шамиль 3, 6, 25, 34-50, 93, 94, 204, 257, 259, 321, 401, 428, 436
Альендо С. 298
Аметов Ильми 6, 42, 63, 126, 238, 315, 328, 374, 401, 458, 480
Амин 444
Андропов Ю.В. 21, 133, 200, 201, 268-280, 415, 431
Аносов Ю.И. 57
Антонян А.О. 67
Аппазова Гульнар 79, 80
Аппазова Зарема 83
Армаогьлу Фахир 483
Артемов 19
Асанов Амет 5, 62, 126, 235, 237, 315, 322, 401, 402, 480
Атасай А. 277
Ахмедов А. 141
Ахмедов Ш.А. 26, 27, 87
Бабаев Р.М. 37, 38, 158, 159, 261, 441, 443
Бабур З.М. 197
Баки Ю.Я. 218, 220
Балтабаев Б.А. 14, 74, 77
Бариев Айдер 6, 63, 126, 239, 315, 322, 402, 457, 458
Баснаев Мустафа 182, 183, 193
Бахмин Вячеслав 163, 164, 165
Бегун 164
Бекмамбетов Иззет 175
Белицер Н. 3, 11
Белов Юрий 4, 43, 190, 278, 304
Беляев Н.С. 17
Бердник О. 43
Берия Л.П. 278
Берлянд А.П. 35
Бернштам М. 43, 137
Биркин М. 17
Бахтиер 127
Бондаренко В.И. 213
Боннер Е.Г. 4, 9, 43, 45, 91, 102, 108, 114, 137, 161, 179, 279, 294, 304, 305, 318, 326, 374, 381, 399, 412, 445, 446, 452, 455, 486
Брежнев Л.И. 81, 280, 402, 410, 427
Булатов 257
Бунин М. 15
Бураходжаев Н.Б. 53
Буриходжаев Н.И. 72
Бухаров Г.Б. 13, 18, 22, 23, 77
Вабщева Г.С. 59
Ваер Мариам 97
Валиев Р. 483
Ванделас Ираида 46
Ваниев Кязим 83
Ваузэр В. 97
Вежнин А.А. 67
Великанова Татьяна 43, 121, 163, 165
Владимир 126
Владимиров Г. 114
Волошина 313
Воротилов В.И. 72
Габай Илья 32, 57, 101, 121, 144, 153, 184, 274, 486
Гадол Абдураман 298
Гадол Зайде 83, 85, 226, 278
Гадол Ильдар 82, 85, 226
Галансков Юрий 427

- Ганиев Сервер** 6, 38, 242, 243, 341
Гаспринский Исмаил 50, 171
Гафуров Э.Т. 71
Гафуров Ю.К. 78
Гинзбург А. 97, 137, 304, 327, 455
Гитлер Адольф 33, 298, 408, 427
Гладун Петро 156
Годженов Рефат 248
Головко Н.Д. 59, 214, 216, 311
Гольдштейн Г. 44
Горбачев М.С. 465, 480
Грач Е.Д. 20
Гривнина Ирина 4, 42, 165, 168, 171, 172, 182, 183, 186, 192, 305
Григоренко Андрей 5, 32, 152, 153, 205-207, 226, 275, 379, 423, 425, 429
Григоренко З.М. 206, 483
Григоренко П.Г. 9, 46, 47, 101, 103, 108, 112, 121, 133, 134, 139, 196, 206, 277, 278, 284, 285, 294, 296-298, 305, 319, 384, 407, 411, 435, 453-455, 463, 486
Гринберг И.Г. 37, 38, 43
Грошев Н.В. 23
Груздев 464
Грузин Г.Г. 125, 209, 213, 219, 220, 230, 310, 311, 329, 346, 347, 350, 351, 374, 375, 389, 391, 393, 418, 419
Гудзь В.П. 5, 7, 59, 61, 65, 66, 212, 213, 310-312, 321, 353-356, 418, 419, 458
Гукало К. 324, 451, 476
Гусельников С.А. 5, 59, 62, 68, 217, 312, 313, 335
- Давыдов** 147
Дагджи Т. 33, 34, 204, 282, 424
Дворянский В. 135, 136, 258
Девлет Надир 483
Дегтярев В. З. 66, 111
Демин 163
Денисов А.Ф. 3, 5, 63, 67-69, 111, 124, 214, 218, 221, 223, 230, 234, 235, 239, 240, 313, 321, 329, 350, 357, 358, 361, 374, 375, 385, 390, 391, 402, 417, 420, 422, 458, 464, 476
Дерев Г.Г. 5, 6, 59, 61, 67, 68, 124, 214, 215, 312, 313, 321, 334-337, 392, 414
Джалилов 386
Джексон Генри 19, 284
Джемилев Анафи 6, 7, 52, 70, 74, 126, 240, 313, 316, 322, 332, 361, 417, 458, 479
Джемилев Асан 3, 5, 18, 19, 46-52, 64-69, 71, 72, 74, 77, 78, 80-85, 88, 109, 126, 182, 183, 198-201, 213, 214, 219-225, 231, 235, 236, 259, 272, 274, 284, 288, 295, 301, 307-312, 319, 320, 339, 353, 354, 412, 414, 415, 455, 456, 467
Джемилев Нариман 74, 175
Джемилев Решат 4, 13, 14, 30, 45-47, 52, 55, 56, 71, 72, 80, 83, 90, 92, 97, 121, 132, 134, 135, 152, 157, 158, 162, 167, 172, 174, 175, 181, 183, 185, 189, 200, 203, 206, 242, 244, 274, 277, 279, 281, 300, 303, 304, 317, 326, 332, 333, 362-364, 374, 405, 406, 412, 434, 444
- Джемилева З.** 306
Джемилева Сафие 27, 316, 317
Джемилева Сафинар 7, 31, 55, 71, 75, 76, 90, 131, 171, 172, 174, 177, 180, 183-185, 188-191, 193, 198, 201, 203, 465, 486
Джемилев Хайсер 180, 183, 190, 191, 201, 469
Джемилева Эдие 17, 83, 324
Дзюба И. 179
Добровольский А.В. 5, 62, 224, 225, 314, 322, 384, 402, 404
Дубровский М.И. 89
Дубчек А. 443
Дьяченко А.П. 12, 13, 15, 17, 18, 77, 199
- Ежов** 278
Екатерина Вторая 134
Ефремов 199
- Жданова** 80
Жданович Л.С. 17
Жуков И.Е. 462, 464
Жупанова 75
- Зайде** 82
Зайцев В.К. 78
Зайцев В.П. 5, 6, 59, 61, 66, 208, 209, 212, 213, 218, 220, 222, 310, 311, 313, 321, 346-355, 418, 419, 457, 464
Заманский М.К. 462
Занченко А.И. 64, 105
Зарипова 55
Заселевич Иосиф 45, 306, 434
Зеки А. 277
Зиновьев А. 44
Зисельс Иосиф 42, 184
Зубов Н.Г. 5, 59, 61, 67, 215, 216, 312, 313, 321, 335
- Ибраимова Эльмира** 6, 26, 27, 255
Иван Семенович 131
Иванов В.Я. 146, 148
Иванов М.Г. 5, 57, 64, 96, 212, 313
Измайлова Гульнара 75, 189
Измайлов Халиль 5, 62, 126, 237, 316
Измайлов Мустафа 12, 13, 18
Ильин В.С. 278
Ильясов Дильшат 126, 391
Исхаков В. 15
- Кадыев Роллан** 32, 43, 97, 278, 328, 374, 375
Кадыров Синавер 3, 6, 21-23, 69, 85, 86, 97, 247, 256, 272, 307, 412, 456
Кадырова Макбуле 22
Калиниченко В. 43
Калистратова С.М. 114
Кандыба И.А. 30, 43
Канин И.В. 149, 187

- Каплун Ю.И. 256
 Караматов С.М. 55, 56, 79, 139
 Карашаев С.У. 60
 Кармаль Бабрак 403
 Картан Николь 4, 30, 190, 425
 Касачева Валя 84
 Керимов Исмаил 256
 Кильберг Маргарет 181 .
 Ковалев Иван 114, 171
 Ковтун 465
 Козий Р.С. 146-148
 Козьменко Н.М. 65
 Колесников М.И. 57, 64, 96, 210-212
 Колосов П.И. 79
 Конев 125, 329, 374, 375, 393
 Коновалтсин 164
 Консул Мустафа 126
 Коротова А.М. 257
 Корчуганов А.М. 35, 82, 263
 Костерин А.Е. 121, 134, 171, 185, 196, 277, 278
 Костерина Е. 5, 22, 90, 171, 197, 267
 Кочак Билял 483
 Коцур Б.Д. 213
 Красин Виктор 47
 Крикунов 187
 Кружилин Ю. 18, 19, 139, 140-145, 160, 427
 Кудусов Э. 5, 22, 25, 197, 267
 Кузьмин Д.В. 64
 Кулагина Г.Д. 5, 57, 64, 96, 211, 313, 322, 402
 Кулиш М.И. 5, 61, 66, 67, 212, 213, 221, 222, 310, 311, 313, 321, 353, 384, 401, 458, 464
 Курбанбаев Х. 13, 18
 Курбанов И. 47, 241
 Куркчи Абдулла 259,
 Куртиев Мустафа 258
 Куртнезир Закир 51, 94, 436
 Кучкаралиева Ю. 110
 Кырымлы Хакан 108, 181, 272, 294, 307, 319, 412, 453
- Лавут А.П. 43, 114, 121, 130, 160, 169, 171-173, 185-187, 196, 200, 277, 278, 299, 409
 Лазаренко А.И. 160
 Лазаренко В.М. 6, 36, 37, 40, 261, 300, 327, 374, 375, 399, 406, 410, 440-443, 454, 460
 Ланда Мальва 114
 Левитин-Краснов А. 101, 271, 298, 408, 425, 427
 Ленин В.И. 88, 97, 397
 Лепшин И.С. 19
 Литвинов Павел 101, 175, 298, 425, 427
 Понский В.П. 35, 48, 57, 59, 72
 Пяпунов М.И. 148-151
- Мамаджанов В. 462, 464
 Мамут Зекие 79
 Мамут Муса 4, 42, 47, 79, 91, 112, 121, 122, 152, 196, 201, 270, 299, 326, 374, 379, 423, 430, 448, 487
 Мамутова Усние 74
 Мангуш 306, 452
 Маннаев Георгий 79
 Маргитич Ларри 4, 30, 180, 425
 Маркман В. 4, 16, 45, 53, 131, 265, 271, 294, 306, 319, 326, 404, 412, 434
 Марков А.Б. 36, 262
 Маркс Карл 397
 Маслов Сергей Ив. 19
 Мевтоглу Мусине 25
 Меджитов Эмир 56, 279, 375
 Меметов Рустем 74
 Меметов Сейдамет 41
 Мидат 126
 Мидат-агъа 181
 Миллер А. 19, 284
 Мирохин И.В. 65
 Мирсаитов М. 79
 Митюннин В. 46, 48
 Михайлов Ю. 79, 81, 129
 Моисеев 151
 Молен Эммануэль 97
 Мороз П.И. 5, 6, 57, 61, 64, 65, 208, 209, 212, 213, 220, 295, 310, 311, 319, 321, 342-347, 350, 351, 353, 388, 414-419, 458, 464
 Москвичева Л.А. 159
 Муединов Мемет (Севдияр) 33, 228, 258, 259, 276 298, 299, 333, 334, 399, 401, 408, 427-429, 478
 Муединов Рустем 258, 259, 276, 334, 478
 Музафаров Рефик 6, 48, 248, 250, 257
 Мулладжанов К. 88, 92
 Муратов Решит 6, 34, 258, 259, 321, 333, 428
 Мурахас Нурфет 6, 12, 17, 18, 197-202, 264-266, 269, 281, 292, 431
 Муслангер В.Ч. 59, 393
 Муслитдинов Р.А. 78
 Мустафаев Абдулжемилъ 96, 109, 111, 122, 230, 231, 241, 294, 314, 319, 350, 415, 420, 478, 483
 Мустафаев Гани 6, 38, 242, 243, 246, 247, 283, 293, 302, 318, 321, 338-342, 364, 438-440, 455, 466
 Мустафаев К.М. 12
 Мустафаев Эннан 258
 Мусьякаева З. 14
 Мясоедова Т.И. 147
- Нагаев Сафтер 48
 Нагрецкайте Эйта 44
 Назаров С.Х. 70, 241
 Нансен Фритъоф 9, 490
 Насруллаев Рустем 174, 179
 Наумов В. 15, 23
 Непомнящий Д.С. 20
 Николаев 20
 Никсон Ричард 486
 Нудель Ида 167, 169
- Мустафаева Махфуре 241
 Чадурик В.Н. 64
 Чайский Л. 127
 Чаликов И.Ф. 174, 187
 Чалявина А.В. 67
 Мальцев В. 43

- Озенбашлы Амет** 171
Олворт Эдвард 8, 482
Орлов Юрий 9, 281, 282, 297, 299, 304, 407, 409, 454, 455
Осипова Т.С. 41, 47, 184, 263, 279, 299, 303, 304, 409, 455
Османов Айдер 51, 436
Османов Смаил 126
Османов Юрий 195, 198-202, 431
- Папа Римский** 284
Пастернак Н.А. 88, 92
Пеньчук А.А. 66
Петров 57, 141
Петросян Г. 323, 324, 451, 458, 461, 474
Пиначет Аугусто 210, 408
Пинхасов Б. 17
Писаренко 57
Пихтерев Ю.В. 57, 59, 208, 212, 218, 354
Плющенко В.Д. 64
Подгорный В. 46
Поднякова Т.И. 462, 464
Подрабинек Александр 4, 6, 17, 30, 32, 35, 36, 40, 42, 47, 54, 56, 176, 182, 185, 191, 263, 264, 272, 282, 283, 285, 293, 299-303, 318, 327, 398, 402, 405, 409, 410, 440-442, 454, 455, 457
Подрабинек Алла 4, 30, 34, 42, 176, 177, 179, 184, 185, 191
Подрабиник Марк (Марк А.П.) 162
Потельникова З.И. 68
Прокопьев В. Н. 263
Прокопьева А.Е. 171
- Рамазанов Абляким** 63, 126
Рамичев А.П. 74
Расулов А.С. 7, 54, 55, 287, 370-373, 413, 415, 457
Рахимхан Муххамед 190
Рекунков 35
Рождествов В.П. 36-38, 261, 262, 283, 293, 300, 301, 318, 327, 398, 440-443
Романова А. 114
Романюк 164
Роше Жан 191
Руденко Раиса 184
Руднева В.З. 5, 57, 64, 210, 211, 312
Ручьева Галина 25, 254
Рэдигэт Анна-Мария 191
Рэдигэт Жерар 191
- Савчук** 335
Сайдамагов М.С. 69
Салахов Э.С. 49, 249, 257
Сапелик 164,
Сарымсаков Б.И. 7, 52, 327, 365-367, 412, 437, 456, 460, 476
Сафир Зора 46
Сахаров А.Д. 4, 9, 19, 25, 26, 39, 44-46, 48, 53, 196, 206, 226, 272, 273, 277-279, 284, 293, 294, 299, 302-305, 309, 318, 326, 329, 374, 375, 378, 381, 399, 402, 403, 409, 410, 412, 443, 445, 446, 452, 454, 455, 457, 471, 472, 480, 486, 487
- Сахиб-Гирей** 190
Свалов А.М. 47, 140
Сейтавапов Эбазер 6, 14, 17, 49, 203, 247, 248, 288, 309, 321, 400, 413, 431, 457
Сейтавапова Зарема 6, 50
Сейтвелиев Риза 5, 7, 62, 225, 231, 234, 314, 315, 322, 332, 356-360, 417, 457, 458
Сейтвелиева Диляра 184, 228, 231, 465
Сейтипиева А.К. 78
Сейтмуратова Айше 39, 44, 46, 48, 181, 185, 189, 226, 274, 278, 282, 294, 298, 308, 319, 384, 484
Сейтов Р. 32, 328, 374, 411, 435, 453, 463
Сейдалиев Осман 63
Сейдалиев Февзи 196
Сейдаметов Э.С. 12
Серван Мари 191
Серван Франсуа 191
Седикалиев 127
Сеутов Сервер 6, 7, 25, 26, 52, 253, 288, 301, 327, 362, 364, 365, 368-370, 373-375, 398, 443, 460
Сеутова Сабрие 6, 7, 25, 26, 253, 254, 325, 329, 374-376, 456, 469, 480
- Симонов В.М.** 23
Синько Б.В. 66
Сиодик В. Г. 20
Сквирский 164
Скрекотень В.И. 55, 146, 148
Слепак 164
Смаилов Осман 48
Смирнова Н. 39
Смирнов-Костерин А. 4, 42, 169, 171, 172, 184, 199, 304
- Собиров Р.** 190
Сокульский И. 156
Солженицын А.И. 47, 82, 163
Спалин А. 19
Сталин И. 102, 118, 120, 195, 308, 397, 401, 432, 457, 487
Стенстрём Ханна 467
Струве Н.А. 5, 21, 27, 91, 194, 268, 269, 289, 301, 411
Суперфин Г.Г. 82, 164
- Твардовский А.Т.** 26
Тейфук Абдулла 84
Терновский Л. 114
Тимченко Т.И. 146-148
Толай Мухаммед 25
Толстой А. 24
Томаков Амет-Мустафа 6, 70, 214, 316, 322, 384, 387, 401, 457, 458, 464
Томпсон Р. 4, 174, 425
Туғизбаев А. 74
Тызыков Леннар 485

- Умаров 127
 Умарова 7, 324, 406, 447, 451, 474
 Умеров Риза 82
 Урунов М.У. 71
 Усеинов Февзи 5, 62, 126, 231, 316
 Усеинова Фериде 13, 60
 Усеинова Шеха 59
- Фазылов Ф.К. 52, 53, 57, 71, 104
 Файзиев С.Х. 6, 23, 256
 Фишер Алан 42, 184, 200, 305
 Фомичева Л. 14
 Французов Виктор 384, 411
 Фридман 90
 Фурлет Софья 19
- Хазраткулов 57
 Хаирова Васфие 206, 465
 Хаиров Изет 12, 18, 199, 328
 Хакулов И.Ч. 7, 51, 52, 95, 325, 367, 368, 413, 437, 456, 460, 476
 Халилов Мустафа (Мустафа-ага) 74, 465, 469
 Халилов Х. 324, 325
 Хамдамов М.М. 18, 85
 Хегай В. 110
 Хидоятов 353, 451
 Холматов В. 128
 Хромова Т. М. 22
 Хрущев Н.С. 46, 102, 118, 120, 308, 426, 432, 457
 Худайбердыев Р. 14, 15, 74, 266
 Хуссейнов И. 35
- Цвелин Н.И. 68
- Чайлак Рефат 5, 62, 220, 232, 236, 316, 328, 345, 376, 378, 388
 Чаушев Усеин 63, 126, 237
 Червонная С.М. 7, 471
 Черкез-Али 25, 204
 Черненко О.А. 151
 Черновил В.М. 4, 17, 152, 153, 163, 164, 167
 Черткова А.В. 283, 300
 Чобанов Мамеди 121, 181, 183
 Чобароглу Ибраим 25
 Чук Ольга 46
- Шабанов Эльдар 43, 69, 126, 203, 229, 328, 374, 386
 Шайдулин Ф.Т. 7, 15, 375, 376, 456
 Шальман Е.С. 141, 160
 Шаман Д.Р. 5, 62, 224, 314
 Шамилев Решат 56
 Шейнфельд Р.А. 7, 53, 104, 328, 373, 378-384, 404, 407, 408, 425, 444, 446, 457, 460, 476
 Шелков В. 19, 20, 44, 167, 199, 284, 309, 403, 413, 457
 Шелкова Г. 20
 Шемьи-заде Эшреф 56
 Шрагин Б. 101, 425
 Шифтер Р. 480
 Ширококов В.С. 55, 149-151
 Шмидт Х. 19, 284
 Шифтер Ричард 480
 Шнурик А.Д. 74, 77
 Шрагин Б. 298
 Штейн Е. 271
 Шустер А. 4-6, 22, 25, 30, 32, 35, 52, 58, 107, 171, 179, 185, 188, 193, 198, 259, 268, 270, 275, 280, 285, 293, 296, 299, 318, 327, 374, 410, 411, 451, 462
- Щаранский Анатолий 44
- Эльперин Г. 57, 110
 Эльчин Шюкрю 3, 4, 14, 18, 23, 24, 50-52, 93-95, 115, 307, 328, 436, 476
 Эмиров Айдер 126
 Энгельс Фридрих 397
 Эпштейн Я.С. 24, 227
- Юртер Фикрет 32-34, 47, 53, 82-85, 90, 101, 180, 207, 226, 261, 271, 275-278, 280, 296-299, 379, 399, 407, 424, 430
- Якубов Р. 85
 Ялала Аббас 25
 Ярослав Мудрый 483

Массово-политическое издание

**Шестой процесс
Мустафы Джемилева**

***Материалы следствия и запись судебного процесса.
1983—1984 гг. Ташкент***

Директор издательства *Г. Муртазаева*
Гл. редактор *И. Чегертма*
Редактор *Э. Чубаров*
Тех. редактор *М. Курбидинова*
Худ. редактор *З. Акимова*
Корректор *А. Сейфуллаева*
Оператор *Л. Фазылов*

Подписано в печать 15.10.2001 г. Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 31,0 п.л. Уч.-изд.л.40,2. Усл.печ.л.39,99. Тираж 10 000 экз. Заказ № 203.

Книга сверстана в издательстве Крымучпедгиз
95000, г. Симферополь,
ул. Горького, 5.

*Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи ЖК № 508 від 26.06.2001 р.*

Отпечатанна в типографії издательства "Таврида"
95700, г. Симферополь,
ул. Г. Васильева, 44.